

Габелко О. Л.

*studia
classica*

О. Л. Габелко

ИСТОРИЯ
ВИФИНСКОГО
ЦАРСТВА

Габелко О. А.

*Отечественные
исследования
по античной
и средневековой
истории*

О. Л. Габелко

ИСТОРИЯ ВИФИНСКОГО ЦАРСТВА

Санкт-Петербург
2005

УДК 94(39)
ББК 63.3(0)32
Г12

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА
«КУЛЬТУРА РОССИИ»
(Подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

*Издание осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса, Россия)*

Научный редактор
доктор исторических наук профессор Э. Д. Фролов

Рецензент
доктор исторических наук С. Ю. Сапрыкин

Габелко О. Л.

Г12 История Вифинского царства. — СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005. — 576 с. ; ил. — (Серия «Studia classica»).
ISBN 5-93762-022-4

Монография О. Л. Габелко является первым в современной историографии основательным исследованием, посвященным истории Вифинского царства. Вифиния — сравнительно небольшое государство, располагавшееся на северо-западе Малой Азии, — хотя никогда и не выходила на ведущие позиции в политике и экономике эллинистического мира, тем не менее оставила весьма заметный след в его истории, явив собой яркий пример динамичного развития эллинистического государства, в котором наряду с греко-македонскими элементами существенную роль играли также местные азиатские начала. В книге на основе обширного корпуса источников — произведений античных писателей, надписей, монет, археологических и лингвистических данных — воссоздаются богатая политическая история Вифинии, военная и дипломатическая деятельность вифинских царей, их контакты с независимыми греческими полисами, другими эллинистическими государствами и Римом. Автор анализируются этническая история страны, взаимоотношения местного фрако-анатолийского населения с греками, специфика положения эллинских полисов в составе Вифинской монархии.

Издание предназначено как специалистам-антиковедам, так и всем, интересующимся античной историей и культурой.

ISBN 5-93762-022-4

© О. Л. Габелко, 2005

© Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2005

*Посвящается светлой памяти
Юрия Германовича Виноградова*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эллинистическая эпоха ознаменовалась кардинальными переменами во всех областях жизни греческого мира, в том числе и в его политической системе. Греки и македоняне, ведомые Александром Великим, открыли для себя новый, дотоле почти неведомый им мир, и покорили его, как нам сейчас кажется, неожиданно легко. На вновь освоенных эллинами необозримых просторах ойкумены возникли могучие царства, возглавляемые македонскими династиями. Правители этих новых государств непрестанно стремились к новым и новым завоеваниям, осваивали неизвестные ранее торговые пути, строили города, называя их в свою честь или по именам своих близких, возводили пышные дворцы и храмы, принимали громкие тронные имена — «Бог», «Великий», «Спаситель». Эллинистический период и в обыденном, и в профессиональном историческом сознании чаще всего отождествляется с чем-то величественным, грандиозным — достаточно вспомнить, например, Александрийский маяк или Пергамский алтарь.

Однако наряду с великими эллинистическими державами в IV—III вв.¹ на территории Переднего Востока и, прежде всего, в Малой Азии возникают и укрепляются небольшие монархии, которые, будучи во многом схожи с такими «классическими» эллинистическими государствами, как царства Антигонидов, Селевкидов и Птолемеев, никогда не достигали таких же размеров и значения. В некоторых из этих монархий власть принадлежала представителям местной азиатской знати, лишь отчасти подверженной влиянию греческой культуры и македонской политической традиции, что, очевидно, предопределяло особый характер взаимоотношений между греко-македонским и местным населением в этих странах. Как таким государствам удавалось сохранять независимость от более сильных соседей? Каким образом они строили отношения между собой и с греческим

¹ Здесь и далее все даты, за исключением оговоренных специально, — до нашей эры.

миром? В чем заключалось своеобразие их историко-культурного облика? Позволительно ли говорить о том, что «малые монархии» в какой-то степени представляют собой особый вариант развития эллинистической цивилизации? Ответы на многие из этих вопросов может дать обращение к истории Вифинского царства.

В отличие от других малоазийских эллинистических монархий, говоря уже о великих державах того времени, Вифиния совсем не часто привлекала внимание исследователей. Действительно, даже в сравнении с некоторыми другими малыми царствами она на первый взгляд может показаться предметом, не заслуживающим серьезного изучения. В самом деле, вифинским правителям никогда не удавалось достичь столь впечатляющего усиления своего государства, какого достигло Понтийское царство при Митридате VI Евпаторе. Здесь не было создано таких выдающихся памятников архитектуры и скульптуры, как, например, в соседнем Пергамском царстве или даже в более периферийной Коммагене; не столь значительным выглядит и вклад Вифинии в сокровищницу эллинистической культуры в целом. Нередко кажется, что история этого небольшого государства теряется в общеэллинистической перспективе.

Однако более внимательное рассмотрение истории Вифинского царства заставляет признать ее заслуживающей самого тщательного изучения. Недостаток информации о Вифинии не может быть объяснен ее незначительностью, вопрос здесь, главным образом, в самом характере доступной нам базы источников и в особенностях развития мировой историографии эллинизма, о чем будет сказано далее; сама же история этого государства достаточно богата и интересна для того, чтобы стать предметом самостоятельного исследования. И дело здесь не только в том, что на протяжении всего периода своего независимого существования (а эту независимость вифинцам удалось отстоять даже от полководцев Александра Македонского) Вифинское царство, никогда не достигавшее статуса великой державы, играло заметную роль в региональной, а в отдельные моменты и мировой истории того времени — достаточно вспомнить, например, организацию вифинскими царями переправы и расселения галатов в Малой Азии или их роль в Митридатых войнах. Принципиально важным представляется то обстоятельство, что эллинистическая Вифиния является собой весьма многообещающий предмет для создания комплексной работы, охватывающей все стороны исторического развития страны — от исторической географии до некоторых аспектов религии и культуры. Именно такая попытка и предпринята в предлагаемой вниманию читателя монографии.

Эта работа является результатом многолетнего, начатого еще на студенческой скамье труда, который едва ли мог быть выполнен без неоценимой помощи учителей, коллег, друзей и близких. Моя приятная обязанность — поблагодарить всех тех, кто так или иначе оказался причастен к написанию и изданию этой книги.

Прежде всего, это коллеги, в соавторстве с которыми были обсуждены и написаны два параграфа монографии, — А. С. Балахванцев и А. А. Немировский. Должен подчеркнуть, что именно им принадлежит приоритет в выдвижении оригинальных идей о новой трактовке «письма неизвестного царя» из архива косского храма Асклепия и о последовательности фракийских миграций в Азию соответственно, которые, на мой взгляд, очень органично влились в общую концепцию книги.

Кажется весьма символичным, что эта работа была начата и после довольно длительного перерыва завершена на кафедре истории древнего мира и средних веков исторического факультета Казанского государственного университета. Именно здесь в 1993 г. мною была защищена дипломная работа «Взаимоотношения Вифинского царства с независимыми греческими полисами (IV—I вв. до н. э.)» (моим научным руководителем был профессор В. Д. Жигунин). Потому мне особенно приятно поблагодарить моих коллег по работе в Казани, неизменно оказывавших мне всяческую поддержку: Н. С. Алмазову, Н. Ю. Бикееву, В. А. Казакову, А. П. Каплуновского, А. Б. Максимова, Л. Ф. Недашковского, Э. В. Рунга, М. Ш. Садыкова, Е. А. Чиглинцева.

Выражаю самую глубокую признательность сотрудникам Института всеобщей истории РАН, где мною в 1998 г. под руководством д. и. н. С. Ю. Сапрыкина была защищена кандидатская диссертация «Вифинское царство в системе эллинистических государств»: М. Ф. Высокому, С. Г. Карпюку, Л. П. Маринович, А. А. Молчанову, И. Е. Сурикову, Г. А. Тароняну, В. П. Яйленко. Огромную ценность имела для меня помощь других московских исследователей — К. Л. Гуленкова, П. А. Евдокимова, А. А. Завойкина, А. В. Короленкова, И. А. Ладынина, а также коллег из других городов России: В. П. Никонорова и М. М. Холода (Санкт-Петербург), Е. В. Смыкова (Саратов), Ю. Н. Кузьмина (Самара) и многих других.

Моя самая глубокая благодарность — профессору Экарту Ольсхаузену (Штутгарт), президенту Общества по изучению исторической географии древнего мира (Ernst-Kirsten-Gesellschaft). Именно он во многом содействовал тому, что в 2001 г. мне удалось посетить

Турцию и увидеть землю древней Вифинии, почувствовать и понять ее неповторимый колорит. В ходе этой поездки я также получил возможность интенсивно собирать необходимый для написания книги материал в библиотеке Немецкого археологического института в Стамбуле, руководству которого я чрезвычайно признателен.

Не могу не упомянуть профессора Андреаса Меля (Галле), благодаря любезности которого я в 2003 г. получил возможность стажировки в университете г. Галле, где мне были созданы прекрасные условия для работы над монографией. Некоторые положения работы были обсуждены тогда же с коллегами М. Герхардтом, У. Шарре-ром, Э. Штарком, которым я многим обязан.

Многие зарубежные исследователи в течение длительного времени оказывали мне помощь в сборе необходимых источников и историографического материала, недоступных в России, а также бескорыстно консультировали по целому ряду оставшихся для меня неясными вопросов. Среди них я должен отметить, прежде всего, профессоров Хайнца Хайнена (Трир), Томаса Корстена (Гейдельберг), Луиса Баллестерос Пастора (Севилья) и Майю Василеву (София).

С особым чувством я должен вспомнить тех замечательных людей и ученых, кого, к глубокому сожалению, уже нет с нами, но вклад которых в создание книги для меня поистине неоценим. Это — Аркадий Семенович Шофман, Елена Сергеевна Голубцова, Владимир Данилович Жигунин и в особенности Юрий Германович Виноградов. Именно Юрий Германович был первым оппонентом моей кандидатской диссертации, принимал живейшее участие в обсуждении всех вопросов, возникавших в ходе работы над монографией, и со свойственной ему щедростью души подарил мне немало идей, в той или иной степени нашедших свое отражение в моей работе. Хочется думать, что он был бы искренне рад выходу книги в свет...

Наконец, я от души благодарю всех моих родных и близких, с пониманием и терпимостью относившихся к тому, что работа над книгой потребовала столько времени, внимания и сил, которые я мог бы уделить им.

ВВЕДЕНИЕ

Эллинистический мир в работах большинства современных антиковедов оценивается как некая целостность, состоящая из весьма разнообразных во многих отношениях элементов. К числу последних, вероятно, должно быть отнесено и Вифинское царство. В чем же заключается историческая специфика этого государства?

Исходя из предельно общих соображений, можно предположить, что историческое своеобразие Вифинии во многом объясняется занимаемым ею положением в крайнем северо-западном углу Малой Азии; при этом она, в отличие от соседних областей Анатолии, в этническом, географическом и культурном отношении была достаточно прочно связана с Европой¹ (хотя следует отметить, что эти очевидные, казалось бы, факты требуют основательной проверки данными источников). Эта страна входила в географическую зону, где на протяжении многих веков осуществлялось взаимодействие между греческим и варварским мирами, но тем не менее в течение длительного времени она не проявляла особой восприимчивости к внешним политическим и культурным воздействиям и лишь с началом эпохи эллинизма совершила быстрый «прорыв» к достижению прочной политической консолидации и построению собственной государственности. Вся история Вифинии в IV—I вв. представляет собой яркий пример динамичного политического, экономического и культурного развития малой эллинистической монархии, сохраняющей свою самобытность во всех сферах жизни и вместе с тем чутко реагирующей на «вызовы» эпохи. Эти обстоятельства заставляют обратиться к детальному изучению истории Вифинского царства с тем, чтобы проследить, как общие для всего Восточного Средиземноморья процессы политического, хозяйственного, культурного развития в период эллинизма проявлялись в одной из его областей.

¹ SEHW. Vol. I. P. 572.

Характер имеющегося в распоряжении исследователя фактического материала вносит определенные коррективы в подход к истории Вифинии как составной части эллинистического мира. Из-за недостатка данных источников мы не можем сколько-нибудь надежно определить место Вифинии в экономической системе эллинистических государств² или, к примеру, прийти к более или менее завершённому мнению относительно социальной структуры Вифинского царства и ее сходства и различий с общественным устройством других эллинистических монархий. Некоторые шаги, безусловно, могут быть предприняты и в этих направлениях, но при теперешнем состоянии базы источников они едва ли могут означать что-либо более весомое, чем гипотетические предположения. Создание «комплексной» истории Вифинского царства, охватывающей все стороны прошлого страны в античную эпоху, может быть достигнуто при ведении исследования по ряду наиболее перспективных направлений.

Первое из них связано с определением общего и особенного в становлении Вифинии как эллинистической монархии. Являясь одним из неотъемлемых элементов эллинистического мира, Вифиния отнюдь не утратила своей специфики, ставшей результатом как ее прежнего исторического развития, так и тех конкретных условий, в которых это государство оказалось в конце IV — начале III в. Для выявления этих особенностей Вифинии необходимо обратиться к ее истории в VI—IV вв. Хотя такой экскурс и выходит за хронологические рамки, подразумеваемые в названии данной работы, его необходимость выглядит вполне очевидной. Помимо того, что многие важные эпизоды политической истории Вифинского царства (например, его взаимоотношения с Византием и Гераклеей Понтийской) берут начало в доэллинистическом периоде, без выяснения особенностей развития вифинского общества в классическую эпоху едва ли возможно понять тот путь, по которому Вифиния пошла с началом эллинистического периода. Кроме того, этот период истории страны практически вообще не изучен в современной науке.

Помимо этого, определение особенностей формирования в Вифинии эллинистического государства подразумевает сравнение это-

² См. мнение, высказанное по этому поводу М. И. Ростовцевым: *Ibid.* Почти полное отсутствие данных по экономике эллинистической Вифинии ярко контрастирует с большим количеством разнообразных материалов, наглядно иллюстрирующих бурное развитие страны в римское время.

го процесса с аналогичными событиями в истории соседних с ней малоазийских царств — Понта, Каппадокии и Пергама, а также европейской Фракии³. Проблема складывания эллинистической монархии на местной основе, в условиях отсутствия греко-македонского завоевания и ограниченного воздействия эллинских начал на восточный субстрат еще не подвергалась в антиковедении целенаправленной разработке⁴. В рамках данной работы представ-

³ См., в частности, новую работу: Сапрыкин С. Ю. Фракия как эллинистическое государство // Мл҃ца. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина. Казань, 2002. С. 247–263.

⁴ О неопределенности взглядов исследователей на этот вопрос свидетельствует, например, то обстоятельство, что в историографии до сих пор сосуществуют два вида определений, относящихся к Вифинии и соседним с ней малоазийским монархиям. В первом из них подчеркивается «варварский» (или «полуварварский») характер этих стран и придается особое значение сохранению здесь власти местных династий (Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Т. I. СПб., 1994. С. 40; Jones A. H. M. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940. P. 21; SEHAW. Vol. I. P. 552; McShane R. B. The Foreign Policy of the Attalids of Pergamum. Urbana, 1964. P. 59, 96; Klose P. Die völkerrechtliche Ordnung der hellenistische Staatenswelt in der Zeit von 280–168 v. Chr.: Ein Beitrag zur Geschichte des völkerrechts. München, 1972. S. 2; Kreißig H. Geschichte des Hellenismus. Westberlin, 1984. S. 177; Левек П. Эллинистический мир. М., 1989. С. 316 и многие другие работы). Другие характеристики, напротив, подчеркивают близость (если не полную тождественность) Вифинии великим эллинистическим государствам в основных чертах политического, социального, экономического развития (Vitucci G. Il regno di Bitinia. Roma, 1953. P. 127; Зельин К. К. Основные черты эллинизма // ВДИ. 1953. № 4. С. 153; Eddy S. The King is Dead. Lincoln, 1976. P. 165; Walbank F. W. The Hellenistic World. London, 1981. P. 75; Heinen H. The Syrian-Egyptian Wars and the New Kingdoms of Asia Minor // САН². Vol. VII. Part 1. 1984. P. 422). Очевидно, что на этом «черно-белом» фоне даже проигрывают те исследования, преимущественно общего характера, в которых своеобразие Вифинии и других эллинистических царств Анатолии вообще никак не оговаривается (а таковых на сегодняшний день большинство; нет необходимости их здесь перечислять). Наиболее перспективным выглядит путь, избранный американским антиковедом Р. А. Биллоузом (Billows R. A. Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York; Köln, 1995; см. также содержательную рецензию Г. А. Кошеленко на эту работу — ПИФК.

ляется вполне уместным привести видение своеобразия Вифинского царства в соответствие с наиболее авторитетными концепциями эллинизма, принятыми в современной науке⁵.

Рассмотрение истории того или иного античного государства немислимо без изучения его географии. Малая Азия представляет в этом отношении совершенно особый феномен⁶, и Вифиния как ее составная часть вовсе не является исключением. Более того, эта страна обладала целым набором поистине уникальных геополити-

Вып. 7. 1999. С. 344–352) и немецким историком Й. Кобесом (*Kobes J.* «Kleine Könige». Untersuchungen zu den Lokaldynasten im hellenistischen Kleinasien (323–188 v. Chr). St. Katharinen, 1996), хотя их подходы также не являются безупречными.

⁵ Я в основном исхожу из понимания эллинизма, сформулированного К. К. Зельным (*Зельин К. К.* Основные черты эллинизма. С. 145–156) и довольно прочно утвердившегося в отечественной науке. На мой взгляд, оно продолжает сохранять свою актуальность даже в свете последующих теоретических новаций. См.: *Ейне А.* Некоторые проблемы истории эллинизма // ВИ. 1976. № 4. С. 72–89; *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 23–79; *Лордкипанидзе О. Д.* «Эллинизм». «эллинистический мир», «эллинистическая культура»: трудности дефиниций // ПЭЭ. Тбилиси, 1985. С. 8–27; *Эллинизм: экономика, политика, культура.* М., 1990; *Эллинизм: восток и запад.* М., 1992. Особо см. новую работу: *Ладыкин И. А.* Основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. СПб., 2004. С. 145–184, особ. с. 145–152, 169–173. Из концепций западных антиковедов наиболее привлекательными кажутся подходы Ф. Уолбэнка: *Walbank F. W.* The Hellenistic World; *Idem.* The Hellenistic World: New Trends and Directions // SCI. Vol. XI. 1991–1992. P. 90–113.

⁶ Об этом замечательно сказал выдающийся исследователь древней истории Малой Азии В. М. Рамсэй: «Если рассматривать географию как исследование влияния, которое физические особенности и положение страны оказывают на жизнь населяющих ее людей, то не существует региона, в котором география могла бы изучаться лучше, чем в Малой Азии. Характерные черты этой страны выражены очень отчетливо; ее расположение своеобразно и уникально; ее история может быть прослежена на протяжении многих столетий, и в ее бесконечном разнообразии существует ярко выраженное единство с определенными четкими принципами эволюции, состоящими в очевидной связи с географическим окружением» (цит. по: *Mitchell S.* Anatolia. Land, Men and Gods in Asia Minor. Vol. I: The Celts in Anatolia and the Impact of Roman Rule. Oxford, 1993. P. 7. Note 12).

ческих характеристик, главными из которых являются ее рубежное положение между Средиземным и Черным морями, Европой и Азией, а также доступ к Боспору Фракийскому. Потому историческая география Вифинии — выявление связи природных и социально-политических факторов в истории страны, определение границ государства и динамики их изменения, локализация ее населенных пунктов — представляет собой весьма перспективный предмет исследования. Естественно, эти задачи должны решаться в тесной связи с изучением народонаселения Вифинии, его этнического состава, миграционных процессов. Обращение к этой проблематике требует анализа материала, относящегося к еще более отдаленным эпохам — концу II — началу I тыс.

Следующее — и, пожалуй, основное — направление работы связано с изучением политической истории и внешней политики Вифинского царства. Здесь мы имеем дело со значительным пластом информации, проливающим свет на историческое развитие Вифинии и на ее отношения с другими государствами. За два с половиной века своего независимого существования (если считать от прихода к власти Зипойта I в 328/7 г. и до завещания царства Риму Никомедом IV в 74 г.) Вифиния неоднократно участвовала в самых различных войнах и конфликтах, активно боролась с соседями за захват новых территорий и богатств, за утверждение своего политического влияния и престижа. Немало страниц было вписано в историю внешней политики Вифинии не только чисто военными, но и дипломатическими средствами, ведением продуманной брачно-династической политики и пропаганды. Не удивительно, что именно эта область вифинской истории лучше всего документирована и соответственно наиболее полно изучена. Однако ее исследование тоже может дать немало новых фактов.

Прежде всего, в силу ряда обстоятельств, о которых подробнее будет сказано в историографическом очерке, политическая история Вифинии совсем не часто становилась центральным объектом научных исследований. Многие из ее проблем, в том числе важных и даже ключевых, так или иначе рассматривались антиковедами, но чаще всего либо в работах общего характера, либо в исследованиях, посвященных другим эллинистическим государствам, что в любом случае оставляло Вифинию на периферии антиковедческих исследований. Ряд принципиально важных событий вифинской истории до сих пор оставался вне поля зрения историков или не подвергался достаточно глубокому анализу. По этим причинам в

науке до сих пор не определены общие подходы к внешней политике вифинских царей, не предпринимались попытки проследить ее эволюцию, охарактеризовать средства и методы ее проведения.

Помимо того, оправданным выглядит вести изучение политической истории Вифинии не в чисто эмпирическом ключе, но подвести под него определенную основу, рассматривая положение Вифинского царства в системе межгосударственных связей эллинистического мира с позиций теории международных отношений. Ранее уже предпринимались некоторые попытки в этом направлении⁷, наметившие отдельные перспективы подобного подхода. Введение в изучение политической истории и внешней политики эллинистической Вифинии теоретического элемента (в частности, отдельных положений системного анализа применительно к сфере международных отношений⁸) отнюдь не является самоцелью; оно должно послужить лучшему пониманию логики развития внешнеполитической активности вифинских царей, помочь четче определить ее главные направления и объяснить постоянно происходившую в ней смену приоритетов.

Ключевым понятием, через призму которого будет вестись анализ роли Вифинии в системе межгосударственных связей Восточного Средиземноморья, является проблема равновесия сил. Она давно и плодотворно разрабатывалась как в теории⁹, так и на конкретном материале античной и в особенности эллинистической истории¹⁰ — главным образом при определении основополагающих

⁷ Габелко О. Л. Внешняя политика Вифинского царства (Теория и методы изучения) // *Методология и методика изучения античного мира. Доклады конференции.* М., 1994. С. 54–61; *Он же.* Международные отношения в эллинистической Малой Азии как предмет системного анализа // *Новые подходы в отечественной и всеобщей истории. Материалы конференции молодых ученых-историков Татарстана.* Казань, 1996. С. 46.

⁸ Особенно полезными оказываются здесь разработки американских политологов: *Wright Q. A Study of War. Vol. I–II.* Chicago, 1942; *Sullivan M. P. International Relations.* Englewood Cliffs, 1976.

⁹ Так, К. Райт убедительно определил условия функционирования баланса сил (*Wright Q. A Study of War. Vol. I. P. 130*) и причины, приводящие к его нарушению (*Ibid. Vol. II. P. 762–764*). Они могут быть наглядно проиллюстрированы примерами из политической истории эллинистического мира и Вифинии в том числе.

¹⁰ См., например: *Treves P. Balance of Power Politics in Classical Antiquity* // *Доклады XIII Международного конгресса исторических наук.*

принципов взаимоотношений эллинистических держав между собой и с Римом. Исходя из предмета данного исследования, кажется наиболее оправданным выяснить значение Вифинии для поддержания силового равновесия в эллинистическом мире на самых разных уровнях — будь то относительно небольшой регион северо-западной Малой Азии, Анатолийский полуостров в целом или все Восточное Средиземноморье (вначале — как сфера внешнеполитической активности только эллинистических государств, затем — с учетом вовлечения в сложившуюся ранее систему силового равновесия Рима). Очевидно, углубленное рассмотрение особенностей внешнеполитической деятельности вифинских царей может позволить экстраполировать некоторые из полученных выводов на политическую историю других, типологически близких с ней эллинистических государств — величин «второго порядка» на международной арене эллинистического мира¹¹.

Иные стороны истории Вифинского царства меньше обеспечены данными источников, но это отнюдь не означает, что ими можно пренебречь. Так, самого пристального внимания заслуживает изучение взаимоотношений центральной власти с полисным само-

Секция древней истории. М., 1973. Исчерпывающий по полноте обзор существующих мнений см. в монографии: *Каццев В. И.* Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н. э. М., 1993. С. 24–35. Предпринятая недавно попытка оспорить значение этой политико-правовой категории для эпохи эллинизма (*Беликов А. П.* Рим и эллинизм. Проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 1993. С. 383–384) кажется недостаточно аргументированной.

¹¹ Проблема «ранжирования» субъектов межгосударственных отношений эллинистической эпохи и определения особенностей, присущих политике каждого из них, также разработана в историографии еще недостаточно. См., например: *Klose P.* Die völkerrechtliche Ordnung... S. 26. Показательный пример неопределенности взглядов на этот вопрос можно найти в новейшем учебном пособии (*История Древней Греции / Под ред. В. И. Кузищина.* М., 2001. С. 296), где к великим эллинистическим державам достаточно неожиданно причисляется Пергамское царство. Автор предлагаемой вниманию читателя монографии обозначил предварительные подходы к этой проблеме в специальном учебном курсе: *Габелко О. А.* Особенности историко-культурного развития малых эллинистических монархий. Программа спецкурса // Проблемы истории и историографии докапиталистических обществ. Специальные курсы кафедры истории древнего мира и средних веков: программы, методические указания и литература. Казань, 2003. С. 29–38.

управлением в рамках этого государства. Данный вопрос, кардинально важный для всех эллинистических монархий, проявлялся в различных регионах ойкумены во множестве вариаций, появление которых обусловлено сложным комплексом социальных, политических, этнических факторов. Рассмотрение их взаимодействия на территории Вифинии важно не только само по себе, но и постольку, поскольку оно иллюстрирует еще один локальный вариант греко-туземного синтеза в пределах эллинистической ойкумены. Ведь не подлежит сомнению, что как сам институт монархии в Вифинии был весьма специфическим явлением, так и исторические судьбы полисов северо-западной Малой Азии представляют собой особый феномен.

До сих пор малоисследованный, но весьма интересный предмет изучения представляет собой культура Вифинии. Вифинское царство было страной с полиэтничным населением, каждая группа которого — не только эллины и собственно фракоязычные вифинцы, но и фригийцы, мизийцы, галаты — сохраняла исконные обычаи, веру в своих богов и традиционный жизненный уклад. Вместе с тем, поскольку все эти народы не жили изолированно друг от друга, культура Вифинии с течением времени принимала все более ярко выраженный синкретический характер (что вообще характерно для Малой Азии) с преобладающим эллинским (в некоторой степени дополненным впоследствии и римским) влиянием. Проследить хотя бы в основных чертах ход этого процесса, пожалуй, возможно только с привлечением значительно более обильного, в сравнении с эллинистическим, материала римского времени¹². Обобщение сведений о развитии науки и искусства в Вифинском царстве позволит судить, насколько его приобщение к эллинской культуре следовало в русле процессов, типичных для всего эллинистического мира и в какой мере отвечало потребностям своего времени филэллинская политика вифинских царей — основное средство приобщения населения страны (прежде всего, конечно, его верхов) к ведущим культурным достижениям эпохи. К сожалению, материал по культуре и религии эллинистической Вифинии весьма немногочислен и отрывочен, и потому он будет «рассеян» по различным разделам монографии.

¹² Здесь, однако, следует соблюдать известную осторожность, избегая «растворения» малочисленных свидетельств, восходящих к IV—I вв., в массиве более поздних данных.

Таким образом, основная цель исследования сводится к тому, чтобы рассмотреть историю Вифинского царства в IV—I вв. как составной части эллинистического мира. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи:

- 1) остановиться на главных проблемах исторической географии Вифинии;
- 2) осветить этническую историю страны, уделив первоочередное внимание времени и обстоятельствам переселения на ее территорию фракоязычных племен вифинов и финов и их взаимоотношениям с другими народностями северо-западной Малой Азии;
- 3) обратившись к главным вехам доэллинистической истории Вифинии, выявить истоки тех явлений, которые продолжали оказывать влияние на политику вифинских правителей и развитие вифинского общества в целом в эпоху эллинизма;
- 4) проследить произошедший в конце IV — первой половине III в. переход Вифинии от племенного объединения к эллинистической монархии;
- 5) определить важнейшие направления внешней политики вифинских царей в IV—I вв.;
- 6) проанализировать самые значительные события военно-политической истории страны, по возможности связывая их с основными тенденциями изменения системы международных связей эллинистического мира;
- 7) рассмотреть особенности монархической власти в Вифинии и ее взаимоотношения с входившими в состав государства греческими полисами; выделить основные черты социально-экономического строя страны, в том числе связанные со взаимоотношениями центральной власти и полисного самоуправления;
- 8) кратко охарактеризовать некоторые черты религиозного и культурного развития Вифинского царства.

* * *

Переходя к анализу источников по теме исследования, следует отметить прежде всего их немногочисленность, разрозненность и отрывочность. При изучении Вифинского царства (как, впрочем, и многих других эллинистических государств) неизбежно приходится считаться с отсутствием единой историко-литературной традиции, с существованием в сообщениях источников (в первую оче-

редь нарративных) значительного числа лакун, нередко охватывающих многие десятилетия истории страны.

До нас не дошло ни одного сочинения древних историков, посвященных целенаправленному рассмотрению истории Вифинии, хотя таковые, несомненно, существовали. О Вифинии писали Асклепиад Мирлеанский (I в.) (FGrH, 697, F. 1–6), Александр Полиистор из Милета (ок. 80–35 гг.) (FGrH, 273, F. 12–13), Артемидор из Аскалона (FGrH, 698), историк римского времени Демосфен Вифинец (FGrH, 699, F. 1–9; 11–16), Никандр Кааледонский (FGrH, 700, F. 1–2). От их трудов остались лишь малоинформативные, хотя порой и весьма любопытные, отрывки, содержание которых передано более поздними писателями.

Сочинение под названием Βιθυνιακά, состоявшее из восьми книг, принадлежало перу известного писателя Арриана Флавия (ок. 95 — ок. 175 гг. н. э.) из вифинской столицы Никомедии (FGrH, 156, F. 14–29, 60–109; F. 1–72 Roos; в данной работе ссылки делаются на последнее, наиболее полное издание). Зная, сколь высокого уровня писателем был Арриан (если судить, например, по его «Анабасису Александра»), можно лишь сожалеть, что этот труд не сохранился до нашего времени. М. И. Ростовцев считает дошедшие до нас фрагменты «Вифиниаки» лишенными исторической ценности¹³, но такая оценка представляется

¹³ SEHNW. Vol. I. P. 567. Ср. с характеристикой «Вифиниаки» Ф. Штедтером, автором одного из наиболее серьезных исследований творчества Арриана: «Знакомство Арриана с Вифинией, ее географией, культами и обычаями, без сомнения, помогло ему (при написании «Вифиниаки». — О. Г.), но эта книга по природе своей является продуктом прочтения, а не оригинального исследования и аутопсии» (*Städter P. A. Arrian of Nicomedia. Chapel Hill, 1980. P. 154*). С этим мнением можно поспорить по крайней мере в последнем пункте: едва ли историк, будучи уроженцем Вифинии, не имел возможности использовать собственные наблюдения при написании им труда по истории своей «малой родины». Ср. о влиянии культурной, социальной и религиозной жизни Вифинии на Арриана: *Tonnel H. Recherches sur Arrien. Sa personnalite et ses ecrits atticistes. T. I. Amsterdam, 1998. P. 15–17.*

Судя по словам самого Арриана, воспроизведенным византийским патриархом Фотием, «Вифиниака» была написана им в зрелом возрасте, когда он уже в полной мере проявил себя на литературном поприще, так что, пожалуй, не следует отвергать вероятность того, что этот труд был не лишен определенных литературных и научных достоинств.

слишком суровой. Будучи уроженцем Вифинии и высокопоставленным римским чиновником, Арриан мог пользоваться разнообразными источниками по истории Вифинии (в том числе и произведениями официальной придворной историографии местной царской династии)¹⁴, и сообщаемая им информация весьма разнопланова и интересна. Сохранившиеся отрывки позволяют судить, что в своем труде Арриан изложил сведения о мифологическом прошлом¹⁵ вифинцев и их переходе в Азию (F. 60 = Eustath. ad Dion., 322; F. 77 = Eustath. ad Dion., 793), о древнейшей истории страны, в том числе о вторжении киммерийцев и изгнании их из Вифинии (F. 19 = Eustath. ad Dion., 322; F. 20 = Eustath. ad Dion., 793; F. 21 = Eustath. ad Dion., 809)¹⁶, а также разнообразные факты о городах, населенных пунктах, этимологии их названий¹⁷, природе Вифинии. Любопытны его наблюдения этнографического характера (F. 23 = Eustath. ad Hom. Il., V, 408. P. 429, 1; F. 24 = Eustath. ad Hom. Il., VII, 459. P. 691, 43; F. 25 = Eustath. ad Hom. Il., III, 275. P. 414, 8; F. 27 = Eustath. ad Od., IX, 65. P. 1615, 2 и др.). Наконец, он сообщает и конкретные сведения об истории вифинской династии (F. 63 = Tzet., Chil., III, 950), которые хотя и были искажены при их передаче византийским историком Цецем, все же хорошо сочетаются с данными Мемнона и проясняют внутривосточную ситуацию в Вифинии в середине III в. Все это позволяет реконструировать основные черты авторской концепции: дать очерк истории Вифинии начиная с мифических времен в контексте событий, связанных с прошлым различных «варварских» этносов (киммерийцев, скифов, фракийцев, малоазийских народов) и поместить его в историю греческого мира в целом¹⁸. Фрагменты «Вифи-

¹⁴ Ф. Штедтер не без оснований замечает: за воспроизводимой Фотием фразой историка о том, что он уже давно замыслил создание такого труда, но это потребовало много времени, можно видеть недостаток у Арриана материалов источников (*Städter P. A. Arrian of Nicomedia. P. 153*).

¹⁵ Должна быть отмечена присущая писателю тенденция «историзировать» мифологические события (*Ibid. P. 156–157*).

¹⁶ Эта информация, до сих пор не подвергавшаяся в науке целенаправленному анализу, оказывается весьма полезной при выяснении обстоятельств переселения фракийских племен в Малую Азию (см. гл. I, § 2).

¹⁷ *Ibid. P. 156*.

¹⁸ *Ibid. P. 160–161*.

ниаки», несомненно, должны быть подвергнуты тщательному исследованию¹⁹.

Из сочинений античных авторов, использованных при работе над темой, особую роль играет небольшое, но исключительно информативное и ценное произведение Мемнона «О Геракле» (FGrH, 434). Этот труд дошел до нас в выписках византийского патриарха Фотия (IX в.), местами нарушившего стройность повествования древнегреческого хрониста. Мемнон, историк римского времени²⁰, был хорошо осведомлен о прошлом своего родного города Гераклеи Понтийской — одного из крупнейших полисов Южного Понта, поддерживавшего в силу своего географического положения тесные и разнообразие связи с Вифинией на протяжении многих столетий. Он пользовался трудами других представителей местной исторической традиции — Проматида, Нимфида²¹, Домиция Каллистрата²², которые были современниками, очевидцами или даже участниками многих важных событий в истории гераклеиско-вифинских связей.

Не исключено, что гераклеиский историк (или Нимфид, один из его основных предшественников) имел доступ и к собственно вифинским источникам²³. Именно к ним может восходить уникальная информация о вифинских правителях V—IV вв. (Мемн., F. 12, 3—6), не имеющая аналогов в других сочинениях античных авторов. Несмотря на вполне очевидную пристрастность Мемно-

¹⁹ Весьма заманчивым было бы связать с какими-то конкретными событиями истории Вифинии рассуждения Арриана о «Кадмейской победе» (Vithup., F 69), т. е. о победе, равносильной поражению, или о понятии ἀμφίβολοι — «подвергающиеся нападению с разных сторон» (F. 67), но, разумеется, здесь приходится ограничиться лишь самой общей констатацией возможности этого.

²⁰ См. основные гипотезы о жизни и творчестве Мемнона: *Laquer R. Lokalchronik. (Lokalchronik von Herakleia) // RE. Bd. XIII. Hbbd. 25. 1926. Sp. 1098—1103.* Скорее всего, время его жизни следует отнести к первой половине II в. н. э.

²¹ О творчестве этих двух авторов см.: *Desideri P. Studi di storiografia eracleota. I. Promathidas e Nymphis // SCO. Vol. XVI. 1967. P. 366—416.*

²² Фрагменты трудов Домиция Каллистрата стали недавно предметом изучения для В. Амелинга: *Ameling W. Domitius Kallistratos. FGrHist 433 // Hermes. Bd. XLIV. Ht. 3. 1995. S. 373—376.*

²³ *Дзагурова В. П. Мемнон. О Геракле. Введение // ВДИ. 1951. № 1. С. 286; Reinach Th. Mithridates Eupator, König von Pontos. Leipzig, 1895. S. 453—454.*

на, вызванную его полисным патриотизмом²⁴, он в целом достоверно освещает гераклеийско-вифинские взаимоотношения IV—III вв., а в дальнейшем сообщает немаловажную информацию о роли Вифинии в войнах между Римом и Понтийским царством²⁵. Повествование Мемнона достаточно высоко оценивается исследователями. Так, Т. Рейнак, к примеру, отдает предпочтение приводимым Мемноном цифровым данным по сравнению с аналогичными сведениями, содержащимися у Плутарха и Аппиана²⁶.

Другим важнейшим источником для меня послужило произведение Полибия (ок. 200—120 гг.) «Всеобщая история». Об этом замечательном труде великого греческого историка написано неизмеримое количество научных работ. «Всеобщая история», действительно, содержит неоценимые сведения по политической истории эллинистического мира и Римской державы. Полибий не ограничивался рассказом только о римских завоеваниях, но для того чтобы лучше понять их ход и причины, обращался к освещению взаимоотношений эллинистических государств между собой. Вполне закономерно, что определенное место в своем труде он отвел и Вифинии. Не останавливаясь на общей характеристике произведения Полибия, его политических воззрений и исследовательского метода (это представляется излишним в рамках данной работы), обратимся к тому, какое значение его труд имеет непосредственно для изучения истории Вифинии и связанных с ней событий периода эллинизма.

Подход историка к политике вифинских царей Прусия I и Прусия II заслуживает самостоятельного рассмотрения. В историографии уже достаточно давно утвердилось мнение, что Полибий при всем декларируемом им стремлении к беспристрастности и объективности (Polyb., I, 14, 5—7; XVI, 20, 2; XXXVIII, 6, 5—9) сам далеко не всегда следует этому принципу. Ярче всего это, естественно, проявляется при описании им деятельности Ахейского союза;

²⁴ Об этой характерной черте местных хроник см.: *Ростовцев М. И.* Сирик — историк Херсонеса Таврического // *ЖМНП.* 1915, апрель. С. 159.

²⁵ Более подробно об отношении Мемнона к Вифинии и отражении его взглядов в написанном им сочинении см.: *Габелко О. А.* Мемнон об истории Вифинского царства // *Античный вестник.* Вып. 2. Омск, 1995. С. 108—115.

²⁶ *Reinach Th.* Mithridates Eupator... S. 460.

однако существуют и другие случаи того, как личные симпатии и антипатии историка накладываются на ход его повествования. Одним из таких примеров служат его взгляды на вифинскую династию.

Исследователями отмечается, что оценки Полибием деятельности вифинских монархов часто продиктованы заведомо отрицательным отношением к ним²⁷. Можно назвать две причины этого. Первая — явные симпатии, испытываемые Полибием к Атталидам, постоянным соперникам вифинских царей. Помимо чисто политических убеждений историка в благотворности проводимой пергамскими царями политики для азиатских греков (Polyb., XXXII, 22) здесь могли сказываться и его личные интересы — стремление найти в лице Эвмена II и Аттала II могущественных покровителей²⁸. Другой причиной неприязни, испытываемой Полибием к Прусию I и Прусию II, можно считать его настороженное отношение к энергичным и агрессивным эллинистическим монархам (в особенности не чисто греческого или македонского происхождения), не останавливающимся для достижения своих целей перед ущемлением прав эллинов. Не случайно, что весьма нелестной характеристики — «вероломнейший из царей» (Polyb., XXVII, 17) — удостоился от Полибия и Фарнак I Понтийский, заложивший основы будущего могущества своего государства.

Таким образом, при работе с текстом Полибия необходимо учитывать не вполне объективные настроения историка в отношении правителей Вифинии. Впрочем, это не может умалить несомненных достоинств его труда. Только от Полибия до нас дошла информация о ряде важных эпизодов истории Вифинского царства — войне Прусия I против византийцев, его экспедиции в

²⁷ См., например: *Allen R. A. The Attalid Kingdom: A Constitutional History. Oxford, 1983. P. 3–4.* Наиболее показательный случай — чрезвычайно негативная характеристика, данная Полибием Прусию II (Polyb., XXXVII, 7) (*Welwei K.-W. Könige und Königtum im Urteil des Polybios. Herbede, 1963, S. 114–116; подробнее см. гл. IV, § 1.*) Анализ терминологии, применяемой Полибием для обозначения нарушений различных правовых и моральных норм (*Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybios. Vol. III. Oxford, 1979. P. 667–668*), позволяет заметить, что к некоторым поступкам вифинских монархов историк прилагает в тех или иных модификациях все три определения — ἀσεβήματα, παραστρόβηματα, ἀδίκηματα.

²⁸ *Тыжов А. Я. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история. Т. I. СПб., 1994. С. 8.*

Троаду против галатов-эгосагов²⁹, деталях взятия Киоса. Непреходящее значение Полибия заключается еще и в том, что он послужил одним из основных источников для авторов последующих эпох — Диодора, Ливия, Аппиана, причем при сопоставлении их данных приоритет по достоверности и надежности нередко остается именно за Полибием. К сожалению, труд греческого историка дошел до нас в очень плохой сохранности; утраченными оказались и многие фрагменты, касающиеся вифинской истории.

Третьим важнейшим источником по вифинской тематике является сочинение Аппиана (II в. н. э.) «Митридатика». Рассказывая о длительной и напряженной борьбе, которую вел Рим с Митридатом VI Евпатором — последним великим царем эллинистического Востока — греческий историк повествует и о других странах, которые попали в это время в орбиту римской политики. Мнения о труде Аппиана в исторической науке колеблются³⁰, но в последнее время наметилась тенденция к более высоким оценкам этого произведения.

Аппиан вполне логично считает, что взаимоотношения Митридата с правителями Вифинии и Каппадокии привели его в конечном итоге к конфронтации с Римом³¹. Этим и объясняется включение историком в начало его рассказа пространного и обстоятельного экскурса в историю Вифинии (App., Mithr., 1–7), в котором он, очевидно, в основном следует Полибию, хотя и пере-

²⁹ В обоих этих случаях, когда историк пользуется источником, настроенным нейтрально или даже положительно в адрес вифинского монарха, он отнюдь не акцентирует своей неприязни к представителю столь «нелюбимой» им династии. А. М. Экстайн даже полагает, что Полибий не имел каких-либо политических предубеждений против Вифинии и негативно относится только к Прусию II персонально (Eckstein A. M. *Moral Vision in the Histories of Polybius*. Berkeley; Los Angeles; London, 1995. P. 224). Подробнее об этом см. гл. IV, § 1.

³⁰ См. детальный обзор существующих точек зрения: McGing B. C. Appian's «Mithridateios» // ANRW. T. 2. Bd. 34. 1. Berlin; New York, 1993. P. 496–522. В новой работе о «Митридатике» отстаивается интересный взгляд, что Аппиан стремился соблюсти объективность, комбинируя данные проримски и антиримски настроенных источников: Гуленков К. Л. Митридатовы войны в освещении Аппиана // *Античность: эпоха и люди*. Межвузовский сборник. Казань, 2000. С. 69–76.

³¹ Шелов Д. Б. Аппиан — историк Митридатовых войн // *Проблемы античной культуры*. М., 1986. С. 116; McGing B. C. Appian's «Mithridateios»... P. 502.

дает его информацию не вполне точно. При изложении истории вифинской династии Аппиан допускает ошибки, дважды путая Никомеда IV с его отцом (App., *Mithr.*, 7; 10)³². В дальнейшем его внимание концентрируется на нагнетании напряженности между Никомедом IV и Митридатом, причем в данном отношении историк показывает себя достаточно хорошо осведомленным о дипломатической предыстории войны в отличие от описания им боевых действий³³. Аппиан прямо указывает на вину римлян в развязывании конфликта, что, очевидно, следует объяснить антиримской позицией некоторых из использованных им источников³⁴. Сведения, сообщаемые греческим историком о ходе Первой Митридатовой войны, требуют критического отношения к себе, но их ценность не следует преуменьшать.

Группу следующих по значимости письменных источников составляют исторические сочинения Ливия, Помпея Трога в обработке Юстина, Диодора Сицилийского, а также «География» Страбона.

Тит Ливий (59 г. — 17 г. н. э.), воссоздающий в своем труде величественную картину римских завоеваний, обращается к отдельным эпизодам истории Вифинии в той мере, в какой они связаны с развитием римской экспансии на Восток. Все эти эпизоды (за исключением краткого упоминания о династической войне в Вифинии в 280–277 гг. — Liv., XXXVIII, 16, 7–9) укладываются в достаточно узкие хронологические рамки — от 208 до 167 г.; книги труда Ливия, посвященные более поздним событиям, до нас не дошли³⁵. Однако значение этих событий трудно пе-

³² Впрочем, из трех противоречивых пассажей греческого историка может быть извлечена весьма любопытная информация о правовом статусе последних вифинских монархов.

³³ McGing B. C. Appian's «Mithridateios»... P. 507–508, 510.

³⁴ К их числу, вероятно, прежде всего следует отнести произведение историка и философа Посидония, задуманное как продолжение «Всеобщей истории» Полибия: Hose M. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker in Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart; Leipzig, 1994. S. 221–222. Подробнее о роли Посидония как источника Аппиана см.: Desideri P. Posidonio e la guerra mithridatica // Athenaeum. Vol. 51. 1973. P. 30–59, 237–269.

³⁵ Их краткое содержание передано в «Периохах» к труду Ливия, составленных предположительно во II в. н. э., которые тоже имеют немалое значения для исследования истории Вифинского царства. Так, имен-

реоценить: ведь они связаны с наиболее важным этапом в истории противостояния Рима с эллинистическими державами, с такими событиями, как Первая, Вторая и Третья Македонские войны, борьба с Антиохом III и множеством других, не столь значительных конфликтов.

При изложении этих перипетий международной политики Ливий по большей части опирается на сочинение Полибия, которого считает историком, заслуживающим величайшего доверия (Liv., XXX, 45, 5). Тем не менее определенное (и зачастую немало-важное) значение как информаторы для Ливия имели и римские историки-анналисты: Клавдий Квадригарий, Валерий Антиат и другие. Разногласия между анналистской и Полибиевой версией событий иногда могут быть прослежены в тексте Ливия и на фактах, имеющих отношение именно к вифинской истории — например, при упоминании посольства Тита Фламинина к Прусию I (183 г.) (Liv., XXXIX, 56, 6) или при описании визита Прусия II в Рим (XLV, 44, 4–21). В целом же Ливий и Полибий чаще всего не противоречат, а взаимно дополняют друг друга³⁶.

В отличие от труда Ливия «*Historiae Philippicae*» Помпея Трога (1-я пол. I в. н. э.) охватывает практически всю эпоху эллинизма и в том числе освещает некоторые из наиболее запутанных моментов эллинистической истории — например, период с 270 по 220 г. Это произведение содержит интересную информацию как по ранней истории Вифинии, так и по слабо отраженным в других источниках событиям конца II — начала I в., когда произошли первые столкновения Митридата VI с вифинскими царями. Самостоятельную ценность имеют и «Прологи», кратко резюмирующие основное

но они позволяют определить точную хронологию начала Первой Митридатовой войны.

³⁶ К ливийской традиции восходят в целом и произведения более поздних римских писателей — Флора, Грания Лициниана (I–II вв. н. э.), Евтропия (IV в. н. э.), Орозия (V в. н. э.). Несмотря на очевидные недостатки, органически присущие большинству такого рода компилятивных сочинений — сжатость и сухость изложения, неизбежные при сокращении фактические ошибки и неточности в хронологии, — значения их трудов не следует недооценивать. Так, Граний Лициниан сообщает уникальную информацию о внутрдинастических смутах в Вифинии в начале I в.; благодаря Евтропию нам известна точная дата смерти Никомеда IV (74 г.); тот же Евтропий и Орозий сообщают немаловажные детали политической обстановки в Малой Азии в ходе Митридатовых войн.

содержание произведения. К сожалению, в нашем распоряжении имеется лишь эпитафия труда Помпея Трога, выполненная Марком Юнианом Юстином во II—III в. н. э. Последний проделал эту работу весьма небрежно, уделяя главное внимание морализаторским сентенциям и допуская многочисленные ошибки³⁷, что существенно снижает ценность источника. Тем не менее только благодаря данному источнику возможно составить более или менее целостное представление о событиях, происходивших в Малой Азии в конце II — начале I в. и явившихся прелюдией столкновения сначала Вифинии, а затем и Рима с Митридатом Евпатором³⁸.

«Историческая библиотека» Диодора Сицилийского (90—21 гг.), так же как и труд Трога, представляет собой попытку создать «всеобщую историю». В науке уже давно утвердилось мнение, что сам Диодор не был сильным историком, и потому достоверность сообщаемой им информации напрямую зависит от качества его источников³⁹. По счастливому стечению обстоятельств те относительно немногочисленные фрагменты сочинения Диодора, в которых он обращается к истории Вифинии, восходят либо к оригинальным источникам, неизвестным другим античным авторам, либо к весьма авторитетным и надежным трудам. Так, его сообщение о походе в Вифинию византийцев, калхедонян и европейских фракийцев в 416 г. (Diod., XII, 82, 2) позволяет определить один из переломных моментов в греко-вифинских отношениях доэллинистической эпохи, последствия которого были ощутимы даже столетия спустя. При описании периода диадоров Диодор в основном опирается на произведение Гиеронима из Кардии, считающегося историком довольно высокого класса. Эпизод, рассказывающий о столкновении интересов вифинского правителя Зипойта и Антигона Одноглазого (XIX, 60, 3), дает ясное представление об особенностях политической ситуации в северо-западной Малой Азии

³⁷ Наиболее яркий пример грубого искажения фактов, касающихся предмета данного исследования, — пассаж XXVII, 3, 1, где за личностью *gex Bithyniae Eupenes* следует видеть по меньшей мере трех (!) реальных лиц.

³⁸ Помпей Трог в своем труде опирался на сочинения, авторов, относившихся к Митридату Евпатору как положительно, так и отрицательно: *Bal-lesteros Pastor L. Observaciones sobre la biografía de Mitridates Eupátor en el Epítome de Justino* (37. 1. 6 — 38. 8. 1) // *Habis*. Т. 27. 1996. P. 73—82.

³⁹ Кошеленко Г. А. Греция и Македония эллинистической эпохи // *Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма)* / Под ред. проф. В. И. Кузищина. М., 1982. С. 105.

в конце IV в. Повествуя о событиях II в., Диодор главным образом следует Полибию, и его информация порой удачно восполняет утраченные части труда последнего — например, при рассказе о дипломатической деятельности Прусия II в Риме (XXXI, 7, 2) или при освещении хода войны между этим царем и Атталом II Пергамским (XXXI, 35). Наконец, восходящий к Посидонию фрагмент труда Диодора (XXXVI, 3, 1) служит хрестоматийным примером, иллюстрирующим средства и методы действия римских публиканов на Востоке в конце II в.

Важное значение для раскрытия темы имеет «География» Страбона. Будучи уроженцем Малой Азии, Страбон хорошо знал этот регион и придавал ему особое значение, считая его едва ли не «центром мира»⁴⁰. Особый интерес Страбон проявляет к народностям Анатолии и областям их расселения⁴¹. При описании северо-западного угла полуострова он, видимо, опирался на труды таких эрудированных авторов, как Эфор, Феопомп и Артемидор⁴². Упоминание им вифинского правителя Дидалса (Strabo, XII, IV, 2), неизвестного более никому из античных писателей, за исключением Мемнона, позволяет предположить использование Страбоном каких-то произведений по истории Вифинии, быть может, трудов гераклейских историков. Географ сообщает подробные сведения о территории, населении, городах Вифинии (XII, 3, 2–4; IV, 1–8), сопровождая свой рассказ ценными историческими экскурсами. Данные Страбона, хотя они по большей части передают реалии современной географу эпохи — I в. до н. э. — I в. н. э.⁴³, чрезвы-

⁴⁰ *Aly W.* Strabon von Amaseia. Untersuchungen über Text, Aufbau und Quellen der Geographica. München, 1960. S. 23.

⁴¹ *Стратановский Г. А.* Страбон и его «География» // Страбон. География. М., 1994. С. 787.

⁴² Хотя в целом вопрос об использовании Страбоном произведений этих авторов довольно сложен (см.: *Грацианская Л. И.* «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. Вып. 10. М., 1986. С. 63–74 — о влиянии Эфора и Артемидора на Страбона), отрицать их значение как источников XII книги «Географии», где идет речь о Вифинии, нет никаких оснований.

⁴³ Именно в повествовании о северо-западной Малой Азии географ достаточно отчетливо сформулировал один из своих принципиальных творческих методов — останавливаться «на описании современного положения, уделяя в то же время должное внимание положению вещей в древности» (Strabo, XII, 4, 6).

чайно важны для уточнения границ Вифинии с соседними государствами и воссоздания событий политической истории эпохи эллинизма. Это касается, прежде всего, описания географом области Фригии Эпиктет, долгое время служившей объектом соперничества между вифинскими и пергамскими царями (Strabo, XII, 3, 1), а также владений Митридата Евпатора в Азии (XII, 3, 28).

Из других источников, используемых в процессе работы, следует упомянуть «Греческую историю» и в особенности «Анабасис» Ксенофонта. Они гораздо реже, чем следовало бы, привлекаются исследователями для воссоздания истории Вифинии в период ее подчинения персам⁴⁴, и потому для анализа их под этим углом зрения открываются широкие возможности. Ксенофонт, будучи непосредственным участником излагаемых им в «Анабасисе» событий, в VI книге дает достоверную информацию о природе и хозяйстве Вифинии, а углубленный анализ его труда позволяет выяснить особенности взаимоотношений вифинских племен с персами и гражданами близлежащих полисов на рубеже V и IV вв.

Такого же рода источником является «Плавание по Боспору» Дионисия Византийского (II в. н. э.) — сочинение, отнюдь не часто привлекающее внимание исследователей, однако способное дать много нового для выяснения тех или иных моментов политической истории не только Византия и Калхедона, тесно связанных с Вифинией, но и самого Вифинского царства⁴⁵.

Наконец, большая группа сочинений античных авторов используется в работе не столь широко, но имеет большое значение при рассмотрении отдельных проблем. Из греческих писателей следует упомянуть Плутарха (биографии Алкивиада, Суллы, Лукулла, «Греческие вопросы»), Павсания, Афинея, Диона Кассия, Стефана Византийского, Евсевия Кесарийского. Произведения римских авторов представлены трудами Салюстия, Плиния Старшего, Светония, Корнелия Непота, Веллея Патеркула, реча-

⁴⁴ Исключение составляет, пожалуй, монография голландского ученого Й. П. Стронка (*Stronk J. P. Ten Thousand in Thrace. Amsterdam, 1995*) — пример в высшей степени добротного исследования, а также обстоятельный комментарий к «Анабасису», принадлежащий перу О. Лендла (*Lendle O. Kommentar zu Xenophons Anabasis (Bücher 1–7). Darmstadt, 1995*).

⁴⁵ Габелко О. Л. Дионисий Византийский о некоторых событиях политической истории региона Боспора Фракийского // Античность: история и историки. Межвузовский сборник. Казань, 1997. С. 34–39.

ми и трактатами Цицерона и т. д. Кроме того, сквозное «прочесывание» корпуса ТЛС по ключевым понятиям и именам, связанным с Вифинией, позволило выявить немало отсылок к истории Вифинского царства, встречающихся в работах самых разнообразных античных писателей, которые ранее вообще не были замечены исследователями. Они, конечно, не могут внести в изучение вифинской истории чего-либо кардинально нового, но тем не менее представляют собой немаловажные штрихи в воссоздании панорамной картины исторического прошлого этой страны.

Количество эпиграфических источников для эллинистического периода истории Вифинии, большинство которых опубликовано в наиболее известных сборниках по греческой эпиграфике, к несчастью, крайне незначительно: даже вифинские цари довольно редко упоминаются в надписях. Выявить причину этого при теперешнем состоянии источников на данный момент не представляется возможным. Тем не менее из памятников такого рода наиболее ценными являются письмо вифинского царя Зиэла, гарантирующее асимилию косского Асклепиона⁴⁶, аптерский декрет о предоставлении проксении Прусию II и его приближенным (OGIS 341), пожертвование Никомеда III Дельфийскому полису (OGIS 345) и некоторые другие надписи, наглядно иллюстрирующие филэллинистскую политику вифинских царей. Ряд эпиграфических свидетельств (таких как стела Менаса, декрет в честь царского эпистата из Прусы-Олимпийской, недавно обнаруженный «Эфесский таможенный закон») способен пролить свет на принципиальные проблемы вифинской истории и хронологии. Кроме того, в процессе работы над темой был привлечен ряд надписей, которые практически не задействовались для иллюстрации тех или иных эпизодов истории Вифинии ранее, но, на мой взгляд, могут иметь к ним некоторое (часто — немаловажное!) отношение. Определенное значение для исследуемой темы имеют и отдельные эпиграфические памятники римского времени.

В последние два десятилетия ситуация с обеспечением изучения Вифинии данными эпиграфики несколько изменилась в лучшую сторону. Так, например, были опубликованы вифинские надписи, хранящиеся в стамбульском археологическом музее⁴⁷. В серии

⁴⁶ Syll.³ 456 = TAM IV 1 = RC 25.

⁴⁷ Oğüt-Polat S., Şahin S. Katalog der bithynischen Inschriften in archäologischen Museum von Istanbul // EA. Ht. 5. 1985. S. 97–124; Oğüt S.,

«Inschriften Griechischer Städte aus Kleinasien» вышли издания, посвященные вифинским городам Киосу / Прусиаде-Приморской, Мирлее / Апамее, Никее, Вифиниону / Клавдиополису, Киеру / Прусиаде-на-Гипии, Прусе-Олимпийской, в чем следует видеть главным образом результат трудов известных эпиграфистов С. Шахина и Т. Корстена. Надписи из различных городских центров Вифинии, содержащие большое количество туземных антропонимов фрако-анатолийского происхождения, служат важным индикатором интенсивности смешения местного и греческого населения в вифинских полисах.

Большое значение имеют также сборники надписей из располагавшихся в непосредственной близости с Вифинским царством, но сохранивших независимость Кизика, Калхедона и Гераклеи Понтийской. Эпиграфические памятники из Мизии⁴⁸ позволяют высказать новые предположения относительно западных границ Вифинского царства в III–II вв., а гераклейская просопография, составленная главным образом на базе данных эпиграфики, свидетельствует о закрытости гражданского коллектива гераклеотов от проникновения в него вифинцев⁴⁹. Помимо публикации новых надписей, в них приводятся обновленные комментарии к известным ранее эпиграфическим документам, что заставляет иногда по-новому взглянуть на уже, казалось бы, решенные проблемы.

Существенно богаче надписей в качественном отношении и в целом, пожалуй, более информативны вифинские монеты. Первые выпуски их были осуществлены Никомедом I, очевидно, уже в 270-е гг., а при его внуке Прусии I и его преемниках монеты вифинской династии становятся массовым материалом. Вифинские цари чеканили бронзовые, серебряные, в течение короткого времени — и золотые монеты. Первые попытки их изучения и воссоздания на их основе династической истории Вифинии были начаты

Şahin S. Katalog der bithynischen Inschriften in archäologischen Museum von Istanbul // EA. Ht. 8. 1986. S. 109–128.

⁴⁸ Die Inschriften von Kyzikos und Umgebung. T. II. Miletupolis. Inschriften und Denkmäler / IK. Bd. 26. Hrsg. von E. Schwertheim. Bonn, 1983. № 7, 8, 20, 21, 23; Die Inschriften von Hadrianoi und Hadrianeia / IK. Bd. 33. Hrsg. von E. Schwertheim. Bonn, 1987. № 132.

⁴⁹ Габелко О. Л. Фрако-вифинское население в полисах побережья Пропонтиды и северо-западной Малой Азии // История и культура античного мира / Отв. ред. В. П. Яйленко. М., 1996. С. 164–165.

уже в начале XVIII в.⁵⁰ В 1889 г. появляется объемный корпус вифинских монет⁵¹. Но наиболее исчерпывающие по глубине и обстоятельности исследования вифинской нумизматики осуществил в конце XIX — начале XX в. выдающийся французский ученый Т. Рейнак⁵². Они и по настоящее время в полной мере сохраняют свое научное значение, а составленный Т. Рейнаком каталог монет вифинских царей и городов до сих пор служит базой для всех исследований по вифинской нумизматике и истории.

Нумизматические материалы важны еще и тем, что именно они позволяют определить начальную дату вифинской царской эры и, таким образом, способствуют решению ряда важнейших вопросов — прежде всего о времени смерти Никомеда IV Филопатора и о начале Третьей Митридатовой войны. Серебряные тетрадрахмы вифинских царей, датируемые с начала правления Никомеда II Эпифана, являются предметом многих исследований⁵³. Большое значение имеют также работы справочного характера, позволяющие судить о наличии вифинских монет в кладах, обнаруженных в самых разных пунктах Средиземноморья и Переднего Востока⁵⁴, и дающие представление о всех известных на момент публикации вифинских нумизматических материалах⁵⁵.

⁵⁰ *Roy-Vaillant J.* Arsacidarum imperium II: Achaemenidarum imperiam sive regum Ponti, Bosphori et Bithyniae Historiae ad fidem numismatum accommodata. Paris, 1728 (non vidi).

⁵¹ *Wroth W.* Catalogue of Greek Coins. Pontus, Paphlagonia, Bithynia, and the Kingdom of Bosphoros. London, 1889.

⁵² *Reinach Th.* Essai sur la numismatique des rois de Bithynie // RN. 1887. P. 220–248, 337–368; *Idem.* L'Histoire par les Monnaies. Essais de numismatique ancienne. Paris, 1902; *Waddington W. H., Babelon E., Reinach Th.* Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. T. I. Paris, 1908 (далее — Recueil).

⁵³ *Bennet W. H.* The Death of Sertorius and the Coin // *Historia*. Bd. X. Nr. 4. 1961. S. 459–472; *Перл Г.* Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3. С. 39–69; *Pollak Ph.* A Bithynian Hoard of the First Century B. C. // *ANSMusN*. Vol. 16. 1970. P. 45–56; *Leschhorn W.* Antike Ären. Zeitrechnung, Politik und Geschichte im Schwarzmeerraum und in Kleinasien nördlich des Tauros. Stuttgart, 1993. S. 178–191.

⁵⁴ An Inventory of Greek Coin Hoards / Ed. by M. Thompson, O. Mørholm, C. M. Kraay. New York, 1973 (IGCH).

⁵⁵ *Schönert-Geiss E.* Bithynien // *Chiron*. Bd. 8. 1978. S. 607–658.

На основании анализа вновь обнаруженных монетных типов и реинтерпретации известных ранее бельгийский нумизмат Ф. де Каллатай не так давно предпринял чрезвычайно интересную попытку пересмотреть основные положения монетной политики вифинских царей и, в частности, увидеть в данных нумизматики свидетельства династических смут последнего периода независимого существования царства⁵⁶. Монументальная монография этого исследователя, представляющая собой исследование Митридатых войн преимущественно нумизматическими методами⁵⁷, исходя из основательности и широты проведенного в ней анализа, позволяет считать его достойным продолжателем дела Т. Рейнака.

Весьма важно также изучение монет расположенных неподалеку от Вифинии независимых греческих полисов — Гераклеи Понтийской, Калхедона⁵⁸, Византия⁵⁹, других малоазийских монархий — прежде всего Понта и Каппадокии⁶⁰. Очень ценными являются и нумизматические материалы римского времени, происходящие из различных городов Вифинии⁶¹.

Археологические раскопки на территории Вифинии начались еще в позапрошлом веке⁶²; в дальнейшем их вели французские, немецкие, австрийские ученые⁶³. Тем не менее в 1941 г. Ф. К. Дер-

⁵⁶ *Callatay F. de. Les derniers rois de Bithynie: problemes de chronologie // RBN. T. CXXXII. 1986. P. 5–30.*

⁵⁷ *Idem. L'Histoire des guerres Mithridatiques vue par les monnaies. Louvain-la-Neuve, 1997.*

⁵⁸ См. обзор литературы: *Schönert-Geiss E. Bithynien. S. 628–631, 632–633.*

⁵⁹ *Eadem. Griechische Münzwerk. Die Münzprägung von Byzantion. T. 1. Berlin, 1970.*

⁶⁰ Монетное дело каппадокийских царей стало предметом длительной дискуссии между известными нумизматами О. Меркхольмом и Б. Симонеттой. Ее итоги, насколько это возможно, были подведены в работах: *Simonetta B. The Coins of the Cappadocian Kings. Fribourg, 1977; Merckholm O. The Coinages of Ariarathes VI and Ariarathes VII of Cappadocia // Schweizerische Numismatische Rundschau. Bd. 57. 1978. P. 144–163.*

⁶¹ См. их анализ в работе: *Габелко О. Л. «Проконсульская» эра и положение полисов Вифинии в эллинистический и римский периоды // SH. Vol. II. 2002. С. 97–106.*

⁶² *Perrot G. Exploration archéologique en Galatie, Bithynie et Pontos. Paris, 1879.*

⁶³ *Koerte A. Kleinasiatischen Studien. V. Inschriften aus Bithynien // AM. Bd. XXIV. 1899. S. 398–451; Mendel G. Inscriptions de Bithynie //*

нер констатировал слабую изученность Вифинии в археологическом отношении⁶⁴. Пожалуй, именно этот крупный исследователь внес самый существенный вклад в археологическое исследование области⁶⁵. В последние десятилетия в сфере вифинской археологии плодотворно работал турецкий ученый С. Шахин⁶⁶. К сожалению, результаты всех этих раскопок мало что могут дать для изучения эллинистического периода, поскольку подавляющее большинство обнаруженных памятников датируется римским временем. Начиная со второй половины прошлого столетия в раскопках все активнее участвуют турецкие археологи⁶⁷, большинство которых прошло хорошую выучку у европейских специалистов; тем не менее результаты, достигнутые в изучении вифинской археологии, пока что не дают оснований для чрезмерного оптимизма⁶⁸.

ВСН. Т. XXIV. 1900. P. 361–426; *Kalinka E.* Aus Bithynien und Umgebung // JÖAI. Bd. XXVIII. 1933. S. 44–111.

⁶⁴ *Dörner F. K.* Inschriften und Denkmäler aus Bithynien / Istanbuler Forschungen. Bd. 14. Berlin, 1941. S. 3.

⁶⁵ *Idem.* Bericht über eine Reisen in Bithynien. Wien, 1952; *Idem.* Vorbericht über eine Reisen in Bithynien und in bithynischen-paphlagonischen Grenzgebiet, 1962 // Anzeiger der Akademie in Wien. Philologische-Historische Klasse. Bd. 100. 1963. S. 136–144; *Dörner F. K., Hoepfner W.* Vorläufiger Bericht über eine Reise in Bithynien, 1962 // AA. 1963. Ht. 3. S. 579–586; *Eidem.* Das Eiland Thynias-Apollonia // IstMitt. Bd. 39. 1989. S. 103–106.

⁶⁶ *Şahin S.* Neufunde von antiken Inschriften in Nikomedeia (Izmit) und in der Umgebung der Stadt. Münster, 1974; *Idem.* Bithynische Studien / IK. Bd. 7. Bonn, 1978.

⁶⁷ См. одну из первых работ: *Firatli N.* Bitinya araştırmalarima birkaç illave // Türk tarih kurumu Belleten. С. XVII. 1953. С. 15–26. В ходе проводившихся Н. Фиратли раскопок были обнаружены золотые ювелирные украшения (видимо, доэллинистического времени), которые, к сожалению, не были проанализированы в последующих обобщающих исследованиях.

⁶⁸ Такая ситуация в целом сохраняется и поныне: широкомасштабных раскопок на территории Вифинии сейчас не ведется, а получаемые турецкими археологами материалы в основном относятся к позднему времени. Тем не менее директор исторического музея г. Изник г-жа Гюльчин Озизичи любезно сообщила мне, что в апреле 2001 г. сотрудниками музея в ходе раскопок в 5 км от города было обнаружено захоронение, датированное первой половиной II в. благодаря находке двух бронзовых монет Пруссия II: двухкамерная гробница с мраморными ложами, на которых находились три скелета. Погребальный инвентарь был представлен брон-

Пожалуй, наиболее важным археологическим источником выступают надгробные стелы, несущие в себе сведения об особенностях культурного стиля в той или иной области, о религиозных представлениях населения. Обнаруженные в Вифинии памятники эллинистической и римской эпох были опубликованы, систематизированы и прокомментированы в трех капитальных исследованиях⁶⁹, остающихся незаменимыми хранилищами информации. Иконография некоторых рельефов может служить чрезвычайно важным и доселе, к сожалению, маловостребованным материалом, позволяющим зачастую по-новому оценить целый ряд событий политической истории Вифинского царства. Основательные работы имеются также по надгробным памятникам Византия⁷⁰ и Калхедона⁷¹.

Наконец, последнюю группу использованных нами источников составляют лингвистические данные, прежде всего, вифинские антропонимы и топонимы. Их изучение, проводимое с привлечением данных, почерпнутых из справочников по фракийской и малоазийской топонимике и ономастике⁷², позволяет проследить (хотя

зовыми и стеклянными сосудами, терракотовыми статуэтками, светильниками, коробочками для благовоний. См. также: *Meriçboyu Y., Atasoy S. Izmit Kanlıbağ tümülüsü // Istanbul arkeoloji müzeleri yilligi. 1969. S. 67–95*, где приводятся данные о раскопках гробницы с тумулусом из окрестностей Измита (древняя Никомедия), датируемой эллинистическим периодом. К сожалению, не подвергались систематическому археологическому изучению ограбленные еще в древности гробницы, расположенные у поселения Уч Тепелер (также неподалеку от Измита) и предположительно идентифицирующиеся с погребениями вифинских царей (информация предоставлена археологом Музейного управления г. Измит г-жой Зейнеп Демир).

⁶⁹ *Kubinska J. Les monuments funéraires dans les inscriptions grecques de l'Asie Mineure. Warszawa, 1968; Pfuhl E., Möbius H. Die Ostgriechischen Grabreliefs. Bd. I–II. Mainz-am-Rhein, 1979; Cremer M. Hellenistisch-römische Grabstelen im nordwestlichen Kleinasien. 2. Bithynien // AMS. Bd. 4. Bonn, 1992.*

⁷⁰ *Firatli N., Robert L. Les stèles funéraires de Byzance Gréco-Romaine (avec l'édition et l'index commenté des épitaphes). Paris, 1964; Die Inschriften von Byzanz / IK. Bd. 41. Hrsg. v. A. Laitar. Bonn, 2000.*

⁷¹ *Asgari N., Firatli N. Die Nekropole von Kalchedon // SRKK. S. 1–92.*

⁷² *Detschew D. Die Thrakische Sprachreste. Wien, 1957; Robert L. Noms indigènes dans l'Asie-Mineure Gréco-Romaine. Paris, 1963; Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964; Idem. Kleinasiatische Ortsnamen. Heidelberg, 1984; Tischler J. Kleinasiatische Hydronymie. Wiesbaden, 1977.*

бы пока и приблизительно) особенности взаимоотношений греческого и автохтонного населения Вифинии и обратиться к спорным проблемам ее этнической истории. В частности, детальное рассмотрение вифинского ономастического материала позволяет внести некоторые коррективы в наиболее распространенные представления о месте вифинцев в общефракийском этническом массиве⁷³.

Комплексное использование всех видов источников позволяет надеяться на успешное разрешение проблем, неизбежно возникающих при обращении к такому сложному и многоплановому предмету, как эллинистическая Вифиния. Показательно, что многие исследовательские направления, в рамках которых изучались те или иные проблемы вифинской истории, зарождались и развивались именно на базе анализа отдельных категорий источников.

* * *

Изучение Вифинского царства не было изолировано от магистральных направлений исследования всего эллинистического мира⁷⁴. Процесс становления независимого вифинского государства был впервые бегло освещен И. Г. Дройзеном в его «Истории эллинизма», вышедшей в 30–40-х гг. позапрошлого столетия⁷⁵. Работа немецкого исследователя, разумеется, сохраняет свою актуальность и до сих пор. После этого, начиная с середины XIX в., внимание историков привлекали отдельные и, как правило, не слиш-

⁷³ См. предварительные результаты: Габелко О. Л. Новые данные о вифинских личных именах // *Thracians and Circumpontic World. Summaries of the IX-th International Congress of Thracology* (Chişinău — Vadul lui Vodă, 6–11 Sept. 2004). Chişinău, 2004. С. 135–136. В данной монографии эти данные анализируются в Приложении I.

⁷⁴ Подробнее о литературе, посвященной истории Вифинии, см.: Габелко О. Л. История Вифинского царства в зеркале историографии // *Античный мир и его судьбы в последующие века. Доклады конференции*. М., 1996. С. 140–149. Здесь делается вывод о существовании в изучении Вифинского царства трех подходов, условно названных монографическим, интегрирующим и региональным. Следует подчеркнуть, что историографический аспект темы представляет вполне самостоятельный научный интерес, позволяя проследить немаловажные детали в развитии исследований по истории эллинизма.

⁷⁵ Русский перевод: Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. I–III. М., 1890–1893.

ком значительные проблемы вифинской истории⁷⁶. По своему характеру исследования этого времени должны быть отнесены скорее к популярной, нежели к собственно научной литературе, и потому они не оставили в историографии заметного следа.

Особо выделено в их числе должно быть лишь диссертационное сочинение Э. Нольте⁷⁷, ставшее к настоящему времени библиографической редкостью. В этой работе, не лишенной, разумеется, некоторых недостатков, высказывается немало весьма интересных мыслей, в большинстве своем, к сожалению, неучтенных позднейшими исследователями.

В последние десятилетия позапрошлого века вводится в оборот значительная часть нумизматических источников по истории Вифинии. Это дало мощный импульс к появлению новых исследований, прежде всего, упомянутых выше трудов Т. Рейнака. Помимо чисто нумизматических штудий, исследователь обратился также к рассмотрению политической истории Вифинии в связи с историей соседних малоазийских монархий — Каппадокии и Понта⁷⁸, что было существенным шагом вперед. Трудно переоценить также тот вклад, который внесен в изучение Вифинского царства французским исследователем в его ставшем классическим труде о Митридате Евпаторе⁷⁹.

Примерно в это же время изучением Вифинского царства занялся видный немецкий историк Эд. Мейер. Некоторые вопросы внешней политики вифинских царей он затронул в монографии, посвященной Понтийскому царству⁸⁰, а в дальнейшем им была опубликована обстоятельная статья в энциклопедии Паули-Виссова⁸¹.

⁷⁶ Чертков А. Д. Фракийские племена, жившие в Малой Азии. М., 1852; Lauria G. A. La Bitinia. La Lidia. S.l., 1874; Клеоним М., *Попадопуло* X. Вифиния. Историко-географический очерк. Одесса, 1886 (последняя работа — это русский перевод греческого издания 1869 г.). Упомянутые здесь русскоязычные брошюры вообще лишь с большой натяжкой могут быть отнесены к научным исследованиям и скорее претендуют на то, чтобы быть отнесенными к категории историографических курьезов.

⁷⁷ Nolte E. De rebus gesti Bithynorum usque ad Prusiam I mortem. Diss. Halle, 1861.

⁷⁸ Reinach Th. Numismatique ancienne: Trois royaumes de l'Asie Mineure: Cappadoce, Bithynie, Pont. Paris, 1888.

⁷⁹ Idem. Mithridate Eupator, roi de Pont. Paris, 1890. Второе издание книги вышло пять лет спустя в Лейпциге на немецком языке (см. прим. 23).

⁸⁰ Meyer Ed. Geschichte des Königreichs Pontos. Leipzig, 1879.

⁸¹ Idem. Bithynia // RE. Bd. III. 1898. Sp. 507—524.

В ней было предпринято принципиально важное расширение тематики исследований: Эд. Мейер сумел выйти за рамки рассмотрения исключительно политической истории Вифинии, определенные характером основных нарративных источников, и обратился к анализу других важнейших тем. К таким из них, как проблемы этнической истории Вифинии и ее доэллинистического прошлого, впоследствии никто из исследователей практически не обращался, причем такая ситуация во многом сохраняется и поныне.

Начиная с конца XIX и в первые десятилетия XX в. вифинская проблематика (главным образом, политическая история страны, а также история вифинских городов) рассматривалась преимущественно в работах общего и справочного характера, касающихся эллинистического мира в целом или Малой Азии⁸². Поистине рубежным в плане изучения самых различных аспектов истории Вифинии стал период 1940–1950-х гг. В 1941 г. увидел свет капитальный труд выдающегося русского историка М. И. Ростовцева «The Social and Economic History of the Hellenistic World» (Vol. I–III. Oxford, 1941), в котором впервые в историографии была предпринята попытка выявить главные черты социально-экономического устройства Вифинского царства и определить роль и место Вифинии в эллинистическом мире. Созданная им схема оказалась весьма притягательной для историков (в первую очередь англоязычных) на многие десятилетия⁸³. Несмотря на то что М. И. Ростовцеву удалось создать стройную и убедительную концепцию развития Вифинии и соседних малоазийских государств в IV–I вв., основные моменты политической истории Вифинского царства были освещены им довольно сжато (что, впрочем, объясняется самой тема-

⁸² *Niese B.* Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd. I–III. Gotha, 1893–1903; *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. Bd. IV. Abt. 1–2. Leipzig, 1925; *Meyer Ern.* Die Grenzen der Hellenistischen Staaten in Kleinasien. Zürich; Leipzig, 1925; *Ceyer F.* Nikomedes (3, 4, 5, 6) // RE. Bd. XVII. 1936. Sp. 493–499; *Ruge O.* Ticion // RE. Bd. VI. A 1. 1936. Sp. 856–862; *Ruge W.* Nikaia (7) // RE. Bd. XVII. 1936. Sp. 226–243; *Idem.* Nikomedeia // *Ibid.* Sp. 468–492; *Jones A. H. M.* The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937; *Idem.* The Greek City...

⁸³ См., например, явные реминисценции: *Davis N., Kraay C. M.* The Hellenistic Kingdoms. Portrait Coins and History. London, 1973. P. 257–264; *Harris B. F.* Bithynia: Roman Sovereignty and the Survival of Hellenism // ANRW. Bd. VII. H. 2. Berlin; New York, 1982. P. 858–869.

тикой его труда) и в силу этого нередко упрощенно. Исследование М. И. Ростовцева было продолжено и углублено в работе Д. Маги «Roman Rule in Asia Minor» (Vol. I–II. Princeton, 1950), столь же заслуженно обретшей к настоящему времени статус классической. Американский историк детально рассмотрел внешнюю политику вифинских царей и их взаимоотношения с великими эллинистическими монархиями, соседними малоазийскими царствами и греческим миром. Основное внимание он уделяет процессу утверждения римского господства в Анатолии и помещает историю Вифинии в контекст именно римской политики на Востоке, в результате чего Вифинское царство в монографии Д. Маги выступает лишь одним из многочисленных объектов исследования.

В 1953 г. была опубликована книга итальянца Дж. Витуччи⁸⁴, до сих пор являющаяся единственным монографическим исследованием Вифинского царства и остающаяся наиболее полной и систематизированной сводкой материалов по вифинской истории. Основное внимание историк уделил политической истории страны, причем, как это бывало и прежде, ее ранний период (особенно — но не только!) оказался освещенным довольно поверхностно. Политика вифинских правителей в освещении Дж. Витуччи нередко кажется, к сожалению, явлением, изолированным от общеэллинистического контекста. Проблемы хозяйственного строя, государственного управления, культуры и верований вифинского населения рассмотрены итальянским историком также чрезвычайно бегло. Все это позволяет заключить, что работа Дж. Витуччи не смогла хотя бы в какой-то степени закрыть тему.

Некоторые из тех целей, которые лишь наметил Дж. Витуччи, были блестяще достигнуты Х. Хабихтом, опубликовавшим в 1956 г. основательную статью о вифинско-пергамских войнах⁸⁵, а в 1957 и 1972 гг. — статьи о вифинских царях Пруссии I, Пруссии II, Зипойте и Зиэле в энциклопедии Паули-Виссова⁸⁶. На основании умелого сопоставления всех видов источников исследователь дал исчерпывающий по глубине анализ государственной

⁸⁴ Vitucci G. Il regno di Bitinia.

⁸⁵ Habicht Ch. Über die Kriege zwischen Pergamon und Bithynien // Hermes. Bd. LXXXIV. 1956. S. 90–110.

⁸⁶ Idem. Prusias (1, 2, 3) // RE. Bd. XXIII. 1. 1957. Sp. 1086–1127; Idem. Ziaelas // RE. Bd. 10a. 1972. Sp. 387–397; Idem. Zipoites (1, 2, 3) // RE. Bd. 10a. 1972. Sp. 448–459.

деятельности четырех вифинских монархов, разрешив целый ряд дискуссионных до того времени проблем. Несмотря на все несомненные достоинства этих работ, следует отметить, что они все же носят в общем справочный характер и рассматривают только внешнюю политику Вифинии, к тому же появление некоторых новых материалов заставляет пересмотреть или уточнить ряд содержащихся в них выводов.

При том, что политическая история Вифинии, как уже отмечалось, известна нам лучше всего, специальных исследований по этой теме больше не появлялось. Тем не менее взаимоотношения с Вифинией находят свое место при изучении римской внешней политики⁸⁷, истории соседних с Вифинией государств — Пергама⁸⁸, Понта⁸⁹,

⁸⁷ *Liebmann-Frankfort T.* La frontière orientale dans la politique extérieure de la République romaine. Bruxelles, 1969; *Cimma M. R.* Regi socii et amici populi Romani. Firenze, 1976; *Sherwin-White A. N.* Roman Involvement in Anatolia, 167–88 B. C. // *JRS*. Vol. LXVII. 1977. P. 62–75; *Idem.* Roman Foreign Policy in the East. 168 B. C. to A. D. I. London, 1984; *Bulin R. K.* Untersuchungen zur Politik und Kriegführung Roms im Osten von 100–68 v. Chr. Frankfurt-am-Main; Bern, 1983; *Gruen E. S.* The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. I–II. Berkeley; Los Angeles; London, 1984; *Sullivan R. D.* Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 B. C. Toronto, 1990; *Kallet-Marx R. M.* Hegemony to Empire. The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 B. C. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1995; *Canali de Rossi F.* Le ambascerie dal mondo greco a Roma in età repubblicana. Roma, 1997.

⁸⁸ *Hansen E. V.* The Attalids of Pergamon. Ithaca; New York, 1947; *McShane R. B.* The Foreign Policy...; *Hopp J.* Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. München, 1977; *Allen R. A.* The Attalid Kingdom...; *Virgilio B.* Il «Тепю stato» di Pessinunte fra Pergamo e Roma nel II–I secolo A. C.: (C. P. Welles, *Roy. corr.*, 55–61). Pisa, 1981.

⁸⁹ *McGing B. C.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986; *Ballesteros Pastor L.* Mitridates Eupátor, rey del Ponto. Granada, 1996 (испанскому исследователю принадлежит также ряд статей, в которых основательно прорабатывается источниковедческая база традиции о Митридате Евпаторе); *Strobel K.* Mithridates VI Eupator von Pontos. Politisches Denken in hellenistischer Tradition versus römische Macht. Gedanken zur Geschichtlichen Stellung und zum Scheitern des letzten großen Monarchen der hellenistischen Welt // *Orbis Terrarum*. 1996. Bd. 2. S. 145–190; *Idem.* Mithridates VI Eupator von Pontos. Der letzte große Monarch der hellenistischen Welt und sein Scheitern an der römischen Macht // *Ktema*. Т. 21. 1996. P. 55–94; *Mastrocinque A.* Studi sulle guerre Mithridatiche. Stuttgart, 1999.

Каппадокии⁹⁰, Галатии⁹¹ или независимых полисов побережья юго-западного Понта и Боспора — Гераклея Понтийской, Калхедона, Византия⁹². Важным этапом в изучении истории Вифинского царства на данный момент является обширная статья датской исследовательницы Л. Ханнестад⁹³, в которой рассматривается не только филэллинская политика вифинской династии, как это заявлено в ее названии, но высказываются небезынтересные мнения и по более общим вопросам. Кроме того, одним из крупнейших знатоков истории Вифинии следует считать на сегодняшний день немецкого ученого К. Штробеля⁹⁴. Наконец, выход в свет новой весьма интересной (хотя и имеющей несомненный крен в сторону научной популяризации, что, видимо, обусловлено самим замыслом серии «*Orbis provinciarum*») монографии Х. Марек по истории римской провинции Вифиния и Понт⁹⁵ следует расценивать как еще одно проявление тенденции, оформившейся уже довольно давно: большее

⁹⁰ *Simonetta B.* The Coins of the Cappadocian Kings.

⁹¹ *Strobel K.* Die Galater im hellenistischen Kleinasien: Historische Aspekte einer keltischen Staatenbildung // *Hellenistische Studien. Gedankenschrift für Henning Bengtson.* München, 1991; *Idem.* Galatien und seine Grenzregionen. Zu Fragen der historischen Geographie Galatiens // *AMS. Bd. XII. Forschungen in Galatien.* Bonn, 1994. S. 29–65; *Idem.* Die Galater. Geschichte und Eigenart der keltischen Staatenbildung auf dem Boden des hellenistischen Kleinasien. Bd. 1. Untersuchungen zur Geschichte und historischen Geographie der hellenistischen und römischen Kleinasien I. Berlin, 1996 (эта работа содержит глубокий и содержательный очерк политической истории раннеэллинистической Малой Азии в целом); *Mitchell S.* Anatolia; *Ellis P. B.* Celt and Greek. London, 1996; *Arslan M.* Galatlar. Antikçağ Anadolu'su'nun Savaşçı Kavmi. Istanbul, 2000.

⁹² *Kämmel O.* Heracleotica. Beiträge zur älteren Geschichte der griechischen Colonisation im Nördlichen Klein-Asien. Plauen, 1869; *Schneiderwirth H.* Das Pontische Herakleia. Heiligenstadt, 1885; *Merle H.* Die Geschichte der Städte Byzantion und Kalchedon. Kiel, 1916; *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976; *Bittner A.* Gesellschaft und Wirtschaft in Herakleia Pontike. Eine Polis zwischen Tyrannis und Selbstverwaltung. Bonn, 1998.

⁹³ *Hannestad L.* «This Contributes in No Small Way to One's Reputation»: The Bithynian Kings and Greek Culture // *Aspects of Hellenistic Kingship / Studies in Hellenistic Civilization.* Vol. V. Aarhus, 1996. P. 67–98.

⁹⁴ См., помимо перечисленных выше работ, его статьи в «*Der Neue Pauly*», посвященные городам и правителям Вифинии.

⁹⁵ *Marek Ch.* Pontus et Bithynia. Die römischen Provinzen im Norden Kleinasien. Mainz, 2003.

внимание исследователей привлекает именно римский, а отнюдь не эллинистический период истории Вифинии⁹⁶. Вероятно, такое положение дел может быть объяснено как ситуацией с источниками, так и сложившейся в западной науке определенной системой приоритетов в выборе конкретных исследовательских тем.

В последнее время применительно к Вифинии и смежным с ней областям активно ведутся разработки по историко-географической проблематике⁹⁷, открывающие новые перспективы и возможности для освещения недостаточно изученных вопросов. Особняком стоит глубокое и оригинальное исследование Л. Робера, значительная часть которого посвящена исследованию тех или иных сторон истории Вифинии, причем автор в своих выводах опирался прежде всего на результаты собственных экспедиций по северо-западной Турции⁹⁸.

Нельзя не упомянуть и о работах болгарских фракологов, которые рассматривают Вифинию как составную часть фракийского мира и исходя из этого выявляют сходство и различия в культурно-историческом развитии Вифинии и Европейской Фракии. Здесь следует отметить прежде всего работы по вифинской топонимике и ономастике⁹⁹, а наиболее активно «фрако-вифинские параллели» изучались в 1970-х гг. А. Фолом¹⁰⁰.

⁹⁶ Достаточно назвать лишь некоторые основательные труды по истории римской Вифинии: *Lewis M. F. A History of Bithynia under Roman Rule*, 74 В. С. — А. Д. 14. Diss. Minnesota, 1973; *Harris B. F. Bithynia: Roman Sovereignty...*; *Idem. Bithynia under Trajan. Roman and Greek Views of the Principate*. Auckland, 1964; *Marek Ch. Stadt, Ara und Territorium in Pontus-Bithynien und Nord-Galatia*. Tübingen, 1993; *Debord P. Comment devenir le siège d'une capitale impériale: le «racours» de la Bithynie* // REA. Т. 100. № 1–2. 1998. P. 139–165.

⁹⁷ *Şahin S. Studien über die Probleme der historischen Geographie des nordwestlichen Kleinasien* // EA. Ht. 7. 1986. S. 125–167; *Schwertheim E. Studien zur historischen Geographie Mysiens* // EA. Ht. 11. 1988. S. 65–78; *Strobel K. Galatien und seine Grenzregionen*.

⁹⁸ *Robert L. A travers l'Asie Mineure. Poètes et prosateurs, monnaies grecques, voyageurs et géographie*. Paris, 1980. P. 5–196.

⁹⁹ *Mihailov G. Population et onomastique d'Asie Mineure en Thrace* // Pulpudeva. 2. Sofia, 1978. P. 68–78; *Duridanov I. Die thrakischen Ortsnamen Bithyniens* // Pulpudeva. 3. Sofia, 1980; *Idem. Die thrakischen Personennamen Bithyniens* // Балканско езикознание. Т. XXIV. 1. 1981. S. 31–42; *Georgiev V. La formation et l'ethymologie des noms rois des Thraces et Daces* // Балканско езикознание. Т. XXIV. 1. 1981. S. 5–29.

¹⁰⁰ *Фол А. Демографска и социална структура на древна Тракия. София, 1970; Fol A. Paralleles thraco-bithyniens de l'époque preromanie. I.*

Отечественная историография Вифинского царства небогата: в дореволюционной, а затем в советской и в современной российской науке главное внимание в силу вполне понятных причин всегда уделялось не Южному, а Северному Причерноморью. Определенный вклад в изучение древностей северной Малой Азии был внесен сотрудниками Русского археологического института в Константинополе¹⁰¹. Для изучения исторической географии Вифинии несомненное значение имеет интересная брошюра А. П. Протопопова¹⁰².

Le régime de la propriété // Etudes historiques. Т. 5. 1970. P. 177–189; *Idem*. Observations préliminaires sur la diaspora thrace en Asie Mineure et dans le Proche-Orient pendant l'antiquité // Etudes balkaniques. Т. 2. 1971. P. 56–72; *Idem*. Thrako-bithynische Parallelen im vorrömischen Zeitalter. II. Bevölkerungs- und gesellschaftsstrukturen // Thracia. I. Serdicae, 1972. S. 197–212. Его подход, однако, отличается некоторой тенденциозностью: исследователь зачастую выделяет общие черты в политическом, экономическом и социальном развитии Вифинии не на основании данных источников, а путем механического переноса сведений о Вифинии на фракийскую почву и наоборот, в результате чего им создается концепция истории Вифинии как «крупной фракийской державы». Еще более отчетливо эта тенденция выражена в статьях о Вифинии, помещенных в «Краткой энциклопедии фракийских древностей». См. подробнее о взглядах болгарских исследователей на вифинскую проблематику: Габелко О. Л. Изучение истории Вифинского царства болгарскими историками // III Дриновские чтения. Проблемы источниковедения, историографии, истории и культуры Болгарии. Тезисы докладов. 25–27 октября 1994 г. Харьков, 1994. С. 11–12; *Он же*. История Вифинского царства в зеркале историографии. С. 146–147. Между тем в работах большинства западных исследователей фракийское наследие в истории Вифинии исследуется явно недостаточно глубоко и чаще всего просто упоминается.

¹⁰¹ Регель В. Э. Об одной погребальной пещере в Вифинии // ЖМНП. Ч. 245. 1886. С. 113–117; *Он же*. О некоторых надгробных памятниках в Вифинии // ЖМНП. Ч. 257. 1888. С. 49–57; Регель В. Э., Новосадский Н. Д. Надгробная надпись из Никеи // ЖМНП. Ч. 246. 1886. С. 25–36. В этих работах значительный интерес представляет попытка проследить взаимосвязь между определенными типами вифинских погребальных памятников и особенностями местности, в которой они были воздвигнуты. См. также: Погодин П. Д., Вульф О. Ф. Никомидия. Историко-археологический очерк. Одесса, 1897; Лепер Р. Х. Греческая надпись из Инеболи // ИРАИК. 1903. № 8. Вып. 1–2. С. 158–164.

¹⁰² Протопопов А. П. Военно-топографическое описание Вифинийского полуострова. СПб., 1883.

Весьма представительный материал по интересующей нас теме содержится в работах, посвященных истории городов южного побережья Черного моря и Боспора Фракийского¹⁰³. Особенно тесные отношения с Вифинией поддерживала Гераклея Понтийская, и вполне закономерно, что в сочинениях, посвященных истории этого полиса (кстати, довольно неплохо документированной)¹⁰⁴, немалое место уделяется и гераклейско-вифинским связям, хотя только в монографии С. Ю. Сапрыкина эти проблемы анализируются достаточно подробно и обстоятельно.

Другой традиционной для отечественного антиковедения была и остается история Понтийского царства, для которого контакты с соседней Вифинией всегда играли важную роль. В последние годы появился ряд исследований, детально освещающих историю Понта на протяжении IV–I вв. и особенно эпоху Митридата VI Евпатора¹⁰⁵. В них рассматривается эволюция вифинско-понтийских отношений на протяжении тех или иных отрезков эллинистической истории, приведшая в конечном итоге к началу Митридатовых войн и гибели Вифинии как самостоятельного государства. Следует также упомянуть новую монографию, посвященную Пергаму¹⁰⁶, хотя в ней военные и дипломатические контакты этого государства с Вифинией не являются предметом специального рассмотрения. Отдельные стороны истории Вифинского царства затрагиваются также в некоторых работах

¹⁰³ *Невская В. П.* Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953; *Максимова М. И.* Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа, Амис, Трапезунт. М.; Л., 1956; *Пальцева Л. А.* Из истории архаической Греции: Мегара и мегарские колонии. СПб., 1999.

¹⁰⁴ *Дзатурова В. П.* Гераклея Понтийская в эпоху ее автономии: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1946; *Она же.* Мемнон. О Гераклее. Введение. Комментарии; *Леви Е. И.* Гераклея Понтийская: Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1947; *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.

¹⁰⁵ *Ломоури Н. Ю.* К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979; *Молев Е. А.* Властитель Понта. Н. Новгород, 1995; *Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство. М., 1996; *Смыков Е. В.* Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология. Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997; см. также ряд работ К. Л. Гуленкова.

¹⁰⁶ *Климов О. Ю.* Царство Пергам: Очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998; см. также более ранние работы этого же автора.

общего характера¹⁰⁷ и статьях, посвященных анализу ряда частных проблем¹⁰⁸.

В целом можно констатировать, что, несмотря на определенные достижения в изучении истории эллинистической Вифинии, она даже в своей наиболее «простой» и доступной составляющей — политической — до сих пор остается полной открытыми вопросов и нерешенных проблем. Очевидно, здесь играет свою роль относительная «периферийность» Вифинии по сравнению с государствами Атталидов и Митридатидов (не говоря уже о великих эллинистических державах)¹⁰⁹, а также и уже отмеченное выше своеобразие источниковой базы. В силу этих обстоятельств в литературе по истории Вифинского царства утвердилось немало тезисов (выдвинутых нередко «из общих соображений»), которые при ближайшем рассмотрении оказываются весьма уязвимыми для критики¹¹⁰. Отсюда вытекает необходимость тщательного анализа всего доступного историографического материала, что позволяет внести некоторые нюансы в изучение существенно важных вопросов.

Таким образом, выявление роли и места Вифинии в системе эллинистических государств продолжает оставаться важной и перспективной задачей. Сочетание разработанности отдельных аспектов истории Вифинии с отсутствием в историографии общей концепции исторического развития страны — ее внешней политики, государственного устройства, культуры — является оптимальной предпосылкой для новой постановки вопросов и открывает довольно широкие возможности для научного поиска.

¹⁰⁷ Жигунин В. Д. Международные отношения эллинистических государств. Казань, 1980; Он же. Международная политика эллинистических государств (280–220 гг. до н. э.): Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1988; Кащеев В. И. Эллинистический мир и Рим...

¹⁰⁸ Карышковский П. О. О некоторых вифинских тетрадрамах 183 г. вифинской эры // ЗОАО. Т.1 [34]. 1960. С. 327–333; Моисеева Т. А. Переселение кельтов в Анатолию и договор Никомеда Вифинского с галатами // Норция. Вып. 2. Воронеж, 1978. С. 71–82; Vinogradov Ju. G. Der Staatsbesuch der «Isis» im Bosphoros // AncCiv. 1998 (1999). Vol. 4. S. 271–302 и др.

¹⁰⁹ См. любопытные наблюдения историографического характера, сделанные по этому поводу Л. Ханнестад («This Contributes in No Small Way...», Р. 67).

¹¹⁰ См. об этом: Габелко О. Л. Внешняя политика Вифинского царства. С. 54–55.

ВИФИНИЯ: СТРАНА И НАРОД

§ 1. Природно-географические условия северо-западной Малой Азии. Некоторые проблемы исторической географии Вифинии

Основные территории расселения вифинских племен, где позднее возникло ядро их государства, располагались на полуострове Коджаэли — крайней северо-западной части Малой Азии. На западе он ограничен Босфорским проливом (Боспором Фракийским), на юге — глубоко вдающимся в сушу Измидским (в древности — Астакским, позже — Никомедийск им) заливом, на севере — Черным морем. По мере развития экспансии вифинских правителей их господство распространилось на земли к востоку, югу и юго-западу полуострова.

Данные современных географических исследований позволяют выделить на территории, которую занимало Вифинское царство, пять районов, различающихся по своим природным характеристикам, каждый из которых может быть разбит на несколько более мелких частей. Первый из них — собственно плато Коджаэли, второй — непосредственно примыкающее к нему нижнее течение реки Сакарья, третий — горы и котловины в районе городов Бурсы и Изник, четвертый — часть побережья и прибрежной области к востоку от устья Сакарьи и, наконец, пятый — средняя часть долины этой реки и примыкающая к ней область¹. Наибольшее значение в классический и эллинистический периоды истории Вифинии имели первые три района, практически целиком входившие в сферу политического влияния вифинских правителей, поэтому основное внимание в данной части работы будет уделено именно их описанию.

¹ Erol O. Die naturräumliche Gliederung der Türkei. Wiesbaden, 1983. См. описание каждого из них: S. 55–61, 65–67, 104–108.

Принципиально важной особенностью природы Вифинии было то, что эта область, как и большая часть Малоазийского полуострова в целом, была покрыта горами. Представляется уместным привести обобщенную характеристику рельефа региона (выдержанную вместе с тем в терминологии, вполне понятной и неспециалисту). «Самая замечательная черта устройства поверхности прибрежных районов Мраморного моря — строго выдержанное широтное направление оргорафических линий. Возвышенности п-ова Коджаэли отделены от южнее расположенной горной цепи широтной впадиной, занятой на западе Измидским заливом, восточнее — озером Сапанджа и переходящей в глубь страны в расширение Акова у Адапазары. Далее к югу, между широтными безымянными цепями... расположена совершенно аналогичная впадина; часть ее, затопленная морем, — современный залив Гемлик²; восточнее лежит озеро Изник. Основное направление оргорафических линий не изменяется и далее к югу.

Широтная впадина Измидского залива — рубеж двух стран, совершенно различных как в геологическом, так и в ландшафтно-географическом отношении. Если с одной из возвышенностей в районе Гебзе (у входа в залив) бросить взгляд на запад и на север, можно увидеть обширную, почти ровную поверхность, над которой возвышаются лишь отдельные возвышенности круглых очертаний. Это так называемая Фракийская остаточная поверхность; она тянется вплоть до берегов Босфора и может быть прослежена и по ту сторону пролива — на обширных пространствах Фракии. В пределах Анатолии, к востоку от Гебзе, эта денудационная поверхность, над которой возвышаются лишь островные горы, переходит в сильно расчлененную горную страну.

Территория к югу от Измидского залива имеет совершенно иную структуру. Здесь тянется сильно расчлененная горная цепь, начинающаяся мысом Бозбурун в Мраморном море; быстро повышаясь к востоку, она достигает 1600 м близ ущелья Сакарьи³.

Самые высокие горы на территории Вифинского царства находились в его южных районах: это горный массив Мизийский Олимп (совр. Улу-Даг), достигающий высоты 2500 м, тогда как

² В древности он назывался Кианийским, по имени милетской колонии Киоса, расположенной в месте его максимального углубления в сушу.

³ Матвеев С. Н. Турция (Азиатская часть — Анатолия). Физико-географическое описание. М.; Л., 1946. С. 104—105.

преобладающие высоты полуострова Коджаэли — от 100 до 300 м, а максимальные достигают почти 600 м над уровнем моря⁴. Достаточно значительны также горные массивы, отделявшие территории, входившие в состав Вифинского царства, от расположенной к югу и юго-востоку Геллеспонтской Фригии — Капиорман Даглари и Эльмаджик Даги⁵.

То обстоятельство, что Вифиния была в основном горной страной, существенно затрудняло попытки вражеских нападений. Местное население, прекрасно знающее этот район, умело использовало особенности рельефа и часто прибегало к тактике засад, оказывавшейся весьма эффективной; наиболее яркие примеры этого приведены в «Анабасисе» Ксенофонта. Вместе с тем отмечаемые некоторыми исследователями территориальная компактность и относительное «географическое единство»⁶ страны могли иметь и отрицательную сторону — возможность организации массовых вторжений крупных сил противника и быстрого захвата наиболее важных стратегических пунктов, что в полной мере проявилось в ходе Первой и Третьей Митридатовых войн.

В отношении всего комплекса природно-географических условий — климата, рельефа, наличия полезных ископаемых, природной растительности и факторов, способствовавших возделыванию культурных растений, — Вифиния представляла собой весьма богатую область с обширными возможностями экономического и политического развития, причем ее природа, в отличие от некоторых других областей Анатолии, практически не имела каких-либо экстремальных особенностей, отрицательно сказывавшихся на хозяйстве Вифинии (чрезмерная расчлененность страны высокими горными цепями, как в северной и восточной частях Малой Азии; значительная заболоченность, примеры чего дает Кария; резкие температурные колебания, характерные для внутренних районов полуострова, и проч.). Важно также отметить, что природа северо-западной Малой Азии (опять-таки в отличие от ряда других областей,

⁴ Протопопов А. П. Военно-топографическое описание... С. 2–3.

⁵ Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 196. См. на с. 192–196 описание территории Вифинии в связи с ее рельефом и предположительно прослеживаемой динамикой пределов расселения вифинских племен, а также расширения границ царства.

⁶ Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 43–44; Фол А. Тракия и Балканите през ранноеллинистическата епоха. София, 1975. С. 98.

скажем, западного побережья, очертания которого изменились под воздействием речных наносов) не претерпела сколько-нибудь значительных изменений на протяжении последних двух с половиной тысячелетий, что позволяет широко привлекать современные данные для воссоздания реалий древности.

Климат Вифинии имеет переходный характер между типом климата западно-черноморского побережья, с одной стороны, и типом западно-анатолийской окраины. Среднегодовые температуры превышают здесь 14 °С, средняя температура самого жаркого месяца колеблется от 23 до 24 °С. Зима сравнительно мягкая (средняя температура + 6 °). При этом характерной особенностью климата полуострова Коджаэли является преобладание на его северном побережье здесь холодных ветров, дующих с Черного моря⁷. В более южных районах климат значительно мягче. Большая часть осадков (при суммарном уровне 800 мм в год) выпадает осенью, хотя дожди идут во все времена года⁸.

Земля Вифинии была плодородной (Dion. Perieg., 794: Βίθυ-voί λιπαρήν χθόνα καλετάουσι). Здесь имеют распространение различные виды почв: скелетные почвы с красноземами (округа Бурсы), скелетные почвы с красноземами и коричневыми лесными почвами (округа Болу), луговые почвы речных долин (по течению реки Сакарья)⁹, а также, видимо, собственно красноземы¹⁰, но все они создают весьма благоприятные условия для вегетации разнообразной растительности.

Флора Вифинии довольно богата. «Полуостров (Коджаэли. — О. Г.) в основном является лесным районом: леса более характерны для восточной части района, примыкающей к реке Сакарья, и за ней. На дюнах и на кварцитовых возвышенностях леса нет. Чистые составы насаждений редки, лес обычно смешанного типа и состоит в основном из дуба, иногда бука, каштана, в смеси с видами клена, ивы, ольхи... с мощным платаном, вязом, ясенем, яблоней, кизилом... Подлесок состоит из лещинного орешника, рододендрона, бересклета, вишни, рябины, терна, а также из

⁷ Erol O. Die naturräumliche Gliederung... S. 56; Жуковский П. М. Земледельческая Турция (Азиатская часть — Анатолия). М.; Л., 1933. С. 76.

⁸ См. сводку информации о климате региона: Матвеев С. Н. Турция. С. 107. Таб. 8; С. 110.

⁹ Матвеев С. Н. Турция. С. 50.

¹⁰ Жуковский П. М. Земледельческая Турция. С. 75.

Типичный пейзаж полуострова Коджаэли

маквиса, который распространен на прогалинах. Многочисленные выющиеся растения... создают непроходимые чащи¹¹. Травянистая растительность состоит из папоротника-орляка и разных травянистых сезонных видов»¹².

На плодородие вифинских земель и ведущую роль земледелия в хозяйстве страны косвенным образом указывает то обстоятельство, что греческие колонии, основанные на собственно вифинской территории или поблизости от нее (Калхедон, Византий, Гераклея Понтийская), имели обширную хору, которую они стремились еще более расширить за счет своих соседей-вифинцев¹³.

Античные источники единодушно подчеркивают обилие и разнообразие природных ресурсов Вифинии. Имеет смысл процитировать некоторые наиболее показательные отрывки.

Сначала уместно воспроизвести информацию, восходящую к сочинению вифинского уроженца Арриана Флавия: «Говорят, что

¹¹ Такой характер растительности, вне всякого сомнения, существовал и в древности, как об этом свидетельствует Ксенофонт, отмечающий, что местное население успешно вело боевые действия, неожиданно нападая из густой поросли (Anab., VI, 4, 26–27; 5, 12–13).

¹² Жуковский П. М. Земледельческая Турция. С. 76.

¹³ Аграрный характер вообще преобладал в большинстве колонизационных мероприятий мегарских дорийцев, составлявших основную часть населения названных полисов. См., например: *Legon R. Megara. The Political History of a Greek City-State to 336 B. C.* Ithaca; London, 1981. P. 79; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 18.

Бухта Кальпе (совр. Керпе) на черноморском побережье Вифинии

земля их (вифинцев. — О. Г.) приносит всяческие плоды и обильна лесом, и имеются у них многочисленные каменоломни, хрусталь, рождающийся в горах, и много всякого другого добра» (Eustath. ad Dioп. Рег., 793. P. 355, 44 = Αγ., Βιθυν., F. 20 Roos). Арриан писал в римское время, но нет основания сомневаться в том, что естественные ресурсы страны весьма эффективно эксплуатировались и в гораздо более ранние периоды, когда Вифиния была еще захолустным уголком ойкумены. Ксенофонт, описывая вифинское побережье в районе Кальпе, сообщает: «Имеется там у самого моря в границах этой местности и неиссякаемый источник пресной воды. Тут же у моря много деревьев разных пород и особенно много прекрасного корабельного леса¹⁴. Горная возвышенность простирается в глубь материка примерно на 20 стадий. Почва ее состоит из земли и не камениста, а приморская ее часть на протяжении более 20 стадий покрыта густым, разнообразным и высоким лесом. Ос-

¹⁴ В османскую эпоху Вифинский полуостров назывался «Агач денизи» («Море деревьев») (Матвеев С. Н. Турция. С. 110. Прим. 1). Корабельным лесом, являвшимся в древности важным стратегическим сырьем, был особенно богат регион Мизийского Олимпа, присоединенный к Вифинии позже. Здесь «при обилии речных и ручьевых вод, при наличии хорошего почвенного покрова, в условиях мягкого климата развились огромные леса, имеющие много общего со средневропейским типом леса и отличающиеся от последнего наличием вечнозеленых пород» (Жуковский П. М. Земледельческая Турция. С. 87). Город Бурса (древняя Пруса) турки называют Ешил Бурса («Зеленая»). В районе Бурсы и в настоящее время ведется промышленная добыча строевого леса, а также мрамора и глины (материалы личных наблюдений).

Сплав леса по реке в Вифинии

тальная часть этой местности обширна, прекрасна и в ней немало многолюдных деревень. Земля приносит здесь ячмень, пшеницу, всевозможные овощи, просо, кунжут, винные ягоды в достаточном количестве, много винограда, дающего хорошее вино, словом, все, кроме маслины» (Апоб., VI, 4, 4–6; ср. 6, 1 — пер. М. И. Максимовой). Страбон упоминает о прекрасных условиях для развития животноводства и земледелия в округе вифинских городов Вифиниона¹⁵ и Никеи (XII, 4, 7), Плиний Младший — об обеспеченности плодами, мрамором, строительными материалами вифинской столицы Никомедии (Epist., X, 41, 2). Античные историки говорят о рыбных богатствах Вифинии: Ливий — об обилии рыбы в Сангарии (XXXVIII, 18, 8), Дион Кассий — о крупных сазанах в Изникском озере (LXXV, 15, 3). Вифиния располагала сравнительно обильными и высококачественными водными ресурсами, что весьма актуально для Малой Азии: так, помимо рек, ручьев и двух крупных озер (Никомедийского — совр. Сапанджа и Никейского — совр. Изник) в районе Прусы находятся источники с целебной водой, именовавшиеся «царскими» (Athen., II, 17), имеющие значение и поныне¹⁶.

¹⁵ Округа древнего Вифиниона, вилайет Болу, являлся наиболее производительным в сельскохозяйственном отношении и в XX в. н. э. (Жуковский П. М. Земледельческая Турция. С. 78).

¹⁶ Даркот Б. География Турции. М., 1959. С. 80.

Вифиния была богата и различными диковинами. Так, Афиней со ссылкой на Асклепиада Мирлеанского говорит о некоем растении $\chi\alpha\iota\alpha\iota\kappa\acute{\epsilon}\rho\alpha\sigma\omicron\varsigma$, произрастающем здесь, которое сам он отождествляет с земляничным деревом, называя его плоды $\mu\iota\sigma\alpha\iota\kappa\upsilon\lambda\omicron\nu$ (II, 35). Гален упоминает некие эндемичные лекарственные растения Вифинии (De aliment. facult. Vol. VI. P. 520; 533 Κύρη). Наконец, Страбон упоминает, что в источнике Азарития неподалеку от Калхедона водились маленькие крокодилы (XII, 4, 2).

Отдельные высказывания древних авторов находят полное соответствие в современных данных. Л. Робер показал, что пассаж Аполлония Родосского о войне между бебриками и мариандинами «за богатую железом землю» (Ap. Rhod., II, 135–141) имеет вполне реальное историческое содержание: находящиеся в Вифинии между Сангарием и Гипием месторождения железа могли разрабатываться уже в архаическую эпоху¹⁷; эксплуатируются они и сейчас¹⁸.

Вифиния в силу своего географического положения тесно связана с морем. Древние авторы даже пытались отождествить упоминаемых Гомером гализонов с вифинцами на том основании, что возводили этот этноним к греческому $\eta\ \alpha\lambda\varsigma$ — морская соль (то есть гализоны — жители области, окруженной морем, а именно Вифинского полуострова) (см. подробнее далее, прим. 36). Характер рельефа (прежде всего, очертания береговой линии, а также то обстоятельство, что внутренние районы страны не были отделены от побережья высокими горами, как на территории центральной и восточной частей черноморского побережья Турции) делал относительно удобным для мореплавания акватории как северного побережья Вифинии к востоку от Боспора¹⁹,

¹⁷ Robert L. A travers... P. 5–11.

¹⁸ Даркот Б. География Турции. С. 138. Рис. 51. И. В. Пьянков обоснованно отмечает, что Вифиния входила в зону обитания полумифического малоазийского народа халибов — признанных мастеров металлургии (Пьянков И. В. Гализоны — халибы — мосхи (К вопросу о циркумпонтийской касте металлургов конца II — I тыс. до н. э.) // Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества (ЗВОРАО). Новая серия. Т. I (XXVI). СПб., 2002. С. 324–342).

¹⁹ Cary M. The Geographic Background of Greek and Roman History. Oxford, 1949. P. 158–159. В комментарии Евстафия к тексту Дионисия Перизгета со ссылкой на Арриана Флавия говорится о том, вифинцы некогда были весьма сведущими в морском деле ($\nu\alpha\upsilon\tau\iota\kappa\omega\tau\acute{\alpha}\tau\omicron\upsilon\varsigma$)

так и, в особенности, Астакский залив, где имеется большое количество удобных якорных стоянок²⁰. Вифинские реки Артанес, Роя и Сангарий в древности были судоходными — правда, лишь для небольших судов (Агг. Periopl. 17–18 = GGM I. P. 380–383, ср. Магс. Нег. 8 = GGM I. P. 569). Сангарий (совр. Сакарья) — одна из крупнейших рек Малоазийского полуострова, имеет длину 790 км. Впрочем, многие реки Вифинии, и Сангарий в том числе, пересыхают в засушливое время года: на это указывает, в частности, приводимое псевдо-Плутархом его древнее название — Ксеробат (De fluv., XII, 1). Нижнее течение Санагрия было одним из наиболее важных сельскохозяйственных районов страны²¹. Другие реки Вифинии — текущая неподалеку от Боспо-

(Eustath. ad Dion. Per., 793. P. 355, 44 = Arg., Bithyn., F. 20 Roos). Впрочем, на черноморском побережье Вифинии вплоть до Гераклеи Понтийской находилось лишь небольшое количество бухт, удобных для стоянки только небольших кораблей (Протопопов А. П. Военно-топографическое описание... С. 25–28). Возможно, именно этот фактор ограничивал развитие торговли Вифинии с государствами Черноморского бассейна.

²⁰ Матвеев С. Н. Турция. С. 103. Здесь, правда, необходима одна оговорка. Значительная протяженность Астакского залива удаляла расположенные в его самой крайней точке города Астак и его «преемницу» Никомедию от наиболее оживленных торговых путей на Пропонтиде (Cary M. The Geographic Background... P. 158; Высокий М. Ф., Габелко О. Л. Некоторые проблемы мегарской колонизации (о монографии: Пальцева Л. А. Из истории архаической Греции. Мегара и мегарские колонии. СПб., 1999) // Античность: общество и идеи. Межвузовский сборник. Казань, 2001. С. 38). От важнейшей транспортной артерии региона, Боспора Фракийского, Вифиния, вероятно, на протяжении значительной части своей истории была отрезана греческими колониями Византием и Калхедоном (Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 13; Synt R. Anatolica. Studies in Strabo / Ed. by A. Birley. Oxford, 1995. P. 116), хотя некоторые участки азиатского побережья залива могли быть подконтрольны вифинским правителям (Габелко О. Л. Дионисий Византийский... С. 37–38). Это, разумеется, ограничивало возможности развития морской торговли Вифинии.

²¹ Meyer Ed. Bithynia. Sp. 516; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 13. О долине Сангария в античное и средневековое время см.: Foss C. Byzantine Malagina and the Lower Sangarius // AS. Vol. XL. 1990. P. 167. Вероятно, именно в этих районах с плодородными почвами концентрировалась основная масса населения страны (Фол А. Демографска и социална структура... С. 209); интересно, что подобная демографическая ситуация

ра Реба — совр. Рива Дереси (Дионисий Перизетт говорит о ней: «Реба, вода которой влечется, прекраснейшая на земле» — 796), Псилис (Гексу), Гипий (Мелен Чай), Калет (Алапи Чай) — были не столь значительны.

Для более эффективного использования водных путей сообщения и дальнейшего развития судоходства в стране весьма действенным средством было бы строительство канала, соединяющего Сангарий с Никомедийским озером (ныне оз. Сапанджа) и далее — с Никомедийским заливом. Из письма Плиния Младшего в бытность его наместником Вифинии (112 г. н. э.), адресованного императору Траяну, известно, что подобные планы существовали уже при вифинских царях: Плиний видел даже незаконченный канал, предназначенный «для стока ли влаги с окружающих полей или для соединения озера с рекой», сооружение которого было начато при ком-то из вифинских монархов. Плиний и сам настаивал на реализации этого проекта, но он так и остался незавершенным (X, 41, 2–3)²².

Таким образом, краткий очерк природно-географических условий и естественных ресурсов Вифинии показывает, что на всем протяжении ее древней истории они имели чрезвычайно важное значение и оказывали самое непосредственное влияние на различные стороны развития страны.

существовала в северо-западной Турции и в XX в. (Жуковский П. М. Земледельческая Турция. С. 133. Рис. 69).

²² Любопытно, что подобные планы выдвигались и в правление ряда турецких султанов, однако они встречали энергичное сопротивление местного населения и потому не были реализованы (Матвеев С. Н. Турция. С. 109. Прим. 2). Плиний же пребывал в убеждении, что жители Никомедии и окрестных деревень будут с охотой участвовать в строительстве канала как в деле, выгодном для всех (Plin., Epist., X, 41, 2). Очевидно, в Вифинии эллинистического и римского времени весьма эффективно действовал торговый путь, соединявший Nikeю и Прусиаду-Приморскую и проходивший как по суше, так и по Nikeйскому озеру (*Sölch f. Bithynische Städte im Altertum* // *Klio*. Bd. 19. 1924. S. 152). Проект, о котором идет речь, мог подобным же образом более тесно связать с внутренними областями Вифинии и Никомедию: Сангарий подходит к городу на расстояние ок. 300 стадий (Strabo, XII, 3, 7).

§ 2. Формирование вифинского этноса в Анатолии. Этническая история Вифинии²³

Проблема формирования малоазийского этноса, известного античным авторам под названием «вифинов»²⁴ классического, эллинистического и римского времени, не может пока считаться вполне разрешенной. С уверенностью можно судить лишь о фракийском происхождении этого этноса: об этом говорят древние историки, и их оценка целиком подтверждается данными лингвистики, поскольку ономастика и многие географические названия в Вифинии имеют бесспорные фракийские корни, хотя здесь имеется и нефракийский (аборигенный?) компонент (подробнее см. далее, с. 82). Археологические материалы, недавно введенные в оборот Д. Френчем²⁵, тоже свидетельствуют о частичном слиянии переселившихся в Азию фракийцев с местным анатолийским населением и позволяют говорить скорее не об одной-единственной миграции, а о постепенной инфильтрации из Европы фракийских племен (в том числе, вероятно, и собственно вифинов) в места их последующего проживания. Отголоском чрезвычайно сложных этнических про-

²³ Раздел о переселении вифинов в Малую Азию написан совместно с А. А. Немировским; в основу данной части работы положен доклад, сделанный нами на VIII Международном colloquio по исторической географии древнего мира (Штутгарт, май 2002 г.).

²⁴ Об этимологии данного этнонима, восходящей к индоевропейскому **iei* — «быть сильным, мощным» см.: *Tomaschek W. Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung.* Osnabrück, 1975. Bd. II. S. 65; *Jankičeva S. Die Stammennamen Qunoiv und Biquoiv // Thracia Antiqua. Bulletin d'information et de communications de l'Institut de Thracologie.* № 1. Sofia, 1976. S. 56; *Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы).* София, 1981. С. 65. В более узком смысле, применительно к собственно фракийскому племени, было бы правильнее употреблять наименование «вифины», тогда как для обозначения этнически не вполне однородного населения Вифинского царства уместнее пользоваться словом «вифинцы». В дальнейшем в этой работе будет в основном использоваться именно такая терминология.

²⁵ *French D. Thracians in Northwestern Asia Minor // Europa Indo-Europea. Atti del VI Congresso Internazionale di Tracologia e del VII Simposio Internazionale di Studi Traci.* Palma de Mallorca, 24–30 marzo 1992. Roma, 1994. P. 69. К сожалению, взгляды английского ученого известны нам только по краткому резюме его доклада.

цессов, происходивших в северо-западной Малой Азии, может считаться сообщение Саллюстия о том, что Вифиния в древности называлась многими именами (*multis antea nominibus appellata*) (Sallust., *Hist.*, III, 70)²⁶. Наиболее распространенное из них — Бебрикия²⁷, появление которого, вероятно, следует отнести уже к эпохе великих эгейско-анатолийских миграций рубежа II—I тыс., поскольку прослеживается очевидная лингвистическая связь между

²⁶ Георгий Синкелл говорит даже о заселении Вифинии финикийцами (Synk., I, 185. Ed. Bonn), но это сообщение не находит убедительного подтверждения в данных археологии и нарративных источников. Гипотеза о финикийском присутствии в Вифинии развивалась Э. Нольте (Nolte E. *De rebus gestis...* P. 4–7), хотя лингвистические изыскания немецкого исследователя в этом вопросе должны быть признаны безнадежно устаревшими. Впрочем, следует упомянуть о мнениях относительно возможной причастности финикийцев к основанию поселений на месте будущих греческих колоний Византия и Калхедона, тесно связанных с Вифинией. В частности, при раскопках на территории Стамбула были обнаружены фрагменты керамики с финикийскими клеймами (Dethier P. *Der Bosphor und Constantinopol*. Wien, 1873. S. 6). Что же касается Калхедона, то, по мнению Д. Уилсона, близость его названия финикийскому «Кар-Хадашт» (в греческом произношении — Καρχηδών) не случайна: на месте этого полиса могло существовать финикийское поселение с таким названием, жители которого будто бы даже «пришли к соглашению с вифинцами» (Wilson D. R. *The Historical Geography of Bithynia, Paphlagonia, and Pontus in the Greek and Roman Periods*. Diss. Oxford, 1960. P. 120). Конечно, эта гипотеза также слишком умозрительна, хотя необходимость разъяснить разницу между названиями Καρχηδών и Χαλκηδών (Καλχηδών) для Стефана Византийского (s. v. Καρχηδών) была вполне ощутима. Можем ли мы быть уверены, что, к примеру, сын Диоскурида (его имя утеряно, причем, и восстановление патронимика небесспорно), отправивший хлеб (?) в Истрию, обозначенный в декрете истриан как Καρχηδώνιος (стк. 4), был природным карфагенянином, а не гражданином Калхедона, что прекрасно соответствовало бы историческому контексту? (См. надпись и перевод: Блаватская Т. В. *Западнопонтийские города в VII—I веках до нашей эры*. М., 1952. Приложение. № 10. С. 245.) Имеются, moreover, и иные указания на присутствие финикийцев в Вифинии; например: Πρόνεκτος, πόλις Βιθυνίας πλησίον τῆς Δρεπάνης, ἣν ἔκτισαν Φοίνικες (Steph. Byz., s. v.).

²⁷ Бебрики упоминаются Аполлоном Родосским во II книге «Аргонавтики», Страбоном (XII, 3, 3; 27; XII, 1, 8), Аррианом (Bithyn., F. 38 Roos) и целым рядом других античных авторов. В современной науке вопрос об их происхождении изучен явно недостаточно, так что эта тема остается открытой.

этнонимами «беврики» и «бриги» — другим названием фригийцев (ср. Strabo, VII, 3, 2).

Что же касается конкретных деталей процесса формирования вифинского этноса, то до сих пор они не поддавались ясной реконструкции. Достаточно сказать, что сообщения античных авторов о переходе предков вифинов в Анатолию обычно объявляются противоречивыми, и среди исследователей нет единства мнений ни о датировке этого события, ни о самой его сущности. Одни относят переселение вифинов в Азию ко времени до Троянской войны²⁸, другие — к самому концу II тыс.²⁹, третьи связывают вифинскую миграцию с последней волной фракийских инвазий в Анатолию в первой половине I тыс.³⁰ Ниже будет предпринята попытка заново рассмотреть и выяснить этот вопрос, но сперва следует обратиться к самой идентификации «классических» вифинов в античной литературе. Вифины единодушно определяются античными авторами как «фракийцы» и, в частности, «азиатские фракийцы». Какой смысл вкладывался в это определение и на каком историческом фоне он формировался?

Легко показать, что термин «фракийцы» в античной историографии (в том числе у одного и того же автора) имеет два значения разного объема. В первом, более широком значении, он имеет тот же смысл, что и современные термины «фрако-фригийцы» и «палеобалканцы»³¹. Лучший образец такого словоупотребления дает

²⁸ Janakieva S. Die Stammensnamen... S. 57; Фол А., Спиридонов Т. Историческа география на тракийските племена до III в. пр. н. е. София, 1983. С. 82.

²⁹ Mansel A. M. Yalova und Umgebung. Istanbul, 1936. S. 47; Данов Х., Василева М. Мала Азия // КЕТД. С. 170.

³⁰ Meyer Ed. Bithynia. Sp. 510–511; Recueil. P. 142; Данов Chr. Zu der Ethnogenese und der Lageverschiebungen der Volkstämme Althraikiens in der zweiten Hälfte des II. und der ersten Hälfte des I. Jahrtausends v. u. Z. // L'ethnogenèse des peuples balkaniques. Symposium international sur l'ethnogenèse des peuples balkaniques. Plovdiv, 23–28 avril 1969. Sofia, 1971. S. 274–275; Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика... С. 15–16; Димитрова Д. С. Этнокультурные контакты Юго-Восточных Балкан и Малой Азии (II — начало I тыс. до н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1986. С. 12; Орчев А. Витиния // КЕТД. С. 63; Гиндин Л. А., Цымбурский В. А. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. С. 187.

³¹ С лингвистической точки зрения никаких отдельных «фракийских» и «фригийских» языков до конца II тыс. быть не могло. И действительно

Страбон (VII, 3, 2): «Сами же фригийцы — это бриги, какая-то фракийская народность, так же как мигдоны, бебрики, медовифины, вифины, фины и, как я думаю, мариандины»; здесь же определяются как «фракийцы» геты и балканские мисы-месы (мезы), «от каковых мисов произошли и те мисы, что живут теперь между лидийцами, фригийцами и троянцами». В Strabo, XII, 3, 3 добавляется: «Бебрики, которые поселились в Мисии раньше этого времени (переселения сюда вифинов и финов из Фракии. — А. Н., О. Г.), были также, как я полагаю, фракийцами»; в XII, 4, 4 сказано еще раз, что «все эти народности (ранее следовал их перечень: вифины, фригийцы, мисы, долионы при Кизике, мигдоны и троянцы. — А. Н., О. Г.) были фракийцами, потому что фракийцы обитали на противоположном берегу (пролива Боспор Фракийский. — А. Н., О. Г.), и те и другие мало отличались друг от друга». Как видим, «фракийцами» здесь всюду одинаково именуются и европейские фракийцы, и вифины, и азиатские племена фригийцев, бебриков, азиатских мисов и т. д.

Во втором, более узком значении, тот же термин «фракийцы» означает лишь одну из групп «фракийцев в широком смысле слова», противопоставленную другим таким группам, в том числе тем же самым фригийцам и мисам: в XII, 3, 3 Страбон говорит о

но, различные этнонимы с основой «му/юс-» восходят, несомненно, к одному племенному союзу; между тем в I тыс. эти этнонимы носят и фракийцы, и фригийцы, и не только они (фракийцы — мисы/мезы Балкан; вне фригийской или фракийской идентификации — мисы Анатолии; великофригийцы, известные как (западные) «мус/шка» ассирийцам и «муса» — лувийцам; верхнемесопотамские фригийцы-мигдоны, известные ассирийцам как (восточные) «мус/шка»; протоармяне (и каппадокийцы), известные как (восточные) «мус/шка» ассирийцам и как «муска» лувийцам; мосхи — слившиеся с аборигенами Понта восточные «муска»). См. сводку данных о них в работе: *Немировский А. А.* Каппадокийцы и Каппадокия: к формированию этнополитической карты древней Анатолии // *Oriens*. 1999. № 6. С. 5–15). Это означает, что во времена существования единого массива племен «мус» разделения на фракийцев и фригийцев еще не произошло.

Стоит отметить, что этноним «мус-» всюду связан с палеобалканцами приэгейского, а не причерноморского ареала (т. е., например, с мигдонами, но не с бригами!). Можно предполагать, что ок. 1300 г. на Балканах существовало несколько крупных «палеобалканских» массивов, в том числе «мусы» — в центральных и юго-западных Балканах, и «бриги» — в северо-восточных.

«фракийских племенах вифинов и финов», вторгшихся в землю азиатских мисов, которые на этот раз названы лишь «потомками/выходцами из фракийцев», но не собственно фракийцами, в отличие от вифинов и финов — актуальных «фракийцев» пассажа; последние так и квалифицируются здесь как «фракийские» племена в противоположность мисам, не получающим подобного определения и прямо противопоставленным «фракийцам» пассажа как некая иная общность³². Множество других авторов, как известно, определяют вифинов (и ни одну другую народность!) как «фракийцев» или «азиатских фракийцев» (а их страну — как «Азиатскую Фракию»)³³ — в отличие от их соседей, то есть мисов и фригийцев, никогда не характеризующихся у них таким образом (и встречающихся в общих перечнях наряду с «фракийцами»³⁴). Это опять-таки мыслимо лишь при применении термина «фракийцы» в только что выявленном узком смысле слова, мисов и фригийцев

³² «Большинство согласно с тем, что вифины, бывшие прежде мисами, получили свое измененное имя от фракийцев — вифинов и финов, поселившихся в этой стране. Относительно племени вифинов приводят то доказательство, что еще и теперь некоторые племена в (Европейской. — А. Н., О. Г.) Фракии называются вифинами, относительно же финов, — то, что побережье близ Аполлонии и Сальмидесса носит название Финниады... Я уже сказал выше, что даже сами мисы были выходцами из тех (европейских. — А. Н., О. Г.) фракийцев, которые теперь называются мисами». В первой фразе «мисы» и «фракийцы» подчеркнуто описываются как два разных народа одного таксономического уровня: вифины были «мисами», а потом утратили эту этническую идентификацию под влиянием «фракийцев» (вифинов и финов). В последней фразе «сами мисы» оказываются потомками каких-то древних «фракийцев». Ясно, что в первом случае речь идет об узком смысле термина «фракийцы», во втором — о широком: во второй фразе «фракийцы» оказываются общностью, к которой принадлежат и «фракийцы» в первом, узком смысле слова (уже по своему названию), и «мисы», противопоставленные этим «собственно фракийцам» в первой фразе.

³³ См. перечисление без сколько-нибудь углубленного анализа: Hdt, I, 28; III, 90; VII, 75; Thuc., IV, 75; Xen., Hell, I, 3, 2; III, 2, 2; Xen., Anab., VI, 2, 17; VI, 4, 1; Diod., XIV, 38; Plut., Alkib., 37; Scyl., Per., 92 = GGM I, P. 67; Arr., Anab., I, 29, 5 (последний случай, впрочем, требует специальной оговорки, которую см. далее, прим. 92 данной главы).

³⁴ Ср. специально: Arr., Bithup., F. 37 Roos, где сталкиваются в одном пассаже «фракийцы», «мисы» и «фригийцы» как три разных народа, а также различие их как разных, таксономически равноправных народов в этногеографической схеме Страбона и т. д.

не включающем³⁵. Именно этот смысл соответствует термину «фракийцы» в современном историко-лингвистическом употреблении. Как мы только что видели, именно в этом, узком смысле слова и являются «фракийцами» вифины.

Однако коль скоро и «фракийцы» в узком смысле слова, и фригийцы, и пр. являются «фракийцами» в широком смысле слова, откуда взялся сам водораздел между этими смыслами обсуждаемого термина? Страбон, перечисляя разные племена «фракийцев» в широком смысле слова, заключает их перечень словами: «...все эти народности совершенно покинули Европу, а (европейские. — *А. Н., О. Г.*) мисы (= мезы-мезы. — *А. Н., О. Г.*) остались» (VII, 3, 2). Отсюда проще всего было бы заключить, что именно племена широкой общности «фракийцев», переселившиеся в Азию, уже не рассматривались как актуальные «фракийцы» в узком смысле слова, и специальную силу этот термин сохранял лишь для тех племен, что оставались в Европе. В самом деле, европейские мисы рассматриваются у Страбона как «фракийцы» в обоих смыслах этого слова, азиатские мисы — только в широком смысле слова (VII, 3, 2, ср. XII, 3, 3); при этом азиатские мисы прямо квалифицируются как «фракийцы» лишь применительно к давно прошедшим временам их переселения в Анатолию (VII, 3, 2), в то время как в актуальном времени они всего лишь «выходцы из фракийцев» (XII, 3, 3). Не является ли водоразделом между широким и узким смыслом термина «фракийцы» сам факт миграции тех или иных «фракийских» (в широком смысле слова) племен в Азию?

Такой подход к делу придется признать упрощенным. Во-первых, все эти термины и их группировка носят этнолингвистический характер и отвечают прежде всего представлениям греков о сходстве и разнице языков. Во-вторых, при предположенном подходе вообще неоткуда было бы взяться «азиатским фракийцам» в узком смысле слова: перейдя в Азию, они так же перестали бы быть «фракийцами» в этом смысле слова, как азиатские мисы; однако этого не случилось: вифины мигрировали из Европы в Азию, однако это не помешало им (в отличие от всех остальных мигрантов) сохранить квалификацию «фракийцев» в узком смысле слова.

Очевидно, внутренняя классификация «фракийцев в широком смысле слова» проводилась античными авторами несколько по

³⁵ Гомер дает еще более узкое значение, отделяя «фракийцев» (европейских) от европейских же мисов (II, XIII, 3).

другой модели: они считали, что некогда имела места какая-то определенная фаза миграций «фракийцев в широком смысле слова» (то есть насельников древнего фракийского ареала Европы) в Азию. Эта фаза относилась к эпохе, достаточно древней для того, чтобы ко временам становления греческой этнической терминологии языка мигрантов уже сильно отличались от фракийских диалектов Европы. Эти-то племена — то есть племена азиатских мисов; фригийцев и пр. — в категорию «собственно фракийцев» уже не включали. Те же фракийские племена, что переселились в Азию существенно позже, вне этой фазы, и потому так и не успели ко временам оформления греческой номенклатуры вполне обособиться от европейских фракийцев лингвистически, продолжали рассматриваться как актуальные «фракийцы» независимо от своего местообитания.

Как видно, античные авторы не рассматривали процесс переселения «фракийцев» в широком смысле слова в Азию как последовательность рассеянных, равноудаленных друг от друга во времени импульсов. Вместо этого они выделяли:

1) с одной стороны, некую основную фазу миграций из фракийского ареала Европы в Азию, которая навсегда разделила былую общность фракийцев на мигрантов — «выходцев из (европейских) фракийцев» (но отныне уже не «фракийцев» в собственном смысле слова!) и «актуальных фракийцев», остававшихся при этом в Европе;

2) с другой стороны, все более поздние миграции, которые, занося этих «актуальных фракийцев» (фракийцев в узком смысле слова) в Азию, их этнической идентификации уже не меняли.

Из этого следует, что коль скоро вифины, в отличие от всех своих азиатских соседей, остались «фракийцами» в узком смысле слова, то их переселение в Азию состоялось в иную, куда более позднюю историческую эпоху, нежели переселения этих соседей. В самом деле, продолжай вифинская миграция ряд этих переселений прямо, без существенного хронологического разрыва, какие основания были бы у греков противопоставлять фракийцев-вифинов прочим отселенцам из фракийского ареала Европы как «фракийцев» в собственном смысле слова? Тем самым мы получаем важный вывод: вифинско-финская миграция в Азию существенно запоздала по сравнению с переселениями всех прочих палеобалканских групп и была прочно отделена от суммарной фазы этих переселений неким достаточно существенным хиатусом. Между

тем указанные группы, как известно, переселялись в Азию в эпоху великих европейско-левантийских миграций XIII–XII вв. Тогда, учитывая, что миграция вифинов должна быть отделена от этой эпохи существенным хиатусом, наиболее вероятным *terminus post quem* для вифинско-финской миграции в Азию останется время ок. 1000 г. Косвенно эта датировка (и сам указанный хиатус) подтверждаются тем, старательно подчеркиваемым Страбоном фактом, что Гомер в своем изображении Малой Азии вифинов еще не знает, хотя описывает территорию, на которой они впоследствии жили³⁶ (XII, 3, 27; XIII, 5, 23; напомним, что этногеографическая реальность, отображаемая Гомеровским эпосом, — это все же и есть реальность эпохи европейско-левантийских потрясений XIII–XII вв.)³⁷. Ср. аналогично: Аммиан Марцеллин замечает, что Вифиния прежде звалась Мигдонией (XXII, 6, 14); однако из данных греческой традиции следует, что с ее точки зрения мигдоны обитали на соответствующей территории около времени Троянской войны и покинули весь этот регион вскоре после нее³⁸. Мы вновь приходим к выводу о том, что приход сюда вифинов (по крайней мере, в рамках античных представлений) мог произойти лишь после завершения потрясений, связанных с событиями Троянского цикла.

Теперь обратимся к сведениям античных авторов о миграциях вифинов; как упоминалось, эти сведения, давно введенные в научный оборот, обычно рассматриваются как противоречивые. Посмотрим, так ли это.

³⁶ Пытаясь истолковать это обстоятельство, комментатор Гомера Евстафий со ссылкой на Арриана (Аг., Bithyn., F. 22 Roos) отождествляет с вифинцами дважды упоминаемых поэтом (II, II, 856; V, 39) гализонов. Эта точка зрения (равно как и более широкий взгляд, согласно которому гализоны были фракийцами) вполне закономерно отвергается (*Lazova T. Are the Halizones a Thracian Tribe? Some Glances at the Ancient Greek Tradition // Thracia Antiqua. 1976. № 1. P. 62–68*).

³⁷ См. подробно: Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история...; Немировский А. А. К вопросу об отражении анатолийского этнополитического переворота нач. XII в. до н. э. в греческой традиции // Античность: общество и идеи. Межвузовский сборник. Казань, 2001. С. 3–19; Он же. Античная традиция о переселении балканских фригийцев в Азию и данные археологии // Античность: политика и культура. Межвузовский сборник. Казань, 1998. С. 3–12.

³⁸ Немировский А. А. Античная традиция... С. 8–9.

Согласно Геродоту (VII, 75), «после переселения в Азию это [фракийское] племя получило имя вифинов, а прежде, по их собственным словам, они назывались стримониями, так как жили на Стримоне. Говорят, тевкры и мисийцы изгнали их с [их старых] мест обитания [в Европе]». О нашествии тевкров на Стримон Геродот говорит и в другом месте (V, 13).

Итак, стримонии, по Геродоту, получили имя вифинов только после переселения в Азию. Разумеется, Геродот не мог подразумевать, что просто по случаю своего прихода на новые места стримонии решили выдумать для себя новое имя!³⁹ Возможны лишь две интерпретации этого пассажа: стримонии уже нашли в Азии некое племя вифинов и страну Вифинию и, поселившись там, стали именовать себя по ней (так и решила болгарская исследовательница С. Янакиева)⁴⁰, либо, наоборот, уже после переселения стримониев в Азию на занятую ими там территорию пришли племена собственно вифинов и распространили на них свое имя. Выбор между этими вариантами интерпретации позволяет сделать данная Геродотом датировка переселения стримониев временем нашествия тевкров и мисийцев на Европу. Под этим нашествием могут подразумеваться только эпические европейские завоевания Приама (о которых говорит и Гомер): «тевкры» у Геродота обозначают эпических троянцев «героического века»⁴¹; между тем из них европейские завоевания приписывались лишь Приаму, причем именно до Стримона включительно (II, II, 120–140; X, 415–440), да и сам Геродот в VII, 20 прямо помещает эту экспансию «мисийцев и тевкров» перед Троянской войной. Итак, это переселение тесно связано у Геродота с греческим представлением о

³⁹ Не говоря об абсурде такого хода дел, достаточно подчеркнуть, что сами этнонимы «вифины» и «фины» существовали и продолжали существовать еще на Балканах (Strabo, XII, 3, 3). Итак, стримонии — не сами вифины, а их переселившийся в Малую Азию в иное время субстрат либо суперстрат.

⁴⁰ Janakieva S. Die Stammennamen... S. 57.

⁴¹ Тевкры вообще — одно из основных племен Трояды. У Геродота «тевкры» — стандартное обозначение древних (эпических) троянцев вообще и троянцев Приама в частности (Hdt, II, 118; V, 122; VII, 20). Аналогичным образом в рамках греческих представлений «тевкры (троянцы) и мисийцы» могли бы выступать как единое целое (именно так у Геродота в VII, 20; 75) лишь под эгидой Приама, в период созданного им троянского великодержавия.

Троянской войне и об установившемся накануне ее эфемерном троянском великодержавии в Европе⁴². В таком случае первый из предполагаемых нами вариантов интерпретации Геродота — «вариант Янакиевой», где некие «вифины» оказываются в Азии до стримониев (то есть еще до Троянской войны!) и с тех пор обитают там, отпадает сразу (тем более, что Гомер вообще не упоминает вифинов в Малой Азии, и Геродот не мог этого не знать; ср., повторим, особое внимание к этому же вопросу у Страбона в XII, 3, 27 и XIII, 5, 23). Таким образом, в рамках греческой учености помещать азиатских вифинов в эпоху до Троянской войны было бы просто невозможно; к тому же, как мы помним, вифины, чтобы считаться у греков «фракийцами» в узком смысле слова, дол-

⁴² Эту легендарную датировку можно и уточнить. Как видно, по Геродоту, именно Приамовы завоевания вытеснили стримониев в Азию. Как это, однако, понимать? При простейшем, дословном восприятии сведений Геродота мы столкнемся с очевидной бессмыслицей: получается, что троянцы своими походами изгоняют из Европы стримониев в контролируемую ими же северо-западную Малую Азию, причем это движение стримонии должны осуществлять прямо «в лоб» изгоняющим их троянцам! Сам Геродот, однако, не видит в своем пассаже никаких странностей и противоречий. Очевидно, его выражения надо интерпретировать несколько иным (формально также возможным) образом, а именно: троянцы своим вторжением в Европу привели в движение местные племена, которые, раз обеспокоенные и сдвинутые с места, при первом удобном случае переправились в Азию, причем этот «удобный случай» воспоследовал за вторжением тевкров-троянцев в Европу достаточно быстро, чтобы и само троянское вторжение, и вызванное им переселение стримониев в Европу предстали в памяти потомков как единый, почти одномоментный процесс. Между тем переселение стримониев в Азию было возможно только после краха троянского великодержавия на обоих берегах Пропонтиды, т. е. в ходе/после Троянской войны. Соединя приведенные соображения, получаем следующий непрерывный ряд событий: 1) тевкрская экспансия в Европу, установление власти троянцев во Фракии; 2) Троянская война и крах троянской власти на Пропонтиде; 3) переселение стримониев в Азию, рассматриваемое у Геродота как прямое продолжение и следствие процесса 1). Причинная и временная близость событий 1) и 3) обеспечивает слияние всей последовательности в непрерывный кратковременный событийный комплекс и создает итоговое впечатление «изгнания» протовифинцев-стримониев в Европу в результате наступления троянцев. Иными словами, сообщение Геродота означает, что некое вторжение балканцев со Стримона в Азию последовало сразу же за Троянской войной.

жны были попасть в Азию, с точки зрения самих же греков, намного позже фригийцев и пр., то есть уже много после Троянской войны.

Итак, Геродот подразумевает следующую схему: около времени Троянской войны стримонии, фракийское племя со Стримона, переселилось в Азию; затем, в какие-то иные, более поздние времена «после» этого переселения на ту же территорию пришли носители этнонима «вифины», смешались со стримониями и ассимилировали их, после чего те тоже стали называться вифинами, хотя и сохранили память о своем особом происхождении. Таким образом, Геродот сообщает, по сути, о двух миграционных волнах, образовавших вифинский этнос — некоей «протовифинской» (стримонийской) около времени Троянской войны и собственно вифинской в какие-то более поздние времена.

Теперь обратимся к Страбону, у которого сказано (XII, 3, 3): «Вифины, бывшие прежде мисами, переименовались [в вифинов] по [названию] фракийцев — вифинов и финов, поселившихся в этой стране (на территории классической Вифинии. — А. Н., О. Г.)». О том, что первоначально Вифинию населяли мисы, Страбон говорит и в другом месте (XII, 4, 8): «То, что Вифиния была [некогда] местом обитания мисов, впервые засвидетельствовал Скилак из Карианды... Затем об этом свидетельствует Дионисий, написавший сочинение “Об основаниях городов”. Он говорит, что пролив у Халкедона и Византия, теперь называемый Боспором Фракийским, прежде носил имя Мисийского Боспора» и т. д. Все эти сведения совершенно не зависят от сообщения Геродота (тот ничего не говорил ни о мисах, ни о фидах), но, как легко заметить, рисуют совершенно ту же схему, которую на деле подразумевал, как мы только что видели, Геродот: некий до-вифинский, «протовифинский» народ, пришедший на территорию Вифинии первым, а затем и собственно фракийцы — вифины и фины, пришедшие туда позже и ассимилировавшие указанный народ, передав ему (а вместе с ним и его территории) свое племенное имя! Сообщения Страбона и Геродота ничуть друг другу не противоречат, а поддерживают и дополняют одно другое во всех подробностях. Из сопоставления параллельных, как выясняется, рассказов Геродота и Страбона можно сделать важный вывод: стримонии Геродота были не просто фракийцами, а носителями древнего палеобалканского этнонима «мис» (мюс, гесп. мес, мез; Strabo, XII, 3, 3; XII, 4, 8, см. выше).

При этом первая, «протовифинская» волна, как было давно показано в литературе, имеет еще одно отражение в греческой традиции, на этот раз в мифопоэтической и культовой ее сфере. Имеется в виду предание о Ресе, то есть, собственно говоря, о перемещении группы фракийцев со Стримона на северо-запад Малой Азии во время Троянской войны. Культ Реса практиковался по всему этому маршруту, начиная от Стримона и кончая Вифинией. И по датировке перемещения⁴³, и по этнической и территориальной принадлежности, и по маршруту — словом, во всех подробностях группа Реса совпадает с фракийцами-стримониями Геродота, переселившись в Вифинию около времени Троянской войны⁴⁴, что и заставляет считать предание о Ресе отражением той же «протовифинской» миграции, что известна нам по нарративам Геродота и Страбона.

В свете сказанного становится более ясным и известный пассаж Аппиана, посвященный происхождению вифинов (Mithg., 1); этот пассаж тем более важен для нас, что, как видно из вводящих

⁴³ Вплоть до крайней степени точности: как мы только что видели, движение стримониев в Азию имплицитно помещается сведениями Геродота на самый исход Троянской войны; но именно на последний год Троянской войны помещает приход Реса в Азию «Илиада»!

⁴⁴ Общая для греков и фракийцев традиция о фракийском царе Ресе многократно исследовалась в литературе (Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. С. 125–133, с обстоятельной библиографией), и здесь мы можем сразу привести суммарные сведения. Рес — реальное фракийское имя, отличающее в своем носителе лицо высшего, вернее всего царского, статуса. По происхождению и своим коренным владениям фракийский царь Рес самыми разнообразными авторами прочно связывается с долиной Стримона и племенем эдонов. Страбон добавляет, что его коренным племенем являлись поселившиеся на Стримоне «пришельцы из Македонии» (VII, fr. 36). На последнем году Троянской войны Рес со своим войском движется под Трою, где и гибнет. На Стримоне и по всему легендарному маршруту Реса вплоть до Троады и Вифинии (включительно) с его именем были связаны местные предания и культы. И общее содержание этого предания, и географическое распространение культа Реса показывает, что мы имеем дело с устойчивой традицией, отражающей движение балканцев со Стримона в Азию, которое традиция жестко помещает на исход Троянской войны. Это — совершенно та же картина, которая была выявлена нами по сведениям Геродота о стримониях (вплоть до того, что стримонии Геродота становятся вифинами, а конечной областью почитания Реса на востоке является та же Вифиния). Соответственно мы признаем в предании о Ресе отражение тех же событий, что и в сообщениях Hdt, VII, 75 — Strabo, XII, 3, 3, рассматривавшихся выше.

его слов самого Аппиана («греки полагают...»), он доносит до нас некое общее или усредненное мнение греческих ученых о происхождении вифинов, почерпнутое из недошедших до нас трудов. Указанный пассаж гласит (пер. С. П. Кондратьева): «Греки полагают, что фракийцы, отправившиеся походом под предводительством Реса под Илион, после того, как Рес ночью был убит Диомедом (каким образом, об этом рассказывает Гомер в своих песнях), что эти фракийцы бежали к устью Понта, там, где самая узкая переправа во Фракию; одни из них, не найдя судов, остались тут и завладели землей, так называемой Бебрикией; другие же, переправившись выше Византия в страну так называемых вифинских фракийцев, поселились у реки Вифии, но, измученные голодом, вновь вернулись в Бебрикию и назвали ее вместо Бебрикии Вифинией, по имени той реки, у которой они хотели поселиться; а может быть, это имя перешло к ним с течением времени и без этого повода, так как не так уж велико расстояние между (балканской. — А. Н., О. Г.) Вифинией и Бебрикией»⁴⁵.

С первого же взгляда в этом пассаже можно выделить два слоя информации. «Верхний» из них образует конечную связную историю, конструируя и поясняя мотивы, точную последовательность и характер действий своих героев, причем делает все это до крайности подробно и вместе с тем весьма нелепо и наивно (обычное качество «ученых» этиологических реконструкций древних авторов там, где они не опираются на прямое предание). Но к чему сводится сообщение Аппиана, если отвлечься от этих подробностей, и о каких, собственно, фактах оно сообщает? Только о двух последовательных движениях балканских насельников на территорию Вифинии: первом, в результате которого здесь остались какие-то фракийцы Реса, и более позднем, когда на ту же территорию пришла новая группа фракийцев, которая и была связана с

⁴⁵ Далее у Аппиана следует: «Такого мнения держатся некоторые; другие же полагают, что вначале царем у них был Вифий, сын Зевса и Фраки (Βίβυ ἀρξαι πρώτων αὐτῶν, παῖδα Διὸς τε καὶ Θράκης), от которых и даны имена той и другой земле (то есть балканской стране вифинов и азиатской Вифинии, бывшей Бебрикии. — А. Н., О. Г.)». Это мнение сконструировано ad hoc по обычному эпонимно-этиологическому лекалу и тем самым не несет значимой для нас информации; стоит отметить лишь владевшее его авторами желание подчеркнуть фракийское *par excellence* происхождение вифинов путем приписывания в матери условно-эпонимному Вифию столь же условно-эпонимной Фраки.

именовательной основой «виф(ин)-»; соответственно только с ее приходом страна и получила имя Вифинии. Именно эти сведения образуют базовый слой сообщения Аппиана; все остальные элементы его пассажа вторичны по отношению к этим данным, призваны сыграть роль связки между ними и добавлены к ним в том предположении, что вторая из вышеуказанных фракийских групп является дальним ответвлением первой. Это предположение — внешнее по отношению к выделенной выше содержательной основе пассажа и не находящее в ней никакой опоры — и задает все несообразности в итоговом повествовании Аппиана с его походами вифинов туда и обратно через Проливы. Сама эта основа чужда каких-либо неувязок и, что важнее всего, точно совпадает со сведениями, заключенными в сообщениях Геродота и Страбона: первая, «протовифинская» волна и вторая волна, представленная собственно «фракийцами-вифинами», создают историческую Вифинию (получающую свое название именно по второй волне). Тот факт, что источники Аппиана не осознают этого сходства, а их эксплицитное повествование совершенно непохоже ни на Геродота, ни на Страбона, лишний раз показывает, что выделенный нами во всех этих сообщениях инвариант одинаково предшествовал всем этим авторам, вызывал их всеобщее доверие и обрабатывался ими независимо друг от друга⁴⁶ (Hdt, VII, 75 удостоверяет, что этого инварианта придерживались и сами вифины!). Разумеется, обнаруживающееся реальное тождество основного содержания сообщения Аппиана с сообщениями прочих античных авторов только подкрепляет авторитет этих сведений.

Особо следует указать на присутствующую у источников Аппиана идентификацию первой, «протовифинской» волны мигрантов как фракийцев Реса. Выше по независимым основаниям был сделан вывод о том, что греческие представления об этой волне со-

⁴⁶ В частности, со стороны источников Аппиана такая обработка свелась к произвольному домыслению прямой генетической связи между двумя описанными волнами балканских мигрантов во Фракию (мотив, совершенно чуждый сообщениям Геродота и Страбона) и соответствующему — достаточно неуклюжему — преобразению всего сюжета, который при этом, однако, получал большее единство, нежели в своей исходной форме (теперь речь шла об одной и той же группе фракийцев, переселившейся в Азию в два этапа). Очевидно, в этом можно видеть пример естественной тяги не только эпической, но и «ученой» традиции эллинов к циклизации обрабатываемого ими материала.

относятся с преданием о походе Реса; прямое утверждение на эту тему, содержащееся у Аппиана, окончательно подтверждает и доказывает этот вывод.

Здесь же необходимо проанализировать сведения Стефана Византийского, как наиболее близкие Аппиановым: «Вифиния... [названа так] по имени Вифина, сына Зевса и титаниды Фраки, которая от Зевса имела Вифина, а от Крона — Долонка» (s. v. Βιθυνία)⁴⁷; ср.: «Долонки: фракийское племя, от Долонка, брата Вифина» (s. v. Δόλωνκος).

Во-первых, здесь, как и в рассматриваемых далее сообщениях Арриана, идет речь о родстве вифинов с другим народом, долонками, только по матери их эпонимов, причем долонки, видимо, должны считаться «старше» вифинов, так как отцом их прародителя является Крон, отец самого Зевса. Быть может, здесь отражены какие-то реальные связи вифинов с долонками⁴⁸ (подобно тем, которые существовали у них с финами, мисами, одрисами, пафлагонцами и мариандинами; см. об этом далее).

Во-вторых, что особенно важно, должна быть отмечена разница между именами Вифин и Вифий, как их передают Стефан и Аппиан, имея в виду одного и того же мифологического персонажа. Думается, более прав здесь византийский автор, так как в его тексте учтен неясный для Аппиана нюанс, что Вифий и Вифин — это именно различные, хотя и сходные, имена. Это явствует из следующего пассажа: «Вифии, фракийское племя, [названное по имени] Вифия, сына Ареса и Сеты, сестры Реса» (s. v. Βιθύαι). Хотя ЛИ⁴⁹ Вифий является одним из наиболее распространенных фракийских антропонимов⁵⁰ и включено В. Георгиевым в список вифинских «царских» имен⁵¹, в самой Вифинии оно ни разу

⁴⁷ О рукописной традиции текста Стефана, в рамках которой прочтение в данном пассаже Βιθυνον выглядит более предпочтительным, нежели Βιθυν, см.: *Robert L. A travers l'Asie Mineure*. P. 131. Note 19.

⁴⁸ Это родство вполне вероятно исходя из географической близости ареалов расселения вифинов и долонков (последние жили на Херсонесе Фракийском). А. Фол и Т. Спиридонов считают долонков «арьегардом» вифинов при переходе последних в Азию (Фол А., Спиридонов Т. Историческа география... С. 28).

⁴⁹ Здесь и далее аббревиатура ЛИ у автора — «личное имя». — *Прим. ред.*

⁵⁰ *Станчева М. Битюс // КЕТД*. С. 46.

⁵¹ *Georgiev V. La formation et l'ethymologie...* P. 27.

не зафиксировано, что едва ли может быть случайным. Связь с Ресом Вифия и Вифина весьма показательна и отчасти может объяснить сходство их имен; однако совершенно различное происхождение двух этих персонажей заставляет считать, что у Аппиана они просто перепутаны: в его тексте, как и у Стефана, тоже должен был фигурировать Вифин. Необходимо отметить, что Ресова сестра Сета (другим авторам неизвестная)⁵², надо думать, не участвовала в походе брата под Трою и оставалась где-то в исконной области обитания подчиненных брату эдонов (все там же на Стримоне!). Быть может, она и Арес могут считаться родоначальниками тех вифинов, которые остались в Европе? Информация о них весьма противоречива (см. далее, с. 85), и ничто не мешает предположить, что первоначальное название этого племени было именно вифии (Βιθύαι), а с течением времени оно было полностью вытеснено наименованием более мощного, лучше известного греческим авторам и родственного вифиниям этноса — собственно вифинов.

Далее, в свете изложенной выше гипотезы требует уточнения еще одно сообщение Стефана: «Вифиополис⁵³, город... [по имени] Вифия (ἀπὸ Βιθύος) (s. v. Βιθύόπολις). Лакуна в тексте не дает возможности узнать еще что бы то ни было об этом городе, но содержащаяся в следующей фразе краткая ссылка на пятую книгу «Вифиниаки» Арриана (F. 7 Roos) заставляет исследователей «автоматически» заполнять ее определением πόλις Βιθυίας и, со-

⁵² В свете предлагаемой здесь гипотезы едва ли оправданным выглядит определение Сеты как «Stammfrauen der Bithynen» (Tomaschek W. Die alten Thraker. Bd. II. S. 42; Detschew D. Die Thrakische Sprachreste. S. 439; Duridanov I. Die thrakischen Personennamen... S. 39). Ср. это имя с отмеченным в Болгарии ЛИ Seith (IGBulg III 1532–1534, 1698; Slavova M. Die thrakischen Frauennamen aus Bulgarien. Nachträge und Berichtigungen // Orpheus. Vol. 5. 1995. P. 41), что опять-таки отмечает связь «вифийской» ветви исключительно с Европой. Необходимо согласиться с мнением И. Дуриданова, что трактовка позднего ЛИ Theusetas из Никомедии Д. Дечевым как «гибридного имени от греческого Θεοῦ и вифинского Σήτη» (Detschew D. Die thrakische Sprachreste. S. 537) является чрезвычайно произвольной (Duridanov I. Die thrakischen Personennamen... S. 40).

⁵³ В некоторых изданиях, например, в собрании фрагментов «Вифиниаки», приводится иной вариант прочтения — Вифиниополис, что, однако, не выглядит оправданным.

ответственно, локализовать этот город где-то в Вифинии⁵⁴. Тем не менее, если возводить это название к имени Вифия, связываемого с Европой, то представляется возможным помещать его где-то во Фракии, а отнюдь не в самой Вифинии.

И наконец, существование версии происхождения вифинов от Зевса и Фраки ничуть не отменяет рассматриваемых далее сообщений Арриана — и ему самому, и отчасти противоречащему ему Аппиану было прекрасно известно существование разных вариантов мифического происхождения вифинов, которые тем не менее в целом укладывались как в систему мифологических представлений самих греков и эллинизированных фракийцев, так и в рамки ученой традиции⁵⁵.

Дополнительную информацию ко всему изложенному можно извлечь из фрагментов арриановской «Вифиниаки» (фрагменты 36, 40–41 Roos), переданных Евстафием, где приводятся элементы племенной генеалогии классических вифинов, представленной, как обычно, в эпонимической форме. К сожалению, источники Арриана в данном случае остаются неизвестными, но можно предполагать их местное, собственно вифинское происхождение, что, пожалуй, должно повышать в наших глазах достоверность Арриана по сравнению с только что рассмотренными данными Аппиана и Стефана. Косвенным указанием на это может служить упоминание Аррианом финов, неизвестных источникам Аппиана и Стефана, но, без сомнения, близко знакомых «разработчикам» генеалогии вифинов, действовавшим в рамках мифологических представлений этого племени. Несомненно, к этому же кругу представлений принадлежат сообщения схолий к Аполлонию Родосскому о правлении Финя в Азии над пафлагонами и вифинцами (со ссылкой на Ферекида) и о том, что сыновьями его были Фин и Мариандин (ad. II, 182 c)⁵⁶. В сообщениях Аппиана и

⁵⁴ См., например: Станчева М. Битюс. С. 46. Между тем, Арриан мог пояснять здесь разницу между двумя названиями.

⁵⁵ Упоминание долонков присутствует и у самого Арриана (Bithyn., F. 13 Roos), что может быть расценено как показатель знакомства историка и с другой версией происхождения вифинов, нежели та, которую он довольно подробно излагает.

⁵⁶ Очевидно, в этих сообщениях контаминированы данные различных местных традиций, различающихся в деталях, но в целом сходных и, вероятно, связанных единым происхождением. Родство финов и мариандинов, под-

Стефана в противоположность Арриану значительный удельный вес занимают сюжеты, связанные с Европой; не исключено, что их источники использовали в основном данные европейского круга сказаний.

Л. Робер придерживается иного мнения, считая, что традиция, переданная Аррианом и схолиями к Аполлонию, является «предшествующей вифинской монархии», тогда как более «престижная» генеалогия, возводящая вифинов к Зевсу и Фраке, представляет собой именно «царскую традицию Вифинии»⁵⁷. Тем не менее для вифинских монархов III—II вв. вряд ли могло быть актуальным акцентирование связи с долонками (причем более «древним», чем вифины, народом — по Стефану!), к тому времени уже вообще давно сошедшими с исторической арены. Кроме того, исследователь не принимает во внимание разобранных выше пассажей Стефана о вифиях и Вифиополисе, примыкающих к сюжету о Вифине, Зевсе и Фраке и «уводящих» их генеалогию в Европу. В целом же Л. Робер, как кажется, преувеличивает значение основания Вифиниона (названного по имени эпонима вифинов), считая его «проявлением вифинского национализма»⁵⁸: ведь этот город был всего лишь малозначительной военной колонией⁵⁹. Все это позволяет считать данные Арриана вполне аутентичными — не столь важно даже, ранними или поздними, но связанными именно с местной традицией (возможно, несущей следы некоей пропагандистской обработки, проводившейся в интересах и «под руководством» вифинской династии).

черкиваемое здесь, выглядит вполне понятным из-за географической близости областей проживания этих двух народов (Габелко О. А. Гераклея Понтийская и Вифиния в раннеэллинистический период: политико-географический аспект // ВДИ. 1999. № 2. С. 118). Упоминание мариандинов, возможно, следует связывать с влиянием гераклеяской традиции (Robert L. A travers de l'Asie Mineure. P. 132. Note 20). Об образе Финия в мифической истории народов, населявших побережье Мраморного моря, см.: Gočeva Z. Le mythe de Pnihee et la Thrace Pontique // Pul-pudeva. 3. Sofia, 1980. P. 42—45.

⁵⁷ Robert L. A travers l'Asie Mineure. P. 132. Note 20. Ср.: Die Inschriften von Kladiu polis / IK. Bd. 28. Hrsg. v. F. Becker-Berthau. Bonn, 1986. S. 1, где эта генеалогия без каких-либо пояснений названа «поздней».

⁵⁸ Ibid. P. 131.

⁵⁹ О Вифинионе подробнее см. в гл. V, § 2.

Фрагменты «Вифиниаки» не противоречат, а дополняют друг друга; тем самым их следует считать рефлексами единой и непротиворечивой генеалогической схемы (что и неудивительно, поскольку разные авторы заимствовали их из одной и той же «Вифиниаки»!). По фр. 40 Фин и Мис — сыновья Аргантоны⁶⁰, причем по этому Мису назвался народ мисов; по фр. 41 братья Фин и Вифин были приняты в сыновья Финеем, чьим родным сыном являлся Пафлагон, по которому называется Пафлагония⁶¹, родным же отцом Фина и Вифина был Одрис; фр. 36 в качестве эпонима мисов называет «Миса, сына Аргантоны» и «Миса (сына) Зевсова» (считая их двумя разными персонажами; см., однако, ниже).

В целом отразившаяся в этих фрагментах схема имеет, как видно, следующий облик: Фин и Вифин, т. е. эпонимы вифинов — родные сыновья Одриса, т. е. эпонима одного из крупнейших племен Европейской Фракии, принятые в пасынки Финеем, родным отцом Пафлагона, по которому названа Пафлагония. При этом братом Фину — сыном одной с ним матери, Аргантоны — приходится Мис, эпоним мисов, причем отец их в соответствующих генеалогических фрагментах не называется вовсе, и оба определяются только по матери, что достаточно странно и заставляет думать, что, с точки зрения соответствующих генеалогов, это были сводные братья от разных отцов. По дополнительной версии отцом эпонимного Миса является Зевс. Сам Арриан эту версию считает альтернативной (фр. 36: «Мисы называются либо по Мису, сыну Зевса, либо по другому Мису, сыну Аргантоны...»), однако она как нельзя лучше отвечает только что отмеченному нюансу⁶², так что ее надо считать дополнительным элементом той же самой, а не альтернативной генеалогической схемы⁶³. Аргантона же, как известно, связана в античном представлении именно с

⁶⁰ Характерно, что Аргантоном назывался горный массив на Мисийском полуострове, разделяющем Астакский и Кианийский заливы (Steph. Byz., s. v. Ἀργαυθών).

⁶¹ Ср. с сообщением Стефана Византийского: «Пафлагония: [названа] по имени Пафлагона, сына Финея» (s. v. Παφλαγονία).

⁶² Если отцом Миса является Зевс, а отцом Фина — Одрис, то определять их братство действительно возможно только по матери.

⁶³ Впрочем, и так ясно, что носители обеих версий подразумевали одного и того же персонажа — Миса, эпонима мисийцев, и разными этих Мисов можно было считать только при попытке свести эти версии воедино.

Ресом — героем древнейших фракийцев Стримона времени Троянской войны, которому она приписывалась в жены⁶⁴.

Перед тем как дать этой схеме общую интерпретацию, отметим два частных момента: «усыновление», то есть адаптацию вифинов аборигенами Северо-Западной Анатолии, представленной здесь эпонимным «Пафлагоном»⁶⁵, и тот факт, что в некотором странно-вторичном, «сводном» родстве с вифинами здесь оказываются мисийцы (Мис ни разу не определяется как брат Вифина, но оказывается таковым в рамках всей схемы; общим отцом их генеалогия не наделяет вовсе). Именно это родство, вероятно, отражается и в мотиве связи Аргантоны с Ресом⁶⁶. При этом мисийцы, по-видимому, оказываются для вифинов некими «старшими» по статусу братьями (уже потому, что их отец, по одной из версий, сам Зевс, а отец вифинов — смертный Одрис. Имеет это различие и собственно временной оттенок, поскольку происхождение от Зевса есть элемент, ассоциируемый скорее с более ранним, «героическим», мифологическим временем, а происхождение от смертного — скорее с историческим).

Все это означает, что по общим правилам фрагменты Арриана представляют в генеалогически-эпонимическом виде картину, в которой собственно вифины («потомки» эпонимных Вифина и Фина) — это ветвь европейских фракийцев (как-то связанных с одрисами), переселившаяся на северо-запад Малой Азии («Пафлагонию» в несколько расширенном смысле слова) и адаптированная здесь аборигенами. При этом в некую тесную ассоциацию с этими вифинами ставятся, через Аргантону, мисы (resp. Ресовы выходцы со Стримона), выступающие по отношению к ним в качестве не вполне родных, но «старших» во всех смыслах братьев.

⁶⁴ Meyer Ed. Bithynia. Sp. 511.

⁶⁵ Существует гипотеза о фракийском происхождении пафлагонцев (Сапрыкин С. Ю. ПАФЛАГОНИКА // Thracia Pontica. IV. Sofia, 1991. С. 241–254), хотя этот вопрос остается дискуссионным. См. другие точки зрения: Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.: Л., 1956. С. 19–20.

⁶⁶ Как мы помним, «фракийцы» Реса в рамках греческих представлений тождественны протовифинам-«мисийцам» в повествовании Страбона (XII, 4, 8); таким образом, коннотации Аргантоны с «Мисом» и вифинами в одних источниках и «Ресом» в других могут отражать один и тот же топос, связывающий ее именно с протовифинами, тесно ассоциирующихся в традиции разом и с вифинами, и с мисийцами, и с Ресом.

Легко заметить, что перед нами — та же «двухслойная» картина, которую мы уже встречали в нарративном изложении Геродота и Страбона: фракийские (в широком смысле слова) мисы со Стримона в качестве некоего старшего, первого «слоя» исторических вифинов, и собственно вифины — переселенцы из других, более восточных («одрисских») районов Фракии в качестве основного, второго слоя. Даже определение первого компонента как «мисов», присутствующее у Страбона (XII, 4, 8), повторяется здесь в эпонимической форме. Имя Аргантоны связывает генеалогии Арриана с традицией о Ресе, посвященной, как мы помним, той же миграции «протовифинов».

Тот факт, что у Арриана эта схема присутствует во фрагментированном эпонимно-генеалогическом облике, совершенно независимом от влияния нарративов Геродота, Страбона или версии Аппиана, вновь показывает, что сама указанная схема пользовалась в античной традиции чрезвычайно широким распространением, не будучи зависимой от какого-либо определенного автора и выражаясь на самых разных уровнях восприятия и передачи легендарной истории, что, разумеется, только повышает оценку ее древности и исторической достоверности. Подытоживая, можно сказать, что мы знаем ее и по трем историческим нарративам, и по двум разноприродным отражениям в мифоэпической традиции (предание о Ресе и эпонимные генеалогии у Арриана).

Лишь у более поздних авторов обнаруживается тенденция сливать два европейских компонента исторических вифинов воедино. В «Хронике» Евсевия под 972 г. говорится, что «фракийцы, перешедшие со Стримона, заняли Бебрикию, которая ныне Вифиния» (Schoene, II, P. 60). Фракийцы со Стримона в таком контексте могут быть лишь хорошо знакомой нам волной «протовифинов», именно по Стримону и определяющейся у Геродота (тем более, что собственно вифины и фины двигались как раз не со Стримона, а из куда более восточных, причерноморских районов). Однако дата этого перемещения у Евсевия помещена на два с лишним века позже его же собственной датировки Троянской войны (1191–1181 гг.), хотя именно с этой войной миграцию «протовифинов» твердо связывают и Геродот, и Аппиан, и традиция о Ресе. Очевидно, поздняя датировка, встречающаяся у Евсевия, принадлежала на деле к кругу представлений об иной, собственно вифинской волне, а Евсевий просто контаминировал эти топосы воедино, не отдавая себе отчета в различии между ними. Для та-

кого позднего и крупномасштабного компилятора, каким в «Хронике» выступает Евсевий, это неудивительно и никак не дискредитирует двухчастную версию, изложенную прочими авторами (тем более что следы этой версии, как мы только что видели, могут быть вскрыты и у самого Евсевия).

Итак, античная традиция без каких бы то ни было разногласий оперирует одной и той же, распространенной, непротиворечивой и устойчивой схемой этногенеза вифинов, согласно которой народность исторических вифинов сложилась в результате двух последовательных миграций. В ходе первой из них на северо-запад Малой Азии переселились «фракийцы» (фрако-фригийцы, «фракийцы» в широком смысле слова) — носители этнонима «мюс/мес-» со Стримона, которые были также известны под более узким названием «стримонцев» («стримониев») и которых мы условно обозначили как «протовифинов»; Геродот, Аппиан и традиция о Ресе датируют эту миграцию моментом Троянской войны, то есть эпохой великих восточномедиземноморских потрясений ок. 1200 г. При этом, судя по всему, часть «вифинских» племен осталась в Европе. В ходе второй миграции на территорию, уже занятую протовифинами, переселились собственно вифины — близкородственные одрисам восточнобалканские (собственно «фракийские», в узком смысле слова) племена вифинов и финов, ассимилировавшие носителей первой волны или смешавшиеся с ними в один народ, который, во всяком случае, удержал за собой этноним, принесенный именно мигрантами второй волны. К датировке этой второй миграции мы еще вернемся, а пока зададимся вопросом: поддерживают ли эту схему какие-либо аутентичные и негреческие источники?

Представляется, что для первой, «протовифинской» миграции такое подтверждение существует. Как известно, ассирийские источники (анналы Тиглатпаласара I и др.) сообщают, что ок. 1165 г. на Верхний Евфрат с запада обрушились племена «мусков» (в условном младовавилонском чтении — «мушков»)⁶⁷; этот термин и в дальнейшем употреблялся ассирийцами применительно к народам фрако-фригийской группы (и только к ним⁶⁸)

⁶⁷ Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. 1952. № 2. С. 270, с библиографией.

⁶⁸ Именно к новофригийцам Мидаса и мигдонам округа Нисибиса, см.: Немировский А. А. Античная традиция... С. 8–9.

что в сочетании со временем и направлением нашествия этих «мушков», а также археологическими данными о разгроме позднебронзовой цивилизации Анатолии пришельцами-балканцами как раз около начала XII в. более или менее однозначно требует считать, что речь идет о нашествии фрако-фригийской группы носителей палеобалканского этнонима «мюс[мис]-/мес-», состоявшемся в начале XII в. (напомним, что к 1165 г. пришельцы уже прошли всю Анатолию и добрались до Верхнего Евфрата), то есть именно в тот период, который греческие хронографы отводили для Троянской войны. В специальных работах эта группа известна под условным названием «восточных мушков»⁶⁹. Но ведь обнаруживающаяся картина полностью, во всех подробностях совпадает с античными сведениями о миграции «протофригов» — балканских носителей этнонима «мюс[мис]-» (как удостоверяет Страбон, см. выше), передвинувшихся в Азию около времени Троянской войны: совпадает и время, и направление движения, и даже сам этноним⁷⁰. Итак, как выясняется, сведения античной традиции

⁶⁹ Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968. С. 117 и сл.; Он же. Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей // ВДИ. 1981. № 2.

⁷⁰ См. подробно: Немировский А. А. К вопросу об отражении... С. 6–19. Следует отметить, что переселение стримониев — «мушков» XII в. греки запомнили лишь в той мере и на том этапе, на котором оно проходило в границах их кругозора микенского и субмикенского времени — т. е. не далее северо-западной Малой Азии = Вифинии. Лишь до этой области греческая традиция прослеживает путь «мисийцев»-стримониев / людей Реса, в то время как их дальнейшее движение в глубь Анатолии, выходявшее за греческий горизонт, в ней, естественно, не отразилось.

Впрочем, как кажется, мы располагаем еще одной коннотацией переселения стримониев / «фракийцев Реса» в Азию с реальными событиями времени ок. 1200 г. Античные авторы указывают, что исконным названием реки Стримона был гидроним «Палестинос» (Ps.-Plut., De fluv., XI, 1). Между тем этот гидроним образован от той же основы, что и этноним пеластов / пелесет — одного из главных «народов моря», мигрировавших из Эгеиды на Восток одновременно с нашествием мушков, в начале XII в. (Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история... С. 146). Видеть ли здесь плод случайного стечения обстоятельств или отражение взаимосвязи эгейского потока «народов моря», в том числе пеластов, с балканским потоком «восточных мушков» со Стримона? В самом деле, эти потоки устремились в Анатолию одновременно и из смежных, если не перекрывающихся, областей.

о движении «протовифинов» находят полное и точное соответствие в независимых аутентичных источниках, что вполне ясно доказывает истинность самих этих сведений и существенно повышает историческую ценность всей той античной схемы вифинского этногенеза, которая их включает.

Теперь мы можем обратиться к датировке второй вифинской миграции. Как мы уже упоминали, именно к ней должна относиться датировка прихода вифинов в Анатолию, приведенная у Евсевия, — 972 г. или через двести с небольшим лет после падения Илиона (около времени которого помещалась, как мы помним, первая миграция). Эта дата у Евсевия находит определенное соответствие в другом месте «Хроники», а именно в списке народов-талассократов: согласно Евсевию (Schoene, II. P. 62), фракийцы господствовали на море в 1006—927 гг.⁷¹ Но ведь именно на это время падает у него миграция фракийцев-вифинов в Азию, хорошо вписывающаяся в картину фракийской мощи на соседних морях! Как видно, Евсевий исходил из какой-то глухой для нас, но яркой для него картины всплшки фракийской активности в X в. Заметим, что эта дата соответствует критерию, установленному нами выше для переселения собственно вифинов как «азиатских фракийцев» (после ок. 1000 г.). С другой стороны, в литературе обычно утверждают, что античная историография оперировала и другой датировкой вифинского переселения, несовместимой с Евсевиевой⁷². Указание на такую датировку видят в 37 фр. той же «Вифиниаки» Арриана. Там сообщается о переселении из Фракии в Азию неких «азиатских фракийцев» под предводи-

⁷¹ Комбинирование данных Евсевия с информацией других авторов (Диодора, Кастора, Михаила Сирийского) позволяет выделить два периода во фракийской талассократии. Первый, охватывавший 19 лет, датируется 1090—1071 гг. и связан с европейскими фракийцами. Он сменяется 79 годами господства на морях фракийцев Азии (1071—992 гг.). Отличия от цифр Евсевия с учетом крайне относительной точности сообщений такого рода в целом здесь не слишком велики. См. подробнее: Порожанов К. Тракия Понтика между XIII—VIII в. пр. Хр. — един номадски феномен // Балкански древности. 2. 1992. С. 47—50.

⁷² Meyer Ed. Bithynia. Sp. 510—511; Recueil. P. 142; *Даров Chr. Zu der Ethnogenese...* S. 274—275; Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. С. 122. Прим. 114, С. 193; Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика... С. 15—16; Димитрова Д. С. Этнокультурные контакты... С. 12; Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история... С. 187.

тельством вождя Патара, имевшем место в те времена, «когда киммерийцы вторгались в Азию», то есть в VII в. Далее говорится: «изгнав киммерийцев из Вифинии, фракийцы сами поселились в этой области». Заметим, что племенное название этих «фракийцев» не указано вообще; источник говорит только об их общей «фракийской» этнической принадлежности. Согласно практически общепринятому мнению, речь здесь идет о переселении вифинов, которому тем самым дается датировка на три века более поздняя, чем Евсевиева. Хотелось бы, однако, продемонстрировать, что данный пассаж Арриана не имеет никакого отношения к вифинам и относится к совершенно иной группе фракийцев (скорее всего, к трерам).

Прежде всего, общепринятая трактовка, в сущности говоря, произвольна: вифины описываются в источниках как «азиатские фракийцы», но из этого никак не следует, что все «азиатские фракийцы» — вифины; эта описательная конструкция одинаково подразумевала бы любые группы фракийцев (в собственном смысле слова), переместившиеся из Европы в Азию, в том числе и на территорию уже сложившейся Вифинии. Какие же основания есть у нас, чтобы относить это выражение в данном случае непременно к самим вифинам?

Затем, будь «фракийцы» фр. 37 вифинами, было бы весьма странно, что Арриан в специальном сочинении, посвященном вифинам и Вифинии, в ключевом месте, где описывается само их прибытие в Азию, не только не выделил это обстоятельство, но даже и не упомянул ни разу самого термина «вифины», как мы наблюдаем во фр. 37!

Далее, будь «фракийцы» фр. 37 вифинами, открывающаяся картина оказалась бы очевидным образом несовместимым с эпонимно-генеалогическими данными самого же Арриана (фр. 41, см. выше, с. 76), в которых переселение вифинов в Азию ставится в прямую связь с Пафлагонией и адаптацией пришельцев аборигенами; ни тот ни другой моменты во фр. 37 не упоминаются. В свою очередь, Патар отсутствует в пассажах, посвященных предкам вифинов (фр. 40, 41).

Наконец, хорошо известная всей античности историко-литературная традиция, восходящая к поэтам и логографам самого VII—VI вв. и никем как будто не оспаривавшаяся, и в самом деле знает волну фракийцев, переселившихся в Азию в эпоху киммерийских нашествий на Анатолию и действовавших там одновременно с

киммерийцами; это знаменитые фракийцы-треры⁷³. Соответствующий общеизвестный сюжет не мог не учитываться и Аррианом. Это значит, что сведения фр. 37 относятся именно к той волне фракийцев, которая в дошедших до нас источниках представлена трерами; в самом деле, переселившись в Азию, треры и становились бы в точности «азиатскими фракийцами». В таком случае опять-таки, что побуждает хоть как-то связывать фр. 37 с совершенно иными фракийцами — вифинами? Таковую связь следует, пожалуй, даже исключить. Киммерийское нашествие в Азию прямо затронуло Ионию и прекрасно запомнилось греческой исторической традиции. Если бы переселение вифинов входило бы в тот же комплекс событий и прямо вовлекало бы вифинов в контакт с киммерийцами, связь вифинов с сюжетом о киммерийских нашествиях в Азии, несомненно, нашла бы отражение в наших источниках. Между тем ни один автор, включая самого же Арриана (учитывая, конечно, отрывочность дошедших до нас фрагментов его труда), описывая «вифинов», никогда не упоминает в какой бы то ни было связи с ними киммерийцев, а источники, повествующие о киммерийском нашествии в Азию, ни словом не говорят в связи с этим о вифинах (а вот фракийцев-треров называют, как это делает Страбон и авторы, к которым он отсылает). Это окончательно доказывает, что приход в Азию собственно вифинов не имел к киммерийскому нашествию никакого отношения⁷⁴, а фр. 37, в свою очередь, относится к некоей группе фракийцев совершенно иной, «трерской» волны, и повествует об их поселении на территории Вифинии (где они, очевидно, были вскоре ассимилированы

⁷³ О трерах как фракийцах см.: Strabo, I, 3, 18; Thuc., IV, 96. Их набеги на Азию Страбон упоминает в I, 3, 21; XI, 8, 4; XII, 8, 7; XIII, 1, 8 (где речь идет как раз о действиях в интересующей нас северо-западной Малой Азии, на территории Троады), XIII, 4, 8; XIV, 1, 40. См. подробно: Sauter H. Studien zur Kimmerierproblem / Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. Bd. 72. Saarbrücken, 2000. Abt. 6.1.3, 6.2.1.1.

⁷⁴ Пребывание киммерийцев в Вифинии вообще иногда считается фольклорным мотивом (Иванчик А. И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII—VII веках до н. э. М., 1996. С. 72), восходящим, возможно, к гераклеийской традиции (Ivančik A. Les Thraces et les Maryandines dans la tradition locale d'Heraclee du Pont // The Thracian World on the Crossroads of Civilization. Reports and Summaries of the 7-th International Congress of Thracology. Bucharest, 1996. P. 369—370).

«настоящими» вифинами⁷⁵). Патар упоминается в произведении Демосфена «Вифиниака» как герой-завоеватель Пафлагонии и основатель местного города Тиоса, названного им в честь Зевса (Steph. Byz., s. v. Τίος), но отсюда можно только заключить, что он стал героем истории Вифинии и вифинов (что ясно и из сообщения Арриана)⁷⁶; однако это вовсе не означает, что он был вождем собственно вифинско-финской миграции в Азию. Итак, никакого противоречия с Евсевием текст Арриана не содержит, и для переселения собственно вифинов у нас остается лишь Евсевиева привязка этого события к темным векам фракийской морской экспансии в начале I тыс. В уточнении и дополнении этой датировки слово остается за археологами.

Подытожим сказанное. Античные авторы исходят из одной и той же, согласованной и непротиворечивой схемы этногенеза и миграций вифинов (точнее, групп, составивших в итоге единый этнос «классических» вифинов), вопреки распространенным суждениям об их противоречиях в этом вопросе. Датировки этих миграций в античной историографии в противоположность доминирующему мнению противоречий также не содержат. Если доверять их сведениям, то этнос вифинов сложился в результате двух-трех миграций на северо-запад Малой Азии: фрако-фригийских

⁷⁵ Во всяком случае, Страбон никаких особых или обособленных компонентов в составе актуальных вифинов уже не знает, так что к рубежу эр они уже представляли собой однородную массу.

⁷⁶ То, что основание Тиоса так или иначе связано с вифинцами, подтверждается лингвистическими данными. В значительном количестве фригийских надписей встречается имя бога Τίυες (верховного божества, аналогичного греческому Зевсу), которое, однако, считается не собственно фригийским, а именно вифинским. Название города является, как сообщает Стефан, производным от него (см. детальное обоснование: Wilczak K. T. Two Bithynian Deities in the Old and New Phrygian Inscriptional Texts // *Folia Orientalia*. Vol. 29. 1992–1993. P. 265–267). Неожиданное подтверждение этому обнаруживается в событиях кон. III — нач. II в.: вифинский царь Прусий I, завоевавший четыре греческих полиса (Киос, Мирлею, Киер и Тиос), основал заново и переименовал три из них, но оставил прежним название Тиоса, очевидно, именно потому, что это — сакральное вифинское имя! В этом можно видеть наглядное подтверждение того, что «данные ономастики могут быть свидетельством сохранения ранних религиозно-культовых терминов, сохранившихся на антропонимическом и топонимическом уровне» (*Vassileva M. A New Phrygian Onomastic Notes // EA. Нт. 31. 1999. P. 179*).

мисов-стримониев со Стримона — в начале XII в., собственно фракийских финов и вифинов из околоодрисского ареала — предположительно в X в., и, наконец, каких-то фракийцев трерской волны под легендарным предводительством Патара — в VII в. Последняя волна специально с вифинами ни у одного автора, в отличие от первых двух, не связывается, так что ее надо считать лишь поверхностно затронувшей Вифинию и не оставившей значительного следа в этническом облике вифинов (как видно из включения Патара в легендарную историю Вифинии, пришельцы — или, во всяком случае, их история — были попросту поглощены вифинами). В своей первой, «протовифинской» части эта согласованная версия античных источников целиком подтверждается ассирийскими и археологическими данными о переселении «восточных мушков». Поскольку речь идет о временах, наиболее далеко отстоящих от античных историков — и даже здесь их сведения оказываются достоверными, — то тем более достоверными следовало бы признать их данные о более поздних миграциях в Вифинию. Таким образом, у нас есть все основания доверять приведенной схеме античных историков и в целом, и во всех ее частях.

Остается в целом неясным, какие именно этнические процессы происходили на территории Вифинии в первой половине I тыс., уже после переселения в Азию собственно вифинов и финов. Можно предположить, что в основных своих чертах они определялись взаимодействием и слиянием пришельцев из Европы с более ранними насельниками северо-западной Малой Азии, что обусловило впоследствии этническое своеобразие вифинцев в сравнении как с фракийцами, так и с соседними малоазийскими этносами. Данные топонимики и этнонимики, воспроизводящие более стабильные и архаичные реалии этнического плана по сравнению с ономастикой, указывают на сохранение здесь довольно мощного «анатолийского» (т. е. дофракийского) языкового пласта, проявляющегося в названиях целого ряда вифинских населенных пунктов и этнических групп⁷⁷.

⁷⁷ Необходимо, впрочем, учитывать, что многие из приведенных ниже названий фиксируются только в римское или даже византийское время. Точные формы их (в частности, знаки диакритики) во многих случаях установить не удастся. См. сведения, собранные Л. Эгустой (*Zgusta L. Kleinasiatische Ortsnamen*) на основании анализа огромного массива эпиграфических и письменных источников: Гёрца (§ 204–4. S. 139);

Разумеется, весьма широко представлены на территории Вифинии и собственно фракийские названия⁷⁸. Сходная ситуация наблю-

Горδουσερβα (§ 215–6. S. 144); Δάγουτα (и производные от него — § 225. S. 146–147); Δαδάστανα (§ 227–2. S. 147–148); Δαδοκωμη (§ 227–5. S. 148); Δακίβυζα (§ 230. S. 149 — в этом названии наблюдается сочетание фракийских и малоазийских элементов); Helgas (?) (§ 295–1. S. 169); Καβαία (?) — возможно, фрако-анатолийское название; § 395. S. 206–207); Καδοσσία (§ 402–3. S. 210); эпikleза Као-ιατρηω (dat.), восходящая к топониму (§ 434. S. 225); Καυή (§ 465–1. S. 242); Κίερος (§ 503. S. 256–257 — для этого названия, впрочем, не исключены также фракийские или греческие корни); Κίος (§ 520. S. 266–267; также возможно фракийское происхождение); образованная от топонима эпikleза Κοροπιζω (dat.) (§ 587–3. S. 291); Κοουλακι (dat.) (§ 612. S. 301); Κρουλλα (§ 629. S. 306); Κύβερα или Κυβερα (§ 638. S. 308; Д. Дечев говорит о фракийских корнях этого названия — *Detschew D. Die thrakische Sprachreste. s. v.*); Λαμνεις (§ 681–3. S. 328); Λαῦσοσ (§ 699–1. S. 335); Λίβον (§ 711–1. S. 340); Λίβυσσα (§ 711–2. S. 340); эпikleза Λιδαιω (dat.) (§ 712–2. S. 341); Μόδρα (§ 823. S. 391–392); Οκα и Οκη (§ 922–2, 3); Ρεγγαλα (§ 1038. S. 481); Ὀτροία (§ 957–1. S. 451); Σαγουδάοι (§ 1143–2. S. 524); Σάγαρος, Ἰάγαρος (§ 1157–2. S. 535); Σασάβαρις (§ 1176–1. S. 545); Σητοι (§ 1205–2. S. 559); Ταρσός, Τάρσεια (§ 1303–2. S. 602); Τα-таουион (§ 1305–2. S. 604); Теμβα (не исключены и фракийские корни; § 1315. S. 609); κωμητῶν Χηλιατῶν (gen.; это название не имеет надежных параллелей) (§ 1435. S. 660); κωμηται Ψαρηλανοι (возможно фракийское происхождение).

⁷⁸ О фракийской топонимике см. *Duridanov I. Die thrakischen Ortsnamen Bithyniens // Pulpuđeva. № 3. Sofia, 1980. S. 220–222*. К 29 топонимам и гидронимам Вифинии, чье фракийское происхождение было показано В. Томашеком, болгарский исследователь добавляет еще пять: Артанес, Брунк(г)а, Киос (см. предыдущ. прим.), Лафиас, Филлис, рассматривая на их примере характерные для фракийского языка фонетические явления. Сюда следует добавить данные Л. Згусты (*Zgusta L. Kleinasiatische Ortsnamen*), который, впрочем, за недостатком надежных параллелей иногда вынужден предполагать фракийское происхождение некоторых из приведенных названий только исходя из самого факта их географической принадлежности к Вифинии: Ἀζαλαῖς (§ 21–2. S. 48); Ατα (?) (§ 113–1. S. 105); Δάρανδος / Τάραντος (§ 241. S. 153); Δραδιζανων (gen. pl. — § 277. S. 166); название ближе неизвестной этнической группы (?) Ζβαλγων (§ 321. S. 177); восходящая к какому-то вифинскому топониму эпikleза богини Καλαсурτημη (§ 412. S. 214); Κασσηνων κῶμη (§ 457. S. 240); эпikleза Μανετημη (§ 767. S. 365); Μόκατα (§ 826. S. 393); κῶμη Νεροληνων (§ 893. S. 422); Πουζάνη (§ 1092. S. 505); κῶμη Πρη-

дается и с гидронимами⁷⁹. Достаточно ярко «синтетический» характер происхождения вифинцев выступает и в личных именах, характерных для этого региона. Подробный анализ вифинской ономастики вынесен в Приложение; здесь же достаточно отметить, что в историографии порой предпринимались попытки выявить возможные связи вифинцев с другими малоазийскими народами на основании распространенных здесь ЛИ. Так, с учетом проанализированных ранее данных мифологической традиции о родстве вифинов и пафлагонцев (см. выше, с. 73) не лишено смысла сопоставление некоторых вифинских имен с пафлагонскими. Правда, уподобление вифинских ЛИ Βᾶς и Ζηποίτης пафлагонским Βάγας, Βιάσας, Ἀνιάτης, Ἀτώτης (Strabo, XII, 3, 25) на основе выделения общих композитов -ας (? — О. Г.; едва ли вполне стандартное окончание может считаться значимым композитом) и -ο(ι)της⁸⁰ не кажется надежно обоснованным в лингвистическом отношении; к тому же, как указал Л. Робер, эти переданные Страбоном имена пафлагонцев были искажены в рукописной традиции⁸¹. Тем не менее, обращает на себя внимание сходство вифинского имени Ζαρδ-οέλας⁸² с пафлагонским Ζαρδ-ώκης (дефис поставлен для наглядности). Широко распространенное в ареале проживания вифинцев «царское» имя Зипойт имеет много вариаций, и одна из них, Τιβοίτης (Polyb., IV, 50, 8–9; 51, 7, 52, 8), если не видеть здесь неточности Полибия, находит некоторое соответствие в типично пафлагонском «рабском» имени Τίβιος

παίων (§ 1098. S. 507); Πρίετος (§ 1100–3. S. 508); δήμου Ριζουραίων (§ 1125. S. 517); Σαρακηνῶν κώμη (§ 1164. S. 539); Σεμάνη (?) (§ 1192. S. 554); Σίμανα (§ 1217–1. S. 570); Στρενπαίων (gen.) (§ 1257. S. 587); Τροιαῖνοι (§ 1369–2. S. 635).

⁷⁹ Подборку данных о вифинских гидронимах в числе прочих малоазийских см. в монографии: Tischler J. Kleinasiatische Hydronymie. Wiesbaden, 1977; автор этой работы заключает, что из трех с лишним десятков этих названий абсолютное большинство, видимо, имеет фракийскую либо анатолийскую этимологию, и лишь одно — Ἀζαρίτια — с некоторой натяжкой может считаться иранским (S. 164–166). Впрочем, последнее положение тоже может пересмотрено, так как однокоренное ЛИ Ἀζαρέτος тоже было предложено отнести к малоазийским (см. Приложение 1).

⁸⁰ French D. *Sinopean Notes I* // EA. 1990. Ht. 16. P. 61.

⁸¹ Robert L. *Noms indigenes...* P. 535.

⁸² Dörner F. K. *Inschriften und Denkmäler...* № 34.

(Strabo, loc. cit.; VII, 3, 12; Ant. Gr., XIV, 123; Steph. Byz., s. v. Τίβειον). Впрочем, эти предположения пока что не могут считаться надежно доказанными.

С более ранним, нежели пришлые фракийцы «в узком смысле слова», населением Анатолии следует связывать наличие в Вифинии (впрочем, как и во многих других районах Малой Азии) огромного количества так называемых *Lallnamen* как мужского, так и женского рода (типа Анна, Апфа, Дада, Лала, Мама, Папас) и др. О некоторых из них будет сказано в приложении, посвященном анализу вифинской ономастики.

Тем не менее наиболее многочисленными из народов, проживавших в историческую эпоху на территории Вифинии, были именно близкородственные племена финов и вифинов. Хорошо известно, что и после переселения фракийцев «в узком смысле слова» в Азию часть финов продолжала проживать в Европе (см., например, сообщения о них в VII книге «Анабасиса» Ксенофонта)⁸³. Сведения о наличии в Европе племен вифинов более расплывчаты (Strabo, XII, 2, 2)⁸⁴. Лишь в I в. н. э. в восточной Фракии фиксируется местность Вифинида (Geogr. Ravenn., 184, 17; Tab. Peut., 8, 5), о которой практически ничего не известно⁸⁵.

Что же касается расселения финов и вифинов в Азии и пределов занимаемых ими территорий, то этот вопрос дискутировался в

⁸³ См.: Lenk B. Thynoi // RE. Bd. VIa. Hbbd. 11. 1936. Sp. 734; Detschew D. Die thrakische Sprachreste. S. 211–213; Габелко О. Л. Гераклея Понтийская и Вифиния... С. 117–118.

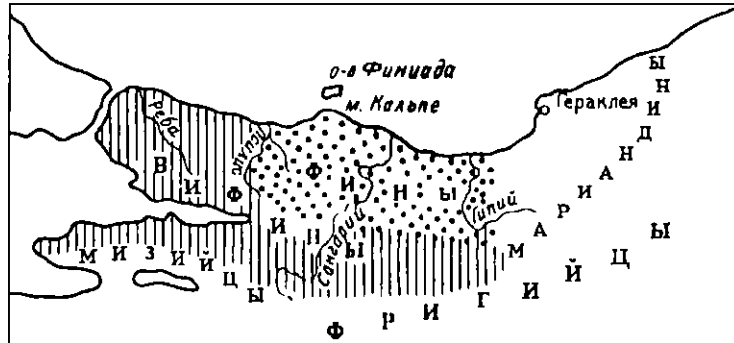
⁸⁴ Впрочем, в другом месте Страбон говорит, что фины и вифины (наряду с бригами, мигдонами, бевриками и медовифинами) совершенно покинули Европу (VII, 3, 2). Быть может, здесь отражено различие в происхождении европейских и азиатских вифинов?

⁸⁵ Должно быть упомянуто племя медовифинов, видимо, образовавшееся в результате слияния двух родственных (?) групп фракийцев (Strabo, VII, 3, 2; Steph. Byz., s. v. Μαίδοι). Ср. с нигде более не встречающимся этнонимом «мадуатены» (Liv., XXXVIII, 40, 7), вероятно, это искажение того же названия «медовифины». Исходя из того, что меды локализируются приблизительно в среднем течении Стримона (см. Златковская Т. Д. Возникновение государства... С. 28. Карта 1), то есть примерно на исторической «прародине» вифинов, логично допустить, что во взаимодействие с ними вступили оставшиеся на Стримоне «вифины/вифии» — потомки фракийцев Ρεσα.

науке в течение долгого времени⁸⁶. Причина тому — многочисленные противоречия в данных источников, которые с трудом поддаются однозначной интерпретации. Опуская краткие и малоинформативные сообщения, следует остановиться на самых важных для решения проблемы высказываниях античных авторов. Первое из них — пассаж Евстафия, восходящий к «Вифиниаке» Арриана Флавия: «...За мариандинами находится плодородная земля вифинцев, где Реба несет свой прекрасный поток, протекая у устьев Понта, или близ Понтийского устья... Течет же она, как говорят, с Мизийского Олимпа, как и Сангарий, а этот Сангарий судоходен, является самой большой из рек Вифинии и впадает в Понт Эвксинский... Говорится также, что вифины когда-то заняли область от Боспора до Ребы (τὴν ἀπὸ Βοσπόρου γῆν ἕως Ῥήβαϊτα Βιθυνοὶ ποτὲ κατέσχον). Напротив ее фины владели гористой областью у Понта вплоть до реки Калет (ἐπὶ Πόντου ὄρεινὴν οἱ Φυνοὶ ἔσχον ἄχρι ποταμοῦ Κάλητος)... И он (Арриан Флавий. — О. Г.) говорит об области Ребантия у реки Псилис (γῆν... Ῥηβαντίαν τὴν πρὸς τῷ Ψιλίῳ ποταμῷ)» (Eustath. ad Dion., 802 = GGM., I, 356; Ал., Bithyn., F. 20 Roos). Если устранить имеющиеся в тексте очевидные неточности⁸⁷, то можно прийти к выводу, что земли финов следует локализовать к востоку от области Ребантия, относящейся, видимо, к собственно Вифинии и

⁸⁶ Область проживания финов дважды упоминается Мемноном при рассказе о событиях 280/279 г. до н. э.: τὴν Φυνίδα γῆν (F. 9, 4) и τῆς Φυνιακῆς... Θράκης (F. 9, 5). Обычно Финийскую Фракию считают восточной частью Вифинии (Дзагурова В. П. Мемнон. Комментарии. С. 297. Прим. 1; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 21). О территориальном разграничении между собственно Вифинией и Финийской областью см.: Kämmler O. Heracleotica. S. 8–10; Meyer Ed. Bithynia. Sp. 512–513; Asheri D. Über die Fruhegeschichte... S. 19; Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 194.

⁸⁷ См. их перечисление и разбор: Габелко О. А. Гераклея Понтийская и Вифиния... С. 118–119. Можно согласиться с мнением, что Евстафий спутал название р. Ребы с производным от него наименованием области, тем более что они, похоже, могли и совпадать: ср. Steph. Byz., s. v. Ῥήβα. Ποταμὸς παρὰ τῷ Πόντῳ. ἔστι καὶ χώρα, οὗ τὸ ἐθνικὸν Ῥηβαῖοι (Kämmler O. Heracleotica. S. 8). Едва ли возможно, однако, принять предлагаемое С. Шахином отождествление Ребы Евстафия с протекающим далеко на юге притоком Сангария (Şahin S. Studien über die Probleme... S. 146–148).

Расселение народностей северо-западной Малой Азии

имеющей восточным пределом реку Псилис. Такое предположение целиком подтверждается информацией Стефана Византийского: $\Psi\acute{\iota}\lambda\iota\omicron\nu$, $\rho\omicron\tau\alpha\mu\acute{o}\varsigma \mu\epsilon\tau\alpha\acute{\xi}\tilde{\iota} \Theta\upsilon\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma \kappa\alpha\acute{\iota} \text{B}\iota\theta\upsilon\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma$ (s. v. $\Psi\acute{\iota}\lambda\iota\omicron\nu$). Наконец, фраза Плиния Старшего: «Tenent oram omnem Thyni, interiora Bithyni» (NH, V, 150) дает возможность поместить область финов на довольно обширном участке вифинского побережья, лучше всего известном грекам и наиболее удобном для судоходства, тогда как территория вифинов может быть локализована к западу и югу от нее.

Все это позволяет заключить, что Финийская Фракия представляла собой гористую область, ограниченную с запада рекой Псилис (совр. Гексу), с востока — рекой Гипий или рекой Калет, а на юг она простиралась приблизительно на широту Астакского залива. Земли вифинов включали в себя западную часть Вифинского полуострова, северное и южное побережья Астакского залива, среднее течение реки Сангарий⁸⁸.

⁸⁸ См. наиболее подробно: Габелко О. Л. Гераклея Понтийская и Вифиния... С. 117–125. Мнение о том, что «ядро» вифинской территории в доэллинистическую эпоху следует ограничивать только полуостровом Коджаэли, преобладавшее в историографии ранее (см., например: Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 13), оспаривалось в последние десятилетия целым рядом авторитетных исследователей (Şahin S. Studien über die Probleme... Karte; Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 192–196). Интересным выглядит предположение Х. Марек, что опорные пункты вифинских правителей располагались в сравнительно труднодоступных гористых районах по берегам Сангария, а не на самом Вифинском полуострове (Marek Ch. Stadt, Ära und Territorium... S. 21. Anm. 184).

В эпоху эллинизма фины, вероятно, были полностью ассимилированы более многочисленными и сильными вифинами⁸⁹, и этноним *Θυνοί* появляется преимущественно в географических трактатах для обозначения области, занимаемой этими племенами в прошлом (Plin., NH, V, 151; Mela, II, 98; Amm. Marc., XXII, 8, 14; Schol. Ap. Rhod., II, 794; Eustath. ad Dion., 793 = GGM I. P. 355; Ps.-Scyl., Perieg., 976–978 = GGM I. P. 237)⁹⁰. Мнение же о существовании в Вифинии полунезависимых племен, чьи вожди будто бы неизменно были враждебны центральной власти (см., к примеру, некоторые этниконы, перечисленные в прим. 76–77)⁹¹, абсолютно не подтверждено источниками. На мой взгляд, в большинстве этих случаев упоминаются названия, обозначающие не племена, а жителей тех или иных населенных пунктов. К исходу классической эпохи вифинцы, видимо, уже вполне отделились в этническом смысле от общепфракийского массива⁹².

⁸⁹ Dörner F. K. Bithynia // Der Kleiner Pauly. Lief. 5. 1964. Sp. 908.

⁹⁰ Упоминание финов Николаем Дамаским (FGrH, 90 F. 113) представляет собой, скорее всего, анахронизм. Интересно, что название финов и производные от него слова употреблялись в эллинистическую и римскую эпохи в стихотворных надгробных эпитафиях — возможно, они, с точки зрения авторов, придавали тексту архаичную торжественность. См., например: Rumscheid F., Held W. Erinnerungen an Mokazis. Eine neu entdeckte Stockwerkstele aus dem bithynischen Tarsos // IstMitt. Bd. 44. 1994. S. 92. В стк. 6 эпиграммы первоиздатель читал *ἄμυνον*, однако впоследствии другими исследователями было предложено чтение *Θυνοίον* (Merkelbach R., Blümel W. Grabepigramm auf Mokazis // EA. Ht. 25. 1995. S. 67–69; SEG XLIV № 1010. P. 346). Ср. *Θάμιον* 'Αστακίην. в Ant. Pal., VII, 627 с поправкой Л. Робера: *Θύμιον* (Robert L. Inscriptions relatives à medicines. 3. Inscription de Lambese // Robert L. Opera mimora selecta. Vol. III. Amsterdam, 1975. P. 1319–1323). В этой эпиграмме с *Θύμιον* хорошо коррелирует и другой несомненный архаизм, 'Αστακίην, нередко связывавшийся в римское время с вифинской столицей Никомедией (Debord P. Comment devenir... P. 144. Note 56). Любопытно, что Финия упоминается наряду с Вифинией даже в «Алексиаде» Анны Комнины (III, 11, 1; 4) (XII в. н. э.), хотя о реальном этническом содержании этого названия к тому времени говорить, конечно, уже не приходится.

⁹¹ Fol A. Paralleles... P. 181. В более поздней работе исследователь высказал прямо противоположный тезис о территориальной компактности Вифинии и отсутствии в стране «местных династических линий» (Fol A. Тракия и Балканы през ранноэллинистическата епоха. София, 1975. С. 98).

⁹² Употребление Аррианом этнонима «вифинские фракийцы» выглядит архаичным как для его эпохи, так и для описываемого им периода

Нельзя исключать присутствия в Вифинии других групп фракийского населения, отличного от собственно вифинцев. Если из информации Дионисия Византийского о наличии на азиатском берегу Боспора населенного пункта Кикониона трудно сделать уверенные выводы⁹³, то сообщение Стефана Византийского: 'Ελληνοπόλις, πόλις Βιθυνίας. μετὰ τὸν ἀνοικισμὸν Βισαλλῆς (s. v.) может свидетельствовать о какой-то реальной миграции части фракийских племен в бисалтов (из того же околостримонского региона⁹⁴) в Азию (о принципиальной возможности таких переселений говорилось выше). Появление в округе Кизика некоторых фракийских имен С. Митчелл склонен объяснять «индивидуальным» переселением некоторых фракийцев из Европы⁹⁵, хотя, разумеется, это лишь одно из возможных объяснений.

Ближайшими соседями вифинцев были мариандины, мизийцы и фригийцы (Strabo, XII, 4, 4). Что касается первого из этих народов⁹⁶, то его происхождение остается неясным; при рассмотре-

IV в. (Meyer Ed. Bithynia. Sp. 510; Bosworth A. B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. I. Oxford, 1980. P. 176).

⁹³ Киконы в Азии упоминаются Гомером как союзники троянцев (II, II, 844–850; XVII, 70–74), а в Европе их городами считались Исмар, Маронея и Ксанф (Strabo, VII, fr. 44). Однако надежных упоминаний о них в историческую эпоху не сохранилось (Спиридонов Т. Кикони // КЕТД. С. 145), к тому же Дионисий сообщает, что это селение было названо так «из-за чрезвычайного возрастания численности и испорченности поселенцев (ἐποκρησάτωι)», что в сочетании со следующим сообщением о каких-то смутах (в Калхедоне?) вряд ли позволяет как-то связывать данный топоним с фракийским племенем. Ср. с трактовкой этого сообщения Л. А. Пальцевой (Пальцева Л. А. Из истории архаической Греции. С. 171).

⁹⁴ См.: Златковская Т. Д. Возникновение государства... С. 28. Карта. 1.

⁹⁵ Mitchell S. Onomastic Survey of Mysia and the Asiatic Shore of the Propontice // Pulpudeva. 2. Sofia, 1978. P. 121–122.

⁹⁶ О мариандинах и их статусе как подчиненного гераклеотам населения см.: Asheri D. Über die Frühgeschichte von Herakleia Pontike. II. Die Mariandynen // Forschungen an der Nordküste Kleinasiens. Hrsg von F. K. Dörner. Bd. I. Herakleia Pontike. Forschungen zur Geschichte und Topographie. Wien, 1972. S. 17–23; Abram A. Bemerkungen zu den Mariandynen von Herakleia am Pontos // SC. Vol. 22. 1984. S. 19–29; Саврыкин С. Ю. Полисы и местное население Южного Причерноморья в архаическую и классическую эпохи // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхал-

нии этого вопроса, вероятно, следует ориентироваться на высказывание Страбона о том, что мариандины, подобно многим другим малоазийским народам, могут считаться фракийцами. История мариандинов (в значительной степени мифологизированная) довольно подробно освещена античными авторами, поскольку изначально она нашла отражение в развитой исторической традиции Гераклеи Понтийской. В мифологии мариандинов сохранились отголоски об их конфликтах с вифинами (*Ap. Rhod.*, II, 135–141; 752) (где последние именуются бибриками)⁹⁷, что, впрочем, не могло исключить взаимных этнических влияний и последующей ассимиляции мариандинов более многочисленными и сильными соседями, почему ко времени Страбона мариандины уже были похожи на вифинцев (XII, 3, 4).

О проживании фригийцев и мизийцев на территориях, входивших в состав Вифинского царства, свидетельствуют некоторые археологические и эпиграфические материалы. Предположительно V–IV вв. датируется найденный между селениями Везирхан и Биледжик рельеф с изображением богини — повелительницы зверей и греко-фригийской билингвой (*SEG XLVII № 1684*). Обнаружены в Вифинии и гробницы с тумулосом (III в.), которые, по данным новейших исследований, следует связывать не столько с кельтским, сколько с фригийским влиянием⁹⁸, а также надгробные памятники из района Отрои, выполненные в традициях позднефригийского искусства⁹⁹. В то же время некоторые

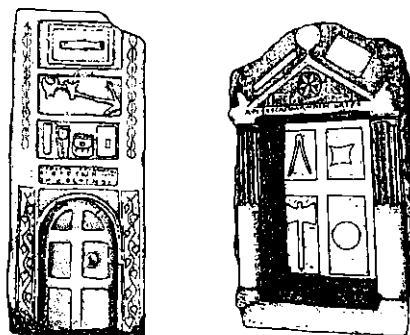
тубо, 1979). Тбилиси, 1981. С. 9–22; Он же. Гераклея Понтийская... С. 20–26; Фролов Э. Д. Гераклеяские мариандины (К проблеме взаимоотношений греческих колонистов и местных племен в зоне дорийской колонизации) // Демографическая ситуация... С. 22–33.

⁹⁷ Компактное расселение мариандинов на небольшой территории может быть объяснено постоянным давлением со стороны вифинов (*Дзагурова В. П.* Гераклея Понтийская... С. 29).

⁹⁸ *Vassileva M.* Interactions in the Thracian-Phrygian Cultural Zone // *The Thracian World on the Crossroads of Civilization. Reports and Summaries of the 7-th International Congress of Thracology.* Bucharest, 1996. P. 164.

⁹⁹ *Cremer M.* Hellenistisch-römische Grabstelen... S. 62–64. О проблеме фрако-фригийского культурного взаимодействия в северо-западной Малой Азии в целом и Вифинии в частности см. содержательную работу: *Vassileva M.* Thracian-Phrygian Cultural Zone: The Daskyleion Evidence // *Orpheus.* Vol. 5. 1995. P. 27–34.

Фригийские стелы с территории Вифинского царства (прорисовка)

могильные стелы с западного берега Асканийского озера несут на себе явные следы мизийских культурных традиций¹⁰⁰.

Последнее по времени «вливание» иноязычного элемента в этническую среду Вифинии связано со вторжением в Анатолию кельтских племен галатов в 278/277 г. Ввиду довольно тесных политических контактов между Вифинией и азиатскими кельтами и географической близости населенных вифинцами территорий с центральной Фригией, получившей после оседания здесь кельтов название Галатия, кельтское этническое присутствие в Вифинии эллинистического и римского времени было весьма заметным¹⁰¹.

Анклавы фрако-вифинского населения располагались и в других районах, прилегающих к Пропонтиде. В частности, накапливаемые в течение длительного времени эпиграфические материалы позволяют с большей или меньшей степенью уверенности предположить проживание вифинцев на территориях к юго-востоку от Кизика по крайней мере в эллинистическое время. Любопытно, в частности, что в «Аргонавтике» вождь долионов, живущих в окрестностях Кизика, носил имя Ζέλνς (Ap. Rhod., I, 1042), близкое антропонимам, распространенным в ареале расселения вифинцев, в частности, имени одного из вифинских царей¹⁰².

¹⁰⁰ Ibid. S. 69–73.

¹⁰¹ О галатских ЛИ в Вифинии и на соседних с ней территориях см.: Duridanov I. Die thrakischen Personennamen Bithyniens. S. 34–38; Mitchell S. Onomastic Survey... P. 122–123. Впрочем, кельтские корни не выявляются в заметном количестве у вифинских топонимов.

¹⁰² Подробнее см.: Mitchell S. Onomastic Survey... P. 119–127; Gabelko O. L. The Thraco-Bithynian Population in the Cities of the Propontis

Наконец, нужно остановиться и на проблеме возможных более широких этнических влияний на население Вифинии уже после складывания здесь собственно вифинского этноса. Информация об этом весьма отрывочна, и потому исследователям нередко приходится высказываться по данному поводу лишь исходя из общих соображений. Д. Ашери, в частности, высказал мнение, будто бы вифинско-мариандинско-фригийский субстрат воспринял в период расцвета державы Мермнадов лидийский, а в ахеменидское время — персидский, арамейский и греческий элементы¹⁰³. Этот тезис, однако, не подтверждается анализом вифинской топонимики и ономастики (разумеется, за исключением греческого влияния¹⁰⁴). Среди вифинских ЛИ (даже тех, чья этническая принадлежность пока не может быть с точностью определена) антропонимы иранского происхождения не встречаются; попытка С. М. Крыкина предположить не чисто персидские, а вифинские (или «древнеанатолийские») корни имени матери Кира Младшего Парисатиды¹⁰⁵ не выдерживает критики, поскольку исследователь не приводит никаких аргументов против традиционной трактовки этого ЛИ как иранского. Думается, что незначительность внешних этнических воздействий на вифинцев может быть понята как результат их относительной замкнутости и изолированности, сохранявшихся на протяжении многих столетий. Ситуация эта претерпела коренные изменения только с началом эпохи эллинизма.

Coast // *The Thracian World on the Crossroads of Civilization. Reports and Summaries of the 7-th International Congress of Thracology*. Bucharest, 1996. P. 368–369; Габелко О. А. Фрако-вифинское население... С. 173.

¹⁰³ Asheri D. *Fra Ellenismo e Iranismo*. Bologna, 1983. P. 35.

¹⁰⁴ Его, разумеется, также не стоит преувеличивать, тем более что время появления тех или иных названий эллинского происхождения в Вифинии часто не поддается определению и в большинстве случаев могло быть более поздним, чем предполагает Д. Ашери. Большинство греческих топонимов сосредоточено на побережье Боспора или Черноморского побережья и связано со вторичной колонизацией прибрежных областей Калхедоном и Гераклеей Понтийской (о населенных пунктах Гераклеотиды см.: Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 30).

¹⁰⁵ Крыкин С. М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. С. 79.

ВИФИНИЯ НА РУБЕЖЕ КЛАССИЧЕСКОЙ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХ

§ 1. Вифиния в составе державы Ахеменидов

История Вифинии до эпохи эллинизма не была богата значительными событиями, поскольку этот уголок ойкумены в течение длительного времени находился в стороне от магистральных путей развития античной цивилизации. Основой для реконструкции процессов, происходивших в северо-западной Малой Азии в VI—IV вв., служат почти исключительно разрозненные и отрывочные данные письменной традиции, на базе которых трудно воссоздать целостную картину. Похоже, что в историографии утвердилось представление о бесперспективности (или — небольшой значимости) таких попыток: практически никто из антиковедов не обращался к доэллинистическому прошлому Вифинии¹. Между тем такой экскурс представляет несомненный интерес.

Более или менее достоверные сведения о Вифинии относятся лишь к VI в. Геродот передает, что фракийцев финов и вифинов подчинил Крез (I, 28)², но не исключено, что они попали под власть лидийских царей уже при Алиатте³. В это время этничес-

¹ Так, Эд. Мейер просто перечислил некоторые события политической истории Вифинии этого времени без какого-либо их анализа: *Meyer Ed. Bithynia*. Sp. 514—515.

² То обстоятельство, что в этом пассаже Геродот упоминает финов, о которых он ничего не говорит в дальнейшем (VII, 75) (*How W. W., Welles J. A Commentary on Herodotus in Two Volumes. Vol. I. (Books I—IV). Oxford; New York, P. 48*), едва ли свидетельствует об интерполяции текста позднейшей вставкой (Ломоури Н. Ю. К истории... С. 120) и может быть объяснено использованием Геродотом разнородных источников информации о Вифинии.

³ См. Steph. Byz., s. v. Ἀλίαττα. Ἀλίαττα, χωρίου Βιθυνίας, ἀπὸ Ἀλίαττου κρατήσαντος τὸν τόπον. Ср. сообщение псевдо-Зонары (s. v. Ἀλίαττης). Правда, как отметил Эд. Мейер, Ливий (XXXVIII, 18, 3) поме-

кое разделение между двумя родственными племенами еще сохранялось, хотя, вероятно, уже сложилась объединявшая их политическая общность, которую можно условно охарактеризовать как союз племен. После завоевания Лидийского царства Киром Вифиния вошла в состав державы Ахеменидов⁴, и последующие два столетия ее истории были связаны с Персидским царством.

Среди исследователей распространено мнение, что полного контроля над Вифинией Ахемениды никогда не достигали⁵. Следует, однако, проанализировать статус вифинцев в составе Персидского царства и попытаться проследить его изменение. Можно согласиться с А. Фолом, считающим, что вскоре после завоеваний Кира персы добились установления прочного господства над Вифинией, которое затормозило становление здесь государственности на основе местных фрако-фригийских традиций⁶. При Дарии I

щает селение с таким названием не в Вифинии, а на границе Фригии и Галлатии (*Meyer Ed. Bithynia. Sp. 515*), но остается неясным, идет ли здесь речь об одном и том же или различных населенных пунктах (*Zgusta L. Kleinasiatische Ortsnamen. § 49–1. S. 65*). Высказанное недавно предположение об основании Алиатты лидийским монархом совместно с греками как части более обширного греко-лидийского колонизационного предприятия в северо-западной Малой Азии (*Суриков И. Е. О некоторых факторах колонизационной политики Гераклеи Понтийской // ПИФК. Вып. XII. 2002. С. 76–77*) выглядит в целом правдоподобным, но конкретными данными в условиях отсутствия источников не подтверждается. Можно только заметить, что греков вряд ли могло заинтересовать выведение колонии, удаленной от морского побережья.

⁴ *Meyer Ed. Bithynia. 1898. Sp. 515.*

⁵ *Jones A. H. M. The Cities... P. 148; SEHAW. Vol. I. P. 567; Heinen H. The Syrian-Egyptian Wars and the New Kingdoms of Asia Minor // САН². Vol. VII. Part. 1. 1984. P. 425; Harris B. F. Bithynia: Roman Sovereignty... P. 858; Hannestad L. «This Contributes in No Small Way...» P. 71.*

⁶ *Фол А. Демографска и социална структура... С. 211.* Сообщение о том, что Пруса-Олимпийская была основана неким Прусием, воевавшим с Крезом (*Strabo, XII, 4, 3*) или Киром (*Steph. Byz., s. v. Προῦσα*), не кажется достоверным и может быть объяснено ошибкой переписчика: во фразе κτίσται Προῦσιου τοῦ πρὸς Κροῖσῳ (Κύρου) πολεμήσαντος неясное имя царя должно быть заменено на другое слово. Тем не менее во многих исследованиях высказывается мнение об историчности этого Прусия и соответственно удревнении вифинской государственности по меньшей мере на сто с лишним лет (*Reinach Th. Essai sur la numismatique des rois de Bithynie. P. 225; Detschew D. Die Thrakische Sprachreste. S. 385; Фол А. Демо-*

азиатские фракийцы были включены в третью сатрапию Ахеменидов с центром в Даскилии (Hdt, III, 90), а во время похода Дария на скифов (514/3 г.) через Вифинию пролегал путь персидского войска⁷. Других свидетельств о взаимоотношениях персов с вифинцами в это время до нас не дошло; предположения о подчинении «ближайших соседей Калхедона и Византия»⁸ (вифинцев?), как и о размещении в Вифинии и Мариандинии персидских гарнизонов и чиновников⁹ кажутся правдоподобными, но не находят

графска и социална структура... С. 210; Он же. Политическата история на траките. Края на второ хилядолетие до края на пети век преди новата ера. София, 1972. С. 88; *Fol A. Observations préliminaires...* S. 63; *Idem. Thrakobithynische Parallelen...* S. 201; *Орачев А. Прусий (1) // КЕТД. С. 223*. В других работах этот Прусий считается мифическим персонажем (*Habicht Ch. Prusias (1). Sp. 1103; Wilson D. R. The Historical Geography...* P. 76). Т. Корстен в новой работе по истории Прусы склоняется к мнению об основании города ближе неизвестным вифинским или мизийским династом VI в., ссылаясь при этом на надпись римского времени из Мегары, где засвидетельствовано имя, начинающееся на Προυσ-. Он отвергает замену трудноопределимого имени на Κίβερον (ведь именно Прусий I, которого также считают основателем Прусы-Олимпийской, в конце 190-х гг. завоевал этот город (Мемн., F. 19, 1); см.: *Dörner F. K. Prusa ad Olympon // RE. Bd. XXIII. 1. 1957. Sp. 1077*), поскольку Киер к моменту подчинения его Прусием I не был самостоятельным, а принадлежал Гераклею (*Die Inschriften von Prusa ad Olympon / IK. Bd. 39. T. 1. Hrsg. v. Th. Corsten. Bonn, 1991. S. 21–25*). Эта гипотеза чересчур произвольна. Однако возможна иная конъектура, устраняющая указанное противоречие: πρὸς Κίον, что хорошо согласуется с предшествующим пассажем Страбона о захвате Киоса Прусием I (XII, 4, 3). В этом случае приобретает особый вес указание на то, что причастие *πολεμήσαντος* указывает на агрессора (*Syme R. Anatolica. P. 116*). Любопытно, что эта идея была высказана еще Э. Нольте в 1861 г. (*Nolte E. De rebus gestis...* P. 60), однако в дальнейшем она совершенно забылась.

⁷ *Burstein S. M. Outpost of Hellenism. P. 112. Note 29*. Существование на рубеже Мизии и Вифинии селения Дарейукоме, конечно, не может считаться надежным показателем прочного персидского влияния в этой области (*Asheri D. Fra Ellenismo e Iranismo. P. 33*). Тем не менее осада Калхедона Дарием (*Polyaen., VII, 11, 5*), предпринятая, возможно, в 511 г. (*Olmstead A. T. History of the Persian Empire. Chicago, 1957. P. 150*), могла потребовать длительного пребывания персов в Вифинии.

⁸ *Rogers R. W. A History of Ancient Persia from its Earliest Beginnings to the Death of Alexander the Great. New York; London, 1929. P. 123*.

⁹ *Burstein S. M. Outpost of Hellenism. P. 113. Note 38*.

в источниках прямого подтверждения¹⁰. Отсутствие изображений азиатских фракийцев на рельефах дворца в Персеполе и гробницы в Накш-и-Рустам¹¹, где показаны представители покоренных персами этносов, и в списке подвластных персам народов может косвенно свидетельствовать в пользу чисто номинального подчинения вифинцев персам. При Ксерксе же зависимость населения Вифинии от Ахеменидов приняла вполне реальный характер: во время подготовки похода на Элладу Вифиния с ее прекрасными корабельными лесами наряду с другими подвластными Ахеменидам областями служила базой для строительства персидского флю-

¹⁰ Косвенным (безусловно, очень косвенным!) указанием на ту или иную форму господства персов над северо-западной Малой Азией может служить обнаружение на территории Гераклеи Понтийской фрагмента статуи — мужской головы в тиаре. Турецкий археолог Э. Акургал полагает, что эта скульптура изображала персидского сатрапа, и датирует ее VI в. (*Akurgal E. Neue archaische Skulpturen aus Anatolien // Archaische und klassische griechische Plastik. I. Kolloquium. Athen, 1985. S. 9–13*). Другие свидетельства подобного же плана — обнаруженная в окрестностях Измида/Никомедии бронзовая бляшка с изображением козла, выполненная в традициях иранско-ахеменидского искусства (*Otto H. Achämenidische Kleinkunst in Anatolien // Antike. Bd. 17. Ht. 1. 1932. S. 81–88*) и серебряная посуда персидского происхождения из погребения кого-то из представителей вифинской знати (окрестности Киера) (*Hannestad L. «This Contributes in No Small Way...»*. P. 71). Эти находки, к сожалению, не проясняют, насколько реальным было персидское политическое и/или культурное воздействие на Вифинию. Стелы «греко-персидского стиля», происходящие из округа Бурсы (Idid.), никаких дополнительных аргументов о «влиянии, исходившем из резиденции сатрапа» (Даскилия) предоставить не могут, т. к. эта территория была освоена вифинцами значительно позже. Наконец, нужно упомянуть высказанное в одной из публикаций в Интернете мнение о том, что на так называемой «Вазе Дария» из Неапольского музея в числе телохранителей персидского царя изображен вифинец (<http://www.thrace.0catch.com/grant.html>). Оно уязвимо для критики: данная фигура может быть отождествлена с фригийцем или представителем какого-либо другого малоазийского народа.

¹¹ Изображение на рельефах ападаны Персепольского дворца (группа № 19) исследователи связывают не с азиатскими, а с европейскими фракийцами, входившими в состав сатрапии Скудра. См.: *Schmidt E. F. Persepolis. I. Structures. Reliefs. Inscriptions. Chicago, 1953. P. 89, 120. Pl. 45*; *Уилбур Д. Персеполь. Археологические раскопки резиденции персидских царей. М., 1977. С. 71.*

та (Diod., XI, 2, 1), а в 480 г. вифинские отряды вошли в состав войска Ксеркса (Hdt, VII, 75; Or. Sib., XI, 176)¹².

После поражений персов в войнах с греками их власть в западных сатрапиях ослабела, что предоставило вифинцам возможность утвердить свою династию¹³. Мемнон сообщает, что около 435 г. в Вифинии правил Дидалс¹⁴, ему наследовал Ботир, живший 75 лет, затем — Бас, который жил 71 год и царствовал 50 (377/6—328/7 гг.), и Зипойт (328/7—280/79 гг.) (Мемн., F. 12, 2—5). Тот факт, что в конце V в. вифинцы не упоминались в списке автономных народов Персидской державы (Хеп., Анаб., VII, 8, 25), отнюдь не свидетельствует об их полном подчинении сатрапу Фарнабазу¹⁵: предоставление автономии чаще всего было привилегией, даруемой «царем царей» местным правителям за проявленную ими лояльность¹⁶, а вифинцы часто воевали с Фарнабазом

¹² Геродот дает довольно подробное описание внешнего вида вифинских воинов: «У (азиатских. — О. Г.) фракийцев, отправившихся в поход, на головах были лисьи шапки (ἀλώπεκέας). На теле они носили хитоны (χιθῶνας), поверх которых были наброшены пестрые накидки (ζείρας). На ногах и коленях у них были обмотки из оленьей шкуры. Вооружены же они были дротиками, небольшими щитами (πέλτας) (в переводе Г. А. Стратановского почему-то говорится о пращах. — О. Г.) и маленькими кинжалами». Налицо значительное сходство вооружения и одежды вифинцев и европейских фракийцев.

¹³ Фол А. Демографска и социална структура... С. 211; ср. Olmstead A. T. History of the Persian Empire. P. 405.

¹⁴ Эта дата определена благодаря сообщению Диодора о выведении колонии афинян в Астак, синхронном правлению Дидалса, если считать по афинскому архонту Антиохиду (XII, 34, 5). В тексте Диодора, очевидно, вместо названия полиса на Пропонтиде, куда афиняне вывели колонию, передаваемого как ΛΕΤΑΝΟΝ, следует читать ΑΣΤΑΚΟΝ; справедливости ради необходимо отметить, что консульство М. Фабия и П. Эбуция, с которым Диодор синхронизирует архонство Антиохиды, приходится на 442 г. (Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 2000. С. 209).

¹⁵ После назначения Кира Младшего сатрапом Индии, Фригии и Каппадокии Вифиния и гелеспонтские области перешли под управление Фарнабаза (Herzfeld E. The Persian Empire. Studien in Geography and Ethnography of the Ancient Near East. Wiesbaden, 1968. P. 312). А. Джонс считает, что вифинские племена в это время пребывали под его жестким контролем (Jones A. H. M. The Cities... P. 418. Note 2; против — Lewis D. M. Sparta and Persia. Leiden, 1977. P. 56).

¹⁶ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980. С. 118.

(πολλάκις γὰρ οἱ Βιθυνοὶ αὐτῷ ἐπολέμουν) (Хеп., Hell., III, 2, 2) и потому не могли рассчитывать на подобную милость. Основные административные и политические центры ахеменидских сатрапий в Малой Азии, такие, как Даскилий¹⁷, были отдалены от Вифинии на значительное расстояние, что затрудняло достижение прочного контроля над ее населением¹⁸. В этих условиях реальная независимость и военные возможности азиатских фракийцев были достаточны для того, чтобы персы в критические моменты принимали их во внимание: так, Фарнабаз намеревался совместно с вифинцами не допустить вторжения Десяти тысяч во Фригию (Хеп., Апаб., VI, 4, 24).

Рассмотрение вифинско-персидских отношений позволяет заключить, что стремление к полной самостоятельности стало одним из ведущих мотивов в деятельности вифинских правителей уже в V в. В отдельные периоды им удавалось *de facto* достичь своей цели, однако этому скорее способствовали сепаратистские устремления малоазийских сатрапов, противившихся установлению в своих владениях прочной центральной власти, и относительная удаленность и незначительность Вифинии, чем ее военный и экономический потенциал. Превращению вифинских племен в сколько-нибудь существенный фактор политической жизни в регионе препятствовали не только и не столько власти Персидской империи, сколько ближайшие соседи вифинцев — греческие полисы побережья Южного Понта и Пропонтиды. Именно взаимоотношения

¹⁷ Выказывалось предположение, что резиденцией персидских сатрапов мог служить не Даскилий, располагавшийся во Фригии на Пропонтиде, а одноименный город в Вифинии (Steph. Byz., s. v. Δασκύλιον) (Vassileva M. Thracian-Phrygian Cultural Zone. P. 28), однако оно неубедительно. Вифинский Даскилий, о котором практически ничего неизвестно, был, очевидно, малозначительным городом, удаленным от побережья и основных политических и экономических коммуникаций. См. специально о Даскилии на Пропонтиде как центре персидской сатрапии: Corsten Th. Daskyleion am Meer // EA. Ht. 12. 1988. S. 53–77.

¹⁸ Ближайшим к Вифинии оплотом персидского господства в конце V–IV вв. обычно считают Киос. О господстве здесь иранской династии Митридатидов см.: Die Inschriften von Kios / IK. Bd. 31. Hrsg. von Th. Corsten. Вопп, 1985. S. 26–31. См., однако, интересную гипотезу, согласно которой пребывание Митридатидов в Киосе отрицается, а их домен локализуется в Мизии и Мариандинии: Bosworth A. B., Wheatley R. V. The Origins of the Pontic House // JHS. Vol. 118. 1998. P. 155–164.

с ними — в первую очередь с мегарскими колониями Византием, Калхедоном, Гераклеей Понтийской и Астакон — составляли основное содержание политической истории Вифинии в V–IV вв. и служили главным звеном, связывающим азиатских фракийцев с внешним миром¹⁹.

Как и в других районах ойкумены, где происходила встреча эллинских поселенцев с варварами, еще не достигшими полного оформления собственной государственности, установившиеся между греками и вифинцами отношения, вероятно, были неоднозначными. Можно априорно предполагать некоторое развитие торговых связей, однако никакой конкретной информации о них мы не имеем²⁰. Экономика Вифинии, очевидно, носила натуральный характер, еще не была подвержена существенному воздействию товарно-денежных отношений и восполняла все свои потребности за счет местных сельскохозяйственных ресурсов²¹. В то же время полисы, располагавшие обширной территорией с зависи-

¹⁹ См. очерки мегарской колонизации Пропонтиды и северо-западной Малой Азии: *Hanell K. Megarische Studien*. Lund, 1934, S. 119–135; *Пальцева Л. А. Из истории...* С. 147–203. К сожалению, вопрос о взаимоотношениях колонистов с местным населением в этих работах рассматриваются недостаточно подробно.

²⁰ В ряде исследований присутствует неоправданная, на наш взгляд, тенденция к преувеличению масштабов и значения торговых взаимоотношений вифинцев и греков (*SEHAW. Vol. I. P. 567*; *Всемирная история. Т. 2. М., 1956. С. 256*). Сведения о наличии в Вифинии торговых эмпориев (*Robert L. Études anatoliennes. Paris, 1938. P. 243–245*; *Magic D. Roman Rule... Vol. II. P. 1182–1183*) не являются достаточным аргументом в пользу существования здесь в рассматриваемый период оживленных торговых сношений, так как основаны эти поселения были, скорее всего, в римское время. Морской торговлей, для которой имелись довольно благоприятные условия, вифинцы, кажется, еще не занимались: так, самая удобная на Черноморском побережье страны гавань Кальпе не была занята ими (*Хеп., Anab., VI, 4, 3–5*), а ближайшие деревни отстояли от нее на расстоянии 30 стадиев (*VI, 3, 2*). Характеристику вифинцев как *ναυτικωτάτους* (*Eustath. ad Dion., 793 = GGM. I. P. 356*) более уместно связать с их пиратством в прибрежных водах.

²¹ Наиболее развернутое из имеющихся в историографии описаний хозяйственной структуры Вифинии, данное А. Фолом, явно выходит за рамки предоставляемой источниками информации и напоминает отвлеченную социологическую схему (*Фол А. Демографска и социална структура... С. 209–210*).

мым населением, занимавшимся земледельческим трудом, как, например, Гераклея или Византий, тоже не испытывали большой необходимости в тех продуктах, которые им могла предоставить торговля с Вифинией, и ориентировались на дальнюю морскую торговлю. Поэтому следует признать, что приоритет во взаимоотношениях вифинцев и греков занимали политические связи, а их характер определялся по преимуществу столкновением интересов обеих сторон. Хрестоматийное высказывание Ксенофонта о враждебности, испытываемой вифинцами к грекам: между Византием и Гераклеей «нет ни одного другого эллинского или дружественного города, но живут только фракийцы вифины. Рассказывают, что они, если захватывают кого-то из эллинов — потерпевших кораблекрушение (ἐκπύπτουτας²²) или кого-либо еще — то поступают с ними очень жестоко» (Αναβ., VI, 4, 2), находит многочисленные подтверждения в сообщениях нарративных источников.

Соседство с такими экономически процветающими и сильными в военно-политическом отношении центрами эллинского мира, как Византий и Гераклея, накладывало на положение вифинских племен заметный отпечаток. Активная деятельность правящих кругов этих городов по включению близлежащих территорий в состав полисной хоры неизбежно приводила их к конфликтам с вифинцами, причем гераклеоты и византийцы были достаточно сильны для того, чтобы вмешиваться в столкновения вифинцев с другими полисами, преследуя при этом собственные цели. Население Вифинии со своей стороны нередко тревожило эллинских колонистов грабительскими набегами.

В наиболее уязвимом положении оказался Астак²³, уступающий другим расположенным в Вифинии полисам по численности

²² В переводе «Анабасиса», принадлежащем М. И. Максимовой, принципиально важный момент захвата греков, потерпевших кораблекрушение, опущен. Между тем эта практика объединяет вифинцев с их европейскими собратьями, живущими в области Финида близ Салмидесса, как об этом сообщает тот же Ксенофонт (VII, 5, 12–13); см. комментарий: *Златковская Т. Д.* Возникновение государства... С. 85.

²³ Об истории этого города см.: *Toepffer J.* Astakos // *Hermes*. Bd. XXXI. 1896. S. 124–136; *Sölch J.* Bithynische Städte im Altertum. S. 142–145 (этот исследователь, кстати, полагает, что одним из источников благосостояния Астака являлась торговля с северной (?) Вифинией); *Asheri D.* On the «Holy Family» of Astakos // *SRKK*. P. 93–98; *Пальцева Л. А.* Из истории... С. 147–162. В последней работе высказана не-

населения, экономическим и военным возможностям. Согласно Мемнону, этот город «часто подвергался набегам со стороны соседей и много воевал. Когда после мегарцев в него ввели колонию афиняне, город освободился от несчастий и пребывал в большой славе и силе. В то время у вифинцев находился у власти Дидалс» (пер. В. П. Дзагуровой) (Δοιδάλσοῦ τῆνικαῦτα τὴν Βιθυνῶν ἀρχὴν ἔχοντος — Мемн., F. 12, 2–3). Этому сообщению, несколько искажая его содержание, вторит Страбон: Астак был основан мегарцами и афинянами, а потом — Дидалсом (Μεγάρῳ κτίσμα καὶ Ἀθηναῖοι καὶ μετὰ ταῦτα Δοιδάλοῦ — XII, 4, 2). Предположение о возможной причастности вифинского династа к реорганизации греческого города выглядит лишенным всяких оснований²⁴, поэтому заслуживает внимания конъектура А. Джонса: καὶ Ἀθηναῖοι μετὰ ταῦτα ἐπὶ Δοιδάλοῦ²⁵, придающая этому сообщению фактически тот же смысл, что и в пассаже Мемнона.

Критическое положение граждан Астака в рассматриваемый период подтверждается и эпиграфическими материалами. Списки поступлений в казну Афинского морского союза²⁶ свидетельствуют о неуклонном снижении величины взноса астакенцев в середине V в. и о полном прекращении его в 443/2 г. Причиной этого следует считать экономические трудности, вызванные постоянной

доказанная гипотеза, что основание Астака было вызвано стремлением мегарских колонистов развивать торговлю с Фригийским царством (см. сомнения в этом: *Высокий М. Ф., Габелко О. Л.* Некоторые проблемы мегарской колонизации (о монографии: *Пальцева Л. А.* Из истории архаической Греции. Мегара и мегарские колонии. СПб., 1999) // *Античность: общество и идеи. Межвузовский сборник. Казань, 2001. С. 38*).

²⁴ *Toepffer J.* Astakos. S. 125. Неясное упоминание того же Страбона со ссылкой на Феопомпа об основании Амиса вождем каппадокийцев (XII, 3, 14) расценивается как указание на захват им этого города (*Максимова М. И.* Античные города... С. 55). Д. Ашер и К. Штробель считают, что Астак оставался подчиненным Дидалсу, а на протяжении IV в. он даже был морским портом зарождающегося Вифинского царства (*Asheri D.* Fra Ellenismo e Iranismo. P. 41, *Strobel K.* Die Galater. Geschichte... S. 191; *Idem.* Astakos // *Der Neue Pauly.* Bd. 1. Stuttgart, 1996 Sp. 116–117), но предполагать подчинение Астака вифинцам исходя из текста Мемнона едва ли возможно. Впрочем, информация об основании города Дидалсом могла быть существенным элементом в политической пропаганде вифинских царей; см. подробнее гл. V, § 1.

²⁵ *Jones A. H. M.* The Cities... P. 419. Note 3.

²⁶ ATL I 226–230, 235, 239.

борьбой с вифинцами²⁷. Некоторые исследователи вполне обоснованно, на мой взгляд, связывают выведение колонии афинян в Астак с понтийской экспедицией Перикла²⁸. В свете данного предположения указание Мемнона на последующие μέγα δόξης καὶ ἰσχύος Астака (Мемп., F. 12, 3) выглядит в полной мере оправданным: военно-стратегическое значение Астака как опорного пункта для контроля над местным населением и близлежащими полями было очевидным, и потому афиняне затратили для выведения новой апейкии значительные силы и средства.

Очередной эпизод в истории греко-вифинских отношений зафиксирован в 424 г. Афинская эскадра под руководством Ламаха сильно пострадала от шторма, и греки для возвращения были вынуждены пересечь всю Вифинию от Гераклеи до Калхедона (Thuc., IV, 75). Х. Мерле полагает, что эта экспедиция оказалась весьма опасной для афинян²⁹, и это мнение логически согласовано со сложившимся на тот момент политическим контекстом: так, Юстин сообщает, что Ламах опасался перехода через земли соседствующих с Гераклеей многочисленных и воинственных племен (XVI, 3) — то есть, без сомнения, вифинцев. Возвращение афинского отряда оказалось первым из тех случаев, когда в напряженные отношения вифинских племен и эллинских колонистов вмешивалась третья сила — военные экспедиции греков, решавшие в этом регионе локальные задачи «большой политики».

²⁷ *Tocpffer J. Astakos. S. 129; Полюдин П. Д., Вульф О. Ф. Никомидия. С. 4.*

²⁸ *Olmstead A. T. History of the Persian Empire. P. 344; Schuller W. Die Herrschaft der Athener im Ersten Attischen Seebund. Berlin; New York, 1974. S. 30–31; Figueira T. J. Athens and Aigina in the Age of Imperial Colonisation. Baltimore; London, 1991. P. 223. См. новейшую работу, посвященную этому предмету: Суриков И. Е. Историко-географические проблемы Понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 3. С. 98–113. Автор датирует экспедицию 437–436 гг.; следовательно, вывод колонии в Астак приходится на ее заключительный период, связанный уже с возвращением из Понта: вероятно, «на завершающем этапе плавания... некоторое распыление сил (на гарнизоны и клерухии. — О. Г.) вполне могло быть допущено» (С. 112). Другая точка зрения, будто бы «снижение фороса было вызвано появлением в Астаке афинских колонистов» (Паршиков А. Е. О статусе афинских колоний в V в. до н. э. // ВДИ. 1969. № 2. С. 14), заставляет предполагать присутствие афинян в Астаке уже в середине столетия, что выглядит маловероятным.*

²⁹ *Merle H. Geschichte der Städte... S. 24.*

Ситуация, в которой вифинцы выступали, как кажется, в роли активной стороны, вынуждавшей жителей близлежащих эллинистических колоний к обороне, в корне изменилась в 416 г. Произошедший тогда перелом в греко-вифинских отношениях на долгое время передал инициативу полисам побережья Южного Понта и Пропонтиды. Столь резкая перемена стала возможной в результате крупного военного похода в Вифинию, предпринятого совместно византийцами и калхедонянами при поддержке европейских фракийцев³⁰. Вифинцы потерпели тяжелое поражение: их земли были опустошены, многие селения взяты после осады (πολλὰ τῶν μικρῶν πολιστατίων ἐκπολιρκήσαντες³¹), а их жители перебиты (Diod., XII, 82, 2). Но значение данного эпизода не исчерпывается чисто военной сферой: есть основания предполагать, что византийцы (игравшие, вероятно, главную роль в этом походе) сумели упрочить результаты достигнутой победы и подчинили своему господству часть вифинского населения, закрепив за собой территориальные владения в Азии.

Вопрос о локализации, времени оформления и роли азиатской хоры Византия редко становился предметом специального исследования³². Обычно эта целостная по своей сути проблема рассматривается в двух изолированных аспектах: с одной стороны, при помощи интерпретации эпиграфических материалов с территорий предполагаемых византийских владений, с другой — посредством анализа данных письменной традиции о правовом статусе вифин-

³⁰ Можно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что инициаторами этой акции выступили калхедоняне, страдавшие от частых набегов соседей и обратившиеся за помощью к византийцам: *Merle H. Geschichte der Städte...* S. 24; *Невская В. П. Византий...* С. 87; *Strobel K. Die Galater. Geschichte...* S. 191. Апп. 141; ср.: *Olmstead A. T. History of the Persian Empire.* P. 368. Под фракийскими союзниками греков, вероятно, следует понимать одрисов, имевших большой опыт борьбы с собратьями вифинцев — европейскими фидами (*Boshnakov K. Die Thraker südlich von Balkan in den Geographika Strabos.* Wiesbaden; Stuttgart, 2003. S. 195).

³¹ Если Диодор и его источник соблюдают точность в терминологии, то эта фраза может трактоваться как указание на наличие в Вифинии укрепленных поселений, до сих пор, к сожалению, не зафиксированных археологически.

³² Эти события были рассмотрены в отдельной статье: *Cabelko O. L. Zur Lokalisierung und Chronologie der Asiatischen Besitzungen von Byzanz // Orbis Terrarum.* Bd. 2. Stuttgart, 1996. S. 121–128.

ских сельских поселенцев и формах их эксплуатации византийцами. Получаемые при этом результаты не имеют явных точек соприкосновения. Так, выполненные на дорийском диалекте надписи из окрестностей современного селения Ялова на южном побережье Астакского залива и из района Триглии на южном берегу Пропонтиды, подвластных византийцам, датируются как III—I вв., так и римским периодом. С другой стороны, фраза Афиней: «Филарх в шестой книге "Истории" говорит, что и византийцы так же поработили вифинцев, как лакедемоняне илотов» (Φύλαρχος δ' ἐν ἕκτῃ ἱστορίῳ καὶ Βυζαντίους φῆσιν οὕτῳ Βιθυνῶν δεσπόσαι ὡς Λακεδαιμονίους τῶν εἰλώτων — Athen., VI, 271c) заставляет исследователей отождествлять эту форму зависимости с другими видами общественных отношений типа илотии и соответственно возводить ее к значительно более раннему времени³³.

Говоря о поработанных византийцами фракийцах, необходимо прежде всего внести окончательную ясность в вопрос о местах их обитания. Л. А. Пальцева считает, что подчиненные Византию вифинцы жили исключительно на европейском берегу Бос-

³³ Наиболее полно этот вопрос освещен Д. Лотце, считающим, что вифинцы на территории Византия не являлись ни рабами, ни «крепостными», а подвергались довольно своеобразному виду эксплуатации (*Lotze D. Μεταξὺ ἐλευθερῶν καὶ δουλῶν. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4 Jahrhundert v. Chr.* Berlin, 1959. S. 57–58; ср. *Невская В. П.* Византий... С. 38, 45; *Свенцицкая И. С.* Положение зависимого населения Малой Азии в V–IV вв. до н. э. // ВДИ. 1967. № 4. С. 82). В эллинистическое время это население обозначалось широко распространенным словом λαοί (*Polyb., IV, 52, 7*), причем М. И. Ростовцев считает употребление этого названия терминологически точным (*Rostowtzeff M. I. Studien zur Geschichte des Römischen Kolonates.* Leipzig; Berlin, 1910. S. 261. Anm. 3). Сами же византийские поселенцы названы в тексте византийско-вифинского договора «земледельцами» (τοῖς γεωργοῖς) (*Polyb., IV, 52, 7*). Стоит отметить, что территория в округе Яловы, где располагались византийские владения, и в настоящее время является важным сельскохозяйственным районом. На явное разграничение статусов византийцев и вифинцев указывает, по мнению Л. Робера, появление этника Βυζαντίος в посвящении Гераклу от лица византийца Астера (II–I вв.) (*Robert L. Dédicace à Héракles et aux Nymphes* // *Robert L. Opera minores selecta.* Vol. I. Leiden, 1969. P. 406). Стоит также обратить внимание на мнение К. Моссе, согласно которому только те группы зависимого населения, статус которых определялся в процессе завоевания греками, сохраняли название того или

пора³⁴. Это положение уже подвергалось критике³⁵. В самом деле, надежных сведений о проживании вифинов в Европе поблизости от пролива не существует; кроме того, владения византийцев здесь, судя по всему, вообще были не слишком обширны³⁶, что неудивительно ввиду сильного давления, постоянно оказываемого на полис фракийцами на протяжении едва ли не всей истории города вплоть до римского периода включительно³⁷.

Таким образом, едва ли есть основания сомневаться в том, что подчиненных византийцами вифинцев следует локализовать в Азии. Информация источников об азиатских владениях византийцев, однако, чрезвычайно отрывочна и противоречива. Согласно Страбону, византийские земли располагались в районе Даскилейского озера по соседству с хорой кизикенцев: καὶ τῆς Δασκυλίτιδος λίμνης τὰ μὲν ἔχουσιν ἑκεῖνοι (т. е. кизикенцы. — О. Г.), τὰ δὲ Βυζάντιοι (XII, 8, 11). Полибий говорит о том, что в 220 г. вифинский царь Прусий I отнял у византийцев мизийскую область в Азии, которой византийцы владели уже долгое время (IV, 50, 4), но после заключения мира возвратил им эти территории (52, 9)³⁸.

иного народа (Mossé С. Les dependants paysans dans le monde grec à l'époque archaïque et classique // *Terre et paysans. Dependents dans les sociétés antiques avec le concours. Colloque international tenu à Besançon 1974* / Préf. de E. Ch. Welskopf. Paris, 1979. P. 85–98): пример вифинцев вполне укладывается в эту схему.

³⁴ Пальцева Л. А. Из истории... С. 188–190, 202. Эта точка зрения весьма распространена; см., например: *Златковская Т. Д. Возникновение государства...* С. 138. Прим. 202.

³⁵ Высокий М. Ф., Габелко О. Л. Некоторые проблемы... С. 42–43.

³⁶ См.: Miller J. Byzantion // RE. Bd. III. 1898. Sp. 1142. Судя по всему, византийцы контролировали только узкую прибрежную полосу, придавая особое внимание закреплению за собой удобных гаваней.

³⁷ См., например: Dion. Byz., 8, 16, 53; Hesych. Patria Const., 20–23 (требует критической оценки); Polyb., IV, 45, 1–9; Tac., Ann., XII, 63.

³⁸ Полуостров, омываемый с севера Астакским, а с юга — Кианийским заливами, назывался Мизийским (ἡ Μυσία ἀκτή) (Scyl. Per. 93 = GGM I. P. 68), ср. Strabo, XII, 4, 8, но проживание здесь вифинцев не подлежит сомнению. Согласно мифологической традиции, Мис и Фин были сыновьями нимфы Аргантоны (Eustath. ad Dion., 809 = Arr., Bithyn., F. 40 Roos), по имени которой был назван горный массив на этом полуострове, а близкое родство финов и вифинов также достоверно доказано. С. Шахин вполне обоснованно включает этот район в Bithynisches Kernland (Şahin S. Studien über die Probleme... Karte; ср. Robert L. In-

Наконец, Дионисий Византийский указывает, что Птолемей II Филадельф подарил гражданам Византия χώραν ἐπὶ τῆς Ἀσίας (Dion. Byz., 41).

Именно последнее сообщение кажется исследователям наиболее информативным. К. Хабихт на основании его делает вывод о приобретении византийцами всех своих азиатских владений в результате дарения Птолемея II ок. 280–279 гг., с помощью чего египетский владыка намеревался привлечь их на свою сторону в борьбе против Антиоха I³⁹. Недавно и эта точка зрения была оспорена Ю. Г. Виноградовым (как кажется, довольно убедительно), отнесшим птолемеевские дарения Византию к событиям Второй Сирийской войны (255–253 гг.)⁴⁰.

Однако некоторые факты говорят о том, что азиатская хора византийцев представляла собой две разные области, приобретенные при различных обстоятельствах. Зачастую игнорируемое сообщение Стефана Византийского: Ἀστικός... ἔστι καὶ χώρα

scriptions de la région de Yalova en Bithynie // Hellenica. T. VII. 1949. P. 37–38). В дальнейшем (вероятно, по мере расширения территории Вифинского царства) этот район стал причисляться к собственно Вифинии (Schol. Apol. Rhod., I, 1110).

³⁹ Habicht Ch. Gottmenschentum und Griechische Städte. München, 1956. S. 116–121; ср.: Schenkungen. № 239; Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 193; S. 256. Апп. 456. Поскольку исследователь полагает, что Византий в это время уже был осажден галатами, то предлагаемую им дату следовало бы приблизить к моменту перехода кельтов в Азию (278/277 гг.): в 280–279 гг. варвары еще не дошли до византийских владений. Другие датировки: 319 г. — приобретение византийцами области у Даскилейского озера в результате оказания ими помощи кизикенцам (Diod., XVIII, 51) (Merle H. Geschichte der Städte... S. 50. Апп. 5); время Первой Сирийской войны (Otto W. Zu den Syrischen Kriege der Ptolemäer // Philologus. Bd. LXXXVI. 1931. S. 409. Апп. 18) были опровергнуты Х. Хабихтом. Характерно, что такой авторитетнейший специалист, как Л. Робер, воздерживался от категоричных высказываний по этому поводу (Robert L. Inscriptions de la région de Yalova... P. 41).

⁴⁰ Vinogradov Ju. G. Der Staatsbesuch... S. 291–292. По удачному наблюдению исследователя, этому можно найти подтверждение в данных нумизматики — в большом количестве тетрадрахм Птолемея II с византийской надчеканкой, датированных концом 250-х гг. (см. о них: Schönert-Geiss E. Griechische Münzwerk. S. 59–60). Очевидно, это те самые деньги, которые были подарены египетским царем византийцам, согласно Дионисию Византийскому.

Βυζαντιῶν (Steph. Byz., s. v. Ἀστακός), естественно, можно отнести только к южному побережью Астакского залива: данный район, видимо, имел свое название, производное от названия расположенного неподалеку полиса, и считался отдельной территориальной единицей в составе византийских владений⁴¹. Поскольку никакого географического единства между этими землями и окрестностями Триглии не существует, считать все византийские территории в Азии одной областью невозможно. Так как у Дионисия слово χώρα употреблено в асс. sing., следует считать, что Птолемей II подарил византийцам только одну часть земель, составив-

⁴¹ В тексте Стефана далее следует ссылка на Феопомпа: ὡς Θεόπομπος ἐν τεσσαρακοστῇ ἔβδομῃ. Исследователи вслед за издателем произведения Стефана единодушно считают, что Феопомп имеет в виду земли фракийского племени астов, невзирая на то, что такое решение требует исправления текста (Tomashek W. Die alten Thraker. Bd. I. S. 85; Oberhummer. Astai // RE. Bd. II. 1896. Sp. 1773; Miller J. Byzantion. Sp. 1142; Фол А., Спиридонов Т. Историческая география... С. 122). Тем не менее возможность этимологической связи между словами Ἀστακός и Ἀσταί / Ἀστικῆ (Sölch J. Bithynische Städte... S. 143) сомнительна, а господство византийцев над частью территории обитания этого сильного племени не подтверждается никакими другими источниками. Крайним северным пределом византийской хоры в Европе, судя по всему, являлась гавань Филеас (Steph. Byz., s. v. Φιλέας) или Филя (Ps.-Scymn., 722–723), тогда как Астика располагалась значительно севернее, уже ближе к Аполлонии (Ibid., 728–730) (о владениях Византия в целом см.: Isaac B. H. The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986. P. 232). Следовательно, Феопомп говорит скорее о малоазийских владениях Византия. Он, очевидно, уделил в своем труде какое-то внимание Вифинии: Стефан еще дважды ссылается на него, когда речь идет об этой стране (s. v. Κάλη, Χρυσόπολις). Если эти рассуждения верны, то время образования византийской Перее приобретает новый, значительно более ранний terminus ante quem — время создания труда Феопомпа (сер. IV в.).

Вывод о том, что Феопомп и Стефан подразумевают именно азиатские владения византийцев, был совсем недавно сформулирован в монографии болгарского историка К. Бошнякова (Boshnakov K. Die Thraker... S. 194–198), для которого, видимо, осталась недоступной моя статья 1996 г. (Gabelko O. L. Zur Lokalisierung und Chronologie...). Тем не менее К. Бошняков воздерживается от точного ответа на вопрос, когда именно граждане Византия установили контроль над вифинскими территориями.

ших впоследствии их Перею, — по моему мнению, именно Триглию с прилегающим к ней районом.

Наличие владений Филадельфа в вифинских землях, переданных впоследствии гражданам Византия, трудно соотносить с историческим контекстом конца 280-х — начала 270-х гг. до н. э.⁴² Гораздо более вероятно, что земельные владения, включавшие в себя округу Триглии (но не часть Мизийского полуострова!) были подарены византийцам Птолемеем в 255–254 гг. Все это дает возможность утверждать, что район Яловы был приобретен византийцами много раньше, чем область Триглии⁴³.

⁴² Политическая обстановка в северо-западной Малой Азии в конце 280-х — начале 270-х гг. подробно анализируется в § 1 главы III. Для рассматриваемого здесь вопроса существенно, что в это время Северная лига в составе Византия, Калхедона и Гераклеи Понтийской вела успешную борьбу с Антиохом I, пользуясь, вероятно, поддержкой Птолемея II Филадельфа. Никомед I Вифинский сразу же после своего воцарения присоединился к симмахии и стал играть весьма заметную роль в боевых действиях против Селевкида. В таких условиях закрепление господства египетского царя над территорией, населенной вифинцами, а тем более передача ее византийцам неминуемо привело бы к обострению взаимоотношений между Птолемеем, Вифинией и Византием и внесло раскол в действия лиги. Между тем ничего подобного не произошло: Никомед сохранял дружеские отношения как с византийцами, так и с Филадельфом вплоть до своей смерти (Метп., F. 14, 1). Среди малоазийских владений Птолемея, приобретенных им спустя несколько лет после Первой Сирийской войны (Theogr., Idyll., XVII, 88–89) никакие территории на Пропонтиде не фигурируют (ср.: Bagnall R. S. *The Administration of the Ptolemaic Possessions outside Egypt*. Leiden, 1976. P. 159. Note 1); впрочем, египетское военное присутствие в районе Триглии не кажется невозможным: его могли вызвать противоречия между Птолемеем и кизикенцами, придерживавшимися проселевкидской ориентации (см. подробнее § 1 главы III) и имевшими в этой области какие-то владения (Strabo, XII, 8, 11) (с наименьшей степенью вероятности такая же логика применима и к событиям, связанным со Второй Сирийской войной). Столь же трудно предполагать, чтобы Никомед, при всем его расположении к грекам, пошел на серьезные уступки и добровольно передал Византию часть коренных вифинских земель вместе с населением, как считает Б. Низе (*Geschichte... Bd. II*. S. 81). Для Никомеда проблема взаимоотношений с подданными, не приемлющими его филэллинской ориентации, оставалась чрезвычайно болезненной, и не в его интересах было еще более обострять ее.

⁴³ Хр. Данов и Л. А. Пальцева относят это событие к VII в., синхронизируя его с основанием самого Византия (Данов Хр. *Към историята на*

Именно в пользу этого косвенно свидетельствуют данные источников. Полибий, как уже отмечалось, говорит, что к 220 г. византийцы владели Мизийской областью πολλοὺς ἤδη χρόνους (IV, 50, 4)⁴⁴. Филарх создавал свой труд во второй половине III в., и период, равный жизни примерно двух поколений (если отсчитывать от 280/279 г.), кажется явно недостаточным для фактического и юридического закрепления обрисованной им формы коллективной зависимости вифинцев от византийцев, что, в свою очередь, делает малопонятным словоупотребление Полибия⁴⁵.

Данные археологии и эпиграфики по крайней мере не противоречат предположению об образовании византийских владений в Вифинии в V в. Доримские надписи, в том числе с туземными именами — Σαδάλας, Δαδίον, Δάδα — из района Яловы, как уже говорилось, датируются III—I вв.⁴⁶, но отсутствие аналогичных свидетельств более раннего времени может быть объяснено несколькими причинами. Во-первых, археологические исследования на тер-

полусвободные селяни през античната епоха // ИБАИ. Т. XIX. Сборник. Гавриил Кацаров. Ч. 2. София, 1955. С. 112–113; Пальцева Л. А. Из истории... С. 189) и имея в виду европейскую территорию. Еще менее вероятно, чтобы византийцы (испытывавшие серьезные проблемы в отношении с соседями-фракийцами) смогли так быстро овладеть вифинскими землями, расположенными на значительном удалении от их пописа, в Азии, а затем поддерживать контроль над ними в течение столь многих столетий.

⁴⁴ К. Бошняков указывает на относительную точность Полибия в указании на протяженность тех или иных промежутков времени — например, в пассаже IV, 50, 3, где говорится о том, что византийцы приобрели Гиерон μικροῦς ἀνώτερον χρόνους (*Boshnakov K. Die Thraker... S. 197*). Тем не менее едва ли допустимо полагать, что в рассказе об одних и тех же событиях греческий историк дважды употребляет практически противоположные выражения, не придавая им вполне определенного значения; напротив, историк здесь, как кажется, целенаправленно подчеркивает, что Гиером византийцы владели с недавнего времени, а Мизийской областью, напротив, уже издавна.

⁴⁵ Византийские надгробия II—I вв., на которых появляются фрако-вифинские имена (Л. Робер совершенно правомерно связывает их с эллинизацией азиатской хоры), кажется, не имеют никаких следов неполноправного статуса погребенных (*Firalli N., Robert L. Les stèles funéraires... № 30, 44, 76, 79, 97, 14* и соответствующие комментарии).

⁴⁶ *Die Inschriften von Apameia (Bithynien) und Pylai / IK. Bd. 32. Hrsg. v. Th. Corsten. Bonn, 1987. № 117, 121, 123, 125.*

ритории вифинской «глубинки», в стороне от крупных городских центров эллинистической и римской эпох, до сих пор практически не дали сколько-нибудь показательных материалов доэллинистического времени (единственное известное мне исключение — раскопки на территории Астака⁴⁷). Во-вторых, византийские могильные стелы IV в. тоже единичны — их всего 3 из 220, изученных Н. Фиратли и Л. Робером⁴⁸, а более ранние вообще отсутствуют. Наконец, туземное сельское население, пока оно подвергалось жесткой эксплуатации, могло фактически не оставить существенных следов в эпиграфике полиса, как это было, например, с гераклейскими мариандинами (см. немногочисленные и неоднозначно трактуемые свидетельства — граффити с фрагментами имен из мариандинской мифологии⁴⁹). А основания полагать, что вифинцы действительно тяготились своим положением, имеются: Гезихий сообщает, что после освобождения Византия от осады Филиппом II Македонским (340 г.) византийский стратег Протомах покорил восставших фракийцев (ἐπαυαστάνας Θράκας катаδουλώσας — *Patria Const.*, 31). Показательно, наконец, что наиболее древние надписи и рельефы (III в.) с территорий азиатской хоры Византия обнаружены именно в окрестностях Яловы, а не Триглии⁵⁰.

Единственный эпизод в византийско-вифинских отношениях, связанный с крупным военным конфликтом, в результате которого могло произойти подчинение части вифинцев, — это уже рассмотренные события 416 г.⁵¹ В ходе своей экспедиции византийцы имели

⁴⁷ См.: Şahin S. Neufunde von antiken Inschriften... S. 66–70.

⁴⁸ Firatli N., Robert L. Les stèles funéraires... № 1, 2, 12.

⁴⁹ Граффити античного Херсонеса / Отв. ред. Э. И. Соломоник. Киев, 1978. № 106, 932–934, 1167–1169, 1404, 1405, 1414, 1569; ср.: Сапрыкин С. Ю. [Рец.]: Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978 // ВДИ. 1980. №2. С. 171–172. Отмечу, что для северо-западной Малой Азии мы, к сожалению, вообще не располагаем подобными свидетельствами.

⁵⁰ Происходящие с южного берега Пропонтиды надгробия с туземными именами Λάλα и Διλίπορις (*Die Inschriften von Arameia*. № 36, 48) точно не датируются.

⁵¹ В некоторых работах мельком и без какой-либо аргументации делается указание на возможную связь пассажа Диодора с образованием владений Византия в Азии (*Miller J. Byzantion*. Sp. 1142; *Schönert-Geiss E. Griechische Münzwerk*. S. 2. Anm. 8), но оно остается незамеченным другими исследователями. Эд. Мейер также говорит о самом факте существования византийских территорий в Вифинии еще в персидское время (*Meyer Ed. Bithynia*. Sp. 514), но этим и ограничивается.

возможность вторгнуться далеко в глубь территории страны и достичь не только северного, но и южного берега Астакского залива. Упоминание Диодора о захвате многих вифинских селений может быть сопоставлено с данными Стефана Византийского, локализуящего у залива некоторые из населенных пунктов Вифинии (Steph. Byz., s. vv. Δρεπάνη, Πρόνεκτος, Πυθίον, Τραλλία, Χάραξ⁵²).

Впоследствии между этими территориями и Византием были налажены интенсивные морские коммуникации, позволявшие грекам поддерживать контроль над подчиненными вифинцами, расширить владения вплоть до западной оконечности Мизийского полуострова⁵³ и, возможно, концентрировать здесь значительные военные силы, что ставило под угрозу внутренние вифинские территории⁵⁴. Не случайно, что вплоть до 220 г. вифинцы ни разу не пытались предпринять против Византия какие-либо враждебные шаги.

Рубеж V и IV вв., период вероятного правления Ботира, стал временем наиболее активных действий греческих военных экспедиций в Вифинии. Для этого должны были сложиться определенные условия как внешнего, так и внутреннего характера. К первым из них можно причислить перенос боевых действий заключительного этапа Пелопоннесской войны на малоазийский театр, в частности, в регион Пропонтиды и Проливов, а также особенности развития греко-персидских отношений этого периода, вызвавшие поход Десяти тысяч и экспедиции Деркилида и Агесилая. Внутрополитическое же положение Вифинии после событий 416 г., видимо, характеризовалось ее чрезвычайным ослаблением, что давало гражданам близлежащих полисов шанс окончательно склонить чашу весов на свою сторону и побуждало их оказывать поддержку любому противнику вифинцев⁵⁵. В распоряжении греков в

⁵² Все эти поселения, зафиксированные в римское или ранневизантийское время, расположены в районе Яловы (*Mansel A. M. Yalova und Umgebung. Istanbul, 1936. S. 48–49*). Возможно, что они существовали и раньше.

⁵³ *Die Inschriften von Arameia. S. 162.*

⁵⁴ Замечание Полибия о наличии в византийской Мизии каких-то укреплений (IV, 52, 7) может служить косвенным указанием на военно-стратегическое значение этих земель.

⁵⁵ Ср. с положением дел на Херсонесе Фракийском, когда в результате войны Алкивиада с местными фракийскими племенами «греки, жившие по соседству с этими варварами, чувствовали себя в безопасности под его защитой» (Plut., Alkib., 36).

это время уже находились определенные средства контроля над Вифинией — в первую очередь военные. Складывающиеся дипломатические отношения между вифинцами и их эллинскими соседями оказались малоэффективными и не выдержали проверки на прочность в 409/8 г., когда перешедшие на сторону спартанцев калхедоняне при приближении афинского войска под командованием Алкивиада отправили в Вифинию все свое имущество.

Плутарх говорит о дружественных отношениях между калхедонянами и вифинцами: τὴν λείαν ἄπασαν ἐκ τῆς χώρας συναγαγόντες εἰς Βιθυνοὺς ὑπεκτίθενται φίλους ὄντας (Plut., Alkib., 29), а Ксенофонт (вероятно, послуживший источником для него) придерживается несколько иной, более нейтральной терминологии: τὴν λείαν ἄπασαν κατέθεντο εἰς τοὺς Βιθυνοὺς Θραϊκὰς ἀστυγείτονας ὄντας (Xen., Hell., I, 3, 2). Практика «заклада» имущества у соседей была широко распространена в эллинском мире⁵⁶, но остается неясным, можно ли здесь говорить о действительно равноправных союзных отношениях калхедонян и вифинцев. Не исключено, что после событий семилетней давности не только византийцы, но и калхедоняне упрочили свое влияние в Вифинии и стремились использовать его для получения односторонней выгоды. Вифинцы же, еще не оправившиеся от недавнего поражения, сочли за лучшее пока не идти на конфликты с соседями и выполнять их требования. Так или иначе, но отношения калхедонян с вифинцами на данный момент в первый и последний раз на протяжении V—IV вв. можно охарактеризовать как лишенные открытой враждебности⁵⁷. Эти связи, однако, оказались непрочными: вифинцы уступили давлению Алкивиада, угрожавшего им войной, выдали ему все имущество калхедонян и даже заключили с ним договор: πίστεις πεποιθμένους (Xen., Hell., I, 3) или φιλία ὡμολόγησαν (Plut., Alkib., 29). Истинная цена этого соглашения тоже была невелика: когда после поражения афинян Алкивиад вновь оказался в Вифинии, он, по словам Плутарха, был ограблен тамошними разбойниками-фракийцами (Ibid. 38).

⁵⁶ См., например: OGIS 748; IG. IX 97; Die Inschriften von Erythrai und Klazomenai / IK. Bd. I. T. 1. Hrsg. v. H. Engelmann und R. Merkelbach. Bonn, 1972. № 9; Aen. Tact. 10.

⁵⁷ Ср.: Lewis D. Sparta and Persia. P. 133. Note 142. Неясно, почему исследователь считает, что расположение вифинцев к калхедонянам делало маловероятной их враждебность к Фарнабазу.

Описанные события наглядно демонстрируют нежелание вифинцев связывать себя какими-либо обязывающими договорами с греками и вскрывают реальную основу всех акций азиатских фракийцев против эллинов: сохранение традиционной враждебности к гражданам близлежащих полисов и стремление не допускать любого военного или дипломатического вмешательства извне.

Заметным эпизодом в истории вифинских племен стало их столкновение в 400 г. с греческими наемниками Кира Младшего, которые под руководством Хирисофа (после его смерти его пост занял Неон) и Ксенофонта проходили через Вифинию на последнем этапе своего возвращения в Европу⁵⁸. Заслуживает внимания то обстоятельство, что Десять тысяч при организации вторжения в Вифинию пользовались содействием граждан Гераклеи Понтийской, предоставивших корабли аркадянам (Хеп., Анаб., VI, 3, 17), снабжавших наемников продовольствием (VI, 2, 3; VI, 5, 1) и служивших им проводниками (VI, 4, 23). Очевидно, гераклеотами наряду с естественным желанием избавиться от опасного и обременительного пребывания в их владениях большого войска (VI, 2, 7–8) двигало также стремление ослабить вифинцев⁵⁹. Эти

⁵⁸ По подсчетам О. Лендла, период активных боевых действий между наемниками и вифинцами в округе Кальпе занял 9 дней; к ним следует прибавить еще семидневный переход к Хрисополу (*Lendle O. Kommentar...* S. 379–380).

⁵⁹ История Гераклеи Понтийской и Вифинии воспринималась в античной традиции в тесной взаимной связи и единой временной и пространственной перспективе, что отражено, например, Трогом: *Proleg.*, 16. Указанием на какие-то ранние конфликты дорийских колонистов (а также мариандинов) с вифинским населением служит сообщение о покорении Гераклом вифинцев, живущих у реки Реба (*Ap. Rhod.*, II, 788–789), но едва ли следует понимать это как конкретное указание на масштабы завоеваний гераклеотов в IV в., как это делают некоторые историки (*Burstein S. M. Outpost of Hellenism. P. 74; Desideri P. Studi di storiografia eracleota. I. P. 382–385; Asheri D. Über die Frühgeschichte von Herakleia Pontike. S. 17–23*): ведь те строки «Аргонавтики», где сообщается о подчинении Гераклу наряду с вифинцами мизийцев, фригийцев и пафлагонцев (*Ap. Rhod.*, II, 786–787; 790–791) должны расцениваться, скорее всего, как отголосок пропаганды гераклейских тиранов (см. подробнее: *Габелко О. Л. Гераклея Понтийская и Вифиния...* С. 115–116). С. Берстайн полагает, что в отношениях между гераклеотами и вифинцами на протяжении всего IV в. нагнеталась напряженность, несмотря на постепенное развитие торговли; так, еще до похода Десяти тысяч гераклеоты расши-

события всесторонне изучены в монографии голландского ученого Й. П. Стронка⁶⁰, ряд положений которой должен быть внимательно рассмотрен. К числу несомненных достоинств этого труда должны быть отнесены прежде всего тщательное изучение местности, на которой разворачивались события (особенно окрестностей м. Кальпе — совр. Керпе)⁶¹, и детальная реконструкция хода боевых действий между греками и населением Вифинии.

Первыми в столкновение с вифинцами вступили отряды аркадян и ахейцев, стремившихся раньше всех напасть на местных жителей и получить как можно больше добычи. Им удалось ограбить несколько деревень, ближайших к гавани Кальпе, однако затем собравшиеся в большом числе вифинцы нанесли грекам большой урон⁶² и окружили их на каком-то холме (VI, 3, 2–9)⁶³. Азиатским фракийцам в достижении этого способствовали хорошее знание местности и более легкое вооружение, удобное для действий на лесистом и холмистом пространстве. Только подход Ксенофон-

рили свои владения на западе и занимали земли Вифинии между Гипием и Сангарием (*Outpost of Hellenism*. P. 28).

⁶⁰ *Stronk J. P. Ten Thousands...* В упомянутой работе О. Лендла (*Kommentar...*) первоочередное внимание уделяется анализу действий, внутренней организации и настроений наемников.

⁶¹ Трудно тем не менее согласиться с мнением, будто в Кальпе существовало вифинское поселение, как об этом будто бы упоминает Феопомп в передаче Стефана Византийского (*Steph. Byz.*, s. v. *Κάλπη*). Вероятнее всего, в период между 356 и 346 гг. (время создания труда Феопомпа) здесь было основано поселение гераклеотами, расширившими свою хору в западном направлении (*Isaac B. H. The Greek Settlements...* P. 239). Об этом может свидетельствовать появление в источниках эллинизированной формы этого названия — *Καρπηία* (*Steph. Byz.*, s. v.; *Ael. Herodian., De geogod. cath.*, III, 1. P. 338).

⁶² Й. П. Стронк оценивает их в 800 человек; он полагает, что лохи аркадян и ахейцев насчитывали не по 100, а по 400 человек, так как общее число воинов в 4000 состояло под командованием 10 стратегов, и два таких соединения были уничтожены почти полностью (*Хеп., Апоб., VI, 3, 5*) (*Stronk J. P. Ten Thousands...* P. 20. Note 10). Это вполне возможно, так как численность лоха в V–IV вв. не была постоянной (*Нефедкин А. К. Развитие древнегреческого лоха // Para bellum. Дайджест. 2001. С. 69*). О. Лендла также говорит о том, что потери аркадян составили ок. 20% от их численности (*Lendle O. Kommentar...* S. 381–382).

⁶³ Это, скорее всего, современная возвышенность Баба-Дар (*Stronk J. P. Ten Thousands...* P. 64–65).

та и его воинов заставил вифинцев отойти и позволил спастись остальным аркадянам (VI, 3, 22–26).

Вскоре вновь соединившиеся силы греков опять вступили в сражение с вифинцами, выступившими на этот раз совместно с персидским сатрапом Фарнабазом. Очевидно, резкое обострение военной обстановки в стране повлекло за собой и активизацию дипломатической деятельности вифинцев, совсем не часто вступавших в переговоры даже с ближайшими соседями. Они старались теперь заручиться поддержкой для борьбы с наемниками: несколько ранее грекам удалось перехватить ехавших куда-то вифинских послов (ἐντυχάνουσι πρεσβύταις πορευομένους ποί) (VI, 3, 10)⁶⁴. Неопределенность высказывания все же не мешает предположить, что эти послы были отправлены к персам: в скором времени Фарнабаз вместе с вифинцами попытался предотвратить вторжение греков во Фригию (VI, 4, 24)⁶⁵. Очередная экспедиция наемников, отправленная за провиантом (ее возглавил Неон из Асины), понесла тяжелые потери: в результате неожиданного нападения противника греки потеряли не менее 500 человек (VI, 5, 23–27).

В последовавшей затем ожесточенной схватке наемники взяли верх⁶⁶; им удалось навязать противнику «правильное» сражение, хотя действия многочисленной вражеской конницы внушали им

⁶⁴ Й. П. Стронк полагает, что здесь идет речь о стариках (some old men) (*Stronk J. P. Ten Thousands... P. 67*), однако последующие события и, в частности, совместные действия против греков со стороны персов и вифинцев заставляют предположить наличие каких-то дипломатических акций, предпринятых последними, что может свидетельствовать в пользу русского перевода данного пассажа.

⁶⁵ Не вполне понятно, почему Й. П. Стронк считает этот факт свидетельством того, что вифинцы в это время платили Фарнабазу подати (*Ibid. P. 47*): пойти на заключение соглашения о совместных действиях с Фарнабазом вифинцев вынудил скорее страх перед греками, а раньше они, судя по всему, были практически независимы от персидской администрации. В то же время перевод М. И. Максимовой слов, употребленных Ксенофонтом для описания отношений между Фарнабазом и вифинцами (σὺν τοῖς Βιθυνοῖς) как «в союзе», кажется, преувеличивает степень самостоятельности и политической значимости последних; более верным кажется английский вариант — «in company», т. е. совместно.

⁶⁶ См. подробно о местности, где происходило сражение, и о тактических деталях битвы: *Lendle O. Kommentar... S. 397–402*; *Stronk J. P. Ten Thousands... P. 106–119*.

Пейзаж полуострова Коджаэли к югу от Баба-Даг, где происходили столкновения Десяти тысяч с вифинцами

опасение (VI, 5, 7–32)⁶⁷. Потери вифинцев были незначительны (VI, 5, 30–31), однако, стремясь смягчить последствия поражения, они предприняли меры двоякого рода: во-первых, стали уезжать в глубь страны (VI, 6, 1), а во-вторых, направляли к Ксенофону послов, пытаясь добиться его дружбы (VI, 6, 4)⁶⁸. Судя по всему, эти акции не имели успеха: во время перехода греков к Калхедону вифинские земли вновь подверглись разорению (VI, 6, 38). Маршрут войска на этом пути убедительно восстановлен И. П. Стронком: он считает, что «прямая дорога», по которой греки намеревались идти первоначально, проходила частично вдоль черноморского побережья, частично — по хинтерланду; однако она была слишком опасной, и потому наемники, вернувшись в Кальпе, направились затем к Боспору Фракийскому вдоль северного побережья Астакского залива, где они могли не опасаться нападений вифинцев⁶⁹.

Подводя итог вифинской кампании Ксенофонта и его соратников, следует резюмировать, что в конечном итоге грекам принесли успех высокая выучка, лучшее вооружение и умелое командование; но представляется вполне справедливой лаконичная оценка Диодора, отметившего, что при переходе через Вифинию эллины подвергались опасностям (κινδύνοις περιέπιπτον — XIV, 31, 4). Об этом же свидетельствуют и данные о потерях греков на пути от Гераклеи к Хрисополю⁷⁰.

⁶⁷ По мнению В. Тарна, сражение Фарнабаза и вифинцев против Ксенофонта дало первый пример «морального превосходства» конницы над пехотой (*Tarn W. W. The Hellenistic Military and Naval Development. New York, 1966. P. 24*).

⁶⁸ В обоих этих пассажах даже вне контекста военных действий вифинцы выразительно названы Ксенофонтом «врагами».

⁶⁹ *Stronk J. P. Ten Thousands... P. 134*.

⁷⁰ И. П. Стронк указывает, что именно в Вифинии наемники дважды понесли самые тяжелые потери за все время похода, включая даже саму битву при Кунаксе (*Stronk J. P. Ten Thousands... P. 101*). К сожалению, сопоставление данных Ксенофонта и Диодора, ориентировавшегося, вероятно, на сочинения Софенета Стимфалийского (*Максимова М. И. Ксенофонт и его «Анабасис» // Ксенофонт. Анабасис. М., 1994. С. 233*), мало что дает для выяснения потерь греков в Вифинии. Диодор говорит о прибытии в калхедонский Хрисополь 8300 воинов (XIV, 31, 4), тогда как, согласно «Анабасису», численность войска к этому моменту его пребывания в Гераклее должна была составить около 7940 человек (VI, 3, 16).

Рассказ Ксенофонта предоставляет также весьма редкую возможность высказать ряд предположений о социально-экономическом развитии Вифинии в рассматриваемое время. Наиболее интересен вопрос о вифинских деревнях, оказавшихся в сфере действия наемников. Й. П. Стронк считает, что слова источника *κῶραι... οἰκοῦμεναι* требуют того, чтобы между ними было поставлено слово *εἶ*, что переводится им как «prosperous»⁷¹. Попытка увидеть в этом пассаже какое-то указание на политический статус этих поселений⁷² обоснованно представляется ему сомнительной⁷³. Вместе с тем мнение самого исследователя о том, что Ксенофонт, намеревавшийся заложить в гавани Кальпе поселение⁷⁴, считал развитие торговли с населением этих «процветающих деревень» одним из аргументов в пользу основания колонии, кажется уязвимым для критики: ни один из эпизодов пребывания греков в Вифинии не дал оснований рассчитывать на установление таких связей⁷⁵. Едва ли в случае основания колонии в Кальпе греки

(Й. П. Стронк насчитывает на 200 человек больше — Р. 134; см. также другие его расчеты относительно численности войска наемников — Р. 19–20, 61–62). В первой стычке с воинами Фарнабаза и вифинцами погибло около 500 греков, а до того значительные потери (ок. 800 человек) понесли аркадяне. Возможно, в тексте Диодора следует читать *ἑπτακισχίλιοι τριακοσίοι*; но в любом случае следует предпочесть цифровые данные Ксенофонта (*Stronk J. P. Ten Thousands... P. 134*). Кроме того, был отмечен необычно высокий процент потерь в ходе похода (и, вероятно, в вифинской кампании также) среди греческих пельтастов: он составил половину личного состава, тогда как гоплиты потеряли около четверти воинов (*Best J. G. P. Thracian Peltasts and Their Influence on Greek Warfare. Groningen, 1969. P. 78*). По справедливому предположению голландского ученого, это объясняется тем, что именно на пельтастов легла основная тяжесть в ведении боевых действий в мелких стычках и в неудобной для гоплитов местности.

⁷¹ Русский перевод М. И. Максимовой — «многолюдные» — довольно близок по контексту.

⁷² *Geysels L. ΠΟΛΙΣ ΟΙΚΟΥΜΕΝΗ dans l'Anabase de Xénophon // ES. T. 42. 1974. P. 29–30, 33, 35 (non vidi).*

⁷³ *Stronk J. P. Ten Thousands... P. 81.*

⁷⁴ О Кальпе как исключительно удобном месте для основания новой колонии см.: *Debord P. Comment devenir... P. 142–143*. Наиболее подробно: *Lendle O. Kommentar... S. 385–389.*

⁷⁵ Пример тому — эпизод, описанный в VI, 4, 16, когда отсутствие рынка в окрестностях лагеря поставило воинов Ксенофонта в тяжелые

смогли бы рассчитывать на установление хотя бы в минимальной степени взаимовыгодных отношений с жителями прилегающих областей⁷⁶; очевидно, солдаты в полной мере осознавали это, что (наряду с естественным желанием скорее вернуться в Элладу — VI, 4, 8) воспрепятствовало осуществлению плана Ксенофонта?

Особый интерес представляет собой понимание Й. П. Стронком пассажей, в которых упоминается захват греками рабов (VI, 3, 1; 6, 38). Исследователь, кажется, склоняется к мнению, что слово ἀνδράποδα употреблено здесь для обозначения добычи, в которую наряду со скотом и продовольствием могли попасть и сами жители вифинских деревень, и вслед за основными английскими изданиями и переводами источника предпочитает употреблять слово «*captives*»⁷⁷. Эти пассажи могут быть сопоставлены с эпизодом VI, 6, 1, который, следуя переводу Й. П. Стронка (*removing their slaves and property*), можно было бы считать единственным в источниках свидетельством существования рабов у самих вифинцев в доэллинистическое время, однако употребление термина οἰκέται в других местах «Анабасиса» (II, 3, 15, а особенно IV, 5, 35 и IV, 6, 1) заставляет признать, что и здесь речь идет не о рабах, а о домашних⁷⁸.

Спустя год после рассмотренных событий, в 399 г., Вифиния стала ареной действия войска спартанского полководца Деркилида, расположившегося здесь на зимовку. Этот эпизод весьма близок по своему содержанию обстоятельствам пребывания в Вифинии Десяти тысяч: те же грабительские набеги греков и союзных им одрисов Севта на богатые вифинские деревни (*Xen., Hell., III, 2, 2*), те же ожесточенные столкновения, в которых азиатские

условия. Голландский историк, рассматривая сходные события из других мест «Анабасиса», когда местное население все же соглашалось продавать грекам провиант, выдвигает предположение, что вифинцы, несмотря на плодородие их земель, могли не располагать излишками продуктов, которые было бы возможно сбыть (*Stronk J. P. Ten Thousands... P. 93–94*); однако причина, очевидно, заключается в другом — в явном нежелании населения Вифинии снабжать продовольствием своих врагов.

⁷⁶ Й. П. Стронк ссылается на примеры взаимоотношений с местным населением граждан Аполлонии Понтийской, Месембрии и Одессоса (*Ibid. P. 82. Note 18*), но на западном побережье Понта, видимо, сложилась несколько иная ситуация, чем в Вифинии.

⁷⁷ *Ibid. P. 64, 164.*

⁷⁸ Перевод М. И. Максимовой — «увозить как свои семейства, так и имущество» — верно передает этот нюанс.

фракийцы мастерски прибегали к тактике боя пельтастов и легкой конницы (III, 2, 3–5)⁷⁹, и, в конце концов, тот же результат: успешное решение эллинами всех оперативных задач и полное обеспечение ими потребностей войска за счет грабежа вифинских земель (III, 2, 5; Diod., XIV, 38, 3).

Столкновения с Деркилидом стали последним достоверно засвидетельствованным событием, связанным с взаимоотношениями вифинцев с греческими военными экспедициями. Поход Агесилая в западные сатрапии Ахеменидской державы, кажется, не затронул Вифинию. Восстановление сильно поврежденного текста Оксиринхского папируса, рассказывающего о переходе Агесилая из Мизии в Пафлагонию (Hell. Оху., XVII, 2) допускает различные варианты, но конъектура διὰ [τοῦ Σαγγαρίου] вместо διὰ [τῆς Βιθυνίδος] кажется более надежной. Территория Вифинии в это время еще не простиралась так далеко на юг и, кроме того, едва ли переход через вифинские земли оказался бы для воинов Агесилая «менее утомительным» (Ibid.): греки должны были считаться с возможностью сопротивления вифинцев⁸⁰. Показательно, однако, что Агесилай, стремившийся установить дружественные отношения с частью мизийцев и пафлагонцами⁸¹, не рассматривал в ка-

⁷⁹ Дж. Андерсон замечает, что вифинцы сумели с успехом создать и использовать ситуацию, в которой укрепления лагеря греков и одрисов пошли не на пользу, а во вред осаждаемым (Anderson J. K. *Military Theory and Practice in the Age of Xenophon*. Berkeley; Los Angeles, 1970. P. 64–65. См. также: Best J. C. P. *Thracian Peltasts...* P. 80.

⁸⁰ Bruce I. A. F. *An Historical Commentary on the Hellenica Oxyrhynchia*. Cambridge, 1967. P. 144.

⁸¹ Спартанский царь намеревался применить военные силы этих практически независимых народов для борьбы против персов (Lewis D. M. *Sparta and Persia*. P. 154; Рунг Э. В. Агесилай в Малой Азии (396–394 гг. до н. э.) // *Античность: история и историки*. Межвузовский сборник. Казань, 1997. С. 72). Характерно, что его поход был использован в собственных интересах гражданами некоторых малоазийских полисов, страдавших от нападений агрессивных соседей — ситуация, достаточно близкая той, которая сложилась чуть раньше в Вифинии. Так, Киос служил Агесилаю базой для экспедиций против мизийцев (Par. Оху., XVII, 3); они, вероятно, захватили и разрушили в какое-то время другую греческую колонию, расположенную неподалеку, — Ольвию (Merkelbach R. *Nikaia die Rankenreich (ΝΙΚΑΡΗ)*. Ein übersehenes Fragment aus Arrians *Bithyniaka* // EA. Ht. 5. 1985. S. 1–3). Военную помощь Агесилаю оказал даже малозначительный и удаленный городок Тиос (Par. Оху., XVII, 2).

честве возможного партнера население Вифинии — либо из-за его резко отрицательного отношения к грекам, либо потому, что вифинцы в тот момент не представляли собой заметной военно-политической силы.

Можно подытожить, что на рубеже V–IV вв. полисы северо-западной Анатолии, используя в отдельные моменты внешнюю помощь, сумели добиться явного военно-политического превосходства над вифинским населением. Причины этого видятся в отсутствии единства и четкой координации сил вифинских племен, в довольно примитивном уровне развития их государственности и слабости центральной власти. Характерно, что никто из античных авторов, кроме использовавших труды местных историков Мемнона и Страбона⁸², ничего не знал о вифинских правителях доэллинистической эпохи. Их власть, быть может, была достаточно прочной для того, чтобы обеспечить реальную независимость от персидских сатрапов, не проявлявших особого интереса к укреплению своего господства в удаленной и малозначительной области; но противостоять притязаниям греческих колонистов на достижение контроля над близлежащими территориями вифинцы могли далеко не всегда, и то лишь на тактическом уровне.

Характер политических отношений с эллинскими полисами в доэллинистическое время предопределил значительную обособленность Вифинии от других районов ойкумены. Д. Ашерс включает Вифинию наряду со многими другими областями Малой Азии (Мизией, Троадой, Лидией, Карией, Ликией) в своеобразную географическую зону, где переплетались эллинские, иранские и местные культурные и этнические влияния⁸³. Это в принципе верное положение в отношении Вифинии требует некоторого уточнения. Весь характер развития страны в VI–IV вв. убеждает, что исконные фрако-анатолийские традиции оставались здесь безусловно преобладающими.

Нам известны лишь несколько эпиграфических свидетельств (предположительно IV в.), фиксирующих пребывание вифинцев вне пределов своей страны: это надгробия из Пирея с надпися-

⁸² Их источником в пассаже об Астаке служил, возможно, Нимфид Гераклеяский, излагавший историю мегарских колоний Южного Понта и Пропонтиды в довольно широком контексте (*Пальцева Л. А. Из истории... С. 153*).

⁸³ *Asheri D. Fra Ellenismo e Iranismo. P. 15–65.*

ми Ἀριστομένους Βιοθρυν[ος] Βιθυνός (IG. II 8409), Σπόκης Βιθυνός⁸⁴, Φιλάργυρος Βιθυνός (IG. II 8411), Χρήστη Βιθυνίς (IG. II 8412) и могильная плита из Синопы с надписью Βᾶς Καλλίας⁸⁵. Тем более нет оснований говорить о наличии устойчивых контактов между Вифинией и другими государствами — будь то Одрисское царство, как осторожно предполагает С. М. Крыкин⁸⁶, или даже Боспор⁸⁷. Появление на политическом и культурном горизонте Эллады в середине IV в. двух вифинцев — Эвбула (Anon. Vit. Arist., 402 ed. Westermann; Suid., s. vv. Ἐυβουλος, Ἑρμίας) и Гермия (Diog. Laert., V, 3; Suid., s. vv. Ἀριστοτέλης, Ἑρμίας) и их деятельность как тиранов Ассоса и Атарнея, а в особенности головокругительная карьера последнего от раба-евнуха⁸⁸, «триж-

⁸⁴ Л. Робер отметил еще три случая появления этого имени: на надгробном памятнике из Византия (II—I вв.), в списке абдерских стратегов IV в. и на монете того же времени из окрестностей Абдер (*Firatli N., Robert L. Les steles funéraires... P. 184*).

⁸⁵ French D. *Sinopean Notes I. P. 53. № 16.* Этническую принадлежность короткого имени Βᾶς трудно определить с полной уверенностью, тем более что оно широко распространено в различных областях Малой Азии (*Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. § 131–2, 3*), но идентичность этого антропонима с именем вифинского династа может свидетельствовать о его вифинском происхождении. Ср.: *Die Inschriften von Prusa. Bd. II. № 1040.*

⁸⁶ Крыкин С. М. Фракийцы... С. 204.

⁸⁷ Гипотеза В. Томашека о вифинском происхождении Спартокидов и, в частности, имени Πατρισάδης (*Tomaschek W. Die alten Thraker. Bd. II. S. 18*) полностью лишена исторического, а пожалуй, и лингвистического обоснования, так как сходных с этим именем вифинских антропонимов не обнаружено; см. *Duridanov I. Die thrakischen Personennamen Bithyniens. S. 42.* Тем не менее, это предположение без какой-либо критики принято некоторыми исследователями (*Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика... С. 62–63; Крыкин С. М. Фракийцы... С. 93, 264*). Для работы С. М. Крыкина вообще характерно отнесение к вифинским многих имен фракийского происхождения из Северного Причерноморья, которые в самой Вифинии не засвидетельствованы (см. подробнее Приложение I).

⁸⁸ Не сохранилось надежных упоминаний о наличии в Элладе вифинских рабов (см. полезную сводку информации: *Велков В. И. Рабы-фракийцы в античных полисах Греции VI–II вв. до н. э. // ВДИ. 1967. № 4. С. 70–79*), хотя не исключено, что рабами могли быть некоторые вифинцы, упомянутые в афинских надписях (см. выше на этой же странице). Представители других анатолийских народов — фригийцы, лидийцы, карийцы и др. — часто появлялись на невольничьих рынках Греции.

ды проданного», согласно словарю Суда, до философа, породнившегося с Аристотелем и ставшего его сподвижником, и правителя обширной области в Малой Азии⁸⁹, должны расцениваться как исключительное явление, аналогов которому в ранней вифинской истории не существует. В этой связи, однако, необходимо отметить два упоминания Вифинии, связанные с великим Аристотелем. В сочинении «Об удивительных слухах» упоминается о существовании в Вифинии особого минерала «спин», якобы притягивающего огонь (Mirab. auscult. Ed. Bekker., 832 b). Более интересен фрагмент Аристотелевского корпуса, в котором имя Аристотеля приводится в контексте сравнения политического устройства и управления александрийцев, афинян и... вифинцев (!), осуществлявшегося κατὰ τὴν τάξιν τῶν οἰοχηῶν (Anonymi comm. in Porphyrii isag. (cod. Par. 1939 f. 51a)). С уверенностью приписывать эти пассажи самому Аристотелю трудно, но если допустить такую возможность, то следует предположить, что источником их послужил именно Гермий (особенно последнего — учитывая его высокий политический статус).

В целом же можно не сомневаться в том, что воздействие на вифинцев со стороны греческой культуры и масштабы эллинизации страны были крайне незначительными⁹⁰. Вифиния, в свою очередь, во многом была для греков классической эпохи terra incognita. Любопытные штрихи, воссоздающие отношение эллинов к

См. подборку сведений источников: *Круглов Е. А.* Карийское рабство в позднеклассический период // Проблемы истории и историографии. Античность. Средние века. Межвузовский сборник. Уфа, 1990. С. 4–6.

⁸⁹ Любопытно, что в словаре Суда Эвбул именуется «вифинским диктатором», но о характере его власти ничего сказать нельзя. О жизни и деятельности Эвбула и Гермия см.: *Hofstetter J.* Die Griechen in Persien. Prosopographie der Griechen im Persischen Reich vor Alexander. Berlin, 1978. № 107, 143; *Meißner B.* Historiker zwischen Polis und Königshof. Studien zur Stellung Geschichtsschreiber in der griechischen Gesellschaft in spät-klassischer und frühhellenistischer Zeit. Göttingen, 1992. S. 377–382. К сожалению, связать их вехи с какими-либо событиями в истории собственно Вифинии не удается.

⁹⁰ *Meyer Ed.* Bithynia. Sp. 514; *Jones A. H. M.* The Greek City... P. 41; *Magie D.* Roman Rule... Vol. II. P. 1182. Note 6; *Lewis M. F.* A History of Bithynia... P. 6; *Schönert-Geiss E.* Bithynien. S. 608; против — только: *Блаватская Т. В.* Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983. С. 42.

отдельным чертам «национального характера» каппадокийцев — в стихотворении поэта VI в. Демодока (*Anth. Pal.*, XI, 237) и пафлагонцев (во «Всадниках» Аристофана), позволяют заключить, что эти народы, хотя они и проживали в значительно более удаленных от Греции местах, чем вифинцы, были знакомы эллинам на чисто бытовом уровне⁹¹. О вифинцах этого сказать нельзя; из немногочисленных высказываний о них, принадлежащих авторам доэллинистической эпохи, наиболее показательным является уже упомянутый пассаж Ксенофонта (*Anab.*, VI, 4, 2), тональность которого естественным образом подразумевает малую интенсивность мирных контактов между азиатскими фракийцами и греками в повседневной жизни⁹².

Очередная обширная лакуна в сведениях источников позволяет лишь очень приблизительно восстановить основные моменты в изменении внутри- и внешнеполитического положения Вифинии в 390–330-х гг. На протяжении этого периода, большая часть которого пришлось на время правления Баса (378–328 гг.), Вифиния значительно усилилась.

Об этом говорит прежде всего то, что имя Баса появляется не только в труде Мемнона, довольно хорошо осведомленного о ранней вифинской истории, но и в других источниках (правда, поздних и малодостоверных) (*Ael. Herod.*, *De prosod. cathol.*, vol. 3. 1. P. 399; *Choerob.*, *Proleg. et schol. in Theod. Alex. cap.* P. 116), где он, впрочем, ошибочно (но, быть может, символично) назван βασιλεύς Πόντου. Имеются также определенные основания говорить о каких-то связях между Вифинией и Синопой, сложившихся

⁹¹ Существует некоторая вероятность того, что единственный случай «проникновения» вифинца в художественную литературу IV в. имеет место в комедии Менандра «Герой» (*Heros*, 15), где раб носит имя Сангарий. Такое имя было распространено в ареале расселения вифинцев; ср.: *Die Inschriften von Kios*. Ep. test. 24; *Şahin S. Neufunde von antiken Inschriften...* № 19, но считать его исключительно вифинским едва ли возможно. См.: *Robert L. Noms indigènes...* P. 536–538. Э. Лауффер без каких-либо оговорок считает вифинцем человека с таким именем, входившего в эранос эллинизированных рабов, трудившихся в Лаврионе (IG. II/III² 2940. стк. 7) (*Lauffer S. Die Bergwerkssklaven von Laureion*. Bd. II. S. 127. Wiesbaden, 1956. № 39; S. 129).

⁹² На возможность ознакомления Геродота с вифинской историей от местных информаторов, кажется, указывает фраза ὡς αὐτοὶ λέγουσι (*Hdt.*, VII, 75).

в период правления Баса. На одном амфорном клейме из Синопы фигурирует имя фабриканта Βάιτος (gen.). Б. Н. Граков отнес это клеймо ко второй подгруппе первой группы синопских клейм⁹³, которая датируется, согласно последующим исследованиям, приблизительно 40–20-ми гг. IV в.⁹⁴ Как было отмечено, появление среди синопских астиномов и фабрикантов имен Аброком, Корил, Тис, Аттал, Антиох, Митридат следует связывать с политическим влиянием, испытываемым городом в те или иные периоды времени со стороны персидских сатрапов, пафлагонских правителей и эллинистических монархов⁹⁵, и имя Бас (которое, как было отмечено выше, зафиксировано и на одном из синопских надгробий) вполне может быть поставлено в этот же ряд. Трудно предполагать, чтобы Вифиния в IV в. реально влияла на положение дел в достаточно удаленной от нее Синопе, но имя вифинского династа было известно в этом городе⁹⁶. На рост авторитета Баса во внешнеполитических делах может указывать и фраза Мемнона, указывающего, что Бас «процарствовал» (ἐβασιλεύσε) в Вифинии 50 лет (Метп., F. 12, 4), если не считать ее случайной ошибкой.

При Басе Вифиния, видимо, вновь стала представлять собой некоторую угрозу для греческих соседей. По свидетельству Полиена, гераклейский тиран Клеарх (363–325 гг.) совершил поход на Астак, в результате чего возникла возможность его конфликта с «фракийцами» (т. е. вифинцами) (II, 30). Неопределенность этого сообщения побуждает исследователей впадать в крайности и говорить либо

⁹³ Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929. С. 117.

⁹⁴ Брашинский И. Б. Экономические связи Синопы в IV–II вв. до н. э. // Античный город. М., 1963. С. 133. Недавняя попытка уточнить хронологию синопских магистратов (Федосеев Н. Ф. Синопские керамические клейма как источник по политической и экономической истории Понта. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1993) не влияет на датировку данного клейма, появление которого синхронно правлению Баса в Вифинии.

⁹⁵ Граков Б. Д. Древнегреческие керамические клейма... С. 21, 26–28, 108.

⁹⁶ Любопытно, что на синопских клеймах I группы, датированных первыми десятилетиями III в., встречается имя астинома Никомеда (Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма... С. 115) — омонима второго вифинского царя (или в то время еще наследника престола). Впрочем, эти данные в свете последующих исследований требуют уточнения.

о его недостоверности⁹⁷, либо, напротив, о захвате Астака вифинцами⁹⁸, что кажется равным образом неоправданным. Достаточно того, что при ведении активных внешнеполитических действий тиран Гераклеи должен был считаться с позицией вифинцев и, вероятно, в том числе с их отношением к близлежащим греческим полисам.

Также весьма гипотетическим является предположение о возможных военных действиях вифинцев против калхедонян. Сведения источников об этом крайне отрывочны, но они позволяют заключить, что в IV в. граждане Калхедона были вынуждены прибегнуть к помощи кизикенцев для защиты от какого-то врага, осадившего город (Aen. Tact., 12; ср. Ps.-Arist., Oikonom., II, 10; Par. Оху., 303). Неожиданное обострение отношений жителей города с этим кизикским отрядом привлекло к себе первоочередное внимание Р. Меркельбаха, трактующего его исключительно как эпизод внутривосточной истории Калхедона⁹⁹ и оставляющего без внимания вопрос о том, с кем же именно калхедоняне воевали до своего обращения к кизикенцам. Отношения калхедонян с персами в это время, кажется, носили стабильный характер. Вряд ли речь здесь идет и о каком-либо столкновении с византийцами, так как жители Калхедона обладали достаточной свободой действий в проливе (Ps.-Arist., Oikonom., II, 10). А поскольку вплоть до раннеэллинистической эпохи (исключая, конечно, период Пелопоннесской войны) калхедоняне не вели войн ни с кем, кроме персов, византийцев и вифинцев, то можно предположить, что их противниками в этих событиях были именно последние.

Объяснить медленное, но неуклонное возрождение политической роли Вифинии, позволившей ей спустя несколько десятилетий даже отразить нападение полководцев Александра Македонского, ввиду недостатка информации крайне затруднительно. Главным кажется то обстоятельство, что за долгое время почти непрерывной конфронтации с эллинскими полисами вифинские племена, будучи вынуждены решать сложные военные задачи, должны были консолидироваться и поднять степень своей политической организации¹⁰⁰.

⁹⁷ Дзагурова В. П. Мемнон. О Гераклее. Комментарии. С. 290. Прим. 4.

⁹⁸ Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. III¹. Leipzig, 1925. S. 138.

⁹⁹ Die Inschriften von Kalchedon / IK. Bd. 20. Hrsg. v. R. Merkelbach mit Hilfe von F. K. Dörner und S. Şahin. Bonn, 1980. S. 94.

¹⁰⁰ Dörner F. K. Bithynia. Sp. 910.

Такое явление было широко распространено и в европейской Фракии¹⁰¹, но в Вифинии с ее территориальной компактностью и «географическим единством»¹⁰² местное население в окружении иноплеменной (хотя частично и этнически близкой) среды к последней трети IV в. сумело достичь большей политической сплоченности, чем его собратья в Европе¹⁰³. Единая власть в Вифинии к началу эпохи эллинизма значительно укрепилась. Складывавшиеся здесь монархические институты оказались гораздо устойчивее аналогичных структур государственности у европейских фракийцев, которым было трудно добиться создания крупных политических объединений из-за постоянного соперничества многочисленных правящих династий различных племен и отсутствия четкого принципа наследования власти¹⁰⁴.

Упрочению политического положения Вифинии способствовали и некоторые изменения международной обстановки в регионе. Контроль Ахеменидов над территорией проживания вифинских племен уже практически не ощущался, но в сопредельных районах персидская политика еще продолжала оставаться существенным фактором межгосударственных отношений. Если сохранение в целом дружественных связей с персидскими сатрапами способствовало дальнейшему усилению Гераклеи¹⁰⁵, то разгром усилившейся в начале века Пафлагонии Датамом (Nep., Dat., II) мог оказаться полезным для Вифинии¹⁰⁶. Бурные события, связанные с «Великим восстанием сатрапов» против Артаксеркса III, не затронули непосредственно северо-западную Малую Азию, но, несомнен-

¹⁰¹ Златковская Т. Д. Возникновение государства... С. 192.

¹⁰² Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 43–44; Фол А. Тракия и Балканы през ранноэллинистическата епоха. София, 1975. С. 98.

¹⁰³ SEHW. Vol. I. P. 566.

¹⁰⁴ Фол А. Политическата история на траките. С. 129. В истории вифинской государственности тоже имели место династические смуты, вызванные (по крайней мере, отчасти) влиянием архаичных фракийских норм престолонаследия (см. подробнее гл. V, § 1), но они происходили в более позднее время, уже в III в. Предположение Х. Берве о том, что Бас будто бы был свергнут своим сыном Зипойтом (Berve H. Das Alexanderreich auf der prosopographischen Grundlage. München, 1926. Bd. II. S. 168), абсолютно произвольно (Habicht Ch. Zipoites (1). Sp. 449).

¹⁰⁵ См.: Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 45.

¹⁰⁶ Harris B. F. Bithynia: Roman Sovereignty... P. 859.

но, создали почву для дальнейшего укрепления независимости Вифинии от Ахеменидов. Традиционные соперники вифинцев, Византий и Калхедон, больше не выступали против них совместно; напротив, в IV в. отношения между ними были неровными и омрачались частыми конфликтами (Polyaen., VI, 25; Plut., Schol. Hesiod., F. 49)¹⁰⁷, приведшими даже к подчинению калхедонян византийцами в 356 г. (Demosth., XV, 26). Эти события, несомненно, были выгодны вифинцам.

Таким образом, к последней трети IV в. сложились все предпосылки для того, чтобы Вифиния вступила в новый этап своей истории. Он характеризуется укреплением государственности, активизацией внешней политики, или, точнее говоря, вообще возникновением ее как таковой, если подходить к этому понятию как к целостному комплексу мероприятий, а не отдельным разрозненными акциям, и, как следствие, общим усилением Вифинии. Данные взаимосвязанные процессы были довольно длительными и не прямолинейными, их ход иногда осложнялся различными противодействующими факторами, но дальнейшие события показали, что именно эти изменения определяли особенности развития вифинского общества на рубеже классической и эллинистической эпох.

§ 2. *Эпохы I и диалоги*

Поход Александра Македонского, послуживший началом эпохальных перемен в истории всего Восточного Средиземноморья, косвенным образом воздействовал и на международное положение Вифинии. Не будучи непосредственно затронуты греко-македонским вторжением в Азию, вифинские племена впоследствии все

¹⁰⁷ Малопонятная фраза Плутарха о том, будто война между византийцами и калхедонянами велась «из-за уключины», дает понять, что боевые действия, видимо, шли на море. Ср.: Diop. Byz., 53; 55, где говорится о двух морских сражениях калхедонян в Боспорском проливе с остающимся неизвестным противником. Если одно из них может быть предположительно связано с упомянутым эпизодом, в котором приняли участие наемники из Кизика, то противниками калхедонян во втором столкновении могли быть и византийцы. См. обоснование этого тезиса: Габелко О. А. Дионисий Византийский... С. 39.

же оказались вынужденными отстаивать свою независимость от новых завоевателей — сначала от сатрапов Александра, а затем от диахов, стремившихся установить контроль как над Вифинией, так и над полисами побережья Южного Понта и Пропонтиды. Ход событий продемонстрировал, что ресурсы складывающегося вифинского государства оказались достаточными для успешного, хотя и отнюдь не легкого, достижения трех взаимосвязанных целей: обеспечения полной самостоятельности, расширения территории и приобретения удобного выхода к морю¹⁰⁸. Эта схема, определяющая основные направления вифинской внешней политики в эпоху раннего эллинизма, подразумевает столкновение в северо-западной Анатолии интересов трех политических сил: Вифинии, государственная и военная организация которой поднялась на качественно новый уровень, конгломератных государств диахов, претендовавших на подчинение вифинцев, и греческих полисов, чьи возможности для ведения активной внешней политики также были далеко не исчерпаны. В результате довольно интенсивного взаимодействия этих политических величин регион северо-западной Анатолии, ранее не имевший устойчивых связей с другими областями Азии и Европы, постепенно интегрировался в оформляющуюся систему межгосударственных отношений эллинистического мира в целом. Борьба диахов почти постоянно оказывала опосредованное, а нередко и прямое влияние на ситуацию в районе Босфора Фракийского, Южного Понта и Пропонтиды, и естественными «точками опоры» для македонских правителей в их военных и дипломатических мероприятиях являлись греческие полисы. Если интересы населения эллинских колоний и диахов, часто стремившихся выступать защитниками и покровителями традиционных полисных свобод, реально совпадали, то давление на Вифинию со стороны ее объединившихся противников усиливалось; в случае же появления противоречий и разногласий между независимыми полисами и диадохами вифинским правителям предоставлялся шанс воспользоваться ими.

¹⁰⁸ SEHNW. Vol. I. P. 567. Значение последнего фактора не следует абсолютизировать, как, например, это делает Хр. Данов, считающий ориентацию на развитие морской торговли едва ли не главным мотивом политики вифинских правителей в IV—III вв. (Данов Хр. Древна Тракия. София, 1969. С. 410; ср.: *Billows R. A. Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley; Los Angeles; London, 1990. P. 411*).

К моменту вступления греко-македонских войск в Азию Вифиния находилась под властью правителя Баса. Страна избежала подчинения Александру: Басу удалось разгромить тщательно подготовленную экспедицию сатрапа Геллеспонтской Фригии и Пафлагонии Каласа (Агг., Апаб., I, 17, 1; II, 4, 1; Curt., III, 1, 24; IV, 5, 13) и тем самым подготовить то, что македоняне впоследствии отказались от Вифинии (Метп., F. 12, 4)¹⁰⁹.

Крушение персидского государства, предоставившее мало-азиатским правителям возможность усилить свою власть и увеличить собственные владения (Метп., F. 4, 1), могло оказаться выгодным для вифинцев: если ахеменидская администрация далеко не всегда оказывалась способной контролировать ситуацию в северо-западной Анатолии, то для Александра и в течение некоторого времени для диадохов Малая Азия и вовсе являлась, по общему выражению М. Кэри, всего лишь «a land of passage»¹¹⁰. Из этих перемен, однако, первым сумел извлечь преимущества не Бас, а гераклеийский тиран Дионисий (337–305 гг.): ему удалось захватить часть вифинских земель к западу от Сангария, воспользовавшись тем, что Бас не мог направить свои силы против гераклеотов из-за опасности нападения македонских сатрапов с юга¹¹¹.

¹⁰⁹ Высказывалось мнение, что Калас даже погиб в походе против Вифинии, поскольку в дальнейшем его пост занимал некий Демарх (Baumbach A. Kleinasien unter Alexander dem Grossen. Jena, 1911. S. 5). Безотносительно того, верно ли это предположение, точка зрения о признании Басом зависимости от Александра (Фол А. Демографска и социална структура... С. 210; Орачев А. Витинска династия // КЕТД. С. 63; Ellis P. B. Celt and Greek. P. 113) явно не обоснована.

¹¹⁰ Cary M. A History of the Greek World from 323 to 146 B. C. London, 1932. P. 95.

¹¹¹ Burstein S. M. Outpost of Hellenism. P. 74. При этом Дионисий вряд ли координировал свои действия с представителями македонской администрации: изгнанные противники тирана активно настраивали Александра против него, и тиран опасался прямого вмешательства македонян во внутренние дела Гераклеи (Метп., F. 4, 1–2). Масштабы расширения гераклеийской хоры к западу от Сангария являются предметом длительной дискуссии. См.: Дройзен И. Г. История эллинизма. М., 1893. Т. 2. С. 373; Niese B. Geschichte... Bd. II. S. 75; Recueil. P. 44; Asheri D. Über die Frühgeschichte von Herakleia Pontike. S. 19; Burstein S. M. Outpost of Hellenism. P. 74; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 31. Рис. 2; Dörner F. K., Hoepfner W. Das Eiland Thyngias... S. 104. Abb. 1. Гераклеотам, видимо, удалось подчинить Финийскую Фракию,

В 328 г. Басу наследовал его сын Зипойт, который жил 76 лет и обладал властью 48 (Метп., F. 12, 5). Именно с его деятельностью связаны основные вехи истории Вифинии этого периода.

Зипойт столкнулся с теми же проблемами, что и его отец, но в его правление они обозначились значительно отчетливее. Территориальная экспансия гераклеотов продолжалась и даже усилилась после женитьбы Дионисия на племяннице Дария III Амастрии (Метп., F. 4, 4–5), и вифинский правитель пока не имел возможностей эффективно ей воспрепятствовать. Начавшаяся после смерти Александра борьба диадохов в принципе отвлекала внимание македонских властителей от довольно незначительной малоазийской области и, казалось бы, позволяла Зипойту вести самостоятельную политику; но Антигон Одноглазый после окончательной победы над Эвменом (316 г.) включил в сферу своего влияния почти всю Малую Азию, и Зипойт был вынужден считаться с этим. Политика диадохов в Малой Азии была гораздо более агрессивной и последовательной, чем у Ахеменидов, и это, с одной стороны, несло непосредственную угрозу анатолийским династиям; с другой — форсировало процесс консолидации и усиления их власти, что было жизненно необходимым для успешного противостояния македонским завоевателям¹¹².

Уже в 315 г. интересы вифинского правителя и Антигона пришли в непосредственное противоречие. Диодор сообщает, что в этом году племянник Антигона Полемей, проходя с войском через Вифинию, обнаружил, что Зипойт осаждает Астак и Калхедон. Полемей вынудил вифинского династа снять осаду и заключил союз как с этими полисами, так и с самим Зипойтом, взяв у него заложников (πολιτάμενος δὲ συμμαχίαν πρὸς τε τὰς πόλεις ταύτας καὶ πρὸς τὸν Ζιβύτην, ἔτι δὲ λαβῶν ὄμηρους — XIX, 60, 3).

Этот пассаж содержит ценную информацию о соотношении сил между действующими сторонами. Зипойт, очевидно, еще не решался вступить в открытую конфронтацию с пребывавшими в

отделенную от собственно Вифинии рекой Псилис (Steph. Byz., s. v. Ψίλλις). См. подробнее: Габелко О. А. Гераклея Понтийская и Вифиния... С. 116–120 и гл. I, § 1 данной монографии.

¹¹² Габелко О. А. Царская власть в раннеэллинистической Малой Азии: истоки, сущность, правовое обоснование // Античность в современном измерении. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию научного кружка «Античный понедельник». Казань, 2001. С. 34.

зените своего могущества гераклеотами, но уже располагал достаточными возможностями для того, чтобы одновременно атаковать более слабые полисы¹¹³, находившиеся, отметим, почти у противоположных пределов его владений. Попытка «одним ударом» подчинить Калхедон и Астак не удалась из-за вмешательства внешней силы, которая, видимо, серьезно угрожала безопасности Вифинии. Вступление войск Полемея на вифинскую территорию, не спровоцированное какими-либо враждебными действиями вифинского династа в отношении Антигона или представителей его администрации, не позволяет говорить о «соглашении на равных условиях» и считать Зипойта юридически равноправным партнером диадоха, как это делает М. Кэри¹¹⁴. Эд. Мейер, напротив, полагает, что означенный договор поставил вифинского правителя в зависимость от Антигона, и Вифиния оказалась фактически подчиненной ему¹¹⁵.

Наиболее обстоятельно данный вопрос рассмотрен Р. Биллоузом. Он склоняется ко второй точке зрения, придавая особое значение предоставлению Зипойтом заложников и его пассивности в последующие годы вплоть до гибели Антигона¹¹⁶. Считая в целом неясной степень зависимости Зипойта от Антигона Одноглазого, исследователь указывает на сохранение за ним номинальной самостоятельности, предоставление которой он объясняет гибкостью политики македонского владыки, а статус Зипойта уподобляет положению Дионисия, тоже поддерживавшего союзные отношения с Антигоном¹¹⁷.

Эту точку зрения также трудно принять полностью. Несомненно, навязанный Зипойту союз¹¹⁸ противоречил его планам и

¹¹³ Максимова М. И. Античные города... С. 172.

¹¹⁴ Cary M. A History of the Greek World... P. 97; ср.: Jouguet P. L'imperialisme macedonien et l'hellenisation de l'Orient. Paris, 1937. P. 403; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 15; Habicht Ch. Zipoites (1). Sp. 450; Avi-Yonah M. Hellenism and the East. Contacts and Interactions from Alexander to the Roman Conquest. Ann Arbor, 1978. P. 173; Kobes J. «Kleine Könige». S. 115.

¹¹⁵ Meyer Ed. Bithynia. Sp. 515; ср.: Hannestad L. «This Contributes in No Small Way...». P. 92. Note 29.

¹¹⁶ Billows R. A. Antigonos the One-Eyed. P. 239, 442; Idem. Kings and Colonists. P. 106.

¹¹⁷ Ibid. P. 251, 278.

¹¹⁸ Это была, кстати, единственная сколь-нибудь заметная дипломатическая акция, в которой принял участие вифинский правитель.

приостановил поступательное развитие вифинской экспансии¹¹⁹. Однако, во-первых, вряд ли правомерно ставить знак равенства между связями Антигона с Дионисием и с Зипойтом. Первый из них был не потенциальным, а вполне реальным союзником Антигона: он оказывал ему военную помощь при осаде Тира, надеясь породниться с ним, выдав свою дочь замуж за его племянника, стратега Геллеспонтских областей¹²⁰, а впоследствии назначил Антигона опекуном своих детей (Мемп., F. 4, 6)¹²¹. Отношение македонского властителя к Зипойту было иным, явно не столь благоприятным. Ни о каких контактах между ними в дальнейшем источники ничего не сообщают¹²², и, более того, можно предполагать, что Антигон весьма настороженно следил за положением в Вифинии и стремился исключить возможность инцидентов, подобных событиям 315 г.

¹¹⁹ Lund H. S. *Lysimachus. A Study in Early Hellenistic Kingdom*. London; New York, 1982. P. 82.

¹²⁰ Мемнон имеет в виду упомянутого выше Полемея.

¹²¹ С. Берстайн полагает, что к концу правления Дионисия отношения между ним и Антигоном ухудшились. На стремление гераклеийского тирана к самостоятельности указывает принятие им царского титула в 306 или 305 г., после того, как это сделал сам Антигон (Мемп., F. 4, 6) и, не исключено, некоторое сближение с Лисимахом (*Burstein S. M. Outpost of Hellenism*. P. 72–78, 199. Note 98). Однако упоминание Мемнона о том, что «после смерти Дионисия дела у города шли ничуть не хуже, так как Антигон ревностно заботился и о детях Дионисия, и о гражданах его государства» (Мемп., F. 4, 9) дает понять, что Антигон по-прежнему прилагал усилия к сохранению дружественных отношений с гераклеотами. Окончательная переориентация Гераклея на Лисиимаха произошла в конце периода регентства Амастрии (305 — ок. 300 г.) См.: *Burstein S. M. Outpost of Hellenism*. P. 81. Так, в 302 г. гераклеоты оказали помощь Лисимаху в его борьбе против Антигона, предоставив продовольствие его войску, зимовавшего на Салонийской равнине. Тогда же между Лисимахом и Гераклеей был заключен договор (Diod., XX, 109, 6). Не исключено, что эти события могли как-то затронуть и Вифинию, поскольку они разворачивались в непосредственной близости от ее пределов.

¹²² Предположение Г. Гриффита о том, что фракийские наемники Антигона, участвовавшие в сражении против Эвмена в Паретакене (Diod., XVIII, 29, 2; 4), были вифинцами (*Griffith G. T. The Mercenaries of the Hellenistic World*. Cambridge, 1935. P. 49) оспаривается М. Лонеем (*Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques*. Paris, 1949. T. I. P. 370. Note 4).

Именно такую цель преследовало основание им города Антигоны, позднее переименованного Лисимахом в Никею¹²³. Помимо этого, опорным пунктом для защиты Калхедона и Астака Антигону, кажется, служил один из Демонесийских (Принцевых) островов, до XIX в. носивший название Антигона¹²⁴. Если Антигон действительно предпринял целый комплекс мер, направленных против Зипойта, то можно констатировать, что (уже не в первый раз в вифинской истории!) реальное положение страны оказалось не соответствующим ее официально оформленному статусу: союз с Антигоном не означал прочной дружбы с ним на деле.

Тем не менее заключение соглашения с Зипойтом принесло Антигону существенные выгоды, поскольку оно позволило удачно совместить решение военно-стратегических задач с осуществлением пропагандистской кампании в пользу греческой автономии¹²⁵. Он избавился от потенциально опасного очага напряженности в своем тылу, наличие которого могло быть использовано его врагами¹²⁶, а также создал препятствие на пути возможного вторжения Кассандра в Азию¹²⁷. Значительную пользу из этой ситуации извлек для себя и Дионисий: нейтрализация активности Зипойта Антигоном позво-

¹²³ Niese B. Geschichte... Bd. I. S. 397; Billows R. A. Antigonos the One-Eyed... P. 296–297. Об основании Никеи см.: Strabo, XII, 4, 7; Steph. Byz., s. vv. Νίκαια, Ἀντιγόνηα; Dio Chrys., Or., XXXIX, 1. Предложенная И. Зельхом (Sölch J. Bithynische Städte... S. 228) дата основания города, 316 г., отвергнута В. Руге, показавшим, что Антигон в это время воевал с Эвменом в Персии (Ruge W. Nikaia. Sp. 228). Активная градостроительная деятельность Антигона в Малой Азии в период между 321/320 г. (временем второго раздела сатрапий в Трипарадесе) и 315 г., на протяжении которого он вел тяжелую борьбу против Эвмена (см.: Шофман А. С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. С. 75–86; Billows R. A. Antigonos the One-Eyed... P. 81–104, 315–321) кажется маловероятной.

¹²⁴ Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 3. С. 379.

¹²⁵ Simpson R. H. Antigonos the One-Eyed and the Greeks // Historia. Bd. VIII. Ht. 4. 1959. P. 391. О политике Антигона в отношении независимых полисов Малой Азии см.: Ibid. P. 385–409; Самохина Г. С. Антигон и греческие города Малой Азии // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 3. Л., 1976. С. 152–158; Billows R. A. Antigonos the One-Eyed... P. 189–236.

¹²⁶ Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 15.

¹²⁷ Buraselis K. Das Hellenistische Makedonien und die Ägäis. Forschungen zur Politik des Kassandros und drei ersten Antigoniden in Ägäischen Meer und in Westkleinasien. München, 1982. S. 9. Именно предполагается

лила гераклеяскому правителю обезопасить себя от угрозы со стороны вифинцев и закрепить совершенные ранее территориальные приобретения¹²⁸.

Гибель Антигона и распад его державы в 301 г. предоставили Зипойту определенную свободу действий¹²⁹. Вифинскому правителю удалось успешно сочетать борьбу против Лисимаха, овладевшего большей частью монархии Антигона¹³⁰, с новыми попытками расширить свои владения.

По сообщению Мемнона, Зипойт убил в сражении одного из стратегов Лисимаха, а другого далеко отогнал от своего царства; он побеждал так-

Лисимах

же и самого Лисимаха, а потом и Антиоха, сына Селевка (ἀλλὰ καὶ αὐτοῦ Λυσιμάχου, εἶτα καὶ Ἀντιόχου τοῦ παιδὸς Σελεύκου ἑπικρατέστερος γεγονώς — Мемп., F. 12, 5). Хронология и какие-либо детали этих событий совершенно неясны, и потому многие исследователи ограничиваются предельно общими указаниями на враждебность между Зипойтом и царем Фракии и достижение Вифинией в ходе этой борьбы независимости¹³¹, хотя данные ис-

мый переход на сторону Кассандра стал для Антигона поводом к устранению Митридата — правителя Киоса (или Мизии) (Diod., XX, 111, 4).

¹²⁸ Дзатурова В. П. Гераклея Понтийская... С. 98; Burstein S. M. Outpost of Hellenism. P. 77.

¹²⁹ Habicht Ch. Zipoites (1). Sp. 449.

¹³⁰ После битвы при Ипсе «Лисимаху, как храбрейшему из всех, было поручено управление самыми дикими народами» (Just., XV, 3, 5), под которыми, вероятно, следует понимать именно вифинцев. Если это так, то можно предположить, что Вифиния de jure считалась зависимой от Антигона, а после его смерти по праву победителя над вифинцами должно было перейти к Лисимаху. Отдельные замечания о существовании в течение какого-то времени дружественных отношений Лисимаха с Вифинией (Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 2. С. 313; Гусева М. И. Фракийское государство Лисимаха: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1955. С. 214) не находят достаточной поддержки в сведениях источников.

¹³¹ См., например: Geyer F. Lysimachos // RE. Bd. XV. 1. 1928. Sp. 12–13; Landucci Catinoni F. Lisimaco di Tracia. Un sovrano nella prospettiva del primo ellenismo. Milano, 1992. P. 170.

точников, кажется, все же позволяют рассмотреть этот вопрос более тщательно.

Столкновения Зипойта с Лисимахом, его полководцами и союзниками происходили в течение довольно длительного времени¹³². Вероятно, они никогда не затухали полностью на протяжении всего периода господства Лисимаха в Малой Азии (301–281 гг.), а наибольшую интенсивность, как кажется, военные действия должны были приобрести в первые годы III в., когда Лисимах предпринимал упорные попытки закрепить свое владычество и организовать управление на вновь завоеванных территориях¹³³. Первые из них могли случиться уже вскоре после брака царя Фракии с Амастрией, которую Дионисий, умирая, назначил опекуншей своих несовершеннолетних детей Клеарха и Оксатра (Мемп., Ф. 4, 8; 9). Именно таким образом можно интерпретировать сообщение Мемнона о том, что Лисимаха после женитьбы на Амастрии отвлекли многие дела (Мемп., Ф. 4, 9)¹³⁴. Зипойта закономерно встревожило установление союза между его соперниками, и он мог начать против них военные действия.

В первую очередь в них должны были быть втянуты стратеги Лисимаха, потерпевшие поражение от вифинского династа. Относительно обстоятельств столкновения Зипойта с самим Лисимахом у исследователей нет единого мнения. Наиболее обоснованным выглядит предположение, что самая крупная победа Зипойта была одержана в 297/6 г., в результате чего вифинский правитель принял царский титул. Этот год стал считаться началом вифинской царской эры¹³⁵. Какие-либо детали этого события, к сожалению, полностью неизвестны. Попытки же найти сообщению Мемнона подтверждение в других источниках и соответственно иначе датировать нанесенное Лисимаху поражение не выглядят убедительными.

Так, если связывать победу Зипойта с походом Лисимаха, о котором сообщает Юстин: *Inde Thracia (sc. Bithynia. — О. Г.)* ас

¹³² *Possenti U. Il re Lisimaco di Tracia. Torino etc., 1901. P. 158–159. Note 1.*

¹³³ *Hünerwadel W. Forschungen zur Geschichte des Königs Lysimachos von Thrakien. Zürich, 1901. S. 54; против — Possenti U. Il re Lisimaco... Loc. cit.*

¹³⁴ *Hünerwadel W. Forschungen zur Geschichte... S. 53; ср.: Перл Г. Эры... С. 62. Прим. 98.*

¹³⁵ О значении этого политического шага см. подробнее гл. V, § 1.

deinceps Heracleae bellum intuderat (XVI, 3, 3)¹³⁶, то следует признать, что неудача в столкновении с вифинцами (если таковое действительно состоялось) не помешала Лисимаху установить господство над Гераклеей (Trog. Proleg., 16; Memn., F. 5, 3). Успех Зипойта в таком случае не выходит за рамки чисто тактического достижения. Некоторые историки трактуют сообщение Мемнона о победе Зипойта над Лисимахом как указание на участие вифинцев в битве при Корупедионе¹³⁷; этот тезис будет проанализирован ниже.

Антимакедонская политика Зипойта могла принести ему союзников в лице других малоазийских династов, прежде всего Митридата Понтийского. Существование дружественных отношений между консолидирующимися Вифинским и Понтийским царствами весьма возможно¹³⁸. Их сближению могла способствовать как общая логика эволюции межгосударственных отношений в Малой Азии, выражавшаяся в стремлении местных династов противостоять македонянам, так и конкретный повод — вражда Зипойта и Митридата с тиранами Гераклеи¹³⁹.

Исход борьбы вифинцев против одного из наиболее могущественных диадохов был весьма благоприятным для крепнущей молодой монархии. Сумев отстоять независимость, Вифиния расширила свою территорию, обрела значительную политическую силу в масштабах северо-западной Анатолии и смогла усилить давление на своих традиционных противников — независимые греческие города побережья южного Понта и Пропонтиды. Очевидно, заключенные при Антигоне в 315 г. договоры, временно приглушившие остроту греко-вифинских противоречий, после его смерти потеряли всякое значение.

¹³⁶ *Hünerwadel W.* Forschungen zur Geschichte... S. 80. С. Берстайн убедительно показал, что подчинение Гераклеи Лисимаху произошло не в 289 г., как это считалось ранее, а в 284 (*Burstein S. M.* Outpost of Hellenism. P. 93–94). С учетом этого уточнения мнение В. Хюнерваделя о том, что с походом Лисимаха на гераклеотов была связана последняя фаза его войны с вифинцами (при том, что сам исследователь придерживался более ранней датировки) (*Hünerwadel W.* Forschungen zur Geschichte... Loc. cit.) приобретает лучшее обоснование.

¹³⁷ *Vitucci G.* Il regno di Bitinia. P. 18; *Habicht Ch.* Zipoites (1). Sp. 452; *Billows R. A.* Antigonos the One-Eyed... P. 441; *Marek Ch.* Stadt, Ära und Territorium... S. 21. Anm. 188.

¹³⁸ *Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство. С. 43–44.

¹³⁹ *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism. P. 84, 142. Note 29.

Перед лицом вифинской угрозы греки были вынуждены искать помощи у Лисимаха: Астак, Калхедон и Гераклея признали свою зависимость от него¹⁴⁰, но это не спасло их от целого ряда тяжелых поражений. Союз с Лисимахом не принес эллинам ожидаемых результатов прежде всего из-за того, что македонский владыка строил свои отношения с греками на иных принципах, чем его предшественник Антигон¹⁴¹. Систематически проводившееся им ущемление прав свободных полисов, которые были вынуждены перейти под его покровительство, нередко приводило к складыванию в них тайной, а иногда и открытой политической оппозиции. Подобный раскол в действиях противников позволил Зипойту добиться в борьбе против них значительных результатов.

Крупным, хотя и кратковременным¹⁴² успехом Зипойта стало завоевание Астака¹⁴³. Нам неизвестно, когда именно вифинский правитель сумел подчинить этот город, но очевидно, что Астак был разрушен Лисимахом (Strabo, XII, 4, 2) из-за того, что он перешел в руки вифинцев¹⁴⁴. Не исключено, что в течение какого-

¹⁴⁰ Ruge. Kalchedon // RE. Bd. X. 1919. Sp. 1557; Ceyer F. Lysimachos. Sp. 27; Burstein S. M. Outpost of Hellenism. P. 84; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 120. Полную самостоятельность на протяжении всего периода диадохов сохранил только Византий (см.: Ceyer F. Lysimachos. Sp. 37), но X. Хабихт полагает, что и он время от времени оказывал Лисимаху дипломатическое содействие (*Habicht Ch. Zipoites* (1). Sp. 451).

¹⁴¹ Сравнение политики Антигона и Лисимаха в отношении независимых полисов: Magie D. The Political Status of the Independent Cities of Asia Minor in the Hellenistic Period // The Greek Political Experience. Princeton, 1941. P. 175–176. Мнение о более жестком отношении Лисимаха к грекам, чем у остальных диадохов, нередко оспаривалось, но в пользу его по-прежнему имеются серьезные аргументы (применительно, по крайней мере, к северо-западной Анатолии).

¹⁴² Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 16; Marek Ch. Stadt, Ära und Territorium... S. 21.

¹⁴³ К. Белох считает, что захват Астака Зипойтом дал начало вифинской эре, введение которой он, однако, не связывает с провозглашением Зипойта царем; по его мнению, царский титул был в Вифинии традиционным (Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. IV¹. S. 234. Anm. 1). Современные исследователи не разделяют этого взгляда: Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 16. Note 3; Habicht Ch. Zipoites (1). Sp. 452.

¹⁴⁴ Потеря Астака, кажется, была единственной неудачей Зипойта в борьбе с Лисимахом (Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 17; Habicht Ch.

то времени город был столицей Зипойта¹⁴⁵; в то же время предположение о возможном союзе граждан Астака с вифинцами¹⁴⁶ выглядит менее правдоподобным, так как политика Зипойта ярко демонстрирует, что он рассматривал греков не как потенциальных союзников, а как противников.

Весьма ценные и интересные сведения о взаимоотношениях Зипойта с греками содержатся в «Моралиях» Плутарха (Plut., Quaest. Gr., 49). Описываемую им войну вифинцев с калхедонянами многие исследователи отождествляют с событиями 315 г.¹⁴⁷, но явное различие приводимых в источниках деталей заставляет видеть здесь рассказ о более позднем эпизоде борьбы Зипойта с эллинскими соседями.

Сообщение Плутарха дает возможность заключить, что война калхедонян с вифинцами была довольно длительной, ожесточенной и крупномасштабной: как и в 416 г., грекам удалось при помощи фракийцев пожечь и опустошить вифинские земли (Θραικῶν ἐπικουρίας προσγενομένης ἐπιρπόλου καὶ κατέτρεχον τῆν χώραν). Тем не менее вифинский царь вышел из этой борьбы победителем: калхедоняне попали в засаду около Фалиона (περὶ τὸ καλοῦμενον Φάλιον)¹⁴⁸ и потеряли более восьми тысяч воинов. Они

Zipoites (1). Sp. 451). Особняком стоит мнение Д. Уилсона, будто бы Астак был разрушен Лисмахом в борьбе против Антигона (Wilson D. R. The Historical Geography... P. 453).

¹⁴⁵ Schneiderwirth H. Das Pontische Herakleia. S. 2; Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. IV¹. S. 234.

¹⁴⁶ Sölch J. Bithynische Städte... S. 145.

¹⁴⁷ Merle H. Die Geschichte... S. 154; Ruge W. Kalchedon. Sp. 1557; Magie D. Roman Rule... Vol. II. P. 1194; Die Inschriften von Kalchedon. S. 94.

¹⁴⁸ Точная локализация этой местности, по мнению Х. Хабихта, не представляется возможной (Habicht Ch. Zipoites (1). Sp. 450). На мой взгляд, о ней же сообщает Дионисий Византийский, подразумевая гибель большого числа калхедонских граждан: ἄλλος ὄρμος Φιέλα Χαλκεδονίων τῶν μέγα δυνηθέντων ἀνδρῶν (Dion. Byz., 100). Вероятно, сражение состоялось в холмистой местности (Ibid.), удобной для засад, неподалеку от гавани Фиела на азиатском побережье Боспора Фракийского (она находится на расстоянии примерно 13 км от Калхедона). О рельефе прибоспорского района см.: Протопопов А. П. Военно-топографическое описание... С. 6–12. Подробнее об этом: Габелко О. А. Дионисий Византийский... С. 38–39. По мнению Э. Нольте, фатальная для калхедонян битва произошла у реки Псилис, в пользу чего свидетельствует относи-

могли быть перебиты все до единого, но Зипойт прекратил избивание, угождая византийцам (Ζειπόιτου Βυζάντιοις χαρισάμενου). В городе почти не осталось мужчин, и после этого Калхедон в течение длительного времени не был способен играть активную роль в международных делах. Зипойт, вероятно, довольствовался достигнутым результатом: о каких-либо его враждебных акциях против калхедонян больше ничего не известно.

Не так давно в историографии появилась довольно оригинальная трактовка этого эпизода: на основании слов о том, что Зипойт действовал в угоду византийцам, делается вывод о существовании союза между Вифинией и Византием¹⁴⁹. Этот альянс был якобы направлен против Лисимаха и даже привел к созданию прочного византийско-вифинского блока, разделившего азиатскую и европейскую половины владений диадоха¹⁵⁰. Однако при детальном рассмотрении текста Плутарха и соотнесении изложенных в нем событий с ситуацией, сложившейся в начале III в. в межгосударственных связях северо-западной Анатолии, такое утверждение кажется сомнительным.

Существование дружественных отношений между византийцами и Зипойтом не подтверждается никакими свидетельствами, кроме упомянутого пассажа Плутарха. Смысл последнего довольно неясен и может быть понят как указание на вынужденную уступку Зипойта, опасавшегося вступить в открытый конфликт с могущественным Византием. Вмешательство византийцев в калхедонско-вифинский конфликт объясняется вполне естественным желанием не допустить захвата соседнего греческого города и уничтожения его жителей, что создало бы непосредственную угрозу и самому Византию¹⁵¹. Кроме того, указание Плутарха на участие фракийцев

тельная близость названий Φάλιον и Ψίλιον (*Nolle E. De rebus gestis... P. 16*). Однако такой вариант представляется сомнительным, поскольку эта река достаточно удалена от Калхедона и Византия.

¹⁴⁹ *Burstein S. M. Outpost of Hellenism. P. 84; McGing B. C. The Foreign Policy... P. 16.*

¹⁵⁰ *Burstein S. M. Loc. cit.*

¹⁵¹ Мнение ирландского историка о вражде Византия и Калхедона, неизменного противника Зипойта (*McGing B. C. The Foreign Policy... P. 16*), не находит подтверждения в источниках и кажется малообоснованным: период напряженности в их взаимоотношениях (см. выше, с. 128) уже миновал. Вскоре, с 280 г., Византий и Калхедон стали союзниками по Северной лиге, а в дальнейшем, как видно из нумизматических мате-

в боевых действиях калхедонян также косвенно свидетельствует против мнения С. Берстайна и Б. Макгинга: византийцы, контролировавшие пролив, легко могли бы воспрепятствовать переходу фракийских воинов в Азию в целях обеспечения интересов Зипойта, если бы он действительно был их союзником¹⁵².

В ходе многочисленных коллизий эпохи диадохов и Вифиния и Византий оставались — каждый по-своему! — самодовлеющими политическими величинами, отнюдь не склонными вступать в обязывающие соглашения, которые могли бы ограничить их реальную самостоятельность во внешнеполитических делах. Заключение какого-либо договора с греческим полисом (не навязанное посредством силового давления) абсолютно не соответствовало общей линии политики Зипойта, делавшего ставку в отношении с эллинами на грубую военную силу. Византийцы, в свою очередь, отказывались заключить союз и с Антигоном Одноглазым, и с Лисимахом (Diod., XIX, 77, 7), резонно считая более удобной для себя позицию нейтралитета¹⁵³; поэтому кажется маловероятным, что Византий, отвергнувший предложения могущественных диадохов, пошел бы на создание прочного союза с «варварским» династом.

Время завоевания вифинцами Астака и войны с Калхедоном неизвестно. Эти события наверняка происходили после 301 г. и, возможно, после 297/6 г., так как Плутарх называет Зипойта царем.

Таким образом, обстоятельства войны против Калхедона никак не свидетельствуют о том, что в политике Зипойта по отношению к эллинам произошли какие-то изменения. Все независимые полисы региона Проливов, включая Византий, по-прежнему оставались его противниками.

Следующим объектом нападения вифинцев стала Гераклея. Город переживал в это время серьезные экономические и внутриполитические затруднения, вызванные авантюрным курсом тиранов, а с 284 г. — подчинением Лисимаху¹⁵⁴. Вифинский царь уже

риалов, между ними была установлена симполития (Schönert-Geiss E. Griechische Münzwerke. S. 78–80; Die Inschriften von Kalchedon. S. 124). Помимо того, калхедоняне едва ли могли бы вести большую войну против царя Вифинии, находясь в непосредственной географической близости с византийцами, если бы последние действительно были его сюзерниками.

¹⁵² В 278 г. византийцы, даже будучи осажденными галатами, срывали все попытки противника переправиться в Азию (Memn., F. 11, 2).

¹⁵³ Невская В. П. Византий... С. 155.

¹⁵⁴ Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 120.

мог считать себя достаточно сильным для борьбы с крупнейшим полисом юго-западного Причерноморья. Столкновения вифинцев с гераклеотами, вероятно, продолжались с самого начала III в.: именно на это указывает сообщение Мемнона о многих войнах, которые вел преемник Дионисия Клеарх II, «то выступая в союзе с кем-нибудь, то сам подвергаясь нападению» (τὰ μὲν συμμαχῶν ἄλλοις, τὰ δὲ καὶ ἐπιφερομένοις αὐτῶι ἐξητάζετο — Мемп., F. 5, 1)¹⁵⁵. Внимательное изучение текста Мемнона (F. 5, 4) позволило С. Берстейну заключить, что гераклеоты потерпели ряд неудач: так, до 284 г. ими уже был потерян Киер¹⁵⁶, а еще раньше, вероятно, Финийская область.

Заключительным аккордом в развитии гераклейско-вифинских противоречий за период правления Зипойта и их кульминацией стал поход вифинцев в Гераклеотиду, который, по словам Мемнона, принес гражданам много бедствий, хотя они и сумели дать противнику отпор (F. 6, 3). Едва ли можно считать, что эта акция действительно представляла собой простой грабительский набег (ἐπιδρομή), выделяясь на фоне постоянных трений между Гераклеей и Вифинией только значительным размахом¹⁵⁷. Действия Зипойта были направлены на подчинение Гераклеи, что должно было стать естественным завершением планов вифинского царя в борьбе с эллинскими соседями, но оказалось пока неосуществимым.

Мемнон, верный своему принципу умалчивать о неудачах гераклеотов¹⁵⁸, ничего не сообщает о том, что горожане в результате столкновения с Зипойтом лишились почти всей своей хоры: в руки вифинцев перешел даже расположенный на востоке их прежних владений Тиос¹⁵⁹. Город оказался практически окружен враж-

¹⁵⁵ *Burstein S. M. Outpost of Hellenism. P. 143. Note 35.*

¹⁵⁶ *Ibid. Против — К. Штробель (Die Galater. Geschichte... S. 188. Anm. 123).*

¹⁵⁷ *Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 2. С. 368.*

¹⁵⁸ Мемнон не дает никакой определенной информации, когда ведет речь о потерях гераклеотов. См. о его позиции при описании гераклейско-вифинских противоречий: *Габелко О. Л. Мемнон... С. 111–112. X. Хабихт в этой связи говорит о фальсификации им общего хода войны (Habicht Ch. Zipoites (1). Sp. 453).*

¹⁵⁹ *Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 19; Habicht Ch. Zipoites (1). Sp. 453; Burstein S. M. Outpost of Hellenism. P. 87. Существует предположение, что вифинцами была захвачена и Амастрия (ἦν γὰρ καὶ αὐτὴ μετὰ τῶν ἄλλων ἀφηρημένη), правитель которой Эвмен был якобы назначен Зи-*

дебными соседями и пребывал в крайне тяжелом политическом и экономическом положении¹⁶⁰. Зипойт мог надеяться использовать его трудности уже в ближайшем будущем.

Принципиально важен вопрос о времени вифинско-гераклеийского конфликта. Почти все исследователи датируют его временем после гибели Лисимаха в сражении при Корупедионе (февраль 281 г.)¹⁶¹, но данные Мемнона, вероятно, позволяют несколько уточнить такую хронологическую привязку. Ситуация, описанная во фразе: Ζιποίτης ... ἐχθρῶς ἔχων Ἡρακλεώταις πρότερον μὲν διὰ Λυσίμαχον, τότε δὲ διὰ Σέλευκον (διάφορος γὰρ ἦν ἑκατέρω) κτλ — F. 6, 3), однозначно может быть отнесена к периоду, охватывающему довольно краткий промежуток времени непосредственно после сражения при Корупедионе. Сообщение источника достаточно адекватно передает суть «неопределенной ситуации, когда в Малой Азии еще не упрочилось господство нового правителя Селевка»¹⁶². Зипойту наверняка было известно, что в городе в течение длительного времени росло недовольство

пойтом (*Schneiderwirth H. Das Pontische Herakleia. S. 5*). Однако то, что Эвмен в 279 г. отказался передать город гераклеотам, согласно условиям договора между ними и Никомедом (тогда как Киер и Тиос были возвращены) (Мемн., F. 9, 4), указывает на независимость его от Вифинии.

¹⁶⁰ Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 125.

¹⁶¹ Meyer Ed. *Geschichte des Königreichs Pontos. S. 42*; *Idem. Bithynia. Sp. 516*; Ruge O. *Tieion. Sp. 858*; Леву Е. И. Гераклея Понтийская... С. 81; Vitucci C. *Il regno di Bitinia. P. 19*; Habicht Ch. *Zipoites (1) Sp. 450*; Burstein S. M. *Outpost of Hellenism. P. 87*; Billows R. A. *Antigonos the One-Eyed... P. 441*; Marek Ch. *Stadt, Ära und Territorium... S. 21*; Bittner A. *Gesellschaft und Wirtschaft... S. 78*. См. убедительное обоснование даты сражения: Heinen H. *Untersuchungen zur Hellenistischen Geschichte des 3 Jahrhunderts v. Chr. Wiesbaden, 1972. S. 17–20*. Исключением является мнение Х. Шнайдервирта, относящего поход Зипойта на Гераклею к 280 г., вслед за экспедицией Гермогена (*Schneiderwirth H. Das Pontische Herakleia. S. 4–5*). К. Штробель, напротив, датирует нападение вифинцев на Гераклею поздней осенью 282 г. (*Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 201*), но при этом нарушается логика событий, следующая из порядка размещения фрагментов Мемнона, который здесь явно не нарушен Фотием.

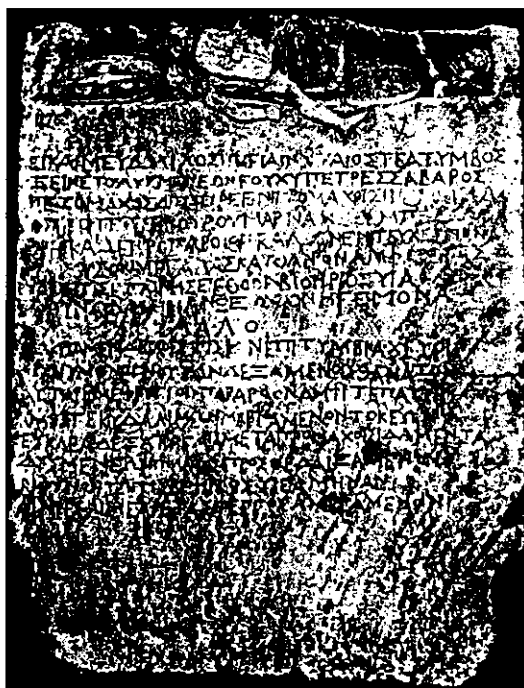
¹⁶² Vitucci C. *Il regno di Bitinia. P. 19*. Подробное рассмотрение политики Селевка в Малой Азии после гибели Лисимаха предпринято в работе: Mehl A. *Seleukos Nikator und sein Reich. Lovanii, 1986. S. 299–315*. Конкретно о его взаимоотношениях с гераклеотами см.: Orth W. *Königlicher Machtanspruch und städtische Freiheit. München, 1977. S. 39–43*.

Лисимахом и соответственно симпатии к Селевку: многие гераклеоты выступили на его стороне в решающем сражении, а один из них, Малакон, лично убил Лисимаха (Мемп., F. 6, 1). Но, очевидно, к моменту своего нападения на гераклеотов вифинский царь еще не знал об их стремлении добиваться независимости от нового владыки Азии. Существовавшие ранее среди гераклеотов проселевковские настроения¹⁶³ углубили враждебность Зипойта к Гераклее, но отнюдь не явились ее причиной, как считают некоторые ученые¹⁶⁴: противоречия между Вифинией и Гераклеей имели давнюю историю и были достаточно острыми. Все же царь Вифинии вряд ли начал бы военные действия против Гераклеи, если они были объективно на руку Селевку, с которым он на тот момент (τότε)¹⁶⁵ уже имел плохие отношения. Мемнон не случайно поместил пассаж о войне с Зипойтом между рассказом об отправке

¹⁶³ Их более активному проявлению и официальному оформлению препятствовал контролировавший положение дел в городе Гераклид, которого отправила в Гераклею жена Лисимаха Арсиноя (Мемп., F. 5, 5). Не вполне понятно, что имеет в виду Р. Биллоуз, говоря о «дипломатической поддержке», оказанной Селевком Гераклее во время конфликта последней с Вифинией (Billows R. A. Antigonos The One-Eyed... P. 441).

¹⁶⁴ Schneiderwirth H. Das Pontische Herakleia. S. 3; Habicht Ch. Zipoites (1). Sp. 453; Orth W. Königlicher Machtanspruch... S. 41.

¹⁶⁵ Перевод В. П. Дзагуровой «Зипойт ... враждующий с гераклеотами сперва из-за Лисимаха, а потом (курсив наш. — О. Г.) из-за Селевка» не дает верного понимания текста, поскольку не отражает того момента, что вражда Зипойта с Селевком сложилась раньше его похода на Гераклею. Дж. Витуччи считает не вполне ясным, почему вифинский царь предпринял нападение на гераклеотов, если они пытались достичь полной независимости от Селевка (Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 19), а А. Мель полагает, что гераклеоты стремились к присоединению (Anschluß) к Селевку — иначе фрагмент о нападении Зипойта не имеет смысла (Mehl A. Seleukos Nikator... S. 310; ср.: Will É. Histoire politique... T. I. P. 139). Современных исследователей, видимо, вводит в заблуждение неопределенность нового статуса гераклеотов, по-разному понимаемая ими и царем Азии. Если граждане Гераклеи после восстановления демократии надеялись в полной мере сохранить αὐτονομία καὶ ἐλευθερία, хотя и были заинтересованы в союзе с Селевком (в первую очередь для отражения вифинской угрозы), то последний имел некоторые правовые основания считать их перешедшими в его подчинение наряду с другими полисами, долгое время по необходимости поддерживавшими Лисимаха (Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 93). Намерение Селевка включить Гераклею в свои владения видно из отправки им в город диоикета; см. об этой долж-

Стела вифинца
Менаса

посольства гераклеотов (F. 6, 2), и о возвращении диойкета царя Афродисия, прибытием послов к Селевку и начале открытой конфронтации между ним и Гераклеей (F. 7, 1–2). События, происшедшие в Гераклее после гибели Лисимаха (F. 6, 1–2) не должны были занять много времени; поэтому кажется логичным не отделять войну Зипойта с гераклеотами от февраля 281 г. значительным хронологическим интервалом.

Эти выкладки имеют большое значение для уточнения позиции Вифинии на последнем этапе войн диадохов и, в частности, для решения имеющего давнюю историю вопроса об участии вифинцев в сражении при Корупедионе. Единственным памятником, представляющим все «за» и «против» в проблеме о гипотетическом союзе Зипойта с Селевком против Лисимаха, является надгробие вифинского офицера (ἡγεμόνας) Менаса, сына Биоэриса.

ности: *Bengtson H.* Die Strategie in der Hellenistischen Zeit. Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht. München, 1943. Bd. II. S. 133 ff.

В рамках данной монографии представляется вполне уместным привести развернутый анализ этого источника, несмотря на то, что этому сюжету автор уже посвятил специальную статью¹⁶⁶. Эта задача выглядит перспективной хотя бы потому, что стела Менаса является, пожалуй, самым ярким и показательным эпиграфическим памятником, связанным с эллинистической Вифинией, и несет информацию о самых различных аспектах ее истории.

Текст эпитафии

- Хоть и изрядная кости мои объемлет могила,
Странник, пред мощью врагов в страхе я не отступил:
Пешим я в первых рядах против всадников стойко держался,
4 В Корупедионе то, где мы сражались тогда.
Прежде фракийца сразив наповал, ратоборца в доспехах,
Следом мизийца, я сам доблести ради погиб.
Можно за это воздать похвалу Биоэриса сыну,
8 Койй — вифинец Менас, сей ратоводец лихой.

Другое (стихотворение? — О. Г.)

- Слезы надгробные пусть над трусливыми льет проходящий,
В хворях приившими смерть, коей — безвестность удел,
Ну а меня, кто у Фригия вод за отечество наше
12 И за родителей честь славно сражался в бою,
В славе земля приняла, в рядах сраженного первых,
Прежде сразившего там много довольно врагов.
Можно вифинцу Менасу за то, Биоэриса сыну,
16 Мне, воздать похвалу, жизнь кто за доблесть отдал¹⁶⁷.

На мраморной стеле выше текста эпитафии помещены две фигуры лежащих воинов — очевидно, поверженных Менасом фракийца и мизийца. Видны предметы их защитного доспеха — овальные щиты, один из которых заметно меньшего размера. От фигуры самого Менаса сохранилась лишь нижняя часть ног. Рядом изображены лежащие на земле шлем и щит.

¹⁶⁶ Габелко О. Л. Датировка и историческая интерпретация надгробного памятника вифинца Менаса // SH. Vol. I. 2001. С. 45–61.

¹⁶⁷ Стихотворный перевод надписи, прекрасно передающий стилистические особенности эпитафии, выполнен Г. А. Тароняном, которому я выражаю искреннюю признательность.

Уникальность памятника, дошедшего до нас в довольно хорошей сохранности (обломана лишь верхняя часть рельефа¹⁶⁸, а оставшееся изображение и текст видны довольно отчетливо), заключается в том, что в сткк. 4 и 11 текста эпитафии содержится прямое указание на место сражения. Упоминание Корупедиона в долине реки Фригий заставляет многих исследователей (в том числе весьма авторитетных) склоняться к мнению, что в последней битве эпохи диадохов между Лисимахом и Селевком в 281 г. на стороне сирийского царя участвовал вифинский контингент¹⁶⁹.

¹⁶⁸ Вероятно, на утерянной части рельефа находилось изображение всадника, от руки которого погиб Менас (*Pfuhl E. Zwei Kriegergrabmäler // AA. Bd. 46. 1932. S. 5–6*).

¹⁶⁹ В хронологическом порядке (за исключением русских переводов): *Mendel G. Inscriptions de Bithynie. P. 380–382; Meyer Ern. Die Grenzen der Hellenistischen Staaten... S. 109–110; Cary M. A History of The Greek World. P. 97; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 17–18; Гусева М. И. Фракийское государство Лисимаха. С. 367; McShane R. B. The Foreign Policy... P. 32; Der Hellenismus und der Aufstieg Roms. Die Mittelmeerwelt in Altertum. II / Fisher Weltgeschichte / Hrsg. v. P. Grimal. Frankfurt-am-Main, 1965. S. 131; Перл Г. Эры... С. 66. Прим. 123; Heinen H. Untersuchungen zur Hellenistischen Geschichte... S. 36; Habicht Ch. Zipoites (1). Sp. 452; Burstein S. M. Outpost of Hellenism. P. 143. Note 33; Pfuhl E., Möbius H. Die Ostgriechischen Grabreliefs. Bd. II. № 1269; Şahin S. Katalog der antiken Inschriften des Museums von Iznik (Nikaia) / IK. Bd. 10. T. 1. Bonn, 1982. № 751; Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 83; Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 68. Прим. 195; Lund H. S. Lysimachus. P. 206 (здесь высказано предположение, что именно участие вифинцев в этом сражении могло склонить чашу весов на сторону Селевка); Leschhorn W. Antike Ären. S. 195. Anm. 32; Marek Ch. Stadt, Ära und Territorium... S. 22; Strobel K. Galatien und seine Grenzregionen. S. 39. Anm. 94; Idem. Die Galater. Geschichte... S. 171. Anm. 62; 196. Anm. 158; 201; Kobes J. «Kleine Könige». S. 116–117. Anm. 20 и др. — полный библиографический перечень, очевидно, составить уже невозможно. В большинстве этих работ, к сожалению, отсутствует сколько-нибудь критический анализ и самого монумента, и работ предшественников; создается впечатление, что некоторые из перечисленных исследователей даже незнакомы с фотографией памятника. Как курьез должно быть воспринято мнение Дж. Грэйнджера: вифинский царь Зипойт упомянут в его недавней работе... только в связи с участием в битве при Корупедионе, подаваемом как непреложный факт! (*Grainger J. D. A Seleukid Prosopography and Gazetteer. Leiden; New York; Köln, 1997. P. 669*). Впрочем, в другом месте той же моно-*

Возражения против этой точки зрения далеко не столь многочисленны и сопровождаются различными оговорками¹⁷⁰.

Между тем анализ надгробия Мена как памятника археологии, эпиграфики и языка позволяет отвергнуть данное мнение и привести целый ряд доказательств в пользу того, чтобы датировать монумент гораздо более поздним временем. Еще в 1974 г. израильский исследователь Б. Бар-Кохва опубликовал исчерпывающее по глубине исследование памятника¹⁷¹. Поскольку оно, к сожалению, осталось практически незамеченным другими учеными¹⁷², имеет смысл подробно изложить содержащуюся в его работе аргументацию, кое в чем дополнив ее¹⁷³.

графии Зипойту приписывается... переправа галатов через Боспор Фракийский (Р. 10), в действительности осуществленная его преемником Никомедом I. Наиболее подробные комментарии: *Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. IV*². S. 458–461; *Launey M. Recherches...* Т. II. P. 434–435. Тот факт, что Мена не был наемником, следует из сткк. 12–13 (*Ibid.* P. 433. Note 4).

¹⁷⁰ Пожалуй, можно говорить о том, что в 80–90-е гг. прошлого века тенденция более критически подходить к прежней трактовке памятника несколько укрепилась. См.: *Mehl A. Seleukos Nikator...* S. 295–296, где подчеркивается, что в надписи отсутствуют какие-либо упоминания и о Селевке, и о Лисимахе; поэтому вопрос об участии вифинцев в сражении 281 г. должен остаться открытым; ср.: *Landucci Gattinoni F. Lisimaco di Tracia.* P. 217; *Hannestad L.* «This Contributes in No Small Way...». P. 72. Даже в тех работах, авторы которых придерживаются датировки надгробия 281 г., содержатся упоминания альтернативных вариантов: *Marek Ch. Stadt, Ära und Territorium...* Loc. cit.; *Strobel K. Galatien...* Loc. cit.; *Idem. Die Galater. Geschichte...* S. 201. Anm. 181.

¹⁷¹ *Bar-Kochva B. Menas' Inscription and Corupedion // SCI. Vol. 1.* 1974. P. 14–23. Израильский историк, в отличие от многих своих предшественников, лично осматривал камень в Стамбульском археологическом музее, и это позволило ему уточнить прочтение стк. 3 надписи, в частности, что в слове ἰππεῖα сигма была переправлена из эпсилона (P. 15. Note 8).

¹⁷² Две встреченные мною глухие ссылки на статью Б. Бар-Кохвы (*Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybios. Oxford, 1979. Vol. III.* P. 536; *Cohen G. The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands, and Asia Minor. Berkeley; Los Angeles; London, 1995.* P. 399–400) не получили в историографии никакого отклика (тем более, что Г. Коэн считает идею Б. Бар-Кохвы сомнительной).

¹⁷³ Справедливости ради следует отметить, что основные положения данной статьи были сформулированы мною еще до того, как представилась возможность познакомиться с работой израильского антиковеда. Позже

Прежде всего, предположение о союзе Зипойта с Селевком выглядит сомнительным по причинам политического порядка. Для крайне запутанных межгосударственных отношений раннеэллинистической эпохи прямолинейная логика по трафаретному образцу «враг моего врага — мой друг» оказывается оправданной далеко не всегда. Безусловно, Зипойт являлся непримиримым противником Лисимаха, но это вовсе не означает, что он в течение какого-то времени был дружен с Селевком. Почти сразу после гибели Лисимаха вифинский царь повел себя враждебно по отношению к сирийскому владыке; при этом фраза Мемнона «διάφορος γὰρ ἦι ἐκατέρω» (F. 6, 3) не содержит ни малейшего указания на какой-либо поворот в политике Зипойта¹⁷⁴, приведший к разрыву с Селевком: историк указывает только на изменение отношения самих гераклеотов к царям Фракии/Македонии и Сирии. Правитель Вифинии не мог не понимать, что Селевк будет представлять такую же угрозу его царству, как Лисимах до него¹⁷⁵, и поэтому он не имел никаких оснований вмешиваться в борьбу диадохов, тем более в ущерб собственным планам, связанным с подготовкой агрессии против Гераклеи.

Определенную информацию в пользу датировки памятника не раннеэллинистическим периодом, а более поздним временем дает верная интерпретация соотносимого с ним историко-географического контекста. На место обнаружения стелы Менаса — охрест-

автор этих строк трижды упоминал о необходимости передатировки памятника, ссылаясь на это исследование (Габелко О. А. Фрако-вифинское население... С. 163; *Он же*. Гераклея Понтийская и Вифиния... С. 126; *Он же*. Последствия Апамейского мира: Рим и Первая Вифинская война // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности Ч. 1. Казань, 2000. С. 242. Прим. 69), однако до сих пор последнее слово остается за сторонниками противоположной точки зрения. См., в частности, новую работу: Фролова Н. А. Об изображении щита и меча на одном типе монет Левкона II // ПИФК. Вып. VII. 1999. С. 312.

¹⁷⁴ Х. Лунд полагает, что «Селевк рассчитывал на симпатию вифинцев и Гераклеи, но она оказалась кратковременной» (Lund H. Lysimachos. P. 202).

¹⁷⁵ Bar-Kochva B. Menas' Inscription... P. 16–18. Ср.: Grainger J. D. Seleukos Nikator: Constructing a Hellenistic Kingdom. London; New York, 1990. P. 193: Зипойт «был чрезвычайно подозрителен ко всем, кто имел вблизи него какую-либо власть». Это верное замечание, впрочем, не препятствует исследователю считать вифинского царя союзником Селевка!

ности современного селения Чиханкей у северо-западного берега Асканийского озера — власть Зипойта не могла распространиться задолго до 281 г. Недавно завоеванный вифинцами район в тот момент не мог рассматриваться ими в качестве «отеческой земли», за которую, как гласит эпитафия, доблестно погиб Менас. В силу этого обстоятельства он, скорее всего, был бы погребен на исконно вифинской территории¹⁷⁶, а поскольку этого не произошло, то следует предположить, что место его захоронения уже в течение длительного времени территориально относилось к Вифинскому царству. Ранее я отмечал, что эти рассуждения в значительной мере условны, поскольку северный берег Асканийского озера мог входить в сферу расселения вифинцев даже в доэллинистическую эпоху¹⁷⁷. Однако материалы личных наблюдений, совершенных во время поездки в Турцию в сентябре 2001 г., внесли определенные коррективы. Выражение «северный берег» здесь не вполне корректно: Изникское озеро лежит в довольно глубокой и обширной долине, ограниченной со всех сторон холмами значительной высоты; вероятнее всего, вифинский контроль над всей долиной, исходя из рельефа местности, должен был быть распространен одномоментно¹⁷⁸. Место находки памятника Менаса расположено вне прибрежной области озера и отделено от нее грядами холмов, так что его принадлежность Вифинии (даже если датировать его 281 г.) никак не может служить доказательством того, что Зипойту принадлежала и Никея. Однако в целом ряде работ, причем весьма авторитетных, именно локализация памятника Менаса служит аргументом в пользу установления вифинского контроля над Никеей до 281 г.¹⁷⁹

¹⁷⁶ *Var-Kochva V. Menas' Inscription...* P. 18.

¹⁷⁷ *Габелко О. А. Гераклея Понтийская и Вифиния...* С. 122.

¹⁷⁸ В римское время дорога, идущая от Никей на запад, шла именно вдоль южного берега озера (*Sahin S. Katalog...* Т. 1. S. 7. Karte): северный обладает более пересеченным рельефом (возвышенность Нальдекен-Дар).

¹⁷⁹ *Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. IV². S. 461*; по мнению исследователя, «Никея была взята вифинцами во время войны с Лисимахом в 281 г. или даже еще раньше, а после победы была уступлена им Селевком в качестве награды за их поддержку... Отец Менаса получил здесь имение, сам же Менас после своего тяжелого ранения при Корупедионе был привезен в это имение, где и умер». Очевидно, в этой красочной реконструкции событий, напоминающей отрывок из исторического романа, слишком много недоказуемых допущений. См. также: *Ruge W. Nikaia. Sp. 229; Meyer Ern. Die Grenzen der hellenistischen Staaten...* S. 109–110;

Едва ли это так¹⁸⁰. Ведь место захоронения Менаса отстоит от Никеи на значительное расстояние и находится в три раза ближе к Киосу, чем к этому полису; однако никто не считает возможным говорить на этом основании о вифинском контроле над Киосом¹⁸¹. Кроме того, практически сразу после гибели Лисимаха вифинский царь начал крупную кампанию против Гераклеи, оказавшуюся успешной, но, очевидно, потребовавшую большой затраты сил; а вслед за тем он вступил в открытое противоборство с полководцами Антиоха I, продолжить которое было суждено его сыну Никомеду I¹⁸². Едва ли в столь напряженной обстановке у него были

*Jones A. H. M. The Cities... P. 150; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 17; Burstein S. M. Outpost of Hellenism.. P. 84; 143. Note 33; Leschhorn W. Antike Ären. S. 195–196; Marek Ch. Stadt, Ära und Territorium... S. 22; Cohen G. The Hellenistic Settlements... P. 399; Strobel K. Galatien... S. 39. Anm. 94; Idem. Die Galater. Geschichte... S. 202; Idem. Bithynia // Der Neue Pauly. Bd. 2. 1997. Sp. 698. Отметим, что Б. Бар-Кохва и в этом вопросе проявляет разумную осторожность, говоря лишь о возможной угрозе Никеи (которую он полагает все еще входившей во владения Лисимаха) со стороны обосновавшихся неподалеку от нее вифинцев (*Bar-Kochva B. Menas' Inscription... P. 18*). Другое дело, что трудно принять мнение исследователя, будто бы Лисимах не мог допустить самого факта создания этой угрозы ввиду особого стратегического значения Никеи (что «автоматически» вынуждает его отнести время создания памятника Менаса к более позднему периоду): судя по всему, Лисимах к 281 г. просто был уже не в состоянии воспрепятствовать неуклонному усилению Вифинии.*

¹⁸⁰ Т. Корстен, исходя из своего мнения о датировке надгробия (см. далее, с. 158–159), отметил, что данный аргумент полностью теряет ценность (*Die Inschriften von Prusa ad Olympum. T. 1. S. 21. Anm. 3*).

¹⁸¹ Т. Корстен даже полагает, что «место обнаружения надписи в древности принадлежало городу Киосу» (*Corsten Th. Über die Schwereigkeit, Reliefs nach Inschriften zu datieren // IstMitt. 1987. Bd. 37. S. 195*), но для начала III в. доказать это утверждение не удастся: о хоре городов эллинистической Вифинии сведений крайне мало.

¹⁸² Несмотря на временные внутренние трудности в государстве Селевкидов, первоначально (до подключения к ней галатов) война с Антиохом едва ли была для Вифинии успешной — особенно после того, как сепаратный мир с Антиохом заключил союзник Никомеда Антигон Гонат. Намеки на это можно увидеть в известной надписи из Илиона (OGIS 219 = *Die Inschriften von Ilion / IK. Bd. 3. Hrsg. von P. Frisch. Bonn, 1975. № 34. Стк. 15 слл.*). См. об этом декрете: *Jones C. P. The Decree of Ilion in Honor of a King Antiochus // GRBS. Vol. 34. 1993. P. 73–92.*

бы возможности включить в состав своего государства еще один крупный греческий город. Наконец, исключительно важную информацию, свидетельствующую о несколько более позднем включении Nikei в состав Вифинского царства, можно извлечь из обращения к так называемой вифинской городской (иначе «проконсульской») эре, начинающейся в 282/281 г.¹⁸³

Небезынтересно провести также и исследование упомянутых в надписи имен, чем прежде никто специально не занимался. Имя Менас — греческое, причем оно отмечено ярко выраженным региональным колоритом¹⁸⁴: как и некоторые другие имена, начинающиеся на «Мен» (Меноген, Менодор, Менофан), это ЛИ является производным от имени анатолийского бога Мена. Вполне закономерно, что для проникновения этого антропонима в греческую среду и последующего восприятия его в Вифинии в начале III в. еще не вошедшей в зону активного распространения греческой культуры (см. далее, с. 159), требовалось определенное и, видимо, немалое время. Это рассуждение общего плана отчасти подтверждается тем, что в Балканской Греции подобные имена появляются, судя по всему, только к концу III в.¹⁸⁵

Имеет смысл обратиться к конкретным данным, связанным с территориально наиболее близкими Вифинии греческими полисами

¹⁸³ Recueil. P. 213 ff. Сведения об этих монетах, относящихся к 61/60–59/58 и 47/46 гг. и чеканенных при наместниках Папирии Карбоне и Вибии Пансе, см. в работе: *Stumpf C. R. Numismatische Studien zur Chronologie der römischen Statthalter in Kleinasien (122 v. Chr. — 163 n. Chr.)*. Saarbrücken, 1991. S. 56–72. Я постарался обосновать, что отсчет лет по этой эре связан не с подчинением Nikei Вифинии, а с освобождением полиса из-под власти Лисимаха (*Габелко О. Л. «Проконсульская» эра и положение полисов Вифинии в эллинистический и римский периоды // SH. Vol. II. 2002. С. 97–106*). См. подробнее гл. V, § 2.

¹⁸⁴ Известны вифинец Менас, сыгравший ведущую роль в осуществленном Никомедом II государственном перевороте (149 г.) (*App., Mithr., 4–5*), и одноименный чиновник Аттала III на Херсонесе Фракийском (OGIS 339).

¹⁸⁵ *Bechtel F. Die historische Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit*. Halle, 1917. S. 316; ср.: *Pape W., Benseler G. E. Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Graz, 1959. Bd. I. S. 915. Отмеченное в последнем тезаурусе упоминание имени спартамца Менаса Фукидидом (V, 19, 2; 21, 1; 24, 1) возможно объяснить тем, что в данном случае имя восходит к греческому μήν — «месяц» (*Loc. cit.*).

(к сожалению, данные для собственно вифинских городов в большинстве своем трудно верифицируемы). Так, в Византии, по данным надписей, производные от имени бога Мена имена встречаются 39 раз, но лишь два из них предположительно могут быть датированы III в.¹⁸⁶ В Кизике и его округе подобного рода антропонимы фиксируются 52 раза¹⁸⁷, но, к сожалению, лишь незначительная часть их более или менее точно датирована, так что определенные выводы здесь вряд ли возможны. Тем не менее относительно надписи, датированной издателями III в. (тем самым она является одной из самых ранних в регионе из числа тех, где встречаются указанные теофорные ЛИ), в которой содержится сразу несколько интересующих нас имен¹⁸⁸, с уверенностью можно сказать, что она моложе стелы Менаса, если считать датой создания последней 281 г. Дело в том, что содержащиеся в ней имена Ἄρτεϊνος (стк. 8), Ἀτεπόριος (gen. — стк. 8), Ακαίου (gen. — стк. 17) были надежно определены французским исследователем О. Массоном как кельтские¹⁸⁹, следовательно, время выполнения надписи не может предшествовать переходу галатов в Азию.

Данные из других полисов не столь представительны, но и они в целом укладываются в ту же схему. Так, из четырех случаев появления имен на Мен- в надписях Киоса три датируются римским временем, датировка четвертого не определена¹⁹⁰. Несколько иная ситуация в Калхедоне: все восемь случаев использования антропонимов на Мен- отнесены авторами к эллинистическому времени¹⁹¹, однако, исходя из приведенной выше информации, такая датировка выглядит несколько заниженной¹⁹².

¹⁸⁶ Die Inschriften von Byzanz. № 305, 347.

¹⁸⁷ См. списки имен в сборниках: Die Inschriften von Kyzikos und Umgebung. T. I. Grabtexte / IK. Bd. 18. Hrsg. v. E. Schwertheim. Bonn, 1980; Die Inschriften von Kyzikos und Umgebung. T. II Miletupolis.

¹⁸⁸ Die Inschriften von Kyzikos. T. II. № 7: Μηῦς (стк. 8), Μηῦ (gen. — стк. 9), Μῆνιος (стк. 13), Μηῦς (стк. 18), Μηνίου (gen. — стк. 21), Μῆνιος (стк. 24), Μηῦς (стк. 28).

¹⁸⁹ Masson O. Thraces et Celtes en Asie Mineure // EA. Ht. 7. 1986. P. 1–2.

¹⁹⁰ Die Inschriften von Kios. № 97.

¹⁹¹ Die Inschriften von Kalchedon. № 7, 12, 31, 37, 52.

¹⁹² Две надписи, № 31 и 52, датируются издателями III в., хотя на втором из рельефов изображено явно римское ложе (Pfuhl E., Möbius H. Die Ostgriechischen Grabreliefs. Bd. II. № 844).

Что же касается имени отца Менаса — Биоэрис, то оно известно только благодаря этой надписи и считается специфически вифинским антропонимом¹⁹³. К. Ю. Белох указал на то, что композит -ηρις содержится в ЛИ Γαρσιήρις, упомянутом Полибием (V, 57, 5; 72, 3 — 76, 9)¹⁹⁴. Этническая принадлежность этого лица неизвестна, однако корень Gars- встречается в приводимых Страбоном географических названиях, связанных с Каппадокией (Гарсавиры — XII, 2, 5; 10; Гарсавритида — XII, 1, 4; Гарсавры — XII, 6, 1; XIV, 2, 29), так что можно предположить анатолийское происхождение антропонима Гарсиэрис и, в силу некоторой близости к нему, Биоэрис. Возможным, однако, кажется и иной вариант. Французский исследователь О. Массон, как было показано выше, удачно продемонстрировал перспективность поиска кельтских корней в некоторых ЛИ, для которых первоначально постулировалось фрако-малоазийское происхождение¹⁹⁵; не исключено, что и имя отца Менаса тоже может быть отнесено к ним. Стопроцентно надежные аналогии здесь подобрать трудно, одна-

¹⁹³ *Detschew D.* Die Thrakische Sprachreste. S. 69 (отмечается, что эпиграмма Менаса может считаться самой ранней вифинской надписью); *Duridanov I.* Die thrakischen Personennamen Bithyniens. S. 38. Наиболее близким ему кажется имя Βιοβρεος (gen.) (*Şahin S.* Katalog... T. 2. 2. № 134); именительный падеж этого ЛИ может быть восстановлен как Биобрис (согласно Д. Дечеву и И. Дуриданову). Однако более вероятным кажется несколько иное восстановление этого имени — Βιοβρης, так как оно имеет параллель в вифинской ономастике — ЛИ Πηροβρης (Ibid. № 1283, 1308). Очевидно, в этом случае сходство с именем отца Менаса ослабляется, и, следовательно, вифинское происхождение последнего не получает надежного лингвистического подтверждения. Следует вспомнить, правда, вифинское имя Βιοβριυιος (gen.) (IG. II 8410. Стк. 2). Экстравагантное мнение Б. Кайля (Rev. de Phil. 1892. T. XXVI — *pop vidi*; цит. по: *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. Bd. IV². S. 458) о египетских (!) корнях данного антропонима ни у кого из исследователей, как и следовало ожидать, понимания не встретило.

¹⁹⁴ *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. Bd. IV². S. 461.

¹⁹⁵ *Masson O.* Thraces et celtes... О кельтских именах в Вифинии см. также: *Duridanov I.* Die Thrakische Personennamen... S. 34–38; *Sergent B.* Les premiers celtes d'Anatolie // REA. T. XC. 1988. № 3–4. P. 352–355 (автор этой работы, однако, пытается доказать очень раннее появление кельтов в Малой Азии, что не подтверждается никакими источниками; поэтому к предлагаемой им трактовке конкретных антропонимов как кельтских следует относиться крайне осторожно).

ко обращает на себя сходство этого антропонима, например, с кельтским ЛИ *Λυετορις* (MAMA VII 424). Для фракийских в широком значении и собственно вифинских антропонимов частым является употребление композита *-τορις*, который, видимо, означает «сын»¹⁹⁶; здесь же мы имеем дело с другим компонентом слова *-ρις*, встречающимся в некоторых кельтских именах¹⁹⁷. Обращение к тезаурусу древнекельтского языка А. Хольдера показывает, что у кельтов в Западной Европе зафиксировано имя *Bio*¹⁹⁸, а наряду с ЛИ, содержащими окончание *-erios*, встречаются и антропонимы с композитом *-eris*¹⁹⁹. Если эти рассуждения верны, то следует признать невозможность появления имени Биоэрис в Малой Азии до прихода сюда галатов в 278/7 г. (причем нужно учесть, что его носитель уже должен был «натурализоваться» здесь до такой степени, чтобы его сын мог именовать себя вифинцем). Таким образом, данные греческой и кельтской антропоники (при том, что я ни в коей мере не настаиваю на их полной надежности — не исключены, к примеру, и случайные созвучия) также свидетельствуют в пользу датировки надписи более поздним временем.

Далее, очень важным представляется характер изображения на стеле. На рельефе представлены предметы вооружения двух поверженных противников Мена — фракийца и мизийца (сткк. 5–6). Их щиты (один, меньшего размера, почти прямоугольный, другой — овальный, с ребром жесткости и умбоном) являются типичными образцами широко распространенного в эллинистическом мире щита, прообразом которого был галатский щит *θυρεός*²⁰⁰. Однако появление щитов такого типа в Малой Азии в 281 г. — за год до нашествия галатов на Грецию и тремя с половиной годами

¹⁹⁶ *Detschew D.* Die Thrakische Sprachreste. s. v.

¹⁹⁷ *Masson O.* Thraces et celtes... P. 1.

¹⁹⁸ *Holder A.* Alt-celtischer Sprachschatz. Graz, 1961. Bd. I. Sp. 423.

¹⁹⁹ *Ibid.* Sp. 1463. Особо следует отметить, что второй композит имени встречается в Лигурии — области, соседней с Нарбонской Галией, первоначальными районами обитания кельтов тектосагов, впоследствии переселившихся в Галатию (*Strabo*, IV, 1, 13), так что здесь нельзя исключать возможности этнических и языковых влияний.

²⁰⁰ *Pfuhl E, Möbius H.* Die Ostgriechischen Grabreliefs. Bd. II. № 1269; *Трейстер М. Ю.* Кельти у Північному Причорномор'ї // *Археологія*. 1992. № 2. С. 38. Указанные авторы парадоксальным образом никак не комментируют это обстоятельство.

раньше их перехода в Анатолию — едва ли возможно²⁰¹. Щит *Θυρέος* широко распространяется в Восточном Средиземноморье

²⁰¹ *Bar-Kochva B. Menas' Inscription...* P. 18–19. Пожалуй, первым на это обратил внимание М. Лоней: *Launey M. Études d'histoire hellénistique. I. Un épisode oublié de l'invasion galate en Asie Mineure (278/7 av. J.-C.) // REA. T. XLVI. 1944. № 3–4. P. 222; Idem. Recherches...* T. II. P. 448. Стремясь разрешить это противоречие, он определил большой щит как мизийский, который (будучи, по его мнению, очень похож на галатский!) представляет собой имитацию персидского щита *γέρρον*. Такая аргументация кажется слишком шаткой, тем более что другие образцы мизийских щитов неизвестны, а персидский *γέρρον* не имеет специфических деталей, характерных для *Θυρέος*, и напоминает его только овальной формой. Французскому исследователю вообще присуща тенденция принимать за *χιερός* любой овальный щит; в частности, в первой из упомянутых работ он считает предметом защитного вооружения галатов овальный щит, изображенный на одной стеле из Кизика, что едва ли обоснованно. Очевидно, оба щита, изображенные на стеле Менаса, есть не что иное, как разные варианты «эллинистического скутума типа D», по М. Айхбергу (*Eichberg M. Scutum. Die Entwicklung einer italisch-etruskischen Schildform von den Anfängen bis zur Zeit Caesars. Frankfurt-an-Main; Bern; New York; Paris, 1987. P. 191*). К. Штробель тем не менее считает возможным утверждать, что щиты, изображенные на стеле Менаса, имеют галатское происхождение и были заимствованы во время столкновений и/или дипломатических контактов Лисимаха с кельтами во Фракии (о возможности последних см.: *Will É. The Formation of the Hellenistic Kingdoms // CAH². Vol. VII. Part. I. 1984. P. 114–115* — впрочем, никакой конкретной информации по этому вопросу в источниках нет) (*Strobel K. Die Galater. Geschichte...* S. 171. Anm. 62). Сходных взглядов придерживается и М. Айхберг, согласно которому этот тип скутума был заимствован во время контактов между эллинистическими государствами и Апеннинским полуостровом в конце IV — начале III в. (*Eichberg M. Scutum. S. 213–214*). Автор настаивает на том, что эти типы вооружения могли быть принесены наемниками из западных регионов Средиземноморья и подкрепляет свое мнение общими ссылками на труды Г. Т. Гриффита и М. Лоней о роли наемников в эпоху эллинизма, где, однако, никакой конкретной информации по этому вопросу нет (равно как в источниках). Прямо опровергнуть этот взгляд, разумеется, невозможно (тем более, если учитывать известный феномен довольно быстрого распространения тех или иных видов оружия в древности). Однако все-таки сложно представить, что уже в 281 г. такое защитное вооружение могло быть в ходу у представителей разных народов (в том числе малоазийских мизийцев). См. также след. прим.

с начала второй четверти III в.²⁰², и разница в несколько лет здесь имеет принципиальное значение. Очевидно, многие исследователи просто не замечали такого противоречия; между тем именно традиционная датировка данного памятника 281 г. служит порой основанием для того, чтобы говорить о негалатском происхождении щита типа *θυρεός*²⁰³, будто бы бытовавшего в Греции и даже в Азии еще до кельтского нашествия. Спорность таких предположений также была отмечена Б. Бар-Кохвой²⁰⁴; к его замечаниям

²⁰² *Трейстер М. Ю.* Боспор и Египет в III в. до н. э. // ВДИ. 1985. № 1. С. 133–137. Следует особо остановиться на изображении меньшего щита. При всем своем несомненном сходстве с «классическим» *θυρεός* он все же отличается от него достаточно существенно — пожалуй, настолько, чтобы рассматриваться как его самостоятельная облегченная модификация, возможно, входившая в комплект вооружения всадника (ведь Менас сражался с конницей) (см.: *Лаппеу М.* Recherches... Р. 448). Для того чтобы этот тип щита возник и прижился, был необходимо, вероятно, определенное время, что опять-таки дает аргументы против ранней датировки стелы.

²⁰³ См. последнюю работу: *Фролова Н. А.* Об изображении... С. 312. Исследовательница апеллирует к мнению Н. И. Сокольского (О боспорских щитах // КСИА. Вып. 58. 1955. С. 16).

²⁰⁴ *Bar-Kochva В.* Menas' Inscription... Р. 19–20 с соответствующей библиографией. Он отметил, что все приводимые сторонниками этой точки зрения примеры не вполне корректны, так как относятся ко времени после нашествия галатов и происходят из регионов, где их появление под кельтским влиянием не должно вызывать удивления (ср.: *Eichberg М.* Scutum. S. 221). См. о заимствовании галатского щита греками: *Paus.*, VIII, 50, 1. Что касается фракийского овального щита, изображенного на фреске из Казанлыкского склепа (кон. IV — нач. III в.) (*Сокольский Н. И.* О боспорских щитах. С. 23; см. также иллюстрацию: *Живкова А.* Казанлыкская гробница. М., 1976. С. 29–30), то, как отмечалось выше (см. предыдущ. прим.), одной овальной формы явно недостаточно, чтобы считать данный щит аналогом кельтского. Большого внимания заслуживает изображение овального щита на монетах Птолемея II Филадельфа (285–246 гг.), на котором акцентирует внимание Н. А. Фролова (Об изображении... С. 312). По мнению исследовательницы, этот щит имеет чисто греческое происхождение, так как вероятность того, что египетский царь помещал бы на своих монетах изображение оружия своих наемников или даже врагов, исключена. Однако в эллинистическую эпоху такие прецеденты (причем связанные именно с галатами) неоднократно зафиксированы: так, оружие кельтов появляется на монетах вифинского царя Зиэла, использовавшего галатов в качестве наемников (*Sevrugian E.*

можно добавить, что целый ряд изображений такого щита на малоазиатских рельефах следует связывать именно с галатами²⁰⁵.

Если обратиться к данным палеографии, то по этому критерию шрифт эпитафии должен быть отнесен скорее к рубежу III и II вв., нежели к раннеэллинистической эпохе. Не вдаваясь в детали, подчеркну: уже первыми исследователями памятника было отмечено: начертание некоторых букв (в частности, Α, Β, Δ, Θ, Μ, Ξ, Σ, Τ, Υ) в надписи нетипично для времени битвы Лисимаха с Селевком²⁰⁶, хотя монументально-курсивный шрифт с писцовыми рудиментами, каким выполнен текст, имеет некоторую тенденцию к «опережению» обычных образцов письма²⁰⁷. Наиболее категорично высказывается в этом отношении Т. Корстен, на основании палеографического анализа датирующий памятник 190 г.: по мнению исследователя, Менас входил в состав вифинского отряда,

ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΙΘΥΝΩΝ ΖΙΛΗΛΑΣ // GNS. Bd. 23. 1973. S. 35). Несомненно, именно в ознаменование побед над кельтами помещены изображения галатского щита на монетах Этолийского союза (после 279/8 г.) и Пирра (278–276 гг.) (Eichberg M. Scutum. № 238, 239). К остальным приводимым Н. А. Фроловой примерам (Об изображении... С. 312–313) вполне применимы контраргументы Б. Бар-Кохвы.

²⁰⁵ См. изображения анализируемые в гл. III, § 1 — стелу Наны (Pfuhl E., Möbius H. Die Ostgriechischen Grabreliefs. Bd. I. № 1273) и надгробный памятник Никасиона (Ibid. № 1277; Die Inschriften von Kios. № 58). Кстати, оба эти примера почему-то не учтены М. Айхбергом в его каталоге изображений подобных щитов.

²⁰⁶ Mendel C. Inscriptions de Bithynie. P. 382; Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. IV². S. 459; особенно подробно: Bar-Kochva B. Menas' Inscription... P. 20–21.

²⁰⁷ Именно так высказался о шрифте надписи Ю. Г. Виноградов; в приведенной далее датировке надписи по характеру письма я следую именно ему. Ср. с высказыванием Э. Пфуля и Х. Мебиуса, что беглый и неровный шрифт надписи выглядит моложе, чем он есть на самом деле (!) (Pfuhl E., Möbius H. Ostgriechischen Grabreliefs. Bd. II. S. 308): датировка эпиграфического памятника не по стилю письма, а по вторичному и далеко не бесспорному признаку — упоминанию события, которое нельзя с уверенностью отождествить с известным по другим источникам фактом, — представляется крайне спорным в методическом отношении приемом. Высказывалось также предположение, будто эпитафия Менаса начертана на месте более ранней эпитафии (Peeck W. Metrische Inschriften // Mnemosynon Theodor Wiegand. München, 1938. S. 35. Anm. 1), однако никаких следов этого на камне не заметно.

будто бы участвовавшего на стороне римлян в сражении против Антиоха III при Магнезии-у-Сипила²⁰⁸. Это предположение, однако, неубедительно, так как письменные источники не оставляют сомнений в том, что вифинский царь Прусий I воздержался от участия в войне Рима с Антиохом на чьей-либо стороне (Polyb., XXI, 11, 1–2; Liv., XXXVII, 25, 4–14)²⁰⁹. Тем не менее в чисто палеографическом отношении выкладки Т. Корстена особого сомнения не вызывают: время создания надписи можно определить как конец III — первые десятилетия II в.

Наконец, можно добавить, что и характер текста эпитафии наводит на мысль о принадлежности его более позднему времени. О культуре вифинцев в эпоху раннего эллинизма нам ничего не известно, но едва ли может быть оспорена ее слабая подверженность эллинскому влиянию: вифинское общество еще не было способно сколько-нибудь активно воспринимать элементы эллинской παιδεία. Даже в письме царя Зиэла совету и народу Коса (240-е гг.) — первом относительно надежно датированном памятнике вифинской эпиграфики — содержатся некоторые стилистические и синтаксические ошибки²¹⁰. К сожалению, мы лишены возможности сравнить эпиграммы, начертанные на надгробии Менаса, с синхронными надгробными надписями из Вифинии. Но нельзя не отметить, что найденная в вифинской «глубинке» эпитафия воина, не отличавшегося, видимо, особой знатностью, написана нарочито архаизированным языком, вычурным и высоким «гомеровским» стилем, который слабо сочетается с культурным обликом Вифинии второго десятилетия III в.²¹¹

²⁰⁸ Die Inschriften von Kios. № 98; Corsten Th. Über die Schwierigkeit... S. 196–199. Немецкий эпиграфист даже приводит анализ памятника Менаса в качестве показательного примера датировки рельефов, хотя не принимает в расчет ни изображения щитов на стеле, ни иных деталей. Тем не менее, именно на его работы ссылается К. Штробель, указывая на существование альтернативных вариантов трактовки памятника.

²⁰⁹ Подробнее см. гл. III, § 1.

²¹⁰ Herzog R. Ein Brief des Königs Ziaelas von Bithynien an die Koer // AM. Bd. XXX. 1905. S. 176–178; TAM IV 1.

²¹¹ О языке и стиле эпитафии: Mendel C. Inscriptions de Bithynie. P. 381; Bar-Kochva B. Menas' Inscription... P. 15 (Note 8 — исследователь иронически берет слово «поэт» применительно к автору эпиграммы в кавычки); 23. Само исполнение памятника тоже весьма любопытно: его отличает наивное желание заказчика придать монументу особую пыш-

Суммировав все вышесказанное, можно заключить, что сражение, в котором погиб Мен, не тождественно битве между Лисимахом и Селевком: их объединяет только один географический район — стратегически важный и неоднократно становившийся местом самых различных вооруженных конфликтов²¹². В упоминании в тексте эпитафии места нет оснований видеть конкретную привязку к событиям 281 г., так как сражение между последними диадохами отнюдь не безоговорочно вошло в античную традицию именно как «битва при Корупедионе»²¹³. С другой стороны, коль скоро это сражение получило широкую известность, подчеркивание того, что гибель Менаса случилась в месте тех же славных событий (хотя и совсем в другое время, но сообщать об этом, разумеется, автору/авторам эпитафии не было никакого резона) выглядит вполне логичным²¹⁴. Исходя из этого, кажется наиболее правдоподобным связывать смерть Менаса с каким-то столкнове-

ность и торжественность. Так, именно с этой целью изображению Менаса, от которого сохранились только ноги, были приданы гораздо большие размеры, нежели фигурам его поверженных врагов (*ibid.* P. 15, 23). Интерес представляет и «двойная» эпитафия: вторая эпитафия, очевидно, принадлежит другому автору (*Pfuhl E., Möbius H. Die Ostgriechischen Grabreliefs. Bd. II. S. 308*). Похоже, что родственники усопшего не смогли выбрать одно из двух предложенных им стихотворений и, не полагаясь на собственный художественный вкус, решили поместить на стеле сразу оба!

²¹² *Corsten Th. Über die Schwierigkeit... S. 197.*

²¹³ Так называет это сражение только Евсевий (τῆ περὶ Κόρου πεδίου μάχῃ) (*Euseb. Chron. Ed. Schoene. I. 234–235 = Porphyg. FGrH, 260 F. 3, 8*). Аппиан ошибочно говорит о битве в Геллеспонтской Фригии, путая ее с рекой Фригий (*App., Syr., 62*), а остальные источники не указывают места битвы (*Memn., F. 5, 7; Hieron. FGrH, 154 F. 10; Trog. Proleg., 17; Just., XVII, 2, 1; Nep., De reg., III, 2; Paus., I, 10, 5*). Характерно, что Страбон неверно именует эту местность «долина Кира» (*Strabo, XIII, 4, 5; 13*).

²¹⁴ Акцент на такого рода параллелях нередко встречается в античных нарративных источниках. См., например: *Liv., XXXVI, 15, 12 — 16, 1 и Flor., II, 8, 11 — битвы при Фермопилах Леонида против персов и Антиоха III против римлян; Paus., X, 20, 12 — о сражении при Фермопилах между греками и персами и между греками и галатами; Dio Cass., F. XLII; Bell. Alex., 72; Plin., NH, VI, 10 — две битвы при Зеле: Митридат Евпатор против Триария и Цезарь против Фарнака (этот перечень наверняка не полон). Кажется возможным предполагать появление этого мотива и в надписи.*

нием в ходе одной из вифинско-пергамских войн²¹⁵. Лучше всего здесь подходят вторжение Прусаия I на территорию Пергамского царства в 209 г. (Liv., XXVIII, 7, 10; Dio. Cass., F. XVII)²¹⁶ или, как считает Б. Бар-Кохва, конфликт 156–154 гг. между Прусием II и Атталом II²¹⁷. Упоминание фракийца и мизийца в качестве противников Менаса не должно вызывать удивления, поскольку представители этих народов многократно упоминаются в качестве наемников в пергамской армии²¹⁸.

Следовательно, можно заключить, что вифинцы не принимали никакого участия в битве при Корупедионе, что, кстати, вполне соответствует курсу Зипойта — воздерживаться от участия в крупных конфликтах диадохов, уклоняться по мере сил от заключения обязывающих заключений с македонянами и наращивать давление на греческих соседей.

После убийства Селевка I Птолемеем Керавном (в начале осени 281 г.) во внешнеполитическом положении Вифинии произошло некоторое изменение к худшему — не угрожавшее первоначально ее безопасности и независимости, но, по крайней мере, ограничившее на короткое время развитие вифинской экспансии в отношении греков. Дело в том, что гераклеоты сумели упрочить свою позицию, заключив союзное соглашение с Керавном (Memp., F. 8, 5)²¹⁹. В скором времени, однако, ситуация приобрела более

²¹⁵ Вероятность этого допускают: *Bevan E. R. The House of Seleucus. Vol. I. London, 1902. P. 323* (хронологически первая попытка отойти от напрашивающегося понимания памятника!); *Beloch K. J. Griechische Geschichte Bd. IV². S. 458*; *Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 18*; *Mehl A. Seleukos Nikator... S. 296*; *Die Inschriften von Kios. № 98*, но ни в одной из указанных работ данная версия не подвергается специальному рассмотрению.

²¹⁶ Источники не позволяют с точностью определить, какие именно области царства Атталидов подверглись тогда нападению вифинцев.

²¹⁷ *Bar-Kochva B. Menas' Inscription... P. 22–23*. Исследователь, однако, допускает некоторое противоречие с этим тезисом, датируя надпись на основании палеографического анализа не серединой, а началом II в. (Ibid. P. 21).

²¹⁸ О мизийцах см.: *Launey M. Recherches... T. I. P. 437–440*; *Griffith C. T. The Mercenaries... P. 171–172, 177*; о фракийцах: Ibid. P. 173 ff.

²¹⁹ Текст Мемнона едва ли подтверждает мнение о подчинении гераклеотов Керавну (*Виноградов Ю. Г. Военные конфликты на Понте с участием эллинистических греческих полисов из-за монопольных и терри-*

острый характер: наследник Селевка Антиох I достиг определенной стабилизации внутри своего царства и возобновил попытки укрепить пошатнувшееся господство на западе Малой Азии. Его стратег Патрокл направил для подчинения городов этого региона, в том числе и Гераклею, экспедицию своего полководца Гермогена (Метп., F. 9, 1). Гераклеоты сумели избежать надвигающейся опасности посредством дипломатических мер: Гермоген отступил из их области в результате заключения договора о дружбе с их посольством (F. 9, 2).

Несомненно антивифинская направленность этого соглашения: сразу после его достижения Гермоген выступил против Вифинии (Ibid.)²²⁰, и многие исследователи обоснованно видят в этом результат усилий гераклеотов, стремившихся использовать новую политическую конъюнктуру против своего традиционного соперника²²¹. Этот поход, однако, оказался крайне неудачным: вифинцы неожиданно напали на противника, и Гермоген погиб вместе со всем своим войском (Ibid.)²²².

ториальных притязаний // Боспор и античный мир. Н. Новгород, 1997. С. 215). В отдельных исследованиях говорится о союзе Зипойта с Птолемеем Керавном (Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. III. С. 397; Grainger J. Seleukos Nikator... P. 193), не отраженном в источниках, противоречащем политическому курсу вифинского царя и поэтому кажущемся маловероятным.

²²⁰ Не вполне ясным кажется упоминание Мемнона о том, что Гермоген повел войско из Гераклеотиды ἐπὶ τῆν Βιθυνίαν διὰ τῆς Φρυγίας τραπόμενος (F. 9, 2). Возможно, этот крюк в маршруте селевкидского войска связан с тем, что во владении Зипойта в это время уже находились уже достаточно обширные территории.

²²¹ Schneiderwirth H. Das Pontische Herakleia. S. 4; Niese B. Geschichte... Bd. II. S. 112; Дзагурова В. П. Гераклея Понтийская... С. 108; Billows R. A. Antigonos the One-Eyed... P. 442; Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 212.

²²² В ряде исследований в интерпретации данного эпизода допущены серьезные неточности: говорится о разгроме и гибели Патрокла, а не Гермогена, а сама победа приписывается не Зипойту, а его наследнику Никомеду I. См.: Niese B. Geschichte... Bd. II. S. 73; Tarn W. W. Antigonos Gonatas. Oxford, 1969. P. 160–161. Note 83; Bengtson H. Die Strategie... Bd. II. S. 82; Bd. III. S. 200; Леви Е. И. Гераклея Понтийская... С. 83; Моисеева Т. А. Переселение кельтов... С. 74. Однако упоминание Мемнона о победе Зипойта над Антиохом (F. 12, 5) нужно связать именно с этим эпизодом.

Победа над полководцем Антиоха стала последним подвигом старого царя²²³; в том же 280 г. Зипойт умер в возрасте 78 лет. За почти полувековой период его правления Вифиния значительно усилилась: независимость страны была сохранена, а ее территория — увеличена. Все эти достижения первого вифинского царя позволяют исследователям говорить о том, что Зипойт намеревался войти в политическую систему, созданную новыми эллинистическими владыками²²⁴, а Вифиния при нем стала равноправным партнером своих малоазийских соседей и даже более удаленных государств²²⁵. Эти оценки во многом справедливы, но при ближайшем рассмотрении государственной деятельности Зипойта выясняется их односторонность.

Лейтмотивом политики Зипойта на всем протяжении его царствования оставалась вражда с независимыми греческими городами, которую следует считать наследием древних племенных традиций вифинского общества²²⁶. В новых исторических условиях эта линия подверглась лишь некоторой модернизации. Другим истоком политики Зипойта можно считать стремление утвердиться в роли преемника Ахеменидов, пытавшихся установить свой протекторат над полисами северо-западной Анатолии (Just., XVI, 4; Suid., s. v. Κλέαρχος)²²⁷. В любом случае действия Зипойта, основанные на непризнании статуса αὐτονομία καὶ ἐλευθερία свободных полисов, предусматривали разрешение конфронтации с ними чисто военным путем и не имели необходимой гибкости по причине полного отсутствия дипломатического оснащения. Естественно, такая политика не могла принести ему поддержки и признания со стороны греческого мира, без чего вряд ли было возможным становление Вифинии как «полноправной» эллинистической монархии.

²²³ Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. III. С. 397. Прим. 94.

²²⁴ Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 21; Habicht Ch. Zipoites (1). Sp. 433.

²²⁵ Фол А. Демографска и социална структура... С. 211; Орачев А. Витинска династия. С. 63.

²²⁶ Ср. с удачной характеристикой политики Зипойта в целом: он был «предан старым вифинским традициям» (Wilson D. R. The Historical Geography... P. 461).

²²⁷ Габелко О. А. Взаимоотношения Вифинского царства с независимыми греческими полисами в начале эпохи эллинизма // Античная история и современная историография. Материалы межвузовской конференции. Казань, 1991. С. 47.

Потому можно согласиться с теми исследователями, которые подходят к характеристике возглавляемого Зипойтом государственно-го объединения, избегая традиционных оценок²²⁸.

Провозглашение Зипойта царем, очевидно, имело определенный вес в глазах его современников — и греков с македонянами, и анатолийцев. Вероятно, именно эта акция Зипойта могла послужить своеобразным примером для коронации как Митридата I Ктиса в Понте, так и (с некоторой степенью вероятности) даже для Спартока III Боспорского²²⁹. Но представители азиатской знати, принимая титул βασιλεύς, преследовали прежде всего интересы антимакедонской борьбы²³⁰, и к Зипойту это относится даже в большей степени, чем к кому-либо другому из анатолийских династов. Диадочи отнюдь не считали их равными себе по статусу: так, правитель Каппадокии Ариарат I, тоже провозгласивший, судя по всему, себя царем, в 322 г. был предан Пердиккой позорной и мучительной смерти (Diod., XVIII, 16, 1–2; 19, 3–5; Plut., Eum., 3; Just., XIII, 6, 1; App., Mithr., 8; Luc., Macrob., 13). Зипойт, по примеру других эллинистических владык, основал город, назвав его в свою честь, а старший из его сыновей был назван греческим именем²³¹, но этим и исчерпываются попытки первого вифинского царя выглядеть истинным эллинистическим монархом, а не амбициозным «варварским» династом²³². Зипойт еще не чеканил своей монеты, что свидетельствует о его невнимании к вопро-

²²⁸ К примеру, Й. Кобес называет Вифинию при Зипойте «племенным княжеством» (Stammesfürstentum) (Kobes J. «Kleine Könige». S. 84).

²²⁹ См. об этом: Габелко О. Л., Завойкин А. А. Еще раз о вифинско-понтийско-боспорской эре // Боспорский феномен: Проблемы датировки и хронологии памятников. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб., 2004. С. 74–81.

²³⁰ См. об обстоятельствах, сопровождавших воцарение других представителей восточной знати: Müller O. Antigonos Monophthalmos und «Das Jahr der Könige». Bonn, 1973. S. 124–127.

²³¹ По мнению Л. Ханнестада, наследник Зипойта мог сам выбрать себе имя при вступлении на престол: Hannestad L. «This Contributes in No Small Way...». P. 74.

²³² Ср.: Ibid.; Kobes J. «Kleine Könige». S. 84. Высказывание о том, что в Вифинии утвердилось «филэллинская династия Зипойта» (Boffo L. I re ellenistici e i centri religiosi dell' Asia Minore. Firenze, 1985. P. 16), представляется некорректным: действия самого Зипойта не имели ничего общего с филэллинизмом.

сам торговли и экономического развития²³³ страны и резко контрастирует с политикой его современников, первых правителей Понта и Каппадокии. Нам ничего не известно о его супруге, но вряд ли можно сомневаться в том, что она происходила из среды местной азиатской знати и не принадлежала к кругу греко-македонских царских фамилий. Династические связи с другими правящими домами в конце IV — первой половине III в. еще не вошли в арсенал средств внешней политики вифинских правителей, направленных на повышение авторитета династии.

В годы правления Зипойта Вифиния проходила через период внутренней и внешней консолидации и находилась примерно в том же положении, что и соседние складывающиеся анатолийские государства — Понт, Каппадокия, Пергам. Уже в ходе достаточно длительного отрезка предыдущего исторического развития малоазиатского региона в целом здесь была подготовлена почва для создания государств как чисто греческого типа, так и со смешанным населением и культурой или даже с преобладанием негреческих элементов²³⁴. Политика Зипойта явно направляла дальнейшее развитие Вифинии по третьему пути, оставлявшему меньше возможностей на ее быструю интеграцию в систему эллинистических государств. Его курс в течение определенного времени был жизненно необходим для страны и привел к утверждению ее самостоятельности, но он должен был вскоре исчерпать себя, поскольку перестал способствовать органичному развитию вифинского общества в новых условиях, когда особую актуальность приобретали вопросы развития экономики, торговли, филэлинской политики. Действия Зипойта решили только военные задачи, стоявшие перед Вифинией, и оценка, данная ему Мемноном: «Прославившийся в войнах» (*ἀσπρὸς ἐν πολέμοις*) (F. 12, 5), вполне справедлива. Но его политические мероприятия были изначально ограничены грузом многовекового соперничества вифинцев с эллинами и едва ли могли обеспечить окончательное закрепление достигнутых ре-

²³³ Замечание Эд. Мейера об участии вифинцев уже в этот период в «мировой торговле» (*Welthandel*) (*Meyer Ed. Bithynia. Sp. 516*) выглядит необоснованным.

²³⁴ Пельман Р. Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1910. С. 297. Это мнение кажется гораздо более точным, нежели предельно общее указание на то, что анатолийцы будто бы не проявили враждебности к эллинизму (*Eddy S. K. The King is Dead. P. 163*).

зультатов: так, своему преемнику Никомеду Зипойт оставил очень сложную ситуацию как в международном, так и во внутригосударственном отношении²³⁵.

Первый вифинский царь успешно противостоял натиску диадохов, мобилизуя, вероятно, для этого все ресурсы своей страны. В 280 г. с его смертью, заканчивается важный этап в развитии вифинской внешней политики — этап чисто силовых взаимоотношений с соседями. Борьба за раздел империи Александра уже завершилась оформлением важнейших эллинистических держав; последние диадохи покинули историческую арену²³⁶. Эти процессы, общие для всего Восточного Средиземноморья, своеобразно переломились в истории Вифинского царства: Зипойт, ровесник Александра Великого, современник и противник наиболее могущественных диадохов, передал власть своему старшему сыну Никомеду — политику, по-иному воспринимавшему требования времени. Карьера Никомеда I ярко иллюстрирует тот факт, что в начале «периода эпигонов» наблюдались как преемственность, так и разрыв с прежними традициями внешней политики²³⁷: его государственная деятельность стала во многом принципиально новым для страны явлением.

²³⁵ Трудно принять взгляд Р. Биллоуза, будто Зипойт завещал Никомеду пребывавшее в безопасности независимое царство (*Billows R. A. Kings and Colonists*. P. 106).

²³⁶ Шофман А. С. Распад империи... С. 32, 133.

²³⁷ Жигунин В. Д. Международная политика... С. 128.

РАСЦВЕТ ВИФИНСКОГО ЦАРСТВА

§1. Утверждение Вифинского царства на международной арене при Никоমেде I и Зизле¹

Начальный период правления Никомеда I (280 — ок. 255) был временем чрезвычайно опасной для Вифинии внутренней и внешней нестабильности. Резко обострились ее отношения с Селевкидами: сын Селевка Никатора Антиох I, упрочив внутренние и внешние позиции своего царства, решил выступить против Вифинии, дабы отомстить за гибель разгромленной Зипойтом экспедиции Гермогена (Метп., F. 9, 1–3). Антиох прилагал усилия к тому, чтобы восстановить свое господство в западной части Малой Азии, а также претендовал на захват Фракии и Македонии. Не менее опасной по возможным последствиям была и внутридинастическая распря между Никомедом и его братом Зипойтом Вифиниом (F. 9, 5; 12, 6), угрожавшая территориальной целостности страны и усугубившая внешнеполитический кризис.

Ситуация требовала от Никомеда быстрых и решительных действий, и они были предприняты. Дальнейший ход событий показал, что политика Никомеда сохранила прежнюю направленность на выживание Вифинского государства, однако осуществляемые им меры, в отличие от деятельности его предшественников, основывались на умелом комбинировании военных и дипломатических методов.

Это отчасти могло быть вызвано общим воздействием меняющейся международной обстановки. Дипломатия приобретает особенно большое значение после 280 г. — в период определенной стабилизации контактов между молодыми эллинистическими государствами². В это время в политике независимых греческих по-

¹ Часть раздела о правлении Зизла написана совместно с А. С. Балаханцевым.

² Жигунин В. Д. *Международная политика...* С. 130.

лисов наблюдается стремление к сближению, что проявляется в заключении многосторонних договоров, оформлении союзов, оказании взаимной помощи и т. д.³ В свою очередь, малые эллинистические монархии Анатолии — Вифиния, Понт, Пергам — нередко присоединялись к такого рода коалициям, преследуя, однако, собственные цели в отношении своих союзников. В данных условиях возрастает значимость хозяйственных факторов, оказывающих воздействие на межгосударственные отношения: создание политических союзов, как правило, либо уже имело под собой определенную торгово-экономическую основу, либо вело к активизации подобных связей между участниками договора. Деятельность Никомеда четко вписывается в эту канву.

События 280–276 гг. — один из наиболее сложных и неясных эпизодов в истории Вифинского царства. Основной (точнее, практически единственный) источник, Мемнон, к сожалению, излагает их противоречиво и запутанно⁴, что затрудняет выявление всех нюансов сложившейся ситуации. Тем не менее представляется возможным по-новому осветить некоторые моменты политической истории Вифинии этого времени, связанные прежде всего с ее участием в совместной с греческими полисами Понта и Пропонтиды борьбе против селевкидской экспансии.

Инициатором формирования коалиции свободных эллинистических полисов и эллинистических монархов для противодействия сирийским царям, получившей в историографии название «Северная лига»⁵, выступили гераклеоты, опасавшиеся начала войны с Селевком. В 280 г. они отправили послов к византийцам, калхедонянам и Митридату, царю Понта (Метп., F. 7, 2). Вифиния по очевидным причинам в числе их потенциальных союзников не значилась: ведь там еще правил последовательный противник эллинов Зипойт. После смерти Зипойта его старший сын и наследник Никомед, видимо, сам предпринял первые шаги к примирению с греками, отправив в Гераклею послов с целью заключения союза (F. 9, 3)⁶.

³ Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 124–125.

⁴ Искажения текста могли быть допущены при сокращении хроники патриархом Фотием. Наиболее серьезное из них — дублирование изложения событий во фрагментах 9, 3 и 10, 1–2.

⁵ Наиболее подробно о сущности этого объединения см.: *Bittner A. Gesellschaft und Wirtschaft...* S. 63–65.

⁶ Никакие трения между гераклеотами и Никомедом (*Niese B. Die Geschichte...* Bd. II. S. 75; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская...

Герacleоты, несмотря на кратковременное улучшение отношений с Антиохом, все же не могли считать свою безопасность гарантированной от его притязаний, особенно в случае неминуемого поражения Вифинии, оставшейся один на один с грозным врагом⁷. Таким образом, Вифиния тоже была принята в лигу.

Главным фактором, приведшим в эту симмахию столь разнообразные политические силы (греческие полисы, вифинского царя, на короткое время — Птолемея Керавна, Антигона Гоната и Митридата Понтийского)⁸, была необходимость борьбы с агрессивными притязаниями Селевкидов. Именно эта угроза могла привлечь к участию в коалиции и тех малоазийских правителей, чья позиция обычно расценивается современными исследователями как не вполне ясная. Так, интересен вопрос об отношении к лиге со стороны Ариарамна Каппадокийского⁹. Те исследовате-

С. 130) в источниках не прослеживаются: кажется наиболее вероятным, что последний решил нормализовать отношения с греками сразу же по воцарении. Это вполне согласуется с утвердившимся в эллинистическом мире принципом международного права: после смерти какого-либо царя все заключенные им договоры и условия межгосударственного status quo должны были быть или подтверждены, или пересмотрены его преемником (Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 71). Некоторые исследователи по непонятным причинам считают, что Вифиния присоединилась к Северной лиге еще при Зипойте (Максимова М. И. Античные города... С. 175; Пальцева Л. А. Херсонес и понтийские цари // Античный полис. Л., 1979. С. 73; Молев Е. А. Властитель Понта. С. 10).

⁷ Schneiderwirth H. Das Pontische Herakleia. S. 6–7; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 130.

⁸ С. Ю. Сапрыкин аргументирует мнение, что Митридат I входил в состав лиги, но совсем недолго (Понтийское царство. С. 44–48). Существует лишь единственное свидетельство даже не о совместных, а об односторонних действиях Понта и участников симмахии: разгром птолемеевского морского десанта совместными силами Митридата и Ариобарзана Понтийских и галатов (Steph. Byz., s. v. *Aυκιρα = Apoll. Aphr., FGrH, 740, F. 14). Традиционная датировка его — ок. 274–271 гг. (Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 254–256), попытка С. Ю. Сапрыкина отнести данный эпизод ко времени после 250 г. (Понтийское царство. С. 54–59) совершенно неубедительна.

⁹ Когда именно Ариарамн сменил на каппадокийском престоле своего отца Ариарата II, остается неясным. Обычно период его правления отсчитывают от ок. 280 до ок. 230 г. (Simonetta B. The Coins of the Cappadocian Kings. P. 16).

ли, которые при отсутствии информации источников высказывают предположения о возможном участии Ариарамна в конфликте, считают его, как и Филетера Пергамского, союзником сирийского царя¹⁰ — вероятно, на основании фразы Мемнона о том, что Антиоха поддерживали «многие другие» (F. 10, 1).

Между тем против этого может свидетельствовать сообщение о поражении в Каппадокии стратега Селевка Диодора (Trog., Proleg., 17: Ut Seleucus amissis in Cappadocia cum Diodoro coriis interfectus est ab Ptolomaeo). Современные историки практически едины во мнении, что здесь подразумевается победа, которую одержал над селевкидским полководцем Митридат Ктист¹¹. Кажется довольно странным, что никто до сих пор не пытался рассмотреть, не мог ли оказаться этим победителем Ариарат II Каппадокийский или его сын и наследник Ариарамн, если он к тому времени уже взошел на престол. Доподлинно известно, что Ариарат II с помощью армянского царя одержал победу над стратегом Селевка Аминтой, изгнав македонян из страны (Diod., XXXI, 19, 5) — как показал М. Шоттки, ок. 281 г.¹² и поход Диодора мог быть попыткой Никатора вернуть утраченное. Поскольку Трог помещает экспедицию Диодора после гибели Лисимаха, то победа Ариарата над Аминтой предшествовала ей. Поэтому сложно представить, как Селевк сумел бы предпринять военную акцию в Понте, уже лишившись хотя бы относительно надежного плац-

¹⁰ Niese B. Geschichte... Bd. II. S. 76; Жигунин В. Д. Международные отношения... С. 60; Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 205.

¹¹ Magie D. Op. cit. Vol. II. P. 1087. Note 6; Heinen H. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhundert v. Chr. Wiesbaden, 1972. S. 38–40; Mehl A. Seleukos Nikator... S. 294. Anm. 27; S. 309–310; Bittner A. Gesellschaft und Wirtschaft... S. 66; Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 209–210. Б. Макгинг допускает теоретическую возможность того, что эту победу мог одержать Зипойт (McGing B. The Foreign Policy... P. 17. Note 27), а Й. Кобес приписывает ее Северной лиге в целом (Kobes J. «Kleine Könige». S. 170).

¹² Schottky M. Media Atropatena und Gross-Amenien in hellenistischer Zeit. Bonn, 1989. S. 93–94. Раньше считалось, что это произошло в 260-е гг. (Beloch K. J. Griechische Geschichte... Bd. IV¹. S. 671; Bengtson H. Die Strategie in der Hellenistischen Zeit. Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht. München, 1943. Bd. II. S. 77); почему-то к этой точке зрения вернулся К. Штробель (Die Galater. Geschichte... S. 210).

Бронзовая монета Никомеда I
(прорисовка)

Бронзовая монета Ариарамна
Каппадокийского

дарма в Великой Каппадокии¹³. Наконец, локализации сражения в Понтийской Каппадокии препятствует то, что ни Юстин, ни эпитоматор Трога ни разу не употребляют название «Каппадокия» применительно к Понту. Если эти предположения обоснованны, то столь резкая смена курса Ариарамна на проселевкидский спустя очень короткое время после двух побед каппадокийцев над войсками Селевка выглядит крайне странно.

Не исключено также, что каппадокийский правитель поддерживал какие-то отношения с вифинским царем. Известны стилистически близкие типы бронзовых монет Никомеда и Ариарамна: один — с изображением скачущего вправо всадника с копьем, а другие — с обращенной вправо скачущей, спокойно идущей или стоящей лошадью¹⁴. Высказанное, видимо, исходя из общих соображений мнение, что символы этих монет (прежде всего, с конником) могли быть восприняты под македонским влиянием¹⁵ едва ли убедительно. Во-первых, в первые десятилетия III в. малоазийские монархи еще не имели весомых политико-правовых обоснований для сопоставления себя с македонскими властителями — скорее, наоборот, они должны были противопоставлять себя им. Во-вторых, символика македонских монет с изображением всадника, как

¹³ При жизни Селевка для его войск был бы проблематичным доступ к владениям понтийского царя и через территории, подвластные гераклеотам (прежде всего, Мариандинию), ввиду того, что отношения с ними оставались неурегулированными. Селевкидские войска могли получить свободу действия в этом регионе после заключения союза с Гераклеей, заключенного Гермогеном (Метп., F. 9, 1–2).

¹⁴ Reinach Th. Numismatique ancienne... № 4, 4b; P. 230–231 = Recueil. № 5–7; Simonetta B. The Coins of the Cappadocian Kings. P. 16–17. К сожалению, качество их исполнения и степень сохранности оставляют желать много лучшего.

¹⁵ Сапрыкин С. Ю. [Рец.]: Молев Е. А. Боспор в период эллинизма. Н. Новгород, 1994 // ВДИ. 1996. № 4. С. 220.

было убедительно доказано, отражает в основном реалии повседневной жизни македонской аристократии — в большинстве своем офицеров-кавалеристов¹⁶ — и потому не несет какой-то особой смысловой нагрузки политического плана. Сходные монеты Никомеда и Ариарамна могли быть выпущены примерно в одно время — именно в начале 270-х гг. На это, в частности, указывают буквы ΣΩ (ΣΩΤΗΡΙΑ?) на монетах Никомеда со всадником, обозначающие избавление от какой-то опасности, а иных значительных военных конфликтов, кроме анализируемого здесь, за длительное правление Никомеда не зафиксировано¹⁷. Ариарат же, вероятно, чеканил подобные монеты на всем протяжении своего долгого правления. Следовательно, Вифиния и Каппадокия могли поддерживать дружественные отношения и в начале 270-х гг., хотя невозможно сказать, как именно они могли проявиться в борьбе против Антиоха I.

Что же касается участия в симмахии Никомеда, то он имел собственные планы, определявшиеся спецификой его положения: использовать военно-морской потенциал Византия и Гераклея¹⁸,

¹⁶ Picard O. Numismatique et iconographie: le cavalier macédonien // BCH. Suppl. XIV. Iconographie classique et identités régionales. Paris, 1986. P. 67–76.

¹⁷ Кажется закономерным, что в начале своего правления Никомед мог чеканить только бронзу, а затем, уже после укрепления политических и экономических позиций царства, он наладил и выпуск серебряных тетрадрахм. См. прим. 86 данной главы об изображениях Ареса и Бендиды на монетах Никомеда как «военных символах»; тем не менее фигура всадника в отличие от них могла отождествляться с конкретным событием — войной против Антиоха.

¹⁸ Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 28. Предоставленные гераклеотами Никомеду тринадцать триер помогли ему избежать опасности, исходившей от флота Антиоха (Мемп., F. 10, 2). Но Вифиния, видимо, уже имела и свой флот: корабли гераклеотов царь присоединил к «остальным» (λοιπόν) (Ibid.), а вскоре он сумел переправить через Босфор галатов (хотя здесь могли быть задействованы корабли союзников). Оказанную Вифинии помощь не следует преувеличивать: Мемнон явно отступает от объективности, подчеркивая значение боевых действий на море, в которых активно участвовали граждане Гераклеи (Vitucci S. Il regno di Bitinia. P. 24–25; Жигунин В. Д. Международная политика... С. 24). Поддержка, оказанная гераклеотами Птолемею Керавну в борьбе против Антигона Гоната (Мемп., F. 8, 4–6), а в дальнейшем — византийцам (Мемп., F. 15), была гораздо более весомой.

а также заручиться помощью союзников в возможной борьбе со своим младшим братом Зипойтом II, закрепившимся в Финийской Фракии¹⁹, в чем были кровно заинтересованы и сами гераклеоты.

Заключив договор с Никомедом (279 г.), гераклеоты вернули себе Тиос, Киер и Финийскую область, истратив на это много денег (Метн., F. 9, 4). Вероятно, возвращение за выкуп отнятых Зипойтом I у Гераклеи территорий было одним из принципиальных условий дальнейших согласованных действий²⁰. Вследствие этого совместные предприятия Вифинии и гераклеотов оказались под угрозой из-за вполне предсказуемого, но от этого не менее опасного происшествия — мятежа Зипойта Вифина. Связанные с ним события в основном анализируются историками во внешнеполитическом аспекте, без каких-либо попыток вскрыть их подоплеку, связанную с особенностями внутренней ситуации в стране. Данные источников, кажется, все же позволяют выдвинуть гипотезы, увязывающие воедино ход внутрдинастической борьбы в Вифинии с ее международной политикой в 280–276 гг. Наибо-

¹⁹ Скорее всего, Зипойт был правителем этой области (Schneiderwirth H. Das Pontische Herakleia. S. 5; Habicht Ch. Zipoites (1). Sp. 456; Cauger J. D. Bithynien // Kleines Wörterbuch des Hellenismus / Hrsg v. H. H. Schmitt und E. Vogt. Wiesbaden, 1988. S. 102) и, возможно, был назначен на эту должность отцом (Kobes J. «Kleine Könige». S. 117–118) на правах, сходных со статусом фракийских парадинастов; см. аргументацию и обзор мнений: Габелко О. А. Некоторые особенности царской власти в Вифинии (К проблеме взаимодействия фракийских и общеэллинистических традиций) // ВДИ. 1995. № 3. С. 165. Не исключено, что еще один брат Никомеда по имени Мукапорис имел какие-то владения в районе Боспора (Dion. Byz., 46); см.: Габелко О. А. Дионисий Византийский... С. 37–38. Какие-то раздоры между Никомедом и Зипойтом II, возможно, уже имели место (Habicht Ch. Loc. cit.), но открытый разрыв, вылившийся в вооруженный конфликт, произошел несколько позже — вследствие отказа правителя Финийской области выполнить распоряжение царя о передаче его владений гераклеотам.

²⁰ SVA III. № 465. Мнение о том, что Киер и Тиос до перехода к Гераклею не принадлежали Вифинии, а были подвластны каким-то местным правителям, подобным Эвмену в Амастрии (Corradi G. Studi ellenistici. Torino, 1927. P. 112; Burstein S. M. Outpost of Hellenism. P. 144. Note 58), не подтверждается сообщениями источников.

лее существенными элементами последней представляются связи Никомеда с другими членами Северной лиги и галатами, позволившие ему успешно отразить нападение Антиоха.

Выступление Зипойта, добивавшегося или создания собственного княжества в пределах Финийской области²¹ или даже царской власти во всей Вифинии²² было поддержано тем населением, которое не желало переходить в подчинение гераклеотам по условиям договора. Это и привело к столкновению Зипойта с греками: сначала ему удалось взять в нем верх, но после того как к его противникам подошла союзная помощь (*συνμαχίδος δὲ διυάμεως τοῖς Ἡρακλεώταις ἐπελούσης*)²³, мятежный вифинский принц был разбит, а граждане Гераклеи стали господами всего того, из-за чего шла война (Мемп., F. 9, 5), т. е. Финийской Фракии.

Поскольку о возвращении Кьера, Тиоса и Финийской области говорится как о одновременном действии (*ὑπὸ δὲ τοῖς αὐτοῖς χρόνοις*), следует предположить, что между юридическим (F. 9, 4) и фактическим (F. 9, 5) установлением власти гераклеотов над спорными территориями прошло не слишком много времени. Нанесенное Зипойту поражение можно датировать тем же 279 или началом 278 г.²⁴, а связывать его с окончательным разгромом правителя Финийской Фракии и его гибелью после перехода галатов

²¹ Мемнон характеризует вифинского принца как *ὄς τῆς Θυμιακῆς ἐπιρχῆς Φρακίης* (F. 9, 5), ничего не говоря о его господстве над Кьером и Тиосом. На этом основании выглядит неприемлемым мнение о включении указанных городов в состав владений Зипойта (Ceylan F. *Nikomedes* (3) // RE. 1936. Bd. XVII. Sp. 493; Дзягузова В. П. Мемнон. О Гераклее. Комментарии. С. 109–110; Леви Е. И. Гераклея Понтийская. С. 92; Моисеева Т. А. Переселение кельтов... С. 75), которые в таком случае охватывали бы почти всю территорию царства. Столь же неточно локализовать домен Зипойта поблизости от Боспора (Stahelin F. *Geschichte...* S. 13; Tarn W. W. *The New Hellenistic Kingdoms* // САН¹. Vol. VIII. 1928. P. 100): Никомед, как станет видно в дальнейшем, пользовался в районе пролива достаточной свободой действий.

²² *Habicht Ch. Zipoites* (1). Sp. 456.

²³ Это могли быть как контингенты союзных полисов, так и войска самого Никомеда (Леви Е. И. Гераклея Понтийская. С. 88; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 131. Прим. 14).

²⁴ *Habicht Ch. Zipoites* (2) // RE. 1972. Bd. 10a. Sp. 457.

в Азию (278/7 г.)²⁵ невозможно ввиду неустранимых хронологических несообразностей²⁶.

Что же касается Киера и Тиоса, то относительно их статуса у исследователей нет единой точки зрения. Одни историки полагают, что их присоединение к Гераклее состоялось не в 279 г., а позже — уже после смерти Зипойта Вифина²⁷. По мнению других ученых, эти города сумели воспользоваться царившей в Вифинии неразберихой и вошли в симмахию как равноправные участники, связанные с Гераклеей договором о союзе, на что указывает их упоминание в соглашении Никомеда с галатами; лишь позднее власть гераклеотов над Киером и Тиосом упрочилась²⁸. Наконец, существует предположение, что Киер и Тиос были действительно выкуплены гераклеотами у Никомеда и оставались подчинен-

²⁵ Nolte E. De rebus gestis... P. 27; Дзагурова В. П. Мемнон. О Гераклее. Комментарий. С. 297. Прим. 1; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 51; Strobel K. Die Galater im hellenistischen Kleinasien. S. 117 (К. Штробель в дальнейшем пересмотрел свою точку зрения; см. прим. 63); Kobes J. «Kleine Könige». S. 84.

²⁶ Действительно, в этом случае было бы необходимо признать, что Мемнон (или, что более вероятно, Фотий при сокращении его текста) допустил дублирование изложения событий не только во фрагментах 9, 3 и 10, 1–2, но также и во фрагментах 9, 5 и 11, 5. Однако если в первом случае это практически не нарушает логики повествования (Никомед заключает союз с гераклеотами, возвращает им за выкуп их прежние владения и использует их флот), то во втором дело обстоит иначе. Переправа галатов через Боспор и начало их борьбы с Зипойтом должны почти совпасть по времени с передачей Гераклее ее бывших владений и, таким образом, оказываются практически синхронными началу войны между Антигоном Гонатом и Антиохом I, которое, по общему мнению, датируется концом 280 — началом 279 г. (Will É. Histoire politique... Т. I. P. 142–143; Buraselis K. Das Hellenistische Makedonien... S. 110–112, 152–154; Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 205. Anm. 202), что явно нереально.

²⁷ Jones A. H. M. The Cities... P. 419–420. Note 6; Дзагурова В. П. Гераклея Понтийская... С. 109–110; Она же. Мемнон. О Гераклее. Комментарий. С. 297. Прим. 1.

²⁸ Ruge O. Tiejon. Sp. 858; Dörner F. K. Prusias (Stadt) // RE. 1957. Bd. XXIII. 1. Sp. 1135; Burstein S. Outpost of Hellenism. P. 143. Note 35; P. 144. Note 58; Robert L. A travers l'Asie Mineure. P. 61; Сапрыкин С. Ю. Северная лига: международные отношения в южном Причерноморье в период раннего эллинизма // ПЭЭ. С. 53; Она же. Понтийское царство. С. 51; Die Inschriften von Prusias ad Hyprium / IK. Bd. 27. Hrsg. v. W. Ameling. Bonn, 1985. S. 3.

ными им²⁹. На мой взгляд, наиболее вероятным является последний вариант реконструкции событий, но с учетом корректив, которые будут внесены ниже.

Возвращаясь к рассмотрению династической смуты в Вифинии, уместно привести высказывание Х. Хабихта о том, что конфликт Никомеда и Зипойта был многоаспектным явлением. Его нужно рассматривать и как проявление соперничества за вифинский престол, и в связи с территориальными притязаниями Гераклеи, а также как отголосок борьбы эллинистических держав между собой³⁰. Несомненно также его увязка с формированием основ филиэллинской политики Никомеда. Для достижения своих целей вифинский царь пошел на заключение обязывающих соглашений с эллинами, отказавшись от прежней вражды и, насколько можно судить по данным источников, прилагая все силы для соблюдения интересов партнеров. Именно такие действия помогли ему одержать победу над соперником. Но в 279 г. кризис не разрешился окончательно: как можно заключить из контекста рассказа Мемнона и сообщения Ливия (*Liv.*, XXXVIII, 2, 19), после потери Финийской Фракии Зипойт продолжал борьбу³¹, и его поддержи-

²⁹ Беккер П. Опыт объяснения неизданной монеты, относящейся к вифинскому городу Тию. Одесса, 1852. С. 12; Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. III. С. 99; Niese B. Die Geschichte... Bd. II. S. 75; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 22; Habicht Ch. Zipoites (2). Sp. 456; Bittner A. Gesellschaft und Wirtschaft... S. 80.

³⁰ Habicht Ch. Zipoites (2). Sp. 458. О возможности союза между Зипойтом II и Антиохом: Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. II. С. 374; Niese B. Die Geschichte... Bd. II. S. 76; Corradi G. Studi ellenistici. P. 114; Жигунин В. Д. Международные отношения... С. 60; Strobel K. Die Galater im hellenistischen Kleinasien. S. 115; Idem. Die Galater. Geschichte... S. 213; Ellis P. B. Celt and Greek. P. 113; более сдержанно: Grainger J. D. Seleukos Nikator. P. 103; против: Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 22. Если верна предлагаемая далее интерпретация событий, согласно которой после первого поражения Зипойт бежал на восток, в долину Сангария, тогда как Никомед вел наступление со стороны Боспора (см. далее, с. 185), то появляются дополнительные аргументы в пользу последней точки зрения. Антиох продвигался на Вифинию с юга и юго-востока, но, судя по всему, не оказал Зипойту никакой поддержки; очевидно, союза между ними не существовало.

³¹ Niese B. Die Geschichte... Bd. II. S. 76. Возможно, гражданская война в Вифинии продолжалась в течение всего 278 г. (Launey M. Études d'histoire hellénistique. I. Un épisode oublié de l'invasion galate en Asie Mineure (278/7 av. J.-C.) // REA. T. XLVI. 1944. № 3–4. P. 232).

вала немалая часть населения Вифинии, против которой Никомед и направил вскоре первый удар галатов (Метп., F. 11, 5). Указание на то, что Никомед даже был изгнан из Вифинии Зипойтом³², воспринимается как крайность, но не подлежит сомнению тот остающийся не вполне понятным факт, что Никомед I — законный царь, старший из сыновей Зипойта I, энергичный воин и дипломат, явно чем-то настроил против себя значительную часть своих подданных. Каковы могут быть причины этого?

В источниках не содержится прямого ответа на данный вопрос, но наиболее обоснованным кажется следующее объяснение. Взятый Никомедом курс на союз с греками, поддерживаемый даже ценой компромиссов и территориальных уступок, был крайне непопулярен среди вифинцев, не приемлющих филэллинской ориентации своего царя³³. Действия Никомеда явно противоречили общественному мнению вифинцев, издавна отличавшихся враждебностью к эллинам и воспитанных на победах Зипойта I. В сложных обстоятельствах начала 70-х гг. III в. естественным продолжателем дела первого вифинского царя населению страны (особенно Финийской области) казался вовсе не Никомед, а его младший брат³⁴. То, что вифинское общество столь болезненно восприняло резкий поворот в политике своего царя, поставило государство на грань краха в условиях продолжающейся войны с Антиохом.

Первые столкновения вифинцев с сирийским царем произошли, видимо, уже в 279 г., еще до того, как Антиох выступил непосредственно против союзника Никомеда Антиоха Гоната (Метп., F. 10)³⁵. Боевые действия велись как на море, так и на суше³⁶; о ходе последних ничего не известно, однако трудно предположить, чтобы

³² Bouché-Leclercq A. Histoire des Séleucides (323–64 avant J.-C.). Paris, 1913. T. I. P. 62.

³³ Габелко О. Л. Этнический и социальный аспекты психологии вифинского общества в эллинистическую эпоху (Попытка реконструкции) // Социальные структуры и социальная психология античного мира. Доклады конференции. М., 1993. С. 62.

³⁴ Ср. с удачным замечанием Дж. Витуччи: Зипойт Вифин «...заболел только о том, чтобы расширить свои владения за счет Гераклеи» (Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 21–22).

³⁵ Анализ крайне запутанных сообщений о войне Антигона и Антиоха см. в работе: Buraselis K. Das Hellenistische Makedonien... S. 110–119.

³⁶ Corradi G. Studi ellenistici. P. 117–118; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 24–25; Сапрыкин С. Ю. Северная лига. С. 53.

ослабленная внутренними раздорами Вифиния могла в течение долгого времени успешно противостоять натиску превосходящих сил противника. Декрет из Илиона в честь Антиоха I (OGIS 219)³⁷ подчеркивает достижения Селевкида: ...τὰ πράγματα καὶ τῆν βασιλείαν εἰς μείζω καὶ λαττοτέραυ διάθεσιν ἀγγύουχε (сткк. 14–15), и за этой фразой с равным основанием можно видеть успехи Антиоха как против Антигона, так и против его вифинского партнера³⁸. Положение Никомеда особенно осложнилось после заключения мира между Гонатом и сирийским царем (первая половина 278 г.): этот договор лишил Северную лигу могущественного союзника³⁹, а сам вифинский царь и его греческие партнеры не были включены в соглашение⁴⁰.

Чрезвычайно важным источником, отчасти проливающим свет на внутривифинскую ситуацию в Вифинии в этот критический момент ее истории, является так называемый «оракул Фаэннис», содержание которого передано позднееримским историком Зосимом (II, 36–37). Поскольку содержащаяся в нем информация совсем не часто становилась объектом специального исследования (которого она, безусловно, заслуживает), имеет смысл остановиться на этом интереснейшем сообщении отдельно.

В науке уже давно высказывалось мнение, что это «пророчество» представляет собой типичный пример *vaticinatio post eventum* и иносказательно повествует о событиях, связанных с переходом

³⁷ См. также: Die Inschriften von Iliou. № 34. Относительно датировки илионского декрета существуют различные мнения (*Habicht Ch. Gottmenschentum und Griechische Städte. S. 84; Orth W. Königlicher Machtanspruch... S. 61–70*), но в качестве хронологических реперов наиболее вероятным кажется период 278–274 гг.; см.: *Jones C. P. The Decree of Iliou in Honor of a King Antiochus // GRBS. Vol. 34. 1993. № 1. P. 92*. Следует отметить, что появление в Азии галатов, дотоле малоизвестных грекам врагов, заслуживало бы отдельного упоминания; коль скоро оно не было сделано, то возможно датировать документ временем до перехода кельтов в Азию. Дж. Ма считает более вероятным отнесение декрета ко времени правления Антиоха III, но подчеркивает, что полной уверенности в этом быть не может (*Ma J. Antiochos III and the Cities of Western Asia Minor. Oxford, 1999. P. 254–259*).

³⁸ *Buraselis K. Das Hellenistische Makedonien... S. 113*.

³⁹ Заключение мира между Антигоном и Антиохом положило предел всем амбициям Гоната в Азии (*Ibid. S. 119*).

⁴⁰ *Niese B. Die Geschichte... Bd. II. S. 77; Geyer F. Nikomedes (2). Sp. 493*.

в Азию галатов⁴¹. Замечание Зосима о том, что оракул будто бы получил Никомед, когда он начал войну против своего отца Пруссия по совету Атгала (II, 36, 2), очевидно, является результатом путаницы с событиями 149 г. до н. э., когда наследник вифинского престола Никомед поднял мятеж против Пруссия II, видимо, получив благоприятное предсказание от святилища Аполлона Дидимского (подробнее см. с. 330 и прим. 114)⁴². В действительности же «пророчество Фазнис»⁴³, как убедительно показал британский ученый Х. В. Парк, было дано Никомеду I калхедонским святилищем Аполлона Хрестерия⁴⁴ «по горячим следам» событий 278/277 г. и в целом весьма достоверно⁴⁵ (хотя, разумеется, эзоповым языком — в полном соответствии с «законами жанра») передает детали сложившейся в Вифинии ситуации.

⁴¹ Впервые эта замечательная догадка была высказана комментатором текста Зосима Л. Мендельсоном: *Zosimi, comitis et exadvocati fisci Historia nova* / Ed. Ludovicus Mendelssohn. Lipsiae, 1887. P. 93.

⁴² *Habicht Ch. Prusias* (2). Sp. 1123–1124.

⁴³ Об этой эфирской пророчице сообщает Павсаний (X, 12, 10), приписывая ей пророчество о переходе галатов в Азию (X, 15, 2–3), которое Х. В. Парк также считает сделанным задним числом (*Parke H. W. Sibyls and Sibylline Prophecy in Classical Antiquity* / Ed. by B. C. McGing. London; New York, 1988. P. 126). Возможно, данное пророчество связано с пергамской пропагандой, где борьба с кельтами занимала одно из ведущих мест (*Strobel K. Keltensieg und Galatersieg* // AMS. Bd. XII. Forschungen in Galatien / Hrsg. v. E. Schwertheim. Bonn, 1994. S. 86–87). Общая тематика двух прорицаний может отчасти объяснить, почему Зосим (или его источник) объединили их в одно.

⁴⁴ *Parke H. W. The Attribution of the Oracles in Zosimus, New History* 2. 37 // CQ. Vol. 32. 1982. P. 443–444. См. нарративные и эпиграфические свидетельства об этом святилище: *Dion. Byz.*, 67; *Lucian.*, *Alex.* 10; SEG IV № 720; SEG XXIV № 1091; Syll.³ 550; см. также: *Parke H. W. The Oracles of Apollo in Asia Minor*. London; Sydney; Dover, 1985. P. 179–180 и более подробно: *Rigsby K. Asyilia. Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley; Los Angeles; London, 1996. P. 164–166. О большом значении оракула Аполлона Хрестерия для Калхедона говорят изображения омпала и треножника на монетах города и важная роль пророка среди его магистратов (*Robert L. A travers l'Asie Mineure*. P. 395. Note 6).

⁴⁵ См., например: *Strobel K. Die Galater. Geschichte...* S. 240. Anm. 388. Впрочем, немецкий исследователь неоправданно, на мой взгляд, пытается найти в тексте следы «вторичного использования» оракула во время конфликта между Прусием II и его сыном.

Основное содержание оракула определяется описанием бедствий, которые постигнут Вифинию после прихода туда вначале «льва», а затем «волка» (II, 37, 1), то есть, очевидно, галатских вождей Леоннория и Лутария, возглавлявших кельтов (Liv., XXXVIII, 16, 2; Memn., F. 11, 3; Strabo, XII, 5, 1). Между двумя этими событиями помещено совершенно недвусмысленное указание на потерю трона «фракийским царем», которому адресовано вещание (т. е. Никомедом I): ἐκ δὲ Ὀρόων πεσέειν. Следует ли это понимать, как предлагает Х. В. Парк, что оракул калхедонского святилища не одобрял замысла Никомеда по привлечению на помощь кельтов?⁴⁶ Такой вариант не исключен, но все же более вероятным кажется иное решение: в пророчестве отражено вполне реальное положение вещей, выразившееся в том, что большая часть вифинцев склонилась на сторону мятежника Зипойта, и Никомед остался фактически лишенным власти.

Тем не менее вифинский царь, проявив недюжинные решительность и предприимчивость, не побоялся нарушить «волю божества» и решил использовать в своих интересах галатов, опустошивших уже к тому времени Македонию, часть Греции и Фракии и подошедших к Боспору Фракийскому. Переход галатов в Азию и его последствия — тема, которая никогда не перестанет интересовать антиковедов. Для цели данного исследования важно рассмотреть две стороны этого события: во-первых, уточнить детали организации и проведения переселения кельтов в Анатолию, характеризующие их взаимоотношения с Никомедом и его греческими союзниками; во-вторых, выяснить сказавшиеся на Вифинии результаты этого мероприятия, в оценке которого расходятся как древние, так и современные историки.

Переправа галлов в Азию представляет собой яркий пример хорошего взаимодействия всех членов Северной лиги. Первым из них с нашествием варваров столкнулся Византий. Его владения

⁴⁶ Parke H. W. The Attribution of the Oracles... P. 444. По мнению историка, граждане Калхедона были встревожены планами вифинского монарха привлечь в Малую Азию кельтов, что могло поставить город под удар варваров. По этой причине калхедонский оракул стремился предостеречь Никомеда от столь рискованных действий и нарисовал мрачную картину его будущего. Х. В. Парк не исключает даже того, что в ходе междоусобной войны в Вифинии калхедоняне склонились к поддержке мятежника Зипойта.

были опустошены, а сам город осажден. Галаты неоднократно пытались переправиться в Азию, но византийцы всякий раз препятствовали этому (Метл., F. 11, 2), вероятно, заботясь о безопасности союзников⁴⁷. Те, в свою очередь, оказали им действенную помощь; в частности, гераклеоты направили осажденным деньги — вероятно, чтобы те могли откупиться от кельтов (F. 11, 1). План Никомеда переправить варваров через Боспор был наиболее радикальным решением проблемы: с Византия была снята осада, а Северная лига получила в свои руки мощное оружие для войны как с Антиохом, так и с Зипойтом⁴⁸.

Переход кельтов под руководством Леоннория (к которым вскоре присоединились и отряды Лутурия, переправившегося через Геллеспонт самостоятельно и подошедшего затем в Вифинию) в Азию состоялся осенью 278/7 г. (Paus., X, 23, 14; Liv., XXXVIII, 16, 4–7; Just., XXV, 2, 8; Suid., s. v. Γαλάται)⁴⁹. Благодаря Мемнону нам известен текст договора Никомеда с галатами: «Никомеду и его потомкам дружески относиться (φιλάφρονεῖν) к варварам, а они без воли Никомеда ни с кем не должны вступать в союз, если кто-либо пошлет к ним послов, но быть друзьями его друзьям и врагами его недругам (εἶναι φίλους μὲν τοῖς φίλοις, πολεμίους δὲ τοῖς οὐ φιλοῦσι); быть в союзе (συνδικεῖν) с византийцами, если когда-либо в этом окажется необходимость, а также с тианийцами, гераклеотами, калхедонянами, киерянами и некоторыми другими, которые управляют какими-либо народами» (F. 11, 2) (пер. В. П. Дзагуровой с уточнениями)⁵⁰.

⁴⁷ Mogaux P. L'établissement des Galates en Asie Mineure // IstMitt. Bd. VII. 1957. P. 69. Note 37.

⁴⁸ Ibid. P. 69; Моисеева Т. А. Переселение кельтов... С. 76; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 131.

⁴⁹ Наиболее тщательный анализ событий: Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 236–252.

⁵⁰ Понимание последнего пункта договора затруднительно. Х. Шмитт полагает, что здесь может идти речь о пафлагонских династиях (SVA III. S. 112). Эта идея была развита К. Штробелем, считающим, что тут подразумеваются пафлагонские династии Гангры, поддерживавшие отношения с кельтами и позднее (Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 213–214). Большинство историков считает возможным говорить о Митридатe I Понтийском (Niese B. Die Geschichte... Bd. II. S. 78. Anm. 1; Meyer Ern. Die Grenzen... S. 116; Tarn W. W. The New Hellenistic Kingdoms. P. 104; McGing B. C. The Foreign Policy... P. 18). О двойственной политике пон-

Значение этого сообщения трудно переоценить, поскольку оно является единственным свидетельством о взаимоотношениях Никомеда и его партнеров с кельтами. Но насколько полной и адекватной является передача всех пунктов договора?

На этот вопрос в науке еще не дано убедительного ответа. В специально посвященной анализу договора статье Т. А. Моисеева высказывается весьма противоречиво. По ее мнению, Мемнон мог лично видеть высеченный на камне текст соглашения либо же он почерпнул его из труда Нимфида или из какого-нибудь другого малоазийского источника. Переданное Мемноном содержание договора является, по мнению исследовательницы, если не прямой цитатой, то весьма близким к оригиналу изложением содержания документа, однако при этом она указывает на далеко не полную передачу текста⁵¹. Другие авторы считают, что для Мемнона источником служил Нимфид, возможный очевидец или даже участник событий, но о достоверности изложения они ничего не говорят⁵².

Мне кажется, что многие детали договора были опущены или искажены как самим Мемноном, так и при сокращении его хроники Фотием⁵³. На это указывает, в частности, анализ терминологии: отношение Никомеда (бесспорно, центральной фигуры в тексте соглашения⁵⁴) с галатами весьма неопределенно описаны как φίλα φρονεῖν — формулой, которая более не встречается в текстах международных договоров греческого мира до 200 г.⁵⁵; в то же время в отношении греческих полисов, выступающих только в роли foederati adscripti, употреблено практически являющееся ter-

тийского царя в отношении лиги см.: Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 133–134.

⁵¹ Моисеева Т. А. Переселение кельтов... С. 72–73.

⁵² Laqueur R. Lokalchronik. Sp. 1099–1100; Desideri P. Studi di storiografia eracleota. I. P. 404; Strobel K. Die Galater im hellenistischen Kleinasien. S. 17.

⁵³ Ср. с мнением С. Митчелла: текст договора был значительно сокращен за счет вводных и заключительных статей, а на использование Мемноном неоригинального источника указывает применяемое им к галатам обозначение βαρβάροι, невозможное в тексте официального документа (Mitchell S. Anatolia. P. 16. Note 34).

⁵⁴ Vitucci C. Il regno di Bitinia. P. 25.

⁵⁵ Противопоставление φίλοι — ἐχθροί было достаточно широко распространено в международно-правовом лексиконе греков (см. терминологические указатели в работах: SVA II; SVA III).

minus technicus слово σιτταχεῖν⁵⁶. Ничего не сказано об обязательствах Никомеда перед галатами, хотя таковые, очевидно, существовали и были выполнены⁵⁷. Порядок, в котором перечислены греческие полисы, лишен всякой логики и не соответствует ни их географическому расположению, ни величине и значению⁵⁸.

Такая трактовка приведенного Мемноном документа — более критическая, чем обычно — позволяет по-иному оценить некоторые аспекты политики Никомеда по отношению к союзным полисам и, в частности, обосновать тезис о подчинении Киера и Тиоса гераклеотам на момент заключения договора с галатами. Вифинский царь был заинтересован в сохранении и укреплении партнерства с греками — с гераклеотами, вероятно, в первую очередь⁵⁹; поэтому он, с одной стороны, стремился обеспечить безопасность греков от возможного нападения галатов⁶⁰, а с другой — был вы-

⁵⁶ Различные формы этого глагола встречаются в 13 договорах (Там же).

⁵⁷ Вифинский царь вооружил галатов и предоставил им всю добычу с усмирённых земель своей страны (Мемн., Ф. 11, 5).

⁵⁸ Беккер П. Опыт объяснения... С. 12–13.

⁵⁹ Гераклеоты совместно с Никомедом и галатами принимали участие в завершающих военных операциях против Зипойта (Мемн. Loc. cit.). По справедливому замечанию А. Биттнер, заключением договора с кельтами вифинский царь преследовал сразу три цели: получить оружие для борьбы с Зипойтом Вифиниом, отстаивать независимость своей страны от Антиоха I и упрочить отношения с наиболее влиятельными греческими полисами региона (Bittner A. Gesellschaft und Wirtschaft... S. 81).

⁶⁰ SVA III. S. 117. По крайней мере один эксцесс между членами Северной лиги и галатами после заключения договора все же произошел: кельтами было разграблено святилище Зевса Урия на азиатском берегу Босфора (Дюп. Вуз., 92). См.: Габелко О. А. Дионисий Византийский... С. 35–36. К. Штробель считает, что это произошло во время войны Родоса и Вифинии против Византия в 220 г., а под галатами здесь имеются в виду кельтские наемники Пруссия I (об участии которых в этом конфликте, впрочем, в источниках вообще не упоминается) (Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 235. Anm. 363); однако контекст сообщения Дионисия — «Galatae populati sunt ut alia pleraque Asiae» — заставляет связывать это событие со временем первых походов кельтов в Анатолии. Сомнения исследователя в аутентичности латинского перевода данного пассажа текста Дионисия П. Жиллиусом малообоснованны: насколько можно судить по переводу в целом, он вполне надежен. Очевидно, именно для предотвращения подобных инцидентов Никомед особо оговорил в договоре с галатскими вождями пункт о безопасности своих греческих союзников (и калхедонян в том числе).

нужден расставить приоритеты в своей политике сообразно с военным и экономическим потенциалом каждого из своих эллинских союзников. Исходя из этого, он должен был включить в договор Киер и Тиос как города, которые входили в непосредственную сферу действий галатов и не должны были терпеть от них никакого ущерба. В то же время для выполнения обязательств перед гераклеотами Никомеду было необходимо содействовать им в сохранении контроля над этими городами. Поэтому кажется вероятным, что Киер и Тиос могли быть включены в соглашение с особыми оговорками, которые отражали их подчинение гераклеотам при сохранении формальной автономии, но были утеряны вследствие неполной передачи текста договора⁶¹.

Еще один важный вопрос касается участия в Северной лиге Киоса. Некоторые исследователи говорят о том, что этот город — колония милетян у Кианийского залива — в это время тоже присоединился к симмахии⁶². Однако отсутствие кианийцев в числе тех, к кому гераклеоты обращались за помощью в 281 г. (Мемн., F. 7, 2) и особенно в договоре с галатами, заставляет усомниться в этом предположении. Киос, не связанный общими происхождением с мегарскими колониями, поддерживающими между собой более тесные контакты, скорее всего, оказался в сфере филэллинской политики царя Вифинии несколько позднее, когда чисто во-

⁶¹ Беккер П. Опыт объяснения... С. 12–13; Niese B. Die Geschichte... Bd. II. S. 75. Можно, конечно, допустить, что Мемнон умолчал об отпадении от Гераклеи Киера и Тиос после их возвращения Никомедом, но в тогдашней ситуации ни одна из действующих в Вифинии сил не была заинтересована в предоставлении киерянам и тианийцам реальной автономии — ни Гераклея, ни Никомед, ни тем более Зипойт. Монеты Тиоса с легендой ΕΛΕΥΘΕΡΙΑ Ο. Ρυγε относит к периоду после 279 г. (Ruge O. *Tieion*. Sp. 858), но более обоснованной кажется датировка 282–281 гг., накануне или сразу после гибели Лисимаха (Recueil. P. 615–616, № 4; Burstein S. M. *Outpost of Hellenism*. P. 144. Note 58), тем более что тианийцы еще в период правления Амастрии в Гераклее проявляли сепаратистские устремления (Strabo, XII, 3, 10). К. Штробель удачно именует Киер и Тиос «die Poleis der herakleotischen hegemoniale Symmachie» (Strobel K. *Die Galater im hellenistischen Kleinasien*. S. 117).

⁶² Tarn W. W. *The New Hellenistic Kingdoms*. P. 98; однако здесь допущена фактическая ошибка (Will É. *Histoire politique...* T. 2. P. 139). Такой же вывод делается на основании упоминания кианийцев в завещании Никомеда (Сапрыкин С. Ю. *Гераклея Понтийская...* С. 130, 138).

енная роль лиги отошла на второй план. Пока же он мог входить в круг городов, сочувствовавших лиге⁶³.

Вмешательство галатов позволило Никомеду покончить с Зипойтом и полностью подчинить всю территорию страны (Метп., F. 11, 5; Liv., XXXVIII, 2, 19). Рассказ Мемнона тем не менее оставляет возможность для различных интерпретаций. Некоторые ученые считают, что за фразой источника: Νικομήδης δὲ κατὰ Βιθυνῶν πρῶτον... τοῖς βαρβάροις ἐξοπλίσας, τῆς τε χώρας ἐκράτησε καὶ τοὺς ἐνοικοῦντας κατέκοψε, стоит указание на какие-то боевые действия в Финийской области⁶⁴, но она, кажется, к этому времени уже была полностью подчинена гераклеотами⁶⁵. По мнению П. Моро, удар галатов был направлен против населения тех районов Вифинии, которые были захвачены Антиохом⁶⁶, однако в этом случае остается непонятным упоминание об истреблении жителей этих областей (а предполагать массовый переход вифинцев на сторону Селевкида едва ли возможно). Более вероятным выглядит следующий вариант развития событий: после поражения, понесенного в Финийской Фракии, Зипойт бежал в коренные вифинские земли (долину Сангария?), где получил поддержку недоброжелательного Никомедом населения, тогда как царь использовал в качестве опорных пунктов западные районы страны, где он мог в полной мере пользоваться помощью партнеров по Северной лиге.

⁶³ Высказывалось мнение, что прямо или косвенно поддерживать Северную лигу могли полисы, которые продолжали чеканить статеры лисимаховского типа после гибели фракийского царя. Помимо участников симмахии Калхедона и Византия наряду с Киосом в их число входили Кизик, Парион, Энос, Лисимахия (Mehl A. Seleukos Nikator... S. 310–311). Однако эта мера могла быть вызвана соображениями не политического, а экономического порядка. Кизик же почти наверняка поддерживал Антиоха (см. подробнее прим. 83).

⁶⁴ Stahelin F. Die Geschichte... S. 6; Strobel K. Die Galater im hellenistischen Kleinasien. S. 117.

⁶⁵ К. Штробель, скорректировав свою прежнюю точку зрения (см. предыдущее прим.), предположил, что война между гераклеотами и Зипойтом ранее велась лишь за восточную часть Финийской Фракии, до р. Калет, якобы принадлежавшую гераклеотам ранее (Die Galater. Geschichte... S. 194. Anm. 152; S. 213, 243), но это не подтверждается источниками. Крайне сомнительно, чтобы борьба за совсем небольшую область заняла часть 279, весь 278 и, возможно, часть 277 г.

⁶⁶ Moraux P. L'établissement... P. 71.

Эта вторая стадия гражданской войны в Вифинии отличалась, судя по всему, особым ожесточением, коль скоро Никомеду пришлось прибегнуть к суровым репрессиям против своих подданных⁶⁷. Исход ее в течение долгого времени оставался, очевидно, совершенно неясным⁶⁸. Вероятно, именно в ходе этих событий Никомед и был фактически лишен трона, что и заставило его обратиться к калхедонскому святилищу с запросом о своей будущей судьбе. Борьба с Зипойтом завершилась, скорее всего, в 277 г.⁶⁹

Участие галатов в боевых действиях против Антиоха позволило Никомеду склонить чашу весов в борьбе с сирийским царем на свою сторону. Кельты продвигались по Малой Азии, опустошая и грабя все на своем пути, и Антиох был вынужден бросить на борьбу с ними значительные силы⁷⁰. Можно предположить, что к 276 г. военные действия на вифинско-селевкидском фронте сошли на нет, хотя более или менее достоверная информация об этом отсутствует.

⁶⁷ Возможно, что под упоминаемыми здесь Мемноном Βιθυνοί следует понимать не подчинившихся Никомеду представителей знати, противопоставивших его власти какие-то архаичные племенные институты, на которые мог опираться Зипойт Вифин. См. об этом: Габелко О. Л. Статус Вифинии в составе державы Митридата VI в 88–85 гг. до н. э. // Античность: события и исследователи. Межвузовский сборник. Казань, 1999. С. 93.

⁶⁸ Если дословно следовать тексту прорицания, то можно заключить, что сил Леоннория оказалось явно недостаточно для победы над мятежниками: Никомед «пал с трона» уже после прибытия «льва» в Вифинию.

⁶⁹ Habicht Ch. Zipoites (2). Sp. 456; Ellis P. B. Celt and Greek. P. 114. Вместе с Зипойтом был уничтожен еще один из младших братьев Никомеда (Μεμν., F. 12, 6), видимо, поддерживавший мятежника. М. Лоней считает, что гражданская война в Вифинии длилась до 276 г. (Launey M. Études d'histoire hellénistique. P. 233), но его попытка увязать вифинские события с борьбой Кизика против галатов выглядит искусственной. К. Штробель полагает, что события, описанные в сткк. 18–23 надписи OGIS 748, должны быть отнесены к 270–268 гг. (Strobel K. Galater. Geschichte... S. 249–250).

⁷⁰ См. наиболее обстоятельные работы о походах кельтов в Анатолии: Wörle M. Antiochos I, Achaïos der Ältere und die Galater: Eine neue Inschrift in Denizli // Chiron. Bd. V. 1975. S. 59–87; Mitchell S. Anatolia. P. 16–19; Strobel K. Die Galater im hellenistischen Kleinasien. S. 118–124; Idem. Die Galater. Geschichte... S. 236–252; Arslan M. Galatlar... С. 72–81.

Исход войны следует признать благоприятным для Северной лиги, отстоявшей свою независимость от притязаний сирийского царя. Более сложен вопрос, удалось ли Никомеду с помощью галатов добиться расширения своих владений. В. Тарн обоснованно отмечает, что вифинский царь (а также Митридат, которого исследователь считает союзником лиги) имел основания проявлять большую агрессивность, нежели его греческие союзники⁷¹, что, на мой взгляд, могло найти конкретное проявление в переходе под власть Никомеда Nikei⁷². Предположение о более масштабном увеличении вифинских территорий в направлении юго-востока, до Фригии Эпиктет включительно⁷³, недостаточно обосновано; фраза Юстина: *Itaque in auxilium a Bithyniae vocavit regnum cum victoria diviserunt, eamque regionem Gallograeciam cognominaverunt* (Just., XXV, 2, 11) слишком неясна для того, чтобы на ее основании можно было строить подобные выводы⁷⁴.

Каковы же были итоги предпринятого Никомедом перевода галатов в Азию для Вифинии и анатолийских эллинов не в плане сиюминутной политической выгоды, а в более широком историческом контексте? Можно говорить о существовании двух направлений в античной традиции, по-разному отвечающих на этот вопрос.

Первое из них представлено произведениями историков, являвшихся гражданами полисов — членов Северной лиги⁷⁵. До нас

⁷¹ Tarn W. W. The First Syrian War // JHS. 1926. Vol. 46. № 2. P. 156.

⁷² См., например: Jones A. H. M. The Cities... P. 151.

⁷³ Ibid.; Ceyer F. Nikomedes (2). S. 493; Wilson D. R. The Historical Geography... P. 454; Meyer Ern. Die Grenzen... S. 14; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 27.

⁷⁴ В последнее время к точке зрения о завоевании Никомедом с помощью галатов Фригии Эпиктет вернулся К. Штробель (Strobel K. Die Galater im hellenistischen Kleinasien. S. 119. Anm. 131; Idem. Galatien... S. 35–40; Idem. Die Galaten. Geschichte... S. 262–263; в последней работе говорится также о расширении вифинских владений на восток). Однако его попытка найти отражение этого факта в традиции о разделении вифинских владений между Никомедом и кельтами малообоснованна, а о действиях галатов против Антиоха I в 278–275/74 гг. и о возможном участии в них вифинцев мы не имеем достоверной информации. При наличии ограниченного круга источников данная версия остается не более чем гипотезой.

⁷⁵ Историк Деметрий из Византия создал труд из 13 книг «Γαλατῶν διάβασις ἐξ Ἑυρώπης εἰς Ἀσίαν» (Diog. Laert., V, 83), которым, воз-

дошло только произведение Мемнона, несущее в себе четкие отпечатки воззрений его предшественника Нимфида на галатскую проблему. Гераклеяский историк полагает, что переселение галатов в конечном итоге оказалось выгодно жителям тех городов, демократическому устройству которых угрожали цари (Селевкиды. — *О. Г.*), так как варвары отвлекали последних от посягательств на свободу полисов (F. 11, 3). Оценка роли перехода кельтов для Вифинии тоже однозначна: этим мероприятием Никомед усилл свою державу (F. 12, 6). Другой взгляд выражает «общезаллинскую» точку зрения, согласно которой галатское нашествие в Азию принесло ее жителям неисчислимые страдания и бедствия⁷⁶, хотя нужно отметить, что никто из древних историков прямо не ставит это в вину Никомеду.

Что же касается Вифинии, то удастся обнаружить лишь три свидетельства источников, в которых упоминаются какие-то ее конфликты с кельтами (Strabo, XII, 5, 1; Trog. Ptoleg., 25; Zosim., II, 37, 1–2)⁷⁷, и все они совершенно очевидно связаны с борьбой против Зипойта II — драматическим, но запланированным и контролируемым Никомедом событием⁷⁸. Тем более странными выглядят высказывания некоторых исследователей относительно угрозы, которую якобы представляли для Вифинии галаты как в 278/7 г., так и в последующем, что заставляет их расценивать перевод кельтов в Азию Никомедом как непродуманный шаг⁷⁹. Древние авто-

можно, пользуясь Полибией (Stahelin F. Geschichte... S. 7. Anm. 1). Ничего определенного об общем содержании этого произведения сказать нельзя, но не подлежит сомнению, что граждане Византии оказались в наибольшем выигрыше в результате переправы Леоннория в Азию, и это определенным образом могло быть отражено Деметрием.

⁷⁶ См. подборку и анализ нарративных и эпиграфических источников: Mitchell S. Anatolia. P. 16–19.

⁷⁷ Фраза Зосима о φόρων βαρύνθηта, возложенной на Вифинию в результате галатского нашествия (II, 37, 2), скорее всего, представляет собой эвфемизм, подразумевающий многочисленные бедствия, связанные с войной против Зипойта Вифина.

⁷⁸ Strobel K. Galatien... S. 37. Anm. 74; S. 38.

⁷⁹ Allen R. A. The Attalid Kingdom. P. 141; Всемирная история. Т. 2. М., 1956. С. 256; Griffith G. The Mercenaries... P. 184; особенно: Давидов Хр. Древна Тракия. С. 410. Гораздо более взвешенные оценки: Tarn W. W. The New Hellenistic Kingdoms. P. 104–105; Cary M. A History... P. 98; SEHW. Vol. I. P. 568; Mitchell S. Anatolia. P. 16.

ры неоднократно прямо указывают, что в III—II вв. вифинские цари не раз прибегали к помощи галатов в борьбе с внешними противниками. Что же касается Никомеда, то он, скорее всего, был причастен не только к военным акциям кельтов против Антиоха вскоре после их переправы через Боспор, но и к расселению их в центральной Анатолии⁸⁰ — видимо, в конце 260-х гг.⁸¹ Действия Никомеда, таким образом, являются примером рискованной, но тщательно спланированной и хорошо обеспеченной военно-политической акции, принесшей его стране гораздо больше выгоды, чем вреда.

Более сложна другая сторона проблемы: насколько перевод галатов в Анатолию сочетался с проводимой вифинским царем филиэллинской политикой? Некоторые современные исследователи оценивают его действия в этом ракурсе весьма критически: Нико-

Археологические материалы, свидетельствующие о галатском влиянии на северо-восточную Вифинию (район древнего Вифиниума — современного Боу) (*Mitchell S. Anatolia. P. 57*), могут указывать не на вторжения кельтов в Вифинию, а на их постепенную инфильтрацию в эти земли, может быть, даже регулируемую вифинскими царями, использовавшими галатов в качестве наемников (ср.: *Jones A. H. M. The Cities... P. 151*). О галатских антропонимах на территории Вифинии см.: *Duridanov I. Die thrakischen Personennamen Bithyniens. S. 34–38*; *Sergent B. Les premiers celtes d'Anatolie // REA. 1988. Т. XC. № 3–4. P. 352–355*; *Mason O. Thraces et celtes... P. 1–2* (анализируемая в последней работе надпись интересна тем, что происходит из района, где было много военных поселений, основанных, вероятно, именно вифинскими царями. Подробнее о них см. в гл. IV, § 2). Интерпретация приводимых Б. Сержаном имен как кельтских может оказаться верной, но он исходит из явно недоказуемого предположения об очень раннем появлении кельтов в Малой Азии.

⁸⁰ *Moraux P. L'établissement... P. 74*; *Mitchell S. Anatolia. P. 19*; наиболее подробно: *Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 254–257, 260–261*. Данные источников по этому вопросу (*Paus., I, 4, 5*; *Strabo, XII, 5, 1*; *Liv., XXXVIII, 11–13*; *Just., XXV, 2, 1*; *Memn., F. 11, 6–7*; *Zon., IX, 20*) заставляют ограничиться только предположениями. Сюда же можно отнести сообщение Стефана Византийского о переселении галатского племени толестобиев (= толестобогиев) из Кельтогалатии в Вифинию (s. v. *Τολιστόβιοι*); в основе этой информации, вероятно, лежит либо факт причастности Никомеда к организации расселения кельтов, либо проникновение толестобогиев в Вифинию.

⁸¹ *Darbyshire G., Mitchell S., Levent V. The Galatian Settlement in Asia Minor // AS. 2000. Vol. 50. P. 78.*

мед якобы проявил себя «не как друг эллинства»⁸². В подобных высказываниях содержится больше эмоций, нежели стремления проникнуть в суть политики Никомеда. Вифинский царь, трезвый и расчетливый государственный деятель, при обращении к галлам руководствовался в первую очередь насущными потребностями: необходимостью сохранить власть и отстоять независимость Вифинии. Его филэллинский курс, возникший и формировавшийся первоначально именно во внешнеполитической сфере, ограничивался еще довольно узкими географическими пределами — регионом северо-западной Анатолии. Это вполне объяснимо: Никомед не имел никаких оснований заботиться об интересах удаленных от него полисов Малой Азии, с которыми его не связывали ни политические, ни тем более экономические узы. Некоторые из греческих городов даже оказывали помощь Антиоху, и их ослабление шло на пользу Вифинии⁸³. В отношении же своих союзников по Северной лиге Никомед проводил вполне последовательную политику, направленную на поддержание взаимовыгодных партнерских связей.

Дальнейшая судьба лиги не вполне ясна. В. Тарн полагает, что она прекратила свое существование в 276 г. с окончанием войны

⁸² *Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 311; ср.: Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 26.*

⁸³ Это относится прежде всего к Кизикю. На основании надписи OGIS 748, в которой отражена борьба кизикенцев, поддержанных Филетером Пергамским, против галатов, а до того (279/8 г.) — против какого-то неназванного противника (Вифинии и ее союзников?) был сделан вывод о враждебности граждан Кизика к Северной лиге (*Smith C., de Rustafjaell R. Inscriptions from Cyzicus // JHS. 1902. Vol. XXII. P. 199; The Hellenistic World from Alexander to the Roman Conquest / Ed. and transl. by M. M. Austin. Cambridge, 1981. № 194; Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 254; 258*), но в отдельных работах это мнение оспаривается (*McShane R. B. The Foreign Policy... P. 37; Grainger J. D. Seleukos Nikator... P. 195*). Так, Р. Макшейн указывает, что Филетер едва ли стал бы враждовать с коалицией вольных городов, куда входил и его родной полис, Тиос; но если Тиос в это время был лишен независимости гераклеотами, то этот аргумент теряет свою ценность. Пергамский правитель был объективно заинтересован в поддержке Антиоха (*Hansen E. The Attalids... P. 18*), а Кизик, возможно, подталкивало к этому еще и соперничество с Византием, членом Северной лиги. См.: *Reinach A. Les mercenaires et les colonies militaires de Pergame // RA. Ser. 4. 1908. T. XII. P. 183–184; Jouguet P. L'imperialisme macedonien... P. 221.*

против Антиоха⁸⁴, тогда как, согласно точке зрения С. Ю. Сапрыкина, ее фактический распад произошел только после смерти Никомеда I (сер. 250-х гг.)⁸⁵. Второе мнение кажется более обоснованным: тесные дружеские связи между членами симмахии сохранялись в течение долгого времени, однако их характер постепенно менялся. Поскольку угроза со стороны Селевкидов не была уже столь серьезной, военно-политический аспект греко-вифинского сотрудничества должен был уступить место торговым отношениям. Можно считать, что с этого времени роль торговли в экономике Вифинского царства начинает неуклонно возрастать, о чем свидетельствует и появление первых вифинских монет из серебра и бронзы с именем Никомеда⁸⁶.

Важнейшим рубежом в истории страны стало основание в 264 г. города Никомедии, ставшего новой столицей царства (Euseb. Chron. II. P. 120. Ed. Schoene; Memn., F. 12, 1; 6; Steph. Byz., s. v. Νικομηδεία). Никомедия располагалась на берегу Астакского залива, возможно, на месте старого поселения Ольвии (Steph. Byz., s. v. Ὀλβία), напротив Астака, жители которого были переселены во вновь основанный город (Strabo, XII, 4, 2). Столица Вифинии стала впоследствии одним из крупнейших экономических и культурных центров эллинистического мира и важным торговым портом. Ее создание позволило перевести хорошие отношения с Ге-

⁸⁴ Tarn W. W. The Struggle of Egypt against Syria and Macedonia // САН¹. Vol. VIII. 1928. P. 701.

⁸⁵ Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 170.

⁸⁶ Recueil. P. 218–219. № 1–7. О. Меркхольм высказал замечание, что чеканка монеты Никомедом началась только после основания им Никомедии (Mørkholm O. Early Hellenistic Coinage. From the Accession of Alexander to the Peace of Apamea (336–188 B. C.) / Ed. by Ph. Grierson and U. Westermark. Cambridge etc., 1991. P. 30), что, очевидно, противоречит высказанному выше предположению о выпуске первых вифинских монет во время войны с Антиохом или, скорее, непосредственно после нее. Однако отнюдь не исключено, что Никомед начал чеканку в Никее, включенной в состав царства в 270-е гг., где, возможно, в течение очень короткого времени выпускалась собственная монета (Recueil. P. 397. № 1). Датский исследователь (Loc. cit.) также подчеркивает «военную» составляющую чекана Никомеда: на реверсе драхм помещено изображение Ареса, на тетрадрахмах — фракийской богини Бендида с двумя копьями, щитом и мечом (ср.: Попов Д. Бендида // КЕТД. С. 35). Видимо, здесь отражен факт осуществленных царем территориальных захватов.

раклеей и Византием в плоскость экономических связей, что, вероятно, давало Вифинии возможность сделать первые шаги в приобщении к понтийской торговле⁸⁷. В число торговых партнеров Вифинского царства входили также крупные независимые полисы Эгейды, проходившие через период активизации своей политической и торговой деятельности под главенством Родоса⁸⁸; вероятно, именно это географическое направление стало для вифинской экономики приоритетным⁸⁹. Благоприятным для сохранения политических позиций вифинского царства и развития его хозяйственной структуры был и расклад сил на международной арене, в особенности поддержание дружественных отношений с Птолемеем II, проявлявшим заинтересованность в усилении своего влияния на берегах Понта и Пропонтиды⁹⁰.

⁸⁷ SEHNW. Vol. I. P. 569. Конкретные данные о ней, впрочем, отсутствуют. Необходимо, однако, подчеркнуть, что именно с Никомедом I следует связать упоминание Афиней о пребывании одного из вифинских царей, носивших это имя, в Скифии (Athen., I, 7, d–f), поскольку греческий писатель воспроизводит здесь цитату из комедии афинского драматурга Эвфрона, жившего в середине III в. Этот пассаж, при всей его анекдотичности — единственное прямое свидетельство письменных источников о контактах Вифинии с Северным Причерноморьем. Случайно ли, что они имели место именно тогда, когда Вифиния поддерживала добрые отношения с Гераклеей Понтийской, Византием и другими городами, входившими в Северную лигу? См. о возможных связях Вифинии и Боспора в первой пол. III в.: Габелко О. А., Завойкин А. А. Еще раз о вифинско-понтийско-боспорской эре. С. 79.

⁸⁸ McShane R. B. The Foreign Policy... P. 47–52.

⁸⁹ См. мнение, что после основания Никомедии Вифиния «как бы обратилась лицом к Мраморному и Эгейскому, а не к Черному морю, почему она оказала значительно меньшее влияние на судьбу припонтийских греческих колоний, чем ее восточный сосед и постоянный соперник — Понтийское царство Митридатов» (Максимова М. И. Античные города... С. 172).

⁹⁰ Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 135–137. Показателем активного птолемеевского проникновения в полисы Пропонтиды могут служить посвящения Изиде из Калхедона (Die Inschriften von Kalchedon. S. 99), Изиде и Серапису из Киоса (Die Inschriften von Kios № 21–23), датированные, возможно, эллинистическим временем. Не исключено, что культы египетских богов при посредстве политики Птолемея II распространялись и в Вифинии: в этом случае сооружение храма Изиды в Никомедии (Plin. Sec., Epist., X, 33, 1) можно связать именно со временем Никомеда I (ср.: Sherwin-White A. N. The Letters of Pliny. A Historical

«Омывающаяся Афродита» работы Дидалса (копия римского времени)

Через новую столицу в страну активно проникала греческая культура; она усваивалась в первую очередь правящей верхушкой, хотя, видимо, и в ограниченных масштабах⁹¹. Культурно-религиозный аспект политики Никомеда в таких условиях становился важным средством, позволявшим ему приобрести авторитет в греческом мире. Так, в одном из недавних исследований была предпринята попытка связать сообщения Плиния Старшего о желании некое-

Commentary. Oxford, 1966. P. 607, где это событие более широко датируется эпохой эллинизма). См. о действиях Птолемея II по активному насаждению культов египетских богов, нередко связанных с его внешней политикой: *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Божественная египетская триада в Херсонесе Таврическом // *ΣΥΣΣΙΤΙ Α*. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 284–294. См. илл. на с. 194 наст. изд.

⁹¹ *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. Bd. IV¹. S. 671. Эллинская культура прочно привилась в Никомедии и других вифинских городах: именно они вместе с расположенным относительно недалеко Кизиком стали центром своеобразного художественного стиля — так называемого «эллинистического рококо», образцами которого являются многочисленные надгробные стелы. См.: *Hanfmann G. M. A.* From Croesus to Constantine. The Cities of Western Asia Minor and Their Arts in Greek and Roman Times. Ann Arbor, 1975. P. 62.

Стела Моказиса
из окрестности Адапазари

№ 456 = RC 25, сткк. 9–11) — политические, экономические или культовые, а не исключено, что и все вместе. Наконец, в пользу существования активных связей Никомеда I с миром греческой культуры может свидетельствовать интересное предположение итальянского искусствоведа П. Морено, отождествившего бронзовый бюст из Национального археологического музея Неаполя с портретом этого царя, исходя из его сходства с изображением на монетах Никомеда⁹³.

⁹² Corso A. Nicomede I, Dedalsa e le Afroditi nude al bagno // Numismatica e Antichità classiche. Quaderni ticinesi. 1990. Vol. XIX. P. 135–160. Данные свидетельства ценны и как указание на активную финансовую деятельность Никомеда в Эгееде.

⁹³ Moreno P. Scultura ellenistica. Roma, 1994. Vol. I. P. 216–219; fig. 280–282 (P. 216). Ранее этот портрет считали изображением сирийского царя Антиоха IV Эпифана; см., например: Хафнер Г. Выдающиеся портреты античности. 337 портретов в образе и слове. М., 1984. С. 50–51.

го «царя Никомеда» приобрести статую Афродиты Книдской в обмен на погашение всех долгов книдцев (Plin. NH., VIII, 12; XXXVI, 21) именно с деятельностью Никомеда I, а не кого-то из его одноименных потомков⁹².

Судя по всему, в Никомедии при царском дворе работал известный скульптор Дидалс — автор знаменитой статуи Афродиты и Зевса Стратия, находившейся в никомедийском храме (Eustath. ad Dionys. 793, p. 355, 44 = Agr., Bithyn., F. 20 Roos).

Это повлекло за собой многократное расширение географических рамок филлэллинской деятельности вифинского царя, охватывающей уже острова Эгейды и материковую Грецию. Ему была посвящена статуя из слоновой кости в Олимпии (Paus., V, 12, 7); как следует из письма его сына Зиэла гражданам Коса, Никомед имел какие-то связи с этим островом (Νικομήδης, πατήρ ἡμῶν εὐνόως δέκει/το τῶι δημῶι — Syll.³

Изображение Никомеда I на серебряной тетрадрахме в сопоставлении со скульптурным портретом из Национального археологического музея Неаполя

Активное филэллинство Никомеда стало, на мой взгляд, основным средством, позволившим ему в короткое время ликвидировать тяжелые последствия многолетних войн и выдвинуть свое царство в число бурно развивающихся государств эллинистического мира. В Вифинии, как и в других странах, избежавших подчинения греко-македонским завоевателям (в отличие от древних центров цивилизации в Месопотамии и Египте), происходило активное, но избирательное усвоение элементов греческой цивилизации — языка, культуры, хозяйственных отношений⁹⁴. Представляет интерес вопрос о сходстве и различиях филэллинской политики вифинского царя с аналогичной деятельностью других правителей эллинистического мира⁹⁵. Наиболее уместно провести параллель с действиями малоазийских царей, которые решали примерно такие же проблемы, какие стояли перед Никомедом. Самый показательный материал предоставляет ранняя история Понта.

В историографии существуют интересные сравнения Понтийского и Вифинского царств в общеисторическом и внешнеполитическом аспектах⁹⁶. Однако М. И. Ростовцев, выдвигая тезис о

⁹⁴ Саркисян Г. Х. Эллинизм в Вавилонии и Армении // Второй Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. М., 1994. С. 60–62.

⁹⁵ По данному вопросу высказался М. И. Ростовцев: «Его (Никомеда I. — О. Г.) политика по отношению к греческим городам и собственно Греции была точно такой же, как у его современников» (SEHNW. Vol. I. P. 568). Это мнение выглядит чересчур упрощенным.

⁹⁶ Rostovtzeff M. I., Ormerod H. A. Pontus and its Neighbours: The First Mithridatic War // САН¹. Vol. IX. 1932. P. 234 — сравнение по-

почти полной тождественности политики правителей Вифинии и Понта⁹⁷, как кажется, не уделяет должного внимания имеющимся различиям. В 270-е гг., когда Никомед ориентировался на Византий и Гераклею, в действиях Митридата I уже проявилось тщательно маскируемое стремление поставить греческие города южного побережья Черного моря под свой контроль, как произошло с Амисом⁹⁸, или даже добиться их непосредственного подчинения (эпизод с Амастрией) (Метт., F. 9, 4). Анатолийские полисы, и прежде всего Гераклея Понтийская, продолжали поддерживать с царями Понта дружественные отношения (F. 16, 2), однако отождествлять более или менее лояльную внешнюю политику понтийских царей в отношении греков с филэллинизмом — значительно более сложным и многоплановым явлением — вряд ли правомерно. Говорить о филэллинской ориентации понтийской династии можно только со времени правления Фарнака I после его поражения в войне 183—179 гг.⁹⁹ Филэллинизм Никомеда, напротив, находил проявление в целом комплексе внешнеполитических, экономических, религиозно-культурных мероприятий, осуществление которых показывало, что вифинский царь отнюдь не воспринимал следование филэллинским идеалам как банальный пропагандистский прием¹⁰⁰.

Такая политика привела к тому, что при Никомеде Вифиния стала эллинистическим государством со всеми специфически присущими ему чертами в плане государственных институтов, экономики, культуры¹⁰¹. Сочетание греческих и местных фрако-анато-

лики двух династий в их историческом развитии, *McGing B. C. The Foreign Policy... P. 67–68; Ballesteros Pastor L. Mitridate Eurátor... P. 417–422* — широкомасштабное сопоставление особенностей положения Вифинии и Понта в эллинистическом мире.

⁹⁷ *SEHNW. Vol. I. P. 577.*

⁹⁸ *Максимова М. И. Античные города... С. 176–177; Ломоури Н. Ю. К истории... С. 35–36.*

⁹⁹ *Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 84–86.*

¹⁰⁰ Вполне оправданным выглядит проведение параллелей между филэллинской политикой Никомеда и первых пергамских правителей (*Will É. Histoire politique... T. I. P. 247*). Впоследствии, однако, различия в этом аспекте государственной деятельности Атталидов и вифинской династии проявились весьма рельефно.

¹⁰¹ Интересным кажется мнение тех исследователей, которые считают не Зипойта I, а именно Никомеда «истинным основателем Вифинского царства» (*Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. III. С. 376; ср.:*

лийских элементов при этом имело здесь своеобразный характер: «удельный вес» и роль последних в общественной жизни Вифинии были более значительны, чем в государствах, созданных диадохами и их преемниками, а отношения между греческим и собственно вифинским населением страны не строились по жесткой схеме «завоеватели—покоренные»¹⁰². Это сближает Вифинию с другими подобными государственными объединениями, прежде всего — с соседними Понтийским и Каппадокийским царствами, где в это время также проходили процессы консолидации центральной власти и формирования новых социально-экономических структур. Именно внутривифинийская деятельность Никомеда I во многом способствовала преобразованиям, подготовившим Вифинию к осуществлению продуктивного синтеза местных и греческих начал¹⁰³ и тем самым привела к ускоренному прогрессивному развитию страны. Период его правления положил начало глубоким изменениям, происходящим в социальной и этнической среде вифинского общества: наряду со старой землевладельческой аристократией местного фрако-анатолийского происхождения усиливаются позиции греческих торгово-ремесленных слоев¹⁰⁴.

Источники единодушны в положительных оценках Никомеда (Strabo, XII, 4, 2; Steph. Byz., s. v. Νικομηδεία). Мемнон, подводя итог его деятельности, отмечает, что Никомед достиг «блестящего благополучия» (λαμπρὰν εὐδαιμονίαν — F. 12, 1). Современные историки полностью разделяют воззрения античных авторов на результаты царствования Никомеда, видя их в укреплении Вифинского царства и достижении признания со стороны эллинов¹⁰⁵.

Reinach Th. Essai sur la numismatique... P. 226; *Wroth W.* Catalog of Greek Coins. P. XXXVII; *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим. М., 1966. Ч. II. С. 128).

¹⁰² См., например, подтверждающие это данные: *Корстен Т.* Фракийские личные имена и военные поселения в районе Инегель (Вифиния) // *Μνήμα*. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина. Казань, 2002. С. 226–232.

¹⁰³ *Бахматов С. В.* Проблема неравномерности исторического развития эллинистических государств в советской историографии // *Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья*. Барнаул, 1989. С. 53.

¹⁰⁴ *Габелко О. А.* Этнический и социальный аспекты... С. 63.

¹⁰⁵ *Ceyer F.* Nikomedes (2). Sp. 493–494; *Magie D.* Roman Rule... Vol. I. P. 312; *SEHNW.* Vol. I. P. 568; *Davis N., Kraay C. M.* The

Смерть Никомеда (ок. 255 г.)¹⁰⁶ вновь вовлекла страну в тяжелую гражданскую войну, о причинах и ходе которой мы знаем только из сочинения Мемнона. В начале конфликта сыграли свою роль противоречия между обычной практикой передачи престола старшему из сыновей и правом царя назначать наследника по завещанию; они были усугублены дворцовыми интригами, выросшими на почве некоторой неустойчивости традиций престолонаследия в Вифинии¹⁰⁷, а также, видимо, сложной ситуацией, сложившейся при вифинском дворе. Мемнон сообщает: «...царь вифинцев Никомед, умирая, записывает наследниками детей от второй жены (κληρονόμους μὲν ἐκ τῆς δευτέρας γυναίκος γράφει παῖδας), так как его сын, родившийся у него от первого брака¹⁰⁸, Зиэл, бежал к царю армений, спасаясь от козней мачехи Этазеты¹⁰⁹, дети которой были еще малы. Опекунами наследников он назначает Птолемея и Антигона, демос византийцев, а также демос гераклеотов и кианнийцев» (τὸν δῆμον τῶν Βυζαντίων καὶ δὴ καὶ τῶν Ἡρακλεωτῶν καὶ τὸν τῶν Κιανῶν — Мемн., F. 14, 1. Пер. В. П. Дзагуровой). Особый интерес здесь представляет сам факт «внешнего опекунства», по терминологии Д. Браунда¹¹⁰, свидетельствующий о наличии у вифинского царя обширных международных контактов¹¹¹.

Hellenistic Kingdoms. P. 258; Harris B. F. Bithynia: Roman Sovereignty... P. 861; Hannestad L. «This Contributes in No Small Way...». P. 76.

¹⁰⁶ Эта дата определена В. Тарном, показавшим, что только в 255–253 гг. Птолемей II и Антигон Гонат, к которым обратился Никомед, находились в мирных отношениях (Tarn W. W. Antigonos Gonatas. Oxford, 1969. P. 327. Note 38; ср.: Habicht Ch. Ziaelas. Sp. 390). Попытка оспорить эту датировку методом «от противного» — указанием на возможную враждебность между Антигоном и Птолемеем, что якобы могло сыграть на руку Вифинии (Reger C. The Date of the Battle of Cos // AJAH. Vol. 10. 1985. № 2. P. 165) выглядит неубедительной. Недавно смерть Никомеда была датирована с еще большей точностью — именно 255 г. (Vinogradov Ju. G. Der Staatsbesuch... S. 286).

¹⁰⁷ Габелко О. А. Некоторые особенности... С. 166–169.

¹⁰⁸ Первая жена Никомеда, фригийка по имени Дитизела (ср. с именем Διτιζίλα — Die Inschriften von Prusa. T. I № 80) или Консингис (Plin., NH, VIII, 144) была растерзана собакой. В этом браке родилась еще и дочь Лисандра (Tzet., Chil., III, 950–984 = Arr., Bithyn., F. 63 Roos).

¹⁰⁹ Об этом имени см.: Tomaschek W. Die alten Thraker. Bd. II. S. 8.

¹¹⁰ Braund D. C. Rome and the Friendly King: the Character of Client Kingship. London; Canberra; New York, 1984. P. 146.

¹¹¹ Следует отметить, что эти связи сложились, скорее всего, не с самого начала правления Никомеда и развивались постепенно. Так, пред-

Обычно считается, что главным фактором, учитываемым Никомедом при назначении опекунов, была их враждебность к Селевкидам¹¹². Этому условию в основном отвечали все перечисленные в его завещании цари и города, с которыми вифинский монарх установил хорошие отношения еще во время войны с Антиохом I и поддерживал их на протяжении всего своего правления. Привлекает внимание некоторое изменение в составе городов, входивших в Северную лигу: если отсутствие среди опекунов Тиоса и Киера свидетельствует об их подчинении на данный момент гераклеотам¹¹³, то тот факт, что в их числе не значится Калхедон, требует объяснения.

Предположение Х. В. Парка, будто отношения между Никомедом и калхедонянами могли испортиться еще в ходе вифинской междоусобицы 279–277 гг. (см. выше, прим. 46) едва ли может послужить основой для заключения о сохранении этой напряженности к моменту смерти Никомеда. Мы не располагаем никакими сведениями о трениях между калхедонянами и Вифинией (что, скорее всего, повлекло бы за собой и напряженность в отношениях Калхедона с другими городами — членами Северной лиги), тем более о таких, которые сохранялись бы более 20 лет. Поэтому отсутствие Калхедона в списке назначенных Никомедом опекунов может быть истолковано как косвенное указание на относительную слабость этого города и его неспособность выполнить возложенные на него обязательства, хотя сложно предположить, чем могло быть вызвано такое ухудшение положения Калхедона¹¹⁴. Гарантии прав противников Зиэла в борьбе за престол (нам доподлинно известно имя лишь одного из них — Зипойт, или Тибойт, как называет его Полибий — IV, 50, 9–10; 51, 7)¹¹⁵ были, таким об-

положение о том, что уже в 275 г. Пирр Эпирский обращался за помощью к Никомеду в числе других царей Азии (*Hammond N. J. L. Which Ptolemy Gave Troops and Stood as Protector of Pyrrhus' Kingdom? // Historia. Bd. XXXVII. Nr. 4. 1988. P. 411*) кажется слишком смелым: едва ли дипломатические связи вифинского царя были уже в это время столь разветвленными. См. критику: *Казаров С. С. Царь Пирр и Эпирское государство в эллинистическом мире. Ростов-на-Дону, 2004. С. 230–231, 236.*

¹¹² *Will É. Histoire politique... T. I. P. 246–247.*

¹¹³ *Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 130–131.*

¹¹⁴ Против — *Sölch J. Bithynische Städte... S. 146–147*: Калхедон был сильным, энергичным и имел значительные земельные владения.

¹¹⁵ Не исключено, что одного из них звали Мукапорис; это имя «одного из вифинских царей» сообщает Дионисий Византийский (*Dion. Byz., 46*). Такое имя встречается в царской династии одрисов (см.: *Сапры-*

разом, процветающие полисы северо-западной Анатолии, находившиеся в непосредственной близости с Вифинией, и два из трех наиболее могущественных правителей эллинистического мира. Что мог им противопоставить лишенный престола вифинский принц?

Как следует из сообщения Мемнона, Зиэл покинул Вифинию еще при жизни Никомеда. Выбор Армении (точнее — Малой Армении, Софены) как страны, куда он отправился в поисках поддержки, не может не вызвать удивления: единственный раз в истории вифинской внешней политики в ее орбиту оказались вовлеченным государство, расположенное столь далеко на востоке. Очевидно, Зиэл не нашел помощи ни в Понте, ни в Каппадокии. Нам ничего не известно о взаимоотношениях правителей этих государств с Никомедом; едва ли они были настолько дружественными, что их характер помешал бы каппадокийскому и понтийскому царям нарушить его посмертную волю¹¹⁶. Скорее всего, Ариобарзан II Понтийский и Ариармн I Каппадокийский решили не вмешиваться в вифинские дела, опасаясь быть втянутыми в широкомасштабную конфронтацию, опасности от участия в которой были бы очевидны, а выгоды — сомнительны. Армянские же цари в это время проводили довольно активную внешнюю политику и были заинтересованы в усилении своего влияния на западе¹¹⁷.

кин С. Ю. Фракия... С. 257) — племени, родство с которым подчеркивалось в «официальной» мифологии вифинов (см. гл. I, § 2). Этот «царь», ближе неизвестный, может быть также отождествлен с третьим или четвертым братьями Никомеда I. См. аргументацию: Габелко О. Л. Дионисий Византийский... С. 37–38; Он же. К династической истории... С. 210–211, а также гл. V, § 1 данной работы.

¹¹⁶ Понтийское царство в это время переориентировалось на Селевкидов (Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 59–62), а Каппадокия, хотя и обрела независимость от сирийских царей, также не порвала окончательно с прежними сюзеренами. Ок. 260 г. был заключен брачно-династический союз между Ариартидами и Селевкидами (Diod., XXXI, 19, 6).

¹¹⁷ Об истории Армянского царства в конце IV — первой половине III в. см.: Schotky M. Media Atropatena... S. 88–100. Исследователь, в частности, указал, что бегство Зиэла в Армению произошло не в период правления Ардоата (такого мнения придерживается Х. Хабихт, синхронизирующий вмешательство Ардоата в каппадокийские дела (Diod., XXI, 19, 4–5) с началом войны за вифинский престол (Habicht Ch. Ziaelas. Sp. 379)), а только при его преемнике Самосе, начавшем царствовать приблизительно в 275 г. (Schotky M. Media Atropatena... S. 99–100).

После смерти Никомеда Зиэл, набрав войско из галатов толестобиев (Метп., F. 14, 2), вторгся в Вифинию. В этой ситуации кельты не без оснований могли полагать, что смерть Никомеда освобождает их от данных ему обязательств¹¹⁸. Против Зиэла выступили сторонники детей Этазеты¹¹⁹, поддержанные войсками «названных выше опекунов» (Ibid.). О деталях последующих событий Мемнон не сообщает ничего определенного; по его словам «...испытав многие битвы и перемены, обе стороны, наконец, пришли к миру» (συχναῖς δὲ μάχαις καὶ μεταβολαῖς ἑκάτεροι ἀποχρεσάμενοι, τὸ τελευταῖον κατέστησαν εἰς διαλύσεις — Ibid.). Необходимо выяснить, что может стоять за этими фразами.

Во-первых, существует некоторая неясность относительно состава и действий выступившей против Зиэла коалиции. Наиболее вероятным кажется самое активное участие в конфликте граждан Византия, Киоса и Гераклеи, что отчасти подтверждено Мемноном (Ἡρακλεωτῶν ἐν ταῖς μάχαις ἀριστευόντων — Ibid.): ведь именно для них было наиболее важным сохранение лояльности со стороны Вифинии. Относительно того, что в вифинском конфликте были задействованы крупные силы великих держав, а тем более, их правители лично¹²⁰, существуют обоснованные сомнения¹²¹; однако совершенно ясно, что после завершения этой войны Македония осталась верна посмертной воле Никомеда, так как именно туда отправился изгнанный Зипойт (III), тогда как с Египтом Зиэл установил дружественные отношения (см. далее, с. 212). Причину этого следует искать в политике Птолемея II, который, как кажется, сумел воспользоваться неопределенностью сложившейся в Вифинии ситуации для усиления своего влияния и, отказавшись от прежних обязательств, стал оказывать поддержку

¹¹⁸ Ellis P. B. *Celt and Greek*. P. 152.

¹¹⁹ X. Хабихт полагает, что за употребленным Мемноном этнонимом οἱ Βιθυνοὶ следует видеть дворцовую партию, обладающую какими-то правами в управлении государством, а не все население Вифинии (*Habicht Ch. Ziaelas*. Sp. 391). Анализ употребления гераклейским историком этого этнонима в ряде других случаев подтверждает это предположение. Действительно, Зиэлу вряд ли удалось бы закрепить за собой власть, если бы его не поддерживала хотя бы какая-то часть населения страны.

¹²⁰ Жигунин В. Д. *Международные отношения...* С. 120.

¹²¹ Vitucci G. *Il regno di Bitinia*. P. 31. Note 1; Tarn W. W. *Antigonos Gonatas*. P. 326; *Habicht Ch. Ziaelas*. Sp. 390.

Монета Зиэла

нуждающемуся в помощи Зиэлу, возможно, даже непосредственно в ходе военных действий¹²².

Основными же исполнителями замысла Зиэла выступили галаты толистобогии, и в этом от-

ношении его деятельность служит одним из самых убедительных подтверждений пассажа Юстина: «Ни один восточный царь не вел ни одной войны без галатских наемников, а тот, кто лишился престола, ни у кого не искал убежища, кроме как у галатов» (Just., XXV, 2, 19). Использование галатов Зиэлом во многом напоминает обращение к ним Никомеда почти тридцатью годами ранее¹²³, и, возможно, аналогия эта имеет под собой определенные основания. Зиэл на правах старшего сына Никомеда мог участвовать в переговорах его отца с галатами в 278/7 г.¹²⁴, о чем свидетельствует упоминание в тексте договора потомков Никомеда. На некоторых монетах Зиэла изображено галатское вооружение, что отражает его прочные контакты с кельтами¹²⁵. Финансовые средства для содержания наемников (а возможно, и какую-то военную помощь) ему мог предоставить армянский царь. Наконец, не исключена вероятность того, что Зиэл мог воспользоваться содействием Антиоха II, играя на традиционных вифинско-селевкидских противоречиях¹²⁶, тем более что и впоследствии он подерживал определенные связи с сирийскими царями.

Действия Зиэла шли вразрез со сложившейся на тот момент системой международно-правовых связей и наверняка внесли в обстановку в Малой Азии неразбериху, о масштабах которой мы можем лишь догадываться. Ближайшим следствием ее стало ухудшение отношений между Вифинией и Понтийским царством,

¹²² Tarn W. W. Antigonos Gonatas. P. 357; McShane R. B. The Foreign Policy... P. 46.

¹²³ Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 30; Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 312.

¹²⁴ Strobel K. Die Galater im Hellenistischen Kleinasien. S. 125. Anm. 160.

¹²⁵ Sevruagian E. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΙΘΥΝΩΝ ΖΙΑΝΑΑΣ. S. 35.

¹²⁶ Nicse B. Die Geschichte... Bd. II. S. 137; Jouguet P. L'impérialisme macédonien et l'hellenisation de l'Orient. Paris, 1937. P. 412; Жигунин В. Д. Международные отношения... С. 113; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 177.

встревоженным активностью Зиэла и царя Армении. Именно в таком контексте должны быть восприняты сообщения Мемнона о нападении галатов (возможно, союзных Зиэлу) на Понт после смерти царя Ариобарзана, о помощи гераклеотов понтийцам и о повторных набегах кельтов на Гераклеотиду уже после окончания войны за вифинское наследство (F. 16, 1–2)¹²⁷.

Война за вифинское наследство оказалась лишь одним из звеньев в цепи бурных событий, захлестнувших Эгеиду и Причерноморье в середине III в. — прежде всего, со Второй Сирийской войной. В надписи из Каллатиса, с новой трактовкой которой меня ознакомил Ю. Г. Виноградов¹²⁸, к сожалению, не успевший ее полностью опубликовать, можно видеть упоминание о посольстве вифинцев¹²⁹, совместно с милетянами (?) просивших Антигона Гоната об урегулировании конфликта между эллинскими городами западнопонтийского побережья — Каллатисом и Истрией. Исследователь находит также отражение событий в Вифинии на

¹²⁷ Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 53, 58.

¹²⁸ Kalinka E. Antike Denkmäler in Bulgarien / Schriften der Balkankommission. Abt. IV. Wien, 1906. № 94. Стк. 10 надписи обычно восстанавливалась и читалась следующим образом: ...ἀξίωθεντος ὑπὸ Ἀσαβίθ... «(царь) был упрощен Асабифом» (см., например: Блаватская Т. В. Западнопонтийские города... С. 257). Однако Ю. Г. Виноградов справедливо заметил, что ЛИ «Асабиф» более нигде не встречается и выглядит крайне странно, не имея параллелей ни в какой этнической среде; кроме того, на прориси текста видно, что М в этом слове расположена относительно строки под значительным углом и скорее напоминает косо поставленную Σ (хотя подобный lapsus manus, как кажется, является уникальным явлением в греческой эпиграфике). Таким образом, выглядит правомерным восстановление: ὑπὸ ἄττα Βιθυνῶν καὶ / Μιλασίω — несохранившиеся шесть букв в начале стк. 11 могут быть заполнены именно этим полисинимом, хотя не исключены, возможно, и другие варианты. Что же касается предыдущей строки, то лакуна в ее начале, по мнению Ю. Г. Виноградова, рассчитавшего количество несохранившихся букв, могла содержать только имя Антигона. См. краткое изложение: Виноградов Ю. Г. Военные конфликты на Понте... С. 218–219.

¹²⁹ Поскольку вместо имени вифинского царя в надписи употреблен этноним Βιθυνοί, можно заключить, что время ее создания предшествовало воцарению Зиэла. Весьма показательным, что вифинцы — видимо, все та же враждебная Зиэлу «дворцовая партия» — обратились за помощью именно к Антигону, продолжавшему выполнять данные Никомеду обязательства.

Фрагмент фрески из святилища Афродиты в Нимфее

обнаруженных в Нимфее фресках, на которых изображен визит египетского корабля «Исида» на Боспор¹³⁰, но это кажется менее вероятным.

¹³⁰ См. публикацию памятника: Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1. С. 81–88; Об интерпретации отдельных сюжетов на фресках см.: Vinogradov Ju. G. Der Staatsbesuch von «Isis»... S. 284, 288. Все же едва ли изображения копытных животных — могут быть восприняты как аллегорическое отображение каких-либо политических событий и конкретно войны между Зиэлом и его сводными братьями. Можно оспорить и еще один тезис Ю. Г. Виноградова: по его мнению, изображенные на борту «Изиды» галатские (?) щиты — это трофеи, захваченные птоломеевскими войсками у толестобогиев — наемников Зиэла (Loc. cit.). Однако мне неизвестны другие примеры существования в греческом мире практики вывешивать трофейное оружие на борту корабля, что заставляет внимательнее рассмотреть точку зрения М. Айхберга. Он полагает, что эти щиты могут служить своего рода «эмблемой» Птолемея (Eichberg M. Scutum. S. 142).

Обстоятельства, при которых было заключено соглашение между враждующими сторонами, остаются практически неизвестными. Окончание войны можно датировать приблизительно 254 или 253 г.¹³¹ Высказывание Мемнона о заключении договоров подразумевает, что обоюдные интересы были при этом каким-то образом соблюдены, а это говорит в пользу предположения о временном разделении страны между Зиэлом и его противниками (Зипойтом?)¹³². Противоположное мнение, основанное на отсутствии монет, выпускавшихся от имени возможных «соправителей» Зиэла¹³³, не подкреплено убедительной аргументацией, так как довольно длительный период единовластного правления Зиэла засвидетельствован нумизматически весьма невыразительно — что же говорить о нескольких годах предполагаемого «многоцарствия»?¹³⁴

О помещении изображения кельтского щита на монетах Птолемея II см. гл. II, прим. 204.

¹³¹ Vinogradov Ju. G. Der Staatsbesuch von «Isis»... S. 286.

¹³² Это мнение, далеко не общепризнанное, выражено в работах: Reinach Th. Essai sur la numismatique... P. 232; Habicht Ch. Ziaelas. Sp. 390; ср. Ellis P. B. Celt and Greek. P. 132; Souza Ph. de. Piracy in the Graeco-Roman World. Cambridge, 1999. P. 56. Ср. с мнением Ю. Г. Виноградова, который не сомневается в том, что Зиэл пришел к власти «на определенных облигаторных условиях», продиктованных, вероятно, македонским и египетским царями. Он полагает, что право на престол было закреплено за Зиэлом в обмен на предоставление им гарантий безопасности владениям византийцев на Мизийском полуострове, которые в ходе войны попали под удар Зиэла и его галатских союзников; именно эти земли и были «подарены» — т. е., по сути, возвращены — Птолемею Византию по окончании войны (Vinogradov Ju. G. Der Staatsbesuch... S. 291–292). В этом случае, однако, возникают следующие вопросы: 1) как и когда византийцы приобрели область Триглии; 2) почему Дионисий, прекрасно знающий историю родного полиса, допустил некоторую смысловую неясность, употребив слово δωρεῖται для обозначения *возврата* византийцам их прежних владений. Кроме того, остается неясным, как Зиэл сумел противостоять мощной коалиции своих противников, если в ней на протяжении всей войны сохранялось единство (т. е. Птолемей исполнял все свои обязательства перед союзниками). Все это, пожалуй, заставляет склониться к той версии событий, связанных с образованием владений Византия в Азии, которая была изложена в § 1 главы II данной книги.

¹³³ Sevrugian E. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΙΘΥΝΩΝ ΖΙΑΗΛΑΣ. S. 38.

¹³⁴ До нас дошло только пять бронзовых монет Зиэла, причем весьма невысокого качества (Lambros P. Ziaelas, König von Bithynien // Zeitschrift für Numismatik. Bd. 3. 1876. S. 220–222; Recueil. P. 219. № 8;

Видимо, через какое-то время после прекращения междоусобицы и оформления на территории Вифинии двух или даже более самостоятельных доменов Зиэлу удалось изгнать своих противников и объединить всю страну под своей властью¹³⁵.

Более или менее достоверную информацию о том, как повлияло прекращение вифинской смуты на других ее участников, мы имеем только в отношении Гераклеи. Мемнон сообщает, что гераклеоты «достигли выгод по договорам» (ταῖς συμβάσεσι τὸ συμφέρον καταπραττόμενοι) (F. 14, 2). Этот пассаж, видимо, следует понимать буквально: хотя остается неясным, какие именно достижения гераклеотов Мемнон имеет в виду¹³⁶, данная фраза едва ли может быть истолкована как указание на какую-то посредническую роль гераклеотов или на их первоочередную инициативу в заключении мира, как считают многие исследователи¹³⁷: ведь Мемнон там же

Sevugian E. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΙΘΥΝΩΝ ΖΙΑΗΛΑΣ. S. 33–36; *Schönert-Geiss E.* Bithynien. S. 690). Возможно, упадок монетного дела Вифинии при Зиэле был вызван тяжелыми последствиями гражданской войны. Ю. Г. Виноградов в 1998 г. в устной беседе со мной высказал мнение, что этот аргумент не является достаточно показательным и сослался на пример Понтийского царства, где в правление Митридата V, когда государство переживало период экономического и политического подъема, отсутствовала регулярная чеканка царских монет. Однако этот монарх все-таки бил серебряную монету (чего мы не наблюдаем в правление Зиэла); внутренние же потребности Понтийского царства покрывались тогда за счет медных и бронзовых монет Синопы и Амиса (*Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство. С. 103–104).

¹³⁵ На это может указывать необычная форма титулатуры Зиэла в его письме кочцам: βασιλεὺς Βιθυνῶν Ζιαήλας (см.: *Errington R. M.* Macedonian «Royal Style» and Its Historical Significance // *JHS*. 1974. Vol. 94. P. 20–37. P. 21. Note 7; *Габелко О. Л.* Некоторые особенности... С. 167–168).

¹³⁶ Вряд ли гераклеоты отошли от активного сотрудничества с бывшими членами Северной лиги и стали действовать, сообразуясь исключительно с собственными интересами (*Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская... С. 171): в этом случае Мемнон употребил бы глагол καταπραττω в среднем залоге. Никакого ухудшения отношений Гераклеи с прежними союзниками не произошло: в скором времени гераклеоты оказали действенную помощь византийцам против Антиоха II (Мемн., F. 15). Вероятно, под «выгодами» можно подразумевать закрепление гераклеотами прав на спорные с Вифинией владения: Киер, Тиос, Финийскую Фракию.

¹³⁷ *Niese B.* Die Geschichte... Bd. II. S. 136; *Stahelin F.* Die Geschichte... S. 25; *Tarn W. W.* Antigonos Gonatas. P. 326; RC. P. 120;

подчеркивает, что граждане Гераклеи активно участвовали в войне (Ibid.). Выполнение посреднической миссии должно было бы привести к некоторому сближению между гераклеотами и Зиэлом, чего в действительности не произошло: последовавший вскоре после окончания войны набег галатов на территорию Гераклеи (Μεμν., F. 14, 3) был явно инспирирован Зиэлом¹³⁸.

Анализ источников позволяет заключить, что Гераклея оказалась отнюдь не единственным участником антизиэловской коалиции, отношения которого с новым вифинским царем вполне закономерно резко ухудшились. В договоре об исполнении кианийцев с милетянами содержится упоминание о том, что земли Киоса были опустошены войнами: τοὺς πολέμους τοὺς κατασχόντας τὰς αὐτῶν τῆν χώραν (сткк. 10–11)¹³⁹. Исследователи видят в этом указание на конфликт кианийцев с галатами и, основываясь отчасти на данных просопографии (списке милетских должностных лиц), датируют надпись периодом около 228 г., связывая возможность борьбы граждан Киоса против кельтов с набегами варваров на соседние с Вифинией области после убийства ими Зиэла¹⁴⁰. Более обоснованной, однако, кажется попытка связать упоминаемые в надписи события с ходом каких-то предшествующих конфликтов Киоса и Вифинии. Зиэл незадолго до своей гибели находился в другом районе

Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 30; Braund D. C. Rome and the Friendly King. P. 145; Mitchell S. Anatolia. P. 19; Ellis P. B. Celt and Greek. P. 132.

¹³⁸ Schneiderwirth H. Das Pontische Herakleia. S. 9–10; *Дзэгурона В. П.* Мемнон. О Гераклее. Комментарии. С. 299. Прим. 1; *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская... С. 170.

¹³⁹ Kawerau G., Rehm A. Das Delphinion in Milet. Berlin, 1914. № 141 = Die Inschriften von Kios. Ep. test. № 3.

¹⁴⁰ Ibid. S. 246; 314; Die Inschriften von Kios. S. 35, 178. Издатели надписи связывают сделанное в надписи упоминание об опустошении каким-то противником милетской хоры (сткк. 25–26) с карийской экспедицией Антигона Досона (228 г.?), что позволяет им датировать памятник временем после гибели Зиэла. Однако современные ученые склоняются к мнению, что в ходе малоазийской кампании Досона под его удар попали только селевкидские владения, а Милет в это время был зависим от Птолемея III (Bengtson H. Die Inschriften von Labranda und die Politik des Antigonos Dason. München, 1971. S. 26–28; *Le Bohec S.* Antigone Dôsôn, roi de Macédoine. Nancy, 1993. P. 327–361, особ. P. 347–348; *Beyer-Rothoff B.* Untersuchungen zur Aussenpolitik Ptolemaios' III. Bonn, 1993. S. 84). Более вероятно, что в данном пассаже идет речь о каких-то других событиях.

Малой Азии¹⁴¹, и к тому же упоминания о лишениях кианийцев создают впечатление о длительных и многочисленных конфликтах (войны — во множ. числе), которые уместнее отождествить с систематическим давлением соседей-вифинцев, нежели с набегом галатов, чье пребывание в округе Киоса вряд ли могло быть длительным.

Наконец, косвенные данные указывают и на разрыв Зизала с Византием. Мемнон непосредственно за рассказом о событиях в Вифинии помещает пассаж о войне Антиоха II Теоса против Византия, в которую вмешались гераклеоты: предоставив византийцам сорок триер, они достигли того, что война не пошла дальше угроз (Мемн., F. 15)¹⁴². О позиции Вифинии в ходе этого события

¹⁴¹ По сообщению Трога, Зизал был убит галатами после их поражения от Атгала при Пергаме (Proleg., 27). С этим коррелирует указание Филарха, что Зизал погиб, пребывая на чужбине (ἐπὶ ξενίας) (Athen. II. 58c = Phylarch. FGrH, 81 F. 50), а Киос в это время, скорее всего, уже был окружен вифинскими владениями.

¹⁴² О войне Антиоха II в регионе Проливов и во Фракии: Polyae., IV, 16; IGB I² 388. Крушение селевкидского господства во Фракии отражено в надписи OGIS 54. Ряд исследователей датирует эти события рубежом 260-х и 250-х гг. (Niese B. Die Geschichte... Bd. II. S. 137; Miller J. Byzantion. Sp. 1137; Kabakčiev J. La Thrace et la politique des grandes monarchies hellénistiques au III-e siècle av. n. t. // BHR. 1985 Vol. 13. № 3. P. 55; Туровский Е. Я. К вопросу о внешней политике греческих государств Северного Причерноморья в III в. до н. э. // АПМНП. С. 165), но то обстоятельство, что Мемнон помещает фрагмент о вражде Антиоха с византийцами после рассказа о гражданской войне в Вифинии, заставляет отодвинуть предприятия Селевкида примерно на вторую половину 250-х гг., что отчасти подтверждается и данными нумизматики, в частности, активизацией поступления селевкидских монет во Фракию (Юркова И. Политическая обстановка в Юговосточной Тракия около средата на III в. пр. н. э. (по нумизматични данни) // Археология. 1982. № 2. С. 1–8; Драганов Д. Монетосеченето на Кабиле. София, 1993. С. 64). Возможно, экспедиция Антиоха против византийцев имела место в 254 г. в ходе Второй Сирийской войны (Vinogradov Ju. G. Der Staatsbesuch... S. 288–289. Anm. 45). Разрозненные сообщения источников создают впечатление об эфемерности селевкидских завоеваний в районе Проливов. Тем не менее Дионисий Византийский (92) и Полибий (IV, 50, 3) не подтверждают этого, так как сообщаемые ими сведения указывают на сохранение контроля Селевкидов над святилищем Зевса Урия при выходе из Боспора еще при Селевке II (до 225 г.). Утверждение сирийского господства в этом пункте наиболее оправданно связать как раз с фракийской кампанией Антиоха. Отсюда следует, что его действия против визан-

ничего неизвестно. В историографии уже давно выдвигались предположения о какой-то связи этого эпизода с бурными перипетиями в вифинских делах¹⁴³. Трудно представить, что Антиох имел бы свободу действий в юго-восточной Фракии и в районе Пропонтиды, если бы усилению селевкидского влияния здесь противодействовала Вифиния; но, исходя из тезиса о возможной нормализации вифинско-селевкидских взаимоотношений в начале правления Зиела, допустимо заключить, что вифинский царь если прямо и не помог Антиоху, то придерживался нейтралитета, объективно выгодного ему. Таким образом, действия (или, точнее, бездействие) Зиела опять-таки были направлены против Гераклеи и Византия.

Узьявление такого поворота во взаимоотношениях Вифинии с полисами — бывшими членами Северной лиги заставляет пересмотреть мнение об отсутствии враждебности (по крайней мере, открытой) между Зиелом и городами северо-западной Анатолии¹⁴⁴. Это влечет за собой необходимость если не полностью отвергнуть, то, во всяком случае, пересмотреть и уточнить ставшую уже общепринятой точку зрения, согласно которой Зиел был последовательным продолжателем дела своего отца и стал едва ли не самым «выдающимся филэллином» во всей истории вифинской династии¹⁴⁵. Разрыв с полисами северо-западной Малой Азии исключил из числа возможных объектов приложения филэллинской политики вифинского царя ряд важных торговых и политических центров греческого мира и вынудил его переориентироваться на другие государства, способные стать его союзниками и экономическими партнерами¹⁴⁶. Ярким свидетельством этого стало письмо

тийцев — постоянных претендентов на обладание Гиером (Dion. Byz., 92) — не были безрезультатными.

¹⁴³ Можно присоединиться к мнению, что воцарение Зиела предоставило Антиоху шанс выступить против Византия (*Bouché-Leclercq A. Histoire des Séleucides*. P. 83–84; ср.: *Jouguet P. L'impérialisme macédonien...* P. 412; *Will É. Histoire politique...* T. I. P. 247).

¹⁴⁴ *Jones A. H. M. The Cities...* P. 151–152; *Дзагурова В. П.* Мемнон. О Гераклее. Комментарии. С. 299. Прим. 1.

¹⁴⁵ *RC*. P. 122; *SEHNW*. Vol. I. P. 569–570; *Magie D. Roman Rule...* Vol. I. P. 312; *Vitucci G. Il regno di Bitinia*. P. 31–32; *Habicht Ch. Zierlas*. Sp. 392; *Harris B. F. Bithynia: Roman Sovereignty...* P. 861.

¹⁴⁶ В пользу этого может свидетельствовать постепенный отход гераклетов от ориентации на Птолемея, союзников Зиела (*Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская... С. 171).

Зиэла «совету и народу Коса», обнаруженное в архиве косского храма Асклепия (Syll.³ 456 = RC 25 = Rigsby 11)¹⁴⁷.

Данный памятник уже подвергался в науке глубокому изучению и с точки зрения чистой эпиграфики, и в общесторическом плане¹⁴⁸, поэтому тщательный анализ его здесь представляется излишним. Необходимо остановиться лишь на некоторых его особенностях, проясняющих наиболее существенные черты политического курса Зиэла.

¹⁴⁷ Представляется уместным привести русский перевод надписи: «Царь вифинцев Зиэл приветствует совет и народ Коса. Диогитон, Аристолах и Теудот, прибывшие от вас, просили признать неприкосновенным святилище Асклепия, воздвигнутое у вас, и в остальном человеколюбиво относиться к <вашему> полису, точно так же, как Никомед, наш отец, был благосклонно расположен к народу <косцев>. Мы же преуспеваем в оказании заботы всем эллинам, прибывающим к нам, будучи убеждены, что это содействует немалой <нашей> славе. Более всего из друзей нашего отца мы продолжаем почитать и вас, поскольку наш отец был знаком с вашим народом, и поскольку царь Птолемей, наш друг и союзник, дружески относится к вам. Кроме того, отправленные <вами> послы с глубоким почтением выразили расположение, которое вы испытываете к нам; а в остальном, о чем вы нас просите, мы будем пытаться, насколько сможем, благосклонно относиться к вам — и к каждому по отдельности, и ко всем вместе. Что же касается плывущих по морю, то тем из вас, кто прибудет в местности, которыми мы управляем, мы постараемся обеспечить безопасность. Точно так же и относительно тех, кому случится из-за какого-либо несчастья во время плавания оказаться на нашей <земле>, будет со всем старанием сделано так, чтобы с одним из них не поступили несправедливо. И мы признаем неприкосновенным святилище, как, по вашему мнению, это должно быть, а Диогитону, Аристолаху и Теудоту об этом и о другом, чего мы желаем, поручаем сообщить вам» (Габелко О. Л. Монархии, полисы, племена: международные отношения в эллинистической Малой Азии // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Учебно-методический комплекс. Ч. 2. Хрестоматия. Казань, 2002. С. 160–161).

¹⁴⁸ Herzog R. Ein Brief des Königs Ziaelas von Bithynien an die Koer // AM. Bd. XXX. 1905. S. 173–182; *Idem*. Griechische Königsbriefe // Hermes. Bd. LXV. Hft. 4. 1930. S. 455–471; RC 25, Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 31–32; Boffo L. I re ellenistici... P. 207–209; Rigsby K. Asyilia. № 11. P. 118–121. В последней работе предлагается уточнение датировки надписи: вместо прежней (246–242 гг.) предлагается строго 242 г., т. к. эти же косские послы в этом году нанесли визит Селевку II (*Ibid.* № 10) (впрочем, определение личности царя — автора этого письма остается

Письмо Зизла совету и народу Коса

Во-первых, исследование стиля письма выявляет в нем некоторые довольно существенные стилистические погрешности¹⁴⁹, которые могут быть отнесены на счет поверхностной эллинизации вифинского царского двора и недостаточно глубокого знакомства царского секретаря с нормами греческого языка и ведения официальной дипломатической корреспонденции¹⁵⁰. При этом исследователи все же считают возможным констатировать не слишком существенные различия между письмом Зиэла и обычными образцами дипломатической переписки современных ему монархов, что дает вифинскому царю все основания выступать в качестве полноправного представителя эллинистической династии¹⁵¹. Эти претензии признавались косяками вполне справедливыми, иначе бы они не обратились к Зиэлу с просьбой подтвердить неприкосновенность святилища Асклепия.

Во-вторых, акцентирование в тексте письма дружеских связей Зиэла с Птолемеем III Эвергетом (стк. 23) свидетельствует об изменении положения Вифинии в структуре межгосударственных связей эллинистического мира. После смерти Антиоха II (247/6 г.) и начала глубокого кризиса в государстве Селевкидов Зиэл окончательно переориентировался на Египет, чьи позиции на международной арене значительно упрочились¹⁵².

Далее, интерес вызывают цели, которые преследовал Зиэл своим обращением к гражданам Коса, и определяемое ими своеобразие характера письма. Означенный документ можно отнести

проблематичным). Однако данное мнение можно оспорить. Во-первых, из послдов, упомянутых в этих двух надписях, известно имя только одного — Диогитона, который мог совершать посольские миссии несколько раз. Весьма показательна, что в том же 242 г. соседний с Вифинией Киос посетили совсем другие косские послы (*Rigsby K. J. Asyria*. № 32). Во-вторых, Зиэл в тексте своего рескрипта нигде не называет косских посланников феорами и не упоминает проведения празднеств в честь Асклепия, имевших место в 242 г. Все это заставляет вернуться к мнению, что письмо Зиэла косякам следует датировать несколькими годами ранее.

¹⁴⁹ *Herzog R. Ein Brief...* S. 176–177; TAM IV 1. № 1; *Rigsby K. J. Asyria*. P. 108, 120.

¹⁵⁰ *Herzog R. Ein Brief...* S. 177; RC. P. 121–122. Текст послания вообще чрезвычайно напыщен и витиеват.

¹⁵¹ *Habicht Ch. Ziaelas*. Sp. 392.

¹⁵² *Herzog R. Griechische Königsbriefe*. S. 468; *Gauger J. D. Bithynien*. S. 103.

к категории «экономических договоров»¹⁵³, являющихся отражением типичного для эллинистической эпохи переплетения экономических и политических интересов государства с деятельностью частных лиц — торговцев¹⁵⁴. Стремление Зиэла развивать торговлю с греками проявилось прежде всего в его обещании предоставить гарантии безопасности эллинским купцам — как прибывшим в Вифинию по торговым делам, так и потерпевшим кораблекрушение у ее берегов (сткк. 29–44). Этот факт может быть расценен как свидетельство существования в Вифинии консервативных элементов, по-прежнему занимавшихся пиратством на берегах Черного и Мраморного морей¹⁵⁵. Не исключена и другая трактовка данного пассажа: Зиэл стремился доказать кощам, что последствия тяжелой гражданской войны, естественным образом пагубно сказавшейся на развитии торговых связей вифинцев с греками, уже были преодолены¹⁵⁶. Следы той же пропагандистской активности вифинских царей, возможно, несет в себе сообщение Николая Дамасского о вифинской φιλοξενία (проявляемой, впрочем, весьма своеобразно) (FGrH, 90, F. 113)¹⁵⁷.

¹⁵³ Жигунин В. Д. Международная политика... С. 108.

¹⁵⁴ Едва ли правомерно сравнение политики Зиэла в отношении Коса и фракийского династа Садала — в отношении Месембрии (IGB I² 307) (Данов Хр. Към историята на Тракия и Западното Черноморие от втората половина на III век до средната на I век преди н. е. София, б. г. С. 132). Болгарский исследователь исходит из примерно одинакового уровня социально-экономического развития и этнической близости вифинцев и фракийцев Садала, но упускает из виду, что Месембрия, видимо, признала верховенство над собой фракийского династа (SVA III. S. 334) и последний мог диктовать гражданам свои условия, в то время как Кос не подвергался никакому давлению со стороны Зиэла.

¹⁵⁵ RC. P. 123; Hannedstad L. «This Contributes in No Small Way...». P. 78; Souza Ph. de. Piracy... P. 55–56.

¹⁵⁶ Между тем строки 36–37 декрета (τοῖς τόποις ὧν ἦμεῖς κρατοῦμεν) дают основания считать, что какая-то часть страны Зиэлу могла не принадлежать. К. Ригсби считает возможным говорить даже о сохранении различной лояльности вифинских городов по отношению к Зиэлу и на момент составления документа (Rigsby K. Asyria. P. 121). Видимо, дело примерно так и обстояло, несмотря на использование Зиэлом титулатуры, подчеркивающей установление его господства над всей Вифинией.

¹⁵⁷ SEHNW. Vol. I. P. 560–570; против — Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 32. Note 2. Вряд ли можно сделать какие-либо выводы на основании сопоставления фразы Николая о том, что фины «тех из чужезем-

Подводя итог характеристике послания Зиэла косцам, необходимо поставить вопрос: насколько адекватно оно отображает филэллинские устремления вифинского царя и его желание развивать экономические сношения с греческим миром? Имела ли линия, выраженная в этом «лучшем памятнике филэллинской политики вифинской династии»¹⁵⁸, какие-то практические результаты? Анализ источниковой базы, документирующей правление Зиэла, заставляет воздержаться пока от однозначных оценок филэллинизма вифинского царя. Дело в том, что внутренняя и внешняя политика Зиэла, как кажется, могут получить принципиально новое освещение благодаря реинтерпретации документа, который долгое время считался не имеющим к истории Вифинии никакого отношения. Речь идет еще об одном из царских посланий, обнаруженном в косском архиве и опубликованном в 1952 г. (SEG XII № 370 = Rigsby 12)¹⁵⁹. Имя автора документа, как и все начало письма, до нас не дошло, поэтому надпись обычно фигурирует в историографии как «письмо неизвестного царя».

Детальный анализ этого интереснейшего памятника будет проведен в специальной работе; здесь же достаточно привести основные аргументы в пользу его новой трактовки.

Исходя из плохо сохранившегося текста надписи, о правителе — ее авторе можно извлечь следующую информацию (в порядке ее приведения в тексте).

1. В 242 г. или несколько ранее этот царь испытывал какие-то трудности, помешавшие ему отправить священное посольство на Кос (сткк. 17–19).

2. Под сестрой царя, упоминающейся в стк. 20, должна пониматься его сестра-супруга, чему существует целый ряд аналогий¹⁶⁰.

цев, кто оказывался у них не по своей воле (из-за кораблекрушения) — О. Г.), весьма почитали, а тех, кто прибывал добровольно, наказывали» (τῶν δὲ ξένων τοὺς μὲν ἀκουσίως ἐλθόντας σφόδρα τιμῶσιν, τοὺς δ' ἐκουσίως κολλάζουσιν) с тем обстоятельством, что в тексте письма Зиэла отсутствует упоминание о предоставлении грекам права торговли в Вифинии (Walbank F. W. A Historical Commentary... Vol. III. P. 674).

¹⁵⁸ RC. P. 122.

¹⁵⁹ См. наиболее подробный комментарий с предшествующей литературой: Rigsby K. J. *Asyilia*. P. 121–124. № 12.

¹⁶⁰ Rigsby K. J. *Asyilia*. P. 124. В частности, упоминание «сестры» содержится в стк. 5 надписи косского архива, атрибутируемой кому-то из представителей династии Птолемея (RC 21 = Rigsby K. J. *Asyilia*. № 13).

3. Автор письма говорит о своих «согражданах» (οἱ ἡμέτεροι πολῖται — стк. 21); эта клаузула не имеет аналогий в других царских письмах эллинистического времени и, при всей ее загадочности, может быть понята как указание на жителей столицы царства.

4. Составитель рескрипта акцентирует свое родство (συγγένεια) с косцами (сткк. 23, 32) и некоторыми другими эллинами (стк. 29).

5. Это родство доказал его отец, поддерживавший связи с Косом ранее (сткк. 25–28).

Так как на оборотной стороне той же стелы был высечен декрет Гелы, первоиздатель надписи Р. Херцог посчитал, что этот рескрипт принадлежит Гиерону II Сиракузскому, а Г. Клаффенбах, по его собственному признанию, рискнул предположить, что отправителем письма был сын Гиерона Гелон¹⁶¹. Новое направление дискуссии придал выдающийся французский эпиграфист Л. Робер, обративший внимание на то, что настойчивое подчеркивание родства с косцами должно свидетельствовать о варварском происхождении царя-отправителя. Это позволило Л. Роберу задать риторический вопрос: «Можно ли себе представить Гиерона или Гелона, ищущих доказательств для подтверждения их родства с греками? Принимая во внимание, что царь, автор этого письма говорит ο συγγένεια, что предполагает некий город, находившийся в определенных отношениях с царем (ни один Лагид, Селевкид, Атталид не говорил о “наших согражданах”), мы считаем, что речь должна идти о царе Боспора Киммерийского»¹⁶². Точка зрения Л. Робера получила широкое распространение¹⁶³ и была, в частности, воспринята Ю. Г. Виноградовым, использовавшим данные рескрипта для реконструкции политической истории Боспора во второй половине III в.¹⁶⁴

¹⁶¹ Herzog R., Klaffenbach G. *Asylieurkunden aus Kos*. Berlin, 1952. S. 9–10, 30.

¹⁶² Robert J., Robert L. // *Bulletin Épigraphique*. 1953. P. 157.

¹⁶³ Sherwin-White S. M. *Ancient Cos: An Historical Study from the Dorian Settlement to the Imperial Period*. Göttingen, 1978. P. 112–113. Note 153; Curty O. *Les parentés légendaires entre cités grecques*. Genève, 1995. P. 48; Rigsby K. J. *Asyia*. P. 123. Note 43.

¹⁶⁴ Толстиков В. П., Виноградов Ю. Г. Декрет Спартокидов из дворцового храма на Акрополе Пантикапея // *Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи*. М., 1999. С. 294–296.

Однако анализ информации, относящейся к положению боспорских Спартокидов в греческом мире, позволяет считать, что эта династия, несмотря на свое изначальное (вероятнее всего, фракийское) происхождение, к середине III в. уже давно не воспринималась эллинами как варварская. Соответственно никаких оснований добиваться признания родства с косцами у отправителя письма не было и быть не могло. Кроме того, ни «сицилийская», ни «боспорская» гипотезы не могут объяснить всех пяти указанных выше моментов, характеризующих личность «неизвестного царя», что неожиданно окажется вполне возможным, если отождествить его с Зиэлом. Обратимся к аргументации этого предположения.

1. Препятствия в отправке посольства на игры в честь Асклепия, проводившиеся в 242 г., могли быть вызваны тем, что только к этому времени Зиэл (возможно, в результате нового «тура» гражданской войны) наконец-то полностью установил свой контроль над всей Вифинией и стал ее единственным царем. Как уже было отмечено, хотя в более раннем полностью сохранившемся письме Зиэл именуется «царем вифинцев», на территории страны существовали какие-то области, неподвластные ему¹⁶⁵, — там-то, очевидно, и продолжал/и править его сводный/е брат/ья.

2. Женитьба на собственной сестре Лисандре была бы для Зиэла вполне логичным шагом в условиях войны за престол, когда его противники, «вифины», как называет их Мемнон, выдали мать противников Зиэла Этазету замуж за его дядю, брата Никомеда I (F. 14, 1–2). С помощью такого нестандартного шага изгнанный принц мог рассчитывать на повышение своего авторитета внутри страны и тем самым увеличить шансы в борьбе за престол.

3. «Согражданами» царя следует считать никомедийцев, на которых он мог опереться в ходе войны (в противовес вифинской аристократии, поддержавшей его противников). За услуги, оказанные Зиэлу населением вифинской столицы в ходе войны, никомедийцы могли получить от него весьма значительные привилегии — реальный полисный статус и право асии (подробнее см. гл. V, § 2).

4. Родство царя с косцами имело в качестве формального предлога, с одной стороны, вновь выстроенные «особые отношения»

¹⁶⁵ См. описательное определение владений Зиэла в сткк. 36–37. Вывод К. Ригсби о том, что династические смуты в Вифинии продолжались и в 240-х гг. (то есть более 10 лет!) (Rigsby K. *Asyria*. P. 121), кажется весьма перспективным, но не получил в его работе дальнейшего развития.

царя (или даже вифинской династии в целом) с его «согражданами» — никомедийцами, с другой — общее дорийское происхождение косцев и жителей мегарской колонии Астака, преемником которого считалась Никомедия (подробнее см. об этом также гл. V, § 2). Почти во всех документах косского архива, где идет речь о родстве с Косом полисов, от лица граждан которых составлены соответствующие письма, термин *συγγένεια* обозначает именно связи между дорийскими общинами¹⁶⁶, и нет никаких оснований полагать, как это делает О. Курти¹⁶⁷, что анализируемый здесь документ дает пример какого-то иного рода.

5. То, что дружественные отношения с косцами поддерживал отец Зиэла Никомед I, следует из сткк. 9 и 18 проанализированного выше его письма косцам. Памятуя о том, что Никомед был покровителем греческого искусства и культуры, мы можем допустить, что «родство» по линии Кос — Астак — Никомедия — вифинская династия было «вычислено» и обосновано придворными историографами этого монарха, чем и вызвано замечание о том, что оно было установлено им самим.

Разумеется, возникает вопрос, почему косцы дважды отправляли послов к Зиэлу на протяжении нескольких лет, тем более что К. Ригсби говорит о том, что признание асиили проводилось одной династией (не говоря уже о ее конкретном представителе) эллинистических правителей только один раз¹⁶⁸. Однако необходимо учитывать, что в случае с Зиэлом мы имеем дело с довольно нестандартной ситуацией, поскольку и фактический и, видимо, юридический статусы Зиэла за прошедшие годы после утверждения его единоличного правления изменились. Подтверждение неприкосновенности косского святилища и для него, и для косцев отнюдь не было лишним (тем более что оно совпало по времени с проведением общеэллинского фестиваля).

Нельзя отрицать того, что многие положения предложенной здесь реконструкции сугубо гипотетичны и не могут быть под-

¹⁶⁶ Упоминание *συγγένεια* встречается в документах косского Асклепийона пять раз: *Rigsby K. J. Asyilia*. № 15 (Мессена); 20 (Мегара?); 21 (имя города не сохранилось, но его дорийское происхождение не исключено; возможно, это Гераклея Трахинская); 46 (Неаполь); 48 (Камарина); 49 (Гела).

¹⁶⁷ *Curty O. Les parentés legendaires...* P. 51–52.

¹⁶⁸ *Rigsby K. J. Asyilia*. P. 117.

тверждены иными данными. Тем не менее она в целом хорошо сочетается с основными очертаниями политики Зиэла, одной из главных характеристик которой следует считать значительную противоречивость и непоследовательность (что, впрочем, во многом было вызвано чрезвычайно сложными и необычными обстоятельствами начального этапа его политической карьеры). Так, выясняется, что Зиэл, вначале сделав в борьбе за престол ставку на галатов, в дальнейшем отчасти переориентировался на греческое население Вифинии (прежде всего, никомедийцев). Однако на внешнеполитической арене это проявление его филэллинизма не получило сколько-нибудь конструктивного развития — кроме разве что признания асилии косского храма Асклепия.

Два письма косцам являются *единственным* указанием на существование дружественных связей Зиэла с греческими полисами, хотя, конечно, можно допустить, что другие свидетельства подобного рода до нас просто не дошли¹⁶⁹. Эти документы представляют собой всего лишь «протокол о намерениях», осуществлению которых, как следует из его текста, мешали серьезные препятствия. Экономическая политика Зиэла, видимо, не стала целостным комплексом мероприятий; чеканка монет в его правление была незначительна, а без активной финансовой политики добиться создания интенсивных коммерческих связей с эллинским миром было очень трудно, если вообще возможно. Наконец, практически все сообщения о деятельности Зиэла указывают на приоритет, явно отдаваемый им военным, а не экономическим мерам; в ходе его войн интересам греков мог быть нанесен ощутимый ущерб¹⁷⁰.

Что же касается достижений Зиэла в расширении территории Вифинского царства, то они, видимо, были весьма значительными. При всей отрывочности сообщений источников все же можно констатировать, что внешняя политика Зиэла имела два географических направления: восточное (некоторые исследователи счи-

¹⁶⁹ Высказывалось мнение, что за счет предоставленных Зиэлом средств на Косе велось храмовое строительство (Schenkungen. № 424. S. 486–487).

¹⁷⁰ Р. Макшейн обоснованно считает, что непоследовательная в отношении греков политика Зиэла (а также действия правителей Понта и Каппадокии) к началу войны Селевка II и Антиоха Гиеракса представляла собой серьезную угрозу для анатолийских эллинов (McShane R. B. The Foreign Policy... P. 59).

тают его главным¹⁷¹) и южное. В ходе экспансии Вифинии в сопредельные области, сопровождавшейся многочисленными конфликтами с соседними государствами, за вифинским царем закрепилась репутация храброго и воинственного правителя, по праву носящего львиную шкуру, подобно Гераклу в древности (Агг., Bithyn., F. 64 Roos)¹⁷².

Прямых упоминаний о войнах Зиэла за обладание территориями к востоку от Вифинии в источниках не существует. Сообщения Стефана Византийского (Steph. Byz., s. vv. Ζῆλα, Κρήσσα) и Плиния Старшего (Plin., NH, VI, 3, 10) указывают на военное присутствие вифинского царя в Пафлагонии и Каппадокии. Точная локализация захваченного Зиэлом пафлагонского города Крессы и основанной им в Каппадокии колонии неизвестна, и многие исследователи воспринимают информацию Стефана скептически¹⁷³. Тем не менее агрессивные притязания вифинского царя на земли соседней Пафлагонии — страны, слабой в военном и политическом отношении — кажутся вполне возможными. Предполагать наличие вифинских владений в гораздо более удаленной Каппадокии едва ли целесообразно, однако не исключено, что Зиэл основал там город во время одного из своих походов — либо во время своих скитаний по Малой Азии еще до воцарения, либо, что кажется более вероятным, значительно позднее. В любом случае, сообщения Стефана достаточно убедительно намечают основные объекты стратегических интересов Зиэла на востоке.

Проводимая им политика неизбежно должна была привести Вифинию к столкновению с другой малоазийской державой, стремящейся к расширению своих территорий — Понтийским царством. Отношения между Понтом и Вифинией были натянутыми еще со времени борьбы Зиэла за престол; в дальнейшем эта вражда получала все новые и новые импульсы и могла вылиться в зна-

¹⁷¹ Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 34; Heinen H. The Syrian-Egyptian Wars... P. 425.

¹⁷² Т. Рейнак характеризует монеты Зиэла как «monnaie de combat» (Reinach Th. Essai sur la numismatique... P. 223).

¹⁷³ См.: Magie D. Roman Rule... Vol. II. P. 1195. Note 35; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 33–34; Habicht Ch. Ziaelas. Sp. 393–394. Сомнения в достоверности известия о нахождении Крессы в Пафлагонии (в этом случае она якобы была изолирована от Вифинии) беспочвенны: западная Пафлагония ничем не отделялась от территории Вифинского царства.

чительный конфликт¹⁷⁴, о котором, к сожалению, нам ничего не известно. Вероятность такого развития событий довольно велика; Зиэл, скорее всего, использовал своих традиционных партнеров — галатов¹⁷⁵. Об исходе этого конфликта нельзя сказать ничего определенного¹⁷⁶.

Основой для реконструкции действий Зиэла на южном направлении в течение долгого времени оставалось крайне запутанное сообщение Юстина: *interea rex Bithyniae Eumenes sparsis consumptisque fratribus (Селевка II и Антиоха Гиеракса. — О. Г.) bello intestinae discordiae quasi vacantem Asiae possessionem invasurus victorem Antiochum Gallosque adgreditur* (XXVII, 3, 1). Еще Эд. Мейер показал, что в этом пассаже за личностью *rex Bithyniae Eumenes* следует видеть по меньшей мере трех реальных лиц: пергамских правителей Эвмена I и Аттала I, а также Зиэла¹⁷⁷. Кажется все же сомнительной возможность сделать на основе столь противоречивого указания вывод о завоевании вифинским царем Фригии Эпиктет¹⁷⁸. Однако недавно были получены доказательства проникновения вифинцев в область Абреттену, расположенную к юго-западу от Мизийского Олимпа. В надписи с алтаря, посвященного Деметре и императору Адриану, обнаруженной в современном селении Сарисипахилер, содержится указание на проживание в этом районе представителей «рода Зиэла» (*ὁν ἀγωνάρχαισι κτιστικῶ γένευσ τῶ Ζηλιανῶ*)¹⁷⁹. По мнению комментаторов надписи, форма Ζηλιανῶ могла быть образована от имени вифинского царя, известного в различных вариантах¹⁸⁰. Если это

¹⁷⁴ Meyer Ed. *Geschichte des Königreichs Pontos*. S. 50; Ломоури Н. Ю. *К истории...* С. 39; Сапрыкин С. Ю. *Понтийское царство*. С. 60.

¹⁷⁵ Meyer Ed. *Geschichte des Königreichs Pontos*. S. 50.

¹⁷⁶ Эд. Мейер (Loc. cit.) предполагает, что этот конфликт оказался неудачным для Вифинии; однако обоснование этого тезиса путем проведения связи между понтийским походом Зиэла и его гибелью (Ломоури Н. Ю. *К истории...* С. 39) не выдерживает критики, так как эти события разделены промежутком по меньшей мере в несколько лет.

¹⁷⁷ Meyer Ed. Loc. cit.

¹⁷⁸ Ibid.; RC. P. 120; Meyer Ern. *Die Grenzen...* P. 112, *Magie D. Roman Rule...* Vol. II. P. 1195. Note 35.

¹⁷⁹ *Die Inschriften von Hadrianoi...* № 132.

¹⁸⁰ См.: Detschew D. *Die Thrakische Sprachreste*. S. 186. Имя Ζηίλας встречается также в надписи II в. н. э. из этой же местности (*Die Inschriften von Hadrianoi...* № 2). Возможно, о проникновении вифинцев в эту

предположение верно, то данное свидетельство следует понимать как указание на достаточно длительное и прочное господство вифинцев над областью Абреттеной: даже во II в. н. э. здесь проводились игры в честь Зевса Пандемоса, учрежденные, возможно, самими Зиэлом¹⁸¹, а принадлежность к потомкам вифинского царского дома в это время продолжала считаться престижной в среде местной знати.

Расширение территории Вифинского царства до земель к югу от Мизийского Олимпа было чревато обострением отношений между Вифинией и Пергамом¹⁸². Если в период правления Никомеда I впервые обозначились противоречия в политике двух молодых анатолийских монархий, то при Зиэле, по мере дальнейшего укрепления положения и возрастания амбиций Атталидов и вифинских царей, их интересы могли прийти в непосредственное столкновение. Дальнейшие события еще более углубили вифинско-пергамскую конфронтацию и придали ей характер основной коллизии, определившей политику обоих государств во внутрианатолийских делах на много десятилетий вперед. Благоприятную почву для развития этих противоречий создали тяжелые и продолжительные смуты 240–230-х гг. в царстве Селевкидов, известные как «война Лаодики» и «война братьев», и последующая борьба Антиоха Гиеракса с Атталом I¹⁸³.

Скульптурный портрет
Аттала I Пергамского (?)

область говорилось в «Вифиниаке» Арриана (Steph. Byz., s. v. Ἀβρεττηνίη = Arr., Bithyn., F. 12 Roos), где, как отмечалось, нашла свое отражение государственная деятельность Зиэла.

¹⁸¹ Die Inschriften von Hadrianoi... S. 152. О культе Зевса Абреттеноского говорит также Страбон (XII, 8, 9).

¹⁸² Die Inschriften von Hadrianoi... Loc. cit.

¹⁸³ Исчерпывающий по глубине анализ данных источников и существующих в науке мнений относительно последних лет жизни Зиэла и, в частности, отношения его к многочисленным конфликтам в Малой Азии (Habicht Ch. Ziaelas. Sp. 394–397) делает излишним всестороннее

Позиция Зиэла в ходе всех этих событий остается во многом неясной. Судя по всему, в «войне братьев» он прямого участия не принимал¹⁸⁴. Достоверно известно лишь о том, что в какой-то момент вифинский монарх решил сделать ставку на Антиоха Гиеракса и закрепил союз с ним посредством выдачи своей дочери замуж за сирийского принца (Euseb., Chron., I. P. 251 Ed. Schone = Porphyr., FGrH, 260 F. 32, 8)¹⁸⁵. В дальнейшем Зиэл воевал с Атталом I, выступившим противником Гиеракса. Именно в этих обстоятельствах Зиэл мог закрепить контроль над Абретеной, воспользовавшись тем, что Аттал концентрировал свои силы главным образом против Антиоха. Бурные перипетии политической карьеры Гиеракса и, в частности, отпадение первоначально состоявших в союзе с ним царей Понта и Каппадокии должны были породить дополнительные противоречия между этими государствами и Вифинией, добивавшейся распространения своего господства на центральные области Малой Азии — в том числе, во Фригии, которая всегда входила в сферу интересов понтийских монархов.

рассмотрение этих проблем в рамках данного исследования. Ввиду недостатка конкретной информации все предположения, однако, остаются сугубо гипотетическими.

¹⁸⁴ Ibid. Sp. 394; Gauger J. D. Bithynien. S. 101.

¹⁸⁵ Заключение этого брачно-династического союза обычно датируют временем после неудачной для Селевка II битвы при Анкире, но до заключения мира между братьями (ок. 236 г.) (Habicht Ch. Ziaelas. Sp. 394). Не исключено, впрочем, что брак дочери Зиэла с Гиераксом был заключен в 235 г., что отражено Георгием Синкеллом, приводящим данные о продолжительности правления вифинских царей (P. 333, 17–18; P. 378, 30–32. Ed. Mosschammer). Этот сюжет подробно рассмотрен мною в отдельной работе, находящейся в печати.

См. о политическом значении данного брака: Seibert J. Historische Beiträge zu den Dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. Weisbaden, 1967. S. 116. Установлением этого альянса Зиэл поставил себя на один уровень с правителями Понта и Каппадокии, породнившимися с Селевкидами ранее. Дружеские связи Зиэла с армянскими Оронтидами должны были оказаться полезными для Гиеракса при установлении его союза с царем Арсамом (Schottky M. Media Atropatena... S. 103). Наконец, нельзя исключать вероятности того, что именно хорошие отношения между вифинским монархом и Птолемеем III способствовали оказанию помощи египетским царем терпящему неудачи Антиоху (Manni E. Roma e l'Italia nel Mediterraneo antico. Torino, 1973. P. 252; Beyer-Rothoff B. Untersuchungen... S. 75).

Не исключено, что конфликт между Зиэлом и Понтийским царством произошел именно в это время¹⁸⁶.

Союзниками вифинского царя и его зятя выступали галаты, от рук которых и тот и другой нашли впоследствии свою смерть. Гибель Зиэла (ок. 230/229 г.) засвидетельствована двумя источниками: Трогом (*utque Galli Pergamo victi ab Attalo Ziaelam Bithyniam occiderunt*) (Trog., Proleg., 17) и Филархом в передаче Афиней (FGrH, 81, F. 50). Контекст сообщения недвусмысленно ставит действия Зиэла в какую-то связь с войной Антиоха и галатов против Аттала. Хотя участие вифинцев в неудачной для Гиеракса битве при Афродисии близ Пергама не зафиксировано (OGIS 275), кажется наиболее вероятным, что вифинский царь каким-то образом координировал свои действия с враждебными правителю Пергама предприятиями Антиоха¹⁸⁷. Вероятно, поход Зиэла сопровождался какими-то неудачами. Помимо чисто военных проблем положение вифинского царя усугублялось, как кажется, трудностями с предоставлением оплаты галатским наемникам¹⁸⁸, с чем сталкивался и Антиох (Just., XXVII, 2–3; Euseb., Chron. I, P. 251. Ed. Schoene). Стремясь избавиться от этих затруднений, он намеревался убить галатских вождей на пиру, но сам пал их жертвой (*καλέσας τοὺς τῶν Γαλατῶν ἡγεμόνας ἐπιβουλεύσας αὐτοῖς, καὶ αὐτὸς διηφόρη* — Phylarch. FGrH, 81 F. 50 = Athen., II, 51)¹⁸⁹.

Результаты государственной деятельности Зиэла представляются далеко не столь однозначными, какими они кажутся боль-

¹⁸⁶ Возможна обратная взаимообусловленность событий: сближение Антиоха с Зиэлом, противником Митридата III, привело последнего к разрыву с сирийским принцем (*Bouché-Leclercq A. Histoire des Séleucides. T. I. P. 111. Note 3*).

¹⁸⁷ Мнение о том, что Антиох после поражения от Аттала отступил в Вифинию, где пребывал вплоть до убийства своего тестя (*Hansen E. The Attalids... P. 35; Magie D. Roman Rule... Vol. II. P. 738–739. Note 69*) не вполне убедительно: сообщение Филарха, судя по всему, хорошо знакомого с обстоятельствами гибели Зиэла, явно связывает ее с походом на чужую территорию. Впрочем, необходимо отметить, что Гиеракс, к тому времени окончательно разругавшийся с галатами, едва ли мог быть для Зиэла партнером в его отношениях с кельтами.

¹⁸⁸ *Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. III. С. 235.*

¹⁸⁹ Предположение о возможной причастности Птолемея III к убийству Зиэла (*Жигунин В. Д. Международные отношения... С. 138*) ничем не подкреплено.

шинству современных историков. Зиэл, безусловно, был способным и энергичным правителем, но нельзя не заметить проходящую через весь период его правления присущую ему склонность к явно рискованным и даже авантюрным акциям. Именно так можно расценить и развязанную Зиэлом войну за наследство Никомеда, завершившуюся для него успешно, и действия на последнем этапе его царствования, приведшие его к гибели. Ориентация Зиэла на галатов — наиболее нестабильный и «взрывоопасный» элемент политической структуры Малой Азии — накладывала на положение Вифинии отпечаток неустойчивости, еще более усугубляемый общей неопределенностью и хаосом в межгосударственных связях Анатолии в 40–30-х гг. III в. Основные достижения Зиэла, как я попытался доказать выше, не следует связывать с проводимой им филэллинской политикой: последняя вряд ли представляла собой существенное звено его политической деятельности, и даже отношения с Косом, как кажется, имели лишь ограниченное значение: они нужны были Зиэлу для повышения его авторитета непосредственно по воцарении, а затем отошли на второй план. Если Никомед I заложил основы таких отношений с греками, какие могли бы превратить Вифинию в серьезного конкурента Пергама по части покровительства полисным свободам и эллинской культуре, то Зиэл сделал ставку на иные методы и цели¹⁹⁰. Его действия были подобны политике других частично эллинизированных азиатских правителей (в первую очередь, представителей понтийской династии) и сочетали в себе как дружественные, так и враждебные грекам акции. Свое дальнейшее логическое развитие эта линия нашла уже в период правления сына Зиэла Прусия I.

Проводимая третьим вифинским царем агрессивная политика в отношении соседних анатолийских государств принесла свои плоды в виде расширения территории Вифинии и роста ее авторитета в международных делах, что признается всеми исследователями. Но едва ли можно безоговорочно согласиться с тем, что в ходе этих завоеваний Зиэл сумел благополучно выпутаться из осложнений в малоазийских делах¹⁹¹. Лакуна в сведениях о на-

¹⁹⁰ Л. Ханнестад считает филэллинскую политику Зиэла не очень активной, но при этом едва ли обоснованно видит в ней «пассивное продолжение политики предшественника» (*Hannestad L. «This Contributes in No Small Way...»*. P. 78).

¹⁹¹ *Habicht Ch. Ziaelas*. Sp. 397.

чальных годах правления Прусия I не позволяет проследить, произошли ли в начале 20-х гг. III в. какие-либо столкновения Вифинии с галатами, Селевком II или Атталом I, но в пользу такой возможности косвенно свидетельствует проведение Прусием праздника Сотерий (Polyb., IV, 49, 3), которые могли знаменовать избавление от какой-то значительной опасности¹⁹².

Несмотря на некоторую противоречивость итогов правления Зиэла, можно все же признать, что в целом ему удалось закрепить и в чем-то даже углубить достижения его отца. Продолжавшееся около шестидесяти лет царствование Никомеда I и Зиэла привело к окончательному утверждению Вифинского царства как эллинистической монархии, занимающей свое далеко не последнее место в системе международно-правовых и политических связей эллинистического мира. Отстояв независимость страны от притязаний более крупных держав, эти цари создали прочную основу для проведения самостоятельной многоплановой политики.

Некоторые изменения были произведены ими и в экономической сфере. Основание новых городов — прежде всего, Никомедии — и стремление развивать торговлю с другими государствами отражали понимание Никомедом и Зиэлом насущных задач хозяйственного развития страны. Трудно сказать, были ли ими достигнуты существенные результаты в этой области¹⁹³. По крайней мере, Никомед и Зиэл предпринимали (или хотя бы пытались предпринимать) меры, вполне соответствующие требованиям того времени и являвшиеся очевидным шагом вперед по сравнению с действиями Зипойта. То же можно сказать и о филэллинской политике второго и третьего вифинских царей — хотя, как кажется, действия Зиэла в этом отношении были более противоречивыми. При всей неоднозначности оценок филэллинизма этих представителей вифинской династии их опыт оказался полезным в дальнейшем.

Можно констатировать, что определенная стабилизация внутри- и внешнеполитического положения Вифинии, достигнутая Нико-

¹⁹² Х. Хабихт полагает, что Сотерии ознаменовали победу Прусия над тектосагами и толистобогиями, с которыми он, несомненно, должен был праздновать после гибели Зиэла (*Habicht Ch. Prusias. Sp. 1087–1088*). Дж. Витуччи (*Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 38. Note 4*) возражает против этого предположения, не приводя никаких аргументов.

¹⁹³ Находки монет Никомеда I и Зиэла очень малочисленны.

медом I и Зиэлом, позволила перейти к резкой активизации экспансии в отношении малоазийских соседей, яркие примеры чего дало царствование Прусия I.

§ 2. *Προυσίας, δραστήριος... καὶ πολλὰ πράξεις*
(Метп., FGrH, 434, F. 19, 1):
государственная деятельность Прусия I

Период царствования сына Зиэла Прусия I и его наследника Прусия II охватывает около восьмидесяти лет. Он богат разнообразными событиями — войнами, участием в различных коалициях, дипломатическими акциями. В это время основные усилия вифинских царей концентрировались на ведении экспансионистской внешней политики и стремлении к территориальным захватам. Объектами ее стали как независимые греческие полисы северо-западной Малой Азии, так и соседние царства, прежде всего — государство Атталидов. Именно с ним Вифиния вела напряженную борьбу за спорные территории в Мизии и Малой Фригии. При всем различии средств и методов проведения внешней политики, применявшихся Прусием I и его сыном, их царствование составляет тот этап в истории Вифинии, когда это государство наиболее активно боролось за выход на ведущие позиции в Анатолии. Четвертый и пятый вифинские цари для достижения своих целей не боялись идти на конфронтацию с близлежащими греческими городами и эллинистическими монархиями, а иногда (с большими или меньшим успехом) даже противостояли дипломатическим путем Риму, все более и более активно вмешивающемуся в дела Восточного Средиземноморья. Именно на время царствования двух Прусиев приходятся события, сыгравшие поистине судьбоносную роль в истории эллинистического мира: конфликты римлян с Македонским и Сирийским царствами, победа в которых превратила Рим в самую сильную державу ойкумены, что в полной мере осознал уже Полибий. Все это позволяет, казалось бы, объединить правление Прусия I и Прусия II в отдельный период в истории Вифинского царства, когда это государство — быть может, в последний раз достаточно последовательно и целенаправленно — проводило активный и в целом самостоятельный курс на международной арене. Тем не менее царствование Прусия II все же должно рассматриваться как на-

чало кризиса вифинской внешней политики, что заставляет отнести его рассмотрение в следующую главу.

* * *

Прусий I наследовал Зиэлу около 230/229 г. Следует отметить, что мнение, будто Прусий продолжил политику отца¹⁹⁴, кажется несколько упрощенным. Он внес в нее два существенных изменения: первоначально отказался от расширения экспансии в глубь полуострова на восток в пользу активных действий в стратегически более важном районе Проливов, а также решительнее, чем Зиэл, пошел на конфронтацию с близлежащими греческими полисами. В первые годы правления Прусию, вероятно, пришлось отстаивать позиции Вифинии в каких-то военных конфликтах (возможно, с галатами), но о них ничего не известно. Так или иначе, к 227 г. Прусий, очевидно, ощущал себя уже достаточно уверенно в экономическом и политическом отношении: он упоминается Полибием в числе тех властителей эллинистического мира, которые оказали поддержку пострадавшему от землетрясения Родосу и направили ему богатые дары (Polyb., V, 90, 1).

Тетрадрахма Прусия I

Эта мера вполне следует в русле филэллинской политики эллинистических монархов и свидетельствует в первую очередь об экономических контактах Вифинии и Родоса. Их существование выглядит вполне закономерным: ведь Вифиния уже поддерживала довольно тесные связи с Косом — одним из важнейших партнеров и союзников родосцев в Эгейде¹⁹⁵. Д. Маги видит здесь и политический подтекст: Прусий якобы оказывал помощь родосцам, имея в виду их поддержку в будущей войне против Византия¹⁹⁶.

¹⁹⁴ Meyer Ed. Bithynia. Sp. 517–518; SEHAW. Vol. II. P. 662.

¹⁹⁵ Berthold R. M. Rhodes in the Hellenistic Age. Ithaca; London, 1984. P. 94.

¹⁹⁶ Magie D. Roman Rule... Vol. II. P. 1196. Note 36. Существует мнение, что Прусия могло встревожить закрепление византийцев в Гиероне, если оно произошло незадолго до начала войны (Hannestad L. «This Contributes in no Small Way...». P. 79, но едва ли это обстоятельство было для Вифинии более опасным, чем селевкидское присутствие в данном пункте (см. выше, прим. 142).

Однако вряд ли это действительно так: ведь конфликт с Византием произошел только спустя шесть лет, и его инициаторами выступили сами родосцы.

Единственным источником, освещающим войну Родоса и Вифинии против Византия, является Полибий. Его рассказ, несмотря на детальное описание событий, содержит ряд неясностей, которые до сих пор не привлекали внимания исследователей, и поэтому данный эпизод политической истории эллинизма заслуживает тщательного рассмотрения¹⁹⁷.

События 220 г. дают наиболее яркий пример влияния экономических факторов на политическую жизнь эллинистических государств. Причину войны Полибий обоснованно видит в том, что византийцы, вынужденные платить галатам из Тилы тяжелую дань в 80 талантов, не получили достаточной помощи от греческих государств¹⁹⁸ и для получения требуемой суммы решились на крайнюю

¹⁹⁷ См. подробнее: Габелко О. А. Конфликт Родоса и Вифинии с Византием в освещении Полибия // *Античность: миры и образы. Межвузовский сборник. Казань, 1997. С. 26–32.* Совсем недавно была опубликована новая основательная работа, специально посвященная этим событиям: Ефремов Н. В. Родосско-византийская война 220 г. до н. э. // *ВДИ. 2005. № 1. С. 128–153.* Она ценна прежде всего детальным воссозданием экономического и политического контекста родосско-вифинско-византийской войны. К сожалению, относительно факторов, заставивших Пруссию пойти на заключение мира (см. далее, с. 232–234), исследователь высказывается довольно невнятно: «Не совсем понятны причины, побудившие Пруссию к такому мягкому обхождению с практически побежденным противником... Причины его внезапного решения (о заключении мира. — О. Г.) следует искать в посредничестве кельтского правителя. После дипломатических успехов родосцев и Кавара Прусией оказался перед выбором: остаться в глазах греков в роли агрессора и разрушителя мира или сделать широкий жест в отношении побежденного города и предотвратить создание враждебной коалиции против себя. Полное поражение Византия вряд ли входило в планы царя (ср. с приводимым далее мнением В. П. Невской. — О. Г.). После заключения договора Византий был формально связан с Вифинией. Сохранить город крепким и цветущим в противовес своим европейским оппонентам (каким?! — О. Г.) более отвечало целям Пруссии» (С. 149–150). Очевидно, такая версия совершенно не снимает практически ни одной из тех проблем, о которых будет говориться далее.

¹⁹⁸ О попытках византийцев облегчить свое положение посредством финансовых реформ см.: *Seyrig H. Monnaies hellénistiques de Byzance et de Chalcedonie // Essays in Greek Coinage Presented to Stanley Robinson. Oxford, 1968. P. 185 ff.; Mørkholm O. Some Reflections on the Production*

меру — обложение пошлиной идущих в Понт кораблей (Polyb., IV, 46, 4–6). Эти действия принесли большие убытки и самим родосцам, и другим крупным торговым центрам Эгейды, обратившимся за помощью к ним как к сильнейшему морскому народу (IV, 47, 1). После неудачных попыток решить дело путем переговоров с византийцами родосцы решили объявить им войну и обратились за помощью к Прусию, который, как им стало известно, находился во враждебных отношениях с Византием (IV, 47, 6–7).

Детальное изложение причин этой вражды ярко характеризует письмо типичное для политики Прусия I балансирование между демонстративными проявлениями филэллинства и стремлением разрешать противоречия с независимыми греческими полисами силовым путем. Очевидно, в течение какого-то времени Прусией поддерживал с византийцами дружественные связи. Однако то, что они не выполнили обещания воздвигнуть у себя его изображения (в благодарность за какие-то услуги?) (IV, 49, 1) и отправили посольство на проводимые Атталом I празднества Афины, проигнорировав организованные вифинским царем Сотерии (IV, 49, 3), нанесло несомненный ущерб репутации Прусия как покровителя греческой культуры и его авторитету в эллинском мире¹⁹⁹. Помимо того, византийцы намеревались примирить противников вифинского царя — Аттала I Пергамского и Ахея²⁰⁰, узурпировавшего власть в малоазийских областях державы Селевкидов, тогда как ему было выгодно сохранение вражды между ними (IV, 49, 2).

Об экономических мотивах вступления Прусия в войну Полибий ничего не говорит, и Х. Хабиخت на этом основании считает, что они не играли сколько-нибудь заметной роли²⁰¹. Однако практически полное отсутствие данных о торговле Вифинского царства все же не препятствует предположению о том, что в рассматриваемый период вифинские торговцы могли быть заинтересованы в налаживании

¹⁹⁹ Use of Coinage in Ancient Greece // Historia. Bd. XXXI. Nr. 3. 1982. P. 298–300. То, что одновременно с ними подобные же меры предпринимали и калхедоняне, свидетельствует о возможной поддержке, оказанной гражданами Калхедона соседнему полису.

¹⁹⁹ Hannestad L. «This Contributes in no Small Way...». P. 79.

²⁰⁰ Полибий говорит, что Ахей угрожал Прусию (V, 77, 1), но до открытого столкновения между ними дело, видимо, не дошло. Что же касаясь Аттала, то вражду с ним Прусией должен был воспринять «по наследству» от своего отца.

²⁰¹ Habicht Ch. Prusias (1). Sp. 1098.

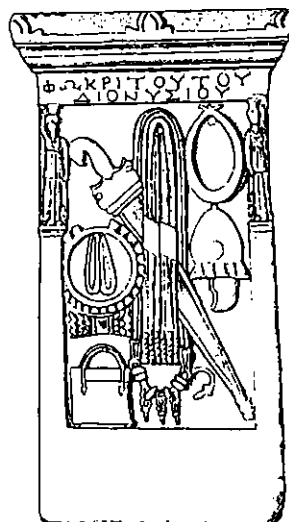
*Генуэзская крепость в совр. Анadolу-Каваги
(на месте Гиерона — святилища Зевса Урия)*

отношений с государствами Понтийского региона²⁰². Так, первые вифинские монеты, обнаруженные в Северном Причерноморье, чеканены именно Прусием²⁰³. Косвенным указанием на внимание Прусия к развитию понтийской торговли (или, скорее, на его стремление контролировать торговую деятельность других государств) служит сообщение Полибия о захвате вифинским царем вскоре после начала войны святилища Зевса Урия (Гиерона), находящегося у самого входа в Понт (IV, 50, 2). Незадолго до того византийцы за большую цену выкупили Гиерон у селевкидского военачальника Каллимета (IV, 50, 3; Dion. Byz., 92), однако Дионисий Византийский добавляет, что на это святилище претендовали также калхедоняне и другие — скорее всего, именно вифинцы, в непосредственной близости от владений которых располагался Гиерон.

²⁰² Интересно, что такое мнение высказывается лишь в популярной работе по истории Стамбула: *Петросян Ю. А. Древний город на берегах Босфора*. М., 1986. С. 30.

²⁰³ См.: *Булатович С. А. Монетные находки на острове Левке // МАСП. № 7. Одесса; Киев, 1971. С. 219*. Правда, эти монеты обнаружены в святилище на о-ве Левка в числе крайне разнородных нумизматических материалов, что служит указанием скорее на их случайное появление в регионе, чем на существование устойчивых торговых контактов.

Война началась, и, согласно предварительно оговоренным условиям (Polyb., IV, 49, 4), Прусий вел боевые действия на суше (причем, как отмечает источник, с большой энергией — IV, 50, 2; 51, 8), а родосцы — на море, выделив для этого всего шесть своих кораблей и четыре союзных (IV, 50, 6). Столь различные подходы демонстрируют явное несовпадение целей союзников. Родосцы, имевшие до того дружественные отношения с Византием, не хотели его серьезного ослабления и добивались лишь восстановления права на свободный проход через проливы. Поэтому их флот действовал довольно вяло, ограничиваясь блокадой Геллеспонта (IV, 50, 5), а приоритет был отдан дипломатическим акциям — попыткам повторных переговоров с византийцами (IV, 50, 6), после неудачи которых флот вообще вернулся к Родосу (IV, 50, 7), а также нейтрализации усилий византийцев привлечь на свою сторону Ахея (IV, 50, 10 — 51, 6). Прусий же, несомненно, строил далеко идущие планы: он намеревался нанести Византию серьезный удар и тем самым усилить свои позиции на Боспоре Фракийском. Ему удалось захватить значительную часть византийских владений в Азии — уже упоминавшийся Гиерон (IV, 50, 2–3) и область в Мизии (IV, 50, 4), то есть земли на южном побережье Астакского залива²⁰⁴. Затем он открыл воен-

Стела Фокрита, обнаруженная на территории владений Византия в Азии (округа совр. Яловы)

²⁰⁴ Т. Корстен отождествляет захваченную Прусием византийскую область с районом Триглии на южном побережье Пропонтиды (Die Inschriften von Arameia... S. 48), видимо, ошибочно: эта область слишком удалена от основного театра военных действий. С некоторой степенью вероятности можно предположить, что именно с этим конфликтом связана постанова надгробной стелы византийца Фокрита, обнаруженная в окрестностях современной Яловы: изображение на ней комплекта вооружения показывает, что Фокрит мог погибнуть в ходе каких-то военных действий, а по ряду особенностей изображения этот рельеф может быть датирован

ные действия и в Европе, где сумел с помощью фракийских наемников блокировать византийцев в городе (IV, 50, 8).

Византийцы попытались дестабилизировать положение Пруссия, вызвав из Македонии и представив в качестве претендента на престол Вифинии Зипойта, дядю Пруссия по отцу, но этому замыслу не суждено было осуществиться, так как Зипойт умер в пути (IV, 49, 8–9). В этой связи должна быть отмечена антивифинская позиция Македонии, принявшей приблизительно 20–30 лет назад изгнанных из Вифинии детей Никомеда I от второго брака (Мемп., F. 14, 1–2) и теперь вновь выступившей в защиту их прав. Выдвижение Зипойта, помимо попытки инспирировать династический кризис, представляло собой довольно значительную военную экспедицию, снаряженную, вероятно, Филиппом V, а не терпевшими поражения византийцами: так, Прусий, опасаясь наступления своего соперника, срыл все укрепления, казавшиеся ему удобно расположенными (IV, 52, 8). Не исключено, что именно Филипп в это же время организовал рейд Деметрия Фарского по Эгеиде (IV, 16, 8). Это предприятие, затронув Киклады, непосредственно угрожало морской мощи родосцев и было, таким образом, направлено против второго участника антивизантийской коалиции²⁰⁵. Царь Македонии, однако, не пошел на открытое вмешательство в ход конфликта, поскольку его отвлекали греческие дела и, в частности, назревающая Союзническая война.

Византийцы находились в критической ситуации, но ход войны вскоре принял неожиданный оборот. Под стены Византия прибыл царь галатов Кавар, решивший выступить в роли посредника для заключения мира. Полибий сообщает, что Прусий и византийцы приняли его предложение, а родосцы, узнав об этом, тоже отправили в Византию посольство для заключения мира (IV, 52, 1–2).

Данный эпизод, видимо, является ключевым для понимания последующих событий. Если условия мирного договора родосцев с византийцами (осень 220 г.) включали в себя лишь отмену пошлин с плывущих в Понт кораблей и восстановление при соблюдении этого условия прежних дружественных отношений (IV, 52, 5),

2-й пол. III в. до н. э. (см. различные точки зрения: *Karagöz S. Stele des Phokritos aus der gegend von Pylai // EA. 1986. Ht. 7. S. 101; Cremer M. Hellenistisch-römische Grabstelen... S. 63. Anm. 246 — с литературой).*

²⁰⁵ *Treves P. Note on Walbank's Philip V of Macedon // JHS. Vol. LXIII. 1943. P. 118. Note 7.*

то договор с Прусием был гораздо более пространным. Это соглашение предусматривало заключение «мира и дружбы на все времена» (εἰρήνην καὶ φιλίαν εἰς τὸν ἅπαντα χρόνον) и возвращение Прусием без выкупа всех пленных, захваченных кораблей, отнятых у византийцев земель с сидящими на них лаоί, всего имущества и вооружения (IV, 52, 6–9). Ввиду предшествующих успехов вифинского царя такое завершение войны кажется крайне невыгодным для него²⁰⁶.

Исследователи по-разному пытались объяснить причины столь обескураживающего для Вифинии исхода событий, но ни одна версия не кажется вполне убедительной. В. П. Невская полагает, что у Прусия не было серьезных разногласий с Византием²⁰⁷, но, как показал ход войны, это далеко не так: вифинский монарх вел ее, явно рассчитывая на значительные результаты. По мнению Х. Хабихта, Прусий мог чувствовать опасность, исходившую от галатов-эгосагов, Ахея или Кавара, который угрожал перейти со своим племенем в Малую Азию²⁰⁸, а Р. Бертольд добавляет к ним еще и Аттала I или Митридата III Понтийского²⁰⁹. Тем не менее ни одна из этих политических сил не пришла в столкновение с Ви-

²⁰⁶ *Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 313; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 41.* Сам Полибий тоже указывает на относительно благоприятный для византийцев исход событий: по его словам, Кавар своим посредничеством оказывал им важные услуги в войнах с фракийцами и вифинцами (VIII, 24, 2). Возможно, обязательство оказывать такого рода поддержку было оговорено в соглашении между византийцами и Каваром (*Domaradzky M. L'État des Celtes en Thrace avec capitale Tyllis et en Asie Mineure — Gallie // Pulpuđeva. 3. Sofia, 1980. P. 54*) и являлось общепринятым, но далеко не всегда соблюдавшимся условием, сопровождавшим осуществление «трибутарного протектората» варварского государственного объединения над греческими полисами (*Vinogradov Ju. G. Zur Klassifizierung der griechisch-barbarischen Abhängigkeitsverhältnisse der vorrömischen Zeit in pontischen Raum // Hellenismus. Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters / Akten des Internationalen Hellenismus-Kolloquiums 9–14. März 1994 in Berlin. Hrsg. v. B. Funk. Tübingen, 1997. S. 429–433*). Под «войнами» следует понимать также обычные столкновения византийцев с соседними фракийскими племенами, опустошавшими их владения (*Polyb., IV, 45, 1–10*); других конфликтов Византия с Вифинией не зафиксировано.

²⁰⁷ *Невская В. П. Византий... С. 144.*

²⁰⁸ *Habicht Ch. Prusias (1). Sp. 1090–1091.*

²⁰⁹ *Berthold R. Rhodes... P. 90. Note 45.*

финией и, насколько позволяют судить источники, даже не соби- ралась (или не могла) сделать это. Что же касается Кавара, то он едва ли был в это время так силен, чтобы заставить Прусия от- казаться от его планов. Вмешательство кельтского царя в ход кон- фликта было вызвано, скорее всего, опасением за судьбу собствен- ных владений, а не желанием контролировать ход событий²¹⁰. Царство Кавара уже клонилось к упадку²¹¹, и вскоре оно было уничтожено фракийцами, истребившими все галатское племя (Polyb., IV, 46, 4).

Не находя в источниках определенной информации, некото- рые авторы считают, что дать правдоподобное объяснение об- стоятельств, вынудивших Прусия пойти на невыгодный мир, не представляется возможным²¹². Но существует еще один вариант трактовки рассматриваемых событий, иногда мелькающий среди прочих версий и до сих пор не подкреплявшийся никакими серь- езными доказательствами²¹³. Он основывается на предположении о том, что итоги войны каким-то образом были подведены в соот- ветствии с желанием родосцев²¹⁴, а не Прусия.

Такое объяснение выглядит вполне рациональным. Преследуя исключительно свои экономические интересы, торговая республи- ка должна была быть обеспокоена усилением Вифинского царства в районе Пропонтиды после вероятной победы над Византием.

²¹⁰ Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 40. Помимо того, Кавар, без сомне- ния, надеялся по завершении войны восстановить поток финансовых по- ступлений из Византия (Ager S. L. Interstate Arbitrations in the Greek World, 333–90 B. C. Berkeley; Los Angeles; London, 1996. № 51. P. 143).

²¹¹ Свидетельством каких-то внутренних смут в Тилийском царстве может считаться переход галатов-эгосагов в Азию в 218 г., быть может, спровоцированный усилившимся давлением фракийцев (Домарадски М. Келтите на Балканския полуостров. София, 1984. С. 81, 87).

²¹² Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 41; SVA III. S. 231; Walbank F. W. A Historical Commentary... Vol. I. P. 506; Will É. Histoire politique... Т. II. P. 46.

²¹³ Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 313; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 65; Wilson D. R. The Historical Geography... P. 456; Will É. Histoire politique... Т. II. P. 46; Berthold R. Rhodes... P. 96; ср. Горлов Ю. В. Родос. Проблемы социально-политического и экономического развития. М., 1996. С. 123–124.

²¹⁴ Так, существует предположение, что именно родосцы заставили византийцев заключить мир (Бадаляню Ю. С. Эллинистический Родос. М., 2000. С. 189–190). Видимо, это было не совсем так.

Переход ключевых позиций на Боспоре от лояльного греческого полиса к сильной и потенциально опасной, хотя пока и дружественной, «полуварварской» монархии представлял для родосцев серьезную угрозу. Они вполне могли воспользоваться представившейся им удобной возможностью и занять на начатых по инициативе Кавара переговорах неожиданно жесткую и даже, может быть, враждебную по отношению к Пруссию позицию, заставив его принять невыгодные условия мира. В их распоряжении тогда имелись весомые средства силового давления: их флот курсировал в непосредственной близости от вифинских берегов, а дружба родосцев с могущественным Ахеем должна была насторожить Пруссию ввиду возможных опасных и непредсказуемых последствий.

Данная реконструкция событий, однако, вступает в кажущееся противоречие с текстом источника: ведь, по словам Полибия, Прусий и византийцы приняли предложение Кавара, и только после этого родосцы, «видя внимание Пруссии» к вопросу о переговорах (τῆν ἐντροπήν τοῦ Προυσίου)²¹⁵ отправили к противнику свое посольство (IV, 52, 1–3). Никакое давление родосцев на Пруссию не упоминается и даже не подразумевается. Но мне кажется, что в этом фрагменте мы имеем дело с искажением фактов, вызванным пристрастностью Полибиева источника, который был родосского происхождения.

Среди историков нет единого мнения о находившихся в распоряжении Полибия материалах. Большинство предполагает, что он пользовался каким-то сочинением византийского автора²¹⁶. По мо-

²¹⁵ Во многих переводах Полибия стилистически и эмоционально вполне нейтральное слово ἐντροπή (употребленное в его сочинении лишь один раз) передается словами со значением «уступчивость» (см., например, русский перевод Ф. Г. Мищенко (1890), французский Д. Русселя (1970) — ...voyant que Prusias s'inclinait, английский У. Пейтона (1976) — Prusias' compliance). Это создает впечатление, будто бы Прусий был готов отказаться от всех завоеваний, хотя на самом деле он, видимо, рассчитывал закрепить достигнутые в ходе кампании результаты дипломатическим путем. Наиболее точными по смыслу кажутся немецкие эквиваленты, подобранные А. Мауэрсбергером: Einwilligung, Bereitschaft (Mauersberger A. Polybios-Lexicon. Bd. I. Lfg. 2. Berlin, 1960. Sp. 819). Ср. с близким по смыслу значением, приведенным в словаре LSJ именно для этого пассажа Полибия: turning towards, respect for (s. v.).

²¹⁶ Хр. Данов думает, что Полибий использовал византийские источники как при описании Понта и местоположения Византия (Polyb., IV,

ему мнению, более прав Эд. Виль, предполагающий зависимость Полибия от родосской исторической традиции²¹⁷. Высказанный им тезис нуждается, однако, в более развернутой аргументации.

Повествование Полибия не оставляет сомнений в том, что он был лучше всего информирован именно о действиях родосцев в ходе конфликта. Он неоднократно упоминает их намерение добиться решения вопроса об отмене пошлин дипломатическими средствами (IV, 47, 4; 50, 6; 52, 3), в чем можно видеть скрытое одобрение такого миролюбивого подхода²¹⁸, и довольно подро-

38–45), так и в рассказе о событиях 220 г., а также во фрагментах, где упоминается Кавар (Polyb., VIII, 1–3) (Данов Хр. Полибий и сведения му за източната половина на Балканския полуостров. София, 1942. С. 36–38). Тем не менее эти пассажи логически вполне самостоятельны; при создании первого из них Полибий опирался главным образом на собственный опыт (Pédech P. La méthode historique de Polybe. Paris, 1964. P. 520, 546) или на произведение Стратона из Лампсака (Wiemer H.-U. Krieg, Handel und Piraterie. Untersuchungen zur Geschichte des hellenistischen Rhodos. Berlin, 2002. S. 421. Anm. 1), а кельтская проблематика (в первую очередь вопрос об отмене возложенной на Византий дани) в IV книге практически обойдена — вероятно, она не представляла для автора используемого Полибием источника насущного интереса (Домарадски М. Келтите... С. 81). Х. Шмитт на основании слов о том, что мир был заключен при гиромнемоне Кофоне, сыне Каллигитона (Polyb., IV, 52, 4), делает вывод об использовании Полибием документов из византийских архивов (SVA III. S. 231), но появление в тексте имени византийского магистрата вполне закономерно, поскольку переговоры проходили в самом Византии. Ф. Уолбэнк придерживается такого же взгляда на основании подробного постатейного изложения текста договора византийцев с Прусием (Walbank F. W. A Historical Commentary... Vol. I. P. 506), однако это может быть объяснено прямой причастностью родосской дипломатии к формулировке обоих договоров. Наконец, еще в позапрошлом веке было высказано предположение, что в распоряжении историка находились как византийские, так и родосские источники (Ulrich H. De Polybii fontibus Rhodii. Leipzig, 1898. P. 23–24). С ним трудно согласиться: отнюдь не часто случалось, чтобы подобные локальные (хотя и немаловажные) события истории эллинизма оказывались освещенными сразу двумя источниками, принадлежащими как раз к враждующим сторонам.

²¹⁷ Will E. Histoire politique... Т. II. P. 47.

²¹⁸ Ср. с мнением о том, что описание историком событий, связанных с войной 220 г., в целом выдержано в апологетических по отношению к Родосу тонах (Wiemer H.-U. Krieg, Handel und Piraterie. S. 41).

но описывает действия родосских навархов Ксенофонта (IV, 50, 5–7), Полемокла и Аридика (IV, 52, 2–3)²¹⁹. Повествование о военных и дипломатических акциях византийцев отличается большей сжатостью и схематизмом. Следует особо подчеркнуть, что по окончании описания войны с Византием Полибий в следующей главе продолжает рассказ о родосской внешней политике и упоминает об участии того же Полемокла в событиях на Крите, не имеющем к истории Византия никакого отношения (IV, 53, 1–2). Наконец, в последующих книгах своего труда Полибий говорит об использовании им документов из родосского Пританея и сочинений родосских историков Зенона и Антифонта, которых он в целом считает заслуживающими доверия историками, но одновременно указывает на их необъективность в некоторых вопросах, проистекающую «от любви к отечеству» (XVI, 14, 6; 15, 8) (sic! — О. Г.).

Все это заставляет склониться к мнению об ориентации Полибия на какую-то родосскую хронику. В этом случае становится вполне понятным умолчание историка о ходе мирных переговоров после предложения Кавара о посредничестве и, в частности, об истинной роли в них родосцев. Именно их вмешательство и поддержка выдвинутых византийцами условий в сочетании со скрытыми или явными угрозами, по моему мнению, и могли заставить пифинского царя отказаться от всех завоеваний. Но в источниках Полибия об этом ничего не было сказано из-за желания их авторов обелить действия Родоса, фактически предавшего интересы своего союзника.

Эта версия является, конечно, лишь одной из многочисленных гипотез и ввиду недостатка фактического материала не может быть признана стопроцентно надежной, однако попытка соединить конкретно-исторический анализ с источниковедческим предоставляет в наше распоряжение некоторые новые аргументы. Отметим, что дальнейшему ходу событий такое предположение не противоречит: Вифиния и Родос никогда больше не выступали в качестве союзников, и, более того, до начала II в. каждый из них вступил в дружественные отношения с государствами, враждебными другой стороне: Вифиния — с Македонией, а Родос — с

²¹⁹ Византийские политические деятели упоминаются по именам лишь в тех эпизодах, где говорится об их дипломатических контактах с родосцами (Polyb., IV, 47, 5; 52, 4).

Пергамом²²⁰. Одной из причин создания этих новых коалиций можно считать именно распад оказавшегося столь недолговечным родосско-вифинского альянса.

Другой, более узкий аспект родосско-вифинско-византийского конфликта заключается в его влиянии на последующее развитие отношений Вифинии с близлежащими греческими полисами. Гераклея, Калхедон, Киос и Кизик, несомненно, должны были внимательно следить за ходом войны²²¹. Гераклеоты, не раз выручавшие Византий в критических обстоятельствах (Memp., F. 11, 1; 15), в 220 г. могли оказывать ему, скорее всего, лишь моральную поддержку. Действиями против Византия Прусий недвусмысленно заявил о своих намерениях в отношении полисов, являвшихся прежде союзниками Вифинии, положение которых стало теперь чрезвычайно шатким.

После акции в районе Боспора, оказавшейся в целом неудачной, вифинский монарх не отказался от честолюбивых планов. Удобная возможность выступить в роли защитника эллинизма представилась ему в 216 г., когда обстановка в западной Анатолии была дестабилизирована действиями галатов-эгосагов, состоявших ранее на службе у Аттала и уже в течение двух лет совершавших набеги на города Геллеспонтской Фригии и Троады (Polyb., V, 111, 2–5). Вифинский царь предпринял поход против варваров, разбил «в правильном сражении» их войска и истребил почти все племя эгосагов где-то возле Абидоса, избавив тем самым геллеспонтские города от сильного страха и опасности (V, 111, 6–7). Показательно, что греческий историк, вообще негативно относящийся к вифинской династии, все же определяет действия Прусия как «нечто заслуживающее упоминания» (μνίμης ἄξιον — V, 111, 7). Р. Макшэйн в этой связи не исключает вероятности того, что Полибий пользовался провифински настроенным источником, в невыгодном свете выставляющем Аттала. Он считает непонятным, зачем понадобился поход вифинского войска, если до того галаты уже были отогнаны четырьмя тысячами греков — граждан Александрии-Троады (Polyb., V, 111, 3–4), и объясняет это опять-таки необъективностью источника

²²⁰ Р. Макшэйн считает, что союз Родоса с Прусием был нарушен к 202 г., если не раньше (McShane R.B. *The Foreign Policy...* P. 120). Видимо, значительно раньше!

²²¹ Vitucci G. *Il regno di Bitinia*. P. 38.

Полибия, по его мнению, родосского происхождения²²². Но никаких свидетельств особой заинтересованности Родоса в уничтожении галатов, о чем говорит американский исследователь, не существует; не подлежит также сомнению и то, что экспедиция Пруссия была вызвана не столько военно-стратегической, сколько политической необходимостью. Самой Вифинии эгосаги угрожать не могли²²³, и никаких территориальных приобретений в результате своего похода Прусий, скорее всего, не добился²²⁴. Только стремление вифинского царя наладить дружественные отношения с геллеспонтскими греками и поднять свой престиж (в ущерб царю Пергама, чьи позиции в этом регионе были традиционно сильны) было главной причиной предпринятой им военной акции²²⁵. Время для кампании было выбрано исключительно удачно: галаты уже были ослаблены сопротивлением греков, и противники Вифинии по ряду причин не могли принять участия в событиях.

Аттал, являвшийся, в сущности, косвенным виновником всего понесенного греками ущерба, в это время был занят борьбой с Ахеем (Polyb., V, 77, 1) и ничего не сделал для облегчения положения полисов Геллеспонта, с которыми он имел официально

²²² McShane R. B. *The Foreign Policy...* P. 63.

²²³ Vitucci G. *Il regno Bitinia...* P. 43.

²²⁴ Так считает Х. Шмитт (*Schmitt H. H. Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und Seiner Zeit. Weisbaden, 1964. S. 263–264*), но другие исследователи не исключают возможности расширения владений Пруссия (*Meyer Ern. Die Grenzen... S. 113; Janke M. Historische Untersuchungen... S. 32; Schwertheim E. Studien zur historischen Geographie Mysiens. S. 75; Strobel K. Galatien... S. 30*), чему, однако, никаких реальных подтверждений нет. Вскоре, по мнению Э. Швертхайма, эти «сми» (часть Мизии, служившую камнем преткновения в территориальных спорах между Вифинией, Пергамом и Селевкидами) вернул себе Ахей, значительно расширивший свои владения (Polyb., V, 77, 1) (*Schwertheim E. Studien zur historischen Geographie Mysiens. S. 75*), однако следует заметить, что столкновений между Ахеем и вифинским царем в описанный Полибием период все же не произошло: Ахей только «угрожал Пруссию» (ἀνετείλετο δὲ Προυσίᾳ), а с Атталом он «вел непрерывную войну» (ἐπολέμει μὲν Ἀττάλῳ συνεχῶς), в ходе которой, скорее всего, спорная территория и была отторгнута им, вероятно, как раз у пергамского монарха.

²²⁵ *Habicht Ch. Prusias (1). Sp. 1092; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 43–44.*

оформленные дружеские отношения (V, 78, 6)²²⁶. Видимо, Пруссию удалось добиться некоторого дипломатического успеха: авторитет его противника у полисов побережья Геллеспонта несколько пошатнулся²²⁷, а Прусий сумел сохранить (по крайней мере, частично) свое политическое влияние в этой области даже спустя двадцать лет (о чем см. далее, с. 255), что весьма показательно при значительном расстоянии между нею и Вифинией.

Последующие известные нам действия Пруссия стали наглядным проявлением его ориентации на Македонию, сыгравшей в дальнейшем существенную роль в вифинской внешней политике. Если первые военные и дипломатические предприятия царя носили локальный характер и не были напрямую связаны с наиболее важными проблемами межгосударственных отношений Восточного Средиземноморья, то союз с Македонией на определенное время прочно связал Вифинию с политикой великих держав и предопределил ее вовлечение в события, постепенно меняющие политическую карту эллинистического мира и в конечном итоге приведшие к подчинению его Римом. Это изменение роли Вифинии в системе международных отношений открыло Пруссию дополнительные

²²⁶ Возможность временной нормализации отношений Аттала с Прусией в момент похода вифинского царя (*Niese B. Die Geschichte... Bd. II. S. 243*) весьма сомнительна.

²²⁷ Р. Макшейн полагает, что в дальнейшем ни один из городов Геллеспонта, за исключением, быть может, лишь Абидоса, не отошел от ориентации на Пергам (*McShane R. B. The Foreign Policy... P. 64*). В. Орт, явно преувеличивая успехи Пруссия, утверждает о наличии союза между ним и Илионом, просуществовавшим до 213 г. (*Orth W. Königlicher Machtanspruch... S. 70–71*), но это предположение не подкреплено никакими фактами. Сильно фрагментированная надпись из Илиона, в которой говорится о посвящении статуи какому-то царю (по палеографии ее допустимо датировать 2-й пол. III в.) (*Die Inschriften von Ilion. № 38*) может указывать лишь на чисто теоретическую возможность существования каких-то связей между Илионом и вифинским царем: так, в стк. 1 сохранилось сочетание букв ΣΙ, которое с некоторой вероятностью может быть частью его имени. Делать на этом основании столь обязывающие выводы, как В. Орт, не представляется возможным. В ходе Первой Македонской войны (хотя, может быть, и не с самого ее начала) Илион, возможно, уже был участником враждебной Вифинии и Македонии коалиции, на что указывает его появление в тексте мирного договора в Фенике в числе римских союзников (*Liv., XXIX, 12, 4*); см. мнения об истинности этого сообщения: *Кашеев В. И. Эллинистический мир и Рим. С. 216–218.*

возможности для активизации агрессивных действий против соседних малоазийских государств — прежде всего, Пергама и независимых полисов северо-западной Анатолии²²⁸.

Время и обстоятельства заключения союзного соглашения между Прусием и Филиппом V остаются неизвестными. Можно лишь констатировать, что в ходе Первой Македонской войны Вифиния (в первый и единственный раз за всю свою историю) оказалась открыто вовлеченной в антиримскую коалицию. Летом 209 г. Филипп, воевавший в Греции против римлян и их союзников, дожидаясь прибытия карфагенских и вифинских кораблей (Liv., XXVIII, 30, 16). О действиях флота Прусия в источниках больше ничего не говорится, и Х. Хабихт на этом основании отрицает достоверность сообщения Ливия²²⁹, как кажется, без достаточных на то оснований²³⁰.

Не приходится сомневаться в том, что инициатором нормализации в отношениях между Македонией и Вифинией, остававшихся напряженными на протяжении многих десятилетий, выступил Филипп V²³¹. Македонский владыка в ходе войны против Рима столкнулся с эффективно действующим враждебным блоком, к которому в 210 г. присоединился и Аттал I, и ему были необходимы союзники. Прусий был в этом отношении весьма перспективной кандидатурой как по чисто военным возможностям, так и по своей политической ориентации, в которой задавало тон соперничество с Атталидами за влияние в западной Малой Азии.

²²⁸ Harris B. F. Bithynia: Roman Sovereignty... P. 861.

²²⁹ Habicht Ch. Prusias (1). Sp. 1022; ср. Holleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au III-e siècle avant J.-C. (273–205). Paris, 1921. P. 243–244.

²³⁰ Исследователь полагает, что Прусий не имел военных кораблей ни во время войны против Византия, ни в 209 г. (Habicht Ch. Prusias (1). Sp. 1022), однако Вифиния располагала флотом уже при Никомеде I. Едва ли вифинские морские силы были значительны (так, Прусий II в 169 г. оказал римлянам чисто символическую поддержку пятью кораблями в их войне против Персея — Liv., XLIV, 44, 8), но их отправка Прусием на помощь Филиппу (или, по крайней мере, обещание сделать это) не может быть истолкована иначе, чем дружественная акция в отношении Македонии, и должна была иметь определенный политический вес.

²³¹ Habicht Ch. Prusias (1). Sp. 1023; Errington R. M. The Down of Empire: Rome's Rise to World Power. London, 1971. P. 115.

Отплывая в Грецию для помощи своим союзникам, пергамский царь, несомненно, должен был учитывать возможность нападения Пруссия²³². То, что он решился на такой шаг, едва ли следует понимать как указание на незначительность этой опасности²³³. Напряженность в предшествующих отношениях с Вифинией должна была заставить его принять какие-то предупредительные меры, но они, очевидно, оказались недостаточными: вторжение Пруссия на пергамскую территорию в 208 г. (Liv., XXVIII, 7, 10; Cass. Dio., fr. XVII) стало совершенно неожиданным и вынудило Аттала спешно возвратиться в Азию.

Дипломатическая причастность Филиппа к акции Пруссия практически не вызывает сомнений у исследователей²³⁴. Отсюда, однако, рискованно делать вывод о заключении македонско-вифинского союза непосредственно перед этими событиями, как полагает Х. Хабихт²³⁵: едва ли Филипп, ведущий напряженные военные действия, мог быстро и беспрепятственно осуществить столь важную дипломатическую акцию. Вероятно, соглашение все же было заключено несколько раньше. Однако вифинский царь, заботясь не только об интересах своего македонского союзника, но и (вероятно, в первую очередь!) о расширении территории своего государства²³⁶, проявил присущее ему умение выбирать для решительных действий наиболее удобный момент²³⁷ и выступил против Пергама как раз тогда, когда Аттал отбыл в Европу.

²³² Ему могло внушать опасения сближение Македонии и Вифинии, если таковое уже наметилось и о нем было известно (*Шофман А. С. История античной Македонии. Ч. II. Казань, 1963. С. 207*). «Внезапно вспыхнувшие ссоры» между Атталом и Прусием (*Niese B. Geschichte... Bd. II. S. 481*) едва ли требовали для их разрешения отплытия Аттала в Европу. Р. Аллен без достаточных оснований игнорирует враждебность между пергамским и вифинским монархами в период до 208 г. (*Allen R. A. The Attalid Kingdom. P. 67*).

²³³ *Holleaux M. Rome, la Grèce... P. 206. Note 1.*

²³⁴ *Walbank F. W. Philip V of Macedon. Cambridge, 1940. P. 95; Hansen E. The Attalids of Pergamon. P. 48–49; McShane R. B. The Foreign Policy... P. 111; Allen R. A. The Attalid Kingdom. P. 69; Климов О. Ю. Царство Пергам. С. 36.*

²³⁵ *Habicht Ch. Prusias (1). Sp. 1093.*

²³⁶ *Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 45.*

²³⁷ *Habicht Ch. Prusias (1). Sp. 1106.*

Ход боевых действий и их результаты остаются для нас совершенно неизвестными²³⁸. Стефан Византийский, ссылаясь на Эратосфена²³⁹, сообщает о какой-то битве между Прусием и Атталом у местечка Боскефалы (Steph. Byz., s. vv. Βοὸς Κεφαλαί²⁴⁰), но невозможно определить, идет ли здесь речь о войне конца III в. или о конфликте Прусия II с Атталом II, случившемся примерно пятьюдесятью годами позднее. В некоторых исследованиях принимается первый из возможных вариантов²⁴¹, причем была предпринята попытка найти подтверждение этому свидетельству даже в данных эпиграфики: М. Френкель связал фрагмент посвящения кого-то из пергамских царей Зевсу и Афине Никефоре с возможной победой Аттала при Боскефалах²⁴². Данную гипотезу все же следует признать недоказуемой ввиду недостатка информации²⁴³.

Интересные соображения содержатся также в работе итальянского историка Б. Вирджилио. Он предположил, что известный эпиграфический памятник — письмо пергамского царя, которого обычно считают Эвменом II, к верховному жрецу Пессинунтского святилища (RC 55), в действительности должен быть приписан Атталу I и датирован именно 208 г. Это вполне согласуется с указанной в тексте документа датой его составления: 34-й год правления царя. Упоминаемые в тексте письма боевые действия могут

²³⁸ См. в § 2 гл. II о возможности связать с этими событиями «битву при Корупедионе», в которой погиб Менас. В этом случае следует допустить, что вифинские войска глубоко вторглись на территорию Пергамского государства, но неясно, удалось ли им закрепить успех (ср. с ходом Второй Вифинской войны).

²³⁹ Этого историка, о котором мало что известно, кроме того, что он был автором сочинения *Γαλατικά* необходимо отличать от его тезки — знаменитого географа. См.: *Κλασσικ. Eratosthenes (5) // RE. Bd. 6. 1909. Sp. 388–389.*

²⁴⁰ Возможно, данный топоним можно отождествить с упоминаемым Плинием Старшим селением Хельгас, другим названием которого было *Booscoete* (Plin., NH, 5, 143). Оно располагалось в округе Даскилия, то есть в том регионе, который, исходя из его географического положения, вполне мог стать зоной вифинско-пергамского соперничества. См.: *Zgusta L. Kleinasiatische Ortsnamen. § 295–1. S. 169.*

²⁴¹ *Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. III. С. 389; Hansen E. The Attalids of Pergamon. P. 49; Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 17.*

²⁴² *IvPergamon. 56.*

²⁴³ *Habicht Ch. Prusias (1). Sp. 1093.*

быть связаны, таким образом, с вторжением вифинцев²⁴⁴. Эта остроумная догадка все же не подтвердилась в дальнейшем, и в последующей работе исследователь вернулся к традиционной трактовке документа, отнеся его появление к 163 г.²⁴⁵

Относительно исхода войны существуют прямо противоположные точки зрения: если И. Дройзен и Э. Хансен²⁴⁶ считают его благоприятными для Аттала и даже говорят о вероятных территориальных приобретениях Пергама, то Д. Маги осторожно предполагает победу Прусия по крайней мере в одном сражении²⁴⁷, а другие исследователи не исключают того, что в результате войны к Вифинии отошла часть Мизии, которую Пруссию было предписано возвратить пергамцам по условиям Апамейского договора в 188 г.²⁴⁸ Последнее предположение, как будет показано далее, выглядит несколько более обоснованным. Бесспорно одно — к 205 г. между Пергамом и Вифинией был заключен мир: цари обоих государств значились в качестве *foederi adscripti* при подписании договора в Фенике, положившего конец Первой Македон-

²⁴⁴ Virgilio B. Il «Терпио stato»... P. 42–47.

²⁴⁵ Idem. Epigrafia e storiografia: Studi di storia antica. Pisa, 1988. P. 163.

²⁴⁶ Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. III. С. 389; Hansen E. The Attalids of Pergamon. P. 49. Note 99.

²⁴⁷ Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 313.

²⁴⁸ Cardinali G. Il regno di Pergamo. Torino, 908. P. 82. Note 2; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 40; Allen R. A. The Attalid Kingdom. P. 64. Указание Х. Хабихта на то, что если бы Прусией отторг указанную территорию у Пергама уже в 208–205 гг., то римский сенат не проигнорировал бы это обстоятельство после окончания Второй Македонской войны (Habicht Ch. Über die Kriege... S. 94), может быть подвергнуто критике. Так, предъявляемые Римом Пруссию требования относительно предоставления свободы Киосу, завоеванному с помощью Филиппа (Polyb., XVIII, 44, 5; Liv., XXXIII, 30, 5) были поставлены в прямую связь с освобождением других эллинских городов македонянами (Polyb., XVIII, 44, 1–4; Liv., XXXIII, 30, 1–3; ср.: App., Mac., IX, 2), а об урегулировании территориальных споров Вифинии с Пергамом не было принято никаких постановлений (Schmitt H. H. Untersuchungen... S. 277) (хотя Ф. Уолбэнк полагает, что упоминание о Мизии должно было быть сделано — Walbank F. W. A Historical Commentary... Vol. III. P. 172). Может быть, точнее высказываются те исследователи, кто полагает, что Прусией в 208 г. мог получить контроль над частью Мизии, но не делает более определенных выводов (Strobel K. Galatien... S. 31). Э. Швертхайм считает, что вифинское войско могло вторгнуться в Геллеспонтскую Фригию (Schwertheim E. Studien zur historischen Geographie Mysiens... S. 72. Anm. 24).

ской войне (Liv., XXIX, 12, 14)²⁴⁹. Первое открытое столкновение Аттала и Прусия, видимо, не внесло серьезного изменения в соотношение сил между ними и лишь подготовило почву для последующих более крупных конфликтов.

Прошедшие проверку на прочность в ходе Первой Македонской войны македонско-вифинские связи были закреплены с помощью династического брака. Свидетельства о его заключении дают Полибий, называющий Прусия κτηδεστής Филиппа (XV, 22, 2) и Страбон, по сообщению которого жену Прусия звали Апамой (Strabo, XII, 4, 1; ср. Негмирр. FHG III, F. 72). Распространившееся первоначально мнение о том, что последняя приходилась сестрой Филиппу²⁵⁰, было поколеблено находкой в Пирее надписи, из которой следовало, что Апамой звали жену Прусия II, сестру Персея²⁵¹, а это свидетельствует о возможной ошибке Страбона²⁵². Тем не менее частая повторяемость одних и тех же имен в эллинистических царских династиях²⁵³ делает наиболее обоснованным предположение, что вифинский царь был именно шурином Филиппа — мужем его сестры Апамы²⁵⁴.

Наиболее значительные политические выгоды из союза со своим могущественным родственником Прусий сумел извлечь в ходе азиатской экспедиции Филиппа, предпринятой в 202—200 гг. Ее результатом для вифинского царя стало расширение границ его государства в западном направлении и включение в

²⁴⁹ См. о мире в Фенике: *Magie D. Roman Rule...* Vol. II. P. 744—746; SVA III. № 543; *Кащеев В. И. Эллинистический мир и Рим.* С. 215—219. Пергамский и вифинский правители могли заключить сепаратный мир еще до соглашения римлян с Филиппом (*Habicht Ch. Prusias (1).* Sp. 1093). Помпей Трог/Юстин подчеркивают, что Первая Вифинская война началась в результате нарушения Прусием I какого-то мирного договора с Атталидами (Just., XXXII, 4, 2).

²⁵⁰ *Niese B. Geschichte...* Bd. II. S. 481; *Beloch K. J. Griechische Geschichte.* Bd. IV². S. 137, 213.

²⁵¹ *Wilhelm A. Eine Inschrift des Königs Eiphanes // JÖAI.* Bd. XI. 1908. S. 75—82.

²⁵² *Habicht Ch. Prusias (1).* Sp. 1086—1087; *Seibert J. Historische Beiträge...* S. 42—43. Anm. 61.

²⁵³ *Magie D. Roman Rule...* Vol. II. P. 1190. Note 20; *Vitucci G. Il regno di Bitinia.* P. 48—49. Note 2.

²⁵⁴ О месте этого брака в системе династических связей эллинистического мира см.: *Габелко О. А. К генеалогии эллинистических царских династий // Античность: эпоха и люди.* Казань, 2000. С. 51—61.

состав царства греческих городов на побережье Пропонтиды — Киоса и Мирлеи.

Первый из этих полисов уже в течение нескольких десятилетий был перспективной целью агрессивной внешней политики вифинских царей. Конфликты между вифинцами и кианийцами, начавшиеся, вероятно, еще при Зиэле, продолжались и в правление Прусия. Указания на это содержатся у Полибия (XV, 22, 2; XVIII, 4, 7; ср. Liv., XXXII, 34, 6), а дополнительную информацию может предоставить изображение морской битвы на погребальной стеле кианийца Никасона, датируемой примерно концом III в.²⁵⁵ Союзные связи между Киосом и Этолийским союзом (Polyb., XV, 23, 8; XVIII, 3, 12)²⁵⁶ и даже присутствие в городе этолийского военачальника в качестве проотάτης τῶν κοινῶν (XV, 23, 8) не оградили граждан полиса от нападения вифинцев и македонян (хотя Филипп заключил с этолийцами мирный договор) и, напротив, могли внести в их положение дополнительные трудности²⁵⁷. Ситуация усугублялась внутренними неурядицами в городе, в результате которых к власти пришел демагог Мольпагор (XV, 21, 1–3).

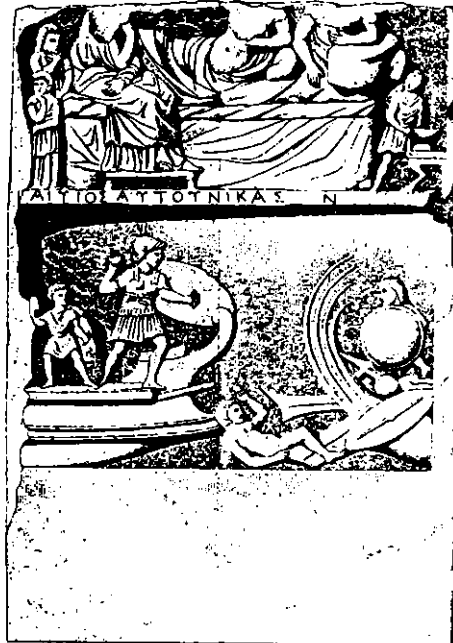
²⁵⁵ Pfuhl E., Möbius H. Die Ostgriechischen Grabreliefs. Bd. II. № 1277; Die Inschriften von Kios. № 58; Cremer M. Hellenistisch-römische Grabstele... S. 26–29. Моя интерпретация этого памятника сводится к тому, что на нем отражены столкновения, происходившие между кианийцами и Вифинией на море, причем на стороне последней в них выступили в качестве союзников или наемников галаты (именно так предлагается понимать изображения противников кианийца, исходя из особенностей их внешнего вида). Скорее всего, в конфликте, эпизод которого изображен на стеле, кианийцы одержали победу, т. к. после захвата Киоса македонянами и вифинцами и его разрушения создание такого большого и качественного памятника было едва ли возможно. См.: Габелко О. А. Два сюжета из военно-политической истории Малой Азии в III в. до н. э. // Античность и средневековые Европы. Пермь, 1996. С. 117–121.

²⁵⁶ О времени их установления, характере и правовом оформлении см.: Die Inschriften von Kios. S. 36. Сближение Киоса с этолийцами должно было быть следствием возрастания угрозы со стороны Филиппа и Прусия (Walbank F. W. A Historical Commentary... Vol. II. P. 478).

²⁵⁷ Предъявляемые Филиппом во время первых переговоров с Фламинином (197 г.) обвинения в адрес этолийцев, будто они чинят насилия по отношению к собственным союзникам (Polyb., XVIII, 4, 8 — 5, 3; Liv., XXXII, 34, 5), могут иметь под собой некоторые основания. Так, Калхедон, одновременно с Киосом и Лисимахией ставший союзником этолийцев, скорее всего, был принужден к этому силой, в результате на-

Верхняя часть

Стела Никасиона
из Киоса

Вмешательство Филиппа в вифинско-киосский конфликт породило мнение, что эта война была спровоцирована македонским царем²⁵⁸, хотя более вероятным кажется предположение, что Прусий сначала сам попытался воспользоваться обострением ситуации в городе, возможно, предварительно договорившись с Филиппом о совместных действиях²⁵⁹. Скорее всего, приход к власти Мольпагора был каким-то образом связан с трудностями, порожденными для граждан города предшествующим давлением вифинцев: так, од-

падения этолийских пиратов (Or. Sib., III, 433–436); ср.: Die Inschriften von Kalchedon. S. 95, 124. Нечто подобное могло произойти и с Киосом.

²⁵⁸ Meyer Ed. Bithynia. Sp. 518.

²⁵⁹ Sölch J. Bithynische Städte... S. 151; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 47. Историки по-разному трактуют детали этих событий. Ф. Уолбэнк предполагает, что Филипп, используя внутривосточную борьбу в Киосе, едва ли выступал противником Мольпагора (Walbank F. W. A Historical Commentary... Vol. II. P. 475). Т. Корстен придерживается противоположного мнения: Прусий и Филипп могли опираться на поддержку изгнанных Мольпагором граждан (Die Inschriften von Kios. S. 37).

ной из причин (хотя и не главной) постигших кианийцев несчастий Полибий считает именно τὴν τῶν πέλας ἀδικίαν (XV, 21, 3)²⁶⁰.

Завоевание и разрушение Киоса и чрезвычайно жестокое обращение с его жителями, захваченными в плен, серьезно обострили отношения Филиппа (и, очевидно, Пруссия) с рядом государств — прежде всего, с союзной Киосу Этолией (Polyb., XV, 22, 7–9), а также с Родосом и некоторыми другими полисами, чьи посольства безуспешно пытались осуществить посредническую миссию по примирению кианийцев с их противниками²⁶¹. Судьба Киоса неоднократно становилась поводом для резких упреков Филиппу со стороны его противников — греков и римлян (Polyb., XVII, 3, 12; Liv., XXXI, 31, 14; XXXII, 22, 22; 33, 16; Auct. ad Herenn. IV, 54; 68). Однако в этом случае риторические упражнения антимакедонски настроенных политиков не нашли подкрепления в виде конкретных действий. Принятое в 196 г., после окончания Второй Македонской войны, решение сената о том, что Фламиний должен был написать Пруссию относительно предоставления свободы кианийцам (Polyb., XVIII, 44, 5; Liv., XXXIII, 30, 4)

²⁶⁰ Очевидно, именно в контекст вифинско-киосского конфликта должен быть поставлен пассаж Суды: «Кианийцы: жители Киоса. Те, которых Прусий пожелал предать (παρασπουδῆσαι) по некоторым причинам...» (s. v. Κιανοί) Скорее всего, это незамеченное исследователями сообщение должно восходить к Полибию. Если принимать его буквально, то, очевидно, следует предполагать наличие каких-то договорных отношений между Вифинией и Киосом в предшествующее время — тех, через которые Прусий решил преступить.

²⁶¹ Сообщение Полибия о послах ἀπὸ τῶν προεἰρημένωσι πόλεωσι (XV, 22, 4) не поддаются надежной интерпретации ввиду плохой сохранности текста его труда. Х. Хабихт включает в число государств-посредников Родос и Византий (*Habicht Ch. Prusias* (1). Sp. 1093), которые еще в 217 г. совместно с представителями хиосцев и послами Птолемея IV вели с Филиппом переговоры о заключении мира между ним и этолийцами (Polyb., V, 100, 9). В данной ситуации византийцев могла беспокоить судьба их азиатских владений, расположенных неподалеку от Мирлеи, которая тоже попала под удар македонян и вифинцев, а также захват союзного им Перинфа. Возможно, именно с осадой Киоса следует связать фрагмент Полибия, где идет речь о попытках каких-то посредников «развести враждующих и принять меры к тому, чтобы Прусий не причинил им (кианийцам? — О. Г.) никакой обиды» (Polyb., F. 150 = Suid., s. v. διέξειν). Эти действия, очевидно, имели место еще до активного подключения Филиппа к осаде города, когда главными противниками граждан Киоса выступали именно вифинцы.

оказалось невыполненным: Киос остался включенным в состав Вифинской монархии и был вновь основан Прусием под именем Прусиады-на-море (Strabo, XII, 4, 3; Steph. Byz., s. v. Προῦσα; Нептiрр. FHG III, F. 72). Констатируя этот факт, никто из исследователей практически не пытался объяснить, по каким причинам решение сената оказалось всего лишь «пустыми словами, приукрашенными видимостью свободы» (Liv., XXXIII, 31, 2) — эта фраза, приводимая Ливием по другому поводу, как нельзя лучше передает суть дела.

Состояние источников не позволяет высказаться по этому вопросу однозначно, однако некоторые предположения все же могут быть выдвинуты. Так, обращает на себя внимание та настойчивость, с которой Филипп во время первых переговоров с Фламинием подчеркивал, что он лично не ходил войной на Киос, а лишь помогал своему союзнику Прусию (Polyb., XVIII, 4, 7). Захват Киоса и другие территориальные приобретения вифинского царя, совершенные им при содействии Филиппа, могли быть поданы и расценены как предприятия самого Прусия, а он официально еще был связан с римлянами договором 205 г. Лояльная в отношении Рима позиция Прусия во Второй Македонской войне должна была, по мнению сенаторов, заслуживать поощрения²⁶², которое в данном случае могло означать лишь декларативное заявление о возвращении свободы кианийцам без применения более действенных мер²⁶³. Наконец, в такой ситуации могли сказаться и личные

²⁶² Орачев А. Прусий (2) // КЕТД. С. 223. Еще более четко эта установка в отношении Прусия проявилась в заявлениях (но не действиях!) римских политиков во время Антиоховой войны.

²⁶³ Дипломатический демарш сената был вызван, скорее всего, получившим в греческом мире широкую огласку фактом экстраординарно жестокого и циничного обращения Филиппа с кианийцами (Polyb., XV, 22 — 23, 6); ср.: Errington R. M. Rome against Philip and Antiochus // САН². Vol. VIII. 1989. P. 252, 263. Прусий же в противоположность Филиппу вновь отстроил и заселил город; он даже проявлял недовольство по поводу того, что Филипп сравнивал Киос с землей (руководствуясь, при этом, конечно, сугубо практическими, а отнюдь не отвлеченными филантропическими соображениями) (Polyb., XV, 23, 10) — несмотря на то, что степень разрушения Киоса, возможно, была преувеличена в общественном мнении и соответственно в сообщениях Полибия (Holleaux M. Rome, la Grèce... P. 291. Note 1). Характерно, что захват Мирлеи, не сопровождавшийся, судя по всему, подобными крайностями, остался практически незамеченным современниками и не вызвал никаких ответных

качества Прусия как государственного деятеля, позволившие ему противостоять нажиму сената — решительность, твердая воля²⁶⁴ и дипломатическое мастерство. Можно также предположить, что в силу каких-то обстоятельств отношения вифинского царя с Фламинием в дальнейшем упрочились и стали для Прусия важной опорой при ориентировании в хитросплетениях римской политики (см. далее о событиях Первой Вифинской войны)²⁶⁵.

Следующей целью Филиппа и Прусия стала располагающаяся к западу от Киоса Мирлея²⁶⁶. Обычно считают, что вся информация о ее захвате сводится к краткой фразе Страбона: «Он (Филипп. — О. Г.) отдал разрушенный город (Киос. — О. Г.) сыну Зелье Пруссию, который вместе с ним разрушил этот город и соседнюю с ним Мирлею, находящуюся вблизи Прусы. Прусий восстановил оба города из развалин и назвал Киос от своего имени Прусиадой, а Мирлею по имени своей супруги — Апамеей»²⁶⁷ (пер. Г. А. Стратановского) (XII, 4, 3). Хотя географ и не проводит никакого различия в судьбах двух городов, не исключено, что он упрощает картину. Основания для такого предположения

действий со стороны Рима. Дж. Бриско полагает, что сенат не имел иной возможности обеспечить свободу Киоса, кроме объявления войны Пруссию (*Briscoe J. A Commentary on Livy. Books XXXI–XXXIII. Oxford, 1973. P. 306*), но едва ли римскими политиками рассматривалась столь крайняя мера — во всяком случае, источники об этом молчат.

²⁶⁴ *Habicht Ch. Prusias (1). Sp. 1106–1107.*

²⁶⁵ Не находит подтверждение мнение Р. М. Эррингтона, будто бы из-за вмешательства Фламиния «Прусий имел личные причины для того, чтобы быть враждебным римлянам» (*Errington R. M. The Down of Empire. P. 115*).

²⁶⁶ Об истории этого города в IV–I вв. см.: *Die Inschriften von Apmelia. S. 8–13.*

²⁶⁷ Дискуссия о том, кто именно из вифинских царей вновь основал город под именем Апамен — Прусий I, как сообщает Страбон, или его внук Никомед II (*Steph. Byz., s. vv. 'Απάμεια, Μύρλεια*), замыкается на проблему династических связей между вифинским и македонским царскими домами и пока не может быть завершена; см. обзор существующих мнений: *Leschhorn W. «Gründer der Stadt».* S. 278. Все же не следует упускать из виду резонное замечание Дж. Витуччи о том, что практически одновременное завоевание Киоса и Мирлеи подразумевает и близкое друг другу по времени их повторное основание, и, следовательно, все эти мероприятия должны быть приписаны Пруссию I (*Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 49. Note 4*).

длет прежде всего то, что захват Мирлеи (в противоположность Киосу) никогда не становился предметом дипломатических демаршей противников Филиппа и Пруссия. Иными, судя по всему, были и стратегическая картина осады, и отчасти ее результат: в отличие от кианийцев, поголовно поработанных Филиппом, часть жителей Мирлеи сумела избежать подчинения и основать поселение Мирлейон на европейском берегу Боспора Фракийского, у самого устья пролива (Dion. Byz., 82: ...Myrtaeum, domicilium eorum, qui ob seditionem a Myrtaea in exilium proiecti hunc solum verterunt)²⁶⁸. Можно не сомневаться в том, что в данном предприятии им помогли византийцы, обеспокоенные ходом конфликта Пруссия с Киосом и Мирлеей. Вероятно, действия македонского и вифинского царей против Мирлеи не сопровождались такими жестокостями, как в случае с Киосом (что вполне объяснимо, учитывая существенно меньший экономический и военно-политический потенциал Мирлеи²⁶⁹ — ее завоевание должно было быть несравненно более легкой задачей).

Инофронтация о завоевании Мирлеи, как кажется, может быть дополнена за счет анализа чрезвычайно интересного памятника, до сих пор не подвергавшегося специальному рассмотрению, — надгробной стелы Наны, дочери Филиска и жены Аристократа, сына Тимофея²⁷⁰. Это надгробие, представляющее собой пример весь-

²⁶⁸ Этой информации в науке не уделено никакого внимания. Мнение О. Оберхуммера, будто бы название Мирлейон следует возводить к Мире в Ликий (с учетом того, что соседняя гавань именуется Ликийской — Dion. Byz., 81) (Oberhammer E. *Bosporos* (1) // RE. Bd. III. 1898. Sp. 751), неубедительно, поскольку Дионисий сообщает детализированную информацию, почерпнутую им, вероятно, из местных византийских источников.

²⁶⁹ Отмечалось, что в V в. до н. э., судя по спискам поступлений в казну Афинского морского союза, Мирлея была более значительным центром, нежели Киос (Bosworth A. B., Wheatley P. V. *The Origins of the Pontic House*. P. 156). Но к середине III в. до н. э. ситуация изменилась: Киос, вероятно, усилился настолько, что вифинский царь Никомед I, как отмечалось выше, счел необходимым включить его в число опекунов своих наследников, в отличие, например, от Калхедона.

²⁷⁰ Pfuhl E., Möbius H. *Die Ostgriechischen Grabreliefs*. Bd. II. № 1273. Издателям осталась недоступной информация о происхождении рельефа. Они датируют памятник первой половиной II в., но возможность отнести его к моменту времени на несколько десятилетий раньше (самый конец III в.) отнюдь не исключена.

Стела Наны
из округа Мирлеи
(совр. Зейтинбази)

ма нетривиального художественного решения, должно стать предметом отдельного исследования, где оно будет рассматриваться в комплексе с памятником Никасиона. Здесь же достаточно отметить, что соотнесение его с конкретными историческими событиями стало возможным в результате появления данных о происхождении рельефа именно из окрестностей Мирлеи²⁷¹. Противник греческого гоплита, исходя из особенностей его внешнего вида (отсутствие шлема, длинные волосы, галатский щит *θυρεός*) с большой степенью надежности может быть отождествлен с галатом (ср. со стелой Никасиона), а лежащая между сражающимися фигура, возможно, изображает саму Нану, убитую варваром. Если допустить, что памятник был воздвигнут мужем погибшей, Аристократом стремившимся подчеркнуть собственную доблесть

²⁷¹ См.: *Corsten Th. Neue Denkmäler aus Bithynien* // EA. Ht. 17. 1997. S. 98.

и борьбе с варварами (именно он и представлен в образе противника галата), то снимается иначе необъяснимое противоречие между характером изображения (батальная сцена) и эпитафией, посвященной женщине²⁷². Присутствие галатов в округе Мирлеи и III–II вв. в источниках не зафиксировано, и потому можно предположить, что стела Наны, подобно рельефу Никасиона, отражает какой-то нигде больше не упоминающийся эпизод борьбы греков южного побережья Пропонтиды с Вифинией (кон. III в.), на стороне которой выступали кельтские наемники. Не исключено, что здесь представлены события, связанные с акцией вифинцев против Киоса, о которой повествует стела Никасиона.

Завоевание Киоса и Мирлеи привело к значительному расширению территории Вифинии и приобретению ею важных опорных пунктов и торгово-экономических центров на Пропонтиде, в результате чего Прусий получил возможность поддерживать тесные связи с Македонией, также утвердившейся в районе Проливов²⁷³. Помимо того, насильственное включение в состав Вифинской монархии прежде самостоятельных полисов с давней историей и сложившимися традициями самоуправления требовало от Прусии поиска и выработки новых форм их внутривластной организации, наиболее полно отвечающих потребностям царства. Пожалуй, именно в правление Прусия вопрос о взаимоотношении полиса и центральной власти приобретает для Вифинии особую актуальность и переходит в ранг коренных проблем политической и социальной жизни страны²⁷⁴.

²⁷² Предположение о вторичном использовании камня (SEG XLI № 1091) должно быть отвергнуто, так как надпись выполнена очень красиво и аккуратно (Corsten Th. Loc. cit.).

²⁷³ McShane R. B. The Foreign Policy... P. 118. Отметим, что высказанное еще Т. Рейнаком (Reinach Th. Essai sur la numismatique... P. 247) и без достаточной критики воспринятое другими, в том числе письма авторитетными учеными (Meyer Ed. Bithynia. Sp. 518; SENHW. Vol. II. P. 662; Hannestad L. «This Contributes in No Small Way...». P. 95. Note 73) мнение о подчинении Вифинии Калхедона, также захваченного Филиппом, в дальнейшем было отвергнуто самим же французским историком (Recueil. P. 288).

²⁷⁴ Завоевание Астака Зипойтом произошло в совершенно иных исторических условиях, а Никея, в отличие от Киоса и Мирлеи, была лишь военной колонией, основанной незадолго до подчинения вифинцами, хотя и там чтились полисные традиции (Dion. Chrys., Or., XXXIX, 1).

О дальнейших совместных действиях Пруссия и Филиппа в Азии нет никаких свидетельств. Плохая сохранность текста Полибия (и, в частности, XV и XVI книг, а также утеря XVII), которую не восполняют другие источники (App., Mac., IV; Diod., XXVIII, 1, 5), не позволяет восстановить детали столкновения Филиппа с Атталом I и тем самым выяснить, участвовал ли в действиях македонского царя против Пергама и Родоса Пруссий. Исходя из общей логики развития событий, положительный ответ на этот вопрос выглядит вполне оправданным: македонская агрессия поставила Пергам перед серьезными проблемами, и вифинский монарх не должен был упускать шанс использовать их. Отсутствие упоминаний о поддержке Филиппа Прусием не является решающим аргументом против этого предположения ввиду, во-первых, упоминавшейся фрагментарности и нечеткости сообщений источников и, во-вторых, из-за локального масштаба предполагаемых операций Пруссия. Объектом их вновь могли стать спорные территории в Мизии или Геллеспонтской Фригии, а на большее вифинский монарх едва ли мог претендовать из-за опасения быть втянутым в открытую конфронтацию со стоящим за Атталом Римом²⁷⁵.

Последующее развитие событий показало, что Пруссий за короткое время сумел верно оценить изменения в политической ситуации в Восточном Средиземноморье и занять наиболее выгодную и одновременно безопасную для себя позицию. Добившись больших военных успехов в ходе совместных с Филиппом кампаний, он проявил точный расчет и сумел вовремя отказаться от ставки на своего союзника. Уклоняясь от прямого или косвенного столкновения с римлянами во Второй Македонской войне, Пруссий придерживался нейтралитета²⁷⁶. Некоторые факты показывают, что ему удавалось тонко вести свою дипломатическую линию.

²⁷⁵ Еще одно свидетельство о вифинско-македонском военном сотрудничестве — засвидетельствованное эпиграфически появление нескольких вифинских солдат в Деметриаде, очевидно, в составе македонского гарнизона (Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. T. II. Paris, 1950. P. 1211). Время их пребывания там, к сожалению, остается неизвестным.

²⁷⁶ SEHNW. Vol. II. P. 662; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 49–50; Sauer J. D. Bithynien. S. 104; Орачев А. Пруссий (2). С. 223. Х. Хабихт полагает, что причиной, по которой Пруссий не оказал поддержки Филиппу, было его недовольство македонским царем, проявленное при дележе добычи в Кюсе (Habicht Ch. Prusias (1). Sp. 1096). Едва ли это так: ведь в дальнейшем союзнические отношения между ними не были расторгнуты.

В этом отношении особенно интересен эпизод из истории гелеспонтского города Лампсака. В декрете в честь гражданина этого полиса Гегесия, датированном 196 г., сообщается о посольстве лампсакцев к Титу Фламинину и десяти уполномоченным сената, занимающимся устройством политических дел в Греции после победы над Филиппом. Граждане города получили гарантии сохранения автономии и демократического управления, причем Фламинином были отправлены какие-то письма к царям (ἐπιστολάς πρὸς τοὺς βασιλεῖσι), очевидно, с просьбой содействовать в обеспечении безопасности лампсакцев (Syll.³ 591. сткк. 73–76). Исследователи единодушно считают, что здесь идет речь об Эвмене II Пергамском и Прусии I²⁷⁷. Сам факт обращения Фламинина к вифинскому царю позволяет четче представить особенности внешнеполитического положения Вифинии после окончания Второй Македонской войны.

Прежде всего, одновременность дипломатических контактов Фламинина с Прусием по поводу предоставления свободы Киосу и обеспечения прав Лампсака, кажется, исключает возможность того, что первый из них представлял собой жесткое ультимативное требование (если это письмо вообще было отправлено — ведь Полибий говорит лишь о принятии *senatus consultum*, но не о его выполнении Фламинином). Трудно представить, что Фламинин (и, вероятно, часть сенаторов), рассматривая Прусия как монарха, на которого можно было возложить заботу о независимости греческого полиса, стал бы вести себя по отношению к нему так же, как римляне обошлись с Филиппом V, заставив его уйти из всех захваченных греческих городов. Таким образом, становится более понятным, как Прусии удалось сохранить за собой Киос и какую роль в этом сыграл Фламинин.

В свою очередь, для Фламинина и стоявших за ним сенатских кругов было выгодно заручиться поддержкой или хотя бы лояльностью вифинского царя, чтобы при случае воспользоваться ими для противопоставления Вифинии реально или потенциально опас-

Тит Фламинин

²⁷⁷ Stähelin F. Geschichte... S. 59; Die Inschriften von Lampsakos / IK. Bd. 6. Hrsg. v. P. Frisch. Bonn, 1976. S. 39.

ным противникам — Македонии и Сирии — и тем самым успешнее проводить в жизнь принцип *divide et impera*.

Прусий, очевидно, обладал реальными возможностями для того, чтобы в какой-то мере контролировать ситуацию в районе Геллеспонта. Вопрос о том, кто именно угрожал безопасности Лампсака, не имеет пока ясного разрешения, но если в надписи в качестве недружественной силы, от которой нужно было оградить город, все же подразумеваются галаты²⁷⁸, то обращение к Прусию выглядит вполне закономерно в свете тесных связей между Вифинией и азиатскими кельтами²⁷⁹. Помимо того, авторитет вифинского правителя со времени его экспедиции против эгосагов у геллеспонтийских греков тоже был достаточно высоким.

Итоги Второй Македонской войны и, в частности, предъявленное сенатом Филиппу требование об освобождении захваченных им азиатских городов, показали, что Рим не собирался оставаться равнодушным к малоазийским делам. В этих условиях какие-либо агрессивные действия Прусия в районе Проливов, уже оказавшемся в сфере внимания сената, несли в себе опасность встретить противодействие со стороны римлян, что было чревато потерей всех совершенных Прусием приобретений. Обстоятельства предоставили ему возможность развить достигнутые успехи в другом географическом направлении — против Гераклеи Понтийской²⁸⁰.

²⁷⁸ Не вполне понятно, при каких обстоятельствах могла возникнуть опасность для города со стороны галатов-толистоагиев, упоминаемых в надписи (С. Митчелл такую возможность полностью отрицает — *Mitchell S. Anatolia. P. 22*). По крайней мере, эти галаты не были наемниками Вифинии, на что указывает словоупотребление: τὸν δῆμον τῶν Τολιστοαγίων Γαλατῶν (стк. 49) (*Stähelin F. Geschichte... 1907. S. 48. Anm. 4*). В то же время несомненно, что лампсакенцы были обеспокоены возрастанием активности Антиоха III в Малой Азии. См. об этом: *Казеев В. И. Страница из дипломатической истории начала II в. до н. э. Порядок формирования греческого посольства по данным декрета в честь Гегесия (Syll.³ 591) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. Казань, 2000. С. 217–225 (с библиографией).*

²⁷⁹ В этом же документе сообщается об обращении лампсакенцев к массалиотам, связанным с ними общим происхождением, что можно объяснить обширными знаниями последних о кельтском мире (*Stähelin F. Tolistobogioi // RE. Hbhd. 12. 1937. Sp. 1674*).

²⁸⁰ *Ход, значение и итоги кампании Прусия против Гераклеи были рассмотрены в отдельной статье: Габелко О. А. Προυσίας, δραστή-*

Единственным источником информации об этой войне служит Мемнон (Мемп., F. 19, 1–3), возможно, ориентировавшийся на сочинения Домиция Каллистрата²⁸¹. Его рассказ достаточно подробен и обстоятелен, но контекст событий затруднителен для понимания вследствие нарушения порядка повествования и отсутствия четкой причинной связи и временной последовательности в главах 18–20²⁸².

Текст Мемнона дает яркое представление о стиле Прусия как политического и военного деятеля. О мотивах и предлогах нападения на город хронист не сообщает, но они вполне понятны: при том, что вифинско-гераклеийские отношения ухудшились еще при Эзиале, Пруссию было совсем несложно найти повод для нападения на полис, расположенный посреди его владений, — скорее всего, таковым послужили давние территориальные претензии. Поход против самой Гераклеи был тщательно подготовлен вифинским царем в стратегическом отношении: первоначально он отнял у гераклеотов Киер и Тиос, так что город оказался полностью окруженным (F. 19, 1)²⁸³. Приступив к штурму города, Прусий лично сражался в первых рядах своего войска — а ведь он был уже весьма преклонном возрасте! Захвату Гераклеи, по словам Мемнона, воспрепятствовало только тяжелое ранение Прусия в ногу, которое вынудило его снять осаду (F. 19, 2).

Важное значение имеет вопрос о датировке рассматриваемых событий. Их хронологические рамки намечены Мемноном в указаниях на то, что после войны Прусий прожил ἔτη οὐ πολλὰ

ποσ... καὶ πολλὰ πράξας (Мемп., FGrH, 434 F. 19, 1): один эпизод из политической деятельности четвертого царя Вифинии // ПИФК. Вып. 2. Ч. 1. 1997. С. 212–217, основные положения которой воспроизведены здесь.

²⁸¹ Desideri P. Studi di storiografia eracleota. II. La guerra con Antiocho il Grande // SCO. 1970–1971. Vol. XIX–XX. P. 495–496.

²⁸² Перестановка фрагментов могла быть допущена при сокращении хроники Фотием (Janke M. Historische Untersuchungen... S. 33–34).

²⁸³ Помимо того, Л. Робером было доказано, что надпись римского времени из Вифиниона/Клавдиополиса (Dörner F. K. Bericht über eine Reise... № 81) свидетельствует о существовании в этом городе культа Прусия как его основателя (Robert L. A travers... P. 129–132 = SEG XXX № 1420). Вифинион, с большой степенью вероятности, первоначально был военной колонией, служившей форпостом для будущей кампании против гераклеотов (Die Inschriften von Klaudiu polis. S. 1).

(F. 19, 3) и что последующее²⁸⁴ нападение галатов на Гераклею произошло «еще до того, как римляне переправились в Азию» (οἰτῶ τῶν Ῥωμαίων εἰς τὴν Ἀσίαν διαβεβηκότων — Ibid.), то есть до 190 г. до н. э.²⁸⁵ Имеющиеся в литературе попытки конкретной временной привязки — рубеж III и II вв.²⁸⁶ или первое десятилетие II в.²⁸⁷, кажется, должны быть скорректированы в пользу максимального приближения к 190 г. с учетом упоминания о довольно скорой смерти Прусия (ее обычно относят к 182 г.). К сожалению, указания Мемнона на продолжительность тех или иных отрезков недостаточно четки²⁸⁸, но на их основе, вопреки мнению М. Янке, все же может быть построена определенная логическая конструкция²⁸⁹.

²⁸⁴ Набег галатов на Гераклею и ее осада ими произошли «когда она уже многое утерла из своей прежней мощи» (Memn., F. 20, 1), то есть, очевидно, уже после тяжелой войны с Вифинией. Следовательно, 19-я и 20-я главы расположены в верной последовательности, но 18-я должна следовать за ними.

²⁸⁵ Последнее замечание проигнорировано Б. Низе, относящим вифинско-гераклеийский конфликт ко времени войны Прусия с Эвменом II (186—183 гг.) (*Niese B. Geschichte... Bd. III. S. 71*); эта же ошибка допущена и другими исследователями (*McShane R. B. The Foreign Policy... P. 160; Ager S. L. Interstate Arbitrations... № 112. P. 303; Климов О. Ю. Царство Пергам. С. 36*). В другую крайность впадает В. Амелинг, неопределенно датирующий события последней четвертью III в. (*Die Inschriften von Prusias. S. 3*).

²⁸⁶ *Meyer Ed. Bithynia. Sp. 518; Леви Е. И. Гераклея Понтийская... С. 86; Дзатунова В. П. Гераклея Понтийская... С. 148; Magie D. Roman Rule... Vol. II. P. 1196. Note 38; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 179; Bittner A. Gesellschaft und Wirtschaft... S. 84*. В последней работе высказано небезынттересное предположение, что Киер и Тиос могли быть захвачены значительно раньше осады самой Гераклеи.

²⁸⁷ *Meyer Ed. Geschichte... S. 75. Anm. 2; Ruge O. Tειοπ. Sp. 860; Gruen E. S. The Hellenistic World... Vol. II. P. 736*. Некоторые исследователи избегают называть более или менее точное время конфликта (*Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 51—52; Habicht Ch. Prusias (1) Sp. 1096—1097*).

²⁸⁸ *Janke M. Historische Untersuchungen... S. 33*.

²⁸⁹ Вызывает интерес предположение М. Янке о том, что в тексте Мемнона выражение τῶν πολέμων употреблено не в значении dat. modi, а как dat. temporis (Ibid.); в таком случае эти события могут совпадать по времени с Антиоховой войной. Помимо того, некоторую информацию могут сообщить и особенности описания Мемноном тех или иных промежут-

Как показывают факты, накануне или во время Сирийской войны Гераклея оказалась практически лишенной чьей-либо союзной помощи, чем в полной мере сумел воспользоваться вифинский царь. Так, в ходе последующей войны против галатов гераклеоты были озабочены поиском союзников, но отражать нападение вар-

мон времени. Выражения с οὐ πολὺ и им подобные употребляются в тексте хроники для обозначения времени десять раз. Во фрагменте 2, 4 μετὰ χρόνου οὐ πολὺν относится к периоду между передачей власти Тимофею и смертью тирана Сатира; этот период, очевидно, не может охватывать существенную часть семилетнего (352–345 гг.) единоличного правления последнего. Минимальная протяженность времени, описанного в сходных пассажах, составляет несколько месяцев (F. 11, 2 — осада галатами Виллентия; F. 18, 9 — время от высадки римлян в Азии до битвы при Магнезии). Примерно равны по продолжительности интервалы между женитьбой Лисимаха на Амастрии (после 305 г.) и ее приездом в Сарды (до 300 г.) (F. 4, 9), с одной стороны, и между смертью Никомеда I и Лариобарзана Понтийского — с другой (F. 16, 1) (3–5 лет). Наиболее продолжительный временной отрезок обозначен как μετ' οὐ πολὺ во фрагменте 22, 2, где речь идет о скитаниях юного Митридата Евпатора; этот период, если следовать Юстину, равен семи годам (Just., XXXVII, 2, 7–8); но достоверность сообщений и Мемнона (Молев Е. А. Боспор в период эллинизма. Н. Новгород, 1994. С. 21) и Юстина (Ballesteros Pastor L. Obeservaciones... P. 74; Гуленков К. Л. О достоверности сведений Помпея Трога о Митридате VI // Сборник работ молодых ученых МПГУ. Вып. IV. Серия: Всеобщая история. М., 1999. С. 29) подвергается сомнению. Примерно семь лет занимает интервал от окончания Первой Митридатовой войны до смерти Суллы (Мемн., F. 27, 1). Более или менее точная протяженность во времени может быть определена для следующих событий: война Византии и Каллатиса вспыхнула «немногим ранее» (οὐ πολλῶν δὲ ἔστερον χρόνων) вслед за основанием Никомедии в 264 г. (F. 13); Никомед I умер «по истечении совсем небольшого времени» (οὐ πολλοῦ δὲ πάνυ βραχύου χρόνου — F. 14, 1) после этого — ок. 255 г. Обращает на себя внимание, что последний период жизни Пруссия описан как βίους ἔτη οὐ πολλά (F. 19, 3), и особое указание на некоторое количество лет (а, предположим, не месяцев, что, как было показано, вполне допустимо в употребляемых историком сочинениях) заставляет считать его несколько более длительным, чем каждый из упомянутых выше хронологических отрывков, можно предположить, равным по продолжительности нескольким из них в сумме. Таким образом, в обоих случаях (между основанием Никомедии и смертью Никомеда I; между войной Пруссия с гераклеотами и его смертью), описанных в сходных выражениях, получаем вполне сопоставимые по длительности временные интервалы, охватывающие не более 10–12 лет.

варов им пришлось исключительно собственными силами: οὐδ' αὐτῆς ('Ηρακλείας. — О. Г.) σύμμαχων ἀμελοῦσες, ἀλλ' εἰς ὅσα παρέϊχεν ὁ καιρὸς παρασκευαζομένης (Memn., F. 20, 1). Это вполне объяснимо. Родос и Пергам, хотя их интересы объективно совпадали с внешнеполитическими устремлениями гераклеотов, не были заинтересованы в оказании им помощи, возможно, по соображениям торговой конкуренции²⁹⁰. Херсонес Таврический в тот период проводил независимую от своей метрополии политику и никакой поддержки Гераклею оказывать, видимо, не собирался²⁹¹. Понтийское царство, прежде нередко рассматривавшееся гераклеотами как потенциальный или реальный партнер (F. 7, 2; 16, 1—2), в это время склонилось к союзу с Вифинией²⁹². Прусии же, напротив, принял успешные дипломатические меры к дальнейшему ослаблению Гераклеи: случившееся вскоре нападение галатов на город явно было предпринято не без его содействия²⁹³ (хотя бы потому, что кельтам пришлось бы для нападения на город пройти через вифинские территории).

²⁹⁰ *Schneiderwirth H.* Das Pontische Herakleia. S. 17.

²⁹¹ *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская... С. 181—183. Херсонеситы дважды предоставили помощь Гераклею, осаждаемой римлянами в 72—70 гг. (Memn., F. 32, 2; 49, 4) (во второй раз — вместе с феодосийцами и и династами Боспора).

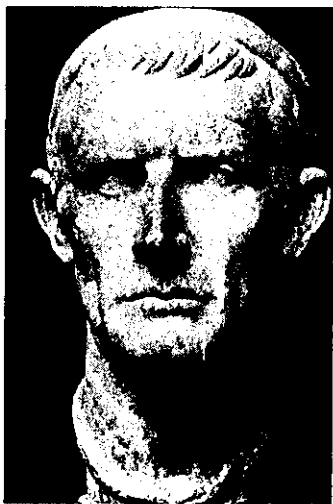
²⁹² Это проявилось вскоре в ходе Первой Вифинской войны. Утверждение В. П. Дзагуровой, будто бы понтийцы или каппадокийцы оказали гераклеотам действительную военную помощь, которая, в конечном итоге, и вынудила Пруссию снять осаду (*Дзагурова В. П.* Гераклея Понтийская... С. 149), совершенно не подтверждено источниками.

²⁹³ *Schneiderwirth H.* Das Pontische Herakleia. S. 16; *Stähelin F.* Geschichte... S. 49; *Janke M.* Historische Untersuchungen... S. 34. Было бы заманчиво видеть во фразе Мемнона μετὰ τῶν ἄλλων указание на то, что кампания против Гераклеи была осуществлена Прусией вместе с какими-то союзниками (галатами?); однако этому препятствует употребление аналогичной конструкции во фрагменте 9, 4, где говорится об утере гераклеотами Амастрии «вместе с другими» (городами), т. е. Киером и Тиосом. Здесь же, вероятно, подразумеваются «другие» (города), захваченные Прусией раньше, т. е. Киос и Мирлея. Ср.: *Janke M.* Historische Untersuchungen... S. 33. Указание Мемнона на то, что галаты предприняли нападение на Гераклею, стремясь выйти к морю, понимается С. Митчеллом как отражение их желания установить контакт с дунайскими кельтами (*Mitchell S.* Anatolia. P. 23). Однако более вероятным кажется иное объяснение: кельтам было прекрасно известно, что именно на побережье находятся самые крупные и богатые греческие города.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о существовавших на тот момент взаимоотношениях гераклеотов с Римом. Очевидно, они не смогли гарантировать граждан Гераклеи от нападения вифинцев: их дипломатические миссии были направлены к римским полководцам после прибытия последних на азиатский театр войны с Антиохом (F. 18, 6) и соответственно уже по окончании войны с Вифинией. Гераклеоты пытались посредничать в заключении мира между Римом и сирийским царем (F. 18, 8)²⁹⁴, а затем ими был заключен союз с римлянами, «согласно которому они становились не только друзьями, но и союзниками — против кого и за кого обе стороны найдут нужным» (μη φίλους εἶναι μόνον ἀλλὰ καὶ συμμάχους ἀλλήλοις, καὶ ὧν τε καὶ ὑπὲρ ὧν δεηθεῖεν ἑκάτεροις — Ibid.). Видимо, граждане полиса лишь с опозданием, уже лишившись почти всей своей хоры²⁹⁵, сумели путем заключения союза с Римом обезопасить себя от новых нападений вифин-

²⁹⁴ Это обстоятельство, кстати, опровергает мнение о враждебных отношениях между гераклеотами и Антиохом (*Schneiderwirth H. Das Pontische Herakleia. S. 16; Desideri P. Studi... II. P. 493*). В некоторых работах достоверность сообщения о посреднической миссии гераклеотов оспаривается (*Gruen E. S. The Hellenistic World... Vol. II. P. 736; Scifuro A. C. Prusias II of Bithynia and Third Party Mediation // Historia. Bd. XXXVI. Nr. 1. 1987. P. 35*), на наш взгляд, без достаточных оснований (хотя некоторые детали этого эпизода, безусловно, преувеличены Мемноном к вящей славе его родного города). Более взвешенный взгляд: *Alger S. L. Interstate arbitration... № 93. P. 256–258*.

²⁹⁵ В. П. Дзагурова с уверенностью говорит о том, что остров Финииду и гавань Кальпе гераклеотам, видимо, все же удалось сохранить за собой (*Дзагурова В. П. Гераклея Понтийская... С. 149*). Информация источников относительно последнего пункта тем не менее неоспорна. Существование здесь эмпория гераклеотов засвидетельствовано лишь в источниках римского времени (Анон. Рег., 5 = GGM I. P. 403; Marc. I Рег., 8 = GGM I. P. 569), а археологические данные о принадлежности им земель напротив Финиады (*Firatli N. Bitinya arařtırmalarına birkaç illave // Türk tarih kurumu belleten. С. XVII. 1953. S. 17*) с точностью не датируются и могут относиться ко времени до похода Прусия. Во всяком случае, трудно сомневаться в том, что вместе с Киером и Тиосом вифинцы вернули себе и Финийскую Фракию с бухтой Кальпе — часть их исконных земель, остававшаяся во владении гераклеотов еще с 279/8 г. (см. подробнее: *Габелко О. А. Гераклея Понтийская и Вифиния... С. 122–124*. Какие-то (видимо, небольшие) территориальные владения у гераклеотов оставались к моменту нападения на город галатов (Метн., I. 20): кельты искали продовольствие в области, подвластной Гераклее.

Антиох III Великий

цев и галатов. Отношения Вифинии и Гераклеи отныне протекали в стадии едва тлеющей дипломатической конфронтации: греки, апеллируя к римлянам, пытались добиться возвращения утраченных земель и городов, но достичь этого им так и не удалось²⁹⁶.

В непосредственной хронологической близости с агрессией против Гераклеи стоят переговоры Пруссия с Антиохом III и римлянами относительно его участия в Сирийской войне. Характер вифинско-сирийских отношений начала II в. остается неясным — отчасти из-за недостатка информации, отчасти из-за того, что в усложнившейся между-

народной обстановке связи Вифинии с великими державами (исключая Македонию) стали менее однозначными и едва ли поддаются жесткой дефиниции в терминах «враждебность» или «союз»²⁹⁷.

²⁹⁶ Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 181–183, 192.

²⁹⁷ Говоря о связях Вифинии с великими державами эллинистического мира, отмечу, что именно в период правления Пруссия I окончательно теряют свое значение отношения Вифинии с Птолемеями. Упадок военно-политической мощи Египта в конце III в. закономерно вывел его из числа тех сил, на которые могли ориентироваться в своих внешнеполитических планах Пруссий и его преемники. Ни в письменных, ни в эпиграфических источниках больше не появляются сведения о контактах между Вифинией и Египтом «на высшем уровне». Единственным показателем существования каких-то связей между двумя странами могут служить данные о присутствии в Египте вифинских наемников (SEG VIII № 357, 497; *Launey M. Recherches...* Т. II. P. 435; *Fol A., Velkov V. Les Thraces en Égypte gréco-romaine. Sofia, 1977. № 121*; особо следует отметить надгробную стелу вифинца Дионисия из Александрии — см. о ней: *Sekunda N. Hellenistic Infantry Reform in the 160th B. C. Łódź, 2001. P. 65–68*, но остается неясным, насколько интенсивными были эти взаимоотношения и имели ли они под собой прочную политическую основу. Скорее всего, появление вифинских солдат в государстве Птолемеев было, по большей мере, случайным, и его следует объяснять превратностями, обычными для жизни наемников эллинистического времени.

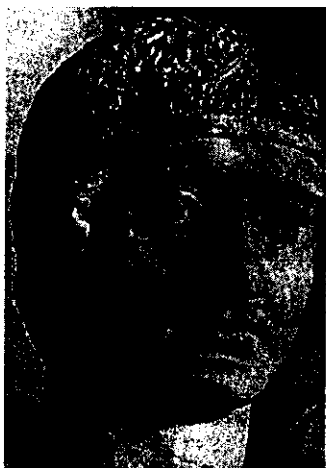
Источники содержат упоминания о попытках Антиоха III, терпящего неудачи в борьбе с римлянами, склонить Прусия к заключению союза (190 г.) (Polyb., XXI, 11, 1–2; Liv., XXXVII, 25, 4–7; App., Sutt., 23). Их сообщения различаются в деталях. Наиболее ценной должна быть признана информация Аппиана: ничего не говоря о дипломатической инициативе самого сирийского царя, он рассказывает лишь о предпринятых Публием и Луцием Сципионами контрмерах, датируя их к тому же непомерно ранним временем — еще до морского сражения, в котором погиб родосский царь Павсистерат (App., Sutt., 24; ср. Liv., XXXVII, 11, 1–15). Утверждение Аппиана о том, что Прусий «согласился быть их (римлян. — О. Г.) союзником в войне с Антиохом» также не соответствует действительности и не может быть подкреплено употреблением слова *amicitia* у Ливия²⁹⁸. Все это заставляет перенести общую невысокую оценку достоверности произведения Аппиана как источника по истории Сирийской войны²⁹⁹ и на рассмотрение греческим историком данного частного эпизода и отдать приоритет анализу сведений Полибия и Ливия.

Их сообщения восходят к надежному источнику³⁰⁰ и взаимно дополняют друг друга. Ливий подробно останавливается на антиримских пропагандистских уловках Антиоха, сообщавшего Пруссию, что римляне идут в Азию, «чтобы уничтожить все царства» (XXXVII, 25, 5–7). Полибий передает содержание письма Сципионов, убеждавших Прусия на основании многочисленных приме-

²⁹⁸ *Habicht Ch. Prusias* (1). Sp. 1097. На ошибочность мнения Т. Корсигна, считающего, что Прусий присоединился к римлянам, а его войска участвовали на их стороне в битве при Магнесии (*Die Inschriften von Kios. № 98; Corsten Th. Über die Schwierigkeit...* S. 196–199), было указано выше, в § 2 гл. II. Так же, на мой взгляд, не дают оснований для подобного вывода слова Полибия о стремлении Сципионов перетянуть Прусия на свою сторону (XXI, 11, 11), хотя некоторые исследователи склонны придавать им особое значение (*Horp J. Untersuchungen zur Geschichte...* S. 40. Anm. 29; *Briscoe J. Commentary on Livy. Books XXXI–XXXIII.* P. 236; *Idem. A Commentary on Livy. Books XXXIV–XXXVII.* Oxford, 1981. P. 328).

²⁹⁹ *Климов О. Ю.* Сирийская война 192–188 гг. до н. э. в античной исторической традиции // Проблемы истории и историографии. Античность. Средние века. Межвузовский сборник. Уфа, 1990. С. 23–24, 27.

³⁰⁰ При описании этого эпизода Полибий мог пользоваться материалами из архивов Сципионов (*Немировский А. И.* У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979. С. 132).

Публий Корнелий Сципион

характера вифинско-селевкидских взаимоотношений накануне этих событий. Можно сказать лишь о том, что между Вифинией и Сирией не существовало официально оформленных дружественных связей. Хотя некоторые исследователи находят возможным говорить о том, что таковые имели место³⁰², упоминание о желании Антиоха установить союз с Прусием показывает, что ранее такое соглашение отсутствовало. Борьба против общих соперников, Ахея и особенно Атталидов, даже не совместная, должна была

ров «не бояться за целостность державы» (XXI, 11, 4–11), и римский историк близко следует ему (Liv., XXXVII, 25, 8–12). Оба источника подчеркивают, что надежды Антиоха на союз с Прусием не оправдались (Polyb., XXI, 11, 13; Liv., XXXVII, 26, 1), но ничего не сообщают о присоединении вифинского царя к римлянам в ходе приема им посольства с Гаем Ливием во главе (Polyb., XXI, 11, 12; Liv., XXXVII, 25, 13–14), и это, пожалуй, свидетельствует о сохранении Вифинией нейтралитета³⁰¹.

Данная информация, к сожалению, мало что дает для выясне-

³⁰¹ *Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 314; Habicht Ch. Prusias (1). Sp. 1097; Schmitt H. H. Untersuchungen zur Geschichte... S. 40; Harris B. F. Bithynia: Roman Sovereignty... P. 862; Gauger J. D. Bithynien. S. 104.*

³⁰² См., например: *Scheiderwirth H. Das Pontische Herakleia. S. 14; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 179–181; ср.: Desideri P. Studi... II. P. 496.* Сходных взглядов придерживался Э. Бивэн, считавший, что вифинский царь должен был обратиться к Селевкидам из-за страха перед Атталом уже после гибели Ахея (*Bevan E. The House of Seleucus. Vol. II. P. 15*), но в 190 г. он «неожиданно» встал на сторону врагов Антиоха (*Ibid. P. 104*). Фраза Полибия о том, что Прусий был готов присоединиться к Антиоху (XXI, 11, 2) должна быть понята как указание на относительную эффективность неоднократных попыток сирийского царя создать неблагоприятное мнение о римлянах, предпринятых уже в критической ситуации 190 г., и не проясняет сущности предшествующих отношений.

способствовать некоторому сближению интересов вифинского и персидского монархов³⁰³, но едва ли оно стало существенным моментом политической жизни Малой Азии на рубеже III и II вв.

После нанесенного Антиоху римлянами решающего поражения при Магнезии-у-Сипила стало очевидным, что развязка римско-персидского конфликта уже близка. Его исход предопределил активнейшее воздействие политики Рима на политические дела в Малой Азии, на создание в регионе нового международно-правового порядка. Эти перемены, казалось бы, не несли прямой опасности для Персии: вифинский царь воздержался от вмешательства в войну на чьей-либо стороне, заключил с римлянами соглашение о дружбе и не без оснований мог полагать, что его владения останутся неприкосновенными.

Апамейский договор (188 г.) зафиксировал новое политическое устройство Малой Азии — прежде всего, окончательное устранение всякого военного и политического присутствия Селевкидов «по эту сторону Тавра», а также резкое возрастание могущества римских союзников — Родоса и, особенно, Пергамы, получивших значительные территориальные приобретения³⁰⁴. В тексте договора содержался пункт, непосредственно касавшийся и Персии: вифинскому царю было предписано возвратить Эвмену II область Мизии, над которой он в какой-то момент установил свой контроль³⁰⁵.

³⁰³ Отдельные мнения о сохранении «традиционной» и «естественной» дружбы между Вифинией и Селевкидами (*Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 314; Berthold R. Rhodes... P. 113; ср. Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 43*) не учитывают некоторой стабилизации в двусторонних связях, происшедшей еще в правление Эвмена.

³⁰⁴ Об Апамейском договоре и его роли в дальнейшем развитии международной ситуации в Малой Азии см.: *Liebmann-Frankfort T. La frontière orientale... P. 48–70; Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 22–27* и др.

³⁰⁵ Наиболее точную информацию дает Ливий: «...Mysiam, quam Prusia rex ademerat, ei (Eumeni. — О. Г.) restituerunt» (XXXVIII, 39, 15), тогда как текст Полибия, послуживший для него источником, подвергся искажениям: после фразы *Μισοῦς, οἷς πρότερον αὐτοῦ* (XXI, 48, 10) в разных рукописях приводятся слова *παρεσπάσασα* или *παρὰσκέυασα*. Предпочтительным кажется первый вариант (*Walbank F. W. A Historical Commentary... Vol. III. P. 171 ff.; Briscoe J. A Commentary on Livy. Books XXXIV–XXVII. P. 386; Schwertheim E. Studien zur historischen Geographie Mysiens. S. 65. Anm. 1.*

Эвмен II Пергамский

риографии название «Первая Вифинская война»³⁰⁹, очень бедно освещен источниками. Утрату посвященных ему мест из «Всеобщей

Это решение выглядит мало-понятным и непоследовательным. Х. Хабихт отмечает, что обстоятельства, по которым сенат включил в договор с Антиохом пункт о возвращении Мизии Эвмену, остаются неясными³⁰⁶, и считает эти действия ярким примером его предательской политики по отношению к друзьям и союзникам Рима³⁰⁷. Вполне естественно, что вифинский царь отказался выполнить это требование римлян, и это привело к войне между ним и Эвменом³⁰⁸.

Вифинско-пергамский конфликт 180-х гг., получивший в исто-

³⁰⁶ *Habicht Ch. The Seleucids and Their Rivals // САН². Vol. VIII. 1989. P. 325.*

³⁰⁷ *Ibid. P. 383.* Причину ущемления интересов Пруссия можно видеть в том, что территории, ставшие предметом вифинско-пергамского вооруженного соперничества, не рассматривались римлянами как законное приобретение Пруссия, в чем их мог убедить Эвмен во время посещения Рима в 189 г. (*Polyb., XXI, 18–21; Liv., XXXVII, 52, 3–9; 53, 1–28*). Не исключено также, что сенат не одобрил действий Сципионов в отношении Пруссия, предпринятых ими по собственной инициативе: ведь конкретные условия соглашения между Пруссией и посольством Гая Ливия Салинатора (*Polyb., XXI, 11, 12; Liv., XXXVII, 25, 13–14*) остаются неизвестными. В этой связи заслуживает внимания замечание Дж. Бриско, что условия Апамейского мира были выработаны политическими оппонентами Публия Сципиона (*Briscoe J. Flamininus and Roman Politics, 200–189 // Latomus. T. XXXI. Fasc. 1. 1972. P. 53*).

³⁰⁸ Пруссия фактически «бросил вызов Апамейскому договору» (*Bencke P. V. M. Rome and the Hellenistic States // САН¹. Vol. VII. 1930. P. 282*). Исходя из этого, невозможно считать, что после заключения Апамейского соглашения Вифиния, как и другие малоазийские государства, попала в клиентскую зависимость от Рима (*Bouché-Leclercq A. Histoire des Séleucides. T. I. P. 218; ср.: Liebmann-Frankfort T. La frontière orientale... P. 46*).

³⁰⁹ *Bengtson H. Die Strategie in der Hellenistischen Zeit. Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht. Bd. II. München, 1943. S. 215, 217.*

истории» Полибия другие свидетельства — как нарративные, так и эпиграфические — способны восполнить лишь частично. Несмотря на это обстоятельство, данному конфликту посвящено немало страниц в многочисленных исследованиях, многие из которых до сих пор остаются непревзойденными образцами скрупулезного научного анализа. Не отрицая значения результатов, полученных историками на сегодняшний день, считаю тем не менее возможным высказать свое мнение относительно ряда кардинальных проблем, связанных с причинами, ходом и результатами Первой Вифинской войны³¹⁰.

Прежде всего, остается дискуссионным вопрос о том, какие именно территории подразумевались в тексте Апамейского договора и соответственно являлись предметом вооруженного спора между Пруссией и Эвменом. Эта проблема имеет давнюю историю и особенно интенсивно разрабатывалась в последние годы, но до сих пор не получила окончательного разрешения. Большая часть исследователей считает, что упомянутую в договоре область следует отождествить с Фригией Эпиктет (Геллеспонтской)³¹¹; наиболее развернуто эту точку зрения изложил Х. Хабихт³¹². Недав-

³¹⁰ Этим вопросам была посвящена отдельная работа: *Габелко О. Л.* Последствия Апамейского мира: Рим и Первая Вифинская война // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. Казань, 2000. С. 226–248.

³¹¹ *Meyer Ed.* Bithynia. Sp. 518; *Niese B.* Geschichte... Bd. III. S. 70; *Stähelin F.* Geschichte... S. 61. Anm. 3; *Meyer Ern.* Die Grenzen... S. 115; *Hansen E.* The Attalids of Pergamon. P. 93; *Magie D.* Roman Rule... Vol. I. P. 759. О географическом положении этой области и ее границах см.: *Şahin S.* Studien über die Probleme... S. 142; *Strobel K.* Galatien... S. 29–41. При всей неопределенности данных письменных, эпиграфических и нумизматических источников относительно разграничения Фригии Эпиктет и упоминавшейся «Мизии» имеется обстоятельство, препятствующее отождествить их применительно к тексту договора: там упоминается Геллеспонтская Фригия (Polyb., XXI, 48, 10; Liv., XXXVIII, 39, 15), которая, согласно Страбону, идентична Фригии Эпиктет: «Прусий покинул Фригию на Геллеспонте по договору с Атталидами. Эта страна прежде называлась Малой Фригией, а Атталиды дали ей название Эпиктет» (XII, 4, 3) (пер. Г. А. Стратановского); ср. *Şahin S.* Studien über die Probleme... S. 136. Лип. 39. Невозможно, чтобы Полибий, а вслед за ним и Ливий допустили такую тавтологию. Более подробно о соотношении между Геллеспонтской Фригией и Фригией Эпиктет см. далее, с. 289–290.

³¹² *Habicht Ch.* Über die Kriege... S. 90–92 — с полной библиографией и аргументацией.

но, однако, это мнение было отвергнуто в пользу предположения, сделанного еще Дж. Кардинали³¹³; под «Мизией» из текста договора следует понимать Олимпийскую Мизию³¹⁴.

Э. Швертхайм принимает приводимую в некоторых рукописях версию текста Ливия (XXXVII, 56, 2): «...Mysias regias silvas...» вместо «...Mysiam, quam ademerat Prusias regi» и приводит примеры, позволяющие приложить характеристику «лесная» именно к Мизии Олимпийской, где на протяжении персидской, эллинистической и римской эпох находились охотничьи угодья царей, императоров, сатрапов и высшей знати³¹⁵. Эта область, однако, вовсе не принадлежала Прусию накануне 188 г.: по мнению исследователя, в другой пассаж Ливия (...Mysiam, quam Prusia rex ademerat — Liv., XXXVIII, 39, 15) следует внести эмендацию *Prusias*, в результате чего отрывок приобретает следующий смысл: Эвмен вернул себе Мизию, отнятую царем (т. е. Антиохом III. — О. Г.) у Прусия³¹⁶. Более того, немецкий историк считает, что никакого контроля вифинцев, вопреки распространенным взглядам, не существовало до времени заключения Апамейского договора и над Геллеспонтской Фригией; на это будто бы указывает упоминание данной области в числе прочих владений Селевкида, на которые после понесенного им поражения фактически распространилась власть римлян, во время выступления родосских послов в сенате в 189 г. (Polyb., XXI, 22, 14; Liv., XXXVII, 54, 11)³¹⁷.

Приводимые Э. Швертхаймом доказательства требуют обстоятельного разбора. Пожалуй, они не вызывают особых возражений относительно идентификации спорной области как Мизии Олимпийской, однако в остальном кажутся весьма уязвимыми для критики.

Начнем с предлагаемых немецким исследователем изменений текста Ливия. Еще в позапрошлом веке было доказано, что упомянутый пассаж римского историка представляет собой дословный перевод соответствующего места из труда Полибия³¹⁸. Этот тезис

³¹³ Cardinali G. Il regno die Pergamo. P. 82 ff.

³¹⁴ Schwertheim E. Studien zur historischen Geographie Mysiens S. 67–77; Strobel K. Galatien... S. 29–41.

³¹⁵ Schwertheim E. Studien zur historischen Geographie Mysiens. S. 68–69.

³¹⁶ Ibid. S. 76–77.

³¹⁷ Ibid. S. 70–71.

³¹⁸ Nissen H. Kritische Untersuchungen über die Quellen der vierten und fünften Dekade des Livius. Berlin, 1863. S. 206.

получил подтверждение у современных ученых³¹⁹; не отрицает его и сам Э. Швертхайм³²⁰. Между тем предлагаемая им конъектура придает повествованию Ливия иной смысл, чем у первоисточника: Полибий говорит о предшествующей потере Мизии Эвменом, а Ливий (в интерпретации Э. Швертхайма) — о ее отторжении у Пруссия. Слово *гех* без указания имени (если не связывать его с предшествующим *Prusia*) едва ли оправданно, вопреки мнению К. Штробеля³²¹, «по контексту» связывать с Антиохом III из-за возникающей некоторой смысловой неясности.

Э. Швертхайм не объясняет, когда и при каких обстоятельствах Антиох мог отнять у Пруссия эту область: согласно его выкладкам, Аттал I установил контроль над ней в 218 г., Пруссий владел ею около 218–216 гг. (что, как было отмечено в прим. 224 данной главы, далеко не бесспорно), затем ее вернул себе отложившийся от Антиоха Ахей, а после его гибели данная часть Мизии вновь отшла к Антиоху, и ею управлял его наместник Зевксид³²². Непонятным остается и то обстоятельство, почему Полибий говорит, что Мизия была потеряна Эвменом (XXI, 48, 10), если, согласно Э. Швертхайму, Пергам лишился ее еще при Аттале I³²³.

Некоторые натяжки в аргументации немецкого исследователя вызвали критику со стороны Д. Бароновского и Дж. Ма, настаивающих на традиционном понимании текста источников³²⁴. Несмотря на неясности, остающиеся и в их трактовке, которые, видимо, пока что невозможно целиком устранить ввиду крайне противоречивой информации источников, необходимо согласиться с мнением, что Полибий и вслед за ним Ливий желали обосно-

³¹⁹ *Habicht Ch. Über die Kriege...* S. 91; *Briscoe J. A Commentary on Livy. Books XXXIV–XXXVII.* P. 386.

³²⁰ *Schwertheim E. Studien...* S. 65. Anm. 1.

³²¹ *Strobel K. Galatien...* S. 29. Anm. 9.

³²² *Schwertheim E. Studien zur historischen Geographie Mysiens.* S. 75–76.

³²³ Ср. с передачей Аппианом одного из пунктов Апамейского договора, где данное обстоятельство в полной мере учтено: Антиох должен «отдать Эвмену то, что еще остается у него в нарушение договора, заключенного с Атталом, отцом Эвмена» (Суг., 38). Полибий, гораздо более точный в терминологии, наверняка обратил бы внимание на эту деталь.

³²⁴ *Baronowsky D. W. The Status of the Greek Cities of Asia Minor after 190 B. C. // Hermes. Bd. CXIX. 1991. P. 452–453. Note 4; Ma J. Antiochos III and the Cities...* P. 60. Note 30.

вать законность прав Пергама на спорные территории³²⁵, и это могло сказаться при передаче ими деталей договора.

Все это заставляет склониться к мнению, что в договоре между римлянами и Антиохом упоминается именно Мизия Олимпийская, но вернуть ее пергамскому царю должен был отнюдь не Антиох, а Прусий, во владении которого эта область пребывала. *Terminus ante quem* селевкидского господства над Мизией — 209 г.³²⁶, и последующие бурные события могли привести к неоднократному переходу ее из рук в руки. В определенный момент ее закрепил за собой Эвмен, но в дальнейшем вифинский царь, воспользовавшись какими-то трудностями своего соперника, перехватил у него контроль над спорными землями³²⁷.

³²⁵ *Baronowsky D. W. The Status... P. 453. Note 4.*

³²⁶ SEG XXXVII № 1010; *Malay H. Letter of Antiochos III to Zeuxis with Two Covering Letters // EA. Ht. 10. 1987. S. 7–17.* Видимо, Пергаму удалось овладеть Мизией сразу после 209 г. до н. э., но только на очень короткое время (см. след. прим.).

³²⁷ Остается открытым вопрос о том, когда именно это могло произойти — в 208, 198 или ок. 190 г., поскольку все предположения остаются недоказуемыми; пожалуй, любая из этих точек зрения имеет право на существование. Обзор мнений см.: *Habicht Ch. Über die Kriege... S. 94–95.* Чисто теоретически к обстоятельствам, во время которых произошло присоединение Прусией спорных земель, можно причислить еще и малоазийскую экспедицию Филиппа V, в ходе которой к Вифинии отошли Киос и Мирлея, хотя и неясно, вступил ли Прусий при этом в конфликт с Атталом I. (Именно с этими событиями предлагается связывать, в частности, установление вифинского контроля над территорией, где была основана Пруса-Олимпийская — *Strobel K. Prusa // Der Neue Pauly. Bd. 10. Stuttgart, 2001. Sp. 490*). Однако наиболее вероятным вариантом кажется все же сохранение вифинского контроля над этой областью на протяжении 208–188 гг.; дело в том, что, по словам Юстина, Прусий начал войну против Эвмена, нарушив некий союзный договор (*Just., XXXII, 4, 1*), а такое соглашение между Вифинией и Пергамом могло быть заключено только в 205 г. по результатам мира в Фенике, где оба царства фигурировали в качестве *foederi adscripti* соответственно Македонии и Рима (*Liv., XXIX, 12, 14*). Не исключено также, что несколько ранее был заключен сепаратный мир, положивший конец развязанному Прусией в 208 г. военным действиям (см. выше, с. 244). Скорее всего, этим договором должны были быть закреплены права Прусия на Мизию Олимпийскую, а его фактическая денонсация римлянами естественным образом вынудила вифинского царя начать войну.

Однако потери Пруссия, определенные решениями римлян, кажется, не исчерпывались только Мизией Олимпийской. Можно предположить, что и Малая Фригия тоже входила в его владения накануне Апамейского договора. Перечисление этой области в ряду других владений сирийского царя, о чем говорилось выше, не исключает такой возможности. Малая Фригия могла быть либо передана Антиохом Прусию в качестве стимула для заключения столь нужного ему союзного договора с Вифинией³²⁸ (например, перед началом переговоров), либо захвачена Прусией силой после окончательного перелома в ходе Сирийской войны³²⁹ — в любом случае его претензии на данные земли не могли быть приняты как законные ни римлянами, ни тем более заинтересованным в их приобретении Эвменом. Потому-то Малая Фригия и продолжала считаться владением Антиоха³³⁰, перешедшим по праву завоевания и полное распоряжение римлян.

Наконец, предложенная Э. Швертхаймом трактовка географической и правовой сторон «мизийско-фригийской проблемы» не учитывает ее военно-политического аспекта. Если Прусией в результате перекройки карты Малой Азии по решениям римских легатов фактически не понес никакого ущерба, то невозможно объяснить, как он решился начать агрессию против римского протекже Эвмена, не имея никаких серьезных оснований претендовать на Малую Фригию³³¹ и не встретив сразу же решительного дипломатического противодействия Рима.

³²⁸ *Schmitt H. H. Untersuchungen zur Geschichte... S. 277; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 68.*

³²⁹ *Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 54–55.*

³³⁰ Ср. сходное отчасти мнение: *Baronowsky D. W. The Status... P. 452. Note 4; Ma J. P. 60. Note 30.*

³³¹ К. Штробель полагает, что историческим обоснованием для Пруссии в его притязаниях на Малую Фригию могли служить действия вифинцев и галатов против Антиоха I в 270-х гг. в этом районе, приведшие, на его взгляд, к территориальным приобретениям (*Strobel K. Galatien... 35 ff.*). Тем не менее создается впечатление, что Прусией мог апеллировать и к менее отдаленным событиям: известную надпись из Эзан (первая публикация: *Jacopi P. Note anatolice // VMIR. Vol. 9. 1938. P. 44–49*), где засвидетельствована смена господства Аттала и вифинского царя над этим городом, логичнее относить к периоду, непосредственно предшествующему началу войны (подробнее см. далее, с. 279 и прим. 357). Эзаны, вероятно, являлись одним из крайних южных владений Вифинии.

Переходя к анализу самого хода войны, необходимо, прежде всего, уточнить составы враждующих коалиций. О союзниках Пруссия говорится в различных источниках. Помпей Трог причисляет к ним галатов и царя Понта Фарнака I (Трог., *Proleg.*, 32), Полибий — одних галатов (III, 3, 6), а Непот говорит о союзе Пруссия «с другими царями и воинственными племенами» (Соп. Нер., *Hannib.*, X, 1), в чем следует видеть указание на участие в войне Фарнака, Филиппа V и, конечно, все тех же азиатских кельтов³³². О помощи, оказанной Прусию Филиппом, свидетельствуют также Полибий и Ливий (Polyb., XXIII, 1, 4; 3, 1; Liv., XXXIX, 46, 9), а галаты во главе с Ортиагонтом (наряду с еще какими-то союзниками) упоминаются в декрете из Тельмесса в честь Эвмена III³³³. Выступление галатов на стороне Вифинии против Пергама вполне закономерно: тяжело пострадав в ходе экспедиции Гн. Манлия Вульсона (189 г.), в которой принял самое активное участие и Эвмен, они стремились взять реванш у Атталидов³³⁴. Определенные сомнения вызывает у некоторых историков упоминание Фарнака. Так, Х. Хабиخت предполагал, что Трог мог перепутать Первую Вифинскую войну с разгоревшимся вскоре после ее окончания конфликтом Понтийского царства и пергамской коалицией³³⁵; хотя в дальнейшем он критически подошел к такой возможности³³⁶, в ряде исследований участие Фарнака в войне либо оспаривается³³⁷, либо вовсе не упоминается³³⁸.

³³² *Habicht Ch. Prusias* (1). Sp. 1098.

³³³ *Segre M. Due nuovi testi storici // RFIC. Vol. XL. 1932. P. 446–451. Сткк. 11–13; Allen R. A. The Attalid Kingdom. P. 211.* Прямого указания на участие в антипергамской коалиции Фарнака Понтийского эта надпись, вопреки мнению С. Ю. Сапрыкина (Понтийское царство. С. 69–70), не содержит. Из соображений политического престижа упоминание в числе побежденных противника, обладающего царским достоинством, было бы для Эвмена вполне оправданным; поскольку этого не произошло, то можно допустить, что в данном сражении понтийцы не участвовали. Подробнее о позиции Фарнака см. далее, с. 273–274.

³³⁴ *Mitchell S. Anatolia. P. 24.*

³³⁵ *Habicht Ch. Prusias* (1). Sp. 1099; ср. *Ballesteros Pastor L. Pharnaces I of Pontus and the Kingdom of Pergamum // Talanta. Vol. 32–33. 2000–2001. P. 62.*

³³⁶ *Habicht Ch. The Seleucids... P. 325.*

³³⁷ *Gruen E. S. The Hellenistic World... Vol. II. P. 552; Walbank F. W. A Historical Commentary... Vol. III. P. 46.*

³³⁸ *Niese B. Geschichte... Bd. III. S. 70–72; Hansen E. The Attalids of Pergamon. P. 92–95; Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 314; Vol. II.*

Безусловно, наиболее активным сторонником Пруссия был Ортиагонт — способный и деятельный политик, сумевший объединить под своей властью все три галатских племена (Polyb., XXII, 21). Еще одно проявление традиционного противостояния Атталидов варварам акцентировано во всех источниках и совершенно заслоняет какие бы то ни было действия других союзников Пруссия, в том числе и Фарнака. Этот царь между тем с самого начала своего правления пытался играть самую активную роль во внутрианатолийских делах³³⁹, и потому его участие в Первой Вифинской войне выглядит вполне вероятным — особенно с учетом его дальнейшей враждебности к Пергаму. Необходимо согласиться с Й. Хоппом, считающим сообщение Трога вполне аутентичным³⁴⁰ и, следовательно, признающим достоверным вмешательство Фарнака в войну на стороне Вифинии.

Недавно испанский антиковед Л. Баллестерос Пастор на основании упоминания Юстином понтийцев в описании морского сражения, в котором Ганнибалом была применена военная хитрость (*id primum Ponticis ridiculum visum, fictilibus dimicare, qui ferro nequeant* — XXXII, 4, 7) (об этой битве см. далее, с. 280), высказал довольно парадоксальное мнение о союзе между Фарнаком и Эв-

Р. 1196–1197. Note 39; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 56; McShane R. B. The Foreign Policy... P. 160–161; Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... 1984. P. 27; Will É. Histoire politique... Т. II. P. 286; Virgilio B. Il «Terpio stato»... P. 84–86.

³³⁹ О политике Фарнака I см.: Колобова К. М. Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1949. № 3. С. 27–35; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 67–86.

³⁴⁰ Hopp J. Untersuchungen... S. 41. Anm. 37. К тексту Непота надо относиться более критически. Так, хотя он и говорит о нескольких царях — союзниках Пруссия, его сообщение о том, что Ганнибал будто бы прибыл к Пруссию в Понт (Cogn. Nep. Hannib., X, 1) не заслуживает доверия. Б. Макгинг понимает его как указание на визит вифинского царя к Фарнаку, свидетельствующий о существовании дружественных отношений между Понтом и Вифинией (McGing B. C. The Foreign Policy... P. 255; *Idem*. The Kings of Pontus: Some Problems of Identity and Date // RhM. Bd. 129. Hft. 3–4. 1986. P. 254–255; ср.: Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 70); но здесь мы, вероятно, имеем дело с ошибкой, обычной для римских историков (зачастую усугубленной некомпетентностью эпитоматоров и переписчиков), путающих малоазиатские страны и их правителей (Just., XXVII, 3, 1; 5; XXXII, 4, 7; Luc. Ampel., 34, 1).

меном³⁴¹. Данная гипотеза все же выглядит сомнительной по ряду причин. Во-первых, ценность сообщаемой Юстином в данном случае информации невелика ввиду его многочисленных ошибок и неточностей (см. предыдущ. прим.). Во-вторых, если следовать Л. Баллестерос Пастору, кажутся странными и труднообъяснимыми «зигзаги» политики Фарнака на протяжении всего лишь нескольких лет: союз с Пергамом в 186—183 гг., вражда в ходе Понтийской войны 183—179 гг. и вновь тесные дружественные отношения с Эвменом после ее окончания³⁴². Наконец, участие понтийского флота в совместном с пергамскими морскими силами сражении против вифинцев в Эгейском либо Мраморном море выглядит маловероятным, так как Прусий, даже располагая меньшим, чем его противники, количеством кораблей, мог бы блокировать вход в Босфор Фракийский. Все это заставляет вернуться в прежней трактовке роли Фарнака в событиях 186—183 гг.³⁴³

Если Прусий в ходе конфликта делал ставку на наиболее агрессивные силы, способные серьезно нарушить баланс сил в Малой Азии, то Эвмен, верный династическим принципам филэллинизма, обратился за военной помощью в первую очередь к независимым греческим полисам, — в особенности к тем из них, которые рисковали стать жертвой Вифинии и ее союзников. С полной уверенностью можно говорить о присоединении к антивифинской коалиции Кизика — наиболее надежного и последовательного союзника Атталидов. Фрагмент, повествующий о визите в Кизик его уроженки Аполлониды — матери Эвмена и его трех братьев, очевидно, поставлен Полибием в прямую связь с Первой Вифинской войной, хотя и неверно расположен в тексте³⁴⁴. Во мно-

³⁴¹ *Ballesteros Pastor L. Pharnaces I of Pontus... P. 62–66.*

³⁴² Именно так историк предлагает понимать малопонятное сообщение Юстина о назначении Эвменом Фарнака своим наследником (XXXVIII, 6, 1) (*Ballesteros Pastor L. Pharnaces I of Pontus... P. 64*). Между тем царь Понта в течение некоторого времени продолжал находиться в оппозиции Эвмену, о чем свидетельствует установление им династических связей с Селевкидами (*Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 85–86*).

³⁴³ Отсутствие в источниках конкретных указаний о действиях Фарнака в этой войне может являться следствием его осторожной позиции и не слишком активного участия в боевых операциях накануне задумываемой им собственной большой войны.

³⁴⁴ *Habicht Ch. Über die Kriege... S. 98–99; Walbank F. W. A Historical Commentary... Vol. III. P. 13. О взаимоотношениях Кизика с Атта-*

гих исследованиях содержится утверждение о том, что на сторону Пергама вместе с кизикенцами стали граждане Гераклеи Понтийской³⁴⁵, однако оно выглядит малообоснованным, поскольку строится на неправильной датировке вифинско-гераклейского конфликта. Как сообщает Мемнон, Гераклея после агрессии вифинцев «многое потеряла из своей прежней мощи» (Мемн., F. 19, 1–3); последующее нашествие галатов тоже принесло гражданам тяжелые бедствия³⁴⁶. Крайне сомнительно, чтобы ослабленные многочисленными потерями гераклеоты могли оказать поддержку Пергаму, с которым у них к тому же не было прочных отношений — во всяком случае, источники о таковых умалчивают³⁴⁷.

Эвмен искал союзников не только в Малой Азии. В 185 г. его посольство добивалось возобновления связей с Ахейским союзом и предлагало ахейцам принять в дар 120 талантов (Polyb., XXII, 7, 3 — 8, 3; Diod., XXIX, 170)³⁴⁸. Данное событие должно быть связано с войной против вифинской коалиции, на что указывает упоминание Прусия в ходе дебатов в ахейском синедрионе³⁴⁹. Ахей-

лидами в целом см.: *Thornton J.* Una città e due regine. Eleutheria e lotta politica a Cizico fra gli Attalidi e I Giulio Claudi // *MedAnt.* Fasc. 2. 1999. P. 397–438.

³⁴⁵ *Niese B.* Geschichte... Bd. III. S. 71; *Hansen E.* The Attalids of Pergamon. P. 93; *McShane R. B.* The Foreign Policy... P. 161; *Will É.* Histoire politique... T. II. P. 71.

³⁴⁶ Утверждение хрониста о том, что после победы над варварами «граждане возымели надежды возвратиться к прежнему счастью и славе» (Мемн., F. 20, 3) направлено лишь на достижение риторического эффекта (*Габелко О. Л.* Мемнон... С. 112): во II в. внешнеполитическое положение гераклеотов продолжало оставаться чрезвычайно стесненным, и они избегали вмешиваться в крупные конфликты.

³⁴⁷ Не исключено, что гераклеоты в это время вовсе не поддерживали Пергам. Об этом может свидетельствовать факт передачи Тиоса Эвменом II после окончания Понтийской войны не Гераклею, а ее противнику Прусию II (*Burstein S. M.* The Aftermath of the Peace of Apameia. Rome and the Pontic War // *AJAH.* Vol. 5. 1980. P. 9. Note 12).

³⁴⁸ Готовность пергамского царя безвозмездно пожертвовать ахейцам столь крупную сумму, а также дарование пергамским посольством римскому сенату золотого венка стоимостью 15 тыс. золотых (183 г.) (Polyb., XXIII, 1, 7) свидетельствуют о том, что продолжающаяся война не сопрядалась для Атталидов серьезными финансовыми трудностями.

³⁴⁹ *Habicht Ch.* Prusias (1). Sp. 1100. Э. Хансен полагает, что Прусий примерно в это время тоже попытался заручиться поддержкой Ахейского союза (*Hansen E.* The Attalids of Pergamon. P. 94).

Ганнибал

цы не приняли финансовой помощи Пергама и, очевидно, не оказали Эвмену вооруженной помощи; поэтому пергамская дипломатия продолжила поиск новых союзников. Заключенный двумя годами позже договор между Эвменом и тридцатью критскими городами (Syll.³ 627) явно имел целью вербовку наемников³⁵⁰.

Точное время начала войны нам неизвестно; все имеющиеся в историографии датировки приблизительны, но обычно в качестве начальной даты называют 186 г. Военные действия первым начал

Прусий (Liv., XXXIX, 51, 1; Just., XXXII, 4, 2), очевидно, дождавшись окончания похода Гн. Манлия Вульсона против галатов, существенно изменившего расстановку сил в Малой Азии. Все дошедшие до нас свидетельства о ходе боевых действий на суше говорят о каких-то неудачах вифинцев, хотя войсками Прусия руководил знаменитый пуниец Ганнибал, нашедший прибежище в Вифинии (Cogn. Nep., Hannib., X, 1; Liv., XXXIX, 51, 1; Just., XXXII, 4, 2–5; Plut., Tit., 20; Paus., VIII, 11, 11; Zon., IX, 20; App., Syr., 11)³⁵¹. Непот (Hannib.,

³⁵⁰ Will É. Histoire politique... Т. II. 1982. P. 287. Предположение о заключении этого союза в результате урегулирования спора критских общин римским посольством во главе с Аппием Клавдием (Кашев В. И. Римляне как третейские судьи в межгосударственных спорах греков // Античность: миры и образы. Межвузовский сборник. Казань, 1997. С. 35) нуждается в дополнительной аргументации.

³⁵¹ Не исключено, что Ганнибал командовал только флотом Прусия, тогда как общее руководство сухопутными операциями могло оставаться за самим вифинским царем (Seibert J. Hannibal. Darmstadt, 1993. S. 526). Пребывание Ганнибала в Вифинии должно стать сюжетом самостоятельного исследования: в историографии последний этап карьеры великого пунийца освещен недостаточно. Стоит подчеркнуть, что, в отличие от мнения Я. Зайберта, выбор Ганнибалом Вифинии как места бегства отнюдь не был продиктован тем, что Прусий будто бы являлся врагом Рима (Ibid. S. 525). Напротив, вифинский царь устраивал пунийского полководца

Фрагмент посвящения Аттала за победу над вифинцами и галатами у горы Липедрон

Х, 3) и Юстин (Just., XXXII, 4, 6) прямо указывают, что боевые действия на суше складывались к явной выгоде пергамцев³⁵².

именно как дружественный и лояльный римлянам, но вполне самостоятельный правитель. Исследователи обычно не отрицают достоверности упоминания Плиния о причастности Ганнибала к основанию Прусы-Олимпийской (Plin., NH, V, 148). Неясна степень его влияния на политику Прусия (явно искаженное представление о ней дает Непот (Cogn. Nep., Hannib., X, 1) — см.: Трухина Н. Н. Комментарии // Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. М., 1992. С. 97), хотя упоминание Непотом адресованного родосцам сочинения Ганнибала об экспедиции Вульсона против галатов (Hannib., XIII, 2) свидетельствует, видимо, о его активной политической деятельности (если, конечно, в этот момент Ганнибал уже находился у Прусия). В таком случае заслуживает внимания сам факт дипломатических контактов между Вифинией и Родосом, нигде более не отраженных. См. об этом: Лансель П. Ганнибал. М., 2002. Непонятны также причины определенного недоверия, которое карфагенский полководец, кажется, внушал Прусию (Cic., De div., 2, 5; Liv., XXXIX, 51, 4).

³⁵² Правда, Непот и здесь допускает неточности, сообщая, что на море Эвмен первоначально тоже теснил противника, и объясняя это помощью со стороны римлян, которой в действительности не существовало (Cogn. Nep., Hannib., X, 1). Х. Хабихт, указывая на ошибки Непота, склонен преуменьшать масштабы неудач вифинцев и в сухопутных сражениях (Habicht Ch. Prusias (1). Sp. 1100), кажется, не вполне обоснованно. Что касается рассказа Непота в целом, то он явно «распадается» на два уровня, различающихся как по характеру описываемых событий, так и по достоверности их освещения. Так, об общем военно-политическом контексте событий римский историк имеет весьма запутанное представление, видимо, он домысливал его самостоятельно; что же касается отдельных деталей конфликта и, в частности, визита вифинского посольства в Рим (Cogn. Nep., Hannib., XII, 1), то здесь Непот хорошо информирован, — вероятно, из-за наличия в его распоряжении достаточно надежного источ-

Эпиграфические материалы³⁵³ подтверждают и конкретизируют эти сведения.

Победа пергамцев над вифинцами и галатами зафиксирована в посвящении брата Эвмена II Атгала Зевсу и Афине Nikeфоре (IvPergamon 65 = OGIS 298). Особую ценность имеет указание на то, что это сражение состоялось πέρὶ τῶν Λυπιδίων (стк. 4), то есть вблизи горы Липера, где находился основанный Зипойтом I город Зипойтион. Локализация битвы в глубине вифинской территории (ведь во времена Зипойта город едва ли мог быть заложен вне пределов коренных вифинских земель) однозначно свидетельствует об активных наступательных действиях пергамской армии³⁵⁴. Другая победа пергамского оружия упоминается в декрете из Тельмесса, где чествуется Эвмен II, взявший верх над Прусием, Ортиагонтом и галатами и их союзниками. Документ датируется концом осени — началом зимы 184 г.³⁵⁵, то есть он близок по времени к завершающему периоду войны. Именно за эту победу Эвмен был назван Сотером. Наконец, воздвигнутая на Делосе статуя в честь Филетера, одного из братьев Эвмена, сопровождается надписью, в которой воспевается его доблесть в борьбе против галатов³⁵⁶. О каких-либо конкретных событиях здесь

ника. Этими обстоятельствами и определяется мой избирательный подход к данным Непота.

³⁵³ Вероятнее всего, именно о Первой Вифинской войне упоминает декрет в честь стратега Атталидов Коррага (Ливий называет его «префектом Эвмена» в ходе событий Третьей Македонской войны — XLII, 67, 4) из какого-то геллеспонтского города, впоследствии перевезенный в Прусую-Олимпийскую (SEG IV № 716; *Holleaux M. Études d'épigraphie et d'histoire grecques*. Т. II. Paris, 1938. P. 73–125; *Bengtson H. Die Strategie...* Bd. II. S. 213–226; *Die Inschriften von Pergusa ad Olympum*. Т. II. № 1001. С победоносным для Пергама окончанием Первой Вифинской войны хорошо согласуются назначение Коррага на должность στρατηγός τῶν κατὰ τὴν Ἑλλησπόντου τόπων (сткк. 3–4) в качестве начальника над вновь образованной (?) территориальной единицей и упоминание παράληψις τῆς πόλεως (стк. 8) как свидетельство о переходе спорной области от Вифинии к Пергаму. Это еще один косвенный аргумент в пользу того, что Геллеспонтская Фригия была утеряна Прусием именно в ходе данного конфликта.

³⁵⁴ *Magie D. Roman Rule...* Vol. II. P. 1196. Note 39; *Vitucci G. Il regno di Bitinia*. P. 56–57; *Habicht Ch. Prusias (1)*. Sp. 1100.

³⁵⁵ *Segre M. Due nuovi testi...* P. 446–451.

³⁵⁶ IG. XI. 4. 1105; *Stähelin F. Geschichte...* S. 62–63; *Hoffmann W. Philetairos (3)* // RE. Bd. XX. 1938. Sp. 2162–2163; SEHFW. Vol. III.

ничего не сказано, но все эти свидетельства вместе взятые создают впечатление, что сухопутная кампания шла крайне неудачно для Вифинии и ее союзников. Приняв во внимание данные факты, трудно согласиться с Э. Швертхаймом, полагающим, будто Пруссию удалось подчинить Фригию Эпиктет именно после начала войны, что будто бы отражено как Страбоном (XII, 3, 7; 4, 3), так и в надписи из Эзан³⁵⁷.

Р. 1450–1451. Другие исследователи (*Hansen E. The Attalids of Pergamon. P. 30–31; McShane R. B. The Foreign Policy... P. 38. Note 24; Allen R. A. The Attalid Kingdom. P. 31. Note 8; P. 136–137; Hannestad L. Greeks and Celts: The Creation of a Myth // Centre and Periphery in the Hellenistic World / Studies in Hellenistic Civilization. Vol. IV. Ed. by P. Bilde, T. Engberg-Pedersen, L. Hannestad, J. Zahle, K. Randsborg. Aarhus, 1993. P. 26; Климов О. Ю. Царство Пергам. С. 134. Прим. 47*) полагают, что речь идет об основателе пергамской династии, а С. Митчелл считает равно вероятными обе возможности (*Mitchell S. Apatolia. P. 16. Note 40; P. 24. Note 138*). Однако более весомым выглядит предположение, что чествуемое лицо — это именно Филестер, брат Эвмена II, а не первый правитель Пергама: в надписи упоминается об изгнании им галатов из «собственных пределов» (ἴλασας οἰκεῖσιν... ὄρων) (стк. 6), а такая характеристика едва ли была применима к Пергаму в первой трети III в., тем более что Филестер (I) ко времени галатского нашествия был уже стар и едва ли мог участвовать в сражениях с варварами лично. Кроме того, в пользу датировки II в. свидетельствуют данные палеографии надписи. Активное участие братьев Эвмена в Первой Вифинской войне косвенно подтверждается и декретом из Тельмесса (сткк. 21–22).

³⁵⁷ *Schwertheim E. Studien zur historischen Geographie Mysiens. S. 71–72; Strobel K. Galatien... S. 34–35.* Комментарий к надписи: *Пелриханян А. Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959. С. 44–49; Boffo L. Il re ellenistici... P. 115–121; Schenkungen. № 253; МАМА IX. № 8; 9. P. 4–6.* Такая акция, как дарение земли эзанскому святилищу, едва ли может быть соотнесена с обстановкой напряженных боевых действий. То, что в надписи, возможно, подразумеваются военные поселенцы (*Levick B. Aspects of Social Life in Aezani: A Preview of МАМА IX // Sociétés urbaines, sociétés rurales dans l'Asie Mineure et la Syrie hellénistique et romaines / Ed. par E. Frézouls. Strasbourg, 1987. P. 263–265*), ничего не меняет: военная колония должна была быть основана на территории, уже отвоеванной у врага, для закрепления контроля над ней. В составе колонистов встречаются македонские и малоазийские имена (*Ibid. P. 265*), и остается неясным, каким государством данная клерухия была выведена. Предполагаемое подчинение вифинцами Фригии Эпиктет в ходе войны трудно увязать со словами Страбона о том, что ви-

Единственное упоминание об удачных действиях вифинцев связано с морской битвой, в которой им принесла победу над превосходящими силами противника военная хитрость Ганнибала. По его приказу пергамские военные корабли были заброшены глиняными горшками со змеями, причем серьезной опасности подвергся и сам Эвмен (Cogn. Nep., X, 4 — XI, 7; Just., XXXII, 4, 6; Front. Strat., IV, 7, 10)³⁵⁸. Фраза Непота: «...во многих других уже сухопутных сражениях побеждал он (Ганнибал. — О. Г.) неприятеля с помощью таких же уловок» (neque tum solum sed saepe alias pedestribus copiis pari prudentia pepulit adversarios — Com. Nep., Hannib., XI, 7) едва ли соответствует действительности³⁵⁹: ход войны, насколько он нам известен, не оставляет времени для каких-то наступательных действий Пруссия и его партнеров по коалиции, развивающих успех Ганнибала в морской битве. Можно предположить, что эта победа вифинского флота была одержана после неудач вифинцев на суше, но вряд ли ей предшествовало сражение, упомянутое в тельмесском декрете: боевые действия на море обычно не велись зимой, а хронологический промежуток между успешным для Эвмена сражением и заключением мира слишком невелик. Помимо того, значение последней в выдающейся карьере Ганнибала победы могло быть преувеличено в традиции в первую очередь из-за «экзотичности» средства, которым она была достигнута³⁶⁰.

Развитие событий, таким образом, делало весьма вероятным тяжелое поражение Вифинии, однако конец конфликта был положен в результате применения не военных, а дипломатических

финцы *владели* (εἶχον) ею прежде, что подразумевает довольно длительный период вифинского господства в этом районе; ср. с мнением о влиянии Вифинии и Пергама в районе Эзан. Стоит отметить находки здесь вифинских монет (МАМА IX. Р. XI).

³⁵⁸ X. Хабихт отмечает, что место этой морской битвы остается неизвестным (*Habicht Ch. Prusias* (1) Sp. 1100), но можно предположить, что она произошла у берегов Пергамского царства, поскольку Непот сообщает, что Эвмену, когда его корабль обратился в бегство, удалось укрыться в одной из своих укрепленных гаваней, которые были расположены на ближайшем берегу (*intra sua praesidia se recepisset, quae in proximo litore erant collocata*) (XI, 4).

³⁵⁹ *Habicht Ch. Prusias* (1). Sp. 1100.

³⁶⁰ Историчность этой стратегии пунийца нередко оспаривалась (см.: *Лансель П. Ганнибал*. С. 322), но П. Грин, к примеру, настаивает на реальности данного эпизода (*Green P. Alexander to Actium. The Historical Evolution of the Hellenistic Age*. Berkeley; Los Angeles, 1990. P. 840).

мер. Важную, если не решающую роль в заключении мирного договора сыграло вмешательство римлян, и его необходимо внимательно рассмотреть.

Пассивность сената по отношению к пергамско-вифинской войне выглядит труднообъяснимой. В течение нескольких лет римляне не принимали ровным счетом никаких шагов для того, чтобы хоть как-то попытаться урегулировать конфликт, хотя информация о нем не могла оставаться для них недоступной.

Пергамские посольства во время войны неоднократно посещали Рим³⁶¹. В 186 и 183 гг. послы Эвмена обращались в сенат с жалобами на Филиппа V, не выполняющего римского решения относительно освобождения городов Фракийского побережья (Polyb., XXII, 9, 1–2; Liv., XXXIX, 24, 5–9; ср. 27, 1 — 29, 3; Polyb., XXII, 15, 1–5; Liv., XXXIX, 33, 1–4), но во время осуществления этих миссий вопрос о войне против Вифинии и о нарушении Прусием римских предписаний, как это ни странно, вообще не затрагивался. Весной 183 г. пергамскую делегацию возглавил брат царя Афиней, причем к прежним обвинениям в адрес Филиппа было прибавлено еще одно: македонский царь отправил Пруссию вспомогательное войско (Polyb., XXIII, 1, 4; 3, 1; Liv., XXIX, 46, 9)³⁶². Это упоминание о войне с вифинцами было единственным, сделанным пергамскими послами³⁶³, и решение сената по данному вопросу опять-таки касалось только Филиппа, а не Пру-

³⁶¹ См. об этих миссиях: *Canali di Rossi F. Le ambascerie...* № 499–503. P. 460–464.

³⁶² Сообщения источников дают понять, что эта акция была предпринята Филиппом впервые, — не исключено, что именно вследствие ухудшения позиций Прусия. Оказание военной помощи Вифинии сопровождалось какими-то дипломатическими мероприятиями: к Пруссию был отправлен послом приближенный македонского царя Филокл (Polyb., XXIII, 1, 5; 3, 2), неоднократно выполнявший самые ответственные поручения и известный как «специалист по македонско-вифинским отношениям»; см.: *Olshausen E. Prosopographie der hellenistischen Königsgesandten. Teil I. Von Triparadeisos bis Pydna. Lovanii, 1974. S. 124.* Он присутствовал и в Риме во время визита Афиней.

³⁶³ Фраза Юстина о том, что после поражения пергамского флота об этом было сообщено римлянам, что и вызвало отправку посольства Фламинина (Just., XXXII, 4, 8), не может быть истолкована однозначно. Так, Э. Хансен полагает, что посольство в Рим отправили обе враждующие стороны (*Hansen E. The Attalids of Pergamon. P. 95; ср.: Климов О. Ю. Царство Пергам. С. 37.*)

сия, причем упор вновь был сделан на безотлагательном выполнении прежних решений сената касательно городов фракийского побережья (Polyb., XXIII, 3, 1–3)³⁶⁴.

Создается впечатление, что Эвмен несколько не был заинтересован в привлечении внимания римлян к войне с Пруссией: очевидно, он надеялся (и, надо полагать, не без оснований!) разбить противника собственными силами и в полной мере воспользоваться плодами победы³⁶⁵. Сенат же, в свою очередь, воздерживался от вмешательства в довольно щекотливую ситуацию — конфликт двух дружественных ему царей, порожденный в значительной мере его прежними двусмысленными и не вполне удовлетворительными с международно-правовой точки зрения решениями. Симпатии большей части римских политиков, без сомнения, были на стороне Эвмена как наиболее верного союзника римлян в Азии, однако принять конкретные шаги по прекращению войны римлян мог заставить только какой-то новый поворот событий. Что же именно вывело сенат из пассивности?

В качестве такого критического пункта X. Хабихт предлагает рассматривать изменение хода военных действий, которое могло якобы принять угрожающий для стабильности в Малой Азии характер. Его мнение следует привести полностью, поскольку оно представляет самую развернутую аргументацию из имеющихся на сегодняшний день в историографии: «Решающим должно было

³⁶⁴ X. Хабихт не вполне точен, когда говорит о том, что Пруссия тоже подвергалась обвинениям пергамцев (*Habicht Ch. Über die Kriege... S. 97; Idem. The Seleucids... P. 328*): в источниках об этом ничего не сказано.

³⁶⁵ См. сходное мнение: «Эвмен, выигравший свои сражения, мог сам заключить мир» (*Gruen E. S. The Hellenistic World... Vol. II. P. 552*), хотя последовавшее дипломатическое вмешательство римлян делает такую возможность сомнительной. Весьма показательная аналогия — поведение Эвмена в ходе Понтийской войны, когда он удвоил количество своих войск, «чтобы дать понять римлянам, что он и сам в силах отразить Фарнака и одолеть его» (Polyb., XXIV, 8, 11). Й. Хопп придерживается прямо противоположного мнения: Эвмен был вынужден действовать без помощи римлян (*Hopp J. Untersuchungen... S. 41*). Поведение пергамских послов в этой ситуации представляет собой яркий контраст с деятельностью представителей Аттала во время войны с Вифинией в 156–154 гг., когда пергамцы терпели серьезные неудачи: в сенат неоднократно поступали жалобы на вифинцев (Polyb., XXXII, 28, 1 — упоминаются два посольства; XXXIII, 1, 1; см. также: OGIS 323 стк. 5).

быть уже само поведение вифинского царя, который после 188 г. до н. э. решительно злоупотребил доверием римлян. То, что он принял у себя Ганнибала, было недружественным актом по отношению к Риму, и то, что он использовал его в войне против Эвмена, должно было встревожить сенат еще сильнее, чем то обстоятельство, что он вообще развязал войну. Он создал против Эвмена коалицию держав, которые были врагами Рима, как галаты под руководством Ортиагонта, или находились с Римом в чрезвычайно напряженных отношениях, как Филипп V. В этом содержался угрожающий политический подтекст, подразумевавший, что объединенные силы этих партнеров по коалиции могли серьезно расшатать порядок, установленный Римом в Малой Азии несколькими годами ранее; в ходе многолетней борьбы выяснилось, что Пруссию и его союзникам, пожалуй, стало по плечу одолеть государство Атталидов, назначенное Римом для поддержания нового порядка, однако не до такой степени, чтобы они затем могли этот порядок самостоятельно гарантировать»³⁶⁶. Как было показано выше, факты абсолютно не убеждают в правдоподобии этой версии. Никаких кардинальных перемен в пергамско-вифинском военном противостоянии к весне 183 г. не произошло; пергамские войска только что одержали важную (хотя, наверное, и не решающую³⁶⁷) победу, и поражение Пруссия, судя по всему, продолжало оставаться наиболее вероятным исходом войны.

Не исключено, что в сложившейся ситуации сам Прусий был не прочь завершить дело миром — даже ценой серьезных уступок³⁶⁸. Римлянам тоже было невыгодно слишком резкое ослабление Вифинии, которым была чревата «самостоятельная» победа

³⁶⁶ Habicht Ch. Über die Kriege... S. 100.

³⁶⁷ Ibid. S. 99. Э. Грюн противоречит самому себе, сначала говоря о решающей победе Эвмена, а затем утверждая, что вслед за ней произошло неудачное для него морское сражение (Gruen E. S. The Hellenistic World... Vol. I. P. 112; Vol. II. P. 552).

³⁶⁸ См. мнение того же Х. Хабихта: «Римского вмешательства было достаточно для того, чтобы склонить на уступки Прусия, который, кажется, также нес ущерб от войны» (Habicht Ch. Prusias (1). Sp. 1101). Ср.: Ager S. L. Interstate Arbitrations... № 112. P. 303, где говорится о решающем военном поражении Пруссия; впрочем, трудно согласиться с мнением исследовательницы о том, что миссия Фламинина не возымела никакого эффекта, тем более что она, как кажется, путает последовательность событий, помещая римское посольство ранее одержанной Эвменом победы.

Эвмена. Именно в таком контексте следует оценивать сообщение Непота о пребывании посольства Пруссия в Риме (Согп. Нер., Hannib., XII, 1). Его цель и точное время отправки, к сожалению, остаются неизвестными, однако из текста источника следует, что вифинские послы появились в Риме незадолго до отправки комиссии Фламинина на Восток³⁶⁹. Показательной (и очень ценной!) является деталь, отсутствующая в рассказе других авторов и практически проигнорированная современными исследователями: вифинские послы обедали в доме Тита Фламинина (Согп. Нер., Hannib., XII, 1). Это наводит на мысль, что Прусий и Фламинин, видимо, были связаны дружественными отношениями (естественно, в той степени, в какой их задавали какие-то общие политические интересы — ведь они не были знакомы лично). Если вспомнить прежнюю историю их дипломатических контактов (в случаях с Киосом и Лампсаком), то можно предположить, что вифинский царь рассматривал Тита как одного из тех римских политиков, кто мог бы обеспечить соблюдение интересов Вифинии (хотя бы частичное) в любых международных делах. Не случайно, что после исполнения своей роли вифинской дипломатической миссией именно Фламинин возглавил посольство, направленное к Прусию весной 183 г. (Polyb., XXIII, 5, 1; Liv., XXXIX, 51, 1–3; Plut., Tit., 20; App., Syr., 43; Corn. Нер., Hannib., XII, 2; Zonar., IX., 21, 7). Наиболее точно задачу, поставленную перед комиссией Фламинина, определяет Юстин: восстановить мир между враждующими царями (regem in pacem cogent) (Just., XXXII, 4, 8)³⁷⁰.

³⁶⁹ Не исключено, что вифинское посольство было отправлено для опровержения обвинений, выдвинутых посольством Афиней. В таком случае его тоже можно отнести к весне 183 г. (Canali de Rossi F. Le ambascerie... № 506. P. 469).

³⁷⁰ X. Хабихт убедительно показал, что в действительности имело место лишь одно римское посольство в Вифинию (Habicht Ch. Über die Kriege... S. 97–98; Idem. Prusias (1). Sp. 1101), а не два, как считалось ранее (Niese B. Geschichte... Bd. III. S. 73. Anm. 3). Именно оно привело к заключению мира (Briscoe J. Eastern Policy and Senatorial Politics 168–146 B. C. // Historia. Bd. XVIII. Ht. 4. 1969. P. 23); против, без достаточной аргументации — Gruen E. S. The Hellenistic World... Vol. II. P. 552. Note 102). Полибий указывает, что Фламинин, помимо Пруссия, должен был отправиться к Селевку IV (XXIII, 5, 1; ср. с замечанием Плутарха, что Фламинин прибыл к Прусию, будучи отправлен сенатом «по другим делам» — Tit., 20), но цель миссии в Сирию остается неизвестной.

Интересен вопрос о составе римского посольства. Все источники, за исключением двух, упоминают лишь главу комиссии — Фламинина; Ливий со ссылкой на Валерия Антиата причисляет к нему и Сципиона Назику (Liv., XXXIX, 56, 7), а Плутарх, чье сообщение восходит к тому же источнику, помимо того, добавляет, что одним из послов был Луций Сципион Азиатский (Plut., Tit., 21). Эти сообщения нередко подвергались критике³⁷¹, но если здесь содержится какая-то доля истины³⁷², то данная информация заставляет по-иному объяснить роль сципионовской «партии» в урегулировании вифинско-пергамского конфликта.

Исследователи считают, что политическое поражение и устранение от активной политической деятельности Сципионов, давших Пруссию в 190 г. гарантии неприкосновенности его владений, могло каким-то образом способствовать принятию в сенате решения о необходимости заставить Пруссию прекратить войну³⁷³. Тем не менее из сообщений Ливия и Плутарха следует, что родственники и сторонники³⁷⁴ Публия Сципиона совсем не потеряли вли-

³⁷¹ См., например: Münzer. Cornelius (337) // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1483. Однако подобный вывод делается почти исключительно из общих соображений — исходя из упадка политической роли Сципионов после процесса Луция, и потому он не может обесценить конкретное указание Антиата. Нередко сообщаемая им информация относительно римских посольств не поддается однозначной интерпретации. Так, историчность миссии Луция Сципиона, направленной для разрешения территориального спора между Эвменом II и Антиохом III, о чем сообщает со ссылкой на Антиата Ливий (XXXIX, 22, 9), отвергается одними исследователями (Gruen E. S. The Hellenistic World... Vol. II. P. 105; Eckstein A. Rome, the War with Perseus, and the 3-rd Party Mediation // Historia. Bd. XXXVII. Ht. 4. 1982. P. 417. Note 4), но признается другими (Nissen H. Kritische Untersuchungen... S. 222; Кащеев В. И. Римляне как третейские судьи... С. 38. Прим. 14). Очевидно, а priori отвергать сведения Антиата не следует.

³⁷² См.: Трухина Н. Н. Примечания. С. 97. Прим. 22, где не высказано никаких сомнений относительно сообщения Ливия/Антиата. Следует отметить, что Ливий прямо ссылается на Антиата 34 раза и критикует его чаще всего за неправдоподобные цифровые данные (потери противников римлян, захваченные богатства и т. д.), но обычно не испытывает особых сомнений относительно приводимых им имен.

³⁷³ Habicht Ch. Über die Kriege... S. 100; Idem. The Seleucids... P. 328; Hopp J. Untersuchungen... S. 41–42. Anm. 39.

³⁷⁴ К последним с некоторыми оговорками можно причислить Фламинина, который именно в эти годы проявлял лояльность к Публию Сци-

яния на устройство политических дел в Азии. Фламинин и другие послы, таким образом, могли учитывать на переговорах интересы Пруссия и пойти навстречу его желанию избежать катастрофического для Вифинии исхода конфликта, хотя, несомненно, на вифинского царя должны были быть наложены определенные санкции, прежде всего, за развязывание войны и использование полководческих способностей заклятого врага римлян Ганнибала (Liv., XXXIX, 51, 1)³⁷⁵. Но главной задачей Рима, безусловно, состояла в том, чтобы не допустить резкого нарушения сложившегося после Апамейского договора status quo, что могло повлечь за собой серьезные осложнения во взаимоотношениях малоазийских государств и принесло бы римлянам ненужные проблемы. Нам неизвестно, остался ли доволен исходом столкновения с Пергамом Пруссий, но,

пиону (Plut., Tit., 18). О взаимоотношениях Публия Сципиона и Фламинина см.: *Briscoe J. A Commentary on Livy. Books XXXI–XXXIII. P. 32–33*; *Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 107*; *Бобровникова Т. А. Сципион Африканский. Картины истории Рима эпохи Пунических войн. М., 1998. С. 357–358. Прим. 44.*

³⁷⁵ В историографии преобладает мнение, что Пруссий был вынужден пойти на заключение мира по требованию Рима (*Sands P. C. The Client Princes of the Roman Empire under the Republic. Cambridge, 1908. P. 96*; *Hansen E. The Attalids of Pergamon. P. 95*; *Badian E. Foreign Clientelae (264–70 B. C.). Oxford, 1958. P. 98*; *Wilson D. R. The Historical Geography... P. 457*; *Cimma M. R. Reges socii et amici... P. 136* — в этой работе вообще не говорится ни слова об одержанных Эвменом победах; *Burstein S. M. The Aftermath... P. 1*). Свое крайнее выражение эта идея находит во фразе: «Лишь дипломатические усилия, предпринятые Римом, положили конец территориальным притязаниям Пруссия, и за Эвменом были сохранены его владения» (*Марченко И. И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996. С. 123*). Взгляды, отличные от этого, выражают лишь немногие авторы; см., например: *McShane R. B. The Foreign Policy... P. 160–161*. То обстоятельство, что посольство Фламинина прибыло именно в Вифинию, отнюдь не доказывает, что Пруссий подвергся дипломатическому давлению римлян: так, в 154 г., во время войны Атталы II Пергамского против Пруссия II, римское посольство, которое должно было заставить Пруссию, выступившего в роли агрессора, прекратить войну, прибыло в Пергам, а не в Вифинию, поскольку боевые действия тогда происходили на территории царства Атталидов (*Polyb., XXXIII, 1, 1–2*; *9, 1–3*). Может быть, исходя из аналогии с этими событиями, позволительно допустить, что в 183 г. пергамские войска стояли под стенами Никомедии?

как станет видно в дальнейшем, слишком серьезного урона Вифиния не понесла; что же касается Эвмена, то для него итоги конфликта оказались вполне приемлемыми и были расценены как крупная победа, о чем свидетельствуют предпринятые им вскоре после окончания войны пропагандистские акции³⁷⁶.

Интерес античных авторов к яркой личности великого Ганнибала привел к тому, что его смерть представлена в их произведениях как едва ли не главный итог войны. Разрозненные данные источников не позволяют выяснить, знали ли римляне о пребывании и деятельности Ганнибала в Вифинии заранее (Plut., Tit., 20) или сведения об этом поступили к ним незадолго до отправки посольства Фламинина (Corn. Nep., Hannib., XII, 1); были ли инструкции относительно выдачи Ганнибала даны послам в сенате (Corn. Nep., Hannib., XII, 1; Just., XXXII, 4, 8; Liv., XXXIX, 51, 1; Val. Max., IX, 1, ext. 2; Zonar., IX, 21, 7; Oros., IV, 20, 29; Eutrop., IV, 5; De vir. ill., 42, 6; 51, 5) или инициатива исходила от самого Фламинина (Plut., Tit., 20; App., Syr., 11; Paus., VIII, 11, 11)³⁷⁷. Неясной остается и позиция Прусия, в частности, насколько искренни были его намерения не выдавать пунийца³⁷⁸. Интересно, что именно с этим эпизодом связана единственная характеристика, которая звучит явным диссонансом с другими сооб-

³⁷⁶ Главным из них стало преобразование праздника Никефорий в очень крупный и престижный фестиваль. См. об этом: Segre M. L'institution des Niképhoria de Pergame // Hellenica. T. 5. 1948. P. 101–128; Ohlemutz E. Die Kulte und Heiligtümer der Götter in Pergamon. Würzburg, 1940. S. 37–39; Jones C. P. Diodoros Paspasos and the Nikephoria of Pergamon // Chiron. Bd. 4. 1974. P. 184–189.

³⁷⁷ Возможно, эта традиция восходит к Полибию (Nissen H. Kritische Untersuchungen... S. 169, 227–228).

³⁷⁸ Görlietz W. Hannibal. Eine politische Biographie. Stuttgart, 1970. S. 199. Anm. 45. Можно думать, учитывая предполагаемый характер взаимоотношений Фламинина и Прусия, что и в этом вопросе ими был достигнут некий компромисс, в результате чего в традиции и появилось направление, не выставляющее вифинского правителя в особо неблагоприятном свете. Подобным примером отношений Фламинина с эллинистическими правителями может служить (разумеется, с той или иной долей условности) использование им в собственных интересах правителя Арамании Аминандра (см. об этом: Welwei K.-W. Amyanedros öνομα της βασιλείας und sein Besuch in Rom // Welwei K. W. Polis und Arche. Kleine Schriften zu Gesellschafts- und Herrschaftsstrukturen in der griechischen Welt / Hrsg. v. M. Meier. Stuttgart, 2000. S. 385–389).

щениями источников о Пруссии, рисующими его смелым и энергичным правителем: Плутарх говорит о безволии (*μαλακία*) вифинского царя (Tit., 21). У других авторов никакого акцента на этом не делается. Любопытно, что изнеженность и безволие (*τρυφή καὶ μαλακία*) — это те же качества, которыми Афиной со ссылкой на Никандра Калхедонского наделяет «Прусия, царствовавшего в Вифинии» (Nicandr. Chalced., FGrH, 700, 1 = Athen., XI, 496 d—e) — по общему мнению, Прусия II, отношение к которому в античной традиции крайне негативное (подробнее см. в начале следующего параграфа). Не воспроизводит ли здесь Плутарх штамп, относящийся не к Прусии I, а к его сыну? Это тем более вероятно, что в другом произведении он почему-то называет Прусия II, описывая его раболопное поведение в Риме, Никомедом (De Alex. magn. fort. 336 E)³⁷⁹.

Драматические события, связанные с гибелью Ганнибала, совершенно вытеснили из поля зрения древних авторов как проблемы, связанные с прекращением войны, так и сами условия мирного договора. Можно не сомневаться, что территориальный вопрос был решен в пользу Эвмена: Прусий должен был лишиться Олимпийской Мизии и Геллеспонтской Фригии. Последней области ка-

³⁷⁹ Как ни странно, сомнительный тезис о слабости Прусии I довольно прочно прижился в историографии со времени Т. Моммзена (Моммзен Т. История Рима. СПб., 1994. Т. I. С. 587) и без должной критики воспроизводится и поныне; см., например, последние работы: Бобровникова Т. А. Сципион Африканский. С. 314, 363–364. Прим. 53; Лансель П. Ганнибал. С. 327). Это допущение стало общим местом в многочисленных биографиях Ганнибала (преимущественно популярного характера), которые здесь нет необходимости перечислять. Х. Хабиخت совершенно справедливо указывает, что нарушение Прусией закона гостеприимства было вызвано крайне сложным политическим положением, в котором тот находился к моменту завершения войны (*Habicht Ch. Prusias (1). Sp. 1105*). Можно добавить, что в 183 г. Прусий, очевидно, был уже стар и вряд ли мог проявлять прежнюю решительность.

Существует экстравагантная и ничем не подтвержденная гипотеза, согласно которой выдачу Ганнибала римлянам осуществил не Прусий I, а Прусий II. Поскольку точное время смерти Прусии I и соответственно воцарения его сына остается неизвестным, то исследователи полагают, что выдать Ганнибала вопреки праву гостеприимства мог не храбрый и энергичный Прусий-старший, а его наследник, чьи характеристики в источниках весьма неслетны (*Kraay C. M., Davis N. The Hellenistic Kingdoms. P. 260*).

дается единственное прямое указание на результат войны, содержащееся у Страбона: «Прусий покинул Фригию на Геллеспонте по договору с Атталидами» (Προυσίας... τῆς ἐφ' Ἐλλεσπόντῳ Φρυγίας ἀναστὰς κατὰ συμβάσεις τοῖς Ἀτταλικοῖς — Strabo, XII, 4, 3). Большинство исследователей полагает, что отказ от притязаний Вифинии на Фригию Эпиктет стал главным (или даже единственным) итогом конфликта³⁸⁰. Однако некоторые немаловажные детали договора могут быть уточнены.

Дело в том, что изучение весьма противоречивых данных Страбона о Фригии Эпиктет и Геллеспонтской Фригии позволяет прийти к выводу, что последняя из них представляла собой только часть более обширной Эпиктет, а не была полностью идентична ей³⁸¹. Страбон не раз говорит о них взаимозаменяемо, но только в тех случаях, когда прямо или иносказательно речь идет о регионе, расположенном к югу от Вифинии, где располагались города Эзаниа, Наколей, Котиэй, Мидиэй, Дорилей и Кады (XII, 3, 7; 4, 1; 8, 1; 8, 12). В составе Персидской империи сатрапия Геллеспонтская Фригия простиралась на восток вплоть до Великой Фригии и Гордиона³⁸², однако в дальнейшем ситуация изменилась: Страбон относит Гордий к Галатии (XII, 5, 3), а области, которые с востока граничат с Вифинией (XII, 4, 1) и соседствуют с землями галатов толистобогиев (XII, 5, 2), он называет частью Фригии Эпиктет, но не Геллеспонтской. Кроме того, о Фригии Эпиктет географ сообщает, что она нигде не достигает моря (XII, 4, 5), тогда как часть Геллеспонтской Фригии является Троада (II, 5, 31), безусловно, прилегающая и к Пропонтиде, и к Геллеспонту. Наконец, включение в состав Эпиктет расположенных далеко к югу

³⁸⁰ См., например: *Meyer Ed. Bithynia. Sp. 519; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 58–59; Habicht Ch. Prusias (1). 1957. Sp. 1102; Idem. The Seleucids... P. 328; McShane R. B. The Foreign Policy... P. 160.* Нам ничего не известно ни о наложенной на Прусия контрибуции, ни о сокращении вифинской армии и флота, если эти меры вообще были приняты. Так или иначе, Прусий II почти сразу же после рассмотренных событий не уклонился от возможности вступить в войну с Фарнаком Понтийским, очевидно, военные и экономические ресурсы его царства были достаточны для этого.

³⁸¹ Это отражено и на карте С. Шахина (*Şahin S. Studien über die Probleme... Karte*), чему исследователь, однако, не приводит текстового объяснения.

³⁸² *Ibid. S. 136. Anm. 39; Strobel K. Galatien... S. 32.*

Фригии Парории, Фригии у Писидии и других областей (XII, 8, 13) однозначно должно расцениваться как указание на то, что Эпиктет в территориальном отношении значительно превосходила Геллеспонтскую (Малую) Фригию.

Вероятно, столь обширное и полиэтничное³⁸³ объединение было создано в результате целенаправленных политико-административных мер Эвмена II: если южные районы были переданы Пергаму и присоединены к Фригии Эпиктет по условиям Апамейского договора, то восточные районы, прилегающие к Вифинии и Галатии, могли быть приобретены только в результате успешного завершения войны с Прусией и отторжения части прежних вифинских владений³⁸⁴.

В пользу такого предположения говорят и другие свидетельства о территориальных потерях Вифинии; хотя они не вполне надежны, игнорировать их все же не следует. Так, существование в Вифинии филы Аполлониды (SIG 3802) (названной так, видимо, в честь матери Эвмена; вспомним, что она упоминалась Полибием в какой-то связи с Первой Вифинской войной (XXII, 20, 8), а также и в стк. 21 тельмесского декрета) часто связывают с распространением на этот город пергамского влияния³⁸⁵. Неясным остается и статус, определенный после Первой Вифинской войны для Тиоса. События, случившиеся в ходе войны против Фарнака

³⁸³ Эпиграфические данные, проанализированные С. Шахином, позволяют заключить, что на западе области преобладало смешанное фригийско-вифинско-мизийское население, в среднем течении Сангария — фрако-вифинско-фригийское, на востоке — фригийско-вифинско-галатское или пафлагонское (Şahin S. Studien über die Probleme... S. 141. Anm. 56).

³⁸⁴ Период пергамского преобладания здесь, видимо, не был длительным. Скорее всего, Эвмен отказался от части вновь приобретенных земель после Понтийской войны, стремясь улучшить отношения с Вифинией (о чем см. в следующем параграфе).

³⁸⁵ Meyer Ern. Die Grenzen... S. 150; Hansen E. The Attalids of Pergamon. P. 95; Walbank F. W. A Historical Commentary... Vol. III. P. 211. Против: Robert L. Laodiceé du Lycos, Le Nymphéé. Paris, 1969. P. 269. Note 6; Şahin S. Studien über die Probleme... S. 141. Anm. 56: это название является производным от имени бога. Не исключено, впрочем, что одна из полисных фил была названа так во время краткого периода улучшения пергамско-вифинских отношений в начале правления Прусия II (см. далее, с. 301–302). Ко времени Страбона Вифиния уже находилась «в глубине Вифинии» — вероятно, этот город тоже недолго входил в состав царства Атталидов.

Понтийского (об этом см. ниже, с. 300), дают основание предположить, что этот город также отошел к Пергаму. Независимо от того, существовал ли «коридор», предоставляющий Пергаму выход к Черному морю³⁸⁶, смещение интересов государства Атталидов на восток и стремление усилить свое влияние на вифинско-фригийско-галатском пограничье сомнению не подлежат; скорее всего, именно это обстоятельство и стало одной из главных причин вспыхнувшей вскоре Понтийской войны. Помимо того, Эвмену удалось установить контроль над Галатией.

Неблагоприятные итоги Первой Вифинской войны, без сомнения, нанесли серьезный ущерб прочности внешнеполитических позиций Вифинии, подчеркнули явный перевес, достигнутый Эвменом II над Прусией, резко обозначили необходимость считаться с возможностью вмешательства римлян для оказания давления на вифинских правителей. По странному стечению обстоятельств, неудачами завершились самое первое (война с Византием) и последнее (война с Пергамом) из крупных внешнеполитических предприятий Прусии. Вифинский царь умер, очевидно, в том же 183 или 182 г.³⁸⁷ Каковы же были итоги его длительного царствования?

Деятельность Прусии на международной арене четко разделяется на три направления, характерных для вифинской внешней политики в целом, и в каждом из них можно найти свои успехи и неудачи.

Наиболее радикальные изменения произошли во взаимоотношениях Вифинии с великими державами. Прусией был уже достаточно силен, чтобы не опасаться за само существование своего государства, тем более что на период его правления приходится падение политического могущества Антигонидов, Селевкидов и особенно Птолемеев (окончательный для последних двух династий, не пытавшихся более препятствовать Риму и искать полити-

³⁸⁶ О нем наиболее подробно: *Meyer Ern. Die Grenzen...* S. 150; против — *Şahin S. Studien über die Probleme...* S. 141. Апп. 56, однако в последней работе не принимается в расчет весьма вероятная передача Тиоса Пергаму.

³⁸⁷ Единственным основанием для предположительного определения времени смерти Прусии I является резкая смена политического курса Вифинии на пропергамский в ходе Понтийской войны, что наиболее логично связать с приходом к власти нового правителя (*Habicht Ch. Prusias* (1). Sp. 1108). Впервые эта гипотеза была высказана, как кажется, еще Э. Нольте (*Nolte E. De rebus gestis...* P. 60–61).

ческих дивидендов в малоазийском регионе). Анализ взаимоотношений Пруссия с Филиппом V приводит к заключению, что вифинский царь стремился использовать их для извлечения односторонних выгод и немало преуспел в этом, о чем свидетельствует, прежде всего, подчинение им с помощью македонян Киоса и Мирлеи, а возможно, совершение еще каких-либо территориальных приобретений. Его участие в предпринимаемых Филиппом действиях, видимо, было не слишком обременительным, не вело к жесткой зависимости от интересов Македонии и не приводило к нежелательным для Вифинии последствиям. Дистанцирование от Антиоха III, отчасти, правда, явившееся результатом вмешательства римлян, тоже могло принести Пруссию какие-то временные выгоды (прежде всего в борьбе за Мизию и Фригию Эпиктет).

Что же касается взаимоотношений Пруссия с Римом, то им не легко дать однозначную оценку. Вифинский царь, оказавшийся первоначально среди противников римлян, в дальнейшем сумел избежать столкновения с ними, вовремя разглядев опасность этого. Хотя Прусий и был вынужден считаться с постоянным возращением римского военного и политического присутствия на Востоке, в ходе дипломатических контактов с западной державой ему удавалось отстаивать свои интересы почти во всех случаях, за исключением, быть может, лишь выдачи Ганнибала. Источники, кажется, позволяют выдвинуть осторожное предположение, что причиной этого было его дипломатическое мастерство, в частности, умение использовать противоречия между различными сенатскими группировками по вопросам внешней политики и умение найти себе могущественных покровителей — таких как Фламиний и, быть может, Сципионы. В целом же расширение римской экспансии за период правления Пруссия еще не стало фактором, способным окончательно воспрепятствовать проведению Вифинией самостоятельной политики, но его преемники уже должны были считать интересы Рима доминантой международной ситуации в Восточном Средиземноморье.

Особого рассмотрения заслуживают контакты Пруссия I с независимыми греческими полисами. В годы правления Пруссия сложилась ситуация, в чем-то противоположная обстановке начала царствования Никомеда I. Если в 70-е гг. III в. полисы, находившиеся в непосредственной близости от Вифинии, извлекали из сотрудничества с ней значительную выгоду, а более удален-

ные города не были затронуты филэллинской политикой Нико­меда (и даже серьезно пострадали от перехода галатов в Малую Азию)³⁸⁸, то на рубеже III и II вв. в греко-вифинских отноше­ниях шли обратные процессы. Полисы побережья Пропонтиды и южного Понта оказались объектом агрессии Вифинии, а осталь­ной греческий мир вполне мог рассматривать ее как выгодного торгового (а в известные моменты — и политического) партне­ра. Это заставляло Прусия придерживаться намеченной его предшественниками филэллинской ориентации, немаловажным проявлением которой стало его стремление добиться дипломати­ческой и моральной поддержки малоазийских греков в противо­борстве с Пергамом.

Здесь, однако, успех сопутствовал ему далеко не всегда: при­близительно с конца III в. в военных и дипломатических спорах Вифинии с державой Атталидов греки чаще становились на сто­рону последней. Это было вполне закономерно. Агрессивная по­литика Прусия, его ориентация на Македонию и галатов не мог­ли прибавить ему популярности в греческом мире. Если вифинский царь стремился только к завоеванию соседних эллинских полисов и использованию их экономических, торговых и военных возмож­ностей в рамках своего государства, то политика Аттала I и Эв­мена II была гораздо более гибкой. Немаловажным показателем ее успехов следует считать придание государственной структуре Пергамского царства определенных черт федеративного устрой­ства с предоставлением довольно широкой внутренней автономии полисам³⁸⁹. Некоторое значение для общественного мнения греков

³⁸⁸ Габелко О. Л. К истории взаимоотношений Вифинского царства с независимыми греческими полисами (IV—III вв. до н. э.) // *Среда, лич­ность, общество. Доклады конференции*. М., 1992. С. 151—152.

³⁸⁹ См. об этом: *Allen R. A. The Attalid Kingdom*. P. 98—121; *Кли­мов О. Ю. Царство Пергам*. С. 87—127. Хотя в государстве Атталидов, как и в любой другой эллинистической монархии, существовало некото­рое ограничение полисных свобод, контроль над самоуправлением горо­дов в Вифинии был, скорее всего, более строгим. Важнейшим показате­лем этого служит, как обычно считается, отсутствие у вифинских полисов права чеканить собственную монету. Ср. с мнением Б. Харриса: народ­ные собрания в вифинских городах пребывали в состоянии упадка с элли­нистического времени (*Harris B. F. Bithynia under Trajan*. P. 7). Впрочем, материалы, приведенные далее, в § 2 гл. V данной монографии, как ка­жется, рисуют несколько более сложную картину.

могло иметь и туземное происхождение вифинской династии (хотя и Атталиды были отчасти уязвимы в этом отношении)³⁹⁰.

Незначительность сведений о проведении Прусием религиозных мероприятий — верном средстве снискать расположение эллинов — и о его отношении к греческой культуре не должна расцениваться как свидетельство пренебрежения вифинского монарха к делам такого рода и может быть объяснена дискретностью традиции. Им были организованы празднества Сотерии (Polyb., IV, 49, 3); выше уже говорилось о существовании культов Прусия в Вифинии и Киере/Прусиаде-на-Гипии; его портреты на монетах изображают человека, не чуждого эллинской παιδεία и имеющего явно более утонченный внешний вид, чем его дед — истинный филэллин Никомед I³⁹¹. Но все же в целом репутация Эвмена II как царя, оказавшего более чем кто-либо другой благодетельный греческим городам (Polyb., XXXI, 8, 5), едва ли могла быть поколеблена.

Главным достижением вифинского монарха можно считать создание непрерывного пояса греческих городов на побережье его царства³⁹². Активная градостроительная деятельность Прусия, без сомнения, способствовала экономическому подъему Вифинии. На него указывает широкое распространение монет Прусия, обнаруженных вкладах в различных районах Восточного Средиземноморья (преимущественно в Малой Азии)³⁹³, тогда как находки монет, чеканенных его отцом и дедом, остаются единичными³⁹⁴.

³⁹⁰ Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 224; Brandt D. C. Three Hellenistic Personages: Amyntander, Prusias II, Daphnidas // CQ. Vol. XXXII. 1982. № 2. P. 355–357.

³⁹¹ Kraay C. M., Davis N. The Hellenistic Kingdoms. P. 258; Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 311; ср. Hannestad L. «This Contributes in No Small Way...». P. 82–23.

³⁹² SEHAW. Vol. I. P. 570; Vol. II. P. 663; ср.: Wilson D. R. The Historical Geography... P. 460.

³⁹³ IGCH № 1301, 1303, 1370, 1372, 1406, 1411, 1453, 1539, 1562, 1772.

³⁹⁴ Проводимая Прусием I монетная политика в то же время служила средством филэллинской пропаганды: в его правление стали чеканиться тетрадрахмы с изображением Зевса Стратия — божества, равно популярного как среди греков, так и у некоторых малоазийских народов (Rider le G. Un tetradrachme de Prusias I de Bithynie // Archéologie et religions de l'Anatolie ancienne. Т. 10. Louvian-la-Neuve, 1983. P. 167–172).

Однако характер средств, которыми он добился этого, позволяет принять оценку Д. Маги: «...При всех попытках явиться в образе эллинского царя он не был истинным другом эллинства»³⁹⁵. Грезный расчет и понимание стоявших перед Вифинией проблем в деятельности Прусия явно брали верх над декларативными и порой расплывчатыми филэллинскими лозунгами, оборотной стороной чего и стала ориентация греков в первую очередь не на Вифинию, а на Атталидов.

Внутрималоазиатское направление внешней политики и, в частности, борьба с пергамскими царями за первенство в регионе, без сомнения, было для Прусия главным³⁹⁶. Именно для этого прикладывал он наиболее значительные военные и дипломатические усилия, многие из которых в силу специфики источников остались для нас неизвестными.

Пруссию удалось восстановить дружественные отношения с Галатией и, видимо, заручиться поддержкой Понта — тем самым он сумел решить те вопросы, которые оставались открытыми со времени царствования Зиэла. По ряду причин перевес в этой борьбе оказался на стороне Пергама: его собственные материальные и военные ресурсы были достаточно велики, а помимо того, Аттал I и Эвмен II умело пользовались поддержкой большинства независимых полисов Малой Азии (о чем уже было сказано выше) и, что особенно важно, Рима. Вознесенный после Апамен при содействии римлян на вершину своего могущества, Пергам вышел победителем из Первой Вифинской войны, но ее последствия не стали для Вифинии катастрофическими, во многом благодаря умелой дипломатии вифинского правителя. Вражда с Пергамом, временно затухшая, не прекратилась со смертью Прусия I, и возможности Вифинии в этой борьбе были далеко не исчерпаны.

Статуя
Зевса Стратия
(изображение на
реверсе тетра-
драхмы Прусия I)

Данный монетный тип остался наиболее употребительным и у его преемников. Оригинальное предположение о том, что эти монеты несут изображение Зевса Никефора и символизируют победу Прусия над галатами и госагами (*Hannestad L.* «This Contributes in No Small Way...». P. 80–81, 83), требует дополнительного обоснования.

³⁹⁵ *Magie D. Roman Rule... Vol. I.* P. 315.

³⁹⁶ *Габелко О. Л.* Внешняя политика Вифинского царства. С. 58.

Следует признать, что Прусий I на всем протяжении своего почти полувекового царствования оправдывал вынесенную в название параграфа характеристику, данную ему Мемноном Гераклейским — историком, которого трудно заподозрить в особой симпатии к вифинскому царю, но тем не менее назвавшим его предприимчивым и многое совершившим (Мемн., F. 18, 1). Не приходится спорить с теми учеными, кто считает период царствования Прусия временем максимальной внешнеполитической активности Вифинского царства³⁹⁷. Заложенный Прусием I фундамент позволял его преемникам продолжать действия по осуществлению намеченных им целей, что должно было способствовать дальнейшему развитию Вифинского царства в экономическом, политическом, культурном отношениях.

³⁹⁷ SEHAW. Vol. II. P. 663; *Magie D. Roman Rule...* Vol. I. P. 314–315; *Vitucci G. Il regno di Bitinia.* P. 65; *Kraay C. M., Davis N. The Hellenistic Kingdoms.* P. 259; *Habicht Ch. Prusias (1).* Sp. 1106; *Harris B. F. Bithynia: Roman Sovereignty...* P. 862; *Hannestad L. «This Contributes in no Small Way...».* P. 79.

ВИФИНИЯ И РИМ: ОТ «ДРУЖБЫ И СОЮЗА» К АННЕКСИИ

§ 1. Начало кризиса: правление Прусия II

За период правления Прусия II (ок. 182–149 гг.) в эллинистическом мире произошли многие важнейшие события, коренным образом изменившие соотношение сил в Восточном Средиземноморье. Если в течение двадцати лет, истекших от заключения Апамейского договора до битвы при Пидне и уничтожения Македонского царства, римский сенат был довольно пассивен по отношению к анатолийским делам¹, то после 168 г. он стал придерживаться иной тактики. Чрезвычайно суровое обхождение с прежними союзниками Рима — Родосом и Пергамом — предупредило малоазийских царей о вероятных санкциях в случае каких-либо неугодных римлянам действий, но одновременно дало им возможность воспользоваться ослаблением Атталидов и родосцев и попытаться извлечь выгоды из новой политической ситуации. В таких условиях именно Вифиния могла претендовать на роль главной силы, противодействующей Пергаму, к чему стремился и сам Рим².

Прусий II вполне уловил эти веяния времени. Он, по крайней мере, чисто внешне, практически всегда шел навстречу римским интересам и стремлениям, что породило среди исследователей почти единодушное мнение об утрате Вифинией в этот период самостоятельного направления политики. Столь же широко распространены крайне негативные оценки Прусия как человека и государственно-го деятеля, берущие начало от хрестоматийных пассажей Полибия (Polyb., XXX, 19, 1–7; XXXVII, 7, 1–6; ср. Diod., XXXI, 15, 1; Liv. Per., 50; App., Mithr., 2; 4)³.

¹ Об особенностях действий римлян в это время см.: *Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy...* P. 27–30.

² *Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская...* С. 183.

³ Наиболее полную характеристику, данную Пруссию Полибием, имеет смысл привести полностью: «Царь Прусий, с безобразным лицом, да и

Едва ли есть основания для кардинального пересмотра сложившейся системы взглядов. Однако отдельные стороны царствования Пруссия заслуживают более внимательного изучения, которое, быть может, позволит уточнить некоторые устоявшиеся мнения.

Уже в самом начале своего правления Прусий II принял участие в крупном внутрианатолийском конфликте. Причиной его послужило возрастание агрессивности понтийского царя Фарнака I, захватившего Синопу (Strabo, XII, 3, 11; Polyb., XXIII, 9; Liv., XL, 2, 6) и пытавшегося включить в состав своей монархии территории в Галатии, Пафлагонии и Великой Фригии — сначала с помощью дипломатии, а потом и силой оружия (183 г.). Поскольку его замыслы несли угрозу и для Вифинии, Прусий выступил против Пон-

души не лучшей, полчеловека на вид, трус и баба в военном деле. И действительно, он был не только труслив, но и не любил никакого труда и вообще во всех случаях жизни проявлял дряблость души и тела. Если ни один народ не выносит такого рода слабостей в своих царях, то народ вифинский в особенности. Кроме того, Прусий со всею разнузданностью предавался чувственным наслаждениям. Просвещение, философия и связанные с нею занятия были ему совершенно чужды; словом, он не имел ни малейшего представления о доблести, день и ночь проводя как Сарданпал варвар» (XXXVII, 7, 1–6; пер. Ф. Г. Мищенко). Указанным выше сообщениям источников частично близки и другие, не столь резкие свидетельства — Аппиана о прозвище Пруссия «Охотник» (Κυνῆγός) (App., Mithr., 2; ср. с сообщением о созданном Прусием «зоопарке» — Suid., s. v. Θηρία), в котором улавливается пренебрежительный оттенок, и Никандра в передаче Афиней (Nicandr. Chalced., FGrH, 700, 1 = Athen., XI, 496 d–e; ср. Athen., XI, 475 f, 783 e), изобличающие его пристрастие к праздному, «нецарственному» жизни и пьянству. Констатируется также непостоянство Пруссия (Suid., s. v. Ἀλλοτρώσαλλος), что, возможно, каким-то образом перекликается с наименованиями трудов Никандра Калхедонского: τὰ Προσίου σιμπτάματα или Περσιπέτεια (FGrH, 700, F. 1–2). Мнение античных авторов безоговорочно разделяют многие исследователи: Reinach Th. Mithridates Eupator... S. 83; Meyer Ed. Bithynia. Sp. 519; Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 314; Habicht Ch. Prusias (2). Sp. 1125–1127; Kraay C. M., Davis N. The Hellenistic Kingdoms. P. 261; Harris B. F. Bithynia: Roman Sovereignty... P. 863. Некоторые историки, не отказываясь от общепринятых взглядов, уточняют отдельные детали. М. И. Ростовцев считает, что Прусий все же пытался следовать политике своих предшественников (SEHAW. Vol. II. P. 662; ср.: Harris B. F. Bithynia: Roman Sovereignty... P. 864), Дж. Витуччи и А. Шервин-Уайт отмечают энергичность, настойчивость и работоспособность Пруссия (Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 89; Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 45).

та в составе коалиции других малоазийских царей — Эвмена II, Ариарата IV Каппадокийского и пафлагонского династа Морзия⁴. Однако чрезвычайная отрывочность свидетельств о позиции Вифинии накануне этой войны и в ее

Тетрадрахма Прусия II

начале порождает серьезные трудности при попытке выяснить мотивы такого резкого поворота во внешней политике Вифинии.

Отправным пунктом здесь служит указание Диодора на захват полководцем Фарнака Леокритом Тиоса на втором году войны (Diod., XXIX, 23). Пример этого небольшого городка весьма примечателен и служит яркой иллюстрацией того, сколь многочисленные превратности несла малоазийским эллинам открытая вражда соседних государств и их дипломатические интриги⁵. Кому же принадлежал Тиос до начала войны? Многие исследователи полагают, что он был подвластен Прусию, который и ввел туда гарнизон наемников, предположительно, галатов⁶. Таким образом, если Тиос был подчинен Вифинии, то акция Леокрита была либо поводом к вступлению Прусия в войну на стороне Эвмена⁷, либо, напротив, стала ответной мерой Фарнака на установление пергамско-вифинского союза⁸.

⁴ Литература об этом конфликте весьма обширна, и здесь нет необходимости ее приводить.

⁵ В некоторых работах говорится о каких-то противоречиях Вифинии и Каппадокии из-за Тиоса (Беккер П. Опыт объяснения... С. 15; Дзагурова В. П. Гераклея Понтийская... С. 154), но это мнение основано на неверном понимании текста Полибия (XXV, 2, 6).

⁶ Meyer Ed. Geschichte... S. 75; Колобова К. М. Фарнак I Понтийский. С. 32; Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 315; Ломоури Н. Ю. К истории... С. 54. Хотя в источнике не обозначена этническая принадлежность этих наемников, в данном районе было бы наиболее логичным ожидать появления в этом качестве именно галатов, независимо от того, кому они были подчинены. Так и полагают многие исследователи: Колобова К. М. Фарнак I Понтийский. С. 32; Ломоури Н. Ю. К истории... С. 54; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 188.

⁷ Колобова К. М. Фарнак I Понтийский. С. 32; Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 315; Ломоури Н. Ю. К истории... С. 54; McGing B. S. The Foreign Policy... P. 28.

⁸ Habicht Ch. Prusias (2). Sp. 1110; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 73.

Данная версия встречает одно существенное возражение. В тексте завершившего войну мирного договора 179 г. недвусмысленно указано, что Фарнаку было предписано вернуть (ἀποδοῦναι) Тиос Эвмену, и лишь потом пергамский царь передал город Прусию, снискав тем самым его благодарность (Polyb., XXV, 2, 7)⁹. Если до начала конфликта Тиос действительно принадлежал Вифинии, то данный пункт соглашения остается малопонятным. Ведь вифинский монарх оказал определенную (хотя, видимо, и незначительную) поддержку Эвмену, и отторжение части его владений союзником в результате успешно завершённой войны не поддается удовлетворительному объяснению.

Еще одним подтверждением контроля Пергама над Тиосом служит следующий факт. Диодор сообщает, что сдавшийся на милость Леокрита гарнизон Тиоса был перебит под тем предлогом, что ранее (ἐν τοῖς ἐπείνω χρόνοι) эти наемники вредили Фарнаку (Diod., XXIX, 23). Если наемники состояли на службе у вифинского царя, то остается неясным, когда именно они могли нанести какой-либо вред Понту: ведь в недавно завершившейся Первой Вифинской войне Фарнак, как отмечалось, выступил на стороне Вифинии и галатов¹⁰. Следовательно, можно предположить, что Тиос был занят наемниками, состоявшими на службе у враждебного ранее Понту царя¹¹. Поэтому самого пристального внимания заслуживает мнение тех ученых, которые считают, что накануне войны город принадлежал Эвмену¹². Об условиях мира, положив-

⁹ П. Мелони высказал предположение, будто бы Эвмен передал Тиос Пруссию, опасаясь усиления вифинца после его брака с сестрой Персея Македонского и создания «македонско-сирийско-вифинского союза» (*Meloni P. Perseo e la fine della monarchia macedone*. Roma, 1953. P. 120–121).

¹⁰ Крайне странным выглядит предположение К. М. Колобовой и Н. Ю. Ломоури о том, что гарнизону Тия вменялся в вину ущерб, нанесенный галатами Понтийскому царству в середине III в. (*Колобова К. М. Фарнак I Понтийский*. С. 33; *Ломоури Н. Ю. К истории...* С. 54), то есть примерно за семьдесят лет до исследуемых событий!

¹¹ Г. Гриффит предполагает, что в Тиосе находились наемники либо Морэзия Пафлагонского, либо Эвмена (*Griffith G. T. The Mercenaries...* P. 185).

¹² Впервые этот тезис был выдвинут Б. Низе (*Niese B. Geschichte...* Bd. III. S. 75), а пространную аргументацию представил Эрнст Мейер (*Meyer Ern. Die Grenzen...* S. 148; впрочем, его предположение о связи масденинов, упомянутых в завещании Аттала III Пергамского, с северным

шего конец вифинско-пергамскому столкновению 186—183 гг., практически ничего не известно; но, как отмечалось, территориальные уступки со стороны Пруссия I имели место, и Тиос вполне мог быть отдан им Эвмену, особенно если учесть давние притязания Атталидов на этот город как на их «наследственное владение»¹³.

Исходя из этого, возможно интерпретировать действия Пруссия II следующим образом. В 183 г. его отец при содействии Рима заключил с Эвменом мир, но не союз, так как противоречия между двумя соседними государствами были слишком глубоки¹⁴. По этой причине Пруссий II вступил в войну на стороне антипонтийской коалиции, вероятнее всего, только после захвата Леокритом Тиоса — прежнего владения Вифинии, пребывавшего на протяжении около двух лет в руках пергамского царя. Поддержав Эвмена, Пруссий добился сразу двух выгод: предотвратил непосредственную угрозу своему царству¹⁵, возникшую в результате наступления понтийцев, и продемонстрировал свою лояльность Эвмену, подчеркнув отказ от прежней вражды и надеясь на возвращение Тиоса. Хотя действия Пруссия в ходе войны были, видимо, очень пассивными¹⁶,

побережьем Малой Азии было отвергнуто другими исследователями). См. также: *Ruge O. Tieion. Sp. 860; Jones A. H. M. The Cities... P. 420; Hansen E. The Attalids... P. 95; McShane R. B. The Foreign Policy... P. 162; Hopp J. Untersuchungen... S. 43. Anm. 50.* Если гарнизон Тиоса действительно состоял из галатов, то Эвмен вполне мог прибегнуть в этом случае к услугам князька Эпосогната, который, единственный из галльской знати, оставался в дружбе с пергамским монархом и оказывал услуги ему и римлянам во время похода Гн. Манлия Вульсона в Галатию (*Polyb., XXI, 37; Liv., XXXVIII, 18, 1; 14*).

¹³ *Jones A. H. M. The Cities... P. 420.* Интересно, что у Фарнака тоже имелись некоторые формальные основания прибегать к подобным лозунгам (*Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 73*).

¹⁴ *Дзагурова В. П. Гераклея Понтийская... С. 159; Колобова К. М. Фарнак I Понтийский. С. 27. Против — Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 70: между Пергамом и Вифинией произошло «существенное улучшение отношений». Впрочем, можно допустить, что Пруссий II сразу по воцарении заключил союзный договор с Пергамом.*

¹⁵ Э. Бэдиан не без оснований предполагает, что уже Пруссий I в ходе Первой Вифинской войны мог ощущать угрозу со стороны усилившегося Фарнака, бывшего первоначально его союзником (*Badian E. Foreign Clientelae. P. 98*).

¹⁶ Об этом свидетельствует то обстоятельство, что блокада проливов, осуществленная в ходе войны, была предпринята не вифинским флотом,

Эвмен счел своего новоявленного союзника достойным награды, и Тиос, это яблоко раздора трех анатолийских монархий, вновь отошел к Вифинии¹⁷. Интересным кажется предположение, что после победы в войне Прусий усилил свое влияние в областях к востоку от вифинских владений, результатом чего стала закладка им Вифиниона¹⁸: действительно, из надписи о существовании культа Прусия в этом городе остается неясным, основал ли Вифинион Прусий I или его сын.

Еще одной важной стороной политики вифинского монарха была его дипломатическая и пропагандистская деятельность. Действия Фарнака, хотя он и пытался выступать в роли покровителя черноморского эллинизма, несомненно, должны были насторожить близлежащие полисы¹⁹, и члены антипонтийской коалиции стремились использовать это обстоятельство с целью приобретения благоприятной репутации у греков. Приверженность Прусия филэллин-

имевшим для этого все возможности, а пергамскими морскими силами (Polyb., XXVII, 7, 5). Не исключено, что подношения Прусия Дидимскому святилищу (см. с. 303 и прим. 21) были военным трофеем (*Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 69–70*).

¹⁷ Высказывалось предположение, будто пергамский царь предпринял этот шаг, получив от Прусия обещание о предоставлении Тиосу автономии (*McShane R. B. The Foreign Policy... P. 162*), но эта гипотеза кажется неубедительной. В таком случае теряет смысл сам факт передачи города Вифинии, а также остается непонятным, каким образом Тиос смог бы отстоять свою независимость от притязаний гераклеотов. То, что Прусий, по словам Р. Макшэйна, «пытался достичь лояльного отношения к себе со стороны городов, находившихся поблизости от Вифинии» (*Ibid.*), едва ли можно отнести к Тиосу: вифинский царь не намерен был отказываться от такого важного морского порта (единственного на черноморском побережье страны). Для Пергама же передача города Прусии могла показаться не слишком большой потерей, если принять к сведению замечание, что город мог представлять собой лишь анклав пергамских владений на территории Вифинии, а не часть довольно обширной области, дававшей Атталидам выход к Черному морю (*Jones A. H. M. The Cities... P. 420*); впрочем, проблема о протяженности пергамских владений в этом регионе остается дискуссионной (см. выше, с. 290).

¹⁸ *Strobel K. Die Galatien... S. 44.*

¹⁹ В целом греческие города Азии в ходе конфликта соблюдали нейтралитет (*Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 193–198*). Что же касается Гераклеи, то ее действия были продиктованы стремлением вернуть себе Киер и Тиос, удерживаемые вифинцами (*Там же. С. 192*).

Постамент статуи
Прусия II в Дельфах
(верхняя часть и общий вид)

ским идеалам подчеркивалась его дарами храму Аполлона в Дидимах²⁰, которые могут датироваться именно временем войны против Фарнака²¹. Отношения Прусия с Дидимейоном, кажется, носили весьма активный характер, и вифинский царь в случае необходимости мог рассчитывать на поддержку этого авторитетного святынища и его оракула.

Примерно в эти же годы в ознаменование каких-то заслуг Прусия II перед Этолийским союзом была воздвигнута его статуя, помещенная в Дельфах (Syll.³ 632). Почти одновременное оказание подобной почести Эвмену (Syll.³ 628) свидетельствует о сотрудничестве пергамского и вифинского монархов, старавшихся закрепить дружественные отношения с Этолией²². Однако последовавшая вскоре переориентация Прусия на Македонию прервала

²⁰ CIG 2853, 2855; Schenkungen. № 288–290.

²¹ Haussolier B. Études sur l'histoire de Milet et du Didymeion. Paris, 1902. P. 201; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 69–70; Habicht Ch. Prusias (2). Sp. 1124; Günther W. Das Orakel von Didyma in hellenistischer Zeit. Tübingen, 1971. S. 94–95. Показательно, что вместе с Прусием дары Дидимейону пожаловали и граждане Кизика, наверняка сочувствовавшие антипонтийской коалиции (CIG 2855, стк. 17).

²² Должно быть отмечено близкое сходство фрагментов, сохранившихся от монументов Эвмена и Прусия (Hannestad L. «This Contributes in no Small Way...». P. 84–86).

эту наметившуюся в политике Вифинии линию, которая вряд ли смогла бы оказаться в будущем прочной и эффективной.

Из других источников, относящихся к начальному этапу правления Прусия, нужно упомянуть также датируемый 175 г. делосский декрет, в котором упоминается посвящение венков Персею, Эвмену и Прусию (IDélos 449a). Данный документ отражает, конечно, не общность политических позиций трех эллинистических монархов и Делоса, а стремление царей наладить и поддерживать разнообразные связи — экономические, политические и культурные — с одним из значительнейших торговых центров Эгеиды. Известно также и приношение Прусия делосскому храму Аполлона — драгоценная чаша²³.

Сюда же можно отнести надпись из Аптер на Крите (OGIS 341), чествующую Прусия как проксена и эвергета города²⁴. Почестей были удостоены и несколько подданных вифинского царя (сткк. 10–15). Существует мнение, что этот декрет также датируется временем до 179 г., когда Прусией еще сохранял дружбу с Пергамом²⁵. Известно, что в 183 г. Аптеры в числе многих других критских городов вступили в союз с Эвменом II и поставили ему наемников (Syll.³ 627), однако надпись в честь Прусия выполнена на одном камне с более ранним декретом, посвященным Атталу I (OGIS 270), так что о времени заключения договора ничего определенного сказать нельзя²⁶. Некоторые исследователи видят причину обращения Прусия к критянам в его желание нанять наемников в Аптерах наемников²⁷, а это заставляет нас соотносить действия Прусия с иным историческим контекстом, так как едва ли аптеряне служили поставщиками наемников и для Пергама, и для Вифинии одновременно. В ходе войны Прусия с Атталом II (156–154 гг.) часть кораблей союзных Пергаму родосцев была отправлена для борьбы с критянами (Polyb., XXXIII,

²³ IDélos 1408, стк. 26–27, 43, 193 = Schenkungen. № 188.

²⁴ О специфике эвергетизма эллинистических монархов см.: *Cau-thier Ph.* Les cités grecques et leurs bienfaiteurs (IV-e — I-e siècle avant J.-C.). Contribution à l'histoire des institutions. Athènes, 1985. P. 40–46.

²⁵ *Habicht Ch.* Prusias (2). Sp. 1109; *Hopp J.* Untersuchungen... S. 43; *Sherwin-White A. N.* Roman Foreign Policy... P. 44. Note 94.

²⁶ *Olshausen E.* Prosopographie... № 175.

²⁷ *Hansen E.* The Attalids... P. 110; *McGing B. C.* The Foreign Policy... P. 39. Против — *Griffith G. T.* The Mercenaries... P. 186).

13, 2), и в этом вполне можно видеть результат дипломатической активности вифинского царя, возможно, нашедшей отражение в антиримском декрете²⁸.

Альянс между Вифинией и Пергамом, давними и традиционными соперниками, не имел шансов быть прочным. Вифинский правитель, скорее всего, рассматривал его только как тактическое средство, которое позволило бы ему избежать угрозы со стороны усиливавшегося Фарнака и ликвидировать неблагоприятные последствия войны 186–183 гг., в частности, вновь приобрести Гиос. Как только эти задачи были решены, Прусий немедленно дал волю сдерживаемой ранее враждебности к Атталидам. Прежде всего, он возобновил связи с Македонией, закрепив их браком с сестрой Персея Апамой, причем, как подчеркивает Ливий, инициатива в этом исходила от вифинского царя (Liv., XLII, 12, 3; 29, 3; ср. App., Mithr., 2). Несомненно, что заключение около 179–177 гг. брачных союзов между македонским, сирийским и вифинским царскими домами должно было серьезно востервожить Эвмена²⁹. Однако формирование нового альянса вряд ли можно считать, как это делают некоторые историки, попыткой создания новой антиримской коалиции³⁰; скорее в этом случае можно говорить лишь об определенном «моральном противостоянии» Риму со стороны указанных государств³¹.

Это со всей очевидностью выявилось в начале Третьей Македонской войны в 171 г. Прусий первоначально оставался нейтральным, причем Ливий исчерпывающе убедительно объясняет руководившие им мотивы: «Вифинский царь Прусий решил держаться в стороне и ожидать исхода войны; он рассуждал, что римляне не могут не понять, насколько ему неудобно братья за оружие против брата жены, а Персей в случае победы простит его, поддавшись уговорам сестры» (пер. Н. Н. Трухиной) (XLII, 29, 3; ср. App., Mithr., 2; Eutrop., IV, 6, 2). В дальнейшем, однако,

²⁸ Hansen E. The Attalids... P. 127; SEHWW. Vol. II. P. 773, 827.

²⁹ Gruen E. S. The Hellenistic World... Vol. II. P. 555.

³⁰ Will É. Histoire politique... T. 2. P. 618.

³¹ Seibert J. Historische Beiträge... S. 44–45. Трудно с уверенностью утверждать, что женитьба Персея на дочери Селевка IV Лаодике автоматически привела к установлению дружественных связей между Сирией и Вифинией (Ibid. S. 45): в источниках таковые в дальнейшем не зафиксированы, и, более того, позже вифинский царь обвинял Селевкидов во враждебном отношении к римлянам.

вифинский царь склонился на сторону римлян: в 169 г. он направил пять боевых кораблей для совместных действий с римско-пергамским флотом в Термейском заливе (Liv., XLIV, 10, 12). Не исключено, что на перемену политической ориентации Пруссия повлияло римское посольство, о котором упоминают Полибий (XXX, 19, 3–4) и Аппиан (Mithr., 2)³². Переговоры с ним положили начало активным дипломатическим сношениям Пруссия с Римом, игравшим в дальнейшем одну из ведущих ролей в его политике.

В 169 г. вифинский царь уже сам отправил в Рим посольство, в чрезвычайно униженном тоне прося заключить мир с Персеем (Liv., XLIV, 19, 5–8). Как сообщили послы, Пруссия побудил к этому Персей (Liv., XLIV, 19, 7). Хотя данный пассаж восходит к трудам римских анналистов и не может считаться вполне надежным³³, кажется довольно маловероятным, чтобы Прусий предпринял такой шаг по собственной инициативе, а не по просьбе македонского владыки. Персей же, в свою очередь, при этом должен был быть уверен в официально закрепленной лояльности Пруссия к Риму. Следовательно, дружба и союз между Римом и Вифинией после смерти Пруссия I к тому времени уже были возобновлены (в результате миссии 172 г.?), и подтверждение статуса Пруссия не могло являться целью его посольства 169 г., вероятность чего допускает А. Экстайн³⁴.

Прусий был не единственным представителем политической элиты эллинистического мира, пытавшимся содействовать за-

³² Время отправки этой миссии точно не известно: Полибий относит его к периоду до 168 г., Аппиан — ко времени после пленения Персея. Ряд исследователей датирует посольство 172 г. (*Niese B. Geschichte... Bd. III. S. 110; Habicht Ch. Prusias (2). Sp. 1110; Walbank F. W. A Historical Commentary... Vol. III. P. 441*). Остроумная догадка Д. Браунда о том, что Прусий назвался римским вольноотпущенником (Polyb., XXX, 19, 4; App., Mithr., 2), желая представить себя освобожденным римлянами от неравноправного партнерства с Македонией (что свидетельствовало бы в пользу сообщения Аппиана) (*Braund D. C. Three Hellenistic Personages... P. 354*) остается недоказуемой: так, мы слишком мало знаем об отношениях между Персеем и Прусием, чтобы дать им какую-то определенную оценку.

³³ *Scafuro A. C. Prusias II of Bithynia... P. 29–30; Eckstein A. M. Rome, the War with Perseus... P. 434.*

³⁴ *Ibid. P. 435; ср.: Habicht Ch. Prusias (2). Sp. 1111.*

ключению мира в Третьей Македонской войне. Так, Эвмен II вел тайные переговоры с Персеем о третьейском посредничестве, рассчитывая получить от него за это крупную сумму денег (Polyb., XXIX, 6–9). Родосцы предприняли попытку посредничать в заключении мира с Персеем в то время, когда исход войны был практически решен — уже после битвы при Пидне (Polyb., XXIX, 29, 13; Liv., XLV, 3, 4–5; Diod., XXX, 24)³⁵. Не удивительно, что эти неудачные и небескорыстные действия встретили суровое осуждение сената. Прусий же, напротив, имел все основания рассчитывать на благосклонное отношение со стороны римлян³⁶, чем он и попытался воспользоваться, лично посетив Рим зимой 167/166 г. (Polyb., XXX, 19; Liv., XLIV, 44, 4–20; Diod., XXXI, 15, 3; App., Mithr., 2; Cass. Dio., fr. XX; Zonar., IX, 24, 7; Plut., Mor., 336 DE; Val. Max., V, 1, 1e; Eutrop., IV, 8, 4).

Эти события основательно рассмотрены в историографии; особо следует отметить глубокие исследования А. Экстайна, вскрывшего реальные мотивы и цели действий Прусия, а также проявившего моральную позицию Полибия в его оценке действий вифинского монарха³⁷. Можно полностью согласиться с американским исследователем в том, что Прусий в ходе своего визита не только не пытался оправдаться перед сенатом за попытку посредничества в 169 г., но, напротив, добивался награды за нее в виде

³⁵ Сообщение Ливия о родосском посольстве в Рим, предпринятом с целью прекращения войны в 169 г. (XLIV, 14, 5–12), явно неисторично; оно восходит к тенденциозному сочинению анналиста Клавдия Квадригария. Истинная цель этого посольства определена Полибием (XXVIII, 2, 1–6).

³⁶ «...Несмотря на то, что источники подразумевают недовольство Рима теми, кто пытался посредничать в этом конфликте с Македонией, римляне с очевидностью ответили Прусию благосклонно» (*Ager S. L. Interstate Arbitration... № 121. P. 333*). Очевидно, вифинский царь на тот момент еще в полной мере пользовался доверием сената.

³⁷ *Eckstein A. M. Rome, the War with Perseus... P. 413–444; Idem. Moral Vision... P. 224–225*. Исследователь, в частности, убедительно опроверг точку зрения А. Скафуно, пытавшейся доказать, что сам визит Прусия и его раболепное поведение во время пребывания в Риме вызваны страхом вифинского царя перед наказанием за попытку мирного посредничества в 169 г. (*Scafuro A. C. Prusias II of Bithynia... P. 32–35*; см. также: *Кащеев В. И. Эллинистический мир и Рим. С. 206–207*).

территориальных приобретений³⁸. Что касается «нецарственного» поведения Пруссия в Риме, его самоунижения и грубой лести перед сенатом, то они были составными частями «дипломатического стиля» царя Вифинии, строящегося на «готовности отказаться от царского достоинства ради достижения какой-либо непосредственной политической цели»³⁹. Для Полибия же эпизод, связанный с визитом Пруссия в Рим, был удобной возможностью дать

³⁸ *Eckstein A. M. Rome, the War with Perseus... P. 439–440.* Об этом недвусмысленно говорит Ливий: Прусий просил «дать ему землю, которую отняли у царя Антиоха и не отдали никому, так что теперь там хозяйничают галлы» (XLV, 44, 10). Возможно, здесь идет речь о территориях, потерянных тогда Пергамом в результате восстания галатов под руководством Соловеттия (Liv., XLV, 34, 10–14) (*Strobel K. Galatien... S. 44. Anm. 128*).

³⁹ *Eckstein A. M. Rome, the War with Perseus... P. 440–442.* Приведу пространную цитату из Полибия: «Около того же времени прибыл в Рим и царь Прусий поздравить с победою сенат и военачальников. Этот Прусий показал себя человеком совершенно недостойным царского звания, о чем свидетельствовать может следующее: во-первых, когда явились к нему римские послы, он вышел навстречу им с бритой головой и в шляпе, в тоге и башмаках, словом, в таком одеянии, какое у римлян носят недавно освобожденные рабы, именуемые вольноотпущенниками. Поздоровавшись с послами, он сказал: “Глядите на меня, вашего вольноотпущенника, который желает во всем угодить вам и подражать вашим порядкам”, — речь, унижительнее которой и придумать трудно. (Это рассказ о встрече с римским посольством, имевшей место ранее. Данный пассаж ошибочно отнесен В. И. Кащеевым к моменту визита вифинского царя в Рим. См.: *Кащеев В. И. Эллинистический мир и Рим. С. 206. — О. Г.*) Теперь при входе в сенат, стоя в дверях против собрания сенаторов, с опущенными руками, он распростерся перед заседающими, облобызал порог и воскликнул: “Привет вам, боги спасители”, — показав этим такую меру малодушия, вместе с тем бабьей приниженности и лести, что и последующие времена не увидят ничего подобного. Согласно с сим вел себя царь и после того, как вошел в сенат и присутствовал при совещаниях сенаторов; непристойностью было бы даже описывать его поведение. Ответ он получил милостивый потому именно, что предстал в столь жалком виде» (XXX, 19, 1–7. Пер. Ф. Г. Мищенко). Не исключено, что неприглядные черты поведения Пруссия были несколько преувеличены греческим историком (*Bencke P. V. M. Rome and the Hellenistic States. P. 202; Strobel K. Prusias (2) // Der Neue Pauly. Stuttgart, 2001. Bd. 9. Sp. 492*): так, римские анналисты, которым в основном следует Ливий, повествуют о визите Пруссия в Рим во вполне нейтральных тонах.

развернутую критику пороков, нетерпимых, с его точки зрения, для государственного деятеля высокого ранга. Это, во-первых, уподобление варварам⁴⁰, во-вторых, поведение, недостойное мужчины (*γυναικισμός*), расцениваемое историком как реальная угроза существующему общественному порядку⁴¹; наконец, в-третьих, раболепное пресмыкательство Пруссия в сенате было, по мнению Полибия, одним из тех факторов, которые усиливали тиранические тенденции в римской политике⁴².

Пожалуй, вне поля зрения А. Экстайна, равно как и других исследователей, остался лишь один вопрос: на какие политические группировки в Риме опирался Пруссий в осуществлении своих планов и в какой мере он следовал в этом отношении политике своего отца. Источники, кажется, позволяют высказать в этой связи некоторые предположения.

Прежде всего, Ливий отмечает, что в Риме у Пруссия было много друзей и гостеприимцев, которым он считал необходимым нанести визиты (XLV, 44, 6), можно не сомневаться, лиц весьма влиятельных. В поездке по Италии его сопровождал квестор Луций Корнелий Сципион (Liv., XLV, 44, 7; 17; Val. Max., V, 1, 1e) — представитель клана, на который, как я старался показать ранее, ориентировался в свое время еще Пруссий I. Тот же Ливий сообщает, что Пруссию помогло «благорасположение всех полководцев, воевавших в Македонии» (XLV, 44, 9), то есть, прежде всего, Эмилия Павла и Гнея Октавия.

Их позиции по внешнеполитическим вопросам остаются не вполне ясными. Дж. Бриско полагает, что в сенате в 170–160-х гг. существовали две основные «политические группы» — «Сципионовская», группирующаяся вокруг Эмилия Павла, и «Фульвианская», лидером которой был Катон⁴³. Это мнение сопровождается рядом ценных наблюдений и в принципе кажется верным, но все же грешит некоторым схематизмом⁴⁴. Павел, безусловно,

⁴⁰ Eckstein A. M. *Moral Vision...* P. 123. Этот момент отражен в общей характеристике Пруссия, см. прим. 3 данной главы.

⁴¹ Ibid. P. 155–156; 159.

⁴² Ibid. P. 225.

⁴³ Briscoe J. *Eastern Policy and Senatorial Politics 168–146 B. C.* // *Historia*. Bd. XVIII. Ht. 4. 1969. P. 60–61.

⁴⁴ Так, Эмилий Павел был связан узами родства не только со Сципионами, но породнился и с Катоном (Plut., *Cato Mai.*, 22; 24; Aem., 21),

являлся признанным лидером представителей умеренно консервативной аристократии⁴⁵. Октавия же исследователь считает членом антисципионовской группировки⁴⁶, однако анализируемая им посольская миссия Октавия в Сирию в 164 г., кажется, дает менее показательную информацию, нежели общие позиции Эмилия Павла и Октавия четырьмя годами ранее⁴⁷.

Наконец, определенную ценность представляют и сведения о событиях последующих лет. Так, известно, что Катонем Цензором была произнесена речь «*De rege Attalo et vectigalibus Asiae*» (Fest., 266 L), в которой, как полагает Х. Скаллард, он выступил против Пруссии⁴⁸. Известно, что Катон был сторонником родосцев и оказал им еще в 169 г. важную услугу — предотвратил объявление сенатом войны Родосу (Liv., XLV, 25, 1–4; Gell., VI, 3, 1–55; Diod., XXXI, 5, 1–20)⁴⁹; подобным же образом он мог от-

причем последний выступил на его стороне против Сервия Гальбы, намеревавшегося лишить Эмилия македонского триумфа (ORF² frg. 172; Liv., XLV, 35–39; Plut., Aem., 30, 2 ff.).

⁴⁵ Трухина Н. Н. Политика и политики... С. 120.

⁴⁶ Briscoe J. *Eastern Policy*... P. 64.

⁴⁷ Мнение А. Эстина о тесной связи между Октавиями, Эмилиями и Сципионами (Astin A. *Scipio Aemilianus*. Oxford, 1967. P. 87). Дж. Бриско, на мой взгляд, опровергнуть не сумел. Кроме того, маловероятно, чтобы деятельность и репутация Октавия как «эллинизатора», его явная приверженность греческой культуре (Münzer. *Octavius (17)* // RE. Bd. XVII. Hbbd. 34. 1937. Sp. 1810; Rawson E. *Roman Tradition and the Greek World* // CAH². Vol. VIII. 1989. P. 443) могли бы привести его в число сторонников Катона, настроенного относительно к эллинскому влиянию на римское общество.

⁴⁸ Scullard H. H. *Roman Politics. 220–150 B. C.* Oxford, 1951. P. 271; ср.: Astin A. *Cato the Censor*. Oxford, 1978. P. 125 (в этих работах речь Катона отнесена к 151 г.; другая датировка — 149 г.: Canali de Rossi F. *Le ambascerie*... P. 548). Именно против вифинского царя, полагают исследователи (в отличие от Э. Хансен: Hansen E. *The Attalids*... P. 128) было направлено «отговаривание» Катонем Аттала. Возможно, речь Катона имела касательство к вопросу о контрибуции, которую Пруссий должен был выплатить Атталу по окончании Второй Вифинской войны (см. далее, с. 323). Даже если Катон убеждал пергамского царя пересмотреть порядок выплат, которые должен был проводить Пруссий, это подразумевает наличие у него каких-то «рычагов влияния» на Аттала.

⁴⁹ К этому Катона могли побудить его экономические интересы, в которых определенную роль, вероятно, играла родосская посредническая

носиться и к пергамским царям⁵⁰, бывшим и считавшимся до определенного момента надежными союзниками римлян; отношения же Родоса и Пергама с Вифинией после Третьей Македонской войны неизменно оставались напряженными. Катон, как известно, находился в непримиримой вражде со Сципионами и Фламинием (Liv., XXXIX, 42, 5 — 43, 5; Plut., Tit., 18–19; Cic. De or., II, 260). Хотя события, приведшие к этой вражде, произошли еще до воцарения Прусия II и не были напрямую связаны с вопросами международной политики Рима, вполне оправданным кажется предположение, будто вифинский царь пользовался поддержкой противников Катона и «клана Фульвиев» — старой сенатской аристократии (см. также с. 330).

В результате своего визита в Рим Прусий приобрел «значительные дипломатические дивиденды»⁵¹. Он добился возобновления союза с римлянами, отдал под покровительство сената своего сына Никомеда (Liv., XLV, 44, 9; Eutrop., IV, 8, 4), получил ценные дары (Liv., XLV, 44, 14)⁵² и двадцать боевых кораблей (XLV, 44, 16); нерешенным остался только вопрос о спорных территориях (XLV, 44, 10–11). Прусий убедился, что создавшееся после Третьей Македонской войны положение может оказаться весьма выгодным для него: Родос и Пергам потеряли благосклонность римлян⁵³, и вифинскому царю предоставилась возможность усилить свои позиции в Малой Азии. Первоочередная роль в этом отводилась его дипломатии.

Сложилась ситуация, в которой, по образному выражению Д. Маги, «нашел возможности для проявления талант Прусия к

торговля (Горлов Ю. С. Родос. С. 168–169). Характерно, что за объявление войны Родосу ратовали «те, кто вел войну в Македонии, — консулы, преторы или легаты» (Liv., XLV, 25, 2), то есть как раз та группировка, поддержки которой добивался Прусий.

⁵⁰ Характеристика Катона Эмена II (Plut., Cato Mai., 8), как верно заметил А. Эстин, не является указанием на его конкретные политические симпатии и антипатии, но иллюстрирует его отношение к царской власти в целом (Astin A. Cato the Censor. P. 122).

⁵¹ Eckstein A. Rome, the War with Perseus... P. 439; *Idem*. Moral Vision... P. 224.

⁵² Возможно, именно об этих дарах идет речь во фрагменте Полибия, не отнесенном ни к какой из сохранившихся книг (Polyb., F. 151).

⁵³ Более подробно о причинах такого поворота в римской политике см.: Habicht Ch. The Seleucids... P. 332–338.

интригам»⁵⁴. Период 167–156 гг. был временем наиболее интенсивной дипломатической деятельности Пруссия, к сожалению, очень фрагментарно освещенной Полибием, Ливием и Диодором. Вифинский царь вел целенаправленную агитацию против Эвмена в Риме, сочетая ее с попытками создать выгодную для себя обстановку в Малой Азии. Насколько это ему удалось?

В 165 г. первое посольство Пруссия, возглавленное Пифоном, представило сенату ряд обвинений в адрес Эвмена: пергамский царь захватил часть вифинских территорий, вел военные действия в Галатии и был враждебно настроен к римским сторонникам в Азии (Polyb., XXXI, 6, 1–3; Liv. Per., 46). Показательно, что в это же время послы некоторых азиатских полисов информировали римлян о тайных сношениях пергамского царя с Антиохом IV (Polyb., XXXI, 6, 4). Пифон тоже обратил на это внимание римлян (Liv. Per., 46), и данное сообщение заставляет предположить, что представители греческих полисов отправились в Рим не без подстрекательства Пруссия⁵⁵. При этом, по словам Полибия (XXXI, 9, 3; ср. Diod. XXXI, 7, 2), вифинский царь «не только сам усердствовал в изветах на Эвмена и Аттала, но возбуждал к тому же галатов, селгеев и многих других из живущих в Азии (πλείους ἑτέρους κατὰ τὴν Ἀσίαν)» (пер. Ф. Г. Мищенко). Наконец, зимой 160/159 г. в Рим прибыло посольство Пруссия и галатов с жалобами на Эвмена, который вновь отправил миссию во главе с Атталом для опровержения обвинений своих противников (Polyb., XXXII, 3; 5, 8)⁵⁶.

⁵⁴ Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 316.

⁵⁵ Gruen E. S. The Hellenistic World... Vol. II. P. 580.

⁵⁶ О датировке этих миссий: Habicht Ch. Prusias (2). Sp. 1113–1114. Исследователи обычно не определяют их число (Hansen E. The Attalids... P. 118; Will É. Histoire politique... Т. II. P. 380; Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 37; Virgilio B. Epigrafia e storiografia. P. 81; Canali de Rossi F. Le ambascerie... P. 509–510; 515–516; 527–528. X. Хабихт говорит о трех (Habicht Ch. Prusias (2). Sp. 1113–1114), а Дж. Бриско, кажется, даже о четырех посольствах Пруссия в Рим (Briscoe J. Eastern Policy... P. 55). Тем не менее создается впечатление, что в пассажах XXXI, 6, 1–5 и XXXI, 9, 3 речь идет об одной и той же дипломатической акции Пруссия. Эти эпизоды разделены слишком небольшим периодом времени, и в связи с ними затрагивался, главным образом, один и тот же вопрос — о тайных сношениях между Эвменом и Антиохом IV (XXXI, 6, 4–8; 9, 6–8). Полибий перечисляет здесь посольства от различных государств (так, в первом из эпизодов не упоминаются

Очевидно, антипергамская агитация перед сенатом велась Прусием по двум основным линиям. Вифинский царь, во-первых, стремился разыграть галатскую карту, пользуясь стремлением азиатских кельтов уничтожить зависимость от Пергама, в которую они попали после Апамейского мира⁵⁷. В этом отношении он встретил полное понимание со стороны римлян: галаты получали благосклонные ответы от сената, побуждавшего их к независимости и стремившегося тем самым ослабить Эвмена. Другим направлением деятельности Прусия по дискредитации Атталидов стали его попытки лишить Эвмена поддержки независимых греческих полисов Малой Азии.

Результаты этих усилий вифинского царя определить непросто. Контрмеры, предпринятые Эвменом и, в особенности, Атталом, пользующимся, в отличие от брата, расположением значительной части влиятельных сенаторов, частично достигли своей цели, и сенат не оказал Пруссию видимой поддержки⁵⁸. Правда, в

граждане Сельге), но это обстоятельство объясняется им самим: в XXXI, 6, 4–8 он сообщает лишь о «наиболее значительных из многочисленных посольств, прибывших в Рим». Таким образом, правомерно говорить лишь о двух дипломатических миссиях Прусия. Ср.: *Walbank F. W. A Historical Commentary... Vol. III. P. 463–464.*

⁵⁷ О пергамско-галатских взаимоотношениях в это время см.: *Hopp J. Untersuchungen... S. 51–53; Mitchell S. Anatolia. P. 26.* Последние сохранившиеся строки труда Ливия, к сожалению, испорченные, упоминают о возвращении Прусия из Рима в 167 г. и о войне Эвмена против галлов (XLV, 44, 21); возможно, между этими событиями существует какая-то связь. О каких-то локальных столкновениях между Вифинией и Пергамом в Галатии может свидетельствовать и фраза Аппиана о том, что Аттал не раз воевал с Прусием (*Mithr.*, 5), если, конечно, она не является риторическим преувеличением, призванным подчеркнуть традиционность вражды между двумя соседними царствами. Важным источником, проливающим свет на некоторые аспекты вифинско-пергамского дипломатического противостояния в Галатии, является переписка Эвмена и Аттала с верховным жрецом святилища в Пессинунте Аттисом (OGIS 315 = RC 55–61). См. наиболее подробный анализ: *Virgilio B. II «Терпио stato»...*

⁵⁸ Любопытно, что посольство галатов, направленное Прусием (ὄψ ἀπεστάλκει Προυσίῳ), обвиняло не столько Эвмена, сколько Аттала (*Polyb.*, XXXII, 5, 5–7). Это можно объяснить либо фактическим сотрудничеством Аттала и престарелого Эвмена (*Hopp J. Untersuchungen... S. 13. App. 50*), либо какими-то акциями (военными?), лично проводимыми Атталом в Галатии.

Азию была направлена комиссия С. Сульпиция Галла, который в течение десяти дней находился в Сардах и принимал послов из значительнейших городов Азии с жалобами на Эвмена (Polyb., XXXI, 10, 1–5). Факт наличия у греков определенного недовольства Эвменом весьма показателен, но Полибий не акцентирует на нем внимания, сообщая, что чем суровее относились к Эвмену римляне, тем большим сочувствием проникались к нему эллины (XXXI, 10, 6). Вероятно, это сообщение заставляет некоторых ученых склониться к мнению, что действия Пруссия ни к чему не привели, и азиатские греки не собирались отворачиваться от своего партнера и благодетеля, пергамского царя⁵⁹. Но последующие события показали, что политика вифинского монарха оказалась довольно эффективной, и в целом можно согласиться с мнением о том, что Эвмен умер (158 г.), оставив своему наследнику критическую дипломатическую ситуацию⁶⁰.

Интриги Пруссия против Атталидов в 160–150-х гг. надо рассматривать как подготовку к открытой войне Вифинии против Пергама. Накануне ее Пруссию было необходимо обезопасить себя от создания широкой антивифинской коалиции и привлечь к себе как можно больше сторонников. Его достижения в этом плане имели довольно неожиданный характер. Заручиться поддержкой галлов, традиционных союзников Вифинии, Пруссию не удалось, так как Эвмен и Аттал посредством военной силы и дипломатии отчасти восстановили свое влияние в Галатии⁶¹. Зато вифинский царь сумел, во-первых, нейтрализовать греческие полисы западной Анатолии (ни один из которых не выступил на стороне Пергама в начале войны!), а во-вторых, добиться, хотя бы на время, благоприятной для себя реакции Рима. Поэтому Прусий имел все основания рассчитывать на то, что преимущество его сухопутных и морских сил над лишенными союзников Атталидами неминуемо скажется.

⁵⁹ Hansen E. The Attalids... P. 117; Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 316; Briscoe J. Eastern Policy... P. 55; Will É. Histoire politique... T. II. P. 320; Sherwin-White A. N. Roman Involvement in Anatolia, 167–88 B. C. // JRS. Vol. LXVII. 1977. P. 62; Idem. Roman Foreign Policy... P. 37.

⁶⁰ McShane R. B. The Foreign Policy... P. 185–186.

⁶¹ Р. Аллен высказывает предположение, что галаты все же могли принимать участие во Второй Вифинской войне в качестве союзников или наемников Пруссия (Allen R. A. The Attalid Kingdom. P. 144).

Ввиду долгой и тщательной подготовки к войне мотивировка действий вифинского царя, предложенная Аппианом (*Mithr.*, 6), выглядит неприемлемой: причиной войны была не какая-то случайная обида Пруссия на Аттала, а стремление нанести решающий удар ослабленному противнику⁶². В пользу этого предположения свидетельствует и сделанное позднее заявление Пруссия о его желании дать царство Никомеду путем завоевания Пергамской державы (*App.*, *Mithr.*, 16)⁶³, хотя в нем налицо элемент пропаганды и прямой демагогии. Несмотря на разрозненность источников, создается впечатление, что на начальном этапе конфликта вифинский царь пользовался военной поддержкой союзников — писидийцев из Сельге (*Trog.*, *Proleg.*, 34)⁶⁴ и, возможно, Приены, которая враждовала с Атталом (*Polyb.*, XXXIII, 6)⁶⁵. Очень важным является свидетельство Полибия о том, что уже в конце войны, весной 154 г., римские послы отправились в Ионию, к Гелеспонту и в византийскую землю с тем, чтобы «отторгать от Пру-

⁶² Вслед за Аппианом некоторые исследователи говорят о «неясных причинах» этой войны (*Will É. Histoire politique...* Т. II. P. 381; *Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy...* P. 38). В качестве обстоятельств, способствовавших началу войны, X. Хабихт называет удаление части пергамских войск в Каппадокию или возможное подстрекательство со стороны сирийского царя Деметрия I (*Habicht Ch. The Seleucids...* P. 360).

⁶³ Ср.: *Niese B. Geschichte...* Bd. III. S. 326. Anm. 4.

⁶⁴ Войну с гражданами Сельге вел еще Эвмен одновременно со своей галатской кампанией (163–160 гг.), а затем с ними враждовал и Аттал (*Attalus bellum cum Selgensibus habuit et cum rege Prusias*) (*Trog.*, *Proleg.*, 34; ср.: *Strabo*, XII, 7, 3). Й. Нолле датирует второй конфликт Пергама с Сельге 158 г., но отмечает при этом, что, возможно, существовала военная и/или дипломатическая сила, побуждающая писидийцев к сопротивлению Атталу (Вифиния? — О. Г.) (*Die Inschriften von Selge / IK. Bd. 37. Hrsg. v. J. Nolle und F. Schnidler. Bonn, 1991. S. 36; 39. Anm. 2*). Сообщение Трога, кажется, позволяет синхронизировать упомянутое столкновение со Второй Вифинской войной. Возможно, именно к этому времени относится союз писидийских городов Тельмесса и Адада против Сельге — TAM III 1 № 3. См. также: *Habicht Ch. Prusias (2)*. Sp. 1115; против (на мой взгляд, без достаточной аргументации) — *Hopp J. Untersuchungen...* S. 75. Anm. 87.

⁶⁵ *Habicht Ch. Prusias (2)*. Sp. 1115; *Hopp J. Untersuchungen...* S. 66. Anm. 51. О связях Приены с вифинской династией в последующее время в следующем параграфе; впрочем, в ходе борьбы с Атталом и его союзником Ариаратом V Каппадокийским приенцы обратились за помощью не к вифинцам, а к родосцам и римлянам (*Polyb.*, XXXII, 6, 7).

сия друзей и союзников и по возможности приобретать их для Аттала» (ἀπὸ μὲν τῆς Προυσίας φιλίας καὶ συμμαχίας ἀποκαλεῖν τοὺς ἀνθρώπους, Ἄτταλῳ δὲ προσνέμειν — Polyb., XXXIII, 12, 8–9). Это сообщение указывает на сочувствие части греков вифинскому царю⁶⁶ и, следовательно, на действенность предшествующих дипломатических мер Прусия. Особенно знаменательны его успехи в Ионии — области, где вифинские цари до него никогда не пользовались расположением у граждан свободных полисов, а также дружественные связи с Византием.

Об активной вооруженной поддержке элинами западной Малой Азии Прусия говорить, пожалуй, не приходится, но участия их кораблей в совместных с вифинским флотом действиях с уверенностью отрицать нельзя⁶⁷. Во всяком случае, уже то, что значительная часть греков не поддержала Аттала, следует расценивать как серьезное достижение вифинского царя. Некоторые геллеспонтские города, связанные договором с вифинским царем, впоследствии даже стали объектом карательных акций пергамского флота, возглавленного братом Аттала Афинеем (Polyb., XXXIII, 13, 3)⁶⁸.

Ход военных действий во Второй Вифинской войне на основе тщательного анализа источников восстановлен усилиями Л. Робера⁶⁹ и Х. Хабихта⁷⁰; последующие исследования⁷¹ не внесли в

⁶⁶ Habicht Ch. Prusias (2). Sp. 1115; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 80–81.

⁶⁷ Кажется спорным мнение М. И. Ростовцева, будто бы Прусий стремился установить контроль над проливами (SEHNW. Vol. II. P. 773, 827; ср.: Berthold R. Rhodes... P. 221), поскольку перед вифинским царем стояли иные стратегические задачи.

⁶⁸ McShane R.B. The Foreign Policy... P. 189. См. также: Robert L. Études anatoliennes. P. 111–112, где говорится, что речь идет о вифинских городах на берегу Пропонтиды. К сожалению, текст Полибия (πολιτῶν δὲ τὸν πλοῦν ἐφ' Ἑλλεσπόντου καὶ συνάψας ταῖς πόλεσι ταῖς ὑπὸ Προυσίας ταττομέναις ἀποβάσεις τε συνεχεῖς ἐποιεῖτο κτλ) в этом месте нельзя истолковать однозначно (Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 79); однако не следует игнорировать то обстоятельство, что римские послы тоже отправились к Геллеспонту, дабы вести антивифинскую агитацию среди тамошних полисов (Polyb., XXXIII, 12, 8–9).

⁶⁹ Robert L. Études anatoliennes. P. 111–118.

⁷⁰ Habicht Ch. Über die Kriege... S. 101–110; Idem. Prusias (2). Sp. 115–119.

⁷¹ Hopp J. Untersuchungen... S. 74–79; Virgilio B. II «Tepio stato»... 1981. P. 110–112; Will É. Histoire politique... T. II. P. 381–382; Sherwin-

разработку вопроса серьезных новшеств. В частности, было доказано, что данные Полибия и Аппиана нисколько не противоречат друг другу: верный порядок размещения фрагментов Полибия (несколько нарушенный при переписывании его труда и расстановке эксерципов по тем или иным книгам) тоже указывает лишь на одну осаду Пергама вифинскими войсками, что вполне соответствует изложению событий у Аппиана, который приводит сокращенную версию событий.

Итак, летом 156 г. вифинские войска вторглись на территорию Пергама и нанесли поражение армии Атгала II (Polyb., XXXII, 27, 1; 28, 1). Пергамский царь, опасаясь выглядеть агрессором в глазах римлян, поспешил отправить в Рим одно за другим два посольства — первое во главе с Андроником (Polyb., XXXII, 28, 2)⁷², а затем со своим братом Афинеем в качестве предводителя (XXXII, 28, 1), чтобы привлечь внимание сената к неспровоцированному нападению Прусия⁷³. Однако сенат не реагировал на сообщение пергамских посольств, а больше доверял информации, исходившей от сына Прусия Никомеда и вифинского посла Антифила (XXXIII, 16, 2–4)⁷⁴. Аттал довольно долгое время был полностью лишен чьего-либо дипломатического или военного содействия, что поставило его в критическую ситуацию: вифинские войска оказались под стенами его столицы. Очевидно, они находились там достаточно долго, и фраза Полибия о том, что «Прусий не совершил ни одного подвига храбрости при наступлении на город» (Polyb., XXXII, 27, 9) может свидетельствовать не об отсутствии попыток вифин-

White A. N. Roman Foreign Policy... P. 38, 45; Gruen E. S. The Hellenistic World... Vol. I. P. 114; Vol. II. P. 587–589.

⁷² Это, очевидно, тот же человек, который сыграл весьма заметную роль в свержении Прусия II семью годами позже (App., Mithr., 4–5). Он упоминается также в надписи OGIS 323.

⁷³ Афиной прибыл в Рим совместно с Публием Корнелием Лентулом, однако даже свидетельств этого римского политика оказалось недостаточно для того, чтобы сенат уяснил истинное положение дел! С учетом этого эпизода можно говорить не о четырех (Gruen E. S. The Hellenistic World... Vol. I. P. 114), а даже о пяти римских посольствах, посетивших Азию в ходе конфликта. См.: Габелко О. А. Монархии, полисы, племена... С. 163.

⁷⁴ Х. Хабихт подчеркивает этот факт как свидетельство действительности антипергамской агитации Прусия (*Habicht Ch. Prusias* (2). Sp. 1116). Очевидно, находившийся в Риме с 167 г. Никомед до начала войны вернулся в Вифинию и пока что пользовался доверием отца.

цев штурмовать Пергам, а об их неудачах. За зиму-весну 155 г. римляне отправили в Малую Азию две комиссии: первой из них (вызванной еще какими-то жалобами пергамцев?) с Луцием Апулием и Гаем Петронием во главе было предписано расследовать на месте положение дел (XXXII, 28, 50), а вторая под началом Гая Клавдия Центона, Луция Гортензия и Гая Аврункулея должна была уже «удержать Прусия от войны с Атталом» (XXXIII, 1, 2; App., Mithr., 3). Эта задача пока не увенчалась успехом: Прусий во время переговоров вероломно пытался захватить Аттала в плен, причем в ходе этой акции пострадали даже римские послы, лишившиеся своего обоза и вынужденные спешно укрыться за стенами Пергама (Polyb., XXXIII, 9, 2; Diod., XXXI, 35; App., Mithr., 3).

Прусий, видимо, был настроен весьма решительно, но он не сумел использовать достигнутое преимущество — либо из-за недостатка сил, либо из-за отсутствия полководческих способностей, каковое приписывает ему Полибий (XXXVII, 7, 1)⁷⁵. Во время пребывания в окрестностях Пергама им было разграблено святилище Афины Nikeфоры, а затем он совершил великолепное жертвоприношение в святилище Асклепия, но потом приказал вывезти оттуда прекрасное изображение бога работы Фиромеха (XXXII, 27, 2–5). Осада Пергама оказалась неудачной, Прусий повел войско к Элее. Но все попытки взять город штурмом были отражены гарнизоном во главе с Сосандром, *σύντροφος* Аттала (XXXII, 27, 9–10). Оттуда вифинское войско отправилось по маршруту, который удалось восстановить Л. Роберу: Эги — Кимы — Темнос — Гиеракоме — Фиатира. Здесь вифинский царь вновь, по образному выражению Полибия, повел войну «не только с людьми, но и с богами»: им были разграблены святилище Артемиды в Гиеракоме и священный участок Аполлона Киннейского возле Темна (XXXII, 27, 11–12), а затем его войско, страдая от голода и дизентерии, вернулось в Вифинию (в район Пруссы-Олимпийской)⁷⁶. Эти злоключения расцениваются Полибием как кара богов за допущенную Прусием *ἀσέβεια* (13–14)⁷⁷.

⁷⁵ Впрочем, Филипп V в 201 г. также не сумел воспользоваться выгодной ситуацией, когда его войска находились в непосредственной близости от Пергама, а его трудно обвинить в некомпетентности в военном деле.

⁷⁶ Robert L. *Études anatoliennes*. P. 112–115.

⁷⁷ Ср. с данными других источников, тоже, впрочем, восходящими к Полибию: Diod., XXXI, 35; App., Mithr., 3.

Вопрос об этом святотатстве вифинцев заслуживает отдельного рассмотрения, каковому он до сих пор не подвергался. Эти действия Прусия, в самом деле, кажутся довольно труднообъяснимыми, и потому Полибий характеризует их как дела безумного человека (XXXII, 15, 8). Конечно, нельзя полностью исключать каких-то чисто психологических мотивов в поведении Прусия, однако причины происшедших событий могут иметь и вполне «политическое» объяснение.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что подобные случаи не были исключительно редким явлением в эллинистическом мире. Полибий неоднократно эмоционально описывает святотатства этолийцев (Polyb., IV, 62; 67), Филиппа V (IV, 77, 4; V, 12, 7–8; XI, 7, 3–4; XVI, 1), Антиоха IV (XXXI, 11). Более того, кощунственные акции вифинского царя требуют дифференцированного подхода в их оценке. Так, разрушив Никефорион, он мог намеренно следовать примеру своего родственника Филиппа V, в 201 г. таким же образом посягнувшего на культ Афины Никефорос, тесно связанный с царским домом Атталидов (XVI, 1, 1–6)⁷⁸. Так что в данном случае Прусием двигало вполне понятное стремление нанести противнику «идеологический» урон.

Если же обратиться к действиям вифинского царя в Асклепионе, то показательно, что это святилище, как следует из сообщения Полибия, все же не подверглось разрушению. Данный факт вполне понятен в свете немалой популярности культа Асклепия в Вифинии⁷⁹, а также и того, что жертвоприношения Прусием были принесены именно в Асклепионе. Статую божества Пру-

⁷⁸ Ср.: Eddy S. *The King is Dead*. P. 169. Note 12. Об этом культе см.: Allen R. A. *The Attalid Kingdom*. P. 98–121. Кроме того, Прусий мог руководствоваться соображениями династического престижа: ведь еще в самом начале правления его отца проводимые Атталом I Никефории косвенным образом нанесли ущерб репутации вифинских царей (Polyb., IV, 49, 3). Это предположение приобретает особый вес, если принять мнение о том, что Никефории были преобразованы в крупный фестиваль после победы Эвмена II над Прусием I.

⁷⁹ На это указывают отношения Зиэла с Косом. В Никомедии существовал храм Асклепия (Paus., III, 3, 8) (причем контекст сообщения Павсания дает понять, что храм этот был достаточно древним), а императорское время в городе была фила Ἀσκληπίου (SIG 3774). См.: Boffo L. *I re ellenistici...* P. 209.

сий, вероятно, вывез с собой в Вифинию — акция, конечно, не слишком почтительная по отношению к богу, но вполне понятная и не укладывающаяся в рамки «тотального» святотатства, которое приписывает Пруссию греческий историк.

Злодеяния вифинского царя в Гиеракоме и Темне имели место весной — начале лета 155 г.⁸⁰ К этому моменту, видимо, стратегический рисунок кампании стал меняться, и Прусий, действительно, мог выразить свое раздражение за неудачи в кощунственных действиях по отношению к греческим святилищам. Но важнее другое: иным стало восприятие продолжавшейся войны малоазийскими государствами, и в том числе независимыми греческими полисами Малой Азии (возможные причины этого будут названы далее). В этой ситуации Прусий мог выместить свою ненависть к эллинам, отступившим от поддержки его, на популярных в эллинском мире святилищах⁸¹. Таким шагом, идущим вразрез с его фил-эллинскими мероприятиями в прошлом, вифинский монарх дал понять грекам о разрыве прежних отношений и наглядно продемонстрировал, насколько мало соображения религии и морали ограничивали его в действиях, направленных на достижение реальных политических выгод.

Однако никаких положительных результатов Прусий посредством кощунства не достиг; его престиж в глазах греков после этих событий явно упал, и не исключено, что именно они в какой-то мере побудили оракул Аполлона Дидимского в 149 г. оказать поддержку Никомеду против Пруссии⁸².

Очевидно, военные действия 155 г. завершились для вифинского царя довольно неудачно. А его противник не терял времени даром, получив стратегическую передышку. Зимой 155/154 г. на его сторону встали Митридат IV Понтийский и Ариарат V Кап-

⁸⁰ *Habicht Ch. Über die Kriege...* S. 105. Очевидно, осада Пергама и Элеи заняла немало времени.

⁸¹ Необходимо подчеркнуть, что как святилище в Гиеракоме, так и Темн были тесно связаны с Атталидами (*Walbank F. W. A Historical Commentary... Vol. III. P. 539*). Асия святилища Артемиды была признана пергамским царем Атталом III (RC 68 = OGIS 333), возможно, в продолжение действий кого-то из его предшественников. Темн, в свою очередь, получал финансовые субсидии от Эвмена II (RC 48). Данное обстоятельство делает поведение Пруссии более понятным.

⁸² *Habicht Ch. Über die Kriege...* S. 104.

каппадокийский (Polyb., XXXIII, 12, 1)⁸³, а весной 154 г. — и ряд греческих государств. В состав флота, приведенного Афинеем, входило пять родосских четырехпалубников, двадцать кораблей из Кизика (наиболее верного и последовательного сторонника Атталидов) и двадцать восемь кораблей были от «остальных союзников» (XXXIII, 13, 1–2). Пергамский флот теперь уже не встретил никакого сопротивления, потому что вифинские морские силы были почти полностью уничтожены штормом в Пропонтиде (Diod., XXXI, 35).

Судя по данному сообщению, Атталиды получили от союзников довольно значительное подкрепление. Почему же оно поступило только на последнем году войны? Х. Хабихт полагает, что именно в это время Аттал почувствовал себя в критической ситуации, и это побудило его обратиться к союзникам⁸⁴. Однако боевые действия с самого начала конфликта приняли крайне неудачный для пергамского царя оборот, и его просьбы о помощи выглядели бы вполне оправданными и ранее. Ариарат V, например, еще в самом начале Третьей Македонской войны заключил с Эвменом II договор, согласно которому он обязался действовать заодно с ним, как объявляя войну, так и заключая мир (Liv., XLII, 29, 4), но даже каппадокийский царь прислал войска Атталу только в 155/154 г. Основная причина этого видится в том, что он, как и другие сочувствовавшие Пергаму государства, первоначально опасался вступить в открытую конфронтацию с Прусием, чей авторитет и военные возможности были тогда довольно велики. Кроме того, сам ход кампании до того исключал возможность активных контактов терпящего неудачи (и даже в течение некоторого времени запертого в своей столице) пергамского царя с его союзниками и заставлял его действовать в одиночку, уповая главным образом на вмешательство Рима. В 155/154 г. ситуация коренным образом изменилась, и правители Понта и Каппадокии могли вмешаться в ход конфликта, надеясь, быть может, совершить территориальные приобретения.

На мой взгляд, решающим фактором в изменении хода войны стала новая позиция римлян, далеко не сразу осознавших истин-

⁸³ Э. Вилье считает, что понтийского и каппадокийского царей побудил к этому «галатский фактор» (*Will É. Histoire politique... Т. II. P. 381*), но не поясняет, что это может означать. Судя по всему, галаты все-таки сохраняли спокойствие в течение всей войны.

⁸⁴ *Habicht Ch. Über die Kriege... S. 107.*

ное положение дел в Малой Азии. В течение 155 г. стало ясно, что римляне склоняются к поддержке Аттала⁸⁵, и потому ряд государств, воздерживавшихся до тех пор от какого бы то ни было участия в войне или даже склонявшихся на сторону Вифинии, ориентировался на Пергам. А когда Прусий попытался предательски обмануть Аттала и римских послов (см. выше, с. 318), сенат ужесточил свои требования (Polyb., XXXIII, 9, 3–4), и это окончательно побудило пергамских союзников оставить свои колебания. Таким образом, вмешательство Рима в ход войны склонило чашу весов на сторону Аттала и свело на нет прежние достижения дипломатии Пруссия.

Весной 154 г. Аттал начал боевые действия на суше и на море⁸⁶. Очевидно, они не сразу приняли угрожающий для Пруссия характер; после встречи Аттала с десятью римскими легатами во Фригии Эпиктет римляне потребовали от вифинского царя прекратить войну, но он «оказался удивительно непокорным»⁸⁷, не соглашался с большей частью предъявляемых ими требований и, видимо, был готов к продолжению боевых действий⁸⁸. Тогда легаты разорвали дружественный союз с Прусием⁸⁹ и, удерживая

⁸⁵ «В течение определенного времени сенат думал о том, чтобы использовать Прусия против Аттала, и лишь позднее он решил, что не стоит рисковать, допуская поражение Аттала от человека, чья собственная лояльность к Риму заслуживала доверия ничуть не больше, чем лояльность Пергама» (Briscoe J. *Eastern Policy...* P. 55–56). Ср.: «В 155/4 он (Митридат IV. — О. Г.) позитивно ответил на инициативу Рима поддержкой лояльного римского союзника Аттала II против Пруссия II Вифинского» (Mattingly H. B. *The Coinage of Mithridates III, Pharnakes and Mithridates IV of Pontus // Studies in Greek Numismatics in Memory of Martin Jessop Price / Ed. by R. Ashton and S. Hunter. London, 1998. P. 257).*

⁸⁶ *Habicht Ch. Prusias (2). Sp. 1118.*

⁸⁷ *Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 38.*

⁸⁸ Э. Грюн объясняет это тем, что Прусий не принимал всерьез возможность активного вмешательства римлян в ход конфликта: два десятилетия, истекшие после битвы при Пидне, притупили у него чувство опасности, которой грозили демарши сената (Gruen E. S. *The Hellenistic World... Vol. II. P. 588*). К этому мнению американского историка стоит прислушаться.

⁸⁹ Замечание А. Шервин-Уайта о том, что данная акция не угрожала прямым военным вмешательством римлян и потому «Пруссию не нужно было паниковать», равно как и ссылка на пример Птолемея VI Филоме-

Атгала от крупномасштабного вторжения в Вифинию, стали отторгать от Пруссии союзников и сообщили в Рим о его нежелании подчиниться решениям сената (Polyb., XXXIII, 12, 1–9).

Пергамский царь, видимо, не пошел против «рекомендации» римлян, ограничившись десантными операциями в Геллеспонте (XXXIII, 13, 3)⁹⁰. Все же летом 154 г. соотношение сил между воюющими сторонами уже изменилось в пользу Пергама. Именно в этом, возможно, следует видеть причину того, что миссия Аппия Клавдия, Луция Оппия и Авла Постумия достигла цели; война была, наконец, остановлена (XXXIII, 13, 5). Пруссий и Атгала пришли к заключению мирного соглашения при прямом содействии римлян (διὰ Ῥωμαίων ὑειόμενας συνθήκας — OGIS 327, стк. 5). Выполнение условий договора, переданных Полибием (XXXIII, 13, 6–9) было направлено на восстановление status quo ante bellum. Оба царя остались при своих прежних территориальных владениях, но Пруссий, как виновник в развязывании войны, был обязан выдать Атгалу двадцать кораблей⁹¹ и выплатить в течение двадцати лет контрибуцию в размере пятисот талантов (Polyb., XXXIII, 13, 6; App., Mithr., 3).

Большой интерес представляет указание на то, что Пруссий должен был уплатить сто талантов городам Мефимнам, Эгам,

гора, по существу, проигнорировавшего аналогичные действия сената и не отказавшегося от Кипра (Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 45), не вполне убедительны. Ш. Эджер, рассуждая в том же ключе, полагает, что хотя римляне не угрожали вифинцу войной, тот испугался и посчитал, что «сохранение дружбы с римлянами важнее, чем победа над Атгалом» (Ager S. L. Interstate Arbitration... № 142. P. 390). Однако на самом деле Пруссий уже окончательно потерял инициативу в войне, а предпринятые римлянами меры, судя по всему, еще более усилили пергамскую коалицию; ср.: Magic D. Rome and the City-States of Western Asia Minor from 200 to 133 B. C. // Anatolian Studies Presented to William Perburn Buckler. Manchester, 1939. P. 180. Так что Пруссий едва ли мог надеяться на успешное продолжение военных действий.

⁹⁰ Если Атгал действительно не собирался катархейν τοῦ πολέμου, то под упомянутыми Полибием городами следует понимать союзные, а не подчиненные Вифинии полисы (Габелко О. А. Монархии, полисы, племена... С. 166–167. Прим. 162).

⁹¹ Это число явно не случайно: сенат таким образом исправлял ошибку, допущенную им в 167 г., когда подаренные им Пруссии 20 кораблей сместили баланс военно-морского равновесия в северо-западной Малой Азии и пользу Вифинии (Eckstein A. M. Rome, the War with Perseus... P. 440).

Кимам и Гераклею в возмещение ущерба, причиненного их территориям (Polyb., XXXIII, 13, 8). Означенный пункт позволяет уточнить ход боевых действий в завершившейся войне⁹², а также показывает стремление римлян и Аттала (в противоположность Прусию!) выступать защитниками прав свободных полисов. Наиболее же любопытным представляется появление в этом пассаже Гераклеи — города, точная идентификация которого затруднительна.

Л. Робером было выдвинуто интересное предположение, что здесь имеется в виду не Гераклея Понтийская, а какой-то небольшой городок в Лидии: в самом деле, рассказ Полибия, кажется, ведется о группе городов из одного географического района, тогда как боевые действия против Гераклеи Понтийской были бы связаны с войной на противоположных рубежах владений Прусия⁹³. В дальнейшем точка зрения французского исследователя подверглась критике⁹⁴, но она, по моему мнению, может быть подкреплена некоторыми дополнительными аргументами. Прежде всего, Гераклея Понтийская в это время была связана договором о дружбе и союзе с римлянами (Memn., F. 18, 8), который ограждал ее

⁹² Robert L. *Études anatoliennes*. P. 111–118. Расположенные на Лесбосе Мефимны могли подвергнуться нападению вифинского флота, но существует вероятность, что пострадали и владения города, находившиеся на материке.

⁹³ На возможность существования городка Гераклеи в районе горы Сицила на основании надписи, вошедшей позднее в корпус В. Диттенбергера (Syll.³ 934), указал еще В. Рамсэй (*Ramsay W. The Historical Geography of Asia Minor*. London, 1890. P. 190). Л. Робер довольно обстоятельно обосновал свою точку зрения, опираясь на данные эпиграфических и письменных источников. См.: Robert L. *Études anatoliennes*. P. 112–116. Его мнение поддерживают: Hansen E. *The Attalids...* P. 127; Vitucci G. *Il regno di Bitinia*. P. 82; Habicht Ch. *Prusias (2)*. Sp. 1117. А. Джоунз по ошибке приписывает Прусию II все действия его отца против Гераклеи Понтийской, завершившиеся завоеванием Киера и Тиоса (*Jones A. H. M. The Cities...* P. 152).

⁹⁴ Б. Нисе первым выдвинул утверждение, что упомянутым городом могла быть только Гераклея Понтийская (*Niese B. Geschichte...* Bd. III. S. 327). См. также: *Magie D. Roman Rule...* Vol. II. P. 1198; *Gruen E. S. The Hellenistic World...* Vol. II. P. 737; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 224–225. Ф. Уолбэнк предполагает, что город мог подвергнуться нападению вифинского флота (*Walbank F. W. A Historical Commentary...* Vol. III. P. 539, 556).

от возможной агрессии со стороны Вифинии⁹⁵. Какие-либо враждебные действия вифинцев против гераклеотов кажутся довольно маловероятными, поскольку Прусий, уже вызвавший гнев сената нападением на друга и союзника римского народа Аттала, этим шагом только усугубил бы тяготы своего положения. Ни о каком участии Гераклеи Понтийской в войне источники ничего не сообщают; впрочем, лакуна в местной исторической традиции, занимающая почти столетний период⁹⁶, сильно осложняет попытки более конкретно определить направления внешней политики гераклеотов. Наконец, существование города Гераклеи в Лидии (расположенного поблизости от города Темн, на р. Герм или у горы Сипил, то есть как раз в сфере действий вифинских войск во время войны) подтверждается и данными нумизматики⁹⁷. Именно этот населенный пункт может быть отождествлен с упоминаемыми Стефаном Византийским 'Ηράκλεια ἐν Λυδία или 'Ηράκλεια... πόλις πρὸς τῇ Κυαία τῆς 'Αιολίδος (Steph. Byz., s. v. 'Ηράκλεια), хотя последний пассаж географа не вполне точен⁹⁸.

Таким образом, развитие вифинско-пергамского вооруженного противостояния на протяжении более чем тридцати лет после Апамейского договора позволяет проследить целый ряд аспектов межгосударственных отношений в Восточном Средиземноморье. Оно продемонстрировало, что царство Атталидов по-прежнему располагало более существенной поддержкой союзников как среди других малоазийских монархий, так и в числе независимых греческих общин. Вторая Вифинская война вместе с тем показала, что римская дипломатическая активность в регионе резко возросла, но направлена она была (пожалуй, даже еще в большей степени, чем раньше) на сохранение существующего относительного равновесия сил: по результатам конфликта Аттал II не совершил никаких территориальных приобретений за счет Вифинии.

⁹⁵ Дзагурова В. П. Гераклея Понтийская... С. 153; Она же. Мемнон. Комментарий. С. 301. Впрочем, исследовательница, противореча самой себе, считает, что во Вторую Вифинскую войну город пострадал от действий вифинцев (Мемнон. Комментарий. С. 300), но ее попытки проследить это в источниках ошибочны. См.: Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 225.

⁹⁶ Laqueur R. Lokalchronik. Sp. 1101.

⁹⁷ Die Inschriften von Kyme / IK. Bd. 5. Hrsg. v. H. Engelmann. Bonn, 1976. S. 155.

⁹⁸ Robert L. Études anatoliennes. P. 116–118.

Итоги активной внешнеполитической деятельности Прусия с момента его воцарения до окончания войны с Пергамом были весьма неутешительны: ему не удалось расширить территорию своего государства, он потерпел военное и моральное поражение от Аттала, настроил против себя и Рим, и греческий мир. Прошлые относительно успешные действия царя Вифинии на международной арене были забыты, и к концу его правления резко обострились внутренние проблемы страны⁹⁹. Немаловажной составной частью кризисных явлений, сопровождавших последние годы жизни Прусия, оказалась его непоследовательность в отношениях с греками, которая с известной долей гипотетичности может быть прослежена как на материале внешней политики, о чем уже говорилось выше, так и во внутривосточной жизни страны.

В финале государственной деятельности Прусия наряду со ставшими общепринятыми для династии филэллинистическими идеями и мероприятиями проходила довольно сильная тенденция противоположного толка, связанная с опорой на старую вифинскую аристократию¹⁰⁰.

⁹⁹ Косвенные данные позволяют предполагать ухудшение экономического положения Вифинии в последние годы правления Прусия II. Возможно, именно этим обстоятельством объясняется стремление царя снизить размеры контрибуции, которую он должен был выплатить Атталу. О том же свидетельствуют и данные нумизматики: монеты Прусия II отличаются в целом невысоким качеством (*Reinach Th. Essai sur le numismatique... P. 235*), а находки их в кладах довольно немногочисленны (IGCH. № 971, 1432, 1453; *Schönert-Geiss E. Bithynien. № 264*; *Kroll J. H. The Athenian Agora. Vol. XXVI. The Greek Coins. Princeton, 1993. № 861–862*). Источники единодушно подчеркивают непопулярность Прусия в Вифинии (*Polyb., XXXVI, 7, 2; 7; App., Mithr., 4, 5, 7; Diod., XXXII, 19; Zonar., IX, 28*).

¹⁰⁰ См., например, о лицах, носивших типично фрако-вифинские имена (*Διυτίποριυ .οκίπραζιος, Διυτίποριυ Διλιπόριυ* — OGIS 341; *Olshausen E. Prosopographie... № 174–175*), которые, видимо, входили в состав непосредственного окружения Прусия. Относительно других вифинских царей мы не располагаем подобными данными. Ср. с интерпретацией появления иранско-малоазийских имен Найман и Махес в посвящении храму Юпитера Наилучшего и Высочайшего (OGIS 375; CIL I² 730 = CIL VI 30922a), сделанном современником Прусия II Митридатом IV Понтийским. С. Ю. Сапрыкин не без оснований полагает, что этот факт свидетельствует об опоре Митридата не только на греческие полисы, но и на высшие слои населения всей северной Анатолии, в том числе и туземного (*Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 89*).

В истории правления других представителей вифинского царского дома, начиная с Никомеда I, подобные явления не обнаруживались¹⁰¹; в последние же годы пребывания у власти Прусия II они, кажется, преобладали в его действиях.

Усиление «фрако-вифинского традиционализма» особенно ярко проявилось после женитьбы Прусия на дочери Диэгила, царя фракийского племени кенов (App., Mithr., 6)¹⁰². Диодор наделяет Диэгила всеми характерными чертами фракийского варвара — чрезвычайной жестокостью, грубостью, воинственностью (Diod., XXXIII, 14; XXXIV, 12). Царь кенов враждовал с Атталом и даже вел с ним войну из-за владений Пергама во Фракии, в ходе которой был жестоко разграблен город Лисимахия (Diod., XXXIII, 14; Strabo, XIII, 4, 2; Trog. Proleg., 36)¹⁰³. Общность политических интересов, без сомнения, способствовала сближению Диэгила с Прусием; не исключено даже, что утверждение на европейском и азиатском берегу Пропонтиды двух враждебных Пергаму правителей имело своей целью получить контроль над проливами. Но наиболее значительным событием, влияющим на положение дел в Вифинии и грозящим в перспективе ухудшением положения филиппински ориентированных слоев населения страны, была попытка Прусия II передать право на престол в обход старшего сына, Никомеда, кому-то из детей от второго брака, то есть от дочери

¹⁰¹ Не исключено, что отсутствие информации об этом связано только с бедностью источниковой базы. Априорно можно предположить, что Прусий I при проведении своей экспансионистской политики тоже делал ставку на воинственную фрако-вифинскую знать; однако достигнутые им в целом благоприятные для страны результаты (несмотря на поражение от Эвмена) открывали широкие возможности для компромисса между различными этническими и социальными группами.

¹⁰² Логично предположить, что это брак был заключен вскоре после победы Рима в Третьей Македонской войне, когда Прусий счел нужным дистанцироваться от Персея, для чего он мог развестись с его сестрой (Габелко О. Л. К династической истории... С. 213).

¹⁰³ См. о Диэгиле: Попов Д. Диэгилис // КЕТД. С. 82; Тачева М. История на българските земи в древността. Ч. II. София, 1987. С. 60–61. О фракийской кампании Аттала см.: Habicht Ch. The Seleucids... P. 375. М. Тачева не исключает вероятности того, что Диэгил, ведя войну против Аттала, пользовался прямой военной поддержкой Прусия (Тачева М. Указ. соч. С. 61), хотя ввиду испытываемых вифинским царем затруднений это кажется маловероятным.

Диэгила (Just., XXXIV, 4, 1)¹⁰⁴. Столь резкое изменение династической политики явно не встретило понимания у вифинцев, чьими симпатиями пользовался Никомед (App., Mithr., 4)¹⁰⁵. Наконец, в детальном описании всех присущих Прусию пороков содержится указание на то, что вифинский царь был совершенно чужд философии и просвещения (Polyb., XXXVII, 7, 5), и это, естественно, могло настроить против него как греческое население Вифинии, так и ту часть вифинского общества, которая уже глубоко усвоила греческую культуру и образ жизни.

Ограниченность такой политики выявилась в 149 г., когда переворот, предпринятый царевичем Никомедом и поддержанный Атталом, лишил Прусия II трона и жизни.

Наиболее подробные сведения о нем сообщает Аппиан. Согласно его рассказу, Прусий отправил Никомеда в Рим, намереваясь добиться отмены выплаты остальной суммы денег, которую он был должен Атталу (App., Mithr., 4). Эти действия царя были опрометчивыми. Он, очевидно, уже не доверял Никомеду, поскольку назначил его спутником некоего Менаса, получившего приказ убить принца, если его миссия потерпит неудачу (App., Mithr., 4)¹⁰⁶; однако Прусий не учел, что в Риме Никомед будет недосягаем для него, а потому его план по устранению старшего сына и передачи власти кому-то из детей от второго брака (Прусия «Однозубому»?) был обречен на неудачу.

Добиться отмены контрибуции Никомеду не удалось, так как пергамский посол Андроник представил весомые контраргументы: ущерб, причиненный Атталу в ходе войны, был больше причитавшейся ему суммы (App., Mithr., 4)¹⁰⁷. Тем не менее Менас склонил принца к выступлению против отца, заручившись при этом поддержкой Андроника. Сагитировав на мятеж две тысячи вифинских солдат и присоединив к ним пятьсот воинов Андроника, Ни-

¹⁰⁴ См. подробнее об этих событиях: Габелко О. Л. Некоторые особенности... С. 169; Он же. К династической истории... С. 213. Вероятнее всего, этим наследником должен был стать Прусий (III), вошедший в историю под экзотическим прозвищем «Однозубый» (Μονόδους).

¹⁰⁵ Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 83.

¹⁰⁶ Об этом лице см.: Olshausen E. Μήνας // RE. 1970. Supplbd. XII. Sp. 862–863.

¹⁰⁷ Возможно, здесь сыграла свою роль и твердая позиция Катона и его сторонников, отклонивших просьбу Прусия (см. ниже, с. 329).

комед со своими сторонниками отправился из Италии в Эпир, а затем в Пергам, где получил безоговорочную поддержку со стороны Аттала (App., Mithr., 6; Just., XXXI, 4, 1–2; Zonar., IX, 28, 1)¹⁰⁸.

Развитие событий не сразу привело к вооруженному столкновению: первоначально Аттал предложил Пруссию выделить для Никомеда часть территории Вифинии, но получил отказ (App., Mithr., 6)¹⁰⁹. Прусий попытался апеллировать к римлянам, но безуспешно: сначала его посольство в течение длительного времени не было допущено в сенат из-за происков городского претора, а затем, когда война уже началась, в Вифинию было отправлено посольство, которое не могло выполнить возложенную на него миссию из-за своеобразного «подбора» его участников, что вызвало едкие насмешки Катона (Polyb., XXXVII, 6, 1–5; App., Mithr., 6; Diod., XXXII, 20; Plut., Cato Mai., 9; Liv. Per., 50)¹¹⁰.

¹⁰⁸ Это обстоятельство трактуется Страбоном как указание на основную роль Аттала в заговоре Никомеда (Strabo, XIII, 4, 2). Помимо пергамского царя, какую-то помощь (финансовую либо дипломатическую) Никомеду мог оказать и нумидийский царь Массиниса, с которым царевич познакомился во время своего пребывания в Риме: в одной делосской надписи он восхваляется Никомедом за патρική ἀρετή καὶ εὐνοία (IDelos 1557; *Habicht Ch. Prusias* (2). Sp. 1123; *Idem. The Selucids...* P. 375. Note 187).

¹⁰⁹ Комментарий этого эпизода с юридической точки зрения: *Ritter H.-W. Diadem und Königsherrschaft. Untersuchungen zu Zeremonien und Rechtsgrundlagen der Herrschaftsantritts bei den Persern, bei Alexander dem Großen und im Hellenismus. München, 1965. S. 162; Габелко О. Л. Некоторые особенности... С. 169–170. Прим. 12. Й. Хопп оспаривает надежность данного сообщения, поскольку, исходя из логики событий, Аттал и Никомед должны были стремиться к окончательному устранению Пруссия (*Hopp J. Untersuchungen...* S. 89. Anm. 160).*

¹¹⁰ Кажется, в этих событиях инициатива была в руках противников Пруссия в сенате. Должность *praetor urbanus* в 149 г., возможно, исполнял П. Корнелий Лентул, который в 156 г. докладывал сенаторам об агрессии Пруссия против Пергама (*Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. N. Y., 1951. P. 458; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 86. Note 1. В состав отправленного в Вифинию посольства входили М. Лициний, А. Манцин и Л. Манлий Вульсон (Polyb., XXXVII, 6, 2; последний из них назван у Полибия Л. Маллеолом, но верное имя его приведено в Liv. Epit., Охуг. 50 (Habicht Ch. Prusias (2). Sp. 1121). Всех их Дж. Бриско считает членами Фульвианской группировки (Briscoe J. Eastern Policy... P. 66).*

Остается неизвестным, как разделились мнения в сенате относительно вмешательства в этот конфликт; во всяком случае, вряд ли можно с уверенностью утверждать, что большинство сенаторов, и в том числе Катон, желали оказать поддержку Прусию, который был потерпевшей стороной¹¹¹. Чрезвычайно вялая реакция римлян свидетельствует скорее об обратном¹¹²; что же касается Катона, то брошенная им реплика едва ли проявляет его отношения к вифинским событиям. Кроме того, сенат был в это время занят гораздо более важным делом — подготовкой войны с Карфагеном¹¹³. Так или иначе, услышав от вифинцев, подстрекаемых Атталом и Никомедом, о нежелании иметь царем Прусия, посольство вернулось в Рим (App., Mithr., 7).

О каких-либо столкновениях армии Аттала с вифинскими войсками Аппиан ничего не сообщает; по его словам, вифинцы по мере приближения пергамцев мало-помалу переходили на сторону Никомеда и Аттала (App., Mithr., 6). Помимо неприязни к Прусию, их могла подталкивать к этому и поддержка, полученная Никомедом от оракула из Дидимейона (Ps.-Scymn., 55 = GGM I. P. 197)¹¹⁴.

Мы располагаем очень запутанным сообщением Суды о войне Аттала против какого-то Νικομήδης Μονόδου, завершившейся вмешательством римлян и сохранением власти последнего (Suid., s. v. Ἀπολλωνιάς λίμνη). Наряду с уже предпринимавшимися попытками объяснить эту фразу¹¹⁵ может быть выдвинута и еще

¹¹¹ Astin E. Cato the Censor. P. 271–272.

¹¹² Briscoe J. Eastern Policy... P. 62.

¹¹³ Astin E. Cato the Censor. P. 125.

¹¹⁴ Искаженная информация об этом оракуле передана Зосимом (II, 36), который сообщает об обстоятельствах его получения (Νικομήδην τὸν Προυσίου... πόλεμον ἄρασθαι πρὸς τὸν πατέρα Προυσίαν, Ἀττάλῳ πεῖθόμενον), приводя текст «прорицания Фаэннис», в действительности данного Никомеду I калхедонским святилищем Аполлона Хрестерия (см.: гл. III, § 1). Вероятно, по ошибке Зосим соединил воедино два различных оракула: 1) данный Никомеду I; 2) Аполлона Дидимского — Никомеду II. Об обстоятельствах получения последнего см.: Fontenrose J. Didyma. Apollo's Oracle, Cult and Companions. Berkeley; Los-Angeles; London, 1987. № 16. P. 191–192.

¹¹⁵ Прежде всего, необходимо отметить, что речь здесь идет именно об Аттале II, а не III (Büttner-Wobst Th. Attalos II und Nikomedes Monodus // Klio. Bd. V. 1905. S. 103). Х. Хабихт думает, что здесь едва ли

одна версия. Сын Прусия от второго брака, Прусий по прозвищу Μονόδους (Liv. Per., 50; Val. Max., I, 8; Plin. NH, VII, 69; Solin., I, 70), — а не Никомед, как у Суды, где спутаны имена двух сыновей Прусия II, — выступил в поддержку своего отца, обещавшего передать ему власть¹¹⁶. Упоминание о сохранении ἀρχή «Никомеда» объяснить довольно трудно¹¹⁷, но то, что Прусий «Однозубый» имел все основания быть сторонником своего отца, вполне закономерно: ведь именно ему Прусий II в соответствии со своими «панфракийскими» устремлениями отводил ведущую роль в государстве. Наконец, оказал помощь своему зятю Диэгил, приславший Прусию пятьсот воинов (App., Mithr., 6).

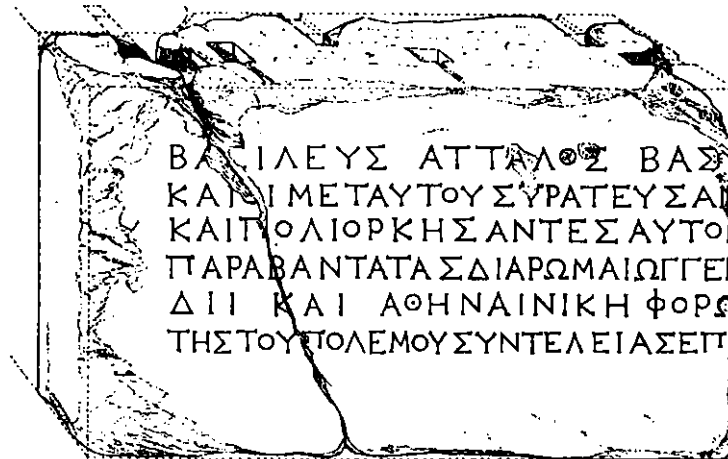
Никомед и Аттал во главе пергамских войск все же не встретили в Вифинии серьезного сопротивления. Прусий с верными ему фракийскими наемниками сначала обосновался в акрополе Никеи, но вскоре был вынужден покинуть город, возможно, из-за враждебности жителей (App., Mithr., 7). Затем он бежал в Никомедию и был осажден там (Ibid.)¹¹⁸. Однако надолго закрепиться в

нимается в виду Прусий III («Однозубый»), поскольку о его ἀρχή ничего не известно (*Habicht Ch. Prusias (2). Sp. 1127*); однако отнюдь не исключено, что Прусий II, находившийся в отчаянной ситуации, уже провозгласил своим наследником сына от второго брака. Дж. Витуччи говорит о возможности более поздней войны между Атталом и Никомедом II (*Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 92*; ср.: *Hansen E. The Attalids... P. 130*; *Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 39. Note 75*; *Canali de Rossi F. Le ambascerie... № 598. P. 549–550*), что представляется маловероятным, поскольку она плохо согласуется с последующей логикой развития ситуации в Малой Азии, а источники хранят на ее счет молчание. П. Хопп вообще отрицает возможность выделить в этом сообщении какое-либо рациональное зерно (*Hopp J. Untersuchungen... S. 91–92*).

¹¹⁶ К этому времени он уже должен был быть совершеннолетним, что с некоторой долей гипотетичности может быть прослежено по источникам. См.: *Габелко О. А. К династической истории... С. 213*.

¹¹⁷ Возможно, автор словаря имел в виду, что Вифиния, несмотря на игогоржение Аттала, не была им подчинена. Смутное указание на какие-то дополнительные меры, предпринятые римлянами в связи с переворотом Никомеда II и направленные против его организаторов (помимо упомянувшегося посольства), можно найти у Зонары: ταῦτα (переворот Никомеда. — О. Г.) ἤρξατο μὲν τοὺς Ῥωμαίους, οὐ μὴν καὶ εἰς πόλεμον ἐξήρθετο (IX, 28).

¹¹⁸ В надписи OGIS 327, ознаменовав победу над своим старым врагом, Аттал обвиняет Прусия в нарушении условий мира 154 г., продиктован-

Фрагмент посвящения Аттала II Зевсу и Афине Никефорос за победу над Прусием II (прорисовка)

столице Пруссию не удалось: горожане открыли ворота пергамцам, и Прусий был убит людьми Никомеда в храме Зевса, где он искал спасения (App., Mithr., 7; Diod., XXXII., 21; Zonar., IX, 28)¹¹⁹. Позиция никейцев и никомедийцев, вероятно, выразила недовольство греков Вифинии своим правителем, преодолеть которое незадачливому царю так и не удалось. Широкие массы вифинцев также не оказали ему реальной поддержки из-за многочисленных политических и военных провалов. В стране воцарился Никомед II, чье правление может рассматриваться как начало нового этапа в вифинской истории.

ных римлянами, что, конечно, не соответствует действительности. Намек на победу над Прусием можно обнаружить и в пергамской надписи в честь жрицы Афины по имени Метриды (IvPergamon I. 16 = OGIS 299), сткк. 7–8: μέγιστα εὐμερήματα γέγονεν τῷ βασιλεῖ, ἐξ ὧν τὰ μέγιστ' ἀγαθὰ τῷ τε ἡμέτερω δῆμῳ καὶ τοῖς ἄλλοις ἅπασιν περιέγρονεν. Здесь же, возможно, подразумевается и успешный исход военной операции Аттала во Фракии против Диегила (Jones C. P. Diodoros Paspalos... P. 188–189; против — Норр J. Untersuchungen... S. 167. Anm. 90).

¹¹⁹ Согласно Помпею Трогу — Юстину, Прусий в течение какого-то времени жил в Никомедии как частное лицо и был убит не сразу (Just., XXXIV, 4, 4–5). Неясно, где Прусий был похоронен. См. подробнее гл. V, § 2.

Подведем краткие итоги. Прусий II является, пожалуй, наиболее сложной фигурой из всех царей Вифинии. Его беспринципная политика, строившаяся целиком на стремлении к выгоде любой ценой¹²⁰, не смогла оправдать себя. И все же следует ли отсюда, что I Прусий целиком и полностью заслуживает тех уничижительных характеристик в свой адрес, на которые не скупятся как древние, так и современные историки?

Прежде всего, не подлежит сомнению, что Прусий был хорошим дипломатом. В начале своего царствования он сумел «усынить бдительность» основного соперника своего отца Эвмена II и добиться дипломатическим путем частичного восстановления позиций Вифинии — возвращения Тиоса. В дальнейшем он тщательно и целенаправленно готовил почву для агрессии против Пергама, вражду с которым по-прежнему следует считать лейтмотивом вифинской внешней политики.

Здесь дипломатия вифинского царя вновь сыграла неоценимую роль. Тонко используя стремление римлян ослабить Пергам и одновременно приобретая себе сторонников в Малой Азии он, как представляется, добился максимально благоприятной для себя расстановки сил, но в дальнейшем не смог в полной мере воспользоваться ею и потерпел неудачу.

Отношения Прусуся с Римом, выставляющие в неприглядном свете всю его политическую деятельность из-за шокирующих современное общественное мнение «методов воздействия» на сенат, тем не менее до определенного времени приносили вифинскому царю значительные выгоды. В решающий же момент военного противостояния с Пергамом он далеко не сразу подчинился требованиям сената и даже не побоялся открыто выступить против римских послов. Независимо от того, стоят ли за этими его действиями политическая воля и расчет или простая импульсивность, они вполне определенно иллюстрируют тезис А. Шервин-Уайта: анатолийские цари (и Прусий II в том числе) после Пидны отнюдь не стали простыми марионетками Рима¹²¹. Трудно оспорить и другое мнение: «Зависимый царь такого рода (как Прусий II. — О. Г.) не представлял большой ценности для Рима»¹²², очевидно, именно потому, что он был недостаточно зависим и управляем!

¹²⁰ Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 89.

¹²¹ Sherwin-White A. N. Roman Involvement... P. 62–64.

¹²² Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 317.

Взаимоотношения Пруссия с греческим миром также зачастую оцениваются в историографии односторонне. Так, Д. Маги и в этой области деятельности Пруссия не находит ничего положительного; по его мнению, «этот недостойный монарх не представлял интереса для греческой цивилизации»¹²³. Однако история правления Пруссия II довольно богата упоминаниями о его дипломатических акциях в отношении эллинских культовых центров и о стремлении выступать благодетелем общегреческих святилищ и отдельных полисов, в чем он явно превзошел своего отца. Поэтому более близкой к истине кажется точка зрения Л. Ханнестада, которая не отделяет средства и методы филэллинской политики Пруссия II от аналогичного направления в деятельности Никомедов II, III и IV¹²⁴. Довольно гибкая до определенного времени филэллинская политика Пруссия была направлена на повышение собственного престижа в глазах эллинов и не в меньшей степени на обеспечение поддержки со стороны греческих полисов в решении внутрианатолийских проблем, и в первую очередь — в осуществлении агрессии против Пергама. В силу подчиненности более важным задачам дружественные отношения вифинского царя с эллинами нередко отступали на второй план, если размеры отрицательных последствий в случае их разрыва не превышали практических выгод. В этом смысле политика Пруссия I и Пруссия II имела определенное сходство. Однако действия Пруссия I были гораздо более активными и последовательными, тогда как для его наследника критическим событием стала Вторая Вифинская война, в ходе которой его репутации в греческом мире был нанесен непоправимый ущерб, что могло отчасти способствовать появлению новых тенденций и во внутренней политике Пруссия II — возможно, ужесточению контроля над положением полисов и укреплению позиций старой вифинской аристократии.

В целом, на мой взгляд, не подлежит сомнению, что политика пятого вифинского царя, при всей ее двусмысленности и противоречивости, носила самостоятельный характер и была, как и прежде, направлена на выдвижение Вифинии на лидирующие роли в регионе. Неудача ее объясняется тем, что в условиях усиления

¹²³ *Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 316.* Э. Бэдиан также говорит о «непопулярности» Пруссия у греков (*Badian E. Foreign Clientelae. P. 112. Note 4*).

¹²⁴ *Hannestad L. «This Contributes in no Small Way...» P. 83–89.*

римского контроля за состоянием дел в Малой Азии, сложившихся после разгрома Македонии, правители эллинистического Востока еще не выработали в полной мере эффективных средств ведения внешней политики, позволявших сочетать показную лояльность к Риму с борьбой за достижение собственных целей. В 156 г. Прусий II посчитал, что ему удалось добиться этого; но последовавшие события показали, что он ошибся, и эта ошибка серьезно изменила положение Вифинии в системе международных отношений Средиземноморья при его преемниках.

§ 2. «Мирное» сорокалетие

Обстоятельства, при которых Никомед II занял вифинский престол, не могли не наложить отпечаток на проводимую им политику. При всей одиозности фигуры Прусия II его свержение и убийство собственным сыном было из ряда вон выходящим событием даже в эллинистическом мире, привычном к всякого рода заговорам, переворотам и узурпациям власти; и не случайно Диодор говорит, что Никомед приобрел власть благодаря ἀσέβεισταντῶ φοιῶν (XXXII, 21). Существенным фактором, сразу предопределившим положение Никомеда II, было его сотрудничество с Атталом II, без которого он, по сути, не получил бы царской диадемы, хотя говорить о полном подчинении в этот период вифинской внешней политики устремлениям пергамского царя¹²⁵ было бы, на мой взгляд, чересчур категоричным. Еще более важным оказался тот момент, что в начале своего правления новый вифинский царь должен был проявлять предельную осторожность, опасаясь вызвать недовольство Рима, и без того отрицательно отнесшегося к сопроложившим его воцарение событиям.

В силу этого Никомед, в юности воспитывавшийся в Риме и имевший там много друзей и сторонников, даже и не помышлял о каком-либо отходе от безоговорочной поддержки римских интересов уже после своего окончательного закрепления на престоле¹²⁶. Представляется поэтому вполне оправданным мнение, что включение «вифинского анклава» в число буферных государств, ставших объектом манипуляций Рима, наметилось в 167 г. во время

¹²⁵ Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 91.

¹²⁶ Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 318.

Тетрадрахма Nikephoros II
Эпифана

визита Пруссия II в Рим, но окончательно оформилось только с воцарением последовательного «романофила» Nikephoros II¹²⁷.

Время правления Nikephoros II (149 — ок. 128/7 гг.) стало по своему уникальным периодом в

истории Вифинии: источники донесли до нас сведения лишь об одной (!) попытке этого царя активно участвовать в событиях военно-политической жизни Средиземноморья¹²⁸. Подобное же «самоустранение» Вифинии от активной внешней политики в течение длительного времени сохранялось и при Nikephoros III, попытавшемся изменить такое положение дел лишь в самом конце II в. По этим причинам временной интервал, охватывающий примерно 149—108 гг., может быть выделен в самостоятельный период в политической истории Вифинского царства — период, совсем не богатый яркими и заметными событиями, но по-своему важный и интересный для понимания тех изменений, которое претерпело положение Вифинии в системе эллинистических государств¹²⁹.

Единственное упоминание о внешнеполитической деятельности Nikephoros II связано с поддержкой им римских интересов и относится уже к самому концу его царствования. Бурные перипетии, следовавшие за завещанием Пергамского царства его последним царем Атталом III Риму в 133 г. и вызванным этим восстанием Аристоника, коренным образом изменили политическую ситуацию в Малой Азии¹³⁰. Они показали, что все анатолийские правители стали послушными вассалами Рима: в подавлении выступления

¹²⁷ Liebmann-Frankfort T. La frontière orientale... P. 101–103.

¹²⁸ Мнение Дж. Витуччи о том, что между Nikephoros II и Атталом III произошел какой-то конфликт (*Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 92*), основано на отличном от моего понимании проанализированного выше сообщения Суды и не подтверждается больше никакими источниками.

¹²⁹ М. И. Ростовцев сводит основное содержание внешнеполитического курса Nikephoros II и его преемника к безоговорочной поддержке римских интересов и стремлению выступать защитниками и покровителями эллинизма, но тем не менее он считает возможным увязать это с их стремлением «строго продолжать политику великих царей Вифинии» (*Vol. II. P. 827*).

¹³⁰ Литература о восстании Аристоника поистине необъятна; см.: Климов О. Ю. Царство Пергам. С. 48–52 с основной библиографией.

Аристонику приняли участие, помимо Никомеда, Митридат V Эвергет — царь Понта, Ариарат V Каппадокийский, Пилемен II Пафлагонский (Strabo, XIV, 1, 38; Just., XXXVII, 1, 2; Liv. Per., LIX; Diod., XXXIV–XXXV, 2, 26; Flor., I, 35; Val. Max., III, 2, 12; Front., Strateg., IV, 5, 16; Eutrop., IV, 6; Oros., V, 10). Помимо стремления проявить лояльность к Риму царями могла двигать необходимость не допустить аналогичных волнений в собственных государствах, а также желание поддержать выступившие против Аристонику греческие полисы¹³¹. Последнее обстоятельство могло иметь особое значение для Никомеда, ибо ярко выраженное филэллинство играло в его политике одну из ведущих ролей на всем протяжении его правления. Кроме того, азиатские цари, естественно, не упускали из виду возможность приобрести какие-либо земли, прежде входившие в состав государства Атталидов, но являвшиеся также объектом притязаний со стороны его соседей.

Сообщения источников создают впечатление, что вклад малоазийских монархов в победу над пергамскими мятежниками был оценен римлянами неодинаково, исходя из остающихся для нас неизвестными критериев. Так, к наследникам погибшего в ходе войны Ариарата по решению римлян отошли Ликаония и Киликия, а Митридат Эвергет получил во владение Великую Фригию (Just., XXXVII, 1, 2; XXXVIII, 5, 3; App., Mithr., 12; 57); о каких-либо территориальных дотациях другим сторонам, участвовавшим в подавлении смуты, источники умалчивают. Такой передел земель прежнего царства Атталидов требует объяснения.

Не подлежит сомнению, что римляне оставили за собой только западные и центральные районы Пергамского царства, исходя из их наибольшей эллинизации, высокого уровня экономического развития и возможности в случае необходимости организовать их эффективную защиту¹³². Что же касается малоазийских царей, то сенат мог наградить их как в соответствии с реальным вкладом в

¹³¹ Broughton T. R. S. *Roman Asia // An Economic Survey of Ancient Rome*. Baltimore, 1937. P. 505–507.

¹³² Куликов А. В. *Восточная политика Рима от Гракхов до Цезаря (133–44 гг. до н. э.)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 6–7. Немаловажным фактором, обеспечивавшим безопасность вновь приобретенных владений Рима, служила лояльность соседних царств (Sherwin-White A. N. *Roman Involvement...* P. 69).

ход военных действий, так и руководствуясь сложившимся в высших политических кругах Рима отношением к каждому из этих правителей. Проримская политика Понта до 130 г. и Каппадокии во второй половине II в. не вызывала опасений у сенаторов, и потому цари этих стран не были обделены ими. Отсутствие упоминаний о каких-либо земельных дарах Пафлагонии может быть вызвано тем, что Пилемен II, усыновивший Митридата Эвергета и завещавший ему свое царство (Just., XXXVII, 4, 3–5; XXXVIII, 5, 4–7; 7–10), умер до окончания войны с Аристоником, в период между 133 и 129 гг., и Пафлагония фактически перешла под власть Понта¹³³. Вопрос о том, была ли каким-то образом отмечена союзническая помощь Никомеда, остается открытым.

Наиболее определенно по данному поводу высказался Т. Рейнак: по его мнению, Никомед не получил никаких наград за участие в войне против Аристоники, а эта неблагодарность римлян может быть объяснена все тем же неприятием сенатом узурпации власти и святотатственного убийства Прусия II, приведшими Никомеда на престол¹³⁴. Тем не менее есть основания полагать, что отношение сената к шестому вифинскому царю, занявшему престол столь вызывающим образом, не оставалось неизменным на всем протяжении его довольно продолжительного правления.

Внимательно рассматривая итоги событий, связанных с подавлением восстания Аристоники, некоторые исследователи полагают, будто Никомеду II удалось получить во владение Фригию Эпиктет, поскольку она якобы позднее входила в состав провинции Вифиния и Понт¹³⁵. Однако новейшие исследования показали, что это не так. К Вифинии и Понту относилась лишь небольшая часть Фригии Эпиктет — город Отроя с прилегающим районом, причем такое положение вещей сложилось уже в римское время; большая же часть области отошла к провинции Азия¹³⁶.

Имеются, однако, некоторые основания предположить, что владения Никомеда II были расширены в несколько ином географическом направлении. В городе Милетуполе на реке Риндак была

¹³³ Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 98.

¹³⁴ Reinach Th. Mithridates Eupator... S. 84.

¹³⁵ Meyer Ern. Die Grenzen... S. 156; Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 88. Не исключено, что часть Фригии Эпиктет также отошла к Понту (Olshausen E. Pontos // RE. Spplbd. XV. 1978. Sp. 413).

¹³⁶ Şahin S. Studien über die Probleme... S. 138–140.

обнаружена золотая монета Никомеда II типа «Афина — сова»¹³⁷. Редкость этих изображений среди других вифинских монет, с одной стороны, и, напротив, многочисленные соответствия им в числе других монет из Милетуполя заставляют считать, что данный экземпляр был отчеканен именно в этом городе, который, следовательно, был подчинен Вифинии¹³⁸. Когда это могло произойти?

Милетуполь с конца III в., скорее всего, входил в орбиту влияния пергамских царей¹³⁹. Между тем их господство здесь оспаривалось и вифинскими правителями: У. Лиф полагает, что именно о них наряду с Атталидами идет речь в пассаже Страбона об отправке царями жителей Милетуполя для заселения Гаргар (ἐπίοικους γὰρ οἱ βασιλεῖς εἰσήγαγον ἐκ Μιλητουπόλεως ἐρημώσαντες ἐκεῖνην — XIII, 1, 58)¹⁴⁰. Судя по данным ономастики, фрако-вифинский элемент наряду с мизийским составлял значительную долю местного населения¹⁴¹, которое могло поддерживать вифинских царей, исходя из своей этнической принадлежности. Таким образом, территории в низовьях Риндака, традиционно считающегося границей между Вифинской и Пергамской монархиями¹⁴², могли на какое-то время перейти во владение Никомеда именно после ликвидации государства Атталидов¹⁴³, скорее всего, с санкции римлян. Косвенное подтверждение этому можно обнаружить в сообщении Орозия (VI, 2, 10) о бегстве Митридата из Азии в Милетуполь в конце первой войны с Римом¹⁴⁴: видимо, в это время город не входил в состав римской провинции, а принадлежал Вифинии.

¹³⁷ *Reinach Th.* Essai sur la numismatique... P. 354. № 21; Recueil. № 43.

¹³⁸ *Die Inschriften von Kyzikos...* Т. II. S. 123.

¹³⁹ *Leaf J.* Strabo on Troad. London, 1932. P. 302.

¹⁴⁰ Отметим, что такое же заключение исследователя о переселении царями жителей Дардана в Абидос и обратно (Strabo, XIII, 1, 28) выглядит менее убедительным: едва ли власть вифинских монархов распространялась так далеко на запад. Видимо, здесь подразумеваются только цари Пергама.

¹⁴¹ *Die Inschriften von Kyzikos...* Т. II. S. 102. Anm. 44; S. 121. Anm. 128.

¹⁴² *Meyer Ern.* Die Grenzen... S. 114; *Syme R.* Anatolica. P. 117.

¹⁴³ Ср. с мнением Дж. Витуччи: «Гибель Пергамского царства была для Никомеда единственным шансом за все его чуть более чем двадцатилетнее правление расширить свои владения» (*Vitucci G.* Il regno di Bitinia. P. 94).

¹⁴⁴ См. об этом пассаже: *Die Inschriften von Kyzikos...* Т. II. S. 123–124, где, однако, не сделан вывод о принадлежности города Вифинии.

По моему мнению, для закрепления господства над вновь приобретенными землями в этом районе был основан ряд катойкий, заселенных, судя по сохранившимся в надписях именам, преимущественно вифинцами¹⁴⁵. В пользу такого предположения говорит выявленное недавно существование подобной практики на территории самого Вифинского царства (подробнее см. гл. V).

Вифинский царь тем не менее не был удовлетворен таким исходом событий и пытался добиться большего. Его, очевидно, не устраивало, что римляне передали Великую Фригию Митридату Эвергету. Понтийский царь, видимо, приобрел спорную область за взятку, данную им в 129 г. консулу Манию Аквилию (App., Mithr., 12; 13; 57; Bell. Civ., I, 22; Liv., Per., LXX; Cic., Pro Flacco, 98; De or., II, 124; 188; 194–196)¹⁴⁶. О каких-либо мерах, принятых в этой связи Никомедом II, нам ничего не известно; однако то, что вопрос о Фригии оставался неурегулированным в течение шести лет и вновь обострился уже при его преемнике, заставляет признать явную заинтересованность царей Вифинии в разделе территорий Пергамского государства. Весьма показательны, что Никомед II и его потомки, равно как и другие малоазийские монархи, теперь уже не могли делать ставку в реализации своих притязаний на военную силу. С утверждением рим-

¹⁴⁵ См.: Die Inschriften von Kyzikos... Т. II. Наиболее содержательна надпись № 7 — посвящение Аполлону, где содержится целый ряд имен и патронимиков фрако-вифинского происхождения: Μοκάπορις Βαστακίλου (стк. 3), Ναινα Μοκαπόριδος (стк. 5), Σώφρων Διδιπόρευς (стк. 15), Διδιπόρις Σώφρωνιος (стк. 16), Διλίπορις Ἀπολλωνίου (стк. 22), Μηνᾶς Βαστακίλου (стк. 28). Упомянутый здесь же Ἀρτεμιος Ἀτεπόριος (стк. 10), возможно, был кельтом (Masson O. Thracés et Celtes... P. 1–2). Из перечисленных здесь туземных имен только Λι Βαστακίλας, при его несомненно фракийском происхождении, не встречается в самой Вифинии. См. также: № 20 и 22 где упомянуты катойки Ὀρειτηῶν и Δαυδατηῶν (оба названия — фракийского происхождения); № 23 — надпись в честь атлета Дондалса (это специфически вифинское имя).

¹⁴⁶ По предположению Б. Макгинга, Маний Аквиллий едва ли мог передать Фригию понтийскому царю по собственному усмотрению: он просто придерживался основного направления политики сената, что отнюдь не исключает возможности получения им взятки от Митридата (McGing B. C. Appian, Manius Aquilius, and Phrygia // GRBS. Vol. 21. 1980. P. 40). См. также анализ противоречий в тексте Аппиана: Ballesteros Pastor L. Dos apuntes sobre Manio Aquilio (Cos. 101 A. C.) // Habis. Vol. 30. 1999. P. 135–141.

ского господства в западной Малой Азии цари Понта, Вифинии и Каппадокии должны были все чаще прибегать к дипломатическим акциям, апелляциям к сенату, приданию своим действиям видимости законности, а порой и к подкупу римских должностных лиц.

Иные вехи государственной деятельности Никомеда II вообще не отражены в письменных источниках, а данные эпиграфики и нумизматики лишь отчасти позволяют наметить ее основные направления. Создается впечатление, что в политике этого царя центр тяжести сместился со стремления добиться территориальных приращений к своему государству, являвшегося основным для его предшественников, на желание развивать и поддерживать многообразные связи с греческим миром и проводить филэллинский курс, способствовавший успешному развитию экономики страны. С какими-то внешнеполитическими проблемами может быть связана обнаруженная в критском городе Аксос надпись с упоминанием Никомеда, которая, судя по сохранившимся и поддающимся восстановлению словам «βουθεῖν αὐτοῦς μεθὰ πάσης διὰ μέσων», содержала текст союзного договора Никомеда II с гражданами Аксоса (ICreticae II, V, 21). Связать этот договор с какими бы то ни было конкретными событиями не удастся, но вряд ли его заключение было вызвано прямой необходимостью для Вифинии или для критян отражать какую-либо военную опасность. Вместе с тем заслуживает внимания замечание М. Гвардуччи о том, что ввиду проримской ориентации аксийцев данная акция Никомеда свидетельствует о его верности интересам Рима (Ibid.).

Другие эпиграфические документы фиксируют на карте Средиземноморья новые греческие государства, оказавшиеся затронутыми филэллинской политикой вифинского царя. Ослабление внешнеполитических позиций Пергама при Аттале III (138—133 гг.) и последующее исчезновение с политической карты государства Атталидов, традиционного соперника Вифинии по части покровительства эллинским городам и святилищам, дал филэллинизму Никомеда II мощный стимул к дальнейшему развитию. Следует остановиться на основных свидетельствах тесных связей между Вифинией и греческим миром при Никомеде II (которые, к сожалению, не могут быть датированы с необходимой точностью).

Такова, например, надпись из Пирея, где содержится указание на посвящение царем его матери Апаме святилища (τὸ ἱερόν

ἄστυλον)¹⁴⁷. Не исключено, что данный памятник был перевезен в Пирей из какого-либо малоазийского города¹⁴⁸, но существование тесных контактов Никомеда II с Афинами, остающимися одним из признанных центров эллинской культуры, науки и искусства, выглядит вполне вероятным¹⁴⁹. Свое дальнейшее развитие они получили уже во время правления Никомеда III.

С именем Никомеда II или его сына следует также связать косскую надпись, упоминающую связь отправлявшегося на Косе культа Асклепия с неким царем Никомедом¹⁵⁰. Среди исследователей в течение долгого времени не существовало единства мнения относительно того, к какому именно монарху нужно отнести этот памятник¹⁵¹; в пользу более ранней датировки его свидетельствует, казалось бы, упоминание о существовании дружественных отношений между Вифинией и Косом уже при Никоমেде I, как это следует из письма Зиэла (стк. 9). Однако тщательный палеографический анализ надписи, проведенный С. Шервин-Уайт¹⁵², заставляет признать, что она была создана, видимо, во второй половине II в.

Наконец, текст постановления в честь приенца Дионисия (IvPriene 55) (128/7 г.) свидетельствует о существовании культа Никомеда II в ионийском *κοινόν* (сткк. 11–12). Если какие-то политические связи Вифинии с Приеной сложились уже при Прусии II (см. с. 314), то теперь они приняли новую форму. Характерно, что в этом документе, как и в уже упоминавшихся надписях в честь Массинисы (IDélos 1557) и Апамы, а также и на монетах Никомеда, вместе с именем вифинского царя употреблен эпитет Ἐπιφανής.

Принятие и утверждение этого тронного имени ярко иллюстрируют те изменения, которые претерпела царская власть в Вифинии в рассматриваемый период. Если прозвища Прусия I (Μεμπν.,

¹⁴⁷ Wilhelm A. Eine Inschrift des Königs Epiphanes // JÖAI. Bd. XI. 1908. S. 75–82.

¹⁴⁸ Ibid. S. 81–82.

¹⁴⁹ Ferguson W. S. Hellenistic Athens. London, 1911. P. 301. Характерно, что ранее какие-либо контакты между Афинами и Вифинией не фиксировались (Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 225).

¹⁵⁰ Paton — Hicks. № 35.

¹⁵¹ См. обзор существующих мнений без каких-либо определенных выводов: Habicht Ch. Gottmenschentum... S. 126.

¹⁵² Sherwin-White S. M. Ancient Cos. P. 137.

Ф. 19, 2) и Прусия II (Арр., Митг., 2) не являлись официальными¹⁵³, то при Никоমেде II и его преемниках употребление тронного имени стало неотъемлемой чертой царской титулатуры. Кроме того, дополнительные сведения об эволюции характера вифинской βασιλεία предоставляют особенности проводимой Никомедом II монетной политики. Введение им датировки серебряных тетрадрахм по годам вифинской эры (наиболее ранний пример — дата ΘΜΡ (149 г. виф. эры) на тетрадрахмах отчеканенных после его прихода к власти в 149 г.) показывает стремление этого царя представить свой приход к власти как фактически новое основание династии¹⁵⁴. В этом факте следует видеть его негативное отношение не только к отцу лично¹⁵⁵, но и к тем тенденциям в его политике, которые уже не имели шансов на воплощение в реальной жизни. Именно со времени правления Никомеда II вифинская монархия во всех своих основных чертах следует образцам «классических» эллинистических держав, а наследие фракийской государственной традиции почти теряет свое значение¹⁵⁶.

Никомед II, как было указано, стал выпускать золотые статеры первым (и единственным!) из вифинских царей; их число невелико¹⁵⁷, но сам факт их появления свидетельствует о желании царя поставить себя на один уровень с представителями великих эллинистических династий¹⁵⁸. О высоком престиже Никомеда в греческом мире говорит и сохранение употреблявшихся им монетных типов его преемниками, чему могло способствовать широкое распространение этих монет за пределами государства и их важная роль в международной торговле¹⁵⁹.

¹⁵³ «Народные прозвища» и тронные эпитеты применительно к Селевкидам четко разделяются Э. Бикерманом (*Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 221–223*).

¹⁵⁴ Recueil. P. 217

¹⁵⁵ Во всех надписях, однако, Никомед неизменно употребляет патронимик βασιλέως Προσίου, в отличие от Зиэла, в письме косам не называющего царем своего отца Никомеда I, отказавшего ему в праве на престол (ТАМ IV 1 № 1; *Габелко О. Л. Некоторые особенности... С. 168. Прим. 47*).

¹⁵⁶ См. подробнее: Там же. С. 170–171.

¹⁵⁷ *Reinach Th. Essai sur la numismatique... № 19–21.*

¹⁵⁸ Ibid. P. 352.

¹⁵⁹ *Карышковский П. О. О некоторых вифинских тетрадрахмах 183 г. вифинской эры // ЗОАО. 1960. Т. 1 [34]. С. 329. Монеты Никомеда II*

Вифинский престол после смерти отца занял Никомед III Эвергет¹⁶⁰. Дата его воцарения определяется с достаточной точностью благодаря делосской надписи (SIG 2279 = OGIS 346 = IDelos 1579), в которой Т. Рейнак восстановил слова βασιλέως / Νικομη-
δου Εὐεργέτου βασιλέως Νικομηίδου Ἐπιφανοῦ. Независимо от того, действительно ли прочтение титула «Эвергет» является оправданным¹⁶¹, благодаря упоминанию в тексте надписи имени делосского гимнасиарха Диоскурида можно заключить, что в 127 г. вифинским царем был уже не Никомед Эпифан, а его сын. Новый вифинский монарх, как и его отец, не имел пока альтернативы безоговорочному выполнению римских требований; не удивительно, что два первых десятилетия его правления оставили лишь одно свидетельство о попытке хоть как-то сыграть на противоречиях внутри сената для достижения своих целей.

Эти события стали отголоском аннексии Пергама Римом. Наиболее яркое свидетельство о них дает Авл Геллий: по его свидетельству, Гай Гракх, выступая в 123/122 г. в сенате против lex Aufeia и добиваясь введения новой системы налогообложения в провинции Азия, утверждал, что сторонники принятия этого закона получали деньги от Митридата V, его противники — от Никомеда III¹⁶², а колеблющиеся сенаторы ждали денег как от той, так и от другой стороны (Gellius, XI, 10 = ORF², XII, 41, 1–15). В конце концов сенаторы приняли решение в пользу понтийского царя, что можно объяснить наличием у него обширных дружеских

обнаружены в достаточно больших количествах в десяти кладах на территории Фракии, Малой Азии и даже Закавказья (IGCH № 906, 971, 1336, 1356, 1359, 1376, 1378, 1383, 1745; Kleiner F. S. The Giresun Hoard // ANSMusN. Vol. 19. 1974. P. 7–8). Очевидно, при этом царь вифинская экономика развивалась бурными темпами.

¹⁶⁰ Сам факт правления этого царя был установлен Т. Рейнаком (Reinach Th. L'Histoire par les Monnaies. Essais de numismatique ancienne. Paris, 1902, P. 167–182); до того период его царствования включался в правление Никомеда II.

¹⁶¹ См. обзор мнений: Magie D. Roman Rule... Vol. II. P. 1199. Note 46. В последних работах предпочтение отдается иному прочтению: βασιλέως Νικομηίδου / τοῦ ἐν βασιλέως / Νικομηίδου Ἐπιφανοῦς (Schenkungen. № 189. S. 228).

¹⁶² С. Ю. Сапрыкин ошибочно связывает данный эпизод с деятельностью Никомеда II (Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 99–100), который к тому времени уже умер.

связей в Риме¹⁶³. Великая Фригия стала понтийским владением, но вряд ли возможно представить, будто вифинский царь взирал на это безучастно. Противоречия между Понтийским и Вифинским царствами пока не вышли из рамок дипломатической конфронтации, но они не были ликвидированы и несли в себе причины будущих конфликтов. Вместе с тем трудно избавиться от впечатления, что историческая инициатива в борьбе за преобладание в Малой Азии была Вифинией уже безвозвратно утеряна. Судя по всему, вифинские цари к этому времени утратили возможность использовать в собственных интересах расклад политических сил в Риме. Неизвестно также, удавалось ли в дальнейшем Никомаху III и его преемнику подкупать кого-то из римских политиков, чем с успехом пользовались цари Понта: хотя возможности для этого, несомненно, были, конкретная информация по данному вопросу в источниках отсутствует.

Никомах III в дальнейшем проявил труднообъяснимую пассивность к внутрианатолийским делам даже в тот момент, когда *patres*, обеспокоенные усилением Понтийского царства и воспользовавшись убийством Митридата V в результате заговора (ок. 120 г.) (Strabo, XII, 4, 10; Just., XXXVII, 1, 6), отняли у Понта практически все территориальные приобретения, сделанные этим царем¹⁶⁴. Приоритетным направлением государственной политики Никомаха III в этот период продолжало оставаться традиционное филэллинство. Он стремился укреплять и развивать дружеские контакты с крупными экономическими и культурными центрами греческого мира, следуя в этом отношении своему отцу, и тому существуют многочисленные примеры. Характеристика, данная Никомаху Гранием Лицинианом: «Никомах Эвергет был так назван потому, что делал богатыми нуждающихся и многих привлекал

¹⁶³ Там же. С. 100. Помимо того, наследственные права Митридатидов на эти земли были более весомыми: Великая Фригия была дарована еще Митридату II Селевком Каллиником (Porphyr., FGrH, 260 F. 32, 6 = Euseb., Chron., I, 251. Ed. Schoene). Никомах II в данном случае мог сослаться лишь на притязания Зиэла установить контроль над этой областью, к тому же не увенчавшиеся, видимо, сколько-нибудь значительными успехами.

¹⁶⁴ См. об этих событиях: Ломоури Н. Ю. К истории... С. 75; McGing B. C. The Foreign Policy... P. 68; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 102, 126.

(своими) благодеяниями» (Nicomedes Euergetes qui est ita dictus quod beatus egentes faciebat multosque beneficis alliciebat — *Gran. Lic.*, XXXV, 29, 3–5), подтверждается всей его деятельностью.

В одной делосской надписи (OGIS 342 = IDélos 2038) (ок. 110/109 г.) говорится о строительстве храма Изиды Немезиды, воздвигнутого ὑπὲρ τοῦ δήμου τῶν Ἀθηναίων καὶ ὑπὲρ βασιλείας Νικομήδου. Во второй половине II в. Вифиния, несомненно, имела тесные связи с Делосом, ставшим в это время крупнейшим торговым портом Эгеиды. Подтверждение тому дает обнаруженное на Делосе посвящение никейцу Мелеагру, сыну Эмертомара¹⁶⁵, за его благодеяния (ἀγαθίας ἔνεκεν), сделанное от имени οἱ καταπλέοντες εἰς Βιθυνίαν ἔμποροι καὶ ναύκληροι (OGIS 344 = IDélos 1705). Эта надпись — одно из немногих конкретных указаний на торгово-экономические контакты Вифинского царства. Интерес здесь представляют два момента. Во-первых, это характер объединения купцов и судовладельцев, совершавших плавание в Вифинию. Возможно, это было временное объединение торговцев различного происхождения, объединившихся для воздания почестей своему покровителю¹⁶⁶. Во-вторых, нужно отметить, что связи с Делосом (судя по всему, довольно длительные и интенсивные) осуществлял житель Никеи — полиса, удаленного от моря, но имеющего доступ к морским коммуникациям через Асканийское озеро и Прусиаду-Приморскую (см. гл. I, § 1). Последнее обстоятельство служит указанием на существование в Вифинском царстве довольно развитой транспортной и экономической инфраструктуры.

Не выпала из поля зрения Никомеда Эвергета и Балканская Греция. Ему были воздвигнуты статуи в Аргосе (IG. IV 558) и Эпидавре (IG. IV² 1. 591)¹⁶⁷. Наконец, самым ярким примером благотворительности вифинского царя по отношению к крупнейшим греческим культовым центрам является свидетельство о дарении

¹⁶⁵ Обращает на себя внимание сочетание греческого имени и галатского патронимика чествуемого лица.

¹⁶⁶ Roussel P. *Délos, colonie athénien*. Paris, 1916. P. 88. Note 2; Лопухова О. Б. Делос во II в. до н. э. // *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 1990. С. 244.

¹⁶⁷ См. также анализ этих надписей, проведенный А. Вильгельмом (*Wilhelm A. Eine Inschrift...* S. 77–78). Первая из них может быть датирована временем около 115 г.

дельфийскому полису и святилищу Аполлона им и его супругой царицей Лаодикой тридцати рабов (OGIS 345 = Schenkungen. № 98). Этот декрет датируется 102/101 г.¹⁶⁸

Неудивительно, что подобные действия вифинского монарха встретила горячее одобрение его эллинских современников и даже нашли свое отражение в греческой исторической и литературной традиции. Именно ему, как традиционно считается, посвящен «Перизгесис» псевдо-Скимна (Ps.-Scymn., *Perieg.* = GGM I. P. 196–236)¹⁶⁹. На характеристике этого памятника и особенно на отношении его автора, не являющегося подданным Никомеда¹⁷⁰, к вифинской династии следует остановиться подробнее.

Несомненный интерес представляют следующие детали, несущие информацию о царе Никомеде, которому посвящено произведение: 1) интерес монарха к искусствам и наукам (сткк. 62–53); 2) некая причастность к воцарению отца этого царя святилища Аполлона Дидимского (сткк. 55–57); 3) особое почитание нынешним монархом этого же святилища (сткк. 58–59); 4) возможное обожествление (Θεϊότατε βασιλεῦ Νικόμηδες — стк. 2); 5) хорошие отношения с Римом (сткк. 231–234); 6) симпатии царя Никомеда к династии Атталидов (сткк. 16–18)¹⁷¹. Некоторые из приведенных здесь положений требуют уточнения. Так, у нас нет прямых подтверждений того, что Никомед Эвергет был обожеств-

¹⁶⁸ Daix G. Notes de chronologie delphique: le roi Nicomède III et la reine Laodice // BCH. T. 57. 1933. P. 72–82.

¹⁶⁹ См., например, SEHNW. Vol. II. P. 828; Vol. III. P. 1529. Недавно, однако, была предпринята попытка удревнить эту датировку. Д. Маркот, переводчик и комментатор текста псевдо-Скимна в новом и наиболее полном издании приходит к выводу, что царем Никомедом, которому посвящено произведение, мог быть и Никомед II Эпифан (*Marcotte D. Notice // Les géographes grecs. Tome I. Introduction générale. Pseudo-Scymnos. Circuit de la Terre / Texte établi et traduit par Didier Marcotte. Paris, 2002. P. 1–16*). Однако такая возможность, кажется, должна быть исключена благодаря упоминанию пророчества, полученного отцом царя от оракула Аполлона Дидимского (сткк. 55–57): вряд ли возможно, чтобы здесь имелся в виду свергнутый с престола и убитый своим сыном I Прусий II.

¹⁷⁰ Возможно, это сочинение принадлежит Павсанию из Дамаска (*Хабихт Х. Афины. С. 121*), хотя Д. Маркот предпочитает называть автора «Перизгесиса» анонимом.

¹⁷¹ *Marcotte D. Notice. P. 11.*

лен, тогда как надпись из Приены (см. выше, с. 342) свидетельствует о воздании божественных почестей его отцу Никомеду Эпифану; однако отнюдь не исключено, что и к Эвергету обращение «божественный» могло быть приложено с полным правом. Едва ли строки 231–234 могут быть расценены как указание на существование дружбы царя Никомеда с Римом. Наконец, сложно говорить и о какой-то особой «симпатии» этого монарха к Атталидам; скорее, автор подразумевает определенную преемственность между Никомедом и пергамской династией (ср. сткк. 45–52) по части покровительства эллинской религии и культуре¹⁷². Тем не менее все перечисленные характеристики дают довольно полное и четкое представление о восприятии вифинской династии эллинским миром во 2-й пол. II в.¹⁷³ и о том, что филэллинская деятельность Никомеда III нашла полное признание у греков.

В противоположность многочисленным достижениям Эвергета как монарха-филэллина первые двадцать лет его правления не дали ровным счетом никаких свидетельств о проведении этим царем хотя бы сколько-нибудь заметных внешнеполитических акций. У нас нет особых оснований сомневаться в том, что в эти годы Вифиния была процветающей в экономическом отношении страной, ведущей активную торговлю¹⁷⁴; однако связано ли это напрямую с внешней политикой Никомеда III?

¹⁷² Можно провести параллель между пребыванием при дворе Атталидов известных филологов, философов и историков (сткк. 16–21) и визитом, нанесенным царю Никомеду автором «Периэгесиса» (сткк. 52–54).

¹⁷³ SEHAW. Vol. III. P. 1529. Note 107.

¹⁷⁴ В этом сходятся мнения практически всех исследователей: *Reinach Th.* Mithridates Eupator... S. 84; *Rostovtzeff M. I., Ormerod H. A.* Pontus and its Neighbours. P. 234; SEHAW. Vol. II. P. 828; *Duggan A.* King of Pontus. The Life of Mithridates Eupator. New York, 1959. P. 39; *Kraay C. N., Davis N.* The Hellenistic Kingdoms. P. 262; *McGing B. C.* The Foreign Policy... P. 67–68. До нас дошло большое количество монет Никомеда III (датируемых начиная с 180 г. виф. эры) (IGCH № 971, 973, 1336, 1356, 1383, 1384, 1463, 1745; *Kleiner F. S.* The Giresun Hoard. P. 7–8; *Glew D. G.* The Cappadocian Expedition... P. 29–30). Отдельные оговорки вызывает только известный пассаж Диодора (Diod. XXXVI, 1), свидетельствующий о негативном влиянии на экономику Вифинии со стороны римских публиканов; см.: *Magie D.* Roman Rule... Vol. I. P. 318; *Badian E.* Publicans and Sinners. Private Enterprise in the Service of the Roman Republic. Ithaca; London, 1983. P. 88–89.

В историографии даются различные оценки этого аспекта его государственной деятельности. Одни исследователи полагают, что Никомед оставался верным союзником Рима¹⁷⁵, а это практически исключало для него возможность проведения самостоятельной политики. Другая группа историков считает, что Никомед был энергичным и амбициозным правителем¹⁷⁶ и не исключает в его деятельности мотивов, связанных с недовольством римлянами¹⁷⁷. Очевидно, все аргументы *pro et contra* той или иной точки зрения могут быть получены при рассмотрении первого значительного предприятия Никомеда — предпринятого им совместно с Митридатом VI Понтийским вторжения в Пафлагонию. Эта акция должна расцениваться как начало нового этапа и в вифинской внешней политике, и в истории царства вообще.

§ 3. Μεταξὺ Σκύλλας καὶ Χαρύβδews: Вифиния в борьбе Рима с Понтийским царством

Информацию о событиях, которым суждено было стать прологом к новой странице истории Малой Азии и эллинистического мира в целом, сообщает только Юстин: «Затем Митридат вступил в союз с Никомедом, вторгся в Пафлагонию, победил ее и разделил ее между собой и своим союзником» (XXXVII, 4, 3). Время вифинско-понтийского вторжения в Пафлагонию было определено Т. Рейнаком на основании появления изображения лавровой или пальмовой ветви и так называемого астрагала (трактуемых как символы военной победы) на тетрадрахмах Никомеда Эвергета,

¹⁷⁵ Sands P. C. The Client Princes... P. 198–199; Duggan A. King of Pontus. P. 39; Kraay C. M., Davis N. The Hellenistic Kingdoms. P. 262.

¹⁷⁶ Reinach Th. Mithridates Eupator... S. 84; Rostovtzeff M. I., Ormerod H. A. Pontus and Its Neighbours. P. 234; Glew D. G. The Cappadocian Expedition... P. 23; Молев Е. А. Властитель Понта. С. 54; Смыков Е. В. Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология. Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997. С. 55.

¹⁷⁷ Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 99–102; Lewis M. F. A History of Bithynia... P. 17; McGing B. C. The Foreign Policy... P. 68. Об этом же говорит и Т. Рейнак (Reinach Th. Mithridates Eupator... S. 84), но все приводимые им аргументы следует отнести к Никомеду II (существование Никомеда III тогда еще не было доказано).

датированных 189 г. виф. эры (108/107 гг.)¹⁷⁸. Долгое время это предположение оставалось наиболее авторитетным.

Аргументация, предлагаемая классиком античной нумизматики, требует, однако, более детального рассмотрения. Несомненно, что именно нумизматические материалы дают единственную возможность уточнить время вифинско-понтийской акции в Пафлагонии, однако сами монеты настолько необычны по исполнению (достаточно упомянуть, например, что имя царя в их легенде приведено в форме ΝΙΚΟΜΗΔΟΣ вместо верного ΝΙΚΟΜΗΔΟΥ), что имеются даже основания считать их поддельными¹⁷⁹. Тем не менее Ф. де Каллатай отметил, что вряд ли случайным может быть близкое сходство двух видов монограмм на монетах Никомеда III и Митридата Эвергета на протяжении 106/105–99/98 гг., и начало утверждению этого соответствия почти наверняка было положено совместными действиями двух царей в Пафлагонии¹⁸⁰, которые, впрочем, вполне могли иметь место и годом раньше: унификацию монограмм можно понимать как отражение уже достигнутого успеха¹⁸¹.

¹⁷⁸ *Reinach Th.* L'Histoire par les Monnaies. P. 179–180. Данную датировку разделяет большинство ученых: *Magie D.* Roman Rule... Vol. II. P. 1093; *Ceyer F.* Nikomedes (5). Sp. 2166; *Glew D. G.* The Cappadocian Expedition... P. 24; *Kallet-Marx R. M.* Hegemony to Empire. P. 242; *Ballesteros Pastor L.* Mithridates Eurátor, rey... P. 56. Попытки связать упомянутое Диодором посольство Митридата в Рим (XXXVI, 15, 1) с началом пафлагонской экспедиции и соответственно датировать последнюю 104 г. (*Sherwin-White A. N.* Roman Foreign Policy... P. 134; *Молев Е. А.* Властитель Понта. С. 55; ср.: *Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство. С. 189) малоубедительны.

¹⁷⁹ См.: *Callatay F. de.* L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 77, 266. Можно было бы предположить, что своеобразие этих монет объясняется тем фактом, что они были отчеканены в Пафлагонии, во вновь завоеванных владениях Никомеда, однако они проштампованы теми же штемпелями, что и другие вифинские тетрадрахмы этого времени, битые на собственно вифинских монетных дворах. Тем не менее кажется странным, что помимо этих фальшивых (?) экземпляров до нас не дошло других тетрадрахм Никомеда Эвергета, датированных 189 г. виф. эры: перебивов в их выпусках не зафиксировано вплоть до 104 г. (194 г. виф. эры).

¹⁸⁰ *Ibid.*

¹⁸¹ Такое предположение оставляет достаточно времени для осуществления Никомедом Эвергетом военной экспедиции в Каппадокию; о хронологических выкладках см. ниже, с. 359.

Пафлагонская кампания, разумеется, не была событием, изолированным от основного потока политической истории Анатолии; ей предшествовал целый этап развития международных отношений в Малой Азии и Причерноморье. Хотя Вифиния в силу ряда причин оказалась слабо вовлеченной в этот процесс, здесь необходимо вкратце определить его основные черты.

Его главным содержанием стало постепенное усиление и выход на ведущие позиции в регионе Понтийского царства, возглавляемого последним великим царем эллинистического Востока — Митридатом VI Евпатором. К моменту заключения союза с вифинским царем Митридат уже преуспел в

Митридат VI Евпатор

укреплении собственного господства на берегах Понта, включив в состав своего государства Боспор и Херсонес, ведя активную дипломатическую деятельность с целью подготовки новых завоеваний по всем черноморском бассейне.

Поход в Пафлагонию правомерно расценивается историками как начало новой фазы политики Митридата¹⁸², поскольку он начал откровенно экспансионистские действия в Малой Азии, уже входившей в сферу римского влияния. Но для понтийского царя это предприятие стало лишь очередной ступенью в развитии его экспансионистских планов, тем более что он уже со 116 г.¹⁸³ стремился поставить под свой контроль Каппадокию (Just., XXXVIII, 1, 1) (хотя и не прибегая пока к военной силе, а действуя через своих ставленников — каппадокийского вельможу Гордия и свою сестру Лаодику, вдову прежнего монарха Ариарата VI). Аннексия другого малоазийского государства, раздробленного и малозначительного, к тому же с давних пор служившего объектом притязаний Митридатидов, была поэтому вполне логичным продолжением избранного понтийским владыкой курса.

¹⁸² Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S. 160; Смыков Е. В. Рим и Митридат Евпатор. С. 55

¹⁸³ Дата определена по монетам Ариарата VI (Simonetta B. The Coins of the Cappadocian Kings. P. 30).

Другое дело, Никомед III. Его вторжение на территорию восточного соседа создает яркий контраст с пассивностью, проявляемой им на международной арене в течение предыдущих двадцати лет правления. Не подлежит сомнению, что подобные действия могли быть предприняты им только в союзе с Митридатом и исключительно благодаря этому союзу. Заключение соглашения с понтийским владыкой давало Никомеду шанс активизировать свою политику и добиться территориальных приобретений, тогда как Митридат в случае необходимости мог легко захватить Пафлагонию самостоятельно¹⁸⁴. Вероятно, вифинско-понтийский блок, на короткое время ставший ведущей силой на малоазийском полуострове, был создан главным образом благодаря усилиям Митридата¹⁸⁵. Евпатору, несомненно, было выгодно приобрести такого союзника, как Никомед Эвергет. Стратегически важное положение Вифинии у входа в Понт Эвксинский позволяло понтийскому монарху рассчитывать закрепиться в этом ключевом пункте¹⁸⁶.

В пользу этого свидетельствует и предпринятая Евпатором незадолго до вторжения в Пафлагонию (вероятно, в 108 или 107 г.¹⁸⁷) тайная поездка по провинции Азия и Вифинии (Just., XXXVII, 3, 4). В ходе ее понтийский царь ознакомился с положением дел в римских владениях и в государстве, которое он рассматривал как своего потенциального партнера. Обращает на себя внимание фраза Юстина, что Митридат «...точно уже был владыкой ее (Вифинии)». Эти слова могут означать (помимо разработки военно-стратегических планов в отношении Вифинии — «...наметил удобные места для будущих побед») наличие в Вифинии определенных кругов,

¹⁸⁴ Sullivan R. D. Near Eastern Royalty... P. 31.

¹⁸⁵ В источниках отсутствуют прямые указания на это, но некоторые исследователи именно Митридату склонны приписывать инициативу в заключении союза с Вифинией (Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 99; McGing B. C. The Foreign Policy... P. 67–68; Молев Е. А. Властитель Понта. С. 55; Смыков Е. В. Рим и Митридат Евпатор. С. 55), не акцентируя, впрочем, на этом особого внимания.

¹⁸⁶ Ballesteros Pastor L. Mitridates Eupátor, el ultimo re los grandes monarcas hellenísticos // DHA. T. 20. № 2. 1994. P. 126; Биттнер А. Выбор между Сциллой и Харибдой: Гераклея Понтийская в борьбе Рима с Митридатом VI // Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 1998. С. 239.

¹⁸⁷ Callataÿ F. de. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 265.

настроенных промитридатовски, тех, на чью поддержку в дальнейшем опирался царь Понта в организации переворотов и военных походов в соседнюю страну¹⁸⁸.

Трудно с уверенностью утверждать, что при заключении союза с Никомедом Митридат уже четко представлял свои будущие действия: сначала в союзе с вифинским царем подчинить Пафлагонию, Галатию и Каппадокию, затем овладеть землями своего союзника и тем самым во всеоружии подготовиться к неминуемому столкновению с Римом¹⁸⁹. Несомненно другое: подобные планы едва ли мог вынашивать Никомед III. Его политика в Пафлагонии была во многом инспирирована Митридатом, и пока что он стремился к осуществлению частных целей, не идущих ни в какое сравнение с замыслами понтийского владыки.

Итак, Пафлагония была разделена между Вифинией и Понтом на условиях, остающихся не вполне ясными. О владениях Митридата в Пафлагонии сообщает Страбон (XII, 3, 1; 9; 40)¹⁹⁰, тогда как о территориальных приращениях Вифинии ничего не говорится. Это обстоятельство породило мнение о большей доле Евпатора при разделе подчиненных земель¹⁹¹, хотя дальнейший ход событий (и, прежде всего, сохранение пафлагонского престола за сыном Никомеда) будто бы свидетельствует о более прочных позициях вифинского царя в захваченной стране¹⁹². Наиболее детально данная

¹⁸⁸ О стремлении Митридата приобрести популярность у населения Вифинии свидетельствует мягкое отношение, проявляемое им к пленным вифинцам в начале первой войны с Римом (App., Mithr., 18; 19). Об этом аспекте митридатовской пропаганды см.: *Glew D. G. The Selling of the King. A Note on Mithridates Eupator's Propaganda // Hermes. Bd. CV. 1977. P. 254.*

¹⁸⁹ *Молев Е. А. Властитель Понта. С. 54–55. Против — Glew D. G. Mithridates Eupator and Rome: A Study of the Background of the First Mithridatic War // Athenaeum. Vol. LV. 1977. P. 390: вступая в Пафлагонию, Митридат «не рассматривал свою акцию как первый шаг к созданию великой империи в Малой Азии». Скорее всего, на тот момент понтийский царь действительно еще не мог точно представлять своих будущих действий.*

¹⁹⁰ *К. Штробель* показал, что эти сведения не следует принимать буквально (*Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S. 163–164.*)

¹⁹¹ *Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 99; Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 197; Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 105.*

¹⁹² *McGing B. C. The Foreign Policy... P. 68; Смыков Е. В. Рим и Митридат Евпатор. С. 56–57.*

проблема была проанализирована К. Штробелем, установившим, что Митридат приобрел в 108/107 г. область Гангры (господство над которой было подкреплено завещанием Пилемена II Митридату V Эвергету), а внутренние районы западной Пафлагонии, локализуемые Страбоном между Вифинией и Понтом (Тимонитида, область Газаторикса, Мармолитида, Санисена и Потамия), отошли к Никомеду¹⁹³. Думается, такое территориальное разделение, равно как и последующее сохранение пафлагонского престола за сыном Никомеда, было заранее оговорено понтийским и вифинским монархами. Вифиния имела притязания на земли западной Пафлагонии еще со времени правления Зиэла и не отказывалась от них и в дальнейшем. Возведение сына Никомеда на престол Пафлагонии, видимо,нисколько не встревожило Митридата, т. к. никаких трений между ним и Никомедом по пафлагонскому вопросу не возникло¹⁹⁴.

Следует подчеркнуть, что момент для вторжения в Пафлагонию был выбран исключительно удачно: римляне, узнав об этом нарушении *status quo* в Малой Азии, не смогли принять никаких действенных шагов по его восстановлению, будучи отвлечены многочисленными и серьезными проблемами на западе¹⁹⁵. Получив известия о событиях в Пафлагонии¹⁹⁶, сенат ограничился лишь от-

¹⁹³ Strobel K. Galatien... S. 41–51; *Idem.* Mithridates VI von Pontos. S. 160.

¹⁹⁴ Возможно, в обмен на определенные уступки в Пафлагонии по предварительно достигнутому между царями соглашению Митридату предоставлялась свобода действий в Каппадокии — стране, господства над которой издавна добивались понтийские цари. Вифиния же, если не считать малонизвестных нам предприятий Зиэла (*Steph. Byz.*, s. v. Ζῆλα), никогда всерьез на Каппадокию не претендовала и даже не имела с ней общей границы.

¹⁹⁵ В 110–106 гг. римляне вели войну с Югуртой в Нумидии, отражали с тяжелыми потерями вторжение кимвров и тевтонов, подавляли восстание вольков тектосагов. См.: *Glew D. C.* Mithridates Eupator and Rome. P. 386–387; *Strobel K.* Mithridates VI von Pontos. S. 160–161.

¹⁹⁶ Возможно, его доставили в Рим изгнанные из страны династы (*Olshausen E.* Pontos // *RE.* Spplbd. XV. 1978. Sp. 423; *Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство. С. 189). О ликвидации их власти могут свидетельствовать бронзовые монеты какого-то царя Пилемена, перечеканенные Митридатом (*Callataÿ F. de.* Certaines bronzes du roi Pylémene de Paphlagonie probablement contremarqués par Mithridate Eupator // *GNS.* T. 32. 1988. P. 34–37), хотя возможна и иная их интерпретация (см. далее, прим. 284).

призывкой послов к Митридату и Никомеду с требованием «вернуть природу пафлагонскому его прежнее положение» (Just., XXXVII, 4, 4)¹⁹⁷. Но ни Митридат, ни Никомед не собирались лишаться достигнутого. Если понтийский царь апеллировал к наследственному праву на господство в Пафлагонии, которое якобы перешло к нему от отца (XXXVII, 4, 5; XXXVIII, 5, 4–6; 7–10), то Никомед поступил иначе. Он заявил, что «возвращает доставшуюся ему часть Пафлагонии законному царю», и назвал одного из своих сыновей Пилеменом — династическим именем пафлагонских царей, с помощью чего удерживал за собой власть в стране (Just., XXXVII, 4, 7–9)¹⁹⁸.

Такие действия Никомеда К. Штробель считает причиной конфликта между понтийским и вифинским царями, обостренным экспансионистской, направленной против Понта политикой вифинца¹⁹⁹. Едва ли это так. Прежде всего, фраза Юстина: *quasi utrisi regiae redidisset regnum, falso pomine tenet* (XXXVII, 4, 8) вряд ли может быть расценена как указание на стремление Никомеда добиться власти над всей Пафлагонией, включая владения Митридата. Несомненно, что пафлагонская кампания, осуществляемая единственным совместно осуществленным (и заранее спланированным!) предприятием вифинского и понтийского царей, была продумана ими в деталях. Такой очевидный шаг принимая, как отправка посольств с требованием очистить Пафла-

¹⁹⁷ Правы те исследователи, которые оценивают эту меру как либеральную, поскольку пафлагонские события не слишком встревожили римлян (Glew D. G. Mithridates Eupator and Rome. P. 387; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 189). Сенат продолжал считать Никомеда своим союзником, т. к. Гай Марий в 104 г. обратился к вифинскому царю за военной помощью (Kallet-Marx R. M. Hegemony to Empire. P. 243). Напротив, предположения о прямой военной угрозе Вифинии и Понту со стороны Рима (на основании фразы Юстина: «...не испугавшись угроз...» (XXXVIII, 4, 5) (Молев Е. А. Властитель Понта. С. 55) или даже о готовности сената создать против них обширную коалицию, включавшую Фодос, Сирию, Египет и Кирену (Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 101. Note 3; ср.: Liebmann-Frankfort T. La frontiere orientale... P. 153–154) хотя ослотно необоснованны, поскольку они никак не вяжутся с дальнейшим решением сената.

¹⁹⁸ Эти действия вифинского царя расцениваются как хитрые и наглые (Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 197).

¹⁹⁹ Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S. 163.

гонию, тоже был предусмотрен Никомедом и Митридатом а следовательно, предпринятые ими обоими контрмеры не должны были вызвать взаимного недовольства. Не вполне понятно, связана ли с пафлагонским вопросом отправка Митридатом в Рим посольства, пытавшегося добиться осуществления возложенных на него задач с помощью взяток сенаторам (Diod., XXXVI, 15, 1), однако показателен тот факт, что Митридат продолжил политику экспансии, захватив Галатию (Just., XXXVII, 4, 6)²⁰⁰, что было бы для него затруднительным в случае натянутых отношений с Никомедом²⁰¹. Приводимая ссылка на пассаж Диодора о предоставлении Никомедом военной помощи римлянам в 103 г. (XXXVI, 8, 1), предпринятом якобы с целью заручиться их поддержкой ввиду нарастающей конфронтации с Митридатом, также неубедительна, поскольку действия Никомеда необходимо соотнести с несколько иным хронологическим и событийным контекстом.

Более вероятно, что, причиной разногласий между Митридатом и Никомедом послужило одно из следующих событий: 1) аннексия понтийским монархом Галатии, ущемившая интересы Никомеда (если она была предпринята без его участия или санкции) — в этом случае ответственность за разрыв альянса ложится на Митридата; либо 2) внешне ничем не спровоцированная агрессия Никомеда в Каппадокии, которая до того времени являлась, безусловно, объектом манипуляций понтийских правителей. Если верно последнее предположение, то эту акцию Никомеда можно считать единственным значительным шагом царя, предпринятым им действительно самостоятельно.

²⁰⁰ К. Штробель вообще отвергает сообщение Юстина об аннексии Галатии Митридатом (*Strobel K. Mithridates VI von Pontus. S. 168–169*), что кажется недостаточно обоснованным.

²⁰¹ В отдельных работах говорится даже о совместной экспедиции в Галатию Митридата и Никомеда (*Reinach Th. Mithridates Eupator... S. 92; Duggan A. King of Pontus. The Life of Mithridates Eupator. New York, 1959. P. 42* (с неверной хронологией и деталями событий); см., однако: *McGing B. C. The Foreign Policy... P. 71; Ballesteros Pastor L. Mithridates Eupator, rey... P. 58. Против — Olshausen E. Rom und Mithridates Eupator // ANRW. Bd. I. T. 1. 1972. S. 811. Так или иначе, Никомед, начиная вторжение в Каппадокию, должен был иметь «коридор» через Галатию, что дает основания предполагать установление им контроля над западными районами этой страны.*

Каппадокия, как уже отмечалось, давно и прочно входила в орбиту понтийской политики²⁰². Позиции Митридата здесь были достаточно сильны благодаря поддержке, оказываемой ему знатным придворным Гордием и его собственной сестрой Лаодикой — опекуной малолетнего Ариарата VII. Гордий был прямо причастен к убийству Ариарата VI. Юстин сообщает, что Митридат пытался уничтожить также его детей и уже обдумывал это дело (XXXVII, 1, 2), что косвенно свидетельствует о его намерении окончательно прибрать к рукам Каппадокию, возможно, в соответствии с соглашением между ним и Никомедом. Однако события приняли неожиданный оборот: вифинский царь сам вторгся в Каппадокию во главе своего войска (XXXVIII, 1, 2). Не исключено, что он воспользовался временным удалением Митридата в какую-либо отдаленную область его царства²⁰³, хотя прямых сведений об этом нет.

Эти события стали предметом тщательного анализа американского ученого Д. Глью²⁰⁴, многие положения которого кажутся весьма убедительными. Но в том, что касается мотивов и предлогов предпринятой Никомедом военно-политической операции, я склонен выдвинуть иную версию. Согласно Д. Глью, Никомед III, подобно Атталу II Пергамскому в 157 г. (Polyb., XXXII, 22, 8) и Митридату V (App., Mithr., 10), вошел с войском в Каппадокию для предотвращения или прекращения каких-то внутренних смут, действуя как «правопреемник» Атталидов²⁰⁵. Однако, как отмечает сам исследователь, достоверной информации о возобновлении раздоров в Каппадокии в это время не существует²⁰⁶, а

²⁰² Вторжение в Каппадокию «как в чужую страну» совершил еще Митридат V Эвергет (App., Mithr., 10). О мотивах его действий см.: Glew D. G. Mithridates Eupator and Rome. P. 382–385.

²⁰³ Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 105.

²⁰⁴ Glew D. G. The Cappadocian Expedition... P. 23–55.

²⁰⁵ Ibid. P. 27–28.

²⁰⁶ Дж. Витуччи говорит о «кризисе отношений между населением страны и правительством регентши» (Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 103), но ничем не подтверждает своего мнения. Приводимый Д. Глью аргумент, связанный с тем, что в это время и позднее еще продолжал действовать Гордий — убийца Ариарата VI и в дальнейшем претендент на каппадокийский престол (Just., XXXVIII, 1, 6–7, 10; 2, 1, 5; App., Mithr., 65) — не вполне убедителен. Гордий как доверенное лицо Митридата в данный период еще выступал одним из гарантов сохранения в

это заставляет подвести под действия Никомеда иные основания. Думается, царь Вифинии мог решиться на столь ответственный шаг, как оккупация всей Каппадокии, лишь будучи уверенным в том, что он к нему хорошо подготовлен. Дать такую уверенность ему могла только осведомленность о позиции Лаодики, которая, очевидно, располагала всей полнотой власти в стране. Вероятно, царица-регентша заранее вынашивала планы измены интересам своего брата²⁰⁷. Причину сговора Лаодики с Никомедом можно видеть как в нежелании допустить полное подчинение Каппадокии Понту²⁰⁸, так и в опасении за собственную судьбу, которое ей могла внушить чрезвычайная жестокость Митридата в отношении своих близких²⁰⁹.

Митридат, узнав о действиях вифинца, отправил сестре войско для изгнания Никомеда (*auxilia sororam expellendum Cappadocia Nicomedem mittit* — Just., XXXVIII, 1, 3). Агрессия Никомеда, означавшая окончательный распад вифинско-понтийского альянса, предоставила Митридату удобную возможность добиваться своих целей в Каппадокии под благовидной личиной поборника справедливости и защитника династических прав Ариаратидов.

стране относительной стабильности, разумеется, в той форме, в какой она была выгодна промитридатовским кругам в Каппадокии и самому понтийскому владыке.

²⁰⁷ Ср. *McGing B. C. The Foreign Policy... P. 75*. По мнению Я. Зайберта, Лаодика отстаивала интересы своего сына, будущего царя Ариарата VII (*Seibert J. Historische Beiträge... S. 117*). К. Штробель, наоборот, говорит о противоречиях между Лаодикой и ее сыном начиная со 112 г. (*Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S. 164*). В любом случае, Лаодика показала себя решительной и энергичной, хотя, конечно, и не слишком щепетильной правительницей, самостоятельной фигурой на арене малоазиатской политики (*Glew D. G. Mithridates Eupator and Rome. P. 388. Note 34*). Маловероятно, чтобы она первоначально просила помощи у Митридата против вторжения вифинцев (*Stähelin F. Laodika (22) // RE. Bd. 12. 1924. Sp. 710; Mørkholm O. The Coinages of Ariarates VI and Ariarathes VII of Cappadocia // Schweizerische Numismatische Rundschau. 1978. Bd. 57. P. 159*).

²⁰⁸ *Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 190*. Предположения о якобы имевшем место стремлении Лаодики передать Каппадокию брату (*Reinach Th. Mithridates Eupator... S. 89; Stähelin F. Laodika. Sp. 710*) неубедительны: ничто не препятствовало ей добиваться этого ранее.

²⁰⁹ К этому времени Митридат уже уничтожил свою мать, брата и жену (*App., Mithr., 112; Memn., F. 22, 2; Sallust., Hist., F. II, 75*).

Но здесь сказала свое веское слово Лаодика: брак, заключенный между ней и Никомедом по соглашению (*per racionem*)²¹⁰ (Just., XXXVIII, 1, 4), создал видимость законности для господства в Каппадокии нового правителя, опиравшегося тем не менее на расставленные по всей стране гарнизоны (XXXVIII, 1, 5).

К военной силе был вынужден прибегнуть и Митридат, быстро очистивший Каппадокию от вифинцев и восстановивший в правах своего племянника — Ариарата VII (Just., XXXVIII, 1, 5)²¹¹. Никомед и Лаодика бежали в Вифинию.

В науке выдвигались различные мнения о времени каппадокийской экспедиции Никомеда. Большинство из них восходит еще к Эд. Мейеру и Т. Рейнаку, датировавшим событие самым концом II в.²¹² Этот тезис был оспорен Д. Глью, связавшим полное отсутствие монетных выпусков Никомеда III за 194 и 195 гг. вифинцами (104/103 и 103/102 гг.) с необходимостью выплаты контрибуции Митридату после изгнания вифинцев из Каппадокии²¹³.

²¹⁰ Эти слова Юстина не исключают того, что указанное соглашение было заключено заранее.

²¹¹ О стратегических преимуществах Евпатора перед Никомедом в каппадокийской кампании см.: *Clew D. C. The Cappadocian Expedition...* P. 28–29. По мнению исследователя, ввод вифинских войск в Каппадокию и изгнание их оттуда произошли в течение лета и осени одного и того же года (*Ibid.* P. 42. Note 51). В пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что римский сенат никак не отреагировал на эти события, видимо, он просто не успел этого сделать.

²¹² *Meyer Ed. Geschichte...* S. 92–93; *Idem. Bithynia. Sp.* 521; *Reinach Th. Essai sur la numismatique...* P. 338; *Idem. Mithridates Eupator...* S. 89; *Idem. Histoire...* P. 172; 103 г. — *Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S.* 163; 103/102 г. — *McGing B. C. The Foreign Policy...* P. 75; *Сипрыкин С. Ю. Понтийское царство. С.* 190; 102 г. — *Magie D. Roman Rule...* Vol. I. P. 203; *Will É. Histoire politique...* T. II. P. 473; около 102 — *Geyer F. Nikomedes (5). Sp.* 497; *Vitucci G. Il regno di Bitinia. P.* 103. Note 3.

²¹³ *Clew D. C. The Cappadocian Expedition...* P. 30, 42. К. Штробель склонен объяснять перерыв в чеканке вифинских монет всего лишь отсутствием царя в стране (в связи с каппадокийскими событиями?) (*Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S.* 163. Anm. 79). Ему отчасти следует Ф. де Каллатай, который говорит о возможной активизации в Вифинии римских публиканов в отсутствие царя (признавая, впрочем, что такое мнение не может быть признано целиком убедительным: *Callataÿ F. de. L'Histoire des guerres Mithridatiques...* P. 78–79). Вместе с тем критику бель-

Сам же поход должен быть датирован 105 г. Нумизматические данные Д. Глью подкрепил я основательным анализом текста Юстина и Диодора, проведя между ними прямую связь.

Диодор сообщает, что во время похода Гая Мария против кимвров (104 г.) консул обратился за помощью к «народам, живущим за морем». Никомед, получивший послание Мария, отказал римлянам в предоставлении вспомогательных сил под тем предлогом, что большая часть вифинцев была захвачена римскими публиканами и пребывала в рабстве в провинциях (τοὺς πλείους τῶν Βιθυνῶν ὑπὸ τῶν δημοσιωνῶν διαρπαγέντας δουλεύειν ἐν ταῖς ἐπαρχίαις — XXXVI, 3, 1).

Данный пассаж принципиально важен, во-первых, для уточнения даты каппадокийских событий (что и сделано Д. Глью); во-вторых, для выяснения внутривосточной и экономической ситуации в Вифинии и, наконец, для определения позиции Никомеда III в отношении Рима. Пониманию точного смысла этого эпизода препятствует то, что труд Диодора в этой части был переработан византийским патриархом Фотием²¹⁴, в результате чего становится необходимым проведение особо тщательного анализа рассматриваемого фрагмента.

Что касается хронологического аспекта проблемы, то его интерпретация Д. Глью не вызывает особых возражений. Исследователь правомерно связывает описанные Диодором события с кризисом, разразившимся в Вифинии после нанесенного Митридатом Никомеду поражения в Каппадокии. Вифинский царь был вынужден выплатить понтийцу большую контрибуцию, что самым плачевным образом сказалось на финансах царства и положении его подданных²¹⁵. Однако сама суть кризиса остается не вполне понятной: каким образом большое количество вифинцев вдруг оказалось поработанным римлянами?

гийским нумизматом позиций Д. Глью (например, указание на относительность связи между политическим и экономическим положением страны и активностью монетных эмиссий — Ibid. P. 78. Note 56, или даже предложение считать отсутствие монет этих годов просто результатом лакуны в источниках — Ibid. P. 74) трудно принять всерьез: американский историк аргументирует свою точку зрения гораздо более обстоятельно. Сам бельгийский исследователь относит вторжение вифинцев в Каппадокию к 104 г.; ср.: *Mastrocinque A. Studi...* P. 19.

²¹⁴ *Glew D. C. The Cappadocian Expedition...* P. 38.

²¹⁵ Ibid. P. 39–43.

Анализируя версии М.И. Ростовцева²¹⁶ и Э. Бэдиана²¹⁷ относительно возможного механизма обращения в рабство свободных вифинцев, Д. Глью склоняется к первой из них, но при этом не принимает во внимание ее очевидных противоречий. Прежде всего, остается непонятным, почему именно вифинцы, издавна отличавшиеся храбростью и воинственностью, вдруг оказались жертвой агрессивных соседей. Единственное относительно достоверное свидетельство о похищении и продаже в рабство вифинца — эпитафия Диазельмия из Апамеи (SEG VIII № 357), но оно, бесспорно, связано с морским пиратством, что не вполне укладывается в предложенную М. И. Ростовцевым схему. Известная дельфийская надпись (OGIS 345), где говорится о дарении Никомедом и Лаодикой рабов полису и святилищу²¹⁸, является скорее аргументом в пользу теории Э. Бэдиана, да и сам М. И. Ростовцев считает Никомеда «активным работорговцем»²¹⁹. Наконец, непонятно, почему выплата вифинским царем контрибуции Митридату «оставила его подданных без защиты»²²⁰ от упомянутых «профессиональных разбойников»: вифинская армия, хотя и понесла тяжелое поражение в Каппадокии, отнюдь не перестала существовать.

По моему мнению, точка зрения Э. Бэдиана кажется более убедительной. Неясно, продавал ли своих подданных в рабство сам Никомед²²¹, но несомненно, что активнейшую роль в порабощении

²¹⁶ Вифинцев захватывали в плен и затем продавали на невольничьих рынках их враждебные и воинственные соседи, «профессиональные разбойники» — жители Мизии, Фригии и, в особенности, Галатии и Понтия (SEHNW. Vol. II. P. 782; Vol. III. P. 1514. Note 49).

²¹⁷ Вифинских λαοί продавал в рабство сам царь, задолжавший большие суммы денег римским ростовщикам и вынужденный расплачиваться с ними таким способом (*Badian E. Roman Imperialism in the Late Republic*. Ithaca; New York, 1968. P. 54, 73; *Idem. Publicans and Sinners. Private Enterprise in the Service of the Roman Republic*. Ithaca; London, 1983. P. 87–89).

²¹⁸ Интересно восстановление сткк. 16–17 надписи: τὰς ἱερὰς σάματα πέντε, οἷς διόματα μετ' / οιομασθέντα ἐκ τῶν ἐπιχρίων — очевидно, эти «священные рабы» были по происхождению коренными вифинцами, но затем были переименованы на греческий манер.

²¹⁹ SEHNW. Vol. II. P. 783.

²²⁰ *Glew D. G. The Cappadocian Expedition...* P. 41.

²²¹ См. критику этого положения: *Ibid.* P. 39.

вифинцев непосредственно играли римские публиканы²²². Детали их деятельности в Вифинии выяснить пока не представляется возможным, хотя само их присутствие в стране должно навести на мысль о ее определенной политической и/или экономической зависимости от Рима в конце II в., невзирая на то, что финансовый кризис 104–102 гг. был довольно быстро преодолен. В этой связи необходимо попытаться выявить в пассаже Диодора информацию, способную пролить свет на римско-вифинские отношения.

Едва ли действия Никомеда следует расценивать как попытку обмануть сенат и выразить протест против римского вмешательства во внутренние дела Вифинии²²³: в дальнейшем вифинский царь видел в возможности склонить римлян на свою сторону единственный шанс противостоять Митридату. Некоторые исследователи видят в тексте Диодора указание на изменение действий Никомеда в отношении Рима: свидетельство о том, что в подавлении восстания рабов на Сицилии в 103 г. приняли участие и вифинцы (XXXVI, 8, 1: Βιθυνούς δὲ καὶ Θερταλοῦς καὶ Ἀκαρνανῶς ὀκτακοσίου) понимается ими как проявление желания Никомеда заручиться поддержкой сената для решения своих внешнеполитических проблем путем отправки вспомогательного отряда²²⁴. Возможна, однако, иная трактовка этого эпизода: ведь во внутриполитическом и финансовом положении Вифинии в 103 г. не про-

²²² Д. Глью почему-то не акцентирует внимания на этом совершенно недвусмысленном утверждении Диодора. Проведенный им анализ употребления греческим историком слов διαρπάζω, ἀρπαγή и т. д. позволил заключить, что подданные Никомеда «оказались жертвами незаконных и насильственных нападений» (Glew D. G. *The Cappadocian Expedition...* P. 39. Note 45) (со стороны разбойничьих банд? — О. Г.); однако деятельность римских ростовщиков и сборщиков налогов оценивается в источниках в сходных тонах и даже в близких по стилю выражениях; ср.: Plut., Luc., 7: ὡς περ Ἀρπύρας τὴν τροφὴν ἀρπάζοντας. Ср. сходное мнение о деятельности публиканов в Вифинии: Kallet-Marx R. M. *Hegemony to Empire*. P. 140–141; исследователь уточняет, что публиканы могли поработать вифинцев на спорных территориях, примыкающих к пределам владений Никомеда.

²²³ Reinach Th. *Essai sur la numismatique...* P. 338; Vitucci G. *Il regno di Bitinia*. P. 101; Strobel K. *Mithridates VI von Pontos*. S. 163.

²²⁴ Glew D. G. *The Cappadocian Expedition...* P. 38, 43; Core Brennan T. *Sulla's Career in the Nineties: Some Reconsiderations* // *Chiron*. Bd. 22. 1992. P. 146–147. Note 127; Strobel K. *Mithridates VI von Pontos*. S. 163.

произошло никаких перемен по сравнению с предыдущим годом; не изменились, скорее всего, и политические установки Никомеда. Появление незначительного числа вифинских воинов в пришедшем на помощь римлянам союзном контингенте можно объяснить по-другому. Они могли быть набраны из числа лиц, освобожденных заместителем Сицилии Лицинием Нервой после принятия *senatus consultum* о предоставлении свободы незаконно поработавшим союзникам (Diod., XXXVI, 3, 2; 8, 1)²²⁵. Их число достигло восьмисот, и совпадение этих чисел едва ли случайно. Отказ Никомеда консулу не был, по сути, принципиальным отказом; и коль скоро римляне пошли навстречу вифинскому царю, то и он мог не препятствовать удовлетворению их требования в соответствии с изменившейся обстановкой.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что римские союзники были освобождены в первую очередь именно на Сицилии. Между отправкой Марием письма Никомеду, получением ответа, принятием *senatus consultum*, осуществлением всех необходимых процедур по отпуску рабов на волю и формированием вспомогательных отрядов прошло достаточно времени для того, чтобы уже к концу 104 г.²²⁶ союзные войска приняли участие в боевых действиях.

Таким образом, текст Диодора вряд ли может серьезно помочь в понимании внешнеполитического аспекта действий Никомеда: в них не прослеживается никаких изменений в ответ на международную политику Рима. Каковы же были истинные мотивы ответа вифинского царя Марию в 104 г.?

Ф. Гейер считает, что Никомед, заботясь о своих подданных, исходил исключительно из «филантропических соображений»²²⁷, но дело, очевидно, не только и не столько в этом. Обращаясь к сенату, Никомед хотел привлечь его внимание к проблемам своего царства, обострившимся на фоне поражения от Митридата в Каппадокии и вызванного им финансового кризиса²²⁸. Главной из этих трудностей было усиление негативного влияния римских ростов-

²²⁵ Kallet-Marx R. M. *Hegemony to Empire*. P. 139.

²²⁶ Glew D. C. *The Cappadocian Expedition...* P. 43. Note 53: вифинцы прибыли на Сицилию «late in the preceding campaigning season».

²²⁷ Geyer F. *Nikomedes* (5). Sp. 496.

²²⁸ Badian E. *Publicans and Sinners*. P. 88. Возможно, резкое ухудшение благосостояния вифинцев в результате оттока денежных средств в Понтийское царство в виде контрибуции вынуждало их обращаться к практике самозаклада публиканам.

щиков на экономическое состояние страны. Это воздействие, судя по ответным мерам сената, вифинскому царю удалось частично нейтрализовать; но говорить на этом основании о его попытках сначала противодействовать (пусть даже неявно) римской политике на Востоке, а затем оказать ей поддержку было бы необоснованным. Вместе с тем действия Никомеда были достаточно разумными и осторожными для того, чтобы не испортить отношения с Римом.

После ухода из Каппадокии Никомед не оставил окончательно надежды в той или иной форме восстановить свое влияние в этой стране. Обстановка в Каппадокии вновь обострилась после того, как молодой Ариарат VII, проявивший себя решительным и твердым политиком²²⁹, отказался выполнить требование Митридата и вернуть в Каппадокию убийцу своего отца Гордия (Just., XXXVIII, 1, 6)²³⁰. Между Понтом и Каппадокией назревал военный конфликт, в котором на стороне последней выступили некоторые соседние цари (*auxilientibus finitimus regibus* — XXXVIII, 1, 7–8)²³¹. Естественным союзником молодого каппадокийского правителя, решившего выступить против своего могущественного дядюшки, скорее всего, должен был стать вифинский царь²³². Хотя прежние их отношения, очевидно, не были дружественными,

²²⁹ *Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 106.*

²³⁰ Замысел вновь использовать Гордия для своих интриг возник у Митридата через несколько месяцев (*interiectis mensibus*) после изгнания вифинцев (Just., XXXVIII, 1, 6). Однако к открытым действиям против Ариарата он перешел далеко не сразу: в 102 г. каппадокийский царь еще значился в числе его друзей и союзников (*IDélos 1576*), а последние монеты Ариарата датированы 16-м годом правления (101 г.) (*Simonetta B. The Coins of the Cappadocian Kings. P. 35–36; McGing B. C. The Foreign Policy... P. 173–175; Callatay F. de. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 192–195*).

²³¹ К. Штробель подразумевает под упомянутыми царями правителей Коммагены, Софены и Армении (*Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S. 164*), а А. Шервин-Уайт добавляет к ним и Селевкидскую Киликию (*Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 106*). Тем не менее достоверных свидетельств о враждебности этих государств Понту не существует, а Малая Армения к этому времени, возможно, уже была подчинена Митридатом (*Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 164*).

²³² В ряде работ о поддержке, оказанной Ариарату со стороны Никомеда, ничего не говорится (*Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 203; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 104; Sherwin-White A. N. Roman Involvement in Anatolia, 167–88 B. C. // JRS. Vol. LXVII. 1977. P. 71; Can-*

несколько Никомед недвусмысленно домогался каппадокийского престола, борьба против общего опасного врага должна была временно объединить Ариарата и Никомеда²³³.

Вероломное убийство Митридатом своего племянника во время переговоров на глазах у готовых к бою войск (Just., XXXVIII, 1, 9–10)²³⁴ перечеркнуло все планы Никомеда: деморализованные каппадокийцы, судя по всему, сложили оружие, и пытаться продолжать вооруженную борьбу не имело смысла. С этого времени вифинский царь, заботясь об укреплении собственных позиций, окончательно перешел к тактике, строящейся на интригах и обмане.

Митридат вновь упрочил свою власть в Каппадокии, возведя на престол своего сына, названного им Ариаратом IX Евсевием (Just., XXXVIII, 1, 10). Вифинский царь еще не оставил попыток опровергнуть этот факт²³⁵. Он решил прибегнуть к однажды уже с успехом опробованному методу, действуя через подставное лицо — младшего третьего сына Лаодики и Ариарата VI, которого отправил вместе с «матерью» в Рим предъявить претензии на господство в Каппадокии (Just., XXXVIII, 2, 3–4)²³⁶. Митридат, в свою оче-

См. Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 191), а К. Штробель прямо отрицает ее (Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S. 164).

²³³ Молев Е. А. Властитель Понта. С. 57.

²³⁴ К сожалению, рассказ Юстина не проясняет, как развивались события после смерти Ариарата VII.

²³⁵ Мнение о причастности Никомеда и Лаодики к кратковременному (ок. 100 г.) водворению на каппадокийский трон второго сына Ариарата VI, Ариарата VIII (Just., XXXVIII, 2, 1) (Sullivan R. D. Near Eastern Royalty... P. 32; Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S. 166, 169; ему атрибутируется чеканка некоторых монет: Callatay F. de. L'Histoire des monnaies Mithridatiques... P. 195–196), не подтверждено источниками, хотя полностью исключать вероятность этого нельзя. Ситуацию в Каппадокии в это время определяла борьба между проримскими и пропонтийскими троенными группировками (Badian E. Sulla's Cilician Command // Athenaeum. 1959. Vol. 37. P. 291); едва ли после изгнания Никомеда и Лаодики в стране остались серьезные силы, делавшие ставку на Вифинию. Более правомерным кажется предположение о косвенном участии в этих событиях Рима, т. к. Ариарат VIII в это время пребывал в провинции Азия (Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 193).

²³⁶ Около 96 г. (Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 71). Эти действия свидетельствуют о том, что Никомед в то время вряд ли опасался вторжения Митридата в саму Вифинию, как о том говорит Юстин (XXXVIII, 2, 3). Подчинение Каппадокии означало для Евпа-

редь, по словам Юстина, пытался с помощью Гордия представить Ариарата IX сыном царя Каппадокии Ариарата V, погибшего в борьбе с Аристоником (XXXVIII, 2, 5)²³⁷. Каппадокийский вопрос, следовательно, оказался вновь сложно запутанным из-за ухищрений понтийского и вифинского царей, не желавших расставаться с притязаниями на влияние в ослабленной внутренними распрями и внешним вмешательством стране.

Необходимо остановиться на еще одном немаловажном моменте в развитии ситуации. Около 99/98 гг. в Азию направился Гай Марий, прошедший переговоры с понтийским царем (Plut., *Mag.*, 31)²³⁸. При том, что сам Марий едва ли доставил Митридату и Никомеду приказ очистить захваченные ими земли (как считает М. Сорди)²³⁹, его миссия ознаменовала начало более решительных действий Рима в Анатолии²⁴⁰.

тора осуществление программного пункта династической пропаганды понтийской династии (Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 191–192) и позволяло (с теми или иными оговорками) действовать в рамках видимой законности. Вторжение в Вифинию, напротив, выглядело бы актом неприкрытой агрессии и непременно вызвало бы решительное противодействие римлян, к которому Митридат еще не был готов.

²³⁷ Высказывалось мнение, что этот шаг был предпринят Евпатором с целью поставить своего сына на одну ступень выше в династической системе по сравнению с вифинским претендентом, сделав его поколением старше (Kallet-Marx R. M. *Hegemony to Empire*. P. 247–248). Отмечалось также, что Гордий посредством таких действий вышел за пределы достоверности (Corey Brennan T. *Sulla's Career...* P. 147; Canali de Rossi F. *Le ambascerie...* № 622. P. 570), но допущение о подобной ошибке этого опытного интригана (и тем более его покровителя Митридата) выглядит крайне сомнительным. Видимо, на самом деле Трогом или, что более вероятно, Юстином здесь допущена очевидная ошибка: поскольку Ариарат IX, бывший еще мальчиком, никак не мог сойти за сына Ариарата V, погибшего около тридцати лет назад, надо полагать, что в первоисточнике под его отцом подразумевался Ариарат VI.

²³⁸ См. специально посвященные этой миссии работы: Luce T. J. *Marius and the Mithridatic Command* // *Historia*. Bd. XIX. Ht. 1. 1970. P. 161–194. Sordi M. *La legatio in Cappadocia di C. Mario nel 99–98 a. C.* // *RIL*. Vol. 107. 1973. P. 370–379; Ballesteros-Pastor L. *Marius' Words to Mithridates Eupator* // *Historia*. Bd. XLVIII. Ht. 4. 1999. P. 506–508.

²³⁹ Sordi M. *La legatio...* Критику этого положения см. в работе: McGing B. C. *The Foreign Policy...* P. 76.

²⁴⁰ Для решения анатолийских проблем сенатом было отправлено в 97–96 гг. посольство Марка Эмилия Скавра, обвиненное в получении

Весьма вероятно, что акция римского политика отчасти была осуществлена им в интересах Никомеда, тем более что они могли даже встретиться лично: Плутарх говорит, что Марий, думая о будущей войне против Митридата, пытался «возмутить царей» (Mag., 31), то есть, очевидно, именно Митридата и Никомеда²⁴¹. Действительно, к этому моменту Марий и Никомед, как показали события 104/103 г., уже поддерживали между собой дипломатические отношения, причем весьма двусмысленный эпизод, связанный с порабощением вифинцев римлянами, обеим сторонам все же удалось разрешить сравнительно благополучно. Вифинского царя, без сомнения, должна была ободрить неудача, которой завершилась миссия понтийского посольства в Рим (ок. 103–100 гг. до н. э.) (Diod., XXXVI, 15, 1), в чем он мог увидеть шанс усилить собственные политические позиции. Именно поддержка, которую Никомед в том или ином виде получил от Мария, могла подвинуть его на аферу с выдвижением очередного подставного лица.

Однако последующая реакция сената на эти события была отличной от его предыдущих действий. Покончив с наиболее острыми внешнеполитическими проблемами, римляне решили всерьез заняться наведением порядка в Малой Азии, нарушенного правителями Вифинии и Понта. Их результатом стало принятие сенатом постановления о том, что вифинский и понтийский цари, «присвоившие чужие царства посредством самозванцев» (Just.,

изяток от Митридата (Val. Max., III, 7–8); см. о нем: *Badian E. Q. Mucius Scaevola and Province of Asia // Athenaeum. Vol. 34. 1956. P. 120–123; Mastrocinque A. Studi... P. 32–37*. Не исключено, что Никомед тоже прибегал к подобным мерам (Молев Е. А. Властитель Понта. С. 58), тем более что сходные методы применялись им еще в «деле о Великой Фригии» более чем за 20 лет до того (см. выше, с. 344). Проблематично, можно ли связывать с миссией Сквавра доведение *senatus consultum* до сведения Никомеда и Митридата (Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 194).

²⁴¹ Это интересное предположение высказано и аргументировано Т. Кори Бреннаном (*Corey Brennan T. Sulla's Career... P. 146–147*). Исследователь считает, что уже к моменту вторжения в Пафлагонию (которое он относит примерно к 104 г.) Никомед пользовался поддержкой Мария в сенате, что и позволило ему сохранить контроль над захваченным областями, несмотря на явную неубедительность попыток придать своим действиям видимость законности.

XXXVIII, 2, 6), были обязаны уйти из Пафлагонии и Каппадокии (96 г.)²⁴². Народам этих стран должна была быть предоставлена «свобода», но каппадокийцы настояли на назначении им царя, которым в результате выборов стал Ариобарзан I Филоромей (Strabo, XII, 2, 1; Just., XXXVIII, 2, 8). Впрочем, для реального водворения его на престол потребовалось вооруженное вмешательство, осуществленное Суллой²⁴³.

О развитии событий в Пафлагонии источники умалчивают. Некоторые факты заставляют предположить, что вифинскому царю в какой-то мере удалось сохранить за собой влияние в этой стране, хотя мнение о полном сохранении в Пафлагонии вифинского господства²⁴⁴ выглядит чересчур категоричным. Для того чтобы прояснить эту ситуацию, необходимо обратиться к выяснению личности лже-Пилемена, ставленника Никомеда III на пафлагонском престоле.

Еще Т. Рейнаком было высказано мнение об идентичности этого лица с Сократом Хрестом — сыном Никомеда Эвергета от конкубины²⁴⁵. Однако недавно К. Штробель обратил внимание на то, что в источниках содержатся упоминания о пафлагонском царе Пилемене в период начала Первой Митридатовой войны, то есть в то время, когда Сократа уже не было в живых (Eutrop., V, 5, 1; Oros., VI, 2, 2), а это свидетельствует в пользу гипотезы о существовании у Никомеда III еще одного сына²⁴⁶. Не исключено, что этот Пилемен был оставлен на престоле благодаря желанию самих пафлагонцев — подобно тому, как поступили каппадокийцы, не

²⁴² Теперь сенат реагировал на малоазийские события гораздо оперативнее, чем прежде. Митридат, видимо, должен был также освободить оставшуюся в его владении часть Пафлагонии (Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S. 167; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 194).

²⁴³ См. об этом наиболее подробно: Kallet-Marx R. M. Hegemony to Empire. P. 355–361 (с литературой).

²⁴⁴ Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 228; Kallet-Marx R. M. Hegemony to Empire. P. 243.

²⁴⁵ Reinach Th. Mithridates Eupator... S. 106. Anm. 2; ср.: Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 107–108; McGing B. C. The Foreign Policy... P. 69; Ballesteros-Pastor L. Mithridates Eupator, rey... P. 59. Note 101.

²⁴⁶ Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S. 174–176. Поскольку он поддерживал Никомеда IV Филопатора, с некоторой степенью условности его возможно считать родным братом последнего.

желавшие лишиться царской власти²⁴⁷. Проводимая им в дальнейшем политика способствовала поддержанию в стране настроений, лояльных вифинским правителям, что показали события Первой Митридатовой войны.

Последние годы жизни Никомеда III не были отмечены никакими значительными событиями. Он не вмешивался больше в споры с Митридатом, по-прежнему усиливавшим свои позиции в Малой Азии, и прежде всего в Каппадокии, на этот раз в союзе с Тиграном Армянским. Создание понтийско-армянского блока ознаменовало окончательный перелом в соперничестве Вифинии и Понта на рубеже II и I вв.²⁴⁸: отныне Евпатор рассматривал Вифинию уже не столько как опасного соперника, сколько как потенциальный объект своей агрессивной политики. Возможно, именно окончательное изменение в соотношении сил между бывшими союзниками к концу правления Никомеда III и его отход от активной политики побудили Митридата к тому, чтобы косвенно подчеркнуть притязания на Вифинию. Начиная с 96/95 г. на его монетах появляется датировка по вифинской царской эре²⁴⁹. Нередко этот факт трактуется как проявление намерения понтийских царей (Митридата VI или даже еще его отца Митридата V) следовать «экономически более развитой» Вифинии²⁵⁰, но это маловероятно: у нас нет никакой возможности сопоставить уровень хозяйственного развития двух соседних царств. Гораздо более обо-

²⁴⁷ *Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 205; Vol. II. P. 1098–99. Note 14; Sullivan R. D. The Dynasty of Cappadocia // ANRW. II. Bd. 7. 2. 1980. P. 1128.* Возможно, сохранение власти вифинского ставленника хотя бы отчасти могло обезопасить пафлагонцев от агрессивных притязаний со стороны Митридата и галатов (*Idem. Near Eastern Royalty... P. 32*).

²⁴⁸ *Bulin R. K. Untersuchungen zur Politik und Kriegführung Roms im Osten von 100-68 v. Chr. Frankfurt-am-Main; Bern, 1983. S. 43.*

²⁴⁹ Вопрос о принятии понтийскими монархами вифинской царской эры решается в историографии неоднозначно и, безусловно, должен стать предметом специального исследования. Не вдаваясь в детали, отмечу, что мнение об использовании этой системы летоисчисления уже Митридатом V Эвергетом кажется малообоснованным; скорее всего, ее заимствовал только Евпатор.

²⁵⁰ *Reinach Th. Essai sur la numismatique... P. 133; Bennet W. H. The Death of Sertorius and the Coins // Historia. Bd. X. Hft. 4. 1961. P. 461; Нерл Г. Эры... С. 68.*

снованными представляются аргументы тех исследователей, которые считают переход Евпатора на летоисчисление по вифинской эре свидетельством экспансионистских планов понтийского владыки²⁵¹, находивших выражение пока только в пропагандистских мероприятиях. Синхронно с этим в том же 96/95 г. происходят изменения в стиле изображений и монограммах вифинских тетрадрахм²⁵². Все приведенные свидетельства заставляют предположить их связь с какими-то событиями внутривосточной жизни Вифинии, остающимися неизвестными для нас, и даже быть может, позволяют датировать смерть Никомеда III годом раньше по сравнению с традиционно принятым (без надежных, впрочем, доказательств) 94 г.²⁵³

Какую же оценку можно дать проводимой Никомедом III внешней политике? Изложенные выше мнения об энергичности и амбициозности этого царя суммированы в тезисе, согласно которому ситуацию в Малой Азии следует рассматривать через призму противостояния не двух (Митридат и Рим), а трех (Митридат, Рим и Никомед) сил²⁵⁴. Это выглядит обоснованным лишь отчасти. Как показывают факты, активную внешнеполитическую деятельность Никомед III пытался вести лишь на протяжении 108/107–105/104 гг. При этом экспедиция в Пафлагонию была предпринята им благодаря союзу с Митридатом, без чего какие-либо решительные действия для Никомеда едва ли были осуществимы. В дальнейшем, как кажется, вифинский монарх все же сумел упрочить свое влияние в Пафлагонии, что следует считать единственным достигнутым им реальным результатом.

²⁵¹ Карышковский П. О. О некоторых вифинских тетрадрахмах... С. 331. Прим. 22; McGing B. C. *The Kings of Pontus*. P. 229; *Leschhorn W. Antike Ägen*. S. 93–95; наиболее подробно: *Callatay F. de. Les derniers rois de Bithynie...* P. 29–32.

²⁵² *Callatay F. de. Les derniers rois de Bithynie...* P. 22.

²⁵³ *Loc. cit.*; *Callatay F. de. L'Histoire des guerres Mithridatiques...* P. 80; 274; Л. Баллестерос Пастор полагает, что Никомед Эвергет умер «до 91 г.», на что, по его мнению, может указывать отмеченное еще Т. Рейнаком ухудшение качества вифинского серебра в 93/2 и 91 гг. (*Balasteros Pastor L. Mithridates Eupator, rey...* P. 82. Note 2). Однако события, связанные с узурпацией Сократа, должны были занять довольно длительное время, что побуждает несколько отодвинуть смерть царя от этого *terminus ante quem*.

²⁵⁴ *Смыков Е. В. Рим и Митридат Евпатор...* С. 63.

Вторгаясь в Каппадокию, вифинский царь рассчитывал (и не без оснований) на поддержку со стороны Лаодики, которая, видимо, была одним из ключевых действующих лиц в этом эпизоде²⁵⁵. Наконец, дальнейшие попытки Никомеда усилить свое влияние в регионе строились целиком на стремлении добиться благоприятной для себя реакции со стороны Рима, а средства, к которым он прибегал, заставляют вспомнить об интригах Пруссия II, с той лишь разницей, что действия Никомеда III были, пожалуй, даже более беззастенчивыми и наглыми. Возможно, именно эти следует объяснить тональность сравнительной характеристики, данной Гранием Лицинианом Никомеду III и его сыну: «(Никомед IV Филопатор. — О. Г.), кроткий и более мягкий, чем его отец, был предан римлянам, так что не допускал преступного вероломства и не прибегал к нечестивым и коварным средствам, доказывая свою верность» (XXXV, 28, 7–29, 1) Конечно, Никомед Эвергет пытался ввести в заблуждение сенат, но его политика никогда не рассматривалась римлянами как серьезная угроза существовавшему в Малой Азии равновесию сил²⁵⁶ (не говоря уже об их собственных интересах). Выглядит достаточно очевидным тот факт, что для эллинистических монархов II–I вв. желание уклониться от предъявляемых римлянами требований или использовать в собственных интересах борьбу различных группировок в сенате лишь в незначительном числе случаев выражало стремление реально следовать антиримской политике, а чаще всего диктовалось необходимостью достижения тех или иных частных выгод. Никомед III отнюдь не является в этом отношении исключением. Он, как и его отец, рассматривался римлянами как вассальный царь, который должен был оказывать Риму военную помощь по его требованию и проявлять неизменную лояльность к планам сената. Особенно важно, что при Никомеде III Вифиния впервые стала индуцать не только политическую, но и экономическую зависимость от Рима²⁵⁷.

²⁵⁵ McGing B. C. *The Foreign Policy...* P. 75

²⁵⁶ Glew D. C. *Mithridates Eupator and Rome...* P. 390.

²⁵⁷ Факторами, породившими экономические трудности Никомеда Эвергета, Р. Салливан считает деятельность в Вифинии римских публикаций, «экспорт капитала» из страны, затраты на экспедиции в Пафлагонию и Каппадокию, а также дорогостоящие «благодения», оказываемые царем греческим полисам (*Sullivan R. D. Near Eastern Royalty...* P. 32–33).

Все это заставляет склониться к мнению, что правление Нико-
меда Эвергета совсем не являлось для вифинского царства време-
нем, когда «оно достигло высшей ступени своего развития и было...
самостоятельным в своих действиях»²⁵⁸. Итоги, да и само содер-
жание царствования Никомеда III со всей определенностью пока-
зали, что времена «великих царей Вифинии» безвозвратно мино-
вали: традиции энергичной и самостоятельной внешней политики
были окончательно утрачены Вифинией. Причиной этому было не
только противодействие со стороны Рима или Понтийского цар-
ства, но и изменение самого характера государственной деятель-
ности вифинских царей: уделение первоочередного внимания фил-
эллинству и развитию экономических связей, уклонение в течение
длительного времени от решительных военно-политических мер.

* * *

Никомеду III Эвергету наследовал его сын Никомед IV²⁵⁹. Об-
стоятельства его воцарения темны и запутанны. Не исключено,
что Никомед Эвергет был устранен в результате заговора, как об
этом сообщает Граний Лициниан: «Когда он умер, будучи старым,
неясно, не от яда ли» (*Sene mortuo, incertum ad veneno*) (XXXV,
29, 7)²⁶⁰. В этом случае принятие Никомедом IV тронного имени

²⁵⁸ Молев Е. А. Властитель Понта. С. 54.

²⁵⁹ Первое упоминание Никомеда IV — надпись с Делоса, датируемая
приблизительно 105–103 гг. (OGIS 343 = IDélos 1580), связанная с пре-
быванием Никомеда на острове еще в качестве наследника престола.

²⁶⁰ Эта информация обычно либо принимается с некоторым сомнением
(*Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 319*), либо вовсе отвергается (*Vi-
tucci S. Il regno di Bitinia. P. 107*). Однако она может быть подкреплена
фразой Плиния Старшего: «Когда был умерщвлен (sic! — О. Г.) царь
Никомед, его конь умер, перестав принимать пищу» (*Interfecto Nicomede
rege equus eius inedia vitam finivit* — NH, VIII, 65, 5), на что ранее обра-
тил внимание только Т. Рейнак (*Reinach Th. Essai sur la numismatique...
P. 339. Note 2*). Не исключено, что источником римского эрудита послу-
жил Никандр Калхедонский: второй из сохранившихся фрагментов этого
автора содержит упоминание о петухе виночерпия вифинского царя Ни-
комеда по имени Секунд (FGrH, 700 F. 2), что достаточно четко опре-
деляет анекдотический характер его произведения. Римское имя виночер-
пия указывает, что фрагмент, скорее всего, следует датировать концом
II — началом I в.

«Филопатор» можно было бы считать попыткой реабилитировать свое реноме в глазах подданных²⁶¹.

Начало правления Никомеда прошло в обстановке династических смут и интриг, предопределивших многие наиболее острые коллизии внутри- и внешнеполитического положения Вифинии на два десятилетия вперед, вплоть до окончания независимого существования царства²⁶². Для того чтобы лучше разобраться в них, необходимо остановиться на некоторых спорных вопросах генеалогии вифинского царского дома.

Источники полны противоречий относительно детей Никомеда III. Известны имена только двоих его сыновей: Никомед и Сократ. Первый из них, согласно Мемнону, был сыном некоей Нисы (F. 22, 5), об историчности которой трудно вынести определенное суждение. Не исключено, что греческий историк спутал имя первой жены Никомеда III с именем супруги его сына, дочери Ариарата VI Эпифана²⁶³. Очень плохо сохранившийся текст Грация Лициниана не дает возможности прочесть имя матери Никомеда Филопатора, от которого сохранилось лишь сочетание букв RARISTONAC, прочтенное М. Флемишем как «Аристоника» (XXXV, 29, 6). Об этой женщине более ничего не известно²⁶⁴, но ее имя наводит на мысль о том, что она вряд ли была представительницей какой-либо из эллинистических царских династий²⁶⁵. Это обстоятельство, казалось бы, может быть подкреплено сооб-

Косвенное подтверждение тому, что Никомед Эвергет мог скончаться от яда, неожиданно обнаруживается в сочинении Галена «О противоядиях», где говорится, что некий царь Никомед принимал какие-то лекарственные средства, опасаясь отравления (Galen., De antidot., XIV, 147). Но это, видимо, ему не помогло...

²⁶¹ Ср. с несколько сходной ситуацией: Just., XXIX, 1, 5; Paus., I, 9, 1, когда эпитеты «Филопатор» и «Филометор» были присвоены царям их подданными в издевку, но впоследствии стали частью их официальной титулатуры.

²⁶² Дж. Витуччи считает, что вступление Никомеда IV на престол «осуществилось без происшествий» (*Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 107*), но дальнейшие события показали, что это было далеко не так.

²⁶³ *Magie D. Roman Rule... Vol. II. P. 1200. Note 47; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 107. Note 3; Janke M. Historische Untersuchungen... S. 44.*

²⁶⁴ Определение Никомеда IV как *filius Aristonicae* (Gran. Lic., XXXV, 29, 9) тоже является небесспорной конъектурой.

²⁶⁵ *Seibert J. Historische Beiträge... S. 117.*

щением Юстина о том, что мать Никомеда IV была танцовщицей (XXXVIII, 5, 10)²⁶⁶. Несмотря на это более вероятным все же может считаться предположение о неаутентичности последнего пассажа, входящего в изложенную Трогом/Юстином речь Митридата и являющегося вследствие этого измышлением понтийского царя²⁶⁷. Факты свидетельствуют, что Никомед был все-таки признан законным наследником престола (*legitimum procrearat* — *Gran. Lic.*, XXXV, 29, 6), причем не последнюю роль в этом сыграло решение римского сената (*App.*, *Mithr.*, 7; 10; 13; *Memn.*, F. 22, 5)²⁶⁸.

Вторым сыном Никомеда III был Сократ, предположительно сын конкубины царя кизикенки Хагне (*Gran. Lic.*, XXXV, 29, 7)²⁶⁹. Его статус при вифинском дворе выглядит довольно двусмысленным. С одной стороны, он, будучи ребенком от конкубины, не имел формальных прав на престол. Но в то же время фраза Лициниана: «*Nicomedes Euergetes... non fuit isto filio contentus, quem ex Aristonica legitimum procrearat, tollit ex concubina Hagne Syzicena alterum, Socratem nomine*» (XXXV, 29, 3; 5–7) — ука-

²⁶⁶ Ср. с мнением, что у Никомеда Эвергета не было прямых наследников, рожденных в законном браке, но престолом овладел Никомед, «сын танцовщицы Нисы» (*Reinach Th. Mithridates Eupator... S. 106; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 196–197*).

²⁶⁷ Т. Рейнак скорректировал свою прежнюю точку зрения (см. предыдущ. прим.): *Reinach Th. L'Histoire par les Monnaies. P. 174*.

²⁶⁸ Аппиан в главах седьмой и десятой дважды ошибается, называя Никомеда IV сыном Никомеда II, а не Никомеда III. Судя по всему, сенат признал Никомеда законным наследником еще до выступления Сократа, почему тот первоначально и не заявлял претензий на трон (*Gran. Lic.*, XXXV, 29, 1–2). Не исключено, однако, что греческий историк имеет в виду официальное признание римлянами прав на престол Никомеда Эвергета: он уже должен был считаться легитимным правителем, тогда как его отец Никомед II, будучи узурпатором, мог оставаться формально не признанным сенатом до конца своего правления. Крайне маловероятно, что ошибка Аппиана вызвана существованием некоего претендента на вифинский престол после ликвидации царства, как полагает Р. Салливан (*Sullivan R. D. Near Eastern Royalty... P. 343. Note 14*), ибо сам греческий историк нигде более в тексте своего труда этого не подразумевает.

²⁶⁹ Это имя также восстанавливается с трудом из набора букв HALIESICHEANA; некоторыми исследователями правомерность такого прочтения оспаривается (*Janke M. Historische Untersuchungen... S. 45. Anm. 1*).

живает на то, что Никомед III по каким-то причинам не был доволен своим старшим сыном и предпринял определенные шаги в пользу Сократа²⁷⁰. То, что последний был отправлен вместе с матерью в Кизик, на ее родину, получив содержание в пятьсот талантов (Loc. cit.) отнюдь не свидетельствует об ущемлении его прав: скорее всего, Никомед Эвергет позаботился о том, чтобы между его сыновьями не вспыхнули раздоры в борьбе за власть²⁷¹.

Наконец, совсем недавно была предложена интересная версия, согласно которой у Эвергета был и третий сын: именно он был посвящен на пафлагонский престол под именем Пилемена²⁷² (см. выше, с. 355). Остается только гадать, почему Граний Лициниан, очень хорошо осведомленный о внутривосточной и династической истории Вифинского царства начала I в., ничего не сообщает об этом лице²⁷³; тем не менее его существование очень логично укладывается в рамки политической истории Малой Азии рассматриваемого периода. Исходя из того, что он, как кажется, на всем протяжении своей политической карьеры оказывал поддержку Никомеду Филопатору, можно предположительно считать его родным братом последнего вифинского царя.

После смерти Никомеда III события при вифинском дворе приобрели драматический характер. Восстановить их детали не удается

²⁷⁰ Глагол *tollo* наряду со значением «убирать, удалять, устранять» имеет и другой смысл — «признавать кого-либо своим сыном, возвышать» (*Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 1017–1018*). Последнее значение кажется по контексту более уместным.

²⁷¹ *Vitucci C. Il regno di Bitinia. P. 107*. Ср. с практически аналогичным эпизодом в истории Каппадокии: «подставные» сыновья Ариарата IV Ариарат и Ороферн были отправлены в Рим и Ионию соответственно, чтобы они не оспаривали право на престол у законного наследника, Митридата — будущего Ариарата V (*Diod., XXXI, 19, 7*). Д. Браунд связывает отправку Сократа в Кизик с распространенной в эллинистическом мире практикой посылать царских сыновей для воспитания и образования в Рим, Афины или другие крупные политические и культурные центры, к числу которых можно отнести и этот малоазийский город (*Braund D. Rome and the Friendly King. P. 11*).

²⁷² *Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S. 174–176*.

²⁷³ Возможно, лже-Пилемен был отправлен в Пафлагонию сразу после установления вифинского контроля над западными районами страны, поэтому он, отсутствуя в Вифинии, не предъявлял претензий на престол и никак не участвовал в драматических перипетиях, описанных Гранием Лицинианом.

из-за плачевного состояния источников, но несомненно, что в царской семье разгорелись кровавые распри. Виновником их был, скорее всего, сам Никомед Филопатор. Благоприятная характеристика, данная ему Лицинианом (XXXV, 28, 7 — 29, 1), явно противоречит всему тому, что мы знаем об этом правителе²⁷⁴. Во всяком случае, смерть самого Никомеда III, его жены (матери Никомеда Филопатора) и сестры, на которой Филопатор женился вскоре после своего воцарения (XXXV, 29, 10 — 30, 2)²⁷⁵, случившиеся в течение короткого времени, трудно признать случайным стечением обстоятельств. Видимо, Никомед Филопатор решил избавиться от неугодных ему членов царской семьи и, надо сказать, весьма преуспел в этом. Затем он женился на Нисе — дочери Ариарата VI Каппадокийского и Лаодики (XXXV, 30, 2—3).

Заключение этого брачного союза иногда расценивается как проявление притязаний Никомеда IV на каппадокийский престол²⁷⁶. С этим мнением трудно согласиться. Ниса, очевидно, приехала в Вифинию вместе со своей матерью после изгнания Лаодики и Никомеда Эвергета из Каппадокии более чем за десять лет до рассматриваемых событий и не могла оказать никакого реального влияния на каппадокийские дела, тем более что в Каппадокии у власти находился Ариобарзан, основатель новой династии. Посредством женитьбы на Нисе Никомед вряд ли мог усилить свои позиции в Каппадокии, и потому следует присоединиться к Я. Зайберту, полагающему, что этот брак не предоставил Никомеду никаких политических преимуществ²⁷⁷ (кроме, разумеется,

²⁷⁴ Оценки его личности и деятельности в историографии крайне негативны (*Reinach Th. Mithridates Eupator...* S. 107; *Magie D. Roman Rule...* Vol. I. P. 319; *Duggan A. The King of Pontus.* P. 44; *Kraay C. M., Davis N. The Hellenistic Kingdoms.* P. 263). В одном позднем источнике упоминается некий «вифинский тиран Никомед» (*Ioan. Laur. Lyd., De mens.*, IV, 29), очевидно, это именно Филопатор.

²⁷⁵ Сохранившиеся на палимпсесте буквы EONGLAODICTA, указывают, по мнению одного из издателей текста, на причастность к этим событиям вдовы Никомеда Эвергета Лаодики, хотя правомерность данной конъектуры оспаривается некоторыми исследователями (*Vitucci G. Il regno di Bitinia.* P. 108. Note 1). По моему мнению, наиболее вероятно, что Лаодика также оказалась в числе жертв Никомеда Филопатора.

²⁷⁶ *Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy...* P. 111; *Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство.* С. 197

²⁷⁷ *Seibert J. Historische Beiträge...* S. 117—118.

возможности дополнительно легитимировать свою власть за счет заключения альянса с представительницей царского рода).

Если верить Лициниану, женитьба Никомеда на Нисе вывела на новый виток развитие внутрдинастического конфликта: новая царица стала настраивать Никомеда против Сократа (XXXV, 30, 4). Последний был вынужден бежать к Митридату, у которого он нашел радушный прием и даже получил прозвище «Хрест» — «Добрый, Благой» (XXXV, 30, 5–6). Именно в это время понтийский царь, похоже, начал вести интриги против Никомеда и подослал к нему наемного убийцу — некоего Александра (App., Mithr., 57)²⁷⁸, однако это покушение не увенчалось успехом.

Сократ, получив поддержку у Митридата, отправился в Рим, чтобы заявить о своих правах на вифинский престол (Grac. Lic., XXXV, 30, 6)²⁷⁹. Этот план ему осуществить не удалось. Римляне не приняли аргументов Сократа; так, против него выступил в одной из своих речей римский сенатор Гортензий (Cic., De orat., III, 29). Дальнейшие похождения Сократа изложены в источнике не вполне ясно: он бежал сначала в Кизик, свое прежнее пристанище, где по каким-то причинам убил свою сестру. Преследуемый кизикенцами и Филопатором, он вновь отправился на запад и каким-то образом оказался на Эвбее (Grac. Lic., XXXV, 30, 6–12).

В дальнейшем Сократ опять вернулся к Митридату. На этот раз царь Понта решил перейти к более активным действиям: он снабдил претендента на вифинский престол войском, с помощью которого тот захватил власть в стране и изгнал Никомеда (Just., XXXVIII, 3, 4; App., Mithr., 10; 57; Memn., F 22, 5)²⁸⁰. Ско-

²⁷⁸ Не исключено, что он может быть отождествлен с приближенным Митридата Александром из Пафлагонии (App., Mithr., 76; 77).

²⁷⁹ Он мог обвинять Никомеда в причастности к убийству отца, незаконном происхождении и моральных пороках (Suet., Caes., XLIX, 1, 4; Cass. Dio., F. XLIII; Aug. Vict., Vir. Ill., 78, 1) (Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S. 172. Anm. 109). Помимо того, как следует из проанализированного выше фрагмента Лициниана (XXXV, 29, 3; 5–7), его собственные претензии могли подкрепляться какими-то решениями Никомеда III, принятыми в его пользу.

²⁸⁰ К. Штробель отметил, что эту возможность ему предоставило обострение внутривосточной ситуации в Риме, где в это время начиналась Союзническая война (Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S. 172).

рее всего, Митридат не вторгнулся в Вифинию лично, как считает Дж. Хайнд²⁸¹, однако трудно с уверенностью утверждать, что Сократ подчинил страну «без всякого труда»²⁸². Нумизматические материалы свидетельствуют скорее об обратном: монеты Митридата, выпущенные с марта по май 92 г. и с февраля по май 91 г. (а, по наблюдению Ф. де Каллатай, митридатовские монеты, на которых обозначался месяц выпуска, всегда предназначались именно для военных нужд) могли быть отчеканены именно для финансового обеспечения вифинской кампании Сократа, что указывает на ее значительный масштаб²⁸³. Никомед бежал в Рим, и вифинский престол занял узурпатор²⁸⁴.

До недавнего времени считалось, что круг источников, сообщающих о Сократе Хресте, ограничен данными письменной традиции. Новые, крайне важные и интересные свидетельства были получены Ф. де Каллатай в результате тщательного изучения собранного на сегодняшний день корпуса монет последних вифинских царей. Установив соответствия между типами изображений на аверсе и монограммами, он пришел к выводу, что на протяжении 93/92–89/88 гг. в Вифинии выпускалось параллельно две монетных серии: одна — Никомедом IV, вторая — Сократом²⁸⁵.

Не вдаваясь в детали тонко проведенного исследователем анализа, отметим, что его основной вывод кажется верным: одновре-

²⁸¹ Hind J. C. F. Mithridates // *CAH²*. Vol. IX. 1994. P. 143.

²⁸² Reinach Th. Mithridates Eupator... S. 108.

²⁸³ Callatay F. de. Les derniers rois de Bithynie... P. 7–8. Note 24; *Idem*. La politique monétaire de Mithridate VI Eupator, roi de Pont (120 — 63 av. J.-C.) // *Rythmes de la production monétaire de l'antiquité à nos jours*. Numismatica Lovaniensia. № 7. Louvain-la-Neuve, 1987. Tab. 3.

²⁸⁴ Р. Каллет-Маркс говорит о том, что Сократу подчинилась и Пафлагония (*Kallet-Marx R. M. Hegemony to Empire*. P. 250), но в источниках прямых сведений об этом нет. Не исключено, что именно сводному брату Никомеда — Лже-Пилемени следует приписать бронзовые монеты, перечеканенные впоследствии Митридатом (*Callatay F. de. Certaines bronzes du roi Pylémene... P. 34–37*).

²⁸⁵ Callatay F. de. Les derniers rois de Bithynie... P. 5–30; *Idem*. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 79–80, 275–277. См., однако: Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S. 171–172, Anm. 108, где основные выводы бельгийского нумизмата о событиях вифинской истории после 96/95 г. целиком отвергнуты без какой-либо аргументации, с чем невозможно согласиться.

*Сопоставление портретных изображений на тетрадрахмах
Сократа Хреста (слева) и Никомеда IV (справа) по Ф. Де Каллатай*

менное существование двух эмиссий вифинских царских монет свидетельствует о длительной и упорной борьбе между двумя сводными братьями за господство в Вифинии. Показательно, что узурпатор Сократ отошел от основного принципа, существовавшего в монетном деле вифинских царей уже более полувека — помещать на монетах изображение Никомеда II Эпифана: тетрадрахмы Сократа несут его собственный портрет. Это изменение, видимо, следует объяснять финансовой и военной поддержкой, оказываемой Сократу Митридатом, который не был заинтересован в сохранении преемственности правовых и пропагандистских институтов вифинской монархии или, по крайней мере, пытался использовать их в собственных интересах. Сложнее понять, почему в Вифинии в 93/92–89/88 гг. продолжали чеканиться монеты Никомеда IV, коль скоро царь был изгнан из страны. Возможно, это следует объяснить определенной автономией некоторых из функционировавших в Вифинии монетных дворов²⁸⁶ или же тем, что Сократу не удалось установить контроль над всей территорией страны. Поскольку пик монетной активности Сократа приходится на 91/90 г. до н. э., допустимо считать, что именно в это время

²⁸⁶ Т. Рейнак считает, что их было два — в Никомедии и Никее (*Reinach Th. Numismatique ancienne: Trois royaumes de l'Asie Mineure: Cappadoce, Bithynie, Pont. Paris, 1888. P. 130*, а Д. Глью не исключает возможности того, что к ним следует причислить также Прусиаду-на-Гинии и Прусу-Олимпийскую (*Glew D. G. The Cappadocian Expedition... P. 32–33*).

узурпатору удалось упрочить контроль над Вифинией, а Никомед как раз тогда бежал в Рим²⁸⁷. Характерно, что и чекан Сократа не прекратился после возвращения Никомеда Филопатора на престол, продолжаясь вплоть до начала войны с Митридатом, однако объяснять это вслед за Ф. де Каллатай неким «повторным возвращением» вифинского авантюриста к власти после победы Митридата над Никомедом на р. Амний в начале Первой Митридатовой войны²⁸⁸ вряд ли возможно: к этому времени Сократ, очевидно, уже был убит Евпатором (Just., XXXVIII, 5, 8).

Конечно, состояние базы источников не позволяет с уверенностью объяснить эту чрезвычайно странную ситуацию во внутриполитическом положении Вифинии. С некоторой степенью вероятности можно допустить, что на ее складывание оказали свое влияние исконные устои вифинской государственности, подразумевавшие возможность разделения территории страны на несколько (квази-) суверенных государственных образований в моменты династических кризисов. В эти годы такая возможность вряд ли могла быть реализована как *de jure*, так и *de facto* — прежде всего, из-за наличия внешней силы, абсолютно незаинтересованной в сохранении каких-либо альтернатив власти Сократа — Митридата Евпатора, однако формы и методы его вмешательства в вифинские дела остаются неясными. Вероятно, решающую роль здесь все же сыграла обстановка полной неразберихи и хаоса, установившаяся в Вифинии в 95—89 гг., когда ни одна из политических сил не могла полностью контролировать положение дел в царстве и, в частности, окончательно унифицировать монетный чекан. Необходимо подчеркнуть, что при внешнем сходстве эта ситуация несколько отлична от той, которая сложилась в годы оккупации Вифинии понтийцами в Первую Митридатову войну, когда эмиссия монет Никомеда IV, изгнанного из страны, тоже не прекращалась. Более подробно данная проблема будет исследована ниже.

²⁸⁷ *Callatay F. de. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 80.* Не исключено, что упоминание Цицероном речи Гортензия *pro Bithyniae rege* (*De orat.*, III, 29) следует связывать именно с этим визитом в Рим изгнанного Никомеда (*Callatay F. de. Les derniers rois de Bithynie... P. 8. Note 26*), а не с появлением в сенате Сократа ранее (см. прим. 279). Ср.: *Mastrocinque A. Studi... P. 30–31. Note 65.*

²⁸⁸ *Callatay F. de. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 80.*

Таким образом, именно нестабильность положения вифинской династии, выразившаяся в острых противоречиях между двумя претендентами на престол и возможным расколом населения страны на два враждебных лагеря²⁸⁹, облегчила установление контроля Митридата над Вифинией. Сократ на определенное время оказался чрезвычайно полезной для понтийского владыки фигурой, с помощью которой он мог усиливать свое влияние в Вифинии, избегая открытого вооруженного вмешательства в дела соседнего государства. Мы не располагаем какими-либо сведениями о политике, проводимой Сократом во время его пребывания у власти²⁹⁰, но можно не сомневаться, что он был целиком и полностью послушен воле Евпатора.

Подобный ход событий не мог устроить Рим. Изгнанные Никомед и Ариобарзан активно добивались восстановления в правах, и сенат отправил для выполнения этой задачи комиссию во главе с консуляром Манием Аквилем (App., Mithr., 11; Just., XXXVIII, 3, 4)²⁹¹.

Бесспорно удачным шагом римской дипломатии было предъявление Митридату требования оказать содействие в возвращении к власти каппадокийского и вифинского царей (App., Mithr., 11). Евпатор оказался перед незавидной дилеммой: либо всецело пойти на поводу у сената, либо вступить в открытый конфликт с римлянами, к чему он еще не был готов²⁹². Понтийский царь попытался выйти из затруднительной ситуации: хотя первоначально он отказался выполнить предписание *patres* (App., Mithr., 11), в дальней-

²⁸⁹ Следует отметить, что, судя по активной эмиссии монет обеими сторонами, экономика и финансы Вифинии в конце 90-х — начале 80-х гг. не находились в кризисном состоянии.

²⁹⁰ Мнение об активном участии вифинского узурпатора в изгнании Ариобарзана Филоромея из Каппадокии (Молев Е. А. Властитель Понта. С. 60), очевидно, плод недоразумения: Аппиан указывает, что каппадокийского царя вновь лишили престола полководцы Митридата Митраас и Багой (App., Mithr., 10).

²⁹¹ Аквилей был близким соратником Гая Мария (Plut., Mar., 14, 7; Liv., Per., LXX; Cic., De or., II, 196; Pro Flacc., 198). Будучи сыном организатора провинции Азия, он располагал обширными связями на Востоке, в том числе с вифинской и понтийской династиями и каппадокийской знатью (Badian E. Roman Imperialism... P. 58). Другим членом комиссии был Манлий Мальтин (Just., XXXVIII, 3, 3).

²⁹² Glew D. G. Mithridates Eupator and Rome. P. 395.

шем Митридат сам убил Сократа (Just., XXXVIII, 5, 8)²⁹³ и даже пригласил римских послов в свое царство, дабы они убедились в том, что он не настроен по отношению к ним враждебно (Dio Cass., F. XXXV–XXXVI). Тем не менее дело с восстановлением на престоле изгнанных царей обстояло совсем не так просто, как это может показаться на первый взгляд.

Аппиан говорит, что римляне сразу вернули Никомеда вместе с Ариобарзаном «каждого в свою область» (Mithr., 11), но здесь, очевидно, имеется в виду лишь сам факт прибытия Никомеда и Ариобарзана в Азию вместе с римским посольством. Для реального же их воцарения потребовался срочный набор Манием Аквилем и наместником Азии Луцием Кассием «большого войска из галатов²⁹⁴ и фригийцев» в дополнение к «небольшому войску» Кассия (Mithr., 11). Эти силы должны были либо сломить сопротивление вифинского и каппадокийского узурпаторов, либо в корне пресечь саму его возможность. В любом случае, «одного простого присутствия» Аквилы в Азии²⁹⁵ оказалось недостаточно для разрешения всех проблем, связанных с возвращением на царство Ариобарзана и Никомеда: сенат даже постановил вести против Сократа войну (Just., XXXVIII, 5, 8).

Из этих событий Митридат, хотя он и потерял значительную часть своего влияния в Малой Азии, сумел извлечь некоторую выгоду. Он в очередной раз выставил себя в роли жертвы римской агрессии²⁹⁶ и тем самым обеспечил себе «законный» предлог для

²⁹³ Представляется более вероятным, что Сократ был устранен Митридатом после бегства в Понт (*Vilucci G. Il regno di Bitinia. P. 111; Молев Е. А. Властитель Понта. С. 60*), а не в самой Вифинии (*Glew D. G. Mithridates Eupator and Rome. P. 395*), вслед за тем, как он был изгнан из захваченного им царства посредством или, скорее, только под угрозой применения римской военной силы.

²⁹⁴ Данное сообщение в сопоставлении с пассажем (App., Mithr., 58), где в вину Митридату вменяется в числе прочего и нападение на галатов, позволяет заключить, что не вся Галатия была подчинена понтийским царем. Скорее всего, в сферу его господства вошла лишь область трокмов (*Reinach Th. Mithridates Eupator... S. 88; Sherwin-White A. N. Roman Involvement... P. 71. Note 62; Mitchell S. Anatolia. P. 30*). См. выше, прим. 200–201.

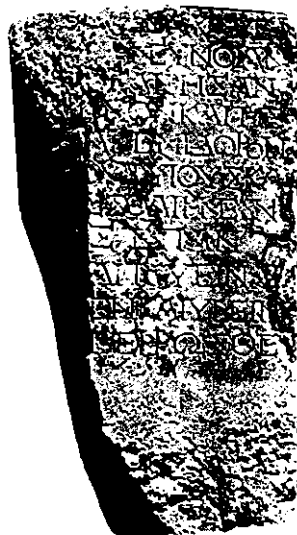
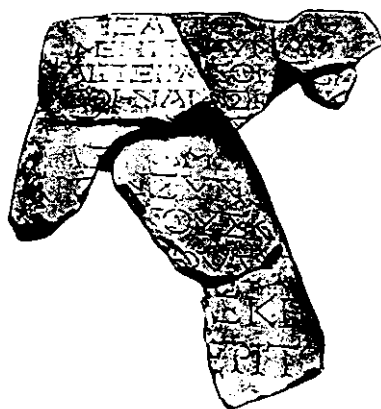
²⁹⁵ *Badian E. Roman Imperialism. P. 58; Смыков Е. В. Рим и Митридат Евпатор. С. 78.*

²⁹⁶ *Бенгтсон Г. Правители... С. 295; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 198; Смыков Е. В. Рим и Митридат Евпатор. С. 78.*

следующего вооруженного сопротивления Риму. Положение его противника Никомеда, вернувшегося к власти, скорее всего, не в начале 89 г. (Liv., Per., LXXIV), а не позднее 90 г.²⁹⁷, было довольно противоречивым. Видимо, ему удалось покончить с оппозицией внутри страны, поддерживающей Сократа. Более сложной для вифинского царя была проблема крупных денежных задолженностей римским послам во главе с Аквиллием и следовавшим за римским войском ростовщикам (App., Mithr., 11)²⁹⁸. Из-за нее он, в отличие от Ариобарзана, не смог противостоять требованиям

²⁹⁷ В этом случае остается достаточно времени для проведения Никомедом двух военных акций против Понта (*Kallet-Marx R. M. Hegemony in Empire*. P. 361).

²⁹⁸ Эта причина затрудняет датировку письма Никомеда совету и народу Пларасы и Афродисия (см. илл. на с. 384), в которой состояние дела вифинского царя характеризуется как *εὐκαρῆσαιτες* (сткк. 23–24). Надатель надписи считает наиболее вероятными моментами для установления отношений между вифинским царем и афродисийцами и пларасийцами либо время после изгнания из Вифинии Сократа, либо период после Первой Митридатовой войны (*Reynolds J. Aphrodisias and Rome. Documents from the Excavation of the Theatre at Aphrodisias Conducted by Professor Kenan T. Erim, together with Some Related Texts / JRS, Monograph No 1. London, 1982. No 4. P. 24, 26*). В пользу более ранней даты свидетельствует, на наш взгляд, и восстановленная форма титулатуры вифинского царя: [Βασιλεὺς Βιθυνῶν Νικομήδης (стк. 1) — см.: *Габелло О. А. Некоторые особенности... С. 167–168*, которую, впрочем, трудно признать стопроцентно надежной (см., например: *Sullivan R. D. Near Eastern Royalty... P. 344. Note 17 с литературой*). Однако отмеченные финансовые и политические затруднения Никомеда накануне войны с Митридатом до некоторой степени противоречат этой возможности. Остается, пожалуй, единственный вариант: письмо Никомеда Филопатора афродисийцам и пларасенцам следует датировать довольно кратким промежутком времени между вторжением Никомеда в Понт и началом полномасштабной войны с Митридатом, когда вифинский царь улучшил свое положение за счет богатой добычи. Символичным кажется и употребление в надписи царского титула, подразумевающего объединение страны под единой властью после гибели Сократа. Возможно, что найденная в Афродисии голова статуи эллинистического правителя, увенчанного диадемой, является фрагментом скульптурного изображения Никомеда IV (*Reynolds J. Aphrodisias and Rome. P. 24*). Ранее считалось, что этот монарх может быть отождествлен с Митридатом Евпатором (*Erim K. T. Aphrodisias in Caria. The 1973 Campaign // Türk arkeoloji dergisi. 22. 1973. P. 77; P. 89. Figs. 57–57*).

*Письмо Никомеда IV (?)
совету и народу Афродисия
(фрагменты)*

Скульптурный портрет Никомеда IV (?) из Афродисия

римлян вторгнуться на территорию Митридата, несмотря на страх перед столь грозным противником²⁹⁹.

Эти события и привели к началу Первой Митридатовой войны. Подстрекаемый римлянами Никомед, вторгся во владения Митридата и опустошил их, дойдя до Амастрии (ἑπί τῆς Ἀμαστρίῃ) (Arr., Mithr., 11)³⁰⁰. Одновременно вифинский флот блокировал

²⁹⁹ Д. Глью затрудняется объяснить причины, позволившие Ариобархану отказаться от выполнения римских требований (Glew D. C. Mithridates Eupator and Rome... P. 395). Вместе с тем отмечается, что Никомед и сам был заинтересован в проведении военной акции против Понта (Kallet-Marx R. M. Hegemony to Empire. P. 255).

³⁰⁰ О возможном маршруте вифинского войска см.: Magie D. Roman Rule... Vol. II. P. 1101. Note 26; Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 118. Б. Макгинг приводит этот пассаж как типичный пример достаточно вольного обращения Аппиана с данными географии (McGing B. C. Appian's «Mithridateios». P. 517). Д. Глью отмечает, что Никомед не случайно вторгся в область, на которую, с точки зрения римлян, понтийский царь имел достаточно спорные притязания; это указывалось, по его мнению, на нежелание Аквилы развязывать большую войну (Glew D. C. Mithridates Eupator and Rome... P. 397). Однако если вторжение Никомеда и не было направлено «в самое сердце Понта» (Luce T. J. Mithridates... P. 187), то оно все равно выглядело в высшей степени вызывающей акцией (McGing B. C. The Foreign Policy... P. 80. Note 52). Не исключено, что тактические детали операции были определены самим вифинским царем, надеявшимся лишь на получение в результате ее необхо-

Боспор Фракийский, в результате чего торговля Понтийского царства понесла большие убытки (App., Mithr., 12)³⁰¹.

Митридат предусмотрительно не оказывал вифинцам никакого сопротивления, чтобы не давать повода к обвинению в агрессии. Он отправил к римским военачальникам свое посольство во главе с талантливым дипломатом Пелопидом, который предъявил римлянам обвинения в адрес Никомеда и потребовал их вмешательства.

Дальнейшее развитие ситуации всесторонне рассмотрено в историографии, причем основное внимание уделяется, во-первых, выяснению специфики дипломатической и пропагандистской деятельности Митридата и, во-вторых, определению особенностей римской политики. Детальный рассказ Аппиана вполне позволяет сделать это³⁰². Он же дает недвусмысленное представление о роли, которую играл в данном эпизоде Никомед: вифинский царь, послушно выполняющий все требования римлян, предоставил понтийскому монарху непосредственный повод для начала войны (App., Mithr., 16; Just., XXXVIII, 5, 10; Flog., I, 3, 5), причем Митридат опять-таки сумел выступить в качестве обороняющейся стороны. Понтийский царь вновь ловко использовал внутренние противоречия римлян: обострение борьбы между Суллой и Марием, начало Союзнической войны в Италии. Ослабляло позиции римских полководцев, выступавших его непосредственными противниками, и то обстоятельство, что их действия не были ратифицированы сенатом (App., Mithr., 17; 19).

Видя, что войны не избежать, Маний, Кассий и Оппий начали собирать войско в Вифинии, Пафлагонии, Галатии и Каппадокии³⁰³. Ими было сформировано три группировки войск, насчиты-

димых денежных средств без развязывания крупной конфронтации с Понтом. Аппиан отмечает, что Никомед вернулся в Вифинию с богатой добычей (μετὰ πολλῶν λαφύρων) (App., Mithr., 11).

³⁰¹ Блокада пролива сохранялась вплоть до подчинения Митридатом Вифинии осенью 89 г. (App., Mithr., 19).

³⁰² Главы 10–16, из которых все, за исключением первых двух, посвящены дипломатической предыстории римско-понтийского столкновения, являются, по мнению Б. Макгинга, одними из лучших в «Митридатике» (McGing B. C. Appian's «Mithridateios». P. 502–503).

³⁰³ Перечисление в этом ряду Каппадокии не вполне понятно: согласно Аппиану, к этому моменту Ариобарзан вновь был изгнан из страны (App., Mithr., 15). Видимо, римляне использовали отряды сторонников

иющих по 40 тыс. пехоты и 4 тыс. конницы. Кассий занял позицию на границе Вифинии и Галатии, Маний перекрывал путь для возможного вторжения понтийских войск в Вифинию, а Оппий контролировал границы Каппадокии. Римский флот под командованием Минуция Руфа и Гая Попилия находился у Византия, охраняя вход в Понт. Никомед, насколько ему позволяла ситуация, вел подготовку к войне: на 91/90 г. приходится заметный рост количества выпущенных им монет³⁰⁴. Собрав армию в 50 тыс. пехоты и 6 тыс. всадников, он с этими силами вновь вторгся в земли Митридата (App., Mithr., 17). Это случилось летом 89 г.³⁰⁵

Понтийский владыка имел в своем распоряжении, согласно Аппиану, 250 тыс. пехоты, 40 тыс. всадников, 400 кораблей и 130 тысяч колесниц (Mithr., 17). Даже если принять данные Мемпона, приводящего более скромные цифры (190 тыс. пехоты и 10 тыс. конницы — Memn., F. 21, 6), то все равно армия понтийского царя почти не уступала противнику в численности, а качественно явно превосходила его³⁰⁶.

Начальный период войны, в котором принимал участие Никомед, основательно рассмотрен во многих исследованиях; последним словом остаются здесь работы К. Штробеля³⁰⁷ и Ф. де Каллатай³⁰⁸. Я лишь кратко остановлюсь на основных вехах этих событий, непосредственно связанных с собственно вифинской историей.

царя, покинувших страну вместе с ним (Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S. 177).

³⁰⁴ Callatay F. de. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 61–63; 75; 282–283. Нужно заметить, однако, что немалая часть этих денег могла быть направлена не на экономические и военные нужды царства, а на выплату долгов Никомеда римлянам.

³⁰⁵ Датировка Аппиана: ἀμφὶ τὰς ἑκατὸν καὶ ἑβδομήκοντα ὀλυμπιάδας (Mithr., 17) (т. е. 88 г.) неточна; верную дату начала войны позволяют определить периоды труда Ливия (Liv., Per., LXXVI; LXXVII). См. наиболее детальное исследование хронологического аспекта событий: Sherwin-White A. N. The Opening of the Mithridatic War // Φιλίας χάριν. Miscellanea di studi classici in onore di Eugenio Manni. Vol. VI. Roma, 1980. P. 1981–1995; ср.: Ballesteros Pastor L. Mithridates Eupátor, rey... P. 108–116.

³⁰⁶ Источники свидетельствуют о низкой боеспособности солдат Никомеда (Memn., F. 22, 7) и армии, набранной римлянами после первых поражений (App., Mithr., 19).

³⁰⁷ Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S. 177–182.

³⁰⁸ Callatay F. de. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 281–288.

Вифинская армия, пройдя через Пафлагонию, вступила на территорию Понта и встретила противника у реки Амний (App., Mithr., 18; Strabo, XII, 3, 40). Хотя понтийское войско, руководимое одним из лучших полководцев Митридата Архелаем, уступало вифинцам в численности, в разгоревшемся упорном и кровопролитном сражении понтийцы одержали победу³⁰⁹. Никомед с уцелевшими отрядами отступил сначала в Пафлагонию, а затем отошел на соединение с Манием. Здесь его конница потерпела поражение в стычке с передовым отрядом савроматских всадников Митридата, и многие вифинцы попали в плен. Затем вифинский царь ушел к Кассию, а Маний был разбит Неоптолемом и Неманом у местечка Пахия в восточной Вифинии (App., Mithr., 19; Memn., F. 22, 7). Из сообщения Мемнона видно, что часть своих воинов Никомед оставил в распоряжении римского военачальника. Митридат после побед во всех трех сражениях милостиво обходился с пленными вифинцами и отпускал их домой, снабжая деньгами (App., Mithr., 18–19). Это, безусловно, принесло ему определенную популярность и облегчило завоевание Вифинии.

После отхода римлян и Никомеда во Фригию и их соединения у Леонтокефалеи путь на Вифинию оказался для понтийского войска практически открытым. Попытки римских полководцев набрать во Фригии новое войско не увенчались успехом, и римляне вновь были вынуждены отступить. Кассий отвел находившиеся в его распоряжении силы в Апамею, а Никомед бежал в Пергам, а оттуда — в Рим (App., Mithr., 19; Strabo, XII, 3, 40). Митридат осенью 89 г. вступил в Вифинию, не встретив никакого сопротивления.

Источники хранят молчание по поводу положения, сложившегося в Вифинии в период понтийской оккупации, и потому его главные черты приходится воссоздавать на основании косвенных данных³¹⁰. Так, некоторые исследователи полагают, что Вифиния

³⁰⁹ Об этом сражении, особенно об удачном использовании понтийцами боевых колесниц, см.: *Несфедкин А. К.* Боевые колесницы и колесничие древних греков. СПб., 2001. С. 304–305; *Гуленков К. Л.* «Особые подразделения» в армии Митридата Евпатора // *Мифы*. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина. Казань, 2002. С. 237–238.

³¹⁰ См. об этом подробнее: *Габелко О. Л.* Статус Вифинии в составе державы Митридата VI в 88–85 гг. до н. э. // *Античность: события и исследователи*. Казань, 1999. С. 90–94.

была превращена в понтийскую сатрапию³¹¹. Подтверждением этому может, казалось бы, служить сообщение Аппиана о назначении Митридатом сатрапов после установления контроля над народами Азии (σατράπας τοῖς ἔθνεσιν ἐπιστήσας — *App., Mithr.*, 21); затем он направил предписание о массовом избиении римлян «всем сатрапам и начальникам городов» (σατράπας ἅπασιν καὶ πόλεσιν ἄρχουσι — *Ibid.*, 22). Тем не менее о репрессиях против римлян в самой Вифинии никаких сведений не сохранилось. Аппиан перечисляет различные города Азии, где итальянцы подверглись уничтожению (Эфес, Пергам, Адрамиттий, Кавн, Траллы) (*Loc. cit.*), но все они расположены в подвластных римлянам областях, так что проживание там большого количества римских граждан вполне объяснимо. Со всей определенностью можно сказать, что сатрапы были назначены над данными территориями, но нет уверенности, что в их число входило Вифинское царство. Каким же был его статус?

Вифиния закономерно не упоминается в переданной Юстином речи Митридата, которая была произнесена им перед началом войны, среди тех государств, которые были приобретены им путем наследования — Колхида, Пафлагония, Боспор (XXXVIII, 7, 10)³¹². Интересен другой пассаж этой речи, где перечислены подвластные Митридату народы, «ни один из которых... никогда не подчинялся никаким царям, кроме отечественных, взять ли Каппадокию или Пафлагонию, Понт или Вифинию, а также Великую или Малую Армению» (XXXVIII, 7, 2). Здесь без видимого четкого порядка названы различные по статусу государства. Пафлагония, как уже неоднократно отмечалось, была приобретена понтийским царем по праву наследования. Каппадокия в это время

³¹¹ Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 117; Lewis M. A History of Bithynia... P. 22. О предполагаемом месте сатрапий в административной структуре Понтийского царства см.: Макгинг Б. На рубеже. Культура и история Понтийского царства // ВДИ. 1997. № 3. С. 108–110. Ирландский историк, в частности, осторожно предполагает, что «в ходе первой войны против Рима Евпатор решил создать особую, применимую к конкретным условиям (ограниченную Малой Азией?), систему назначения сатрапов» (С. 110), но не говорит, входила ли в нее Вифиния.

³¹² Эта пространная речь, единственная сохраненная Юстином в труде Грога, может служить вполне достоверным источником, передающим принципы митридатовской пропаганды. См.: McGing B. C. The Foreign Policy... 106–107; Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S. 181–182.

управлялась его сыном Ариаратом IX, правлению которого была придана видимость законности. Царь Великой Армении Тигран стал равноправным союзником Митридата примерно с 95 г. (Just., XXXVIII, 3, 1–3; App., Mithr., 15), а Малая Армения, видимо, была подчинена Митридату с начала I в., и царем там был посажен сын Евпатора Аркафий (App., Mithr., 17; 18; 35; 41) — но эти страны, скорее всего, поставлены рядом по объединяющим их этническому и географическому признакам. Не исключено, что в этом случае Понт и Вифиния упомянуты вместе как государства, действительно никогда не знавшие над собой чужеземной (греко-македонской) власти и потому представляющие собой особого рода «стержень» новой державы Митридата, где местные иранские и малоазийские традиции играли важную роль.

Пролить свет на положение Вифинии под властью Митридата могут данные нумизматики. Монеты Никомеда IV продолжали выпускаться даже во время изгнания царя из страны (88–84 гг.), хотя и в незначительном количестве³¹³. Среди исследователей абсолютно преобладает версия, объясняющая этот факт тем, что эти монеты чеканились в некоторых вифинских городах, которые остались вне контроля Митридата и сохранили лояльность Никомеду³¹⁴. Но это предположение в корне противоречит данным письменных источников. Они единодушны в том, что Никомед был изгнан из страны, а Митридат не встретил в Вифинии серьезно-

³¹³ Сводку информации о монетах Никомеда IV см. в работах: *Bennet W. H. The Death of Sertorius... P. 469–472; Pollak Ph. A Bithynian Hoard of the First Century B. C. // ANSMusN. Vol. 16. 1970. P. 54; Callataÿ F. de. Les derniers rois de Bithynie... P. 19–22; Idem. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 81.* По данным последнего исследования, число монет Никомеда IV, датированных 88/7–86/5 гг., составляет 17 экземпляров. Г. Перл называет факт выпуска вифинского серебра в годы войны и оккупации «удивительным» (Перл Г. Эры... С. 59. Прим. 75).

³¹⁴ *Recueil. P. 218; Pollak Ph. A Bithynian Hoard... P. 52; Callataÿ F. de Les derniers rois de Bithynie... P. 25. Note 103; McGing B. C. The Ephesian Customs Law and Third Mithridatic War // ZPE. Bd. 109. 1995. P. 287.* Первоначальное предположение Т. Рейнака о том, что монеты от имени Никомеда IV чеканились римским полководцем Фимбрией (Reinach Th. Essai sur la numismatique... P. 351), было опровергнуто находками как вифинских тетрадрахм, датированных временем до прибытия Фимбрии в Вифинию, так и монетами, выпущенными им самим (Bennet W. H. The Death of Sertorius... P. 470).

то сопротивления (Strabo, XII, 3, 40; Flor., XL, 3, 6), причем он установил свою власть и над ее городами (App., Mithr., 20: ὁ δὲ ἑπιπέμῃ τῆδε μᾶ τὴν ἀρχὴν ἄλην τοῦ Νικομήδους ὑπολαβῶν ἐπέει, καὶ καθίστατο τὰς πόλεις. Ср. Memn., F. 22, 8: ἐμβαλὼν δὲ σὺν ἰβείαι Μιθριδάτης εἰς τὴν Βιθυνίαν, τὰς τε πόλεις καὶ τὴν χώραν ἀμαχί κατέσχε). События, видимо, развивались по сходной стратегической схеме с начальным этапом Третьей Митридатовой войны. Тогда, насколько позволяют судить источники, понтийские гарнизоны были поставлены практически во всех вифинских городах: наверняка — в Пруснаде-Приморской (Memn., F. 28, 5), Пикее (F. 28, 8; App., Mithr., 77) и Никомедии (Memn., F. 29, 1), с большой вероятностью — в Апамее, где римлянам было оказано упорное сопротивление (Memn., F. 28, 5; App., Mithr., 77; ср. Strabo, XII, 4, 3), и в Пруссе-Олимпийской, которую римское войско взяло (εἶλον) (Memn., F. 28, 6; App., Mithr., 77). Точные сведения отсутствуют лишь относительно Пруснады-на-Гипии, но и этот город, скорее всего, не избежал общей участи³¹⁵. Вряд ли можно допустить вероятность того, чтобы Митридат, продолжая приводить к покорности магнетов, пафлагонцев и ликийцев (App., Mithr., 21)³¹⁶, оставил бы без должного внимания Вифинию и ее города, военно-стратегическое значение которых было трудно переоценить³¹⁷. Наконец, трудно представить, чтобы жители какого-

³¹⁵ О настроениях жителей городов Вифинии в ходе этой войны см.: Максимова М. И. Античные города... С. 273–274.

³¹⁶ См. перечень городов в различных областях Малой Азии, где Митридату было оказано сопротивление: McGing B. C. The Foreign Policy... 110–112.

³¹⁷ В надписи из Пруссы-Олимпийской (Die Inschriften von Prusa ad Olympum. Т. 1. № 2) содержится упоминание об успешном (?) сопротивлении граждан города осаждавшему его Митридату и о посольстве, отправленном ими к римлянам. Но, во-первых, название города во фрагментах надписи не сохранилось, и потому остается неясным, идет ли здесь речь именно о Пруссе. Во-вторых, даже если это так, то слово αὐτοκρίτορος (стк. 7) наиболее оправдано связывать с одним из римских полководцев, овладевших Пруссой в 72 г. в ходе Третьей Митридатовой войны — Триарием или Барбой (Memn., F. 28, 6). Следовательно, данная надпись не может предоставить никаких аргументов для предположения о сохранении независимости от Митридата какого-либо из вифинских городов в ходе его первой войны с Римом, поскольку относится, скорее всего, к более позднему времени.

либо вифинского города, не подчинившиеся Митридату, смогли бы избежать осады понтийским войском; в этом случае они, терпя жесточайшие лишения (см., например, яркое описание Мемноном осады Гераклеи войском Котты во время Третьей Митридатовой войны), вряд ли имели бы достаточно сил и средств, чтобы чеканить серебряную монету. Независимо от того, где располагались монетные дворы вифинского царства (см. выше, прим. 286), контроль над ними Митридат должен был установить в первую очередь. Этим ситуация 88–85 гг. в корне отличалась от положения, сложившегося в Вифинии во время узурпации Сократа, когда, действительно, какие-то районы страны могли сохранять верность Никомеду.

Все это позволяет предположить единственную возможность — санкционирование чеканки монет Никомеда самим Митридатом. Как ни странно, такой вывод появлялся в историографии лишь эпизодически: впервые, кажется, к нему пришла известная исследовательница античной нумизматики М. Томпсон³¹⁸, а затем к ней присоединился и Ф. де Каллатай³¹⁹, скорректировавший свою прежнюю точку зрения (см. выше, прим. 314). Следует целиком согласиться с мнением этих исследователей, полагающих, что понтийский владыка рассматривал вифинские тетрадрахмы как важный источник финансирования своих войск, в особенности вошедших в их состав отрядов вифинцев. Это, в частности, подтверждается находками тетрадрахм этих лет в кладах, тезаврация которых связана с армией Митридата. Однако здесь, кажется, затронут лишь один — экономический — аспект проблемы. Факт продолжения Митридатом вифинской царской чеканки имел, помимо этого, и политическое значение.

Продолжение вифинского царского чекана Митридатом позволяет понять некоторые особенности политики понтийского царя по отношению к Вифинии. Это царство, хотя оно теоретически и входило в орбиту притязаний Митридатидов³²⁰, все же имело свою долгую историю, управлялось в течение более чем трех веков местной династией и едва ли могло быть сразу, окончательно и бесповоротно лишено даже видимости независимости, в отличие, например, от Каппадокии, где для понтийских монархов уже давно

³¹⁸ *Thompson M.* Byzantium over Aesillas // *RN.* 1973. Ser. 6. T. 15. P. 60. Note 15.

³¹⁹ *Callataÿ F. de.* L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 81.

³²⁰ *Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство. С. 197.

сложилась более простая и выгодная ситуация. Позволив вифинским монетариям выпускать тетрадрахмы Никомеда Филопатора, Филпатор поддерживал иллюзию самостоятельного существования Вифинского царства³²¹. Прямая аннексия соседнего государства казалась Митридату преждевременной, поскольку могла оттолкнуть от него симпатизировавшие ему круги населения Вифинии — например, те, что оказывали поддержку узурпатору Сократу. Формально власть в стране могла быть сохранена как раз за кем-то из представителей вифинской знати, косвенные подтверждения чему можно найти в хронике Мемнона.

Рассказывая о заключении Дарданского мира, историк так передает пункт о восстановлении status quo ante в Малой Азии: Μιθριδάτῃ μὲν Ῥωμαῖοις ἐκχωρεῖν τῆς Ἀσίας, καὶ Βιθυνῶν (sic! — О. Г.) δὲ καὶ Καππαδοκίας ἀρχεῖν τοὺς ἐκ γένους βασιλέας (Мемн., F. 25, 2). Использование здесь этнонима Βιθυνοί вместо названия страны (как это сделано Мемноном в отношении Каппадокии) весьма симптоматично. Уместно провести анализ использования гераклеийским историком этого этнонима применительно к различным ситуациям.

В большинстве случаев Мемнон упоминает о вифинцах в связи с их царями и правителями (F. 6, 3; 9, 3; 14, 1; 19, 1), дважды говорит о τῇ Βιθυνῶν ἀρχῇ (F. 12, 3; 6) и, наконец, употребляет термин Βιθυνοί в узком значении просто для обозначения народности (F. 9, 2; 19, 3; 22, 6; 34, 1). Однако в некоторых контекстах словоупотребление Мемнона заставляет понимать данный этноним «в политическом смысле», о котором говорил Эд. Мейер³²² и который может быть отчасти сопоставлен по значению с его употреблением в формуле Βασιλεὺς Βιθυνῶν в надписи Зизла и, быть может, Никомеда IV³²³.

Так, во фрагменте 9, 5 выступивший против Никомеда I его младший брат назван Зипойт «Вифин». Вряд ли это случайно:

³²¹ В Каппадокии Митридату не нужно было прибегать к таким уловкам: его сын Арнат IX при каждом своем возвращении к власти возобновлял выпуск собственных монет с указанием года правления. Так же поступал и его противник, римский ставленник Ариобарзан. См. об этих монетах: *Simonetta B. The Coins of the Cappadocian Kings. P. 36–42; Callataÿ F. de. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 200–214.*

³²² *Meyer Ed. Bithynien. Sp. 513.*

³²³ Ср. также с употреблением этого этнонима в надписи о войне между Каллатисом и Истрией (см. гл. III, § 1).

в условиях резкой смены Никомедом политического курса страны и установления им союза с греками именно Зипойт олицетворял собой традиционные консервативные устои вифинского общества, благодаря чему за ним и пошла значительная часть населения страны. Понятно, что после убийства Зипойта Никомеду пришлось направить первый удар галатов именно катὰ Βιθυνῶν (Метп., F. 11, 5) — против вышедших из под его контроля вифинцев, не признававших его царем и, возможно, противопоставивших его власти какие-то архаичные племенные институты. Наконец, как указывалось выше, приблизительно такое же значение этнонима Х. Хабихт видит и в событиях 255 г., в начале войны Зиэла против детей Эгазеты (Метп., F. 14, 2)³²⁴. Анализируемый здесь фрагмент 25, 2, как кажется, тоже следует трактовать в подобном ключе.

Таким образом, имеются основания предположить, что в критические моменты истории Вифинии своего рода коллективные полномочия власти переходили к представителям высших слоев общества, именуемых в источниках просто Βιθυνοί. Для Малой Азии первой половины I в. эта ситуация не была новой: выше уже говорилось о предоставлении римлянами «свободы» каппадокийцам и пафлагонцам, причем Страбон особо подчеркивает, что у римлян был заключен договор не только с каппадокийскими царями, но и с народом еще со времени победы в войне с Антиохом III (XII, 2, 11). Практика показала, что в этих случаях дело все равно заканчивалось, как правило, выбором царя, который был наиболее угоден державе, даровавшей «свободу». Все это могло побудить Митридата воздержаться от окончательной интеграции Вифинии в свою ἀρχή в надежде увидеть на престоле Вифинского царства своего ставленника, быть может, даже более управляемого и полезного, нежели неудачливый Сократ Хрест.

Тяготы войны и оккупации самым плачевным образом сказались на положении Вифинии. Понтийский царь овладел казной вифинских монархов (Just., XXXVIII, 3, 1). Будучи подчинены Митридату, многие вифинцы были вынуждены вступить в его войско, переправившееся в Европу (App., Mithr., 41)³²⁵. Тяжелые

³²⁴ Habicht Ch. Ziaelas. Sp. 391.

³²⁵ М. Льюис видит в этом факте доказательство эффективности митридатовской пропаганды среди населения Вифинии (Lewis M. A History of Bithynia... P. 22).

людские потери, неизбежные грабежи и разрушения истощили силы царства³²⁶. Пагубно отразилось на ситуации в стране и то, что на ее территории разгорелась борьба между римскими полководцами Флакком и Фимбрией, соперничавшими за право верховного командования в войне против понтийцев (App., Mithr., 51; Memn., F. 24; Strabo, XIII, 1, 27). В ходе ее была разграблена Пикомедия (Diod., XXXVIII–XXXIX, 8, 2–4).

Когда в ходе войны наступил перелом и Митридат стал стремиться к заключению мира с римлянами, возвращение Никомеда и Ариобарзана в свои царства было одним из основных условий, предъявляемых Суллой понтийскому царю (Plut., Sull., 22). На переговорах Суллы с Митридатом в конце 85 г. Никомед присутствовал лично (24). По условиям Дарданского мира вифинский и каппадокийский монархи при содействии Г. Скрибония Куриона были возвращены на свои престолы (Plut., Sull., 24; Memn., F. 25, 2; App., Mithr., 60; Gran. Lic., XXXV, 28, 6; Flor., I, 40, 12; IG 6855d).

События Первой Митридатовой войны позволяют уточнить также и внутривосточную ситуацию в Пафлагонии. Упоминание Евтропия об изгнании Митридатом царя Пилемеда, друга римского народа (Eutrop., V, 5, 1) имеет особый вес, будучи подтверждено сообщением Орозия: *pulsus ex ea (Paphlagonia. — O. G.) Pylaemene et Nicomede regibus* (VI, 2, 2). Данная информация может свидетельствовать не только о конкретных стратегических деталях кампании (т. е. о поражении Никомеда в долине Амния и о последующем бегстве через Пафлагонию), но и о том, что в этих событиях Никомед Фидопатор и его сводный брат выступали объединенными силами³²⁷. В дальнейшем в Пафлагонии находился один из очагов сопротивления Митридату (App., Mithr., 21), и Дж. Хайнд полагает, что его мог возглавить сам Пилемен³²⁸. Не исключено, что вифинский Пилемен погиб в ходе войны³²⁹: после

³²⁶ Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 117.

³²⁷ Видимо, Пилемен не просто «гарантировал Никомеду свободу действий» в Пафлагонии (Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S. 178), но и оказал ему действенную поддержку, на что и указывает Орозий.

³²⁸ Hind J. G. F. Mithridates. P. 147.

³²⁹ К. Штробель предполагает, что он, вероятно, не дождался начала Третьей Митридатовой войны (Strobel K. Mithridates VI von Pontos. P. 175).

ее окончания легат Суллы Курион передал Пафлагонию Никомеду (Nicomedi regnum Bithyniae restituit Curio eique adiecit Paphlagoniam) (Gran. Lic., XXXV, 28, 6–7). Одни исследователи полагают, что Пафлагония действительно перешла к Вифинии³³⁰, другие затрудняются в интерпретации этого сообщения³³¹; между тем передача Пафлагонии Никомеду выглядит вполне логичной, если предположить, что к этому моменту его брата, пафлагонского царя, уже не было в живых. Не удивительно, что после этого Никомед вернул Пафлагонию детям Пилемена — своим племянникам Пилемену-младшему и Атталу: видимо, он по достоинству оценил вклад их отца в борьбу с понтийским царем. Их изгнал из страны Митридат в 74 г. (Suid., s. v. Πομπήϊος), а в 65/64 г. они были возвращены на царство Помпеем (Strabo, XII, 3, 1; Dio. Cass., XLVIII, 33, 5; Eutrop., VI, 14, 1; Suid., s. v. Πομπήϊος)³³². Таким образом, при всех бурных перипетиях истории Малой Азии эпохи Митридатовых войн Пафлагония оставалась в сфере влияния Вифинии, а представители боковой ветви вифинской династии занимали пафлагонский престол даже после того, как с политической карты древнего мира исчезла не только независимая Вифиния, но и держава Митридата³³³. Этот факт следует признать одним из немногочисленных внешнеполитических успехов последнего вифинского царя, не сыгравшим, впрочем, особо важной роли в его противоборстве с Евпатором и имевшим скорее символическое значение.

О последнем десятилетии правления и жизни Никомеда IV мы не имеем полной и достоверной информации. Хотя он и не принял никакого участия во Второй Митридатовой войне (83–81 гг.)³³⁴,

³³⁰ Liebmann-Frankfort T. La frontière orientale... P. 185.

³³¹ Strobel K. Mithridates VI von Pontos. S. 174–175.

³³² Их права, судя по всему, считались вполне законными: Страбон именуется их «потомками Пилемена», а Суда говорит о возвращении Аттала и Пилемена «в отеческую державу».

³³³ Смыков Е. В. Рим и Митридат Евпатор. С. 57. Любопытно, что сенат фактически отменил свое прежнее решение, предусматривавшее устранение вифинского контроля над Пафлагонией.

³³⁴ Обе стороны во время этого конфликта проявляли значительную дипломатическую активность (Гуленков К. Л. Вторая Митридатова война и ее последствия // SH. Vol. I, 2001. С. 82–83), так что уклонение Никомеда от участия в войне, чреватого для него новыми тратами и усилением зависимости от римлян, можно расценивать как его относительный успех.

его положение по-прежнему определялось необходимостью балансировать между Римом и Понтом. В 81 г. он оказал помощь флотом наместнику Азии М. Минуцию Терму для осады Митрилены — последнего греческого города, сохранившего верность Митридату, причем осуществление этой миссии было поручено молодому Г. Юлию Цезарю³³⁵ (Suet., Caes., 2; Aur. Vict., De vir. ill., 78, 1; Plut., Caes., 1; Luc. Ampel., XXXIV, 3). Детали событий остаются неизвестными, но именно пребывание у Никомеда в дальнейшем неблагоприятно сказалось на репутации Цезаря (Suet., Caes., 8; 52; Dio Cass., XLIII)³³⁶. Существуют и другие подтверждения того, что нравы царского двора в Никомедии негативно оценивались современниками из-за царивших там роскоши и изнеженности (Cic., In Verr., II, 5, 27)³³⁷.

Пышность двора Никомеда IV тем не менее не означала процветания его страны. Свидетельством охватившего Вифинию глубокого экономического кризиса может считаться факт снижения тисса вифинских тетрадрахм начиная с 86/5 г. и полное отсутствие выпусков царских монет в 216—222 гг. виф. эры (82/1—76/5 гг.)³³⁸. Монеты Никомеда Филопатора обнаружены только в пяти кладах³³⁹. Конкретные причины этого остаются неизвест-

³³⁵ Цезарю в ходе этих событий удалось не только избежать преследований со стороны Суллы, но и приобрести определенное влияние в Вифинии: Ridley R. The Dictator's Mistake: Caesars Escape from Sulla // Historia. Bd. XLIX. Ht. 2. 2000. P. 228.

³³⁶ Цезарь имел в Вифинии обширную клиентелу, в которую входили и представители царской династии (Suet., Caes., II; XLIX, 3; Gell., V, 13, 6; Bell. Alex., LXVI, 3). См. об этом подробнее: Dahlmann H. Caesars Rede für die Bithyner // Hermes. Bd. LXXIII. 1938. S. 341—346; Dobesh G. Caesar und Kleinasien // Tyche. Bd. 11. 1996. S. 52—53.

³³⁷ Возможно, сюда же следует добавить и свидетельство Никандра Калхедонского, в котором упоминаются вифинский царь Никомед и его виночерпий Секунд (Athen., XIII, 83, 606 B = FGtH, 700, 2). Ф. Якоби полагает, что здесь идет речь о Никомеде II, но его внук представляется более подходящей кандидатурой для упоминания в труде Никандра (Περὶ πετέϊαι τῶν τῆς Βιθυνίας βασιλέων), представлявшем собой, судя по всему, сборник анекдотов (ср.: Athen., XI, 94, 496 DE = FGtH, 700, 1).

³³⁸ Callatay F. de. Les derniers rois de Bithynie... P. 20, 25; Idem. L'histoire des guerres Mithridatiques... P. 74—75, 82—83.

³³⁹ IGCH № 332, 971, 973, 1384, 1463.

ными, но можно думать, что население и хозяйство Вифинии, как и всей Малой Азии, по-прежнему страдали от произвола римских публиканов и ростовщиков (Plut., Luc., 7). Их деятельность в Вифинии регламентируется таможенным законом провинции Азия, датированным 75 г.³⁴⁰ Активное порабощение вифинского населения отмечено Катуллом (Catull., 10), посетившим Азию в 57–56 гг., уже после превращения страны в римскую провинцию. Все более углубляющаяся экономическая и политическая зависимость от Рима привела к тому, что в последние годы своего правления Никомед IV был полностью лишен возможности предпринимать хоть сколько-нибудь самостоятельные действия³⁴¹. В это время Вифиния вновь попала в поле зрения Митридата, как видно из его переговоров с Серторием: в ходе их понтийский царь в качестве важнейшего условия заключения союза требовал признания своих прав на Азию (с ней, впрочем, вопрос особый)³⁴², Вифинию, Пафлагонию, Галатию и Каппадокию (App., Mithr., 68; Plut., Sert., 23–24)³⁴³.

³⁴⁰ Engelmann H., Knibbe D. Das Zollgesetz der Provinz Asia. Eine neue Inschrift aus Ephesos // EA. Ht. 14. 1989. § 2, 4, 6, 9; S. 161. Необходимо отметить, что присутствие публиканов в Вифинии ни в коей мере не может означать, что к этому времени Никомед IV уже умер и его царство отошло к римлянам (Merkelbach R. Hat der Bithynische Erbfolgekrieg im Jahr 74 oder 73 begonnen? // ZPE. Bd. 81. 1990. S. 97–100. S. 97–98): в источниках, как уже отмечалось, содержатся неоднократные упоминания о деятельности римских откупщиков в Вифинии до утраты ею самостоятельности (Diod., XXXVI, 3, 1; App., Mithr., 11); ср.: Memn., F. 27, 5–6 — попытка римских откупщиков взимать деньги с независимой Гераклеи. О последнем событии наиболее подробно см.: Bittner A. Gesellschaft und Wirtschaft... S. 103–105.

³⁴¹ Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 319; Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 117.

³⁴² Более обоснованным выглядит предположение, что Серторий не мог передать Митридату владение римского народа (Гельцер М. Уступил ли Серторий Митридату провинцию Азия? // SH. Vol. III. 2003. С. 83–89).

³⁴³ Хотя сообщение Плутарха будто бы дает понять, что контакты между Серторием и Митридатом были установлены уже после начала войны с Римом, здесь не выдержана хронологическая последовательность событий. См. анализ источников и литературы: Scardigli B. Sertorio: problemi cronologici // Athenaeum. Vol. 49. № 3–4. 1971. P. 252–258. Переговоры Евпатора с Серторием начались, видимо, в 76 или 75 г.

Влияние Рима в Вифинии в это время приняло новые формы, порожденные спецификой внутривластного положения в стране и, в частности, отсутствием прямого законного наследника вифинского престола. *Patres* внимательно следили за положением дел в Вифинии, желая держать в своих руках все возможности для использования его в собственных интересах. Римляне продолжали рассматривать Вифинское царство как объект своих дипломатических манипуляций. Именно в таком ключе возможно истолковать сообщение Цицерона о посольской миссии к царям Садалу и Никомеду, которую должен был выполнить Г. Веррес по поручению наместника Азии Гн. Корнелия Долабеллы (*Cic., In Ver., II, 1, 63*).

Датировка и цели посольства Верреса, сорванного им, остаются спорными, но не исключено, что их следует связывать с римскими планами по превращению Вифинии в провинцию³⁴⁴. Д. Глю не без оснований полагает, что сенат вплотную рассматривал возможность заполнения «политического вакуума», который образовался бы в Вифинии в случае смерти Никомеда; повод к тому могли дать, например, слухи об ухудшении здоровья царя³⁴⁵.

Смерть Никомеда IV действительно привела к резкому изменению ситуации в Малой Азии. Она означала окончание существования Вифинского царства как самостоятельного государства и одновременно привела к началу Третьей Митридатовой войны, итоги которой принесли Риму многократное расширение владений в Азии. Последняя страница истории Вифинского царства пред-

(*McGing B. C. The Foreign Policy... P. 138*). См. новейшую работу с уточненной датировкой — 2-я пол. 75 г.: Гуленков К. Л., Короленков А. В. Союз Митридата и Сертория // *Античность: общество и идеи*. Камень, 2001. С. 63–70; ср.: Короленков А. В. Квинт Серторий. Политическая биография. СПб., 2003. С. 227–231. Если авторы этой гипотезы правы, это доказывает, что в 75 г. Никомед Филопатор был еще жив, а Вифиния не могла считаться римским владением. Данный факт исключительно важен для выяснения хронологии заключительного периода вифинской истории.

³⁴⁴ Посольство Верреса ставится в связь с борьбой римлян против пиратов (*Reinach Th. Mithridates Eupator... S. 314. Anm. 1; Callatay F. de. L'histoire des guerres Mithridatiques... P. 337*), однако едва ли корабли римлянам мог поставить Садал.

³⁴⁵ *Glew D. G. Between the Wars: Mithridates Eupator and Rome, 85–71 B. C. // Chiron. Bd. 11. 1981. P. 128–130.*

ставляет собой тугой клубок самых разнообразных проблем, рассмотрение которых можно сравнить с расследованием запутанного детективного сюжета. Она должна быть изучена в трех аспектах — хронологическом, юридическом и внешнеполитическом.

Уточнение даты смерти Никомеда IV позволяет определить начальный год вифинской царской эры³⁴⁶. Решение этого вопроса также помогает выяснить время начала Третьей Митридатовой войны, начавшейся, по общему убеждению, на следующий год после того, как Никомед завещал Вифинию Риму³⁴⁷. Исключением является оригинальный взгляд Ф. де Каллатай, относящего смерть Филопатора на основании нумизматических данных к 76/75 г., а начало войны — к весне 73 г. (при том что сам исследователь началом вифинской царской эры считает 297/6 г.)³⁴⁸ Его соображения, кажется, встретили некоторое сочувствие у Б. Макгинга³⁴⁹, хотя сам ирландский историк раньше придерживался традиционной точки зрения о смерти Никомеда в 74 г.³⁵⁰

Тем не менее в построениях Ф. де Каллатай имеются очевидные слабости, вызванные, судя по всему, явным предпочтением, отдаваемым им нумизматическим данным в сравнении с письменной традицией. Исследователь, в частности, не объясняет, как могла сложиться ситуация, что чеканка вифинского серебра, пре-

³⁴⁶ Основополагающей в этом вопросе по-прежнему остается статья Г. Перла (*Перл Г. Эры... С. 39–69*). Последняя попытка оспорить ее выводы и отодвинуть начальный год эры на 298/7 г., а начало Третьей Митридатовой войны — на 74 г. была предпринята Р. Меркельбахом (*Merkelbach R. Hat der Bithynische Erbfolgekrieg... S. 97–100*), но она встретила убедительные возражения (*Leschhorn W. Antike Ägen. S. 179–191; McGing B. C. The Ephesian Customs Law... P. 283–288*), которые избавляют меня от необходимости отстаивать здесь традиционную точку зрения.

³⁴⁷ Я оставляю в стороне поистине огромный массив литературы, посвященный определению времени начала Третьей Митридатовой войны, и обращаюсь лишь к самым новым и наиболее авторитетным работам, суммирующим все достижения предшественников.

³⁴⁸ *Callatay F. de. Les derniers rois de Bithynie... P. 24–30; Idem. L' Histoire des guerres Mithridatiques... P. 82–83; Mastrocinque A. Studi... P. 113.*

³⁴⁹ *McGing B. C. The Ephesian Customs Law... P. 284–285.*

³⁵⁰ См., например: *Idem. The Date of the Outbreak of the Third Mithridatic War // Phoenix. Vol. 38. № 1. 1984. P. 12–18.* В последней работе, вышедшей в 1995 г. (*The Ephesian Customs Law...*), Б. Макгинг, к сожалению, не уделяет специального внимания анализу мнения бельгийского нумизмата о хронологическом аспекте событий.

рианная в 82/81 г., была возобновлена только после смерти последнего царя Вифинии; мнение о том, что это было сделано сыном Нисы (и продолжалось в течение полутора лет, как следует из построений Ф. де Каллатай!), подвергается в науке справедливой критике (см. далее, с. 409–410). Монеты Митридата VI, датированные по месяцам 76/75 и 75/74 гг., как считает бельгийский нумизмат, были предназначены для финансирования предстоящих военных операций против Вифинии³⁵¹, но они могли быть выпущены и до смерти Никомеда, что хорошо вписывается в картину широкомасштабных военных приготовлений Митридата (App., Mithr., 69; Plut., Luc., 7). Далее, хотя в историографии отмечался «недостаток интереса к точной хронологии у Алпиана»³⁵², трудно допустить, чтобы Митридат, начавший вторжение в Вифинию, лишь недавно (ἄρτι) (Mithr., 71) оставшуюся без царя, по политическим и военно-стратегическим соображениям позволил бы римлянам укрепить свое господство в Вифинии в течение почти двух лет (осень 75 г. — весна 73 г.).

Наконец, построения Ф. де Каллатай не могут опровергнуть сообщения Евтропия: Anno urbis conditae DCLXXVI, L. Licinio Lucullo et M. Aurelio Cotta coss., mortuus est Nicomede, rex Bithyniae, et testamento populum Romanorum fecit heredem (VI, 6, 1). Данные Евтропия обычно особо ценны тем, что в них сочетается датировка по году³⁵³ и по римским консулам³⁵⁴. Другие источники, к сожалению, менее информативны, хотя и они позволяют уточнить некоторые немаловажные детали событий (Liv., Per., XCIII; Vell. Pat., II, 4, 1; App., Mithr., 71; App., Bell. Civ., I, 111; L. Ampel., XXXIV, 3; Fest., 11; Ag., Bithyn., F. 1, 4; Cic., De leg agr., II, 40).

Необходимо также попытаться определить время вступления в должность наместника Вифинии М. Юнка, исполнявшего до того должность проконсула Азии. Ф. де Каллатай, исходя из своей

³⁵¹ Callatay F. de. Les derniers rois de Bithynie... P. 29.

³⁵² McGing B. C. Appian's «Mithridateios». P. 516–517. Греческий историк и сам отмечает, что не придает большого значения точной хронологии описываемых им событий (App. Prooem. 13).

³⁵³ К сожалению, как раз в данном случае цифровые данные позднеримского историка неверны. См. об этом: Перл Г. Эры... С. 47.

³⁵⁴ Евтропий достаточно надежен, когда датирует события по консулам (Перл Г. Эры... С. 47–48). Попытки подвергнуть его информацию критике лишь на том основании, что он является поздним источником (Callatay F. de. Les derniers rois... P. 27), остаются неубедительными.

датировки смерти Никомеда, датирует вступление М. Юнка в должность проконсула Вифинии уже 75/4 г.³⁵⁵ Тем не менее это предположение может быть существенно поколеблено вновь предложенной датировкой заключения союза между Серторией и Митридатом (см. выше, прим. 343), во время которого наверняка Филопатор был еще жив. Отдельный пласт информации содержат источники, повествующие о пребывании Цезаря в плену у пиратов и причастности к этим событиям Юнка (Suet., Caes., 4, 1–2; Plut., Caes., 1–2; Vell. Pat., II, 41, 3 — 42, 3; Polyae., VIII, 23, 1; Auct., De vir. ill., 78, 3). Эти сообщения чрезвычайно противоречивы (во многом из-за различных текстуальных искажений) и не раз становились объектом специальных исследований³⁵⁶, в которых, впрочем, пока что не дано исчерпывающего ответа на все возникающие вопросы.

Во многих исследованиях эпизод с пиратами отнесен к зиме 75/74 г., хотя аргументация сторонников этой точки зрения не представляет собой единого целого и существенно различается в деталях. Так, А. Уорд исходит из датировки смерти Никомеда концом 75 г.³⁵⁷, что, как было отмечено, в свете последних исследований выглядит невозможным. Ф. де Каллатай связывает пленение Цезаря пиратами с возрастанием их активности вследствие дипломатических усилий Сертория, относя начало войны к 73 г.³⁵⁸ Однако при таком восстановлении событий возникает противоречие с данными Светония об участии Цезаря (вскоре после его освобождения от пиратов) в боевых действиях против понтийцев (Caes., 4, 2): в противном случае период пребывания Цезаря на

³⁵⁵ Callatay F. de. Les derniers rois de Bithynie... P. 27–28.

³⁵⁶ См., например: Ward A. M. Caesar and the Pirates II. The Elusive M. Iunius Iuncus and the Year 75/4 // AJAH. Vol. II. 1977. P. 26–36; наиболее обстоятельная работа: Günther L.-M. Caesar und die Seeräuber — eine Quellenanalyse // Chiron. Bd. 29. 1999. S. 321–337; впрочем, подход немецкой исследовательницы к источникам выглядит гиперкритическим, а ее конечный вывод о том, что история с пиратами имеет в качестве *terminus ante quem* 77 г. (S. 336), полностью дезавуирует значение данного эпизода для рассматриваемых здесь сюжетов.

³⁵⁷ Ward A. M. Caesar and the Pirates. P. 31; особ. P. 32–33. При этом последовательность событий восстановлена исследователем в целом непротиворечиво и, как кажется, может быть в основных чертах «передвинута» на год позже.

³⁵⁸ Callatay F. de. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 342–344.

Родосе занял бы больше года, а он, судя по всему, в действительности был кратковременным. В источниках нет информации и о мелких-либо других событиях, связанных с деятельностью Цезаря в Азии, которые заняли бы довольно значительный период времени от его освобождения до начала войны³⁵⁹. Все это позволяет предположить, что эпизод с пиратами мог иметь место и зимой 74 — в начале весны 73 г.³⁶⁰; единственная возникающая при этом трудность — это установить время передачи Юнком своих полномочий Котте, который был правителем Вифинии к моменту вторжения Митридата (App., Mithr., 71). Видимо, Котта прибыл в свою провинцию (Plut., Luc., 6) совсем незадолго до начала войны. При такой реконструкции событий становится более понятным, почему он не сумел организовать эффективного сопротивления вторгшимся понтийским войскам.

Неоценимую в рассмотрении событий помощь оказывают также данные нумизматики — последние монеты вифинского царя, выпуск которых возобновился в 75/74 г. На сегодняшний день известно 16 тетрадрахм, датированных по вифинской царской эре как ГКС (223 г.) и 7 — ДКС (224 г.)³⁶¹. Уже давно определено, что эти монеты не могут свидетельствовать о том, что Никомед IV еще оставался в живых до осени 74 г.³⁶² Ф. де Каллатай называет обе эти эмиссии посмертными³⁶³, однако более вероятным кажется считать таковой только последнюю из них.

Тетрадрахмы 223 г. виф. э. проштампованы штемпелями с монограммами двух видов — и . Они находят полное со-

³⁵⁹ Речь Pro Bithynis (Gell., V, 13, 6) могла быть произнесена Цезарем как во время его пребывания в Азии, так и по возвращении в Рим (Ward A. M. Caesar and the Pirates. P. 31), когда он активно выступал в судах (Plut., Caes., 4); во втором случае в нее могло входить и выступление в защиту дочери Никомеда Филопатора Нисы (Suet., Caes., 49, 3). Этот вариант выглядит более вероятным. Он, кстати, опять-таки свидетельствует против предположения Ф. де Каллатай о кончине Никомеда IV в 76/75 г.: вероятно, «дело Нисы» слушалось бы вскоре после нее, а не через год с лишним.

³⁶⁰ См., например: Kallet-Marx R. M. Hegemony to Empire. P. 300. Note 34.

³⁶¹ Callatay F. de. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 65, 73. Tabl. 1.

³⁶² McGing B. C. The Ephesian Customs Law... P. 287.

³⁶³ Callatay F. de. Les derniers rois... P. 24–30.

ответствие в выпусках 207–209 гг. виф. э., связываемых, как уже отмечалось выше, с деятельностью Сократа Хреста³⁶⁴. Однако иконографически они различаются довольно сильно, и предполагать здесь, как это делает бельгийский исследователь, повторное использование одних и тех же монетных типов (что, вероятно, могло бы свидетельствовать о посмертном характере этих выпусков) едва ли возможно. На посмертный чекан больше походят тетрадрахмы 224 г. виф. э. — меньшего веса и худшего качества³⁶⁵, и это вполне объяснимо.

Существуют косвенные данные в пользу того, что финансовое положение Вифинии к последнему году правления Никомеда IV несколько выправилось³⁶⁶: судя по всему, одним из важнейших мероприятий новой римской администрации в Вифинии стала доставка в Рим имущества (*supellectilis*) Никомеда (*Fest.*, 320 L). В него, вероятно, входила и царская казна³⁶⁷, а поскольку римляне были весьма заинтересованы в ее приобретении, то можно предположить, что она была достаточно значительна и вполне позволяла возобновить чеканку серебра. Естественно, после ее вывоза условия для нормального осуществления монетных эмиссий в Вифинии (оставим пока в стороне вопрос о том, кто их предпринимал) ухудшились, что не замедлило отрицательно сказаться на количестве и качестве тетрадрахм 224 г. виф. э.

Итак, Никомед IV скончался примерно осенью 74 г. Этому предположению, на мой взгляд, ничуть не противоречит замечание о том, что за период с осени 74 г. по весну 73 г. на простран-

³⁶⁴ *Callataÿ F. de. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 73. Tabl. 1.* Этот случай, кстати, не уникален в вифинской нумизматике: тетрадрахмы выпуска 96–95 и 88–87 гг. помечены одинаковой монограммой Σ , а монеты выпуска 93–91 и 84 гг. — очень близкими монограммами Σ Р и Σ Р (Callataÿ F. de. *Les derniers rois... P. 19–20*).

³⁶⁵ *McGing B. C. The Efesian Customs Law... P. 287. Note 24.*

³⁶⁶ Не исключено, что это произошло из-за финансовых вложений, осуществляемых некоторыми итальяскими предпринимателями (*Dio Cass.*, XLIII, 20, 2) (*Lewis M. F. A History of Bithynia... P. 25*).

³⁶⁷ *Callataÿ F. de. Les derniers rois... P. 11.* Должна быть особо отмечена роль, сыгранная в этих событиях квестором или легатом Помпеем Вифиником: именно он, а не новый наместник Юнк, мог провести мероприятия, необходимые для превращения Вифинии в провинцию, за что и получил «говорящий» когномен (*Lewis M. F. A History of Bithynia... P. 33, 77; Kallet-Marx R. M. Hegemony to Empire. P. 300. Note 33*).

стве между Римом и Вифинией должно было бы произойти очень много событий³⁶⁸. Это смерть Никомеда и сообщение о ней в Рим; прибытие в Рим «сына» Никомеда и отведение его притязаний на престол делегацией вифинцев (см. об этом чуть ниже); вступление в должность М. Юнка; смерть Луция Октавия в Киликии, назначение Лукулла на его место и прибытие в Азию с набранными войсками его и Котты (Plut., Luc., 7; Memn., F. 27; Cic., Pro Mur., 33).

Что касается сообщения о визите в Рим делегации из Вифинии, отвергшей притязания «самозванца» (Sallust., Hist., II, 71 Maurenbrecher): «Против них многие из Вифинии, желая поспешно прибыть, (чтобы) доказать, что (этот) сын не является подлинным...» (Quos adversum multi ex Bithynia volentes accurrere falsum filium arguituri), то в нем содержится несколько нюансов, которым до сих пор не было уделено достаточного внимания. Во-первых, этот фрагмент указывает на то, что «сын» Никомеда Филопатора, видимо, располагал в стране определенной поддержкой: возможно, под словом quos подразумеваются вифинские послы к римлянам, доказывавшие в сенате легитимность прав «сына Никомеда» на престол³⁶⁹. Во-вторых, о личном визите «самозванца» в Рим утверждать на основании этой информации с полной уверенностью нельзя. П. Макгашин, в частности, считает, что здесь подразумевается лишь *готовность* некоторых вифинцев выступить перед

³⁶⁸ Б. Макгинг приводит нижеследующие аргументы для того, чтобы подвергнуть сомнению возможность всего лишь полугодичного интервала между смертью Никомеда и началом войны применительно к 75 и 74 гг. (McGing B. C. The Efesian Customs Law... P. 285), но они в основном действуют и для рассматриваемого здесь варианта.

³⁶⁹ McGushin P. Commentary // Sallust. The Histories / Translated with Introduction and Commentary by P. McGushin. Vol. I. Oxford, 1992. P. 250–251. Следует отметить, что П. Макгашин, исходя из кропотливого анализа фрагментов Саллюстиевой «Истории», придерживается датировки смерти Никомеда 75 г., а начала Третьей Митридатовой войны — 74 г. (Ibid. P. 247–250). Однако, на наш взгляд, очень плохо сохранившийся труд римского историка, требующий тщательнейшего текстологического изучения (провести, а порой и просто оценить которое вряд ли способен кто-либо, кроме специалистов уровня Г. Перла или самого П. Макгашина!), никак не может иметь приоритета по информативности перед другими источниками, проливающими свет на хронологический и событийный аспекты событий.

сенатом для отведения притязаний возможного претендента на вифинский престол³⁷⁰; соответственно все эти споры могли иметь место и в самой Вифинии после смерти последнего ее царя. Возможен поэтому и такой вариант, объясняющий быстрое появление перед сенатом вифинской делегации: «сын» Никомеда Филопатора находился в Риме на воспитании, как это было в свое время с Никомедом II. По моим расчетам, ему было в это время около 20 лет³⁷¹. Все эти предположения, разумеется, не могут считаться надежно доказанными, но они создают впечатление того, что события, связанные с определением статуса Вифинии после смерти Никомеда Филопатора, могли занять не так уж много времени: они развивались весьма стремительно. Поэтому нет никакой необходимости принимать гипотезу бельгийского нумизмата о полуторагодовом периоде между смертью Филопатора и началом войны Митридата с Римом.

Относительно указаний общего характера на то, что путь из Малой Азии в Рим был довольно долгим и, следовательно, для получения сенатом известия о смерти Никомеда, превращения Вифинии в провинцию и прибытия в Азию римских консулов и войск потребовалось больше времени, чем период с осени 74 г. по весну 73 г.³⁷²; можно заметить, что в них, кажется, не учтены политические особенности сложившейся ситуации³⁷³. В Риме внимательнейшим образом следили за положением дел в Вифинии; сенату было ясно, что война с Понтом неизбежна, и при таком положении вещей мы вправе ожидать, что римляне создали экстренную систему коммуникаций между Италией и Малой Азией. Следовательно, время, необходимое сенату для сообщения с Вифинией в 74–73 гг., было существенно меньшим, нежели в обычных обстоятельствах, когда столь крайние меры не были необходимы³⁷⁴.

³⁷⁰ *McCushin P. Commentary. Vol. I. P. 251.*

³⁷¹ См.: *Габелко О. А. К династической истории... С. 217–218.*

³⁷² *McCing B. C. The Date... P. 15–16.*

³⁷³ О ее экстраординарности свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что ни Филипп V, ни Персей, ни Антиох III не удостоились от римлян такой «честь», как Митридат, против которого было направлено сразу два консула одного года (*Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 163; Callataÿ F. de. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 344. Note 30*).

³⁷⁴ Вряд ли допустимо сравнивать скорость доставки частного письма Аттика Цицерону из Рима в Кибистру (*Att., V, 19 = CCXVIII*) (оно

Обратимся теперь к рассмотрению правовой стороны вопроса о завещании Никомеда. Случаи завещания эллинистическими монархами своего царства римскому народу не были редкими и достаточно основательно изучены современными учеными³⁷⁵. В ситуации с Никомедом IV проблема состоит в том, что в нашем распоряжении отсутствуют эпиграфические документы с текстом завещания (подобные, например, тем, который оставили Птолемей VII Эвергет Киренский и Аттал III Пергамский), а это заставляет исследователей опираться исключительно на противоречивые данные письменной традиции.

Главная трудность состоит в том, чтобы определить, действительно ли Никомед Филопатор умер бездетным, как об этом сообщает Аппиан (*Mithg.*, 71), или у него все-таки был сын³⁷⁶; если верно последнее, то имел ли он права на престол. От этого зависит оценка правомерности действий римлян с точки зрения соблюдения духа и буквы закона.

Сведения о человеке, которого на некотором основании можно считать сыном Никомеда Филопатора и Нисы, имеются только у Саллюстия. Как уже отмечалось выше, какой-то человек был обвинен многочисленными вифинцами в том, что он не является законным сыном Филопатора (*Sallust., Hist.*, II, 71). О нем же, видимо, сообщается и в приводимом Саллюстием письме Митридата парфянскому царю Аршаку: «Они (римляне. — О. Г.) после смерти Никомеда разграбили Вифинию, хотя не было сомнений в том, что у Нисы, которую он провозгласил царицей, родился сын» (*Bithyniam Nicomede mortuo diripuerunt, cum filius Nysa, quam reginam appellaverat, genitus haud dubie esset* — IV, 69, 9). В ряде работ высказывается мнение о законности его прав на престол³⁷⁷

шло сорок шесть дней, и Цицерон считает это кратким временем для преодоления такого расстояния) со скоростью, с которой бы добирался до Рима, например, гонец, везущий в сенат срочное сообщение о смерти и завещании Никомеда.

³⁷⁵ См., например: *Liebmann-Frankfort T. Valeur juridique et signification politique des testaments faits par les rois hellénistiques en faveur des Romains // RIDA. 3-e ser. T. XIII. 1966. P. 73–94; Braund D. Rome and the Friendly King. P. 129–164.*

³⁷⁶ Достоверно известно лишь о том, что у Никомеда и Нисы была дочь, которую также звали Ниса (*Suet., Caes.*, 49, 3).

³⁷⁷ *Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. С. 40; Молев Е. А. Властитель Понта. С. 94.*

и допускается вероятность того, что посмертные тетрадрахмы Никомеда Филопатора, датированные 224 г. виф. э., были чеканены именно им³⁷⁸. Однако это вряд ли возможно.

Прежде всего, следует обратиться к установлению личности человека, являвшегося сыном Нисы и, кажется, выдававшего себя за наследника Никомеда Филопатора. Такая попытка была предпринята еще Т. Рейнаком, и его выводы сохраняют свое значение до сих пор, поскольку в дальнейшем ученые почти не обращались к этому вопросу³⁷⁹.

Французский исследователь смело отождествил упомянутого сына Нисы с Ликомедом, назначенным Цезарем в 47 г. жрецом храмового комплекса Команы Понтийской³⁸⁰. О нем говорится в нескольких источниках (App., Mithr., 121; Strabo, XII, 3, 35; Bell. Alex., LXVI, 3; Cass. Dio., LXI, 2, 2). В пользу такого предположения свидетельствуют, во-первых, сходство имени «Ликомед» с династическим именем вифинских царей и, во-вторых, интереснейшая характеристика, которую дает Ликомеду автор «Александрийской войны»: «Этот сан (верховного жреца Команы. — О. Г.) Цезарь присудил знатнейшему вифинцу из кападокийского царского рода³⁸¹, Ликомеду» (*homini nobilissimi Lycomedi Bithyno... qui regio Carradocum genere ortus*).

Ликомед действительно принадлежал по материнской линии к Ариаратидам, будучи сыном Нисы, но в происхождении от вифинских царей ему в данном пассаже отказано: он — всего лишь «знатнейший вифинец». Видимо, его отцом был кто-то из предстателей высших кругов вифинского общества, но отнюдь не сам

³⁷⁸ *Maurenbrecher B. C. Sallusti Crispi historiarum reliquiae. F. II. Leipzig, 1893. P. 89, 228; Callatay F. de. Les derniers rois de Bithynie... P. 26; ср. McGing B. C. The Efesian Customs Law... P. 287; Ballesteros Pastor L. Mitridates Eupator, rey... P. 218.*

³⁷⁹ См. также эссе Р. Сайма (*Syme R. Anatolica. P. 166–174*), где высказаны сходные соображения, сочетающиеся, к сожалению, с существенными неточностями. Более подробно см.: *Габелко О. Л. К династической истории... С. 218.*

³⁸⁰ *Reinach Th. Essai sur la numismatique... P. 359–362.* Выводы историка нуждаются в некоторой корректировке, поскольку во время написания этой работы еще не было известно о существовании Никомеда III.

³⁸¹ Под кападокийским царским родом здесь понимаются именно Ариаратиды, поскольку дальше говорится о «несчастье его (Ликомеда. — О. Г.) предков и перемене династии».

Бронзовые монеты Орсабарис (1) и Ородалтис (2) из Киоса

царь. Этому предположению не противоречат и приведенные выше фрагменты Саллюстия, в которых ничего прямо не говорится о его происхождении от Никомеда IV; более того, приведенный выше отрывок из письма Митридата возможно трактовать в том смысле, что сын Нисы мог рассчитывать на престол лишь потому, что царицей была провозглашена его мать. Таким образом, имеются веские основания предполагать, что сын Нисы Ликомед действительно не мог считаться законным наследником вифинского престола³⁸², о чем представители вифинцев со всей определенностью и заявили в сенате. Тем не менее имелись основания считать Ликомеда «побочным» представителем вифинского царского дома, что обеспечивало довольно высокий властный статус (как правителя Команы) как ему лично, так и правительнице Киоса — Пруснады-Приморской Ородалтис, которую с большой степенью вероятности можно считать родившейся в его браке с дочерью Митридата Евпатора Орсобарис³⁸³.

Если Ликомед действительно не являлся законным сыном Никомеда Филопатора, то это делает практически невозможным предположение о выпуске им последних вифинских царских тет-

³⁸² *Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 320; Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy... P. 111. Note 56; P. 163; Габелко О. Л. К династической истории... С. 217–218.*

³⁸³ В Пруснаде-Приморской ею чеканились монеты с легендой 'Οροδάλτιδος βασιλέως Λυκομήδους θυγατρὸς (*Head. HN². P. 513*). О происхождении и статусе Орсобарис и Ородалтис см.: *Reinach Th. Numismatique ancienne... P. 135–139; Macurdy G. H. Vassal-Queens and Some Contemporary Women in the Roman Empire. Baltimore, 1937. P. 27–29; Marek Ch. Stadt, Ära und Territorium... S. 49–50; Габелко О. Л. К династической истории... С. 218–219.*

радрахм³⁸⁴. Скорее всего, они в течение некоторого времени продолжали чеканиться на прежних монетных дворах Вифинии³⁸⁵, чему способствовала воцарившаяся в стране атмосфера политического хаоса³⁸⁶. Наряду с отсутствием законных прав на престол у сына Нисы на решении Никомеда завещать царство Риму могла сказаться уверенность вифинского монарха в том, что после его смерти страна все равно была бы оккупирована Митридатом, чего можно было бы избежать только при помощи римлян³⁸⁷.

Однако Ликомед мог (быть может, даже сам того не желая!) сыграть определенную роль в событиях, связанных с началом Третьей Митридатовой войны. Хотя в источниках (прежде всего, в изложенном Саллюстием письме Митридата Аршаку) об этом ничего не говорится, вполне логично было бы ожидать, что понтийский владыка вторгся в Вифинию под предлогом обеспечения «законных прав» сына Нисы³⁸⁸, тем более что он уже часто и успешно

³⁸⁴ *Magie D. Roman Rule... Vol. II. P. 1200–1201. Note 49; Benzel W. H. The Death of Sertorius... P. 462–463; Перл Г. Эры... С. 46–47. Прим. 40.* Такую возможность следует полностью исключить при допущении, что Ликомед во время этих драматических событий пребывал не в Вифинии, а в Риме.

³⁸⁵ *Pollak Ph. A Bithynian Hoard... P. 52.*

³⁸⁶ В неблагоприятном положении дел во вновь образованной провинции мог быть виновен ее наместник М. Юнк. Не исключено, что в речи Цезаря *Pro Bithynis* (Gell., V, 13, 6) содержались обвинения против него, например, в вымогательстве (*Dahlman H. Caesars Rede... S. 343–346*) или же в том, что он не сумел соблюсти финансовые интересы Нисы, дочери Никомеда Филопатора (*Lewis M. F. A History of Bithynia... P. 37*), хотя трудно с уверенностью говорить о том, что процесс Юнка был именно делом *de repetundis* (*Dobesch G. Caesar und Kleinasien. S. 53*). Веллей Патеркул вскользь упоминает о безделье (*invalidia*) Юнка (Vell., II, 42, 3); впрочем, не вполне понятно, относится ли это выражение к его деятельности в Азии и Вифинии в целом или только к его пассивности в деле с пиратами. Что же касается монетных эмиссий, то вифинский чекан не раз уже демонстрировал подобную «инертность» ранее, продолжая выпуск монеты от лица правителя, который *de facto* страной на тот момент не управлял.

³⁸⁷ *Kallet-Marx R. M. Hegemony to Empire. P. 300.*

³⁸⁸ *Reinach Th. Mithridates Eupator... S. 314–315; Geyer F. Mithridates. Sp. 2181; Braund D. C. Rome and the Friendly King... P. 158. Note 31; Sullivan R. D. Near Eastern Royalty... P. 35; Молев Е. А. Властитель Понта. С. 93.* Отдельного внимания заслуживает вопрос о времени и обстоя-

прибегал к подобного рода акциям и в Каппадокии, и в самой Вифинии³⁸⁹. Именно по приказу Митридата во время начального периода оккупации страны и могли быть выпущены последние вифинские тетрадрахмы якобы от лица «легитимного» наследника престола, тем более что у понтийского владыки уже имелся опыт взаимодействия с вифинскими монетариями. Часть тетрадрахм самого Митридата, датированных 224 г., проштампованы штемпелем с монограммой M , сходным с одним из двух штемпелей последних вифинских тетрадрахм M . Второй из этих штемпелей, M , находит некоторое соответствие в монограмме M митридатовских тетрадрахм, чеканенных в период с октября 91 г. по сен-

тельствах заключения брака между Никомедом и Орсобарис. Заманчиво было бы представить, что он состоялся вскоре после смерти Никомеда, способствуя тем самым сближению между понтийским владыкой и претендентом на вифинский престол. Второй возможный вариант — после 63 г., когда дочь Митридата Евпатора была возвращена римлянами в Азию. Эта возможность выглядит более реальной, так как в противном случае было бы сложно объяснить присутствие Орсобарис в Помпеевом триумфе: вероятно, до 63 г. до н. э. она, будучи еще незамужней, находилась при отце и была захвачена римлянами. В этом случае возрастает вероятность того, что Ликомед действительно находился в Риме, где и мог быть заключен его брак с Орсобарис, после чего оба они превратились в немаловажные фигуры в системе римского «династического управления» в Малой Азии. Хотя Орсобарис будто бы была поколением старше своего супруга, Ликомед, вероятно, превосходил ее по возрасту: у Митридата Евпатора незадолго до смерти были совсем еще молодые дети (App., Mithr., 108).

Ликомед, таким образом, мог с самого начала своей политической карьеры быть тесно связанным с римлянами, и это объясняет, почему он достиг высокого положения в Малой Азии при их содействии. Впрочем, в это время восточные династы, даже занимая в течение определенного времени антиримскую позицию, имели основания надеяться на благосклонность сената при оказании каких-либо важных услуг Риму. Самый яркий пример — деятельность сына Митридата Евпатора Фарнака. См. о нем наиболее подробно: Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 14–54.

³⁸⁹ Д. Маги отрицает вероятность этого, но, как кажется, исключительно из общих соображений (*Magie D. Roman Rule... Vol. II. P. 1201. Note 50*); ср.: *McGing B. C. The Foreign Policy... P. 143*; *Ballesteros Pastor L. Mitridates Eupator, rey... P. 218*.

тябрь 90 г., когда в Вифинии у власти пребывал Сократ Хрест³⁹⁰. Разумеется, эти аналогии довольно относительны, но они позволяют предположить факт понтийского контроля над монетным делом Вифинии в 73 г. (тем более что сходства с более ранними собственно вифинскими штемпелями у монограмм этого года, особенно второй, практически не прослеживается). Таким путем Евпатор вновь мог выдавать себя за поборника справедливости и обвинять римлян в том, что завещание Никомеда было использовано ими своекорыстно или даже просто подделано подобно завещанию Атгала III Пергамского (Sallust., Hist., IV, 69, 8)³⁹¹.

Основания для обвинений Рима в незаконном присвоении прав на Вифинию могут быть предоставлены и схолиастом Цицерона, который сообщает: «Он (Никомед Филопатор. — О. Г.) умер, не оставив завешания. Таким образом, царство его досталось римскому народу. Римский же народ поставил владеть этим царством Ариобарзана» (Iste mortuus est intestatus: pervenit ergo eius regnum ad populum Romanum. Misit ergo populus Romanus ad regnum illud tepeudum Агiоbаrзaпem — Schol. Gron., P. 316 Ed. Stangl). Выводы, сделанные на основании анализа этого пассажа Б. Мауренбрехером³⁹² относительно фальсификации сведений о завещании Никомеда римскими анналистами, были оспорены Д. Маги, который, в свою очередь, предложил собственную трактовку данного сообщения: он полагает, что здесь подразумевается передача римлянами Вифинии Ариобарзану. Резонно считая такое развитие событий невероятным, историк вообще не склонен доверять данному сообщению³⁹³. Но возможен и иной вариант, объясняющий упоминание в данном контексте каппадокийского царя: римляне

³⁹⁰ Монограммы Митридата: *Callata F. de. L'Histoire des guerres Mithridatiques...* P. 39, 48. Сводка данных о последних вифинских монетах: *Ibid.* P. 73. Tabl. 1.

³⁹¹ См.: *Liebmann-Frankfort T. Valeure juridique...* P. 88–89. Обращает на себя внимание явная параллель, проводимая Митридатом в изложении Саллюстия между Аристонином, которого он без каких-либо оговорок называет сыном Эвмена II, и сыном Нисы.

³⁹² *Maurenbrecher B.C. Sallusti Crispi...* Fasc. I. P. 59.

³⁹³ *Magie D. Roman Rule...* Vol. II. P. 1201. Note 49. P. Салливан, однако, допускает такую возможность (*Sullivan R. D. The Dynasty of Cappadocia.* P. 1137), хотя и не объясняет, каким образом Ариобарзан, чье положение в Каппадокии было отнюдь не прочным, смог бы осуществить задачу по установлению контроля над Вифинией.

обратились к своему союзнику за помощью (возможно, военной), на случай каких-либо непредвиденных обстоятельств³⁹⁴ (что опять-таки указывает на особую сложность внутривосточной ситуации в стране). Таким образом, источники не содержат никакой достоверной информации о том, что завещание Никомеда или последующее освещение его римскими историками было каким-либо образом фальсифицировано. Решение последнего вифинского царя о передаче своего царства Риму вполне соответствовало принятой в эллинистическом мире практике и потому должно рассматриваться как юридически обоснованное и правомочное³⁹⁵, хотя, разумеется, оно целиком и полностью являлось одним из звеньев в экспансионистской политике Рима.

Наконец, необходимо кратко остановиться на том влиянии, которое оказала смерть Никомеда IV Филопатора на развитие международной ситуации в Малой Азии и Средиземноморье в целом. В условиях крайней поляризации сил между двумя ведущими на тот момент политическими силами античного мира — Римом и Понтийским царством — аннексия Вифинии римлянами была равносильна нарушению хрупкого равновесия между враждующими сторонами³⁹⁶. И римские политики, и Митридат, несомненно, понимали, что новой войны не избежать, а политический и военный контроль над Вифинией был непереносимым залогом успешных действий в ходе решающего столкновения. Теперь, после того как вифинская царская династия прекратила свое существование, Митридат имел все основания добиваться полного и окончательного включения Вифинии в состав своей державы. В описанном Аппианом жертвоприношении Зевсу Стратию, предпринятом Митридатом накануне вторжения в Вифинию (Mithr., 70), можно увидеть проявление его стремления идеологически обосновать

³⁹⁴ Bennet W. H. The Death of Sertorius... P. 462; Glew D. G. Between the Wars... P. 128; Ballesteros Pastor L. Mithridates Eupator, rey... P. 219.

³⁹⁵ Liebmann-Frankfort T. Valeur juridique... P. 89; Braund D. C. Rome and the Friendly King... P. 135.

³⁹⁶ Многие историки считают смерть Никомеда и его завещание непосредственной причиной войны (Reinach Th. Mithridates Eupator... S. 315; Olshausen E. Pontos. Sp. 432; Will É. Histoire politique... Т. II. P. 411), хотя Б. Макгинг видит в качестве таковой заключение союза между Митридатом и Серторием, несущим прямую угрозу римским интересам (McGing B. C. The Foreign Policy... P. 144–145).

свое право стать вифинским владыкой. Культ Зевса Стратия, хотя на первый план в нем выступают иранские черты, имел сложный синкретический характер; он включал в себя наряду с иранскими также греческие и малоазийские элементы³⁹⁷. Зевс Стратий чтился и в Вифинии (так, в Никомедии находился его храм — *Arr., Mithr., 7*) и, судя по изображениям на реверсе вифинских тетрадрахм, считался покровителем царской династии. Поклонение этому богу позволяло Митридату рассчитывать на симпатии вифинцев.

Видимо, как и в ходе первого вторжения в Вифинию, планы понтийского царя первоначально оправдались: по словам Плутарха, «города снова встречали его с радостью» (*Luc., 7*). Это было не случайно. За долгие годы противостояния между Понтом и Римом Вифиния окончательно перестала быть самостоятельной политической величиной; ее население по большей части было готово оказывать поддержку тому из противников, кто окажется сильнее. На территории Вифинии разгорелись первые сражения Третьей Митридатовой войны, открывшей, без преувеличения, новую эпоху в истории Средиземноморья. Но в этой истории независимому Вифинскому царству уже не суждено было занять свое место.

³⁹⁷ *Olshausen E. Götter, Heroen und ihre Kulte in Pontos — eine erste Bericht // ANRW. T. II. Bd. 18. Teilband 3. Berlin; New York, 1990. S. 1902.*

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ ВИФИНСКОГО ЦАРСТВА

§ 1. Царская власть в эллинистической Вифинии

Изучение государственного устройства эллинистических держав, и не в последнюю очередь самого института эллинистической монархии занимает в трудах историков-антиковедов важное место. И это вполне закономерно: ведь такая тематика позволяет показать (может быть, даже наиболее наглядно) сущность греко-восточного синтеза в сфере внутренней организации новых государств, возникших на территории распавшейся империи Александра.

Вифинское царство в этом отношении является весьма перспективным предметом исследования¹. Между тем сложивший в нем институт монархической власти до сих пор не становился объектом целенаправленного изучения, и в результате этого присущие ему особенности всестороннего освещения до сих пор не получили. Специфика вифинской государственности, пожалуй, до сих пор остается нераскрытой, в подтверждение чего можно привести мнение Дж. Витуччи: «...В отношении политической, социальной и административной структур Вифинское царство... в основном стоит в том же ряду, что и другие эллинистические монархии»². Возможность отойти от подобных нивелирующих оценок связана с рассмотрением царской власти в Вифинии как синтетического явления, порожденного взаимодействием четырех традиций государственности: фракийской, ирано-ахеменидской, собственно эллини-

¹ В основу данной главы легли две более ранние статьи автора (1995 и 1997 гг. соответственно): Габелко О. Л. Некоторые особенности...; (О)и же. К династической истории... Истекшее с момента публикации время показало необходимость их существенной переработки.

² Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 125.

стической (то есть македонской в своей основе с вкраплениями различных восточных элементов) и анатолийской³.

Основания для такого подхода достаточно очевидны: ведь на протяжении I тыс. вифинский племенной союз сначала входил в состав фракийской этнической общности, затем был включен в империю Ахеменидов, а после достижения и укрепления независимости занял свое место среди государственных образований эпохи эллинизма. Отмечалось также и близкое типологическое сходство Вифинского государства с соседними царствами северной и центральной Малой Азии, обусловленное, во-первых, более прочным сохранением местных азиатских элементов в социально-экономической и политической структуре этих государств по сравнению с другими регионами эллинистического мира, во-вторых — значительным сходством тех политических условий, в которых происходило складывание этих монархий «второго ранга» в период диадохов⁴. Однако при исследовании конкретного исторического материала выясняется, что влияние, испытываемое Вифинией со стороны Персидской империи, по источникам прослеживается довольно слабо⁵. Общеэллинистический компонент (при всей очевидной условности такого определения) в структуре Вифинского государства, безусловно, преобладает, но значительное число фактов из истории династии может быть более или менее убедительно интерпретировано только при соотнесении их с фракийским

³ Соседство с греческими полисами южного побережья Понта и Пропонтиды сколько-нибудь заметного влияния на формирование вифинской государственности, судя по всему, не оказало. Если обратиться к примеру фракийских племен в Европе, то и для них наиболее типичным было создание крупных политических объединений не у побережья, в зоне контактов с эллинскими колониями, а на внутренних территориях (*Златковская Т. Д. Возникновение государства... С. 21*). Б. Харрис также отмечает принципиальное различие автономии полисов северо-западной Анатолии, с одной стороны, и «свободы» вифинских племен — с другой (*Harris B. F. Bithynia: Roman Sovereignty... P. 852*).

⁴ Наиболее отчетливо это выражено в работах: *Billows R. A. Kings and Colonists; Kobes J. «Kleine Könige»*.

⁵ Противоположное мнение о «влиянии персидского присутствия и персидских царских норм на политическую жизнь как во Фракии, так и в Вифинии» (*Fol A. Thrako-bithynischen Parallelen... S. 206–208; Vassileva M. Thracian-Phrygian Cultural Zone. P. 32*) справедливо скорее применительно к европейской Фракии.

«наследием» или с приведением аналогий из истории Понта, Каппадокии, Пергама. Поэтому представляется оправданной попытка проследить взаимодействие и синтез двух основных элементов вифинской государственности — собственно фракийского и общегреческого — на фоне анатолийского «субстрата», что может позволить выявить специфические черты монархической власти в Вифинии на всем протяжении от ее складывания до прекращения независимого существования царства⁶.

Вифинскую βασιλεία возможно рассматривать в двух аспектах: статическом и динамическом. Первый из них состоит в изучении этого института в его «нормальном функционировании» — примерно по такой же схеме, которая была успешно апробирована в классическом исследовании Э. Бикермана «Государство Селевкидов». Оно включает в себя анализ царского имени и тронных эпитетов, правовых основ царской власти, ее сакрализации и внешней атрибутики, порядка наследования, повседневной жизни царского двора, основных направлений брачно-династической политики и т. д. Сюда же должно быть отнесено восстановление максимально полной генеалогии вифинского царского дома, поскольку до недавнего времени эта задача решалась без углубленного анализа источников⁷. Динамический же аспект монархической государственности в Вифинии наиболее отчетливо проявляется при рассмотрении нередких в истории страны династических усобиц и смут, когда конкретные политические обстоятельства вступали в противоречие с правовыми нормами, регулировавшими порядок престолонаследия, что зачастую приводило к частичному изменению и модификации последних. Интересно, в частности, проверить, насколько применима к династической истории Вифинии теория «амфиметрических» кризисов, вызванных борьбой за

⁶ Разумеется, при таком подходе не удастся избежать довольно многочисленных повторов с материалом по политической истории Вифинии, изложенным в гл. II–IV. Во всех таких случаях в данной главе автор старался делать акцент на институциональном аспекте событий.

⁷ См. попытки построения генеалогического древа вифинской династии: *Reinach Th.* *Essai sur la numismatique...* P. 369 (на этой схеме еще не отображено существование Никомеда III, установленное французским исследователем пятнадцатью годами позже); *Bouché-Leclercq A.* *Histoire des Séleucides*. Т. II. P. 644 (это, в сущности, упрощенный вариант стеммы Т. Рейнака). Более детализировано: *Габелко О. Л.* К династической истории... С. 220.

престол сыновей царя от разных жен (ее автором является английский антиковед Д. Огден)⁸.

Вопрос о времени обретения вифинцами своей государственности довольно сложен. Прежде всего, следует подчеркнуть, что династия вифинских правителей ни у древних авторов, ни в современной историографии не получила устойчивого наименования, восходящего к ее мифическому или реальному основателю, подобного таким, как Ахемениды, Аргеады, Селевкиды, Птолемеи, Атталиды и пр. Отсутствие такого «знакового» имени в некоторой степени роднит вифинскую династию с правящими домами европейской Фракии, где, насколько известно, сходные определения также отсутствовали: обычно говорится о царях одрисов, астов, сапеев и др. Применительно к вифинским царям в письменных источниках наиболее употребительной тоже является характеристика «ὁ δέινα βασιλεὺς Βιθυνῶν», имеющая в ряде случаев (в официальных надписях) и «формульный» смысл. Таким образом, в вифинской государственности (особенно на ранних стадиях ее существования) структурообразующим элементом являлась не персональная власть того или иного правителя (как в государствах диадохов и их преемников), а, как и во Фракии, «национальная» составляющая⁹.

⁸ *Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties. London; Swansea, 1999.* Исследователь считает сконструированную им схему едва ли не универсальной для истории всех эллинистических династий, но при этом обращается только к примерам Македонии, держав Александра и диадохов, государств Птолемея, Селевкидов и Атталидов. Между тем вифинский материал содержит немало информации, как дополняющей эту концепцию, так и во многом не укладывающейся в ее рамки.

⁹ Трудно согласиться с А. Фолом, полагающим, что власть вифинских правителей обосновывалась воспринятыми у Ахеменидов идеями о праве завоевания (*Fol A. Paralleles thraco-bithyniens... P. 181*), что опять-таки подразумевает примат индивидуального начала в институализации монархического правления (см., например, о «праве копья», легитимирующем власть эллинистических царей: *Mehl A. «Δορίκτῆτος χῶρα». Kritische Bemerkungen zum «Speererwerb» in Politik und Völkerrecht der hellenistischen Epoche // AncSoc. Vol. 11–12. 1981. S. 173–212*). Необходимо, однако, учитывать, что переселение вифинов в северо-западную Малую Азию произошло в достаточно отдаленное время, и потому в эпоху эллинизма (и даже много ранее) территории их расселения считались исконными вифинскими землями.

Вполне закономерно, что именно фракийские традиции (возможно, взаимодействующие с еще более архаичными фригийскими¹⁰) в целом определяли развитие монархической власти в Вифинии с самого начала ее оформления. Достоверные сведения о Вифинии как об относительно самостоятельном государственном образовании, как уже отмечалось (гл. II, § 1), относятся только ко второй половине V в.: ни сообщение Аппиана (*Mithr.*, 2) о правлении в Вифинии 49 (sic! — О. Г.) царей¹¹, ни информация Страбона (XII, 4, 3) и Стефана Византийского (s. v. Προῦσα) о некоем Прусии, время жизни которого должно было бы относиться к середине — второй половине VI в., всерьез приниматься не могут.

Вновь обратимся к сведениям Мемнона о первых правителях Вифинии: «Тогда (около 435 г., времени выведения афинской колонии в Астак. — О. Г.) у вифинов находился у власти Дидалс (Διδαλσοῦ τῆρκαῦτα τὴν Βιθυνῶν ἀρχὴν ἔχοντος). После его смерти правит Ботир (Βοτείρας), живший семьдесят пять лет. Ему наследует его сын Бас... Жил он семьдесят один год, из которых процарствовал (ἐβασίλευσε) пятьдесят. Его сын и наследник власти Зипойт... прожил семьдесят шесть лет, а обладал властью (κράτησας δὲ τῆς ἀρχῆς) сорок восемь» (F. 12, 3–5). Прежде всего, здесь важна довольно точная хронология правления представителей вифинской династии: поскольку приблизительно известен момент смерти Зипойта, 280/279 г., годы его правления приходятся на 328/327 — 280/279, а Бас был у власти в 377/376 — 328/327 гг. Более чем шестидесятилетний период правления Дидалса и Ботира, исходя из известного, достаточно продолжительного срока жизни последнего, уместно разделить приблизительно пополам (или, быть может, отвести Ботиру чуть больше половины этого интервала): при этом получится, что он правил примерно с 410 г., а Дидалс — по-прежнему, как минимум, с 435 г. (скорее, с несколько более раннего времени). Разумеется, последние выкладки имеют всего лишь предположительный характер.

¹⁰ Территория Вифинии должна была входить в зону расселения или, по крайней мере, политического влияния известных еще Гомеру фригийцев, обитавших на берегах Сангария (*Немировский А. А. Античная традиция... С. 3–4*).

¹¹ Здесь, вероятно, имеет место ошибка в рукописной традиции (*Vittucci G. Il regno di Bitinia. P. 12–13. Note 3*), причем восстановить первоначальный смысл данного пассажа не удастся даже приблизительно.

Данный пассаж Мемнона, несмотря на свою кажущуюся ясность, вызвал гипотетические замечания исследователей о предполагаемых особенностях передачи власти вифинскими династиями V–IV вв. Так, Дж. Витуччи отметил, что Мемнон, возможно, не случайно не называет Ботира сыном Дидалса¹². В отличие от этого мнения, которое в принципе может быть верным, идея Х. Берве о том, что Бас будто бы был свергнут своим сыном Зипойтом¹³, абсолютно произвольна¹⁴.

Отдельного рассмотрения заслуживают имена вышеназванных вифинских династов. Первое из них (известное в слегка различающихся вариациях) является, видимо, сугубо вифинским¹⁵; то же самое можно сказать и про эндемичное ЛИ Ботир¹⁶. Несколько иная ситуация складывается с именем Бас. Этимология этого антропонима остается не вполне понятной¹⁷, неясно также и то, можно ли считать это имя специфически вифинским, поскольку оно зафиксировано и в других районах Малой Азии¹⁸.

Еще более сложную проблему представляет собой трактовка ЛИ Зипойт. Его обычно также считают характерным только для Вифинии, хотя его происхождение неясно¹⁹. Имеются основания считать его все-таки принадлежащим к фракийскому ономастикону, как полагал уже Павсаний: «Зипойт... фракиец, судя по имени»

¹² Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 12–13. Note 3.

¹³ Berve H. Das Alexanderreich auf der prosopographischen Grundlage. München, 1926. Bd. II. S. 168.

¹⁴ Habicht Ch. Zipoites (1). Sp. 449.

¹⁵ Detschew D. Die Thrakische Sprachreste. S. 145; Duridanov I. Die thrakischen Personennamen... S. 39.

¹⁶ Duridanov I. Die thrakischen Personennamen... S. 38; Georgiev V. La formation et l'ethymologie... P. 28.

¹⁷ Georgiev V. La formation et l'ethymologie... P. 28. Может быть, его следует связывать с именем вифинского женского божества «процветания, счастья и удачи» Bas (Witczak K. T. Two Bithynian Deities... P. 267–268).

¹⁸ Новый пример обнаружения этого имени в Синопе: The Inscriptions of Sinope. Part I. Inscriptions / IK. Bd. 64. Ed. by D. H. French. Bonn, 2004. № 1: Βᾶ *Επιουτος (V–IV вв.). Другие случаи: Zgusta L. Kleinasiatischen Personennamen. § 131–3 (женское ЛИ из восточной Фригии, Ликаонии, Исаврии); § 131–3 (мужское ЛИ из фригийско-ликаонского пограничья, Ликаонии, Памфилии, Киликии).

¹⁹ Georgiev V. La formation et l'ethymologie... P. 29; Duridanov I. Die thrakischen Personennamen... S. 40–41.

(Ζυποίτης... Θράξ γένος εικάζοντί γε ἀπὸ τοῦ ὀνόματος — V, 12, 7)²⁰. Если верно предположение Д. Дечева, что этот антропоним восходит к фракийскому Ζίπα (сияющий, блестящий)²¹, то допустимо предположить его калькированный перевод во фразе Мемнона (как мы помним, хорошо знавшего вифинскую историю и, возможно, имевшего доступ к собственно вифинским источникам): Ζυποίτης, λαμπρός (sic! — О. Г.) ἐν πολέμοις — F. 12, 5).

Так или иначе, при всей неоднозначности трактовки ономастического материала, связанного с вифинской династией, едва ли могут оставаться сомнения в том, что в доэллинистический период исконные фрако-анатолийские политические устои в структуре вифинской βασιλεία были несомненно преобладающими. Характерно, что и в дальнейшем, вплоть до середины II в., у вифинских правителей туземные именные формы перемежались с греческими.

Так, известно, что у Зипойта I было четыре сына. Старший из них, ставший наследником престола, носил греческое Никомед (Μεμν., F. 12, 6). Как было показано в соответствующем разделе монографии, он зарекомендовал себя последовательным филэлленистом, и это обстоятельство привело датскую исследовательницу Л. Ханнестад к любопытному предположению, что первоначально этот монарх, как и его предки, носил коренное вифинское имя, но сменил его при вступлении на престол²². Один из младших братьев Никомеда обладал традиционным династическим именем Зипойт (Μεμν., F. 9, 5); как звали двух других сыновей Зипойта I (один из которых был уничтожен Никомедом в ходе той же междоусобицы, а второй остался в живых), в точности неизвестно, но на этот счет может быть высказано одно предположение.

²⁰ Bannert H. Ein übersehener thrakischer Personennamen // Die Sprache. Bd. 22. 1976 — non vidi; ср. с ΛΙ Σιβόιτης (IG. IV 154; Launey M. Recherches... T. 2. P. 1211): исходя из общих соображений, маловероятно появление вифинца в гарнизоне Атталидов на Эгине — постоянных противников вифинских монархов, так что этого Сибойта логичнее считать фракийцем, которых в армии Пергама было очень много.

²¹ Detschew D. Die thrakische Sprachreste. S. 191.

²² Hannestad L. «This Contributes in no Small Way...». P. 74. Стоит добавить, что выбор нового имени, «Мыслящий о победе», только что вступившим на престол царем как нельзя лучше соответствовал бы духу момента — времени напряженной борьбы с Антиохом I и вместе с тем был направлен на укрепление связей Вифинии с греческими союзниками.

Оно основано на данных «Плавания по Боспору» Дионисия Византийского, который упоминает очень глубокий залив Мукапорис с удобной гаванью на азиатском берегу пролива, который был «назван по имени некоего из царей Вифинии» (κέκληται δ' ἀπό τινος τῶν τῆς Βιθυνίας βασιλέων²³ — 96). Такой правитель ближе неизвестен, хотя имя Мукапорис/Мокапорис относится к числу весьма распространенных фракийских ЛИ и нередко встречается в Вифинии²⁴. Особенно важно, что это имя входит во фракийский «царский» именник: так звали одного из членов царского дома одрисов²⁵, племени, родство с которыми прокламировалось в «официальной» генеалогии вифинов (см. гл. I, § 2). Видимо, под этим царем нужно подразумевать какого-то представителя боковой ветви вифинской династии, обладавшего определенными властными полномочиями, чей статус мог быть приравнен греческими современниками к царскому (этому способствовала существовавшая в Вифинии практика разделения страны на несколько полу/самостоятельных доменов в моменты династических кризисов, о чем подробно см. далее). Таковым вполне можно считать одного из двух братьев Никомеда I, который, подобно Зипойту «Вифину», мог обладать какими-то территориальными владениями (de jure под верховенством Никомеда?) в ходе «братоубийственной войны» 270-х гг. Кроме того, последний из оставшихся в живых сыновей Зипойта I, женившийся после смерти Никомеда на его вдове (Menn., F. 14, 2), мог обладать статусом, приближенным к царскому, и во время кризиса 250-х гг. Наконец, как отмечалось в гл. III, § 1, и данные Мемнона, и эпиграфические документы с Коса с большой степенью ве-

²³ Цитата по изданию Р. Гюнгериха (1927). В издании К. Вешера (1884) эта фраза приводится несколько иначе: ὄνομά τινος τῶν ἀπό τῆς Βιθυνίας βασιλέων, что вносит дополнительный смысловой нюанс: речь ведется не об одном из «настоящих» вифинских царей, а о некоем царе «из Вифинии», что может передавать неопределенную обстановку внутривполитических смут в стране.

²⁴ Оно зафиксировано в окрестностях Никомедии (Dörner F. K. *Inschriften und Denkmäler...* S. 80. № 72; Detschew D. *Die Thrakische Sprachreste.* S. 315; Şahin S. *Neufunde von antiken Inschriften...* № 70). Весьма вероятно вифинское происхождение для лиц с таким именем из Византия (Robert L. *Index commente...* № 76; 134) и окрестностей Кизика (Die *Inschriften von Kyzikos und Umgebung.* Т. I. № 377; Т. II. № 7).

²⁵ IG. II/III² 3443; Сапрыкин С. Ю. Фракия... С. 257.

роятности свидетельствуют о возможности разделения Вифинии между Зиэлом и кем-то из его противников (единокровных братьев) на протяжении 250–240-х гг.²⁶ Не исключено, что одного из них как раз и звали Мукапорисом. Другие возможности атрибуции этого имени кому-то из представителей вифинской династии значительно менее вероятны²⁷.

Показательно, что каждый из перечисленных здесь «кандидатов» считается «царем Мукапорисом» должен был быть хорошо известным византийцам: с первым они могли воевать, будучи партнерами Никомеда I по Северной лиге; второго и третьего, как назначенных Никомедом гарантами прав его наследников (Metn., I. 14, 1), граждане Византии обязаны были поддерживать в их борьбе против Зиэла. Дионисий, без сомнения, очень широко использовал материалы по истории Византии в качестве источников своего сочинения, и как раз из них он мог почерпнуть информацию о Мукапорисе.

События первой половины III в. однозначно указывают на едва ли не главную роль династических кризисов во внутривосточной истории страны. Необходимо попытаться выявить механизм возникновения этих усобиц и закономерности их развития. Здесь самое время обратиться к рассмотрению концепции «амфиметрических» смут, сформулированной Д. Огденом (см. выше, с. 418). Английский историк исходит из того, что для монархов эллинистического мира, согласно македонской традиции, нормальной считалась практика полигамии, и это порождало большое количество споров за власть между сыновьями одного царя от разных жен²⁸. Частое использование полигамии в государствах Аргеадов и Ан-

²⁶ Показательно, что в этом случае противник Зиэла, обладая властью в прибоиспорском районе, мог располагать поддержкой византийцев.

²⁷ Были другие не известные по именам члены царского дома, не обладавшие царским титулом, но так или иначе претендовавшие на власть в Вифинии (или имевшие такую возможность): 1) один (или более) из детей Прусия II от второго брака (Just., XXXIV, 4, 1), помимо Прусия «Однозубого»; 2) второй, помимо Сократа Хреста, брат Никомеда IV (Филопатора (сводный или родной), ставший царем Пафлагонии под именем Пилемена (см. гл. IV, § 1). Однако о реализации их властных претензий неизвестно ничего такого, что могло бы позволить отождествить одного из них с Мукапорисом.

²⁸ См. изложение основных черт концепции: *Ogden D. Polygamy, Succession and Death. P. IX–XXXIV.*

тигонидов, обусловленное тем, что, по мнению монархов, лучше было иметь слишком много наследников, чем слишком мало, отмечалось и Э. Кэрни²⁹. Строго говоря, у нас нет полной уверенности в том, что сыновья Зипойта I происходили от одной матери, хотя эта возможность кажется все же более вероятной³⁰. Но в какой мере применимы обозначенные выше положения к династической истории Вифинии? Безусловно, в ней имели место типично «амфиметрические» смуты — в ходе борьбы Зиэла с его сводными братьями, во время мятежа Никомеда (II) против отца (149 г.) и в период усобицы между Никомедом IV и Сокартом в 90-е гг., которые могли быть вызваны именно существованием при вифинском дворе полигамии или конкубината. Тем не менее здесь отнюдь не обязательно видеть воздействие македонской политической традиции: Арриан Флавий в передаче Евстафия сообщает, что полигамия (можно предположить, что речь идет о многоженстве вифинских царей, как-то повлиявшем на события истории Вифинии) могла иметь и собственно фрако-вифинские корни: «Говорит он (Арриан Флавий. — О. Г.) и о том, что у фракийцев был обычай иметь много жен, чтобы от них иметь многочисленных детей, а пошел этот обычай, как он сообщает, от их царя Долонка, у которого было много детей от многих жен» (Агг, Βιθυν., F. 13 Roos = Eustath. ad Dionys., 322, p. 274, 37)³¹. Таким образом, фракийские установления могли играть определенную роль и в брачной политике вифинских монархов.

Фрако-фригийская антропонимическая традиция была продолжена Никомедом I, несмотря на его филэллизм: очевидно, в пе-

²⁹ Carney E. D. *Women and Monarchy in Macedonia*. Norman, 2000. P. 193.

³⁰ На эту мысль наводит суровое осуждение Мемноном Никомеда, который «был для своих братьев не братом, но палачом» (F. 12, 6). В этом случае вифинская «братоубийственная война» должна быть внесена в реестр неучтенных Д. Огденом примеров распрей между родными братьями — наследниками престола: исследователь насчитывает только два таких случая: вражду между сыновьями Кассандра Антипатром и Александром и «войну братьев» — Селевка II и Антиоха Гиеракса (Р. XIV), не принимая во внимание еще и факт убийства Митридатом VI Евпатором своего родного брата Митридата Хреста (см. об этом, например: Сапрыкин С. Ю. *Понтийское царство*. С. 123–127).

³¹ Напомним о «родстве» эпонимов вифинов и долонков (Steph. Byz., s. vv. Βιθυνία, Δόλογοι).

риод его правления местные имена членов царского дома воспринимались вифинским обществом гораздо лучше, нежели греческие. ¹Чрезвычайно важную информацию об этом сообщает с опорой на «Вифиниаку» Арриана византийский автор Иоанн Цец: «Сын Зипойта, тот Никомед, который основал Никомедию, отец Прусия — Прусия, имевшего одну кость <вместо> всех зубов... Указанный Никомед, отец этого однозубого Прусия, основателя города Прусия у Олимпа, имел огромного пса молосской породы, очень ему преданного. Однажды пес увидел, что супруга Никомеда по имени Дитизела, фригийка родом, мать Прусия, Зиэла и Лисандры, играла с царем, и, подумав, что она враждебна ему, пес растерзал ей правое плечо, разорвав зубами мясо и кости. Она умерла на руках царя и была похоронена с величайшей пышностью в Никомедии в гробнице из позолоченного камня» (Tzet., Chiliad., III, 950 = Ag., Bithyn., F. 63 Roos). Описание событий Цецем дает важный *terminus post quem* — время основания новой столицы, Никомедии (264 г.); отсюда следует, что дети Никомеда от второго брака к моменту его смерти ок. 255 г. действительно были еще очень малы. Кроме того, эти данные уточняют генеалогию вифинской династии, указывая, что у Зиэла была сестра Лисандра. Сложнее вопрос с упоминаемым Цецем³² Прусием: предполагаемый сын Никомеда спутан византийским автором сразу с двумя омонимами: Прусием I и Прусием «Однозубым», сыном Прусия II, что делает его историчность, на мой взгляд, весьма сомнительной³³.

Отдельно следует остановиться на интерпретации имени третьего вифинского царя. В науке высказывалось мнение о том, что оно имеет фригийские корни³⁴, и это выглядит вполне вероятным в свете упомянутого выше фригийского происхождения

³² Крайне маловероятно, чтобы эти грубые ошибки содержались уже в труде самого Арриана Флавия.

³³ Совершенно невозможно считать, как это делают Т. Рейнак и О. Буше-Леклерк, что Дитизела будто бы могла быть второй женой Прусия II и Лисандра и Прусий «Однозубый» родились в этом браке (Reinach Th. Essai sur la numismatique... P. 469; Bouche-Leclercq A. Histoire des Séleucides. T. II. P. 644).

³⁴ Detschew D. S. 186. Предположение о греческом влиянии, испытанном некоторыми формами этого имени (Bechtel F. Die historische Personennamen... S. 185), нуждается, пожалуй, в дополнительной аргументации.

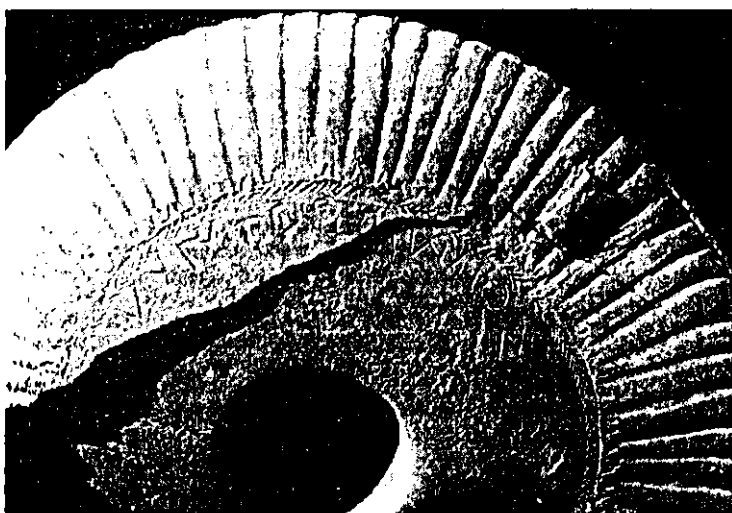
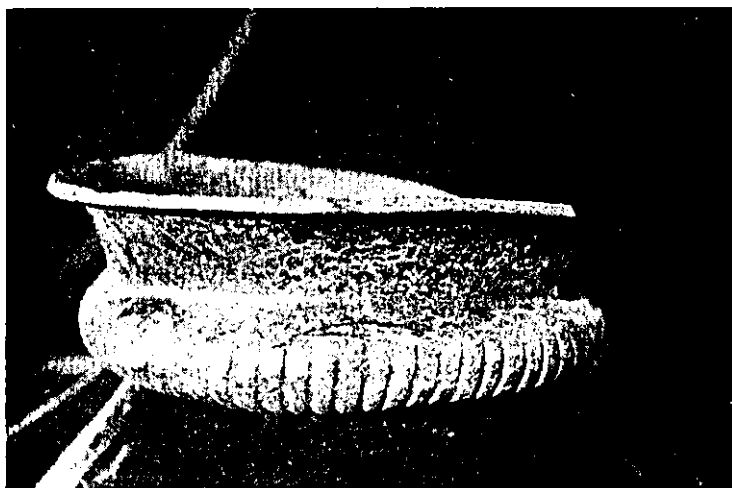
матери Зиэла. Однако относительно недавно были получены данные, которые заставляют если не отвергнуть эту точку зрения целиком, то, по крайней мере, несколько скорректировать ее в пользу фракийского происхождения этого ЛИ. На серебряной чаше, обнаруженной в погребении из так называемой «Долины царей» в районе болгарского города Казанлык, выполнена надпись ΔΥΝΤΟΖΗΛΑΥΙΟΣ³⁵. Имя владельца чаши, равно как и особо важный для нас в данном случае его патронимик Ζηίλα, имеют несомненные параллели с вифинскими ЛИ³⁶. Проблема, однако, состоит в том, что для VI–V вв. (а именно так датируются и надпись, и само захоронение) крайне сложно предполагать появление вифинца в среде фракийской аристократии (тем более в регионе, удаленном на значительное расстояние от черноморского побережья): столь ранние контакты между Вифинией и европейской Фракией не зафиксированы. Это может заставить видеть во владельце фиалы этнического фракийца, что приводит к мысли о фракийском же происхождении ЛИ Зиэл (или, по крайней мере, о присутствии в этом имени некоего фракийского элемента).

Два преемника Зиэла на престоле носили исконно вифинское имя Прусий; так же звали и одного из сыновей Прусия II. Только после Никомеда II в царской фамилии окончательно утверждаются греческие имена: Никомед, Сократ.

Весьма любопытными представляются и конкретные указания источников на этническую идентификацию вифинской династии, хотя они требуют критической оценки. Никомед I, единственный представитель царского дома Вифинии, без каких-либо оговорок назван в «оракуле Фаэниис» «фракийским царем» (Zosim., II, 37, 1). Хотя это высказывание не содержит явного противоречия, трудно с уверенностью полагать, что оно отражает реальное отношение греков к Никомеду именно как к фракийцу: скорее, здесь нужно видеть особенности специфического «архаизирующего» стиля, характерного для пророчеств, исходящих из святилищ Аполлона

³⁵ О надписи на чаше см.: *Dimitrov P. A. Deux noms nouveaux d'aristocrates thraces dans une inscription de Kazanlak // Orpheus. Vol. 5. 1995. P. 23–25*; в целом о раскопках в «Долине царей»: *Kitov G. Les tumuli royaux dans «La vallée du rois» // Orpheus. Vol. 5. 1995. P. 5–21*; фотография чаши и надписи: *P. 12. Fig. 12–13*.

³⁶ Во встречающихся в Вифинии надписях это имя пишется через йоту, а не ипсилон (*Dimitrov P. A. Deux noms nouveaux... P. 24*).

*Серебряная фиала с владельческой надписью из погребения
в «Долине царей» (округа г. Казанлык)*

(подробнее см. гл. III, § 1). Еще менее достоверна фраза Малалы, именующего вифинскую династию «македонянами» (VIII, 67): очевидно, в этом позднем источнике присутствует нивелирующий подход к державам эллинистического мира.

Проанализированный выше фрагмент Цецца стоит поставить в связь с сообщением Плиния Старшего о тех же драматических событиях, связанных с гибелью первой жены Никомеда. Римский автор сообщает: «Упоминается и (собака. — О. Г.) вифинского царя Никомеда, растерзавшая его жену Косингис, поскольку та играла со своим мужем» (*memoratur et Nicomedis Bithyniae regis, uxore eius Cosingi³⁷ lacerata propter lasciviozem cum marito iocum* — NH, VIII, 144). Общий контекст этих пассажей весьма схож, за исключением одной немаловажной детали: имени царицы. Затрудняет понимание информации Плиния то обстоятельство, что никакого женского ЛИ вроде Коси(н)гис ни в Малой Азии (Фригии?), ни где бы то ни было еще не обнаружено³⁸, что выглядит особенно странным на фоне конкретного указания Арриана/Цецца о происхождении Дитизелы³⁹. Не исключено, что сообщение Плиния подверглось искажению из-за ошибки в рукописной традиции: первоначально в тексте могло стоять «*uxore eius consanguinea*», что придает этому пассажиру совершенно неожиданный смысл: получается, что Никомед I мог быть женат на своей близкой родственнице!

Несмотря на кажущуюся парадоксальность такого варианта, исключать его отнюдь не следует. Нам не известно, кем была жена Зипойта I, но едва ли она могла принадлежать к греко-македонской политической элите. Туземные имена обеих жен Никомеда I свидетельствуют о том, что он, как и его отец, еще не был в полной мере признан эллинистическими владыками македонского происхождения равным партнером для установления династических связей. В таких условиях женитьба на родственнице⁴⁰ могла

³⁷ Это слово по-разному передается в рукописях; чаще всего встречаются варианты *Cosingis* и *Consingis*. В издании Budé отмечается сомнительность данного места. Ср.: *Reinach Th. Essai sur la numismatique...* P. 231. Note 1.

³⁸ Единственная параллель — имя фракийского вождя и жреца Геры Косинга (Κοσίγγας) у Поллена (VII, 22), которое трудно считать полностью достоверным.

³⁹ Ср. с именем Διτιζίλα — *Die Inschriften von Prusa*. T. I № 80.

⁴⁰ Видимо, ее фригийское происхождение могло не препятствовать тому, чтобы она являлась таковой: близость между фригийцами и вифинцами уже неоднократно отмечалась ранее, и знать двух народов могла быть издавна связана матримониальными узами. Ср., например, с родословной Датама в передаче Корнелия Непота: он происходил из

способствовать повышению авторитета вифинского царя и, что особенно важно, закреплению его приоритетных прав на отеческий престол в условиях противостояния со своим братом (братьями) в нач. 270-х гг., если допустить, что данный брак был заключен именно в это время. Более вероятным кажется все же заключение этого альянса до названных событий, так как к тому моменту Никомед, скорее всего, был уже в зрелом возрасте; но в любом случае брак с Дитизелой должен был предоставить ему преимущества перед его братьями-соперниками.

Не исключено, что брачно-династическая политика вифинских монархов уже в это время формировалась под некоторым воздействием македонских политико-правовых институтов. В частности, в науке отмечалось, что в эпоху борьбы диадохов для протагонистов большой политики важное значение приобрели браки с принадлежавшими к царской династии Аргеадов женщинами, по-видимому, позволявшие их мужьям приобретать соответствующий сакральный статус и претендовать на полноценную с точки зрения македонской традиции царскую власть⁴¹. Подобная же практика могла оформиться и в Вифинии, хотя, разумеется, у нас нет никаких конкретных данных о сакральной «составляющей» предполагаемого брачного альянса между Никомедом и его родственницей, фригийской княжной. Тем не менее достаточно значимым может быть и собственно формально-юридический аспект подобной акции; династический кризис 250-х гг. подтверждает принципиальную возможность заключения довольно необычных (в том числе и кровнородственных) браков в вифинском царском доме и особую значимость этого средства династической политики в целом.

После смерти Дитизелы Никомед женился вторично: его супругой стала некая Этазета (Memn., F. 14, 1). О ее происхождении

племени карийцев, его матерью, возможно, была скифянка, и при этом он приходился двоюродным братом пафлагонскому вождю Тиусу (Dat., I 2). Даже если здесь римским историком допущены какие-то фактические неточности, само существование родственных связей между представителями политической элиты Анатолии IV—III вв. вряд ли может быть оспорено.

⁴¹ Hammond N. C. L. *The Macedonian State: Origins, Institutions and History*. Oxford, 1989. P. 31; Miron D. *Transmitters and Representatives of Power: Royal Women in Ancient Macedonia* // *AncSoc*. Vol. 30. 2000. P. 49–51.

нет никаких сведений, но, исходя из ее имени⁴², не стоит сомневаться в ее принадлежности к среде местной фрако-анатолийской знати. Высокий статус Этазеты подтверждается тем, что именно ее детям по завещанию Никомеда были переданы права на престол в обход Зиэла, который был даже вынужден бежать от козней мачехи (Ibid.). Показательно, что один из сыновей Этазеты был наречен по имени первого вифинского царя Зипойтом (Полибий называет его «Тибойт» — IV, 50, 8): возможно, именно ему отводилась роль основного претендента на престол. Для обеспечения прав детей Этазеты перед лицом угрозы со стороны Зиэла был предпринят довольно нестандартный шаг: вдова царя была выдана замуж за его брата, причем, по словам Мемнона, организовали это «вифины» (F. 14, 2), видимо, те самые высшие круги местной знати, с которыми была тесно связана Этазета и которые, видимо, располагали определенными полномочиями в сфере государственного управления (об этом подробнее см. далее).

Оказавшись в столь непростой ситуации, Зиэл, как кажется, сумел обнаружить адекватный ответ на действия своих противников. В соответствующем месте монографии обосновывалось предположение о том, что Зиэл мог жениться на собственной сестре Лисандре, о которой нам известно из сообщения Арриана/Цеца: именно она и могла фигурировать как ἀδελφή в надписи из архива косского Асклепийона, автором которой в соответствующем месте монографии было предложено считать Зиэла. В условиях острого политико-династического кризиса, расколовшего всю страну на два враждебных лагеря, возможность получить дополнительное средство обоснования своих прав на трон за счет брака с сестрой была для изгнанного вифинского принца чрезвычайно актуальной, и то, что он сумел ею воспользоваться, характеризует его как весьма незаурядного и изобретательного политика. Не исключено, что претендент на вифинский престол при выборе супруги мог ориентироваться на опыт Птолемея II, если, как предполагалось, тот действительно стал его союзником, отойдя от выполнения обязательств перед наследниками Никомеда.

Разумеется, предположения о браках Никомеда I и Зиэла с родственницами высказаны здесь только в плане гипотез, надеж-

⁴² Считается, что это имя имеет фракийские корни: *Detschew D. Die thrakische Sprachreste. S. 171; Duridanov I. Die thrakischen Personennamen... S. 32.*

ного фактического подтверждения которым пока что не существует. Но следует подчеркнуть, что традиция женитьбы на сестрах не являлась чем-то исключительным для малоазийских династий: ее придерживались, к примеру, в IV в. правители Карии⁴³. Если допустить существование такого обычая в Вифинии, то едва ли возможно думать о его фракийском происхождении: в самой Фракии аналогичные примеры, насколько мне известно, не зафиксированы. Возможно, здесь имело место влияние со стороны Ахеменидов, которое Д. Огден склонен видеть в восприятии практики кровнородственных браков Селевкидами⁴⁴. Наконец, нужно отметить, что еще один случай кровнородственного брака в истории Вифинии (причем даже еще более экстравагантный!) действительно имел место: речь идет о кратковременной женитьбе Никопада IV Филопатора на сестре отца (*Gran. Lic.*, XXXV, 29, 7 — 30, 3). Выглядит совершенно очевидным смысл этого довольно странного брачного союза: посредством его Никопад, чьи права на престол не были бесспорными, пытался приобрести преимущество над своим соперником Сократом. Впрочем, успеха ему эта акция, скорее всего, не принесла: скорую смерть тетки Филопатора вряд ли возможно считать случайностью. Скорее всего, между вновь взошедшим на престол царем и его супругой произошел какой-то конфликт, завершившийся плачевно для последней.

В правление Зизла произошло еще одно важное изменение в брачно-династической политике Вифинии. Вифинская династия породнилась с Селевкидами — одним из ведущих царских домов эллинистического мира. Замуж за селевкидского принца Антиоха Гиеракса была выдана дочь Зизла, чье имя остается неизвестным (*Porphyr.*, FGrH, 260 F. 32, 8 = *Euseb.*, *Chron.*, I. P. 251 *Schoene*)⁴⁵. Вероятно, заключение этого брачного альянса в полной мере отвечало интересам обеих сторон: Гиеракс приобрел ценного союзника для борьбы с Атталом, а вифинский царь получил возможность поставить себя на один уровень в правовом отношении с великими державами. Это изменение ситуации, видимо, нашло свое выражение даже в системе летосчисления, применявшей-

⁴³ См. об этом: *Круглов Е. А.* Юго-западная Анатолия в протоэллинистический период (этно-политический аспект). Уфа, 1998. С. 62.

⁴⁴ *Ogden D.* Polygamy, Prostitutes and Death. P. 125–127.

⁴⁵ То, что дочь Зизла звали Лаодикой (*Grainger J. D.* A Seleukid Protopography... P. 704; ср. Table 1), ничем не обоснованное предположение.

ся в малоазийских монархиях (хотя и не получившей широкого распространения, для чего она, видимо, и не предназначалась). Именно так могут быть поняты данные византийского автора IX в. Георгия Синкелла о каппадокийской, вифинской и понтийской династиях. Продолжительность их правления оценивается им соответственно в 160, 213 и 218 лет (Synk. Ed. Mosshammer: о Каппадокии: P. 332, 6–7 = Diod., XXXI, 19, 9; о Вифинии и Понте: P. 378, 30–32 P. 333, 17–18, P. 332. 4–5). Обычно эти сообщения считаются крайне противоречивыми и ненадежными⁴⁶, однако тщательный анализ данных письменной традиции и нумизматических материалов позволяет прийти к выводу, что Синкелл воспроизводит здесь данные каких-то хроник эллинистического времени, в которых «отсчет лет царского статуса» ведется от момента заключения браков представителей династий трех «малых» монархий с Селевкидами. Введение этой политико-правовой нормы, судя по всему, вовсе не было навязано сирийскими царями; напротив, можно считать, что оно произошло по инициативе самих малоазийских правителей, знаменуя собой уравнивание их статуса с положением владык македонского происхождения. Из данных «Хронографии» Синкелла следует, что дочь Зизла была выдана замуж за Антиоха Гиеракса ок. 235 г., и это вполне возможно в том случае, если брак ее родителей состоялся, как это предполагалось выше, примерно во второй половине 250-х гг.

В дальнейшем сын и внук Зизла в своей брачно-династической политике сделали ставку на Македонию, что обуславливалось и внешнеполитической ориентацией Вифинии в кон. III — перв. пол. II в. Женой Прусия I стала, скорее всего, сестра Филиппа V Апама (см. гл. III, § 1). Исходя из иранского происхождения этого имени, ее обычно считают родившейся от брака македонского царя Деметрия с селевкидской принцессой Стратоникой⁴⁷. Между тем имеются веские основания полагать, что ее матерью все-таки являлась другая жена Деметрия, эпирская принцесса Фтия⁴⁸; на вы-

⁴⁶ Перл Г. Эры... С. 62. Анализ сведений Синкелла посвящена подготовленная мною специально работа, которая в данный момент находится в печати.

⁴⁷ Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. IV. Abt. 1. S. 148–149; Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death. P. 179; Carney E. D. Women and Monarchy... P. 185.

⁴⁸ Габелко О. Л. К генеалогии... С. 60.

бор же имени могло повлиять то обстоятельство, что она была первой женщиной в доме Антигонидов, родившейся после установления связей с Селевкидами, и ее назвали в честь «прародительницы» с этой стороны — Апамы, жены Селевка I.

Некоторые неоднозначные детали наличествуют и в трактовке браков Прусия II. Имя его первой жены Апамы, матери Никомеда Эпифана и сестры македонского царя Персея, известно из надписи, обнаруженной в Пирее⁴⁹. Не вполне ясно, однако, когда именно и по каким причинам был заключен второй его брак — с дочерью или сестрой царя фракийцев-кенов Диэгила (App., Mithr., 6). Я. Зайберт, в частности, полагает, что время этого альянса установить не удастся⁵⁰, однако, если следовать предложенной в гл. IV, § 1 трактовке сообщения Суды о Прусии «Однозубом», родившемся в данном браке (s. v. Ἀπολλωνιάς λιμῆν), то гипотеза на этот счет может быть предложена. При допущении о том, что в 149 г., к моменту мятежа Никомеда против отца, Прусий «Однозубый» уже был совершеннолетним, женитьба Прусия II на Апаме и рождение их сына должны быть отнесены ко времени непосредственно после окончания Третьей Македонской войны в 168 г., и это хорошо согласуется с явным стремлением вифинского царя дистанцироваться от побежденного Римом его шурина Персея, проявившимся во время его визита в Рим⁵¹. Возникает предположение, что брак с сестрой Персея к этому моменту мог быть расторгнут Прусием или же она попала в опалу при никомедийском дворе; тем самым вновь ставится на повестку дня вопрос о существовании полигамии в вифинской династии.

Вполне закономерным выглядит и то, что в дальнейшем брачно-династическая политика вифинских монархов «смещается» в восточном направлении, в сторону Понта и Каппадокии: ведь именно с этими государствами были связаны наиболее важные и драматические события вифинской истории кон. II — нач. I в. Понтийское или каппадокийское происхождение выглядит наиболее вероятным для Нисы — жены Никомеда III Эвергета и матери Никомеда IV Филопатора (Memn., F. 22, 5) (впрочем, историчность ее иногда

⁴⁹ Wilhelm A. Eine Inschrift... S. 75–82.

⁵⁰ Seibert J. Historische Beiträge... S. 116.

⁵¹ Двусмысленная роль вифинско-македонского брачного альянса выразительно обрисована Ливием (XLII, 12, 3; 19, 3).

небезосновательно оспаривается; см. выше, с. 373). Глубокая вовлеченность последних двух царей Вифинии в отношения с Каппадокией и Понтом наглядно проявилась в их браках: третьей женой Эвергета стала сестра Митридата VI Лаодика (Just., XXXVIII, 1, 4; OGIS 345), а Филопатор взял в супруги Нису — ее дочь от Ариарата VI Каппадокийского (Grap. Lic., XXXV, 30, 2–3). Забегая вперед, можно отметить: установление родственных связей с этими правящими домами стало причиной того, что потомки последних вифинских монархов сумели включиться в систему римского «династического управления» на Востоке и играть некоторую политическую роль в течение нескольких десятилетий после гибели Вифинского царства.

Возвращаясь к проблеме фракийского наследия в структуре вифинской государственности, нужно отметить, что ранние монеты вифинских царей также не свободны от фракийского влияния, проявлявшегося в отражении некоторых местных культов⁵². На реверсе серебряной тетрадрахмы Никомеда I изображена богиня Бендида⁵³, а мужская фигура на драхмах этого же царя была отождествлена Т. Рейнаком с Аресом⁵⁴. Почитание бога войны у ви-

⁵² В сравнении с этими нумизматическими материалами монеты Пруссия I выглядят явной попыткой поднять филэллинский престиж династии: на реверсе его тетрадрахм впервые было помещено изображение Зевса Стратия, ставшее наиболее употребительным у его преемников. См.: *Le Rider G. Un tetradrachme...* P. 167–172. Возможно, этот образ воспроизводит статую Зевса Стратия из храма в Никомедии (Just., XXXIV, 4, 4–5), изваянную известным скульптором Дидалсом (Eustath. ad Dionys. 793, p. 355, 44 = Arr., Bithyn., F. 20 Roos). Впрочем, эпиклеза этого божества указывает на сохранение военного характера вифинской монархической власти, о чем будет сказано далее.

⁵³ Recueil. P. 218–219, № 1; 4; Попов Д. Тракийската богиня Бендида. София, 1981. С. 27, 74. *Mørkholm O. Early Hellenistic Coinage.* P. 30. Эта богиня отождествлялась с Артемидой греческого пантеона. В Вифинии по ее имени назывался один из месяцев. О вифинском календаре см.: *Rea J. R. A New Bithynian Month List // ZPE.* 1992. Bd. 90. P. 289–291.

⁵⁴ Recueil. P. 218–219, № 3; *Mørkholm O. Early Hellenistic Coinage.* P. 30. Арес, как мы помним, считался прародителем вифиев — европейской ветви вифинов (Steph. Byz., s. v. Βιθύαι). В Вифинии, помимо того, существовало предание, переданное Лукианом, согласно которому имела связь между Аресом и вифинским божеством Приапом (De salt., 21);

финских племен далеко не случайно: специфической чертой царской власти в Вифинии долгое время оставался ее ярко выраженный военный характер.

Полибий в своем известном пассаже, гневно осуждая Пруссия II, перечисляет его пороки: он был «трусом и бабой в военном деле» и «во всех случаях жизни проявлял дряблость души и тела»; поэтому если «ни один народ не выносил такого рода слабости в своих царях, то народ вифинский — в особенности» (XXXVII, 7, 1–3; пер. Ф. Г. Мищенко). Эд. Мейер видит в этом сообщении лишь доказательство воинственности вифинцев и существования у них чувства собственного достоинства⁵⁵, что трудно принять буквально⁵⁶. Недостаточная компетентность Пруссия II в военном деле не только была вызовом общественному мнению вифинцев, но и находилась в вопиющем противоречии с одним из основополагающих принципов вифинской βασιλεία (имеющим непосредственные точки соприкосновения с фракийскими установлениями)⁵⁷, согласно которому каждый вифинский царь должен был быть умелым полководцем и отважным воином. Идеалом здесь могли быть династ Бас — ведь он своими победами «подготовил то, что македоняне отказались от Вифинии» (Memn., F. 12, 4), Зипойт, «прославившийся в войнах» (F. 12, 5), Зиэл, которого Арриан сравнивал по доблести с Гераклом (Art., Bithyn., F. 64 Roos)⁵⁸, или Прусий I, которого Мемнон называет предприимчивым и многое совершившим (Memn., F. 19, 1)⁵⁹ (характерно, что все эти сообщения, судя по всему, восходят к собственно вифинской традиции). Данная особенность сближала Вифинию с державой Селевкидов, военный характер которой особо подчеркивает Э. Бикерман⁶⁰, но

об Аресе и Приапе см. также: Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. С. 57. Один из месяцев вифинского календаря назывался Ἄρεος (Rea J. R. A New Bithynian Month List. P. 289–291).

⁵⁵ Meyer Ed. Bithynia. Sp. 522.

⁵⁶ См.: Габелко О. Л. Этнический и социальный аспекты... С. 64.

⁵⁷ Златковская Т. Д. Возникновение государства... С. 200.

⁵⁸ Монеты Зиэла Т. Рейнак характеризует как «monnaie de combat» (Essai sur la numismatique... P. 223).

⁵⁹ Ср.: Habicht Ch. Prusias (1). Sp. 1106.

⁶⁰ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 15; ср.: Свенцицкая И. С. Восприятие царя и царской власти в эллинистических полисах (По данным эпиграфики) // Государство, политика и идеология в античном мире. М., 1990. С. 107.

означенная черта была присуща не всем эллинистическим государствам в равной мере. Так, в Птолемеевском Египте на первый план выдвигалась сакральная сущность монархической власти⁶¹. Постепенно, с правления Никомеда I, военный характер монархии в Вифинии начинает сочетаться с формируемым в официальной пропаганде образом монарха — покровителя религии, культуры и искусств, который с середины II в. становится преобладающим (Grav. Lic., XXXV, 29, 3–5; см. также эпиграфические свидетельства о филэллинской деятельности Прусия II и Никомедов II–IV в соответствующих главах монографии).

В правление Зипойта фрако-анатолийские элементы в организации вифинской государственной власти впервые вступают во взаимодействие с общеэллинистическим компонентом. Ярким свидетельством этого стало принятие им в 297/296 г. после победы над Лисимахом титула царя и учреждение вифинской царской эры⁶². Однако Диодор называет Зипойта «ὁ βασιλεὺς τῶν Βιθυνῶν», рассказывая о событиях 315 г. (XIX, 60, 3), и К. Ю. Белох на этом основании сделал вывод, что монархическая форма правления и титул βασιλεὺς в Вифинии, как и во Фракии, были традиционными⁶³. Это мнение не разделяется современными исследователями⁶⁴, поскольку Диодор, видимо, не придерживался точной терминологии⁶⁵, а гораздо лучше осведомленный в вифинской истории Мемнон называет Зипойта «ὁ Βιθυνῶν ἐπάρχων» (F. 6, 3). Впрочем, и здесь остаются некоторые нерешенные проблемы, ибо Мемнон ни разу не говорит о царской власти Зипойта (даже рас-

⁶¹ См., например: *Koelen L. The Ptolemaic King as a Religious Figure // Images and Ideologies: Self-Definition in the Hellenistic World. Berkeley; Los Angeles; London, 1993. P. 81–113.*

⁶² В трактовке сведений о вифинской царской эре сохраняет свою актуальность прекрасная работа: *Перл Г. Эры...*, особ. С. 36–39. Последнее наиболее обстоятельное исследование с полной библиографией: *Leschhorn W. Antike Ägen. S. 178–191.* Теоретически нельзя исключать того, что эра была введена кем-то из преемников Зипойта «задним числом», но проведение этой акции им самим выглядит более вероятным.

⁶³ *Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. IV¹. S. 234.* Апп. 1.

⁶⁴ См. *Vitucci C. Il regno di Bitinia. P. 11–12. Note 1.*

⁶⁵ См., например, весьма вольное обращение Диодора с терминами, характеризующими власть первых Митридатидов: *δυναστεία* (XX, 111, 4) или даже *βασιλεία* (XV, 90, 3) (*Bosworth A. B., Wheatley P. The Origin... P. 155–156.*).

сказывая о событиях после 297 г.) и, напротив, подразумевает таковую у его отца Баса.

Безусловно, 297/296 г. стал значительным рубежом в истории вифинской династии. Предпринятый Зилойтом политико-юридический акт вполне следовал действиям диадохов, провозгласивших себя царями по примеру Антигона Одноглазого, и представлял собой «классически правильный» пример принятия титула βασιλεύς в результате победы над владыкой македонского происхождения, уже обладавшим царским титулом в течение нескольких лет. Вифинский династ посредством этого шага явно стремился утвердиться в политической системе, созданной новыми властителями⁶⁶, и его действия оказались весьма привлекательными для его современников — правителей, не принадлежащих к элите греко-македонского мира, но имевших все основания пописать свой статус вслед за новоиспеченным вифинским монархом. К их числу следует отнести, прежде всего, Митридата I Понтийского⁶⁷, а также, возможно, и Спартока III Боспорского⁶⁸. Именно это обстоятельство (наряду с введением отсчета «лет цар-

⁶⁶ Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 21; Habicht Ch. Zipoites (1). Sp. 455.

⁶⁷ Принятие царского титула Митридатом именно в этом году прямо не подтверждается данными источников, но выглядит наиболее вероятным исходя из соображений «династического престижа». Этой датировки придерживается целый ряд историков: Meyer Ed. Gemächte... S. 39; Ломоури Н. Ю. К истории... С. 31–33; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 43; Kobes J. «Kleine Könige». S. 119. Единственным фактическим подтверждением принятия Митридатом царского титула именно в этом году могут рассцениваться некоторые драхмы и тетрадрахмы Ариарата IX Евсевия Филопатора — сына Митридата Филпатора, возведенного им на каппадокийский престол. Те из них, которые были выпущены в третий год его правления (97 г.), в отличие от всех остальных монет, датированных именно по годам правления, несут цифровое обозначение Σ (200), что, на мой взгляд, дает основания считать их своего рода «юбилейным» выпуском, посвященным 200-летию коронации Митридата Ктиса. (О монетах Ариарата IX в целом см.: Callataÿ F. de. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 200–209; конкретно о названных типах: P. 202, 272). При этом я считаю, что Митридат I не одержал в этом году никакой победы над кем-либо из диадохов; столь же неоправданно связывать с этой датой начало собственно понтийской царской эры.

⁶⁸ См. о такой возможности: Габелко О. Л., Завойкин А. А. Еще раз о вифинско-понтийско-боспорской эре.

ского статуса» от заключения браков с Селевкидами), на мой взгляд, является одним из наглядных проявлений существования общего политико-правового пространства, в котором действовали правители формирующихся малоазийских государств. Это, в свою очередь, служит одним из оснований к тому, чтобы объединять монархии северной и центральной Малой Азии в особый политико-географический комплекс, характеризующийся целым набором специфических черт⁶⁹.

Было бы ошибкой полагать, что с началом эпохи эллинизма и восприятием элементов македонской государственности фракийские традиции в истории Вифинии сразу теряют свое значение. Напротив, их присутствие и весьма ощутимое влияние фиксируются в течение весьма длительного времени — практически до конца независимого существования царства. И наиболее отчетливо эти архаичные устои, вступающие во взаимодействие с установлениями иного происхождения, проявлялись в моменты нередких в истории страны династических смут. Если в III–IV главах монографии эти события анализировались в основном с точки зрения фактологии, то здесь уместно рассмотреть их правовую составляющую.

Начнем с «братоубийственной войны» 270-х гг. Как следует из сообщения Мемнона, Зипойт I завещал власть старшему из своих сыновей, что вполне естественно и было типично как для эллинистических держав, так и для Фракии⁷⁰. Однако неясным кажется статус остальных его детей. В источнике говорится о Зипойте II: ὅς τῆς Θυιακῆς ἐπιῤῥχε Φράκις (Мемн., F. 9, 5), что расценивается многими исследователями как свидетельство захвата им этой области⁷¹. Более обоснованной представляется несколько иная версия этих событий. Кажущийся более точным по контексту перевод слова ἐπιῤῥχε как «управлял» (а не «владел», согласно В. П. Дзагуровой), может указывать на то, что власть в

⁶⁹ См. Габелко О. Л. Царская власть... С. 33–36, где предлагается использовать термин «анатолийское этнополитическое койне». Особенно значительное сходство между малоазийскими царствами обнаруживается именно в сфере организации государственной власти.

⁷⁰ Cary M. A History of the Greek World... P. 251; Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 20; Златковская Т. Д. Указ. соч. С. 219.

⁷¹ Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. III. С. 99; Tam W. W. The New Hellenistic Kingdoms // САН¹. Vol. VII. 1928. P. 100; Дзагурова В. П. Гераклея Понтийская... С. 109; Она же. Мемнон. О Гераклее. С. 297. Прим. 1. Не столь категорично: Corradi C. Studi ellenistici. P. 114.

Финийской Фракии не была узурпирована Зипойтом, а принадлежала ему на основании определенного наследственного права⁷². Терминологию сообщения Мемнона можно сопоставить с мнением тех исследователей, которые считают, что Понтийское царство было разделено на епархии⁷³; подобного рода территориально-административной единицей в составе Вифинии могла быть и Финийская Фракия (хотя аналогия тут, конечно, весьма относительная). Господство Зипойта в этой области, при всей отрывочности сведений о нем, напоминает власть фракийских парадинов⁷⁴, а сама ситуация 280—278 гг. в Вифинии несколько сходна с положением дел во Фракии, когда после смерти царя одрисов Котиса I (359 г.) разгорелась борьба за власть между Керсоблептом, Амадоком и Берисадом, завершившаяся разделом царства⁷⁵. Уместна параллель и с эпизодами I в. н. э., когда римляне после смерти фракийского царя Реметалка I разделили власть в стране между его сыном Котисом и братом Рескупоридом (Тас., Анн., II, 64), а затем передали господство над отдельными районами Фракии детям Котиса и Реметалку — сыну Рескупорида (III, 38).

В подробно рассмотренном ранее конфликте между Зиэлом и детьми Никомеда I от второго брака особо примечательными кажутся сразу несколько моментов формально-юридического плана. Во-первых, довольно непонятным кажется указание Мемнона на то, что Никомед записал наследниками своих детей от второго брака (κληρονόμους μὲν τοὺς ἐκ τῆς δευτέρας γυναίκος γράφει παῖδας), а не кого-то одного из них. Схожий эпизод, имевший место более чем через сто лет после описываемых событий, изложен Юстином: «Прусий (II. — О. Г.) задумал убить своего сына Никомеда, так как... заботился о младших своих сыновьях, прижитых

⁷² См.: Дройзен И. Г. Указ. соч. Т. II. С. 373 (в отличие от приведенного выше мнения этого автора); Schneiderwirth H. Das Pontische Herakleia. S. 5; Habicht Ch. Zipoites (2). Sp. 456; Kobes J. «Kleine Könige». S. 117—118.

⁷³ Rostovtzeff M. I., Ormerod H. A. Pontus and its Neighbours. P. 215; SEHNW. Vol. II. P. 576; Geyer F. Mithridates // RE. Bd. XV. Hbbd. 30. 1932. Sp. 2201—2202; Magie D. Roman Rule... Vol. II. P. 1070—1072; ср.: Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 22—224.

⁷⁴ О парадинастах см.: Златковская Т. Д. Указ. соч. С. 230—232.

⁷⁵ Там же на с. 217 эти события рассматриваются в связи с определением порядка наследования престола во Фракии.

им от мачехи Никомеда» (Just., XXXIV, 4, 1)⁷⁶. Завещание царской власти не одному, а нескольким наследникам, вне какой-либо связи с практикой регентства или обычного соправительства, в корне противоречило бытовавшему в эллинистических монархиях принципу, согласно которому суверенная власть целиком переходила только к одному правомочному лицу⁷⁷. Не следует ли видеть в этих действиях вифинских царей проявление каких-то архаичных установлений, вероятно, также фракийского происхождения?

Роль женитьбы брата Никомеда на его вдове Этазете уже рассматривалась выше. Наконец, события 255–253 гг. положили начало закреплению в истории вифинской династии еще одного типичного для эллинистического мира принципа: праву царя назначать своего преемника особым распоряжением, отступая от передачи власти старшему сыну⁷⁸. Конфликты, вызванные противоречием двух систем престолонаследия: одной — основанной на праве первородства, другой — на праве монарха распоряжаться своим «достоянием» — царской властью — по собственному усмотрению, были нередки в державе Селевкидов⁷⁹; не избежала их и Вифиния. В рассматриваемом здесь эпизоде развязанная Зиэлом гражданская война завершилась для него успешно; из этого следует, что осуществлению официально выраженной воли Никомеда I воспрепятствовало реальное соотношение военно-политических сил.

Воцарение Зиэла сопровождалось отдельными неоднозначными деталями, которые уже в течение длительного времени привлекают внимание исследователей. Специфика вифинской βασιλεία определенным образом отразилась в титулатуре Зиэла в его письме «совету и народу Коса» — βασιλεὺς Βιθυνῶν Ζιᾶτῆς (см. анализ этого документа в гл. III, § 1). Употребление в официальном документе определения-этнонима в сочетании с именем царя и са-

⁷⁶ Правда, это сообщение может иметь и другой смысл: Прусий просто опасался за жизнь своих младших детей, которых Никомед мог рассматривать как потенциальных соперников. Все они, вероятно, действительно были убиты после прихода Никомеда к власти (почему несколько ранее этот династический кризис был причислен к «амфиметрическим» смутам, по терминологии Д. Огдена).

⁷⁷ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 19.

⁷⁸ Там же. С. 20.

⁷⁹ Там же. С. 21.

ним титулом βασιλεύς — крайне редкое явление для эллинистической эпохи. На этом основании некоторые антиковеды пытались провести параллели между Вифинией и Македонией (где также встречались подобные официальные формулы), усматривая сходство в общественной психологии вифинцев и македонян с якобы присущим ей «сильным национальным самосознанием» (keep national consciousness)⁸⁰. Хотя отрицать факт определенной этнической и политической консолидации вифинцев в IV—III вв. не следует, подобные выводы строятся на слишком зыбких основаниях и едва ли могут быть приняты. Не имея возможности каким-либо иным образом объяснить столь необычное словоупотребление, многие историки склонны видеть в нем следствие ошибки царского секретаря, недостаточно основательно знакомого с особенностями общепринятых норм царской титулатуры⁸¹.

Однако эта версия не дает убедительного ответа на вопрос об особенностях приводимой в надписи титулатуры: ведь титул Зиэла в том виде, в каком он приведен в документе, — это в любом случае не описка, а результат выражения каких-то политико-правовых норм, пусть даже не вполне соответствующих общеэллинистическим образцам⁸². По понятным причинам подобная формулировка с употреблением этникона не могла быть отнесена к

⁸⁰ Dow S., Edson C.-F. Chryseis: A Study of the Evidence in Regard to the Mother of Philip V // HSCPh. Vol. XLVIII. 1937. P. 139. Исходя из этого тезиса, исследователи полагают, что в случае обращения кого-либо из македонских царей к гражданам независимых государств в документах мог употребляться титул βασιλεύς Μακεδόνων (Idem). По другой версии, изменение в титулатуре вифинских царей (и, в частности, исчезновение этникона в надписях последующих правителей) свидетельствует об усилении «абсолютизма» царской власти (Treves P. Les documentes apocryphes du «Pro Corona» // EC. T. IX. 1940. P. 151. Note 2). Критика этих точек зрения была дана А. Эймаром: Aymard A. Le protocole grec et son evolution // Aymard A. Etudes d'histoire ancienne. Paris, 1967. P. 80–81.

⁸¹ Aymard A. Loc. cit.; Vitucci G. Op. cit. P. 125–126. Note 3; Walbank F. W. Monarchies and Monarchic Ideas // CAH². Vol. VII. Part. 2. 1984. P. 65. Note 10. Не столь категорично: RC. P. 121–122; Habicht Ch. Ziaelas. Sp. 391; Rigsby K. Asyria. P. 120.

⁸² Интересным кажется еще один момент, несколько проясняющий довольно двусмысленную с правовой точки зрения ситуацию, в которой находился Зиэл: он не называет царем своего отца Никомеда I, отказавшего ему в праве на престол (сткк. 9, 20). См.: TAM IV 1. P. 6.

представителям царских родов Селевкидов или Птолемеев — тем суверенам, чья власть носила исключительно личный характер и несколько не отождествлялась с «национальной» монархией⁸³. Однако в истории Фракии имел место отраженный в эпитафических памятниках инцидент, рассмотрение которого с большой долей вероятности способно помочь в объяснении того «уникального исключения»⁸⁴, какое являет собой титул Зиэла.

Дело в том, что близкая по форме титулатура засвидетельствована и для уже упоминавшегося Реметалка II: βασιλεύοντος Θρακῶν Ροιμητάλκου⁸⁵ и Ροιμητάλκου Θρακῶν βασιλέως (IGB I 378). Характерно, что в более ранних надписях он именовался династом, но после описанных Тацитом событий (Тас., Анн., II, 67; III, 38; IV, 5; 47), приведших к фактическому объединению страны под его началом, принял новый титул, до того не употреблявшийся⁸⁶. Появление еще одного соответствия между монархической властью во Фракии и Вифинии показательно само по себе, однако сходство не исчерпывается только этой деталью. Ведь Зиэл занял престол после длительной и упорной борьбы за власть, и не исключено, что до того, как им была одержана окончательная победа, ему пришлось идти на компромиссы. Следует особо подчеркнуть: Мемнон говорит о заключении между враждующими сторонами каких-то договоров, приведших к установлению мира (F. 14, 2); и можно допустить, что их результатом стало принятие промежуточных решений, включавших в себя как крайнюю меру даже временное разделение территории Вифинии между Зиэлом и его противниками (подробнее см. гл. III, § 1). Фактическое сохранение единства страны и подчеркивание его (а, следовательно, и легитимности собственного правления) с помощью пропагандистских средств оставалось для Зиэла (как и для Реметалка во Фракии) очень важной задачей даже спустя многие годы после его воцарения, причем, судя по всему, реальное гос-

⁸³ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 5–7; Walbank F. W. The Hellenistic World. P. 74–75.

⁸⁴ Aymard A. Le protocole grec... P. 80.

⁸⁵ Иванов Т. Два надписа от античните град при Разград // ИБАИ. Т. XIX. Сборник. Гаврил Кацаров. Ч. 2. София, 1955. С. 169.

⁸⁶ См. о Реметалке II и его титулах: Gaggero G. Nouvelles considerations sur les dynastes du I-er siecle de n. ere // Pulpudeva. Semaines philippopolitaines de l'histoire et de la cultura thrace. III. Sofia, 1980. P. 312–314.

подство над всей территорией страны Зиэлом было установлено далеко не сразу. Можно предположить, что именно на достижение этой цели и было направлено употребление необычной формулы βασιλεὺς Βιθυνῶν. Впрочем, как было показано в соответствующем месте данной монографии, на момент ее появления в письме коссам, скорее всего, реальное единовластие еще не было Зиэлом достигнуто.

Восстановление аналогичного титула в надписи Никомеда IV из Афродисия было предложено английской исследовательницей Дж. Рейнольдс⁸⁷, причем исследовательница, видимо, следует логике С. Доу и Ч. Эдсона, объясняя появление данной формулы тем, что она была употреблена в письме, адресованном гражданам независимого государства, а не собственным подданным. Тем не менее, если датировать этот документ временем, когда Никомед IV вернул себе престол после узурпации Сократа Хреста и вновь установил контроль над страной (ок. 90 г.) (а Дж. Рейнольдс не исключает и такой возможности), то появление этой формы титулатуры может оказаться вполне обоснованным. Остается в целом неясным, как именно была разделена территория Вифинии между двумя враждующими претендентами на престол, на каких основаниях ими чеканились собственные монеты и имелись ли к тому какие-либо конкретные правовые (договорные?) предпосылки; но то, что почва для такого развития событий была подготовлена архаичными особенностями вифинской государственности, представляется довольно очевидным.

Конфликт, вызванный завещанием Никомеда I и его произвольной трактовкой заинтересованными сторонами, получил неожиданный отклик спустя приблизительно тридцать лет после его окончания. В 220 г. во время войны между Пруссией I и византийцами последние решили дестабилизировать положение своего врага, вызвав из Македонии нашедшего там убежище Зипойта (Тибойта), сводного брата Зиэла (Polyb., IV, 50, 1). Византийцы, как сообщает Полибий, намеревались выдвинуть его в качестве претендента на вифинский престол: (οἱ δὲ Βυζάντιοι... ἐπὶ τε τὸν Τιβοίτην ἐξαπέστειλλον... ἐδόκει γὰρ οὐχῆττον ἢ Βιθυνῶν ἀρχὴν Τιβοίτην καθέκειν ἢ Προυσία διὰ τὸ πατρὸς ἀδελφὸν αὐτὸν ὑπάρχειν τῷ Προυσία — IV, 50, 8–9). Из источника, впрочем, отнюдь не следует, что династические права Зипойта были пред-

⁸⁷ Reynolds J. Aphrodisius and Rome. P. 20–26.

почтительны⁸⁸; скорее, они признавались лишь византийцами, чью акцию Д. Браунд расценивает как продолжение прежних опекунских обязательств, включавших в себя «предоставление военной силы против узурпации»⁸⁹. Мнение Ф. Уолбэнка, будто бы ни Зиэл, ни Прусий I не имели законного царского титула, о чем свидетельствует оказанная Зипойту поддержка, не кажется убедительным: события конца 250-х гг. уже потеряли свою актуальность, а действия византийцев и Македонии следует рассматривать как попытку воспользоваться сложившейся на тот момент внешнеполитической конъюнктурой, а не как проявление правовых норм, связанных с «внешним опекунством». Ни о каких волнениях в Вифинии, вызванных неожиданно возобновившимися претензиями Зипойта на престол, источники ничего не сообщают; скорее всего, их просто не было.

Другая ситуация, связанная с назначением царем своего преемника в обход старшего сына, создавалась в 149 г. Прусий II, очевидно, не будучи уверен в действенности распоряжения, которое предоставило бы право на престол его младшим детям, родившимся от брака с дочерью или сестрой царя фракийского племени кенов Диггила (App., Mithr., 6), решил прибегнуть к более простому, с его точки зрения, средству — тайному убийству старшего сына, Никомеда. Это решение могло быть составной частью своеобразной «панфракийской» политики, отдельные проявления которой, кажется, имели место во второй половине царствования Прусия II. Суть ее заключалась в династическом и внешнеполитическом сближении с фракийским властителем, в отходе от последовательного филиаллизма и в ориентации на интересы наименее эллинизированных слоев вифинского общества. Однако замысел царя не осуществился; Никомед II, пользовавшийся симпатиями вифинцев и поддержкой Пергама, сверг своего отца, а затем убил его⁹⁰.

⁸⁸ Так у Х. Хабихта: *Habicht Ch. Zipoites* (3). Sp. 459.

⁸⁹ *Braund D. Rome and the Friendly King*. P. 146. При этом, как было отмечено ранее, само возвращение Зипойта было организовано, скорее всего, Филиппом V.

⁹⁰ Интересно, что в ходе этих событий вновь возникла возможность разделения территории страны: Аттал II предложил Прусию II передать сыну часть своих владений (App., Mithr., 6). Трудно, однако, предположить, будто в случае удовлетворения этого требования произошла бы «легализация» царской власти Никомеда II (*Ritter H.-W. Diadem und*

Наконец, династический кризис, вызванный (при участии Митридата Евпатора) борьбой за престол между Никомедом Филопатором и Сократом Хрестом в 90–80-х гг., по крайней мере внешне вполне соответствует типичным для эллинистического мира «амфиметрическим» смутам (хотя в его развитии, как было показано выше, занимали определенное место и собственно фракийские устои).

Все эти разобранные выше сходные между собой события, видимо, имеют в своей основе связанные общим происхождением юридические нормы, регулировавшие порядок наследования царской власти и допускавшие возможность расчленения страны на отдельные области, которые передавались во владение тем или иным представителям царской семьи. При этом не исключалась вероятность «разделения» самой суверенной власти, хотя чаще верховное правление оставалось за одним из членов династии. Существование подобной практики, конечно же, никоим образом не способствовало сохранению стабильности внутри страны, хотя в отдельные моменты оно могло играть и положительную роль, приглушая остроту внутрдинастических смут. Любопытно, что в чем-то сходное обыкновение разделения власти между представителями царского дома засвидетельствовано источниками в Македонии V в. до н. э. Так, свои «уделы» некоторое время имели братья македонского монарха Пердикки II (ок. 454–413 гг.), однако царями они не именовались (Thuc., II, 100, 3)⁹¹. Еще более показательное существование института «двоецарствия» в Эпире, где его функционирование прослеживается гораздо отчетливее⁹²; од-

Königsherrschaft. München, 1965. S. 162): ведь речь шла только о предоставлении городов для жительства (*ἐς ἐνοίκεσιν*) и области для получения доходов (*ἐς ἐφοδία*). Юридическим основанием для такого решения могли бы служить не какие-то фракийские установления, а восходящее к Лхеменидам и унаследованное эллинистическими державами право царя дарить земли и города своим родственникам и приближенным (см.: Дандимаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика... С. 149–150).

⁹¹ Ср.: Errington R. M. A History of Macedonia. Berkeley; Los Angeles; London, 1993. P. 15–16, 266–267. Уместно вспомнить здесь и концепцию Р. Биллоуза о «династическом поведении», присущем представителям македонской политической элиты и сыгравшей, с его точки зрения, немалую роль в формировании новых эллинистических государств в Малой Азии (Billows R. A. Kings and Colonists. P. 84–87).

⁹² См. подробно: Казаров С. С. Царь Пирр и Эпирское государство... С. 184–189, с обзором литературы по проблеме.

нако вряд ли здесь возможно говорить о каком-то генетическом родстве царской власти в Вифинии и Эпире. Скорее, нужно допустить, что появление близких по форме правовых установлений, регулирующих функционирование властных механизмов в двух государствах, было порождено некоторым сходством принципиально важных черт их исторического развития. Главной из них может считаться ограничение царской власти сильной племенной аристократией, способной оказывать непосредственное влияние на ход династических кризисов и реально контролировать состояние дел в государстве.

При минимальном количестве сведений о внутривластной истории Вифинии существование и функционирование этой социальной силы может быть прослежено лишь предположительно, но, что характерно, проявлялось оно исключительно в критические моменты истории страны. Во-первых, упоминание этноса как «носителя государственности» присутствует (как отмечалось, с известной долей предположительности) в трех эпиграфических документах: в титуле βασιλεὺς Βιθυνῶν, связанном с именами Зиэла и Никомеда Филадельфа, и в надписи из Каллатиса (о ней см. с. 203), причем в тексте последней «вифиния» фигурирует как вполне самостоятельная политическая величина, не связанная ни с кем из монархов. Во-вторых, довольно показательный материал содержится и в письменной традиции.

Так, явно не случайной выглядит и характеристика восставшего против Никомеда I его брата Зипойта как Ζιποίτης ὁ Βιθυνός (Metr., F. 9, 5): выступив против филиппинского курса нового царя, он должен был апеллировать к исконным традициям вифинского общества, и в данном случае его «этническое» прозвище могло означать некий противовес и политике, и даже греческому имени его противника (если оно действительно было выбрано тем «ad hoc»!). Вполне закономерно, что в ходе того же конфликта большинство вифинской знати должно было поддержать Зипойта Вифина, и потому именно против него и был направлен первый удар союзных Никомеду галатов (F. 11, 5). Разумеется, остаются совершенно неясными причины, вынудившие Никомеда завещать власть детям от второго брака, но отнюдь не исключено, что Этасета как представительница коренной вифинской аристократии пользовалась в ее среде несравненно большим авторитетом, нежели прежняя жена царя, иноплеменница Дитизела (хотя нельзя забывать и о возможности родства по-

следней с Никомедом). Именно это обстоятельство и могло предопределить решительную позицию вифинов («дворцовой партии», по определению Х. Хабихта⁹³), выступивших в поддержку геттоевой Этазеты в ходе междоусобной войны 250-х гг. (F. 14, 2). Наконец, как было показано в гл. IV, § 3, именно представителем высшей вифинской знати могло быть передано формальное руководство страной во время оккупации ее Митридатом Евпатором в ходе первой войны с Римом (F. 25, 2). Все эти сообщения не могут, конечно же, считаться безусловно надежным доказательством истинности предлагаемой здесь гипотезы; но они содержатся в произведении Мемнона, хорошо знавшего вифинскую историю и, как неоднократно подчеркивалось, скорее всего, использовавшего собственно вифинские материалы. Это, на мой взгляд, заставляет относиться к ним с самым пристальным вниманием.

Итак, сосуществование и взаимодействие в Вифинии механизмов, ограничивающих царскую власть, — института, напоминающего фракийскую парадинастию и приводившего иногда к разделению страны на несколько доменов, власть в которых принадлежала тем или иным представителям династии, а также влияние на ход государственных дел родовой аристократии (каким-то образом институционально оформленного?) могут считаться весьма специфической чертой, характеризующей своеобразие вифинской βασιλεία. Но наряду с этим в эпоху эллинизма монархическая власть в Вифинии, как уже неоднократно подчеркивалось, формировалась и эволюционировала под влиянием традиций великих эллинистических держав, в которых задавала тон македонская политическая практика.

В развитии данного процесса можно выделить два этапа. Первый из них — период первичного синтеза фрако-анатолийских и общеэллинистических элементов государственности, происходивший с попеременным преобладанием то одних, то других. Попытки Зипойта поставить себя на один уровень с другими суверенами, приняв царский титул, имели определенный вес, но в целом не принесли желаемых результатов. Только Никомед I, по словам М. И. Ростовцева, заявил о себе как «греческий царь с греческим именем и греческой столицей»⁹⁴, чему способствовала прежде все-

⁹³ Habicht Ch. Ziaelas. Sp. 391.

⁹⁴ SEHWW. Vol. I. P. 568; ср.: Magie D. Op. cit. Vol. I. P. 312.

го проводившаяся им филэллинская политика. В дальнейшем в деятельности вифинских монархов (прежде всего, Зиэла и Прусия II) имели место отдельные «рецидивы» политики, основой которой были фракийские традиции.

Этап развития вифинской государственности практически в полном соответствии с традициями и образцами эллинистических монархий берет начало в период царствования Никомеда II. В это время окончательно складывается концепция божественного происхождения царской власти, что нашло отражение в эпиграфических памятниках, связанных с именами Никомеда II и его матери Апамы⁹⁵. Никомед II первым в вифинской династии принял почетное имя и был назван Эпифаном; его преемники тоже последовали этому примеру и получили эпитеты Эвергет и Филопатор⁹⁶. Характерно, что сын и внук Никомеда Эпифана сохраняли на своих монетах его изображение⁹⁷; наряду с введением датировки монет по годам царской эры данное обстоятельство расценивается как проявление желания считать воцарение Никомеда II новым основанием династии⁹⁸ и тем самым еще резче подчеркнуть разрыв не только с самой личностью непопулярного Прусия II, но и с его политикой. Только в правление Никомеда Филопатора в кризисных событиях, связанных с борьбой за престол и отчасти инспирированных извне, вновь проявились архаичные фракийские установления (хотя их смысл и содержание к тому времени, вероятно, уже значительно трансформировались).

В Вифинии, как и в других эллинистических государствах, царь *de jure* сосредоточивал в своих руках всю военную и государственную власть⁹⁹. При вифинском дворе отмечено присутствие

⁹⁵ IvPriene 55. Ср. с обращением к Никомеду III автора «Периэгесиса»: θεϊότατε βασιλεῦ Νικόμηδες (Ps.-Scutp., 2). Если культ Прусия I, о чем подробнее см. в следующем параграфе, существовал только лишь в основанных им городах (Вифинионе и Прусиаде-на-Гипии), то божественность его преемников получила уже общеэллиническое признание.

⁹⁶ Прозвища Прусия I («Хромой» — Metp., F. 19, 2) и Прусия II («Охотник» — Arr., Mithr., 2), разумеется, носили «неофициальный» характер, что отличает их от тронных эпитетов. См. о различной природе таких имен: Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 221–226.

⁹⁷ Этот порядок был нарушен только узурпатором Сократом Хрестом.

⁹⁸ Recueil. P. 217.

⁹⁹ Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 125.

«друзей» царя¹⁰⁰ и, возможно, телохранителей (σωματοφύλακες) (App., Mithr., 5). Насколько можно судить по данным нумизматических и нарративных источников, внешняя атрибутика вифинских царей тоже не была чем-то необычным: среди знаков царского достоинства фигурируют диадема и пурпурное одеяние¹⁰¹.

Совсем немного из-за скудости источниковых данных известно и о повседневной жизни вифинского царского двора. Судя по всему, при Никомеде I он стал центром культуры, науки и искусств, о чем свидетельствует деятельность скульптора Дидалса (см. с. 194), изысканных нравов и роскоши (Athen., I, 7, d–f). Традиционным видом времяпрепровождения и этого монарха, исходя из сообщения Арриана в передаче Цецца (Tzet., Chiliad., III, 950 = Arr., Bithyn., F. 63 Roos) и некоторых его преемников, в частности Прусия II (App., Mithr., 2; Suid., s. v. Θηρία), являлась охота, для чего в Вифинии существовали весьма благоприятные условия¹⁰². Несмотря на кризис в политическом и экономическом положении Вифинии в начале I в., никомедийский двор продолжал славиться чрезмерной роскошью¹⁰³, а также испорченностью нравов (Suet., Caes., 8; 52; Dio Cass., XLIII).

Не вполне ясно, где и как завершали свой жизненный путь представители династии. Известно, что при Никомеде I их хоронили в столице, Никомедии (Tzet., Chiliad., III, 950 = Arr., Bithyn., F. 63 Roos), и это выглядит вполне естественным. С царским захоронением, как указывалось во введении книги, предположительно могут быть отождествлены ограбленные еще в древности гробницы у селения Уч Тепелер неподалеку от г. Измид. Однако вопрос о месте погребения Прусия I не имеет пока одно-

¹⁰⁰ Robert L. Études anatoliennes. P. 238. Не исключено, что в число φίλοι входили приближенные Прусия II, перечисленные в надписи из Аптер (OGIS 341).

¹⁰¹ Изменение вида царской диадемы на монетах Прусия II по образцу македонской отражает династические связи с Антигонидами. См.: Recueil. P. 216; Davis N., Kraay C. M. The Hellenistic Kingdoms. P. 194. О знаках царского достоинства вифинской династии см.: Ritter H.-W. Diadem und Königsherrschaft. S. 161–162.

¹⁰² См. рельеф надгробной стелы Моказиса, на которой изображена сцена охоты на медведя (Rumscheid F., Held W. Erinnerungen an Mokazis).

¹⁰³ Цицерон с осуждением говорит об обыкновении вифинских царей пользоваться лектикой с восемью носильщиками, которому последовал и Веррес (In Verr., II, 5, 27).

значного разрешения: из сообщения Диона Хризостома (XLVII, 17), к сожалению, непонятно, был ли этот царь похоронен в Никомедии или Пруссе-Олимпийской¹⁰⁴. Сомнения имеются и относительно Прусия II: богатый монументальный саркофаг в окрестностях Nikei, сохранившийся до сих пор, иногда считают его гробницей¹⁰⁵.

Очевидно, в условиях крайнего недостатка источникового материала, освещающего социально-экономическое развитие Вифинского царства, и эта сфера его истории должна в основном также рассматриваться через призму государственной деятельности царского дома (равно как и в связи с положением греческих полисов в составе монархии). В Вифинии, как и в других эллинистических царствах, вся территория страны, за вычетом земельных владений полисов, входила в категорию царских владений — *χώρα βασιλική*¹⁰⁶. Об этом свидетельствуют, в частности, два сообщения Цицерона в датируемой самым началом 63 г. речи о земельном законе Публия Сервилия Рулла. В первом из них оратор говорит о стремлении децемвиров продать «все земли, города, соляные промыслы, словом, всю Вифинию» (*omnis agros, urbis, stagna, portus, totam denique Bithyniam* — *De leg. agr.*, II, 40); во втором пассаже речь идет о царских землях Вифинии (*agros Bithynniae regios*), доходы с которых на тот момент получали публиканы (50). Если Цицерон здесь точен, а не перечисляет все достоинства Вифинии обобщенно и собирательно, то на основании его высказываний можно сделать вывод о большом удельном весе в экономике Вифинии таких ее элементов, как морские порты и соляные варницы. О верховной собственности царя на землю и зависимое население (видимо, как-то связанное с ней) свидетельствуют и данные о дарении Никомедом Эвергетом рабов Дельфийскому святилищу (OGIS 345).

¹⁰⁴ См. обзор точек зрения: *Leschhorn W.* «Gründer der Stadt». S. 280–281. По мнению И. С. Свенцицкой, это событие свидетельствует о не слишком благоприятном отношении греческого общественного мнения к представителям местных династий (*Свенцицкая И. С.* К проблеме «греческого возрождения» в полисах II в. (Культурные рецепции в идеологии и повседневной жизни) // *Быт и история в античности.* М., 1988. С. 184).

¹⁰⁵ *Kleiner G.* Hellenistische Sarkophage in Kleinasien // *IstMitt.* Bd. 7. 1957. S. 1–10.

¹⁰⁶ *Vitucci G.* Il regno di Bitinia. P. 121–122.

Развалины саркофага Прусия II в окрестностях Никеи (совр. Изник)

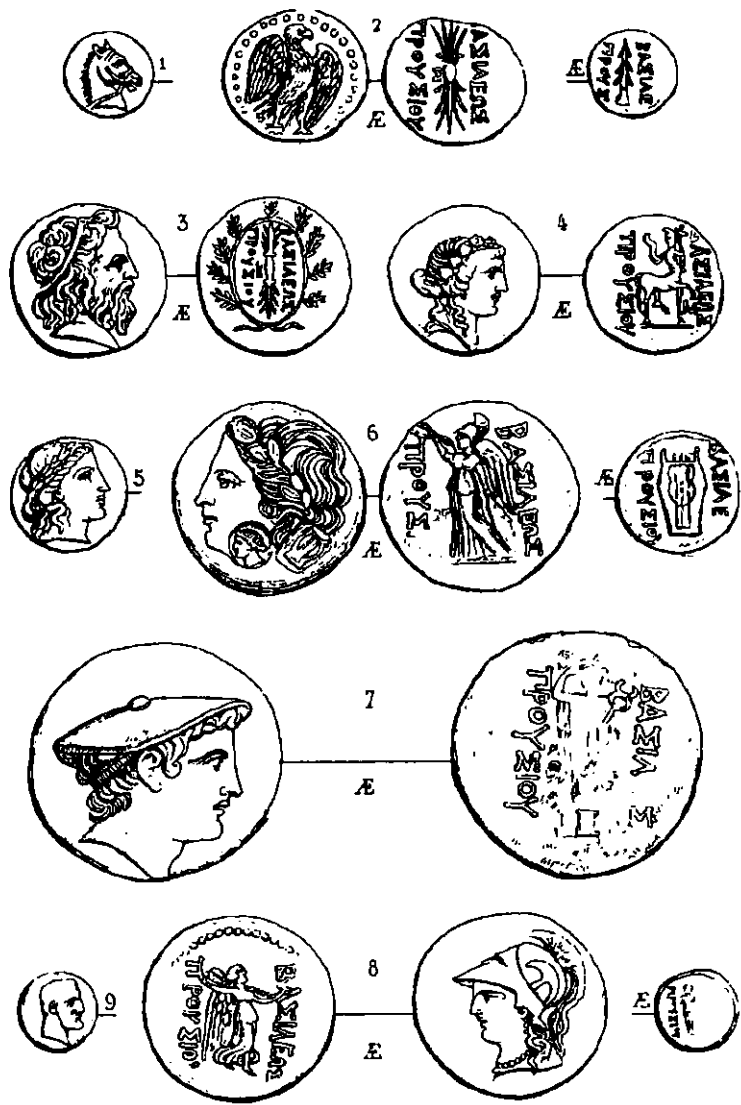

Подобно другим эллинистическим монархам¹⁰⁷, вифинские монархи активно насаждали и расширяли систему военных поселений на царских землях, решая тем самым одновременно и экономические и военные задачи. Данные о подобных поселениях имелись ранее только относительно территорий, контроль вифинских царей над которыми был спорным, — Мизии (см. гл. IV, § 2, прим. 145) и Фригии Эпиктет (см. гл. III, § 2, прим. 357); то есть здесь наиболее правомерно говорить о выведении катойкий как средстве закрепления военно-политического присутствия Вифинии в регионах, становившихся объектами ее вооруженного соперничества с соседями. Тем не менее, недавно немецкий исследователь Т. Корстен на основании тщательного анализа эпиграфического и археологического материала эллинистического времени из округа Прусы-Олимпийской и Никеи пришел к выводу, что и в этих собственно вифинских землях существовала подобная же практика. Лица, носившие негреческие имена и погребенные под качественными и дорогими могильными стелами (некоторые из них несут изображение всадника), по его мнению, «были военными колонистами и как таковые являлись владельцами поместий; либо после службы, либо во время ее (с тем, чтобы они могли оплачивать свое воинское снаряжение) им предоставлялись земельные участки, на которых (и за счет которых) они могли жить»¹⁰⁸.

На всем протяжении периода государственной самостоятельности Вифинии только корона обладала официальным правом выпуска бронзовой, серебряной и золотой монеты, что, разумеет-

¹⁰⁷ См., например, о поселениях на царской земле в Понте (со ссылками на литературу общего характера): Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 228–247.

¹⁰⁸ Корстен Т. Фракийские имена... С. 231. Вызывает возражение только один тезис, высказанный в этой работе «о статусе, которым обладали эти люди в вифинской государственной и военной системе»: по мнению автора, они могли быть *фракийскими* наемниками, поселенными здесь либо вифинскими царями, либо даже раньше — диадохами (Антигоном или Лисимахом) (С. 231–231). Против этого свидетельствует характер имен на стелах: это — не просто фракийские, а специфически вифинские ЛИ. Разумеется, даже а priori гораздо логичнее считать «довольно состоятельными людьми» и «профессиональными воинами-кавалеристами, что естественным образом указывает на их принадлежность к высшему социальному слою Вифинии» (Там же. С. 230) коренных вифинцев, а не пришлых фракийских наемников. Подробнее см. Приложение I.

Бронзовые монеты вифинских царей

ся, было важнейшим источником пополнения царской казны. Впрочем, бурные события последних десятилетий независимого существования государства показали, что контроль царей над монетным делом оказывался в отдельные моменты времени весьма эфемерным.

* * *

Вифинское царство в результате реализации завещания Никомеда IV разделило судьбу других эллинистических государств, включенных в Римскую державу не силой оружия, а посредством иных форм политической экспансии Рима в Восточном Средиземноморье. Выхода из последнего в истории страны династического кризиса представителям правящей династии обнаружить не удалось, и нестабильное положение царского дома оказалось одним из факторов, приведших к крушению вифинской государственности. Чем же объясняется непрочность организации государственной власти в Вифинии?

Можно назвать две главные причины. Первая из них — некоторая отсталость политических институтов вифинского общества, восходящая (по крайней мере, отчасти) к фракийскому наследию и далеко не всегда соответствовавшая историческим условиям эпохи эллинизма. Консервативность отдельных устоев вифинской государственно-политической системы значительно затрудняла нормальную передачу власти и вела к многочисленным смутам, заговорам и узурпациям — явлениям, и без того достаточно широко распространенным в истории эллинистических династий. Несмотря на это, продолжительность правления каждого из восьми вифинских царей была весьма значительна — от двадцати лет у Никомеда IV, дважды лишавшегося престола, до почти половины века у Зипойта и Прусия II. В этом, наверное, следует видеть один из парадоксов истории Вифинии.

Вторая причина видится в сложности синтеза различных традиций государственности и невозможности их органичного соединения в рамках единого института монархической власти. В данном аспекте положение Вифинии было довольно своеобразным: ведь в этой стране греко-македонская цивилизация вступала в контакт не с чисто азиатским субстратом, а с элементами общественных отношений, характерных для племен европейских фракийцев, приобретшими, кроме того, ряд своеобразных черт в результате

слияния с анатолийскими и, возможно, иранскими традициями. Взаимодействие столь различных факторов часто приводило к довольно неожиданным результатам, и можно констатировать, что определение эллинизма как периода, лишенного стабильности и характеризующегося поиском во всех направлениях¹⁰⁹, находит убедительное подтверждение в становлении и эволюции царской власти в Вифинии.

Как завершающая страница ее истории должна расцениваться деятельность на исторической арене последних (побочных) представителей царского рода уже после аннексии Вифинии Римом. В гл. IV, § 3, довольно подробно обосновывалось предположение о том, что имеются основания говорить даже о двух ветвях таковых¹¹⁰. Первую из них образовали дети «Пилемена» — сына Никомеда Эвергета, возведенного им под этим династическим именем на пафлагонский престол. Одного из них звали также Пилеменом¹¹¹, а другого Атталом¹¹² (Strabo, XII, 3, 1; App., Mithr., 114; Dio. Cass., XLVIII, 33, 5; Eutrop., VI, 14, 1; Suid., s. v. Πομπήϊος). Аттал Эпифан умер (вероятно, после брата) в 41/40 г., и его преемником на троне стал тетрарх галатов тектосагов Кастор, с вифинской династией уже никак не связанный.

Самыми же последними потомками вифинских царей следует считать Ликомеда — сына Нисы, жены Никомеда Филопатора, и его дочь Ородалтис, матерью которой с большой вероятностью являлась Орсабарис, дочь Митридата Евпатора. Ородалтис, состоявшая в родстве и с понтийской, и с каппадокийской, и (формально, так как ее отец, видимо, не являлся законным сыном Никомеда Филопатора) с вифинской династией, также обладала достаточно высоким властным статусом, хотя, разумеется, в существенно локальных масштабах: она правила в Прусиаде-Приморской, бывшем Киосе. Эта правительница не сыграла никакой ре-

¹⁰⁹ *Свенцицкая И. С.* Выступление в дискуссии по общим проблемам эллинизма // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1985. С. 109.

¹¹⁰ Подробнее см. также: *Габелко О. Л.* К династической истории... С. 217–219.

¹¹¹ Этот Пилемен спутан Фестом с его одноименным отцом (Fest., *Inv.*, 11) (*Strobel K.* Mithridates VI Eupator. S. 175. Anm. 131).

¹¹² О нем см.: *Ibid.* S. 175–176; Anm. 132 (с литературой).

альной роли в политической жизни того времени, но появление ее весьма символично. В сложной и запутанной политико-династической ситуации в Анатолии и Причерноморье I в. при отсутствии прямых наследников древних властителей царская власть нередко передавалась римлянами женщинам из среды местной аристократии, которые должны были служить послушными проводниками внешней политики сената¹¹³. Несмотря на то что власть этих правительниц часто носила сугубо марионеточный характер, в формально-юридическом отношении их престиж мог быть довольно высоким. Именно так, судя по всему, и произошло с Ородалтис: выглядит очень вероятным, что как раз с окончанием ее правления, приходящимся на 22 г., Георгий Синкелл синхронизирует завершение правления и вифинской и понтийской династий, начало которых он связывает с установлением брачно-династических связей этих правящих домов с Селевкидами (Synk. P. 378, 30–32 P. 333, 17–18, P. 332. 4–5 Ed. Mosshammer). Последние реликты старых традиций эллинистической государственности в Малой Азии окончательно уходили в прошлое: на смену им шло утверждение римского господства во всех сферах государственной жизни и идеологии.

* * *

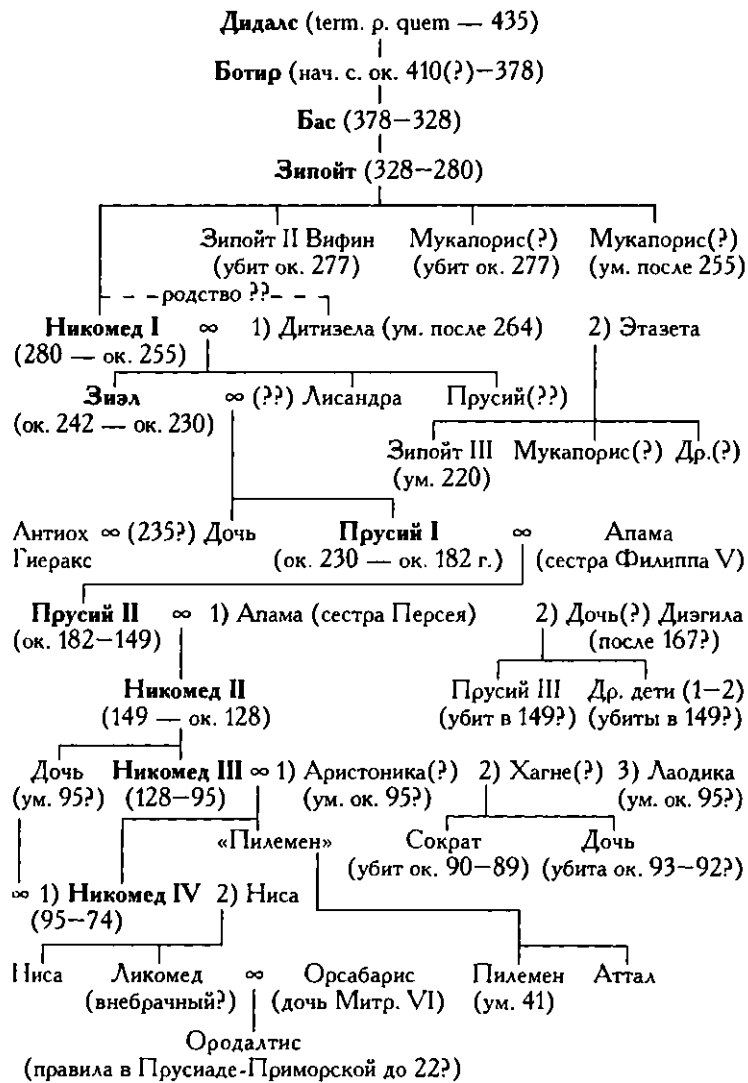
В приводимой ниже генеалогической схеме вифинской династии суммирована информация, изложенная как в данной главе, так и в других частях монографии. В ней учтены все прямые и побочные представители вифинского царского дома, существование которых прослеживается по источникам (на основании хотя бы единичных упоминаний); этим она существенно отличается от тех стемм вифинской династии, которые составлялись ранее¹¹⁴. Определена предположительная степень родства последних вифинских царей с малоазийскими правителями I в., являвшимися объектами дипломатических манипуляций Рима уже после аннексии Вифинии. Указаны уточненные данные пребывания у власти правителей, за-

¹¹³ См. на примере Боспора: Сапрыкин С. Ю. Женщины — правительницы Понтийского и Боспорского царств (Динамия, Пифодорида, Антония Трифена) // *Женщина в античном мире*. М., 1995. С. 181–203.

¹¹⁴ *Reinach Th. Essai sur la numismatique...* P. 369; *Bouché-Leclercq A. Histoire des Séleucides*. Т. II. P. 644.

нимающих вифинский престол, годы смерти тех или иных представителей династии, предположительные даты заключения наиболее важных династических альянсов.

Генеалогическое древо вифинской династии

§ 2. Греческий полис в составе Вифинской монархии

Нет необходимости специально останавливаться на том значении, которое имеет проблема взаимоотношения полиса и центральной власти в эллинистической монархии: она правомерно считается одним из краеугольных камней для понимания самой сущности эллинизма¹¹⁵. Разумеется, процесс выстраивания и последующего функционирования связей между полисом и царской властью в различных регионах эллинистического мира не представлял собой чего-то единого; можно говорить лишь о том, что только наиболее принципиальные особенности отношений этих двух элементов эллинистической государственности воспроизводились (разумеется, с теми или иными вариациями) в большинстве эллинистических государств. Детали же их взаимодействия должны рассматриваться в каждом конкретном случае специально, и исследователю нужно быть готовым к тому, что полученные результаты не поддадутся однозначной трактовке и едва ли смогут уложиться в заранее предопределенные схемы.

Вопросу о положении эллинских полисов в составе Вифинского царства до сих пор не уделялось специального внимания. В условиях недостатка источниковых данных (в первую очередь репрезентативных эпиграфических материалов) историки обычно ограничивались констатацией фактов самого общего характера — таких, к примеру, как указания на довольно жесткий контроль центральной администрации над положением полисов (что проявлялось, в частности, в отсутствии у последних права чеканки собственной монеты¹¹⁶) или на различия в статусе старых эллинских центров, подчиненных вифинскими царями, и тех городов, которые были основаны ими самими¹¹⁷. Эти в общем верные наблюде-

¹¹⁵ Ограничимся ссылкой на кажущуюся весьма перспективной идею, высказанную в одном из новейших исследований. Ее автор полагает, что определяющим фактором развития античного общества должна считаться именно эволюция полиса, и главной стадийной характеристикой эпохи эллинизма является превращение эллинской гражданской общины из самодостаточного и суверенного организма в составной элемент более сложных структур, прежде всего — эллинистических монархий (*Ладвинин И. А. Основные этапы царского культа...* С. 145—146).

¹¹⁶ *Jones A. H. M. The Cities...* P. 155.

¹¹⁷ *Vitucci G. Il regno di Bitinia.* P. 123. Ср. с мнением о том, что «города, которые они (цари Вифинии. — О. Г.) основывали, а также гречес-

ния не получили, к сожалению, дальнейшего развития, а потому и специфика связей между полисом и монархией в Вифинии осталась нераскрытой.

Причину этого, как представляется, следует искать в том, что, как это ни странно, в мировом антиковедении, кажется, еще не была четко сформулирована и не получила концептуального оформления мысль, что характер взаимоотношений между монархией и полисом в эпоху эллинизма (особенно на ранней стадии их формирования) во многом определялся этнической принадлежностью правящих династий в тех или иных государствах¹¹⁸. Между тем выглядит вполне очевидным, что правители складывающихся малоазиатских монархий, будучи представителями лишь частично эллинизированной восточной знати, не могли и не хотели воспринимать греческие полисы так, как относились к ним цари македонского происхождения (прежде всего, Селевкиды), часто считавшие их своего рода «точками опоры» и инструментом поддержания контроля над подчиненным азиатским населением¹¹⁹. Соответственно иначе, чем в великих эллинистических державах, должны были строиться в малых монархиях и отношения между греками — в основном пришлыми жителями вновь основанных городов — и коренными жителями страны, обитавшими преимущественно в деревнях¹²⁰. И вифинский материал нередко дает тому весьма наглядные подтверждения.

кие поселения, которые они захватывали, находились под их прямым контролем» (*Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 304*).

¹¹⁸ Речь, разумеется, не идет о Парфии: понятно, что в основном агрессивная политика Аршакидов по отношению к греческим общинам была вызвана этническими предубеждениями и политическими приоритетами, характерными для парфян именно как для представителей иранского кочевого мира.

¹¹⁹ Эта мысль особенно последовательно (быть может, даже несколько прямолинейно) проводится в монографии: *Granger J. D. The Cities of Seleukid Syria. Oxford, 1990*.

¹²⁰ См., например мнение Т. Корстена: «Часто предполагается, что вторжением более высокой культуры и основанием городов греками местное население было вытеснено в сельскую местность, где оно влачило довольно жалкое существование» (*Корстен Т. Фракийские имена... С. 27–28*). В дальнейшем исследователь вполне убедительно показывает, что в Вифинии сложилась иная ситуация; однако сама принципиальная возможность применения подобной схемы к этой стране вызывает обоснованные сомнения.

В последние десятилетия в историографии появились основательные подборки данных о городах, основанных эллинистическими монархами, в том числе и царями Вифинии¹²¹. Впрочем, нужно подчеркнуть, что в них анализируются по преимуществу лишь отдельные моменты, связанные, прежде всего, именно с со временем и обстоятельствами основания того или иного полиса, а «словарный» принцип подачи материала придает ему некую статичность. Последнего недостатка, вероятно, можно избежать, если рассматривать градостроительство представителей вифинской династии и, шире, вообще их политику по отношению к эллинским общинам на фоне таких явлений, как филэллинская политика царей Вифинии, этническое взаимодействие греков и местного населения, эллинизация страны, которая отчасти может быть прослежена на материалах просопографии и ономастики. Кроме того, несмотря на крайнюю скудость сведений о вифинских полисах в эпоху эллинизма в целом, не позволяющую воссоздать «панорамный» взгляд на их историю, практически с каждым из них оказывается связан цельный и самостоятельный сюжет, проливающий свет на самые различные стороны положения эллинских общин в составе Вифинского царства. Будучи соединены воедино, они могут нарисовать картину, существенно отличающуюся от той, которая имеется в историографии на данный момент. Именно такой подход и будет представлен в данном параграфе.

Говоря о предпосылках формирования системы «полис-монархия» в Вифинии, следует констатировать, что изначально они не могли быть благоприятными. Причина тому весьма очевидна: это напряженный, а то и прямо враждебный характер отношений между вифинскими племенами и греческими колонистами практически на всем протяжении до эпохи эллинизма и в ее начале. Особой остроты противоречия между вифинцами и эллинами достигли в правление Зипойта. Подробно разобранные в соответствующих разделах книги конфликты между ним и Калхедоном, Астакон, Гераклеей должны расцениваться как фактор, значительно ограничивший интенсивность и продуктивность отношений между вифинцами и греками в дальнейшем.

Вероятно, именно в этом кроется главное объяснение очень незначительных масштабов проникновения вифинцев в состав

¹²¹ *Leschhorn W.* «Gründer der Stadt». S. 268–284; *Cohen G.* *The Hellenistic Settlements...* P. 391–409.

гражданских коллективов старых греческих центров северо-западной Малой Азии, избежавших подчинения вифинским царям¹²². В частности, в Калхедоне обнаружена лишь одна¹²³ надпись эллинистического времени, содержащая ЛИ Папий (CIG 3794), которое может считаться вифинским (хотя его довольно широкое распространение во всем причерноморском регионе не позволяет считать такую идентификацию полностью надежной). Всего в Калхедоне и его округе антропонимы вифинского и, шире, анатолийского происхождения встречаются пять раз; помимо уже упомянутого ЛИ Папий, это следующие имена: Μουκλαίου¹²⁴ (Gen.), *Αφῆ¹²⁵, Σηῖος¹²⁶, *Ατφῆς (Gen.) (CIG 3796). Все содержащие их надписи датируются первыми веками нашей эры.

То же имя Папий носил гражданин Гераклеи Понтийской, получивший в 130/131 г. н. э. проксению в Херсонесе Таврическом¹²⁷. Других антропонимов, которые можно было бы считать вифинскими, в обширной гераклейской просопографии не обнаружено. Объяснить это можно тем, что большая часть связанных с Гераклеей материалов относится к сфере керамической эпиграфики, а ремесло традиционно не входило в основной круг занятий малоазийского населения, связанного с греческим полисом¹²⁸. В силу этого обстоятельства отсутствие сколько-нибудь значительного количества вифинских имен в гераклейском ономастиконе не должно вызывать удивления. Тем не менее для представителей

¹²² См. сводку данных (требующую, впрочем, некоторых корректив: Габелко О. А. Фрако-вифинское население... С. 160–165).

¹²³ Известная надпись CIG 3795 с фрако-вифинскими (?) именами Μουβας Μοκατορίδος и Γυλιεύκος Διυδιτορίδος, как было убедительно показано, происходит не из Калхедона, а с Самоса (*Dunst G. Κερσοῦς // Chiron. Bd. I. 1971. S. 111–114*), а ЛИ Κοτίων (CIG 7100) не имеет вифинских параллелей и, скорее всего, является дериватом распространенного в европейской Фракии ЛИ Κότις.

¹²⁴ *Asgari N., Firatli N. Die Nekropole... S. 73. № 4.*

¹²⁵ *Ibid.* О широко распространенных малоазийских именах, начинающихся на 'Ατφ-/ 'Αφ- см.: *Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. § 66.*

¹²⁶ *Asgari N., Firatli N. Die Nekropole von Kalchedon. S. 76. № 10.*

¹²⁷ *Ameling W. Prosopographia Heracliotica // The Inscriptions of Heclesia Pontica / IK. Bd. 47. Ed. by L. Jonnes. Bonn, 1994. S. 156.*

¹²⁸ Так, находившиеся в зависимости от гераклеотов мариандины были заняты в основном в земледелии и морском деле (*Салпыкин С. Ю. Гераклея Понтийская... С. 24–34*).

варварского окружения Гераклеи пути к включению в состав населения города не были совершенно закрыты: сохранились свидетельства о четырех гераклеотах, носивших имя Δάος¹²⁹, а несколько других жителей Гераклеи были названы разнообразными негреческими именами: пафлагонским — Θύς¹³⁰, кельтским (?) — Δόλης¹³¹, фракийским — Κόκκος¹³², анатолийским — Μάρμα¹³³ и даже персидским — Σασίνης¹³⁴. Можно предположить, что появление этих варварских ЛИ в именнике Гераклеи носило преимущественно случайный характер, а отсутствие в нем вифинских антропонимов объясняется недружественным характером отношений между Вифинией и Гераклеей почти на всем протяжении классической и эллинистической эпох. Интересно, что «проводником» вифинского этнического влияния на состав населения полиса в данном случае не выступила и обширная хора, тогда как история Византия и Кизика дает прямо противоположные примеры.

Количество ЛИ туземного (причем чаще всего именно вифинского) происхождения в надписях, обнаруженных в этих полисах и их округе, достаточно значительно, чтобы его можно было проигнорировать или оставить без комментариев. Византий и Кизик, несколько более удаленные от Вифинии географически, чем Гераклея и Калхедон, были сильны в экономическом и политическом отношении и почти всегда могли позволить себе проводить

¹²⁹ Ameling W. *Prosopographia Heracleotica*. S. 132. Трое из них, видимо, были членами одной семьи.

¹³⁰ Ibid. S. 143. Об этом имени см.: Robert L. *Noms indigènes...* P. 454–456.

¹³¹ Ameling W. *Prosopographia Heracleotica*. S. 134. Этническая идентификация этого ЛИ не может считаться вполне надежной, но версия о его кельтском происхождении предпочтительна. См.: Sergent B. *Les premières celtes...* P. 353. Женская форма данного антропонима встречается и в Вифинии: Detschew D. *Die thrakische Sprachreste*. S. 145.

¹³² Ameling W. *Prosopographia Heracleotica*. S. 146. О различных формах имен, начинающихся на Кокк-, см.: Robert L. *Noms indigènes...* P. 130–139, где и высказано предположение о фракийских корнях рассматриваемого ЛИ. В самой Вифинии, однако, подобные антропонимы не встречаются.

¹³³ Ameling W. *Prosopographia Heracleotica*. S. 149. См.: Zgusta L. *Kleinasiatischen Personennamen*. § 850–1.

¹³⁴ Ameling W. *Prosopographia Heracleotica*. S. 159. См. также: Robert L. *Noms indigènes...* P. 521.

независимую политику. Очевидно, появление в их ономастиконе фрако-вифинских ЛИ нельзя объяснить существованием устойчивых экономических и политических связей с Вифинией: у нас нет достаточных оснований говорить о подобного рода контактах (особенно у Кизика). Здесь работали иные каналы эллинизации фрако-вифинского населения, связанные, прежде всего, с обширными земельными владениями Византия и Кизика.

Блестящий анализ имен, встречающихся на надгробных стелах Византия, был проведен Л. Робером¹³⁵. Он уверенно определяет ЛИ Διλιπόρις, Δάδας, Μουκάζεις, Ἄπφη, Μουκατόρις, Στόκτης, Λάλα, Πατᾶ (Сеп.), Ἐτα¹³⁶ (II—I вв.) как фракийско-малоазийские и связывает их появление в первую очередь не только и не столько с влиянием европейской Фракии¹³⁷, сколько с распространением политического господства и отчасти культурного влияния Византия на анатолийские территории, заселенные вифинцами. Видимо, за несколько веков после образования византийских владений в Азии в 416 г. часть фрако-вифинского населения могла инкорпорироваться в состав жителей Византия, существенно образом изменив свой изначально неполноправный юридический статус.

Положение Кизика в плане его взаимодействия с варварским окружением было еще более своеобразным. Чрезвычайно многочисленные надписи (в том числе и надгробные) из самого города и его окрестностей содержат немалое количество разнообразных варварских имен. Пестрота этнического состава связанных с этим полисом негреческих ЛИ была отмечена еще Ф. Хэзлаком¹³⁸; им же была предпринята попытка идентифицировать некоторые из них. С предлагаемым исследователем определением имен Νά, Νάνα, Ἄννα, Ἐτα¹³⁹ как вифинских трудно согласиться: они входят в категорию так называемых Λαλλήματα и, скорее, относятся к обще-

¹³⁵ Firatli N., Robert L. Les stèles funéraires... P. 133—135.

¹³⁶ См. соответственно: Ibid. № 30, 43, 44, 45, 76 и 134, 79, 80, 96, 109. При этом оба имени с надгробия № 140: Μουκάζοιρη Διλέως, несмотря на явно фракийское происхождение, не находят прямых параллелей в Вифинии.

¹³⁷ Взаимоотношения византийцев с фракийскими соседями были, как известно, по большей части враждебными (см. хотя бы: Polyb., IV, 45, 1—10), что усложняло (хотя и не исключало полностью) возможности мирных контактов.

¹³⁸ Hasluck F. W. Cyzicus. Cambridge, 1910. P. 145.

¹³⁹ Ibid. P. 248. Note 2.

анатолийскому ономастикону. Тем не менее в ЛИ [Ζι]ποίτης¹⁴⁰, Ζῆλα¹⁴¹, Διλιπορηος (Gen.)¹⁴², Μοκαπορευος (Gen.)¹⁴³, Παπαρίων¹⁴⁴, Πάπιας¹⁴⁵, *Απη¹⁴⁶, Πριηπίδος¹⁴⁷ (Gen.), Μοίκιε (Voc.) и Μουκίου¹⁴⁸ (Gen.), происходящих из самого города или его округи, вероятно, следует видеть именно вифинское их происхождение¹⁴⁹. Некоторые из здешних антропонимов, имеющих несомненные параллели в европейской Фракии, в Вифинии не встречаются ('Ροιμητάλκης¹⁵⁰, Мока¹⁵¹), а отдельные имена распространены по обе стороны Пропонтиды (Σεύθης, Αύλυζέλλης¹⁵², Σαδάλας¹⁵³). Интересно, что большая часть этих туземных имен появляется в Кизике не в римское, как в некоторых других малоазийских городах, а в эллинистическое время, что служит подтверждением мнению о постепенном уменьшении доли местных ЛИ под греческим и римским влиянием¹⁵⁴.

Отдельные черты взаимоотношений греческого и вифинского обществ, продемонстрированные на примере полисов, сохранивших независимость от агрессивных притязаний Вифинии, могут быть экстраполированы и на положение городов внутри самого

¹⁴⁰ См. *Habicht Ch.* Zipoites (1). Sp. 448.

¹⁴¹ *Ibid.* P. 248.

¹⁴² *Pfuhl E., Möbius H.* Die Ostgriechischen Grabreliefs. Bd. II. № 1663.

¹⁴³ Die Inschriften von Kyzikos... Т. I. № 77.

¹⁴⁴ *Pfuhl E., Möbius H.* Die Ostgriechischen Grabreliefs. Bd. II. № 1905.

Об этом имени см.: *Zgusta L.* Kleiasiatische Personennamen. § 64.

¹⁴⁵ Die Inschriften von Kyzikos... Т. I. № 397, 398.

¹⁴⁶ *Pfuhl E., Möbius H.* Die Ostgriechischen Grabreliefs. Bd. I № 762.

¹⁴⁷ *Ibid.* Bd. II. № 1991. Это теофорное ЛИ, связанное с распространенным в Вифинии культом Приапа/Приэтия (см. о нем: *Dörner F. K.* Inschriften und Denkmäler... S. 37–40). Не исключено, однако, что это имя указывает на место рождения — город Приап (Die Inschriften von Kyzikos... Т. I. № 79).

¹⁴⁸ *Pfuhl E., Möbius H.* Die Ostgriechischen Grabreliefs. Bd. II. № 2110.

¹⁴⁹ Кроме того, в окрестностях Кизика обнаружено немало надписей, содержащих туземные имена неясного происхождения.

¹⁵⁰ *Hasluck F. W.* Cyzicus. P. 248.

¹⁵¹ Die Inschriften von Kyzikos... Т. I. № 521.

¹⁵² *Hasluck F. W.* Cyzicus. P. 248.

¹⁵³ *Mitchell S.* Onomastic Survey of Mysia... P. 121. С. Митчелл полагает, что три последних имени принадлежали скорее не представителям местного фрако-мизийского населения, а наемникам или просто лицам, прибывшим из Европы и оказавшемся в Кизике случайно.

¹⁵⁴ *Mitchell S.* *Loc. cit.*

царства. Следует отметить, прежде всего, вообще очень небольшое число туземных имен практически во всех вифинских городах.

Тем не менее вряд ли можно сомневаться в том, что по крайней мере один город Вифинии не мог обладать греческим населением сколько-нибудь значительной численности и, вероятно, вообще не имел настоящего полисного статуса. Речь идет, разумеется, о *Зипойтионе*, основанном первым вифинским царем и по традиции эллинистических монархов названном им в свою честь (Метрп., F. 12, 5; Steph. Byz., s. v. Ζιποΐτιον). Вероятно, город был заложен уже после 297 г. и в течение какого-то (относительно короткого) времени мог служить столицей царства¹⁵⁵. Возможно, именно Зипойтион подразумевается в адресованном Никомеду I «пророчестве Фаэннис», в действительности созданном в калхедонском святилище Аполлона Хрестерия (см. гл. III, § 1), где говорится об утрате царем некоего города (в ходе междоусобной войны) (Zosim., II, 37, 1): в начале 270-х гг. в Вифинском царстве просто не было других городов, которые могли быть прочно связаны с царской династией.

Ни местоположение¹⁵⁶, ни дальнейшая судьба Зипойтиона совершенно неясны. Выглядит весьма правдоподобным мнение, что он был расположен в глубине вифинской территории и не сыграл в истории никакой роли¹⁵⁷; не исключено даже, что Зипойтион был оставлен жителями после основания Никомедии¹⁵⁸. Неизменно враждебные отношения Зипойта с греками едва ли оставляли возможность для того, чтобы в число населения города входило большое число греческих колонистов. Вероятно, во многом именно из-за этого обстоятельства первая попытка градостроительства у вифинской династии оказалась малоудачной.

¹⁵⁵ Leschhorn W. «Gründer der Stadt». S. 269.

¹⁵⁶ Мемнион сообщает, что город был основан у горы Липера (F. 12, 5). В надписи OGIS 298 (стк. 3) говорится о победе в ходе Первой Вифинской войны Эвмена I над Прусием I у горы Липедрон. Видимо, здесь подразумевается одна и та же местность, но истолкована данная информация может быть двояко: либо сражение состоялось на подступах к Зипойтиону, который, видимо, на тот момент еще существовал и сохранял какое-то значение; либо же, напротив, коль скоро битва локализуется у горы, а не у города, то последнего в 80-х гг. III в. уже не было. Недостаток источников оставляет этот вопрос открытым.

¹⁵⁷ Marek Ch. Stadt, Ära und Territorium... S. 21. Anm. 188.

¹⁵⁸ Fol A. Paralleles thraco-bithyniens... P. 180.

Весьма показателен и другой опыт контактов Зипойта с греками. В какой-то момент после 315 г. им был подчинен Астак, который затем разрушил Лисимах (Strabo, XII, 4, 2). Весьма любопытную информацию, связанную с этими событиями, сообщает Павсаний: «По его (Никомеда) имени переименовано было название и самого большого из полисов Вифинии, до того называвшегося Астакон; а сначала основателем его был Зипойт, судя по имени, фракиец» (ἀπὸ τοῦτο δὲ καὶ τῆι μῆγιστῆι τῶν ἐν Βιθυνίαι πόλεωι μετεβλήθη τὸ ὄνομα Ἀστακῶι τὰ πρὸ τοῦτου καλούμεντι· τὰ δὲ ἐξ ἀρχῆς αὐτῆι Ζυποίτης ἐγένετο οἰκιστῆς, Θραῖξ γένος εἰκάζοντι γὰρ ἀπὸ τοῦ ὀνόματος — V, 12, 7). Дать этому пассажу убедительное обоснование довольно трудно. Ф. Якоби полагает, что Павсаний опирался на надежный источник, и потому его слова не могут быть отвергнуты как простая ошибка¹⁵⁹; если это так, то логичнее всего трактовать сообщение Павсания как еще один аргумент в пользу временного пребывания в Астаке резиденции Зипойта. Но высказывание греческого историка все же слишком противоречиво¹⁶⁰. В частности, употребление выражения ἐξ ἀρχῆς, поскольку оно относится к «основанию» Астака Павсаниевым Зипойтом, подразумевает, как кажется, значительный временной промежуток между этим событием и переименованием города при Никомеде¹⁶¹. Если видеть неточность в сообщении Страбона об истории Астака и полагать, что в действительности у него должна идти речь только о синхрони-

¹⁵⁹ Komm. FGtH, 434. F. 12, 1.

¹⁶⁰ Ср. Ruge W. Nikomedeia. Sp. 471.

¹⁶¹ Х. Марек, буквально следуя Павсанию, полагает, что именно Зипойт основал город, который впоследствии был переименован Никомедом (Marek Ch. Stadt, Ära und Territorium... S. 21. Anm. 188). Такое допущение представляется необоснованным: оно преувеличивает масштабы градостроительной деятельности Зипойта, а также оставляет неясным, почему он не назвал город своим именем (Recueil. P. 512. Note 1). Мнение А. Джонса об идентичности Астака/Никомедии с Зипойтионом (Jones A. H. M. The Cities... P. 418. Note 6) также не вполне убедительно (Ruge W. Nikomedeia. Sp. 471). В частности, выглядело бы крайне странным «двойное» переименование Астака в течение довольно короткого времени — сначала в Зипойтион, затем в Никомедию, причем последняя акция означала бы демонстрацию Никомедом явного неуважения к памяти своего царственного отца, что маловероятно даже при некоторой смене политических приоритетов.

зации правления Дидалса и повторного основания Астака афинянами (см. с. 101), то можно допустить, что подобного рода ошибку совершил и Павсаний, используя те же источники, что и Страбон (Нимфида?). Вместо родоначальника вифинской династии Дидалса, о котором идет речь в связи с историей Астака у Страбона (XII, 4, 2) и у Мемнона (F. 12, 3), он упомянул о гораздо более известном ее представителе Зипойте, при том что фракийское (точнее, фрако-анатолийское) происхождение обоих этих имен несомненно.

Возможен, правда, и еще один вариант трактовки сведений источников об «основании» Астака вифинскими правителями, позволяющий увязать их воедино. Выглядит явно не случайным, что с историей этого города соотносятся имена сразу трех представителей династии — первого известного из них, Дидалса, и двух фактических основателей царства — Зипойта и Никомеда. Исходя из реконструкции событий Вифинии 250–240-х гг., предлагаемой в гл. III, § 1, можно предположить, что здесь воспроизводятся два момента пропагандистской программы вифинских царей, приобретшие на тот момент особую политическую актуальность. Это, во-первых, подчеркивание преемственности между Астаком (одной из древнейших греческих колоний на Пропонтиде!) и новой столицей государства, Никомедией; во-вторых, акцентирование древности связей (в действительности не носивших характера основания города или даже вообще не существовавших) между вифинским царским домом и Астаком как мегарской колонией, что позволяло Никомеду и Зизлу формировать свой имидж как полноправных представителей греческого мира, связанных родством с дорийскими полисами.

Возвращаясь к исторической судьбе Астака, следует отметить, что она оказалась незавидной: город, существовавший до того уже более четырехсот лет, так и не был восстановлен после разрушения Лисимахом. Зипойт, скорее всего, располагал всеми необходимыми для этого средствами и возможностями, но предпочел основать «чисто вифинский» Зипойтион — предприятие, которое себя также не оправдало. Этот пример свидетельствует о явном пренебрежении первого вифинского царя как интересами населения греческих полисов, так и овладением выгодными морскими путями и представляет собой яркий контраст с деятельностью других представителей вифинской династии, прежде всего — его сына и наследника Никомеда I.

Деятельность этого царя, как уже отмечалось, дает наиболее яркие примеры истинно филэалинской политики, проводимой им не только во внешней, но и во внутренней политике. Важнейшим звеном последней должно было стать включение в состав царства *Никеи*, ставшей впоследствии одним из наиболее значительных городских центров царства.

Историю этого полиса следует рассмотреть подробнее. Он был первоначально основан под именем Антигоней¹⁶² Антигоном Одноглазым (дата этого события остается дискуссионной)¹⁶³, а после 301 г. Лисимах переименовал его в честь своей жены, дочери Антипатра (Strabo, XII, 4, 7; Steph. Byz., s. vv. Νίκαια, Ἀντιγόνεια). Существует информация о том, что ранее город носил имя Геликора и был захвачен мизийцами (Not. Episc., III, 143)¹⁶⁴ (вероятно, еще в эпоху персидского господства). Сохранились и сведения, наверняка восходящие к местной полисной традиции, о составе первопоселенцев. Стефан Византийский называет их выходцами из македонской области Боттиэи (s. v. Νίκαια), а Мемнон считает их родиной Никею, располагавшуюся в Локриде недалеко от Фокиды, причем указывает, что первые колонисты принимали участие в походе Александра Великого (F. 28, 9–10). Последнее сообщение может быть понято так, что ветераны Александра были поселены здесь Антигоном¹⁶⁵. Резюмирует данные об основании *Никеи* Дион Хризостом: город заселили македоняне и первые из эллинов, а основателями его были величайшие герои и боги (Or., XXXIX, 1)¹⁶⁶.

¹⁶² Другая Антигоней, располагавшаяся, согласно Стефану Византийскому, у Даскилиона в Вифинии (s. v. Ἀντιγόνεια), независимо от локализации последнего города (см. об этой проблеме: Cohen G. The Hellenistic Settlements... P. 319) к собственно вифинской истории отношения не имеет.

¹⁶³ См.: Tscherikower V. Die hellenistischen Stadtgründlagen... S. 47. Anm. 185.

¹⁶⁴ См.: комментарий к этому сообщению: Merkelbach R. Nikaia die Rankenreich... S. 1–3.

¹⁶⁵ Tscherikower V. Die hellenistischen Stadtgründlagen... S. 47; Ruge W. Nikaia (7). Sp. 229; Cohen G. The Hellenistic Settlements... P. 399.

¹⁶⁶ Особо почитались здесь Геракл, Дионис и нимфа *Никея*. О культах города и мифах, связанных с его основанием, см. специально: Leschhorn W. «Gründer der Stadt». S. 365, 369–370; Cohen G. The Hellenistic Settlements... P. 399.

Все эти высказывания античных авторов (а из всех вифинских городов именно для Никеи они наиболее многочисленны) наглядно иллюстрируют, сколь внимательно относились граждане полиса, основанного как военная колония и весьма молодого по общезападным меркам, живущие в довольно-таки захолустном углу ойкумены, к своему прошлому — реальному и мифическому, как важны были для них осознание связи с метрополией и самоидентификация. Судя по всему, эти идеи нашли определенное отражение и в местной исторической традиции: Плутарх сообщает о сочинении по истории Никеи, принадлежащем перу историка Менекрата (Thes., 26). Пример Никеи дает понять, что полисы, входившие в состав Вифинского царства, отнюдь не должны считаться простыми «винтиками» в механизме его государственной системы: это были сложные и развивающиеся социально-политические организмы, обладающие особой системой ценностей и ставившие строить отношения с внешним миром на основе собственных принципов¹⁶⁷.

Особенно ярко эти присущие полисной организации эллинистической эпохи черты проявились в крайне напряженной обстановке конца эпохи диадохов — начала периода эпигонов. В ходе многочисленных военных конфликтов различного масштаба и интенсивности малоазийские полисы (в особенности такие относительно незначительные, как Никея), разумеется, далеко не всегда могли противостоять как македонским владыкам, так и местным правителям чисто военными средствами. Тем не менее они стремились использовать любую возможность если не для обретения реальной политической независимости, то хотя бы для выдвигания лозунгов, связанных с основополагающими для полисной идеологии идеями свободы и автономии.

В этом убеждает анализ так называемой вифинской городской или проконсульской эры, требующий специального и довольно просторного экскурса¹⁶⁸. Эта система летосчисления носила локаль-

¹⁶⁷ Никея, судя по всему, была достаточно значительным культурным центром: известны имена многих ее уроженцев (вероятно, эллинистического времени), снискавших известность на ниве философии. См. о них: *Guinea Diaz P. Nicaea. Ciudad y Territorio en la Bitinia Romana. Huelva, 1997. P. 29–30.*

¹⁶⁸ См. подробнее: *Габелко О. А. «Проконсульская» эра и положение полисов Вифинии в эллинистический и римский периоды // SH. Vol. II. 2002. С. 97–106.*

ный характер и потому осталась значительно хуже изученной, нежели вифинская царская эра. Между тем обращение к ней может дать новый материал для выявления специфики положения полисов в составе не только Вифинского царства, но и римской провинции Вифиния-и-Понт, что в принципе не удивительно: сюжеты, связанные с хронологией, нередко должны рассматриваться на весьма длительных периодах времени. Обращение данного вопроса позволяет прийти к ряду немаловажных выводов относительно организации государственного управления в эллинистической и римской Малой Азии, а также по-новому оценить некоторые конкретные эпизоды из истории полисов Вифинии, в первую очередь Никеи.

Монеты, датированные 222, 223, 224 и 236 гг. вифинской городской или проконсульской эры, выпускались в 61/60–59/58 и 47/46 гг. при проконсулах Вифинии соответственно Гае Папирии Карбоне и Гае Вибии Пансе в шести вифинских городах — Никомедии, Никее, Прусе-Олимпийской, Апамее, Тиосе и Вифинионе¹⁶⁹. Помещенные на них легенды и изображения не являются чем-то необычным, и потому наиболее ценную информацию несет именно их датировка по новой эре. Эти монеты вызывали интерес главным образом специалистов по вифинской региональной и римской провинциальной нумизматике¹⁷⁰, совсем не часто становясь объектом внимания историков, занимающихся изучением эллинистической и римской Малой Азии в более широком ракурсе. Обращаясь к их анализу, необходимо решить, прежде всего, следующие вопросы: 1) Какое событие послужило причиной введения новой эры в Вифинии в 282/281 г., являющемся, согласно помещенным на монетах датам, начальной точкой отсчета лет по данной эре? 2) Как объяснить чеканку этих монет городами, которые к моменту начала ее отсчета либо не входили в состав Вифинского царства (Мирлея — будущая Апамея), либо вообще еще не были основаны (Никомедия, Вифинион и Пруса-Олимпийская)? 3) Что вызвало к жизни появление этих монетных типов именно в римское время и конкретно в 61/60–59/8 и 47/46 гг.?

¹⁶⁹ Поскольку время пребывания римских наместников в Вифинии известно с достаточной точностью, это дает возможность определить начальный год «проконсульской» эры — 283/282.

¹⁷⁰ Наиболее полная сводка материалов о них приведена в работе: *Stumpf G. R. Numismatische Studien...* S. 56–72.

Отвечая на первый вопрос, историки выдвинули два предположения. Первое из них, имеющее на данный момент большее число сторонников и высказанное в том числе в ряде новых и весьма основательных работ¹⁷¹, сводится к тому, что именно в 282/281 г. до н. э. под контроль вифинского царя Зипойта подпала Никея — полис, с которым все исследователи так или иначе связывают начало «городской» эры. То, что истоки нового летоисчисления следует искать в истории этого города, видно из факта начала чекана монет с датировкой по «проконсульской» эре именно в Никее (остальные из указанных полисов перешли на данную эру только два года спустя). Кроме того, монеты Никеи также наиболее многочисленны по количеству известных на сегодняшний день экземпляров. Известен 21 тип таких монет из Никеи, тогда как из Никомедии — 13, из Аламеи — 4, из Вифиниона — 2, из Пруссы-у-Олимпа и Тиуса — по одному.

Итак, к 282/281 г., по мнению исследователей, в состав царства вошли и территории, на которых располагались основанные позднее полисы, датировавшие монету по «проконсульской» эре. К. Штробель, в частности, пишет следующее: «Для основанных позже Аламеи, Пруссы у Мизийского Олимпа и Вифиниона этот год (282/281. — О. Г.) как начало эры может быть объяснен только в связи с вифинской победой (над Лисимахом. — О. Г.), а также провозглашенным вифинским царем освобождением (sic! — Кого, если эти города еще не были основаны?! — О. Г.) из-под управления Лисимаха, равно как и от продолжающегося монархического (то есть селевкидского) господства»¹⁷². Очевидна слабость аргументации в этом пункте: ведь Мирлея в начале III в., без сомнения, сохраняла независимость от Вифинии. Не

¹⁷¹ *Leschhorn W. Antike Ären. S. 195; Marek Chr. Stadt, Ära und Territorium... S. 22; особенно см.: Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 201–203; ср.: Idem. Bithynia // Der Neue Pauly. 1997. Bd. 2. Sp. 698.*

¹⁷² *Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 202.* В трактовке немецкого исследователя год введения «городской» эры «в вифинской традиции» связывался с победой над Лисимахом (в битве при Корупедноне, в которой будто бы принимали участие вифинцы) и «первой крупной вифинской экспансией», из-за чего он был поставлен в один ряд с годом принятия Зипойтом царского титула (*Ibid.*). Если буквально следовать этой логике, получается, что обе эры, функционировавшие в Вифинии, — по сути своей царские! Аналогов такому положению в истории эллинизма не обнаруживается.

слишком убедительно выглядит и предположение о причинах ввода новой эры в Вифинию: не говоря уже о том, что переход под контроль Вифинии территории, на которой этот город был основан спустя сто лет или даже более¹⁷³, кажется весьма сомнительным основанием для подобной пропагандистской акции, сам факт стратегического интереса Зипойта к этому району ничем не доказан.

Столь же не ясна и ситуация с Тиосом. Известны его монеты с легендой ΕΛΕΥΘΕΡΙΑ. Эрнст Мейер относит их к 290 г.¹⁷⁴, а О. Руге — к событиям междоусобной войны в Вифинии в 279–277 гг.¹⁷⁵ Оба эти варианта возможны, но все же более обоснованной кажется датировка 282–281 гг., тем же временем накануне или сразу после гибели Лисимаха. К. Штробель полагает, что для Тиоса началом местной эры могло послужить его действительное освобождение из-под царского господства¹⁷⁶, а не сам переход под власть вифинцев; очевидно, это отличает его от других вифинских городов.³ Но в чем состоят эти отличия, историк не объясняет; сделать это, пожалуй, пока невозможно¹⁷⁷.

Что же касается Никеи, то в качестве основного (и единственного, помимо общих соображений!) аргумента в пользу установления вифинского господства над ней, по крайней мере к началу 281 г., приводится находка в 30 км от этого города, на западном берегу Асканийского озера, надгробия вифинца Менаса, сына Биоэриса. Однако подробное рассмотрение этого вопроса (см. гл. II, § 2) заставляет склониться к мнению, что такой взгляд абсолютно неоправдан.

Существуют ли иные основания полагать, будто именно предполагаемое включение Никеи в состав Вифинского царства в 282/281 г. стало причиной учреждения местной эры? Представляется вполне очевидным, что вхождение города в состав Вифинии озна-

¹⁷³ Подробнее см. далее, с. 493.

¹⁷⁴ *Mejer Ern. Die Grenzen...* S. 109. Строго говоря, из сообщения Страбона (XII, 3, 10) об уклонении тианийцев от проводимого правительницей Гераклеи Амастрией синойкизма отнюдь не обязательно следует, что им удалось в этот момент добиться полной независимости.

¹⁷⁵ *Ruge O. Tiejon. Sp.* 858. В сложной обстановке вифинской междоусобицы, усугубленной войной с Антиохом I и последующим вторжением галатов, Тиос едва ли смог бы добиться даже кратковременной независимости после его возвращения гераклеотам Никомедом I (*Memn., F.* 9, 4).

¹⁷⁶ *Strobel K. Die Galater. Geschichte...* S. 203.

¹⁷⁷ О Прусе отдельно будет сказано далее.

чало для этого полиса фактическое подчинение варварам (едва ли греки в начале III в. могли относиться к вифинцам по-другому), а потому не могло быть воспринято его гражданами иначе, чем покорение сувереном, значительно проигрывавшим по части политического авторитета македонскому царю Лисимаху. Зная, сколь жесткую политику по отношению к греческим полисам неизменно проводил Зипойт, не приходится сомневаться, что подчинение им Никеи (если считать, что оно состоялось!) носило насильственный характер; достаточно вспомнить сколь упорно противилась вифинскому «освобождению» (применяя терминологию К. Штробеля) Гераклея Понтийская. Тем более не подлежит сомнению, что и римской провинциальной администрацией в 61/60 г. происшедшее свыше 200 лет назад подчинение Никеи Вифинскому царству, уже канувшему в политическое небытие, не могло быть воспринято как достойное упоминания событие.

Гораздо более вероятно, что для Никеи такой точкой отсчета должно было стать ее освобождение от господства Лисимаха, которое произошло именно в конце 280-х гг. Лисимах, безусловно, имел некоторые основания рассчитывать на лояльное отношение к себе со стороны граждан этого полиса, поскольку он был непосредственно причастен к его основанию и даже дал ему то имя, которое окончательно закрепилось в истории. Однако для самих никейцев выход из державы Лисимаха означал первую (и, как оказалось, единственную за всю историю города в античности!) возможность приобрести полную независимость. Поэтому кажется вполне оправданным решение присоединиться к исследователям, высказывающим мнение (чаще всего, однако, без какой-либо аргументации), что именно это событие получило отражение в отсчете лет по «городской» эре¹⁷⁸. Очевидно, по мере ослабления державы Лисимаха Никее на короткое время удалось добиться самостоятельности в числе других малоазийских городов, о чем говорит Мемнон (F. 5, 7)¹⁷⁹; в состав Вифинии же она

¹⁷⁸ *Wilson D. R. The Historical Geography... P. 92; Перл Г. Эры... С. 66. Прим. 123* (здесь, впрочем, говорится не конкретно о Никее, а вообще о городах Малой Азии, отпавших от Лисимаха незадолго до битвы при Корупедионе); *Stumpf G. R. Op. cit. S. 66.*

¹⁷⁹ Сомнения некоторых исследователей в том, что фразу Мемнона «τῶν πόλεων ἀφίσταμένω» следует отнести ко времени до гибели Лисимаха, опровергнуты В. Ортом (*Orth W. Königlicher Machtanspruch...*

вошла, вероятно, только при Никомеде I, в ходе совместной войны Северной лиги и галатов против Антиоха I, хотя детали всех этих событий, к сожалению, остаются для нас неизвестными. Существует даже единственный экземпляр монеты никейского автономного чекана¹⁸⁰, правда, подлинность его сомнительна¹⁸¹, но здесь следует вспомнить упоминавшуюся выше монету Тиоса: выглядит абсолютно логичным, что два полиса западной Малой Азии ознаменовали обретение независимости выпуском собственной монеты.

Следует обратиться также к крайне скудным данным эпиграфики, в которых можно увидеть примеры появления вифинской городской эры.

Первый из них — три посвятельные надписи фиаситов из района Мирлеи/Апамеи, датированные 174, 177 и 178 гг. некоей эры¹⁸² — какой именно (царской, городской или даже какой-либо другой, по мнению Т. Корстена), установить не удастся, но по чисто хронологическим соображениям здесь равным образом возможны и первая и вторая. Даже если вести отсчет по «старшей» царской эре, то полученные даты все равно относятся к тому времени, когда территория, где были обнаружены содержащие их надписи, уже бесспорно входила в состав Вифинского царства¹⁸³,

S. 40–41. Апп. 5). Анализ свидетельств об отпадении малоазийских городов от Лисимаха см. в работе: *Mehl A. Seleukos Nikator...* S. 291–294.

¹⁸⁰ *Recueil*. P. 397. № 1. Правда, П. Гвинеа Диаз считает эту монету настоящей; изображение на ней, по его мнению, свидетельствует о наличии у города крепостных стен (*Guinea Diaz P. Nicea*. P. 26).

¹⁸¹ *Ruge W. Nikaia (7)*. Sp. 229; *Cohen C. The Hellenistic Settlements...* P. 400. Note 5.

¹⁸² См. наиболее полный анализ: *Corsten Th. Über die Schwierigkeit...* S. 192–193 (с библиографией).

¹⁸³ Это делает абсолютно невозможным предположение В. Лешхорна, будто бы в данных надписях задействована селевкидская эра (*Leschhorn W. Antike Ägyp. S. 338*): и в этом случае надписи датировались бы второй половиной II в., так что пришлось бы предполагать использование в независимом Вифинском царстве эры другого государства! Попутно следует отметить, что мнение Т. Корстена выглядит малообоснованным в той части, где говорится о возможном существовании на территории Вифинии иных эр, связанных соответственно с установлением в стране римского господства в 74 г., организацией провинции Вифиния-Понт Помпеем (64 г.) или преобразованием Апамеи в римскую колонию ок. 44 г.

и это делает гораздо более вероятным употребление датировки по царской эре. Подобного же рода свидетельством является надпись из окрестностей Прусы-Олимпийской, в которой фиксируется отсчет лет по некоей эре. Надпись датирована 239 г.¹⁸⁴, и, следовательно, независимо от того, какая эра в ней использована, время ее создания приходится уже на период включения Вифинии в Римскую державу. В этом случае логичнее ожидать, конечно, датировки по городской эре (тем более, что она к этому времени уже была в ходу, как свидетельствуют монеты): под управлением римлян царская эра едва ли могла сохраниться. Но в обоих этих случаях мы вынуждены оставаться лишь в рамках более или менее вероятных предположений.

Большее значение имеет хорошо известный декрет из Прусы-Олимпийской в честь эписмата Мениска, сына Зенобродия (?): здесь необходимо учитывать некоторые хронологические тонкости, которые могут повлиять на предпочтение одной эры другой. Подробный анализ этого документа будет проведен в разделе работы, касающемся Прусы; здесь же достаточно отметить, что декрет в честь Мениска также не может служить надежным основанием для того, чтобы предполагать функционирование вифинской городской эры в период независимого существования монархии.

Отсутствие надежных свидетельств об использовании в Вифинии «городской» эры в период сохранения независимости царства вполне понятно: как видно, данная система летоисчисления должна была ассоциироваться с не поощрявшимися в царстве полисными свободами. В этом свете видится абсолютно закономерным первое появление эры именно в римское время. В духе римской политики, направленной на поощрение свобод лояльно относившихся к ним общин¹⁸⁵, был поиск более «славных» примеров из

Можно ли априорно предполагать введение в Вифинии нового летоисчисления в эти годы, если само существование таких эр вообще ничем не подтверждается?¹

¹⁸⁴ Die Inschriften von Prusa ad Olympum. T. 1. № 23; *Leschhorn W.* Antike Ären. S. 191.

¹⁸⁵ Можно попробовать установить (правда, с очень большой степенью гипотетичности) позиции граждан вифинских городов в отношении римлян. В ходе Третьей Митридатовой войны с подходом к Никее войск Лукулла понтийский гарнизон был вынужден оставить город, видя, что граждане склоняются к поддержке римлян (*Меттл.*, F. 28, 8). О настроениях никомедийцев в это время источники ничего не сообщают, но мож-

прошлого подчиненных им полисов, чем могло быть подчинение Никеи Вифинии, тем более что сами греки, как свидетельствуют многочисленные примеры, были вполне самостоятельны в вопросах утверждения своих местных эр¹⁸⁶.

То, что введение «проконсульского» чекана приходится уже на третий год после преобразований Помпея в Азии, указывает на его важное значение для организации новой системы управления в Вифинии и на особую роль в ней Никеи. Можно предположить, что именно этот полис в данное время являлся вифинской столицей и местом пребывания проконсула.

Вопрос о метрополии римской Вифинии остается дискуссионным: большая часть историков высказывается в пользу прежней столицы царства, Никомедии¹⁸⁷, но некоторые исследователи считают таковой именно Nikeю¹⁸⁸, которая была метрополией во времена Страбона (XII, 4, 7). Думается, анализируемые здесь нумизматические материалы предоставляют еще один аргумент в пользу последней точки зрения.

Чем же еще могли быть обоснованы притязания Никеи на столичный статус? Во-первых, ее значительно более ранним, чем у Никомедии (лет на 50), основанием. Во-вторых, тем, что она мог-

но предположить, что едва ли они были расположены в пользу Рима, так как во время Первой Митридатовой войны Никомедия тяжело пострадала в результате соперничества за право верховного командования между Флакком и Фимбрией: вслед за убийством скрывавшегося в Никомедии противника (App., Mithr., 52) Фимбрия отдал город солдатам на разграбление (Diod., XXXVIII–XXXIX, 8, 2). Эти факты могли учитываться римлянами при организации новой провинции и выборе ее столицы. То, что подобного рода обстоятельства имели немаловажное значение для определения статуса того или иного полиса в рамках римской провинции, подтверждено Страбоном: «Так как прусийцы вели себя доброжелательно по отношению к римлянам, то получили свободу. Напротив, апамейцам пришлось принять римскую колонию» (XII, 4, 3).

¹⁸⁶ Leschhorn W. Antike Ären. S. 419.

¹⁸⁷ Recueil. P. 234; Ruge W. Nikomedeia. Sp. 471; Wilson D. R. The Historical Geography... P. 106; Remy B. L'évolution administrative de l'Anatolie aux trois premiers siècles de notre ère. Lyon, 1986. P. 31 (впрочем, приводимые в последнем исследовании ссылки на данные Плиния Младшего ничуть не доказывают, что столица римской Вифинии с самого начала находилась именно в Никомедии).

¹⁸⁸ Jones A. H. M. The Cities... P. 159–166; Magie D. Roman Rule... Vol. I. P. 399.

ла являться столицей страны до того, как эта функция перешла к Никомедии (270-е — нач. 260-х гг.)¹⁸⁹. Учитывая весьма ощутимый разрыв в целях, средствах и методах проведения внешней и внутренней политики между Зипойтом и его преемником, логично предположить, что Никомедом I столица из Зипойтиона была перенесена, скорее всего, именно в Никею: других значительных городов в Вифинии тогда не существовало. Возможно, именно тут Никомедом были отчеканены первые монеты царства¹⁹⁰, прежде всего, с изображением вооруженного копьем всадника и буквами ΣΩ на реверсе: они явно выпущены «по горячим следам» войны с Антиохом I. Наконец, с некоторой долей вероятности реконструируются попытки Прусия II придать Никее большее значение, чем она имела при его предшественниках. Это следует как из сообщения Аппиана о том, что в 149 г. во время мятежа Никомеда (будущего Эвергета) Прусий решил первоначально скрыться именно в Никее (Mithr., 6), так и из факта чеканки значительной части монет этого царя в данном городе¹⁹¹.

В этом случае становится понятным появление эры, связанной с обретением Никеи независимости, на монетах других общин: ее «навязывание» было пропагандистской акцией, способной поднять авторитет данного полиса, прежде всего, в глазах ее «соперницы» Никомедии. Аналогий такого рода действиям мне не встречалось, но подобное мероприятие кажется вполне вероятным, поскольку оно могло осуществляться при непосредственном участии римских должностных лиц. Хорошо известно, главным образом из речей уроженца Вифинии Диона Хризостома, сколь острая борьба за первенство в Вифинии шла между Никомедией и Никеей во II в. н. э.; теперь же становится понятным, что начало она берет уже в первые годы существования римской провинции Вифиния-и-Понт. При этом выглядит вполне естественным и то обстоятель-

¹⁸⁹ Интересно, что это вполне резонное мнение высказано только в популярной работе, представляющей собой путеводитель для туристов по северо-западной Турции, снабженный, впрочем, весьма квалифицированными историческими комментариями: *Freely J. Turkey around the Marmara*. Istanbul, 1998. P. 137.

¹⁹⁰ Это предположение приобретает особый вес, если считать автономную никейскую монету подлинной.

¹⁹¹ *Reinach Th. Trois royaumes de l'Asie Mineur*. Paris, 1888. P. 115–116, 130; *Guinea Diaz P. Nicea*. P. 31–32. См. также выше (с. 450) о возможности захоронения Прусия в окрестностях Никеи.

ство что «проконсульская» эра фиксируется только на монетах собственно вифинских полисов, не будучи связана с другими центрами римской провинции: очевидно, ее пропагандистское воздействие должно было быть направлено на города, исторически наиболее тесно связанные с Никеей.

Осталось дать ответ на последний вопрос — объяснить функционирование «городской» эры в Вифинии именно в указанные годы, однако сделать это состояние наших источников, видимо, не позволяет. Следует ограничиться предположением, что начальный год ее обозначения на монетах ознаменовался каким-то немаловажным событием в истории провинции, быть может, связанным с Никеей, но это все, что пока можно сказать. Столь же неясными остаются и причины перерыва в функционировании «городской» эры и полного прекращения ее употребления.

Вместе с тем сам факт появления «проконсульской» эры на монетах городов Вифинии наглядно свидетельствует о том, сколь различными методами в построении отношений с греческими полисами придерживались вифинские цари, с одной стороны, и римляне — с другой. В самом деле, если вифинские монархи вообще не допускали чеканки в подчиненных им полисах собственной «квази-автономной» монеты, то римляне не только позволили это, но и поместили на монетах городов Вифинии эру, вызывающую самые непосредственные ассоциации с подспудно чтимыми греками полисными свободами! Проведенный анализ еще раз свидетельствует, что римская политика в малоазийском регионе была гораздо более гибкой и глубоко продуманной, чем действия эллинистических правителей, далеко не всегда способных во взаимоотношениях с греками отрешиться от политических амбиций и, быть может, этнических предубеждений, как это и иногда и бывало в Вифинии.

Конкретные обстоятельства, при которых произошло подчинение Никей Никомедом I, остаются неизвестными, но, судя по всему, полис занял немаловажное место в экономической и политической структуре царства благодаря обширным и плодородным земельным владениям (Strabo, XII, 4, 7) и довольно выгодному, несмотря на удаленность от моря, местоположению. Данные о присутствии никейцев в различных регионах эллинистического мира довольно многочисленны¹⁹² (по скромным масштабам вифинских

¹⁹² См., например, о присутствии никейцев в Афинах: Osborne M. J., Byrne S. G. The Foreign Residents of Athens. An Annex to the Lexicon of

нолисов) и уступают в количественном отношении только материкалам, связанным с никомедийцами.

В округе современного селения Енишехир, ровно на полпути между городами Изник и Бурса, обнаружена чрезвычайно интересная надпись, которая способна пролить свет на организацию административного управления в царстве¹⁹³. Это стела над коллективным погребением, на которой среди прочих начертано имя Сусариона, сына Феофила, и упомянута его должность: $\gamma\rho\alpha\mu\mu\alpha\tau\epsilon\upsilon\varsigma$ $[\delta\iota\omicron]\kappa\epsilon\tau\omicron\upsilon$ (сткк. 2–3), что можно условно перевести как «секретарь управляющего». Надпись следует датировать эллинистическим временем, хотя против того, чтобы отнести ее к эпохе диадохов (в частности, к периоду политического преобладания в этом регионе Лисимаха¹⁹⁴), свидетельствует значительное количество туземных имен на памятнике¹⁹⁵: едва ли вифинец мог тогда занимать какой-либо пост при дворе македонского владыки. В то же время не подлежит сомнению, что должность диоикета связана именно с единоличной, преимущественно царской властью. Отсюда следует, что вифинская $\chi\acute{o}\rho\alpha$ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\kappa\acute{\eta}$, где выполняли свои обязанности грамматевс Сусарион и его начальник-диоикет, вклинивалась между земельными владениями двух нолисов, Nikei и Прусы-Олимпийской: очевидно, они были не слишком обширными.

Greek Personal Names: Attica. Lovanii, 1996. № 5834, 5839. См. также надпись никейца Алкима — победителя в соревнованиях: IG. VIII. 1765.

¹⁹³ Şahin S. Katalog... Т. II. 2. № 1588. S. 305a–307a. Там же см. подборку данных об упоминании диоикетов в надписях эллинистического времени. Местом пребывания диоикета и подчиненных ему чиновников можно считать вифинский город Отрою (Strabo, XII, 4, 7).

¹⁹⁴ На такую возможность указывает П. Гвинеа Диаз, отмечая, что должность диоикета зафиксирована в северо-западной Малой Азии для 281 г.: ее обладателем был направленный Селевком Никатором в Гераклию Понтийскую Афродисий (Memn., F 7, 1).

¹⁹⁵ Тот же испанский исследователь подчеркивает, что греческие имена в надписи носят мужчины старшего поколения: Деметрий, сын Посидония, а также упоминаемый как отец Сусариона Феофил. В то же время женщины (жена Деметрия Мания и супруга Сусариона Нана) и трое из четырех мужчин младшего поколения (Сусарион и дети Деметрия (Алас и Мамас) зовутся вифинско-антолийскими именами (Ibid.). Это как будто бы свидетельствует об уменьшении степени эллинизации вифинской хоры.

О внутренней истории полиса в эпоху эллинизма мало что известно. Судя по всему, Никея была организована и распланирована по типичным для эллинского мира образцам. Страбон, воспроизводя реалии своего времени, пишет о Никее: «В окружности город имеет 16 стадий и по форме четырехугольный; в нем четверо ворот, расположен на равнине и изрезан улицами; в силу этого с одного камня, поставленного в центре, в гимнасии, видны эти ворота» (XII, 4, 7). Любопытно, что такая планировка города сохранилась вплоть до настоящего времени¹⁹⁶.

Самым же важным мероприятием Никомеда I, без сомнения, явилось основание новой столицы царства — *Никомедии*. Традиционная дата этого события — 264 г. (Euseb., Chron., II, P. 121 Schoepe), хотя приводятся и иные версии, ничего, впрочем, принципиально не меняющие¹⁹⁷. Никомедия, отчасти подобно Никее, была связана с более ранними эллинскими колониями, располагавшимися в этом регионе. Сведения об истории первой из них, Ольвии, весьма противоречивы: неизвестна ни ее метрополия, ни точное местоположение. Судя по всему, она находилась на побережье Астакского залива (Ps.-Scyl., 92 = CGM I, 67), который даже однажды фигурирует под названием Ольвийского (Mela, I, 100). Плиний Старший отождествляет Ольвию не с Никомедией, а с Никеей (NH, V, 148), но это, вероятно, ошибка¹⁹⁸. Тем не менее выглядит вполне оправданным мнение, высказанное на основании сообщения Стефана Византийского (s. v. Νικουμένηα), о том, что Ольвия (видимо, вместе с Астакон) участвовала в синоиклизме, в результате которого и была создана Никомедия¹⁹⁹.

Более достоверными выглядят связи, объединяющие вифинскую столицу с Астакон. Эта древняя мегарская колония²⁰⁰ распо-

¹⁹⁶ Об актуальном значении античного наследия в современной Турции свидетельствует, например, тот факт, что название «Никея» остается как бы «полуофициальным» для городка Изник и поныне: оно, например, указывается наряду с современным на автодорожных указателях (материалы личных наблюдений).

¹⁹⁷ См. о них: Cohen G. The Hellenistic Settlements... P. 401. Note 1.

¹⁹⁸ Tschirikower V. Die hellenistischen Stadtgrundlagen... S. 46; Cohen G. The Hellenistic Settlements... P. 401. Note 3.

¹⁹⁹ Любопытно, что Клавдий Птолемей указывает местоположение и Астака, и Ольвии, и Никомедии (Ptol., V, 1, 3).

²⁰⁰ Израильский ученый Д. Ашери пытался оспорить мегарское происхождение Астака и подчеркивает его беотийские корни, что выглядит

лагалась всего лишь в нескольких километрах от Никомедии, «напротив» нее (Memn., F. 12, 1), в крайнем юго-восточном углу Астакского залива; этот район, к сожалению, слабо изучен археологически, хотя здесь были обнаружены некоторые материалы доэллинистического времени — например, статуя курiosa²⁰¹. После разрушения Астака Лисимахом население полиса, видимо, в течение нескольких десятилетий жило в близлежащих селениях, пока не было перемещено Никомедом во вновь основанный им город (Strabo, XII, 4, 2)²⁰², причем Павсаний говорит просто о переименовании Астака в Никомедию (V, 12, 7) (об упоминании в этом пассаже Зипойта, а также о возможной причастности к «основанию» Астака Дидалса говорилось выше).

Никомедия и Астак отождествлялись между собой столь тесно, что округа вифинской столицы в некоторых надписях римского императорского времени именуется Ἀστακίη (IG. II/III²; SEG IV № 105)²⁰³, а в одном из поздних источников название Астак вообще употреблено наряду с именем Никомедии (<Asta> con..., quae Nicomedia postea dicta est... — SHA, XXIII, IV, 8). В Никомедию были перенесены культы Астака²⁰⁴. Весьма вероятно, что мотив прочной связи между Астаком, Никомедией и вифинской династией создавался и эксплуатировался целенаправленно с правления Никомеда I и, возможно, с самого момента основания столицы, поскольку он позволял вифинским царям активно претендовать на «родство» с дорийскими полисами и тем самым стать полноправными представителями эллинского мира.

Разумеется, Никомедия как столица царства должна была обладать целым рядом привилегий, первой и самой естественной из

малооправданным (Asheri D. On the «Holy Family» of Astakos // Studien zur Religion und Kultur Kleinasien. Leiden, 1978. Bd. I. P. 93–98). Впрочем, многие другие выводы исследователя вполне убедительны. См. основательно проработанную сводку данных о ранней истории Астака: Пальцева Л. А. Из истории архаической Греции. С. 148–162.

²⁰¹ Şahin S. Neufunde von antiken Inschriften in Nikomedeia (Izmit) und in der Umgebung der Stadt. Münster, 1974. S. 6–70.

²⁰² Участие в синоиклизме жителей Калхедона (Sölch J. Bithynische Städte... S. 146; SENHW. Vol. I. P. 568) маловероятно, поскольку не подтверждается фактическими данными.

²⁰³ Leschhorn W. «Gründer der Stadt». S. 270; Cohen G. The Hellenistic Settlements... P. 401. Note 2.

²⁰⁴ Asheri D. On the «Holy Family»... P. 93–98.

которых следует считать предоставление ей (скорее всего, ее основателем) реального полисного статуса. К сожалению, мы располагаем лишь одним эпиграфическим свидетельством существования и функционирования в Никомедии совета органов внутреннего самоуправления: речь идет о фрагментарно сохранившейся надписи (ТАМ IV 1 № 2)²⁰⁵, в которой говорится о прибытии послов некоего остающегося неизвестным полиса к совету и народу (Никомедии) (сткк. 6–7) и царю Прусию (сткк. 10–11) (тем самым датировка надписи укладывается в период последней трети III — первой половины II в.). Конечно, на основании единственного свидетельства трудно прийти к сколько-нибудь обоснованным выводам, но создается впечатление, что буле и демос вифинской столицы представляли собой структуры, относительно автономные по отношению к центральной власти.

Другие две надписи²⁰⁶, освещающие проблему отношений между полисом и монархией в Вифинии, к сожалению, еще менее информативны (в значительной мере из-за их позднего происхождения и плохой сохранности), но также не лишены интереса. В этих документах римского времени, судя по всему, сравнивается отношение к полису со стороны римских императоров и вифинских царей. Первый из них содержит слова: «не хуже... и пожертвования городу... царей (ваших?)... императоров» и т. д. По мнению опубликовавшего надпись Ф. К. Дөрнера, речь здесь идет о дарениях, которые совершали никомедийцам вифинские монархи и римские императоры после разрушительных землетрясений, причем, как кажется, представители вифинской царской династии в этом отношении не уступали римлянам. В каком контексте упоминаются «прежние цари» во второй из указанных надписей (стк. 9), определить невозможно.

В двух или трех надписях, опять-таки римского периода, Никомедия характеризуется как «священный и неприкосновенный город»²⁰⁷; очевидно, полису никомедийцев в какой-то момент было

²⁰⁵ Наиболее подробный разбор надписи: Robert L. *Études anatoliennes*. P. 235–239.

²⁰⁶ Dörner F. K. *Inschriften und Denkmäler...* № 25 = ТАМ IV 1 № 4; Dörner F. K. *Inschriften und Denkmäler...* № 26.

²⁰⁷ ТАМ IV 1 № 25 стк. 8; № 34 стк. 1. Третья надпись (SEG XXX № 1345) сохранилась совсем плохо. См. об этих материалах: Rigsby K. *Asyria*. P. 443–444.

предоставлено почетное и выгодное право асии. К. Ригсби полагает, что это могло произойти либо в период вифинско-пергамских конфликтов II в., либо уже в римское время²⁰⁸, однако возможным (и даже, на мой взгляд, наиболее вероятным) представляется еще один вариант. Инициатором этого благодеяния, оказанного Никомедии, допустимо считать третьего вифинского царя, Зиэла, который провел аналогичную акцию в отношении косского святилища Асклепия. Видимо, он же (или, что представляется несколько менее вероятным, еще его отец) предоставил жителям своей столицы поистине уникальную привилегию, характер которой остается неясным ввиду отсутствия в эллинистическом мире других подобных примеров. Имеется в виду появление слов «наши (со)граждане» (οἱ ἡμέτεροι πολῖται) в стк. 21 «письма неизвестного царя» из архива косского Асклепийона, автором которого, как было показано в гл. III, § 1, с большой степенью вероятности следует считать именно Зиэла. Принял ли никомедийское гражданство сам царь (хотя сложно представить, как это могло произойти)? Или же никомедийцам были предоставлены какие-то экстраординарные льготы политического, административного или экономического характера? Эти вопросы пока что остаются открытыми. Несомненно одно: на фоне столь значительных благодеяний, оказанных вифинскими царями гражданам своей столицы, такое «ущемление» прав полиса, как отсутствие у него права чеканить собственную монету, пожалуй, не должно считаться чересчур серьезным.

В римское время Никомедия была крупным, процветающим и красивым городом, что, вероятно, явилось прямым продолжением развития вифинской столицы в эллинистический период. Либаний сообщает, что закладка полиса сопровождалась счастливыми предзнаменованиями — появлением орла и змеи (Or., LXI, 4–5). Столица Вифинии являлась значительным культурным и религиозным центром: вероятно, именно к эллинистической эпохе возможно относить сооружение в городе четырех храмов: Зевса (Стратия?) (Just., XXXIV, 4, 5), Исида (Plin. Sec., Epist., X, 33, 1)²⁰⁹, Асклепия (Paus., III, 3, 8), Матери богов (Plin. Sec., Epist., X, 49, 1)²¹⁰.

²⁰⁸ Ibid. P. 444.

²⁰⁹ Sherwin-White A. N. The Letters of Pliny. P. 607.

²¹⁰ Плиний говорит о aedes vetustissims Matris Magnae, что заставляет предполагать еще доримское происхождение этого храма (Погодин П. Д.,

Несколько сложнее оценить экономическую роль Никомедии. При том, что этот город, исходя из общих соображений, должен был быть крупным центром торговли, ремесленного и аграрного производства, конкретные данные обо всех этих отраслях хозяйства практически отсутствуют, что составляет яркий контраст с информацией, имеющейся для римского времени²¹¹. Относительно коммерческого значения Никомедии можно заметить, что оно могло не получить ожидаемых масштабов по той причине, что географическое положение города было в известной мере двойственным. С одной стороны, Никомедийский залив обладал весьма удобной гаванью, достаточно обширной и укрытой от ветров, что создавало важные предпосылки для развития Никомедии как морского порта²¹². Вместе с тем ввиду значительно протяженности залива вифинская столица оказалась довольно отдаленной от основных водных коммуникаций, прежде всего, Боспора Фракийского²¹³, вследствие чего экономический потенциал Никомедии мог оказаться несколько ограниченным. Тем не менее, судя по просопографическим данным, граждане Никомедии относительно часто появлялись в других полисах Греции (что, скорее всего, следует считать следствием каких-то торговых контактов): по количественному показателю в этом отношении вифинская столица превосходит остальные полисы страны. Так, в Афинах по надписям эллинистического времени зафиксировано пребывание 4 никомедийцев²¹⁴, 8 граждан полиса находилось в период эллинизма на Косе²¹⁵ (это довольно значительное число, вероятно, следует объяснить особым характером отношений между Косом и Никомедией как преемницей Астака, установившихся уже в середине III в.). Метек-никомедиец проживал во II—I вв. в Смирне (SIG 3142); четыре наемника родом из Никомедии входили в состав

Вульф О. Ф. Никомидия. С. 5). Посвящения Матери богов трижды встречаются в Никомедии и ее округе (TAM IV 174 B9; 90 стк. 1; 91 стк. 1).

²¹¹ См., например: *Debord P.* Comment devenir le siège d'une capitale impériale. P. 139–165.

²¹² Современный г. Измид, расположенный на месте древней Никомедии, является важным военно-морским портом Турции.

²¹³ *Cary M.* The Geographic Background... P. 158.

²¹⁴ См.: *Osborne M. J.; Byrne S. C.* The Foreign Residents of Athens. № 5852, 5864, 5874, 5876.

²¹⁵ *Paton-Hicks.* 10 a41; 10 c6; 10 c54–55; 10 c64; 10 c77; *Segre.* Cos. 122 B3; 206 A1; 206 D22.

Стела горофилака
Мокасия

птолемеевского гарнизона в Фиваиде²¹⁶. Разумеется, в римское время численность граждан Никомедии, пребывавших в различных городах Средиземноморья и бассейна Черного моря, возрастает многократно.

Как и относительно других полисов Вифинии, мы практически не располагаем сведениями о земельных владениях Никомедии в эллинистическую эпоху. Тем не менее надгробная стела Мокасия, сына Зиагрия (кон. II в.), обнаруженная в селении Караматли²¹⁷ (в северу от Никомедии; вероятно, эта территория входила в состав хоры полиса), дает некоторые представления о том, как была организовано управление этими землями. Если принять восстановление должности погребенного, ἰορροφύλαξ (стк. 2), то ста-

²¹⁶ См. сводку данных: *Launey M. Recherches...* Т. II. P. 1211.

²¹⁷ *Tscherikower V. Die hellenistischen Stadtgründlagen...* S. 46; *Cohen G. The Hellenistic Settlements...* P. 402.

новится ясным, что он был кем-то вроде деревенского сторожа (судя по изображению на рельефе, он объезжал вверенные ему владения верхом). Скорее всего, должность горофилака, в отличие от диойкета и его грамматевса, не была связана с центральной административной властью. Но кто руководил действиями его и других должностных лиц, какова была система землевладения, размеры полисной хоры в целом и отдельных ее участков — все это остается неизвестным.

Фрагмент речи Диона Хризостома, обращенной к никомедийцам, содержит указание на десятину, собираемую полисом с вифинцев (Or., XXXVIII, 26: δεκάτα <τὰ> παρὰ τῶν Βιθυνῶν), то есть, вероятно, с сельского населения; но это указание, при всей его несомненной важности (это, в сущности, единственное упоминание о налогах в Вифинии), описывает экономические реалии, характерные, скорее всего, для римского, а не эллинистического времени²¹⁸. Можно лишь еще раз констатировать, что сельская территория Вифинии делилась на царские владения (где, вероятно, существовала система военных поселений, подчиненных монархам), и на территории, подвластные полисам.

Основание Никомедии стало самым важным, но не единственным достижением второго вифинского царя в градостроительстве. Вероятно, именно ему следует приписать основание эмпория *Никомедиона* (Steph. Byz., s. v. = Ag., Bithyn., F. 6 Roos), о котором, ничего более не известно. Впрочем, сам факт его существования показывает, что второй вифинский царь применял на практике различные модели развития экономической инфраструктуры страны. Наряду с полисами — наиболее существенными элементами всей хозяйственной системы царства — определенную роль в ней могли играть и менее значительные населенные пункты, эмпории, служившие центрами торгового обмена (вероятно, главным образом внутреннего).

²¹⁸ Весьма правдоподобной выглядит трактовка этого сообщения М. И. Ростовцевым: место царя, верховного собственника земли и λαοὶ βασιλικοί в Вифинском царстве, в римское время занял полис (Rostowzew M. Studien zur Geschichte... S. 226). Вероятно, форос, установленный в Вифинии раз и навсегда (подобно аналогичному налогу в государствах Селевкидов и Атталидов), был заменен на десятину римлянами, как это было в провинции Азия (App., BC, V, 4). Ср.: Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 101.

Информация о градостроительных мероприятиях Зиэла крайне недостоверна и отрывочна, что вполне закономерно: большая часть его правления прошла в борьбе за престол и в многочисленных войнах. Стефан Византийский (s. v. Ζήλα) говорит об основании им *Зейлы* в Каппадокии (имя самого царя воспроизводится им как Ζήλας). Хотя Стефан называет Зейлу полисом, скорее всего, это был какой-то опорный пункт или крепость, основанная Зиэлом во время нам неизвестных (но выглядящих в принципе пероятными) военных предприятий. Информация Плиния Старшего: *civitas Ziela intus, nobilis clade Triani et victoria C. Caesaris* (NH, VI, 10), разумеется, должна быть отнесена к Зеле в Понте, где состоялись сражения Митридата с Триарием и Цезаря с Фарнаком²¹⁹, но не исключено, что приведенное римским эрудитом название, не имеющее никаких параллелей, представляет собой результат контаминации имен нескольких малоазийских городов, в том числе и того, который мог быть основан третьим царем Вифинии.

Тем не менее если верна предложенная выше реконструкция взаимоотношений Зиэла с никомедийцами, выразившаяся, в частности, в предоставлении им особых привилегий и в провозглашении их «согражданами» царя в косском рескрипте, то это характеризует Зиэла как политика, который довольно искусно выстраивал линию взаимоотношений с греками как внутри страны, так и на международной арене.

Вне всякого сомнения, наиболее сложной и многоплановой была градостроительная деятельность Прусия I, как и его контакты с греческим миром в целом. Этот монарх, с одной стороны, основывал города сам, мобилизуя экономические и демографические ресурсы своего царства, которые, видимо, уже были достаточны для организации и проведения предприятий такого рода. В то же время весьма яркие и драматичные страницы были вписаны им в историю взаимоотношений с эллинизмом путем вооруженного захвата и последующей реорганизации старых греческих городов. Это относится прежде всего к *Киосу*, милетской колонии, насильственно включенной в состав Вифинского царства в 202 г. и впоследствии переименованной в *Прусиаду-Приморскую*.

Киос, изначально в территориальном отношении принадлежавший к Мизии (Scyl., 93), впервые вступил в контакты с Вифинией

²¹⁹ Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 60.

при Никомеде I. Неясно, был ли он членом Северной лиги, но к 255 г. кианийцы значились в числе опекунов наследников Никомеда I (Мемп., F. 14, 1). Любопытно, что еще до подчинения Киоса Прусием I один из граждан полиса носил имя Сангарий, распространенное в Вифинии²²⁰. В дальнейшем, однако, на всем протяжении эллинистического и римского периодов вифинские имена появляются почти исключительно в сельской округе полиса²²¹: лишь в начале II в. н. э. в списке эфебов появляется патрионим "Ατφου²²². Очевидно, Киос даже после завоевания и разрушения македонянами и вифинцами и повторного заселения сохранил по преимуществу гражданский коллектив, практически не подверженный внешнему этническому влиянию. К сожалению, невозможно понять, за счет чего Прусием I удалось создать такое положение — либо он имел в своем распоряжении достаточное количество эллинских колонистов, либо же население Киоса, вопреки Полибию, не было продано в рабство поголовно.

Как эпиграфическое свидетельство того, что Прусий I почитался в Прусиаде-Приморской как основатель города, ранее привлекалась надпись римского времени OGIS 340, которую восстанавливали как (Προυσίας βασι)λειῶς Κ(α)λλινεῖκος κτίστης τῆς πόλεως. Тем не менее сейчас считается надежно доказанным, что вместо имени царя следует читать [Ἡρακ]λής²²³, поскольку хорошо известно, что Геракл пользовался в Киосе особым почитанием²²⁴.

Характер отношений между гражданским коллективом Прусиады-Приморской и царской властью получает частичное освещение в одной фрагментарно сохранившейся надписи²²⁵, где упоминаются посещение города кем-то из вифинских царей (сткк. 5, 9, 10, 19) и проведение в его честь празднеств с жертвоприношения-

²²⁰ Die Inschriften von Kios. Ep. test. № 24.

²²¹ См. подробнее: Габелко О. Л. Фрако-вифинское население... С. 162–163.

²²² Die Inschriften von Kios. № 16.

²²³ Leschhorn W. «Gründer der Stadt». S. 276–277; Cohen G. The Hellenistic Settlements... P. 405. Note 1.

²²⁴ Киос считался местом, где останавливались аргонавты и где нимфы похитили любимца Геракла Гила (Strabo, XII, 4, 3; Ap. Rhod., I, 1155–1352; Мемп., F. 28, 7). В императорское время на монетах Геракл именуется ктисом города (Recueil. P. 317; № 31–33; SNG. S. 509, № 7006).

²²⁵ Die Inschriften von Kios. № 8.

ми (стк. 21). В сткк. 11–12 можно увидеть свидетельство денежных раздач, видимо, осуществленных монархом в полисе. Декрет выдержан во вполне «верноподданническом» тоне (ср. упоминание великодушия царя в стк. 24), что вполне понятно, поскольку он представляет собой официальный документ. Возможно, эту надпись следует понимать как указание на существование в гимнасии Прусиады культа царя²²⁶. Однако имеется целый ряд оснований полагать, что в лице гражданского коллектива Киоса вифинская монархия имела своего рода «скрытую оппозицию» собственной власти, проявлявшуюся в самых различных сферах.

Так, довольно неожиданным выглядит то обстоятельство, что граждане Прусиады располагали определенной свободой действий не только во внутренних делах (что типично для эллинистических полисов), но и в вопросах, частично связанных с международной политикой. В городе была обнаружена надпись, в которой говорится об участии его граждан в качестве третейских судей, разбивших внутренние споры в Магнезии-у-Сипила, которая входила в состав государства Атталидов²²⁷. В условиях почти постоянной напряженности между Вифинией и Пергамом этот факт свидетельствует об определенной автономии граждан полиса и возможности поддерживать контакты с «потенциальными противниками» вифинских монархов (хотя этот момент, разумеется, не следует абсолютизировать).

Необходимо отдельно рассмотреть возможные варианты восстановления несохранившегося названия города в стк. 6. Издатели надписи предпочитают восстанавливать ἀνδρα[ς ἐν Κίῳ], что, действительно, было бы весьма заманчиво в свете излагаемой далее концепции²²⁸; однако в таком случае эта строка будет существенно короче остальных. Быть может, следует предпочесть употребление в надписи более длинного имени полиса — Προσιάδος. Это вопрос далеко не праздный, ибо именно с апелляцией к исконному имени полиса связывается единственная для его граждан возможность хотя бы символически противопоставить себя власти вифинских царей.

²²⁶ Ibid. Ср.: Robert L. *Études anatoliennes*. P. 69, 175, 201.

²²⁷ Koerte A. *Kleinasiatische Studien*. V. *Inschriften aus Bithynien* // *AM*. Bd. XXIV. 1899. S. 410–411; *Die Inschriften von Kios*. № 17.

²²⁸ Параллель дает надпись римского времени: *Die Inschriften von Prusias-ad-Nurium*. № 17, где в стк. 23 упоминается Κιανῶν πόλις.

Действительно, если обратиться к наиболее многочисленным и лучше всего систематизированным афинским материалам, то в них четырежды фиксируются полисонимы, восходящие к старому имени города (Κίανός / Κίανή) и относящиеся ко II—I вв., когда Киос уже давно был переименован в Прусиаду (IG. II² 9017, 9020, 9024, 9025). По крайней мере часть из них относится ко времени существования Вифинского царства. В надписях римского времени, обнаруженных в самом городе, определение Κίανός отмечено пять раз²²⁹, а производное от нового названия полиса отсутствует вообще. В свою очередь, Προυσιάς как указание на происхождение погребенной встречается в Аттике лишь однажды (IG. II² 10117)²³⁰.

В том, что подобная самоидентификация отнюдь не была случайной, убеждают последующие события из истории города: его повторное переименование в Киос, зафиксированное на монетах времени императора Клавдия, где появляется легенда ΚΙ ΑΝΩΝ²³¹.

Таким образом, если расценивать стремление граждан Киоса/Прусиады-Приморской употреблять в частных и официальных надписях эллинистического и римского времени, а затем и на монетах прежнее, «историческое» название полиса как показатель существования некоей «фронды», имеющей, разумеется, чисто символическое значение, но все же направленной против Вифинской монархии, то появляются основания полагать, что гражданский коллектив полиса не был создан Прусием заново. Видимо, значительное количество коренных кианийцев осталось жить в родном городе и после его подчинения Вифинии и переименования и продолжало хранить память о его независимом прошлом (особенно показательны в этом отношении, разумеется, надписи с поли-

²²⁹ Die Inschriften von Kios. № 16 A4; 37 стк. 1; 32 сткк. 2–3; 77 стк. 2; 81 стк. 10. Кроме того, в стк. 3 надписи № 13 содержится упоминание Κίανών πόλεως.

²³⁰ И она, и один из приближенных Прусия II, упомянутых в надписи OGIS 341 (стк. 14), могли происходить и из Прусиады-на-Гипии.

²³¹ Сюжет об этом переименовании Прусиады-Приморской специально рассмотрен английским нумизматом К. Соммер (Sommer K. Cius or Prusias? // NC. Vol. 156. 1996. P. 149–155). Ее конечный вывод таков: «Греческие города могли делать программные заявления относительно своих истории, статуса, самопонимания не только выбирая определенные монетные типы, но и избирая свои имена так, как это соответствовало осознаваемой ими идентичности» (P. 155).

сонимом «кианиец», относящиеся к эпохе эллинизма). Можно констатировать, что эта «архаизация» имела очевидный политический подтекст, а по своему значению и направленности она вполне может быть сопоставлена с учреждением «городской» *эры* в Никее.

Отличие положения Прусиады-Приморской от других полисов Вифинии состояло в том, что она после прекращения существования независимого Вифинского царства в течение нескольких десятилетий пребывала под властью последних представителей вифинской и понтийской царских династий — цариц Орсабарис и Ородалтис (см. гл. V, § 1)²³². В целом же судьба Киоса имела много общего с судьбой расположенной неподалеку от него *Мирлеи*, вошедшей в состав Вифинского царства под именем *Апамеи*. Вероятно, это во многом было следствием того, что Киос и Мирлея были завоеваны Прусием I при помощи Филиппа V Македонского примерно в одно и то же время и при сходных обстоятельствах (хотя захват Мирлеи, судя по всему, не сопровождался такими жестокостями, как подчинение Киоса). Как уже отмечалось в соответствующем месте монографии, источники не дают полной ясности в вопросе о том, кто повторно основал полис под именем Апамен — Прусий I (Strabo, XII, 4, 3; Hermyr. I:HG III, F. 72) или его внук Никомед II (Steph. Byz., s. vv. Ἀπάμεια, Μύρλεια); первый вариант, очевидно, выглядит более вероятным.

Подобно Киосу, Мирлея после реорганизации Прусием I, судя по всему, не восприняла сколько-нибудь значительного количества иегреческого этнического элемента. С большей или меньшей степенью уверенности можно считать уроженцем именно этого, а не другого одноименного города, апамейца Диазельмия, офицера на египетской службе, похищенного с родины пиратами (SEG VIII № 497) (в пользу этого свидетельствует несомненно фракийский характер имени). Другие туземные ЛИ обнаружены на хоре Апамен и датируются, вероятнее всего, римским временем²³³. В над-

²³² Крайне маловероятно, что Орсабарис была назначена на пост правительницы Прусиады-Приморской ее отцом Митридатом Евпатором, как это считает К. Соммер (Ibid. P. 152). В 63 г. она была проведена в Риме в триумфе Помпея (App., Mithr., 117) и, разумеется, могла вернуться в Азию только по инициативе римлян.

²³³ Die Inschriften von Apameia. № 9, 36, 48.

писях, обнаруженных в самом городе, указание на гражданство, выраженное полисонимом Ἄπαμειος, встречается один раз²³⁴, а прежнее имя полиса не фигурирует вообще. Тем не менее в письменной традиции некоторая неясность по вопросу о двух названиях города все-таки существует. Так, Плиний сообщает, что в его время Апамея назвалась Мирлеей (NH, V, 143). Стефан Византийский, говоря об Апамее Вифинской, указывает, что ранее она носила название Мирлеи, и, наоборот, говорит, что Мирлея теперь называется Апамеей, но в обоих случаях приводит этникон Μυρλεαῖος (s. vv. Ἄπαμεια, Μύρλεια), в том числе говоря об известном враче Асклеиаде Мирлеанском (I v.)²³⁵. Весьма показательный материал дает и нумизматика: практически сразу после окончания Третьей Митридатовой войны и образования провинции Вифиния-и-Понт Апамея начинает чеканить монеты, на которых встречаются различные варианты легенды: ΑΠΑΜΕΩΝ, ΜΥΡΛΕΑΝΩΝ или «компромиссный вариант» — ΑΠΑΜΕΩΝ ΜΥΡΛΕΑΝΩΝ²³⁶. Разумеется, чеканка этих монет была осуществлена с санкции римских властей, и выбор легенды не противоречил их политическим установкам, при том, что Апамея была по завершении войны с Митридатом была вынуждена принять римскую колонию (Strabo, XII, 4, 3). В этом опять-таки видится некоторая аналогия с введением «проконсульской» эры: римляне шли навстречу грекам в их стремлении декларировать традиционные полисные ценности за счет выбора как монетных типов, так и имен своих городов²³⁷, чего они, разумеется, были лишены в период существования суверенного Вифинского царства. При этом приоритет в акции «обратного переименования» принадлежал именно Апамее, так что граждане Прусиады-Приморской спустя восемьдесят с лишним лет могли последовать примеру жителей близлежащего полиса.

В случае с Киосом и Мирлеей, как видно, Прусий I должен был считаться с прежним населением греческих общин, не желавших полностью отказываться от своего прошлого. Очевидно, иная ситуация складывалась при основании новых городских центров:

²³⁴ Ibid. № 55. Название самого города Апамен содержится в трех надписях: CIG 3743; CIL III 335; CIL III Suppl. 1, 6992.

²³⁵ О его жизни и деятельности см.: *Polito R. On the Life of Asclepiades of Bithynia // JHS. Vol. 119. 1999. P. 40–66.*

²³⁶ См. об этих монетах: *Recueil. P. 249–251.*

²³⁷ *Sommer K. J. Cius or Prusias? P. 154.*

в этих случаях вифинский монарх был меньше скован какими-либо ограничениями и мог определять их устройство, сообразуясь главным образом с собственными интересами. Первым из городов, который был создан Прусием почти «на пустом месте», стал, скорее всего, *Вифинион*, располагавшийся на месте современного г. Болу. Ранее высказывались предположения, что основание Вифиниона маркирует расширение вифинской территории на восток во время правления Никомеда I²³⁸ или Зиэла²³⁹. Ныне предполагается, что вифинский контроль над территорией, где был заложен Вифинион, был установлен ок. 198–196 гг. и сохранялся вплоть до поражения в Первой вифинской войне в 183 г.²⁴⁰, однако нижняя граница выглядит довольно умозрительной: никаких надежных подтверждений этой даты не существует. Гораздо более вероятным выглядит тот факт, что Вифинион был основан в качестве плацдарма для подготовки кампании против Гераклеи Понтийской²⁴¹, и такое допущение позволяет высказать предположения, во-первых, о времени его основания (несколько ранее 190 г.) и, во-вторых, о его возможном статусе как военной колонии, не обладавшей первоначально полисными правами. Последнее может получить некоторое косвенное подтверждение в информации Павсания о том, что первоначально Вифинион был основан аркадянами из Мантинеи (VIII, 9, 7). Привлекая аналогию из истории Nikei, допустимо предположить, что на месте Вифиниона находилось какое-то поселение греческих военных колонистов, основанное, возможно, в ходе войн диадохов²⁴², но этот вопрос следует пока оставить открытым. Совершенно неясно также, как и когда Вифинион приобрел полисный статус, если сначала он действительно был лишь военным поселением.

Никаких материалов эллинистического периода из Вифиниона не сохранилось. Наиболее информативным оказалось посвящение римского времени, в стк. 5 которого издатель надписи Ф. К. Дер-

²³⁸ Jones A. H. M. *The Cities...* P. 150.

²³⁹ Meyer Ed. *Bithynia*. Sp. 517; Meyer Ernst. *Die Grenzen...* S. 112.

²⁴⁰ Cohen G. *The Hellenistic Settlements...* P. 395.

²⁴¹ Die Inschriften von Kladiu polis. S. 1.

²⁴² Ср.: Magie D. *Roman Rule...* Vol. II. P. 1190; Dörner F. K. Bericht über eine Reise in Bithynien / Österreichische Akad. d. Wissenschaften. Phil.-Hist. Klasse. Denkschriften. Bd. 75. Abh. 1. Wien, 1952. S. 32; Robert L. *A travers l'Asie Mineure*. P. 135–137.

нер предлагал чтение $\gamma\epsilon\rho\omicron\upsilon\sigma\iota\alpha\iota$ ²⁴³, что было изменено Л. Робером на $\Pi\rho\omicron\upsilon\sigma\iota\alpha\iota$ ²⁴⁴. Тем самым французский эпиграфист получил доказательство того, что основателем Вифиниона был Прусий I, а К. Штробель предположил, что это мог быть его сын²⁴⁵. Первый вариант, пожалуй, выглядит более вероятным, так как в данном случае основание Вифиниона совпало бы по времени с периодом экономического и политического подъема Вифинии.

Судя по указанному посвящению, в честь Пруссия как основателя города в Вифинионе был учрежден его культ. Это первый относительно надежный пример такого рода, свидетельствующий о героизации греками представителей вифинской династии. Существуют другие свидетельства того, что именно Прусий пользовался в этом полисе особым уважением: в надписях зафиксировано три случая упоминания этого ЛИ, причем один раз — в форме женского имени $\Pi\rho\upsilon\sigma\iota\acute{\alpha}\varsigma$ ²⁴⁶. Особенно любопытно упоминание Пруссия, сына Архедема, который в числе других сограждан был агонифетом и гимнаснархом в своем полисе²⁴⁷: это, как кажется, довольно близкая параллель надписи из Мизии Абреттены, где говорится о проведении игр, агонархами которых были представители «рода Эизла»²⁴⁸.

Выглядит вполне закономерным, что в Вифинионе, городе, расположенном вдалеке от морского побережья, где существование более раннего греческого поселения представляется спорным, процент этнических вифинцев в составе гражданского коллектива должен был быть более высоким. Действительно, помимо имени Прусий в самом городе зафиксированы туземные ЛИ $\Pi\alpha\pi\lambda\alpha\nu\acute{o}\varsigma$, $\Delta\iota\lambda\eta\varsigma$ и $\Pi\alpha\pi\theta\acute{o}\upsilon\lambda\omicron\upsilon$ (Gen.)²⁴⁹, а в округе города также довольно многочисленны надгробия с фрако-вифинскими и анатолийскими антропонимами.

При императоре Клавдии Вифинион был переименован в Клавдиополис (Dio Cass., LXIX, 11, 12), хотя порой в источниках появляется его прежнее название (Plin., NH, V, 149) (для

²⁴³ Dörner F. K. Bericht über eine Reise... № 81.

²⁴⁴ Robert L. A travers l'Asie Mineure. P. 130.

²⁴⁵ Strobel K. Galatien und seine Grenzregionen. S. 44.

²⁴⁶ Die Inschriften von Klaudiu polis. № 61, 122; женское имя Пруссия — № 114.

²⁴⁷ Ibid. № 61, сткк. 9–10.

²⁴⁸ Ibid. № 132.

²⁴⁹ Ibid. № 61, стк. 15.

Плиния, как свидетельствуют приведенные выше ссылки, вообще характерна тенденция к «архаизации» названий вифинских городов). Л. Робер считает имя Вифинион «проявлением вифинского национализма»²⁵⁰, с чем, на мой взгляд, сложно согласиться: едва ли этой цели могло служить наименование небольшого и, видимо, малозначительного городка. К тому же, как было показано в гл. I, § 2, мифологическая генеалогия вифинов, переданная Стефаном Византийским и Аппианом, вряд ли может рассматриваться как «официальная версия» происхождения народности, признанная при никомедийском дворе, поскольку она связана скорее с европейской ветвью вифинов.

Вероятно, ок. 190 г., после основания Вифиниона и до похода Прусия I против Гераклеи, в состав Вифинского царства вошел Киер, получивший новое название *Прусиада-на-Гипии*²⁵¹. Первый период вифинского господства над Киером пришелся на самый конец царствования Зипойта и начало правления Никомеда; он оказался коротким и не оставил в истории города заметных следов. После же подчинения Киера Прусием I в его внутренней организации, насколько можно судить по довольно немногочисленным данным (к сожалению, исключительно римского времени), произошли довольно серьезные изменения.

Фраза В. Амелинга о том, что Киер «был основан как греческий город и оставался таковым даже после включения в состав Вифинского царства»²⁵², пожалуй, нуждается в некотором уточнении. Дело в том, что в надписях этого города 12 (!) раз упоминается существование филы Прусиады²⁵³, что может служить надежным

²⁵⁰ Robert L. A travers l'Asie Mineure. P. 131.

²⁵¹ Непонятной кажется логика Г. Коэна, полагающего, что новое основание города «имело место между началом войны против Гераклеи в первом десятилетии II в. и смертью Прусия в 183 г.» (Cohen G. The Hellenistic Settlements... P. 406): на мой взгляд, оно произошло раньше первой даты. В источниках Прусиада-на-Гипии иногда оказывается спутана с Прусиадой-Приморской (Metrn., F. 28, 6–7) или с Прусой-Олимпийской (App., Mithr., 77; Ptol., V, 1, 3). О других проблемах, связанных с наименованием полиса, см.: Cohen G. The Hellenistic Settlements... P. 407. Note 2.

²⁵² Die Inschriften von Prusias-ad-Hypium. S. 12.

²⁵³ Ibid. № 1 стк. 20; 2 стк. 17; 3 стк. 21; 4 стк. 16; 5 стк. 20; 6 стк. 22; 7 стк. 20; 8 стк. 26; 10 стк. 20; 11 стк. 23; 13 стк. 19; 14 стк. 22. Заслуживает внимания название еще одной филы — Мегарида.

основанием для вывода о существовании культа Прусия как основателя города и в этом полисе. Кроме того, только в Прусиаде-на-Гипии, как и в Вифинионе, засвидетельствовано употребление личных имен Прусий и Прусиада²⁵⁴. Туземный ономастикон Прусиады-на-Гипии представлен также именами Βυβῆς²⁵⁵, Ἀπφοῦτιανός²⁵⁶, Ἀπφου (Сен.)²⁵⁷. Особенно распространено среди местной элиты было ΛΙ Παπλιανός, встречающееся здесь 14 (!) раз²⁵⁸; вероятно, многие из граждан, носившее это имя, были родственниками. Все это позволяет говорить о довольно значительном влиянии собственно вифинского этнического окружения на гражданский коллектив полиса, которое, видимо, дополнялось существованием религиозно-идеологического воздействия со стороны монархии (существование культа царя).

Таким образом, в исторических судьбах Вифиниона и Прусиады-на-Гипии выявляется немало общих черт, порожденных, видимо, как географическим фактором (их территориальная близость между собой и удаленность от моря), так и сходными обстоятельствами, при которых оба полиса вошли в состав Вифинии.

О положении Тиоса в составе Вифинского царства ничего не известно. Он наряду с Киером в течение короткого времени был подчинен Вифинии при Зипойте, а затем возвращен Никомедом I Гераклеем. Показательно, что в начале III в. — сначала еще в период правления в Геракле Амастрии, а затем, скорее всего, после гибели Лисимаха — Тиос демонстрировал некоторые тенденции к независимости. В дальнейшем полиса положение во многом определялось притязаниями на господство над ним со стороны Вифинии, Гераклеи, Понта и Пергама, что особенно ярко проявилось во время Понтийской войны. От других городов, завоеванных и

²⁵⁴ Ibid. № 12 стк. 40 и № 91 стк. 31 соответственно.

²⁵⁵ Ibid. № 6 стк. 21.

²⁵⁶ Ibid. № 2 стк. 16; 6 стк. 21; 7, I стк. 30. Это, разумеется, романизованная форма распространенного анатолийского ΛΙ.

²⁵⁷ Ibid. № 33 стк. 7.

²⁵⁸ Ibid. № 2 стк. 26; 4 стк. 17; 6 стк. 25; 7, I стк. 29; II стк. 30; 10, I стк. 30 (2 случая); 11, II стк. 27, 33 (2 случая); 17 сткк. 4 и 28 (упоминается одно и то же лицо); 28 стк. 10; 47 стк. 19; 55 стк. 6. Данный антропоним тоже является не чисто малоазийским, а возникшим в результате эллинизации и латинизации местных языковых элементов (*Zgusta L. Kleinasiatischen Personennamen. S. 414*).

иную основанных Прусием I, Тиос отличает то, что он сохранил свое исконное название; это, как кажется, можно объяснить тем, что оно было образовано от имени вифинского божества (см. подробнее гл. I, прим. 76). Любопытно, что в римское время на Боспоре отмечено присутствие двух уроженцев Тиоса (КБН 705, 732): вероятно, этот городок уже в эллинистическое время стал связующим звеном между Вифинией и государствами понтийского бассейна. Возможно, эти связи не обрели значительной интенсивности именно потому, что возможности Тиоса как морского порта были невелики.

Пожалуй, наибольшее количество загадок связано с историей *Пруссы-Олимпийской*: неясным остается и происхождение названия города, и время его основания, и целый ряд связанных с ним эпизодов. Не следует упускать из виду, что местный уроженец Дион Хризостом называет Пруссу небольшим²⁵⁹ и не так давно основанным городом (Ог., XLIV, 9). Отчасти и поэтому, как уже не раз отмечалось выше, попытки возводить основание этого города к некоему царю Пруссию, жившему в VI в. и воевавшему либо с Крезом (Strabo, XII, 4, 3), либо с Киром (Steph. Byz., s. v. Προῦσα), абсолютно необоснованны: закладку этого города следует связывать с деятельностью Прусия I, как об этом говорит, например Цец (искажив текст Арриана — Bithyn., F. 63 Roos). Впрочем, надпись, которую ранее трактовали как свидетельство основания Пруссы этим царем, сейчас признана подделкой²⁶⁰; неясным остается и тот грамматический принцип, в соответствии с которым было образовано название полиса, отличающееся от дважды засвидетельствованного Προῦσιάς²⁶¹. Никакой достоверной информации о ктисе полиса не могут сообщить и его монеты²⁶².

Неудивительно, что в такой ситуации вопрос о точном времени основания Пруссы не имеет однозначного разрешения. Не-

²⁵⁹ Ср. Steph. Byz., s. v. Προῦσα... πόλις μικρά.

²⁶⁰ Preuner E. Aus alten Papieren // Ath. Mitt. Bd. 46. 1921. S. 24.

²⁶¹ Это основной аргумент в аргументации Т. Корстена: Die Inschriften von Prgusa ad Olympum. T. 1. № 1. S. 21–25.

²⁶² Два изображения на монетах римского императорского времени не поддаются сколько-нибудь надежной идентификации. Детальное рассмотрение этого вопроса представляется здесь излишним; см. основные выводы: Leschhorn W. «Gründer der Stadt». S. 282; Cohen G. The Hellenistic Settlements... P. 403. Note 1.

сколько странно, правда, выглядят попытки определить его с точностью до года: в частности, абсолютно произвольными кажутся попытки датировать закладку города 184 г.²⁶³: представляется, что Пруссию I, терпевшему в это время неудачи в борьбе с Эвемном II, было вряд ли возможно основать город на территории, вифинский контроль над которой был установлен совсем недавно (а в ходе войны мог быть уже и потерян). Более обоснованными выглядят точки зрения, согласно которым Пруса была заложена несколько раньше — ок. 190 г.²⁶⁴ или в первой половине 180-х гг.²⁶⁵

Особый интерес представляет декрет из Прусы в честь царского эписмата Мениска²⁶⁶. Датировка документа зависит от решения двух вопросов: 1) как все-таки следует читать плохо сохранившееся обозначение года; 2) по какой эре ведется счет лет в первой строке этой надписи (тем самым вновь поднимается вопрос об употреблении в Вифинии царской и городской эр). Если считать, что в документе употреблена именно датировка по вифинской городской эре, и принять наиболее вероятное прочтение года создания надписи как [ἔτους ἑκατοστοῦ καὶ δεκάτου (110 г. виф. гор. э. = 172 г.)²⁶⁷, получается, что полис уже существовал к данному времени. Это находит подтверждение в сообщении Плиния Старшего о том, что Пруса была якобы заложена Ганнибалом (NH, V, 148)²⁶⁸, который, как известно, прибыл в Вифинию вскоре после 188 г. Достоверность данного сообщения косвенно может быть подтверждена указаниями на то, что Ганнибал (очевидно, до Вифинии) посетил еще и Армению, где основал для царя Артаксия город Артаксату (Strabo, XI, 14, 6; Plut., Luc., 31): оче-

²⁶³ Holleaux M. Études d'épigraphie... Т. II. P. 114–116; Robert L. Études anatoliennes. P. 231–233.

²⁶⁴ Recueil. P. 212.

²⁶⁵ Sölch J. Bithynische Städte... S. 156. Anm. 1.

²⁶⁶ Основные работы: Robert L. Études anatoliennes. P. 228–235; Die Inschriften von Prusa ad Olympum. Т. 1. № 1. S. 7–10.

²⁶⁷ Заслуживает внимания восстановление, предлагаемое Дж. Витуччи: [ἔτους ἑπτακαίδεκάτου ἑκατοστοῦ] (Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 60–63), дающее при отсчете лет по царской эре тот же 181/180 г.

²⁶⁸ Д. Маги (как кажется, безосновательно) отвергает факт причастности Ганнибала к основанию Прусы, которое он относит к периоду вскоре после 202 г. (Madie D. Roman Rule... Vol. II. P. 1187).

видно, великий пуниец на последнем этапе своей карьеры проявил себя и как градостроитель²⁶⁹.

Если же считать, что датировка надписи дана по вифинской царской эре, начинающейся на 15 лет раньше, то составление декрета приходится на 187/186 г., а сообщение Плиния несколько «повисает в воздухе», поскольку на предполагаемую деятельность Ганнибала в Армении остается слишком мало времени²⁷⁰; таким образом, появляются, казалось бы, некоторые основания в пользу того, чтобы искать у введения «городской эры» в Прусе некие причины, сходные с теми, о которых говорят К. Штробель и другие исследователи, считающие ее связанной с «вифинской экспансией» конца 280-х гг. (см. выше, с. 471). Вместе с тем крайне странным было бы употребление в Прусе этого времени системы летоисчисления, берущей начало в Никее, причем в декрете в честь царского чиновника! Поэтому употребление в прусийском декрете датировки по царской эре кажется наиболее вероятным; при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что оно нисколько не противоречит указанию на причастность Ганнибала к основанию Прусы. Уже давно высказывалось мнение, что на месте этого города ранее существовало другое, менее значительное поселение, возможно, не имевшее первоначально полисного статуса²⁷¹. Подтверждение этому дают и найденные в окрестностях города для рельефа, датируемые предположительно III в.²⁷² Пруса, будучи основана как полис Прусием I в конце 190-х — первой половине 180-х гг., несомненно, должна была служить форпостом и планируемой им войне против Пергама²⁷³, так что какая-то деятельность Ганнибала, сыгравшего в этом конфликте самую замет-

²⁶⁹ Wilson D. R. The Historical Geography... P. 458; Кораблев И. Ш. Ганнибал. М., 1976. С. 319; Cohen G. The Hellenistic Settlements... P. 403.

²⁷⁰ Этот момент исследователями обычно игнорируется; см., например: Habicht Ch. Prusias (1). S. 1103–1104.

²⁷¹ Tscherikower V. Die hellenistischen Stadtgründlagen... S. 49.

²⁷² Pfuhl E., Möbius H. Die Ostgriechischen Grabreliefs. Bd. I. № 947; Bd. II. № 1278 (SEG XXIX № 1272).

²⁷³ Напрашивается аналогия с основанием Прусием I Вифиниона как опорного пункта в подготовке агрессии против Гераклеи. Кажется, именно такую роль Пруса выполняла в ходе Второй Вифинской войны: именно туда вернулось войско Прусия II после начального этапа кампании (Robert L. Études anatoliennes. P. 112–115).

ную роль, в данной связи вполне вероятно. Видимо, именно благодаря ему город и приобрел большее значение (о чем и говорит Плиний).

Декрет в честь Мениска важен и тем, что раскрывает некоторые детали взаимоотношений между полисом и центральной властью. Прежде всего, заслуживает упоминания в тексте совета и народа полиса, от лица которых и принят документ (F. A, стк. 1). Показательно и назначение в город специального царского чиновника эпистата, причем находился он в Прусе уже в течение определенного времени (F. A, стк. 5). Исходя из общих соображений, кажется вполне логичным, что эпистат как представитель монархии присутствовал в городе именно в начальный период его существования, когда было необходимо наладить нормальное функционирование всех административных и хозяйственных структур.

Видимо, Мениск, сын Зе(н?)обродия, оказывал гражданам какие-то услуги, на что указывает упоминание задолжавших ему граждан (F. A, стк. 9), которым он, видимо, простил долги (см. также упоминание неких выгод, вероятно, достигнутых благодаря Мениску — F. B, стк. 3). Отдельного упоминания заслуживает слово κτηρείας (F. B, стк. 8), основное значение которого — выполнение посольской миссии²⁷⁴; однако в данном контексте более уместным кажется другое понимание этого термина, связанное с организацией публичных торгов²⁷⁵, что заставляет отнести деятельность прусийского эпистата (по крайней мере, как она представлена в надписи) в основном к финансовой сфере, хотя, конечно, круг его полномочий был гораздо более широким²⁷⁶.

Несмотря на то что Пруса располагалась в глубине материка и не имела выхода к морю, в ней, в отличие от Вифинии и Киера, не было сколько-нибудь заметного процента негреческого населения: лишь в одной надписи III в. н. э. зафиксировано широко распространенное в Вифинии ЛИ Папарион²⁷⁷. В то же время список туземных имен на территории округа Прусы весьма обширен: он включает в себя 32 антропонима не только фрако-вифинского и малоазийского, но также иранского, пафлагонского и вообще не-

²⁷⁴ LSJ. P. 949.

²⁷⁵ Die Inschriften von Prusa-ad-Olympum. T. 1. S. 10.

²⁷⁶ Vitucci G. Il regno di Bitinia. P. 124.

²⁷⁷ Die Inschriften von Prusa ad Olympum. T. 1. № 150.

ясного происхождения²⁷⁸. Разумеется, здесь сыграло свою роль расположение города на пограничной территории, этнический состав населения которой был чрезвычайно сложным.

Никаких данных об истории Прусы в эллинистическое время, к сожалению, практически не сохранилось. После Третьей Митридатовой войны, войдя в состав римской провинции, город, по словам Страбона, обладал прекрасным государственным устройством (XII, 4, 3). В дальнейшем он являлся значительным экономическим центром римской провинции, Византийской и Османской империй, а в настоящее время Бурса, преемница Прусы-Олимпийской, является одним из крупнейших городов Турции.

Подводя итоги достижениям Прусия I в сфере основания новых городов, включения старых греческих центров в состав царства и их реорганизации, а также и его филэллинской политике в целом, следует отметить, что связи этого монарха с греческим миром были чрезвычайно сложными и многообразными. Ему удалось, не останавливаясь перед применением военной силы, организовать оптимальное использование экономического, демографического, а также, быть может, и военного потенциала эллинских полисов в рамках своего государства. При этом он демонстрировал умение извлекать из отношений с эллинами непосредственную политическую выгоду, не ущемляя без необходимости их интересов. В частности, как одно из проявлений филэллинизма (претерпевшего, впрочем, весьма специфические модификации) можно расценивать его действия по организации системы взаимодействия между центральной властью и полисами, которые оставляли возможности для организации диалога даже в таких случаях, как, например, с Киосом. Свободы греческих общин в Вифинском царстве, разумеется, были ограничены, но едва ли случайно отсутствие каких-либо свидетельств о попытках прямого противостояния полисов вифинским монархам. Грекам оставалась лишь возможность организации «морального сопротивления», которое проявлялось в введении «городской» эры, использовании прежних обозначений гражданства и т. д.

Из преемников Прусия I никто не вел столь активной градостроительной политики, и это обстоятельство вполне объяснимо. Вифиния миновала пик своего политического развития, а с прекра-

²⁷⁸ См. перечень: Die Inschriften von Prusa ad Olympon. T. II. Index 1b. Personennamen, kleinasiatisch und thrakisch. S. 196.

щением территориального роста государства естественным образом отпала необходимость в основании новых городов для установления политического и экономического контроля над вновь приобретенными землями. Поэтому с большей или меньшей степенью уверенности можно говорить лишь об одном городе, созданном вифинскими царями после Прусия I. Речь идет об *Эпифании* в Вифинии (St. Byz., s. v.), которую, исходя из самого названия, следует считать основанием Никомеда II Эпифана²⁷⁹. Об этом населенном пункте больше нет никакой информации, что, вероятно, не случайно: едва ли это был значительный административный и экономический центр. Можно высказать предположение о регионе, где его следует локализовать, поскольку есть основания считать, что единственное территориальное приращение было совершено Никомедом II после подавления восстания Аристоника где-то в районе Мизии, на западных рубежах царства (см. подробнее гл. IV, § 2). Если допустить, что Эпифания была основана именно здесь, кажется более понятным сообщение того же Стефана Византийского об основании Мирлеи-Апамеи Никомедом II (s. vv. Ἀπάμεια, Μύρλεια): Мирлея расположена недалеко от Мизии, и Стефан или его источник могли допустить смешение информации между новым названием этого полиса и областью, в которой был расположен основанный Никомедом Эпифаном город.

Наконец, нужно упомянуть еще два населенных пункта Вифинии, которые могут считаться основаниями эллинистического времени. Первый из них, правда, никак не связан с градостроительной деятельностью самой вифинской династии, но может иметь отношения к истории Вифинии. Имеется в виду Эллинополис, о котором в источниках имеется только два сообщения. Первое из них связывает основание города с кем-то из представителей пергамского царского дома: «Аттал, собрав жителей из эллинских городов, основал город и назвал его Эллинополисом» (Etym. Magn., s. v. Ἐλληνόπολις = Apollod., FGtH, 244, F. 77). Стефан Византийский определяет отношение Эллинополиса к Вифинии: «Эллинополис, город Вифинии. После повторного заселения (μετὰ τὸν ἀνοικισμὸν²⁸⁰) Бисалта». Если считать, что речь идет об одном и

²⁷⁹ Tschirikower V. Die hellenistischen Stadtgründungen... S. 50; Cohen G. The Hellenistic Settlements... P. 397.

²⁸⁰ Для глагола ἀνοικίζω одно из значений по словарю LSJ — resettle, colonize afresh (P. 146); соответственно ἀνοικισμός — повторное заселение.

том же городе, то с учетом неопределенности западных рубежей Вифинии вполне возможной выглядит локализация этого населенного пункта где-то на мизийско-вифинском пограничье. Из возможных основателей Эллинополиса наиболее вероятной кажется фигура Аттала II²⁸¹. Возможно, что название, связанное с наименованием фракийского племени, следует как-то соотносить с его кампанией во Фракии против Диегила (ок. 145 г.?)²⁸², но ничего более конкретного по этому вопросу сказать нельзя.

Никополис в Вифинии упоминается Плинием Старшим (V, 150) и Стефаном Византийским (s. v.). Судя по названию, этот город мог быть основанием эллинистического времени, но больше о нем ничего не известно.

Таким образом, подводя итоги градостроительной деятельности вифинской династии, можно охарактеризовать ее как весьма сложный и многоплановый феномен, важную составную часть филаэллинской политики вифинской династии в целом. Она могла преследовать в зависимости от специфики момента различные цели: освоение новых территорий и установление над ними политико-административного контроля, овладение выгодными торговыми путями, развитие экономического, демографического и культурного потенциала страны за счет привлечения во вновь созданные полисы эллинских поселенцев. Почти все основания полисов вифинскими царями оказались исторически успешными предприятиями: новые центры сохраняли свое значение в рамках не только независимого Вифинского царства, но и Римской державы и даже в последующие эпохи.

Несмотря на довольно неблагоприятное «наследие» в отношениях с греками, сложившихся еще в доэллинистическое время, а также на периодические конфликты с эллинскими соседями, вифинские монархи вели в целом довольно гибкую филаэллинскую политику, вполне отвечавшую требованиям своего времени. То же можно сказать и про отношение вифинской монархии к полисам,

²⁸¹ Hansen E. The Attalids... P. 178. Никаких сведений о территориальных приращениях Пергама за счет Вифинии при Аттале II, как отмечает Й. Хопп, действительно, не существует (Hopp J. Untersuchungen... P. 102. Anm. 236), однако теоретически можно допустить их вероятность в начале правления Никомеда II, который мог расплатиться землями в спорной области за помощь, оказанную Атталом при его воцарении.

²⁸² См. об этом походе Аттала: Hopp J. Untersuchungen... S. 96–98.

входившим в ее состав. Хотя последние и были лишены права на ведение самостоятельной внешней политики (что совершенно типично и для других эллинистических монархий), для их развития как центров экономики, науки и культуры в составе Вифинского царства не существовало серьезных препятствий. Уроженцами Вифинии эллинистического времени были медик Асклепиад, географ Гиппарх из Никеи²⁸³, грамматик Асклепиад Никейский (ученик Аполлония Родосского), его тезка из Мирлен/Апамен, историк и филолог, литераторы Демосфен Вифинский и Парфений из Никеи²⁸⁴. Характерно, что все они были гражданами тех или иных вифинских полисов (так же, как и приближенные Прусия II в надписи из Аптер). Но существует по крайней мере один пример активной деятельности в сфере культуры и этнического вифинца — известного скульптора Дидалса, автора скульптурного изображения Зевса Стратия (Arr., Bithyn., F. 20 Roos = Eustath. ad Dionys., 793, p. 355, 44) и знаменитой статуи Афродиты (Plin., NH, XXXVI, 15)²⁸⁵. Тем самым вифинские полисы в полной мере сыграли роль очагов культуры и искусства не только в своей стране, но и в эллинистическом мире в целом.

²⁸³ См. краткую информацию о его научных взглядах: *Щеглов Д. А.* Географическая концепция Гиппарха Никейского: перспективы реконструкции // Жебелевские чтения — III. Тезисы докладов научной конференции 29–31 октября 2001 г. СПб., 2001. С. 39–43.

²⁸⁴ См. о них: *Vitucci G.* Il regno di Bitinia. P. 129.

²⁸⁵ О его творчестве см.: *Corso A.* Nicomede I, Dedalsa...; *Moreno P.* Scultura ellenistica. Vol. I. P. 221–224. Разумеется, не такого высокого уровня мастером был скульптор и резчик Садал (Die Inschriften von Arameia. № 117).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог рассмотрению истории Вифинии на протяжении примерно тысячелетнего периода (кон. II тыс. — I в.), следует прежде всего отметить, что далеко не все моменты ее развития были одинаковы по интенсивности и динамичности развития. Только в эллинистическую эпоху Вифиния действительно становится *государством*, и лишь с этого времени, пожалуй, она занимает сколько-нибудь заметное место в процессах политической, экономической и социальной эволюции античного мира. Несмотря на это, более ранние периоды ее истории должны рассматриваться как составные части единого целого, во многом предопределившие своеобразие дальнейшего развития страны.

Вифинское царство складывалось на территории, которая служила естественным связующим звеном между двумя материками, что стало причиной многочисленности в этом районе различных этнических передвижений и миграций, направленных, как правило, из Европы в более плодородную Азию: «протовифины»-стримоняне в конце II тыс., собственно фракоязычные вифины ок. 1000 г., фракийцы-треры (VII в.), колонизационные предприятия греков (преимущественно мегарцев) на протяжении VIII—VI вв., и, наконец, вторжение в Анатолию кельтов-галатов в 278/277 г. Все эти события сформировали исключительно сложный и многообразный этнический облик Вифинии и существенно повлияли на дальнейший ход ее истории.

Истоки становления Вифинии как эллинистической монархии следует искать в более ранние эпохи, когда делались первые шаги к укреплению вифинской государственности и закладывались основы внешнеполитического курса, окончательно сформулированного и более или менее успешно реализованного вифинскими династиями к последней трети IV в. На протяжении всего доэллинистического времени лейтмотивом политики правителей Вифинии оставалось стремление к независимости от какого-либо

внешнего давления, что, будучи усилено особенностями геополитического положения страны, привело ее к некоторой изоляции от основных процессов политического и экономического развития Восточного Средиземноморья.

Главным содержанием этого периода следует признать борьбу Вифинии с близлежащими эллинскими полисами за территории, богатства и, быть может, выход к морю, которая оставалась ведущим фактором ее внешней политики и в раннеэллинистическую эпоху.

Зипойту I удалось, воспользовавшись крушением Персидской империи и благоприятным раскладом сил на международной арене, начать активную экспансионистскую политику и установить в северо-западной Малой Азии новый баланс сил, основанный на успешном противостоянии Вифинии диадохам и независимым греческим городам. Достигнутое Зипойтом значительное военно-политическое усиление Вифинии явилось необходимой предпосылкой для ее оформления как эллинистической монархии, но не завершило этого процесса. Говорить о переходе вифинского общества на более высокую ступень государственно-политической организации можно только применительно к периоду правления Никомеда I и Зиэла. К концу царствования последнего и с приходом к власти Прусия I было бесповоротно покончено с факторами внешней и внутренней нестабильности, время от времени угрожавшими самому независимому существованию Вифинии. В правление Никомеда I и Зиэла были ликвидированы также прежняя замкнутость и изолированность Вифинии от других областей Малой Азии и Эгеиды. Эти цари развернули активную дипломатическую деятельность и установили союзнические отношения с тремя великими эллинистическими державами, подкрепив их и в политико-правовой сфере.

На протяжении 270–230-х гг. Вифиния ориентировалась на приобретение новых территорий и закрепление в стратегически важных районах Анатолии, но определенный разрыв между действиями Никомеда и его сына, определявшийся, видимо, различным пониманием стоявших перед страной политических и экономических задач, не позволил добиться больших результатов и вывести страну на лидирующие позиции в регионе. Ведущую роль среди малоазийских государств на долгое время закрепило за собой Пергамское царство, ставшее главным соперником Вифинии.

Прусий I, использовав достижения своих предшественников, сумел привести Вифинию к состоянию наибольшего политического значения, когда-либо достигавшегося за всю ее историю. Хорошо продуманная в стратегическом и тактическом отношении военная политика и умелая дипломатия позволили ему добиться значительных результатов в наступлении на позиции эллинских городов северо-западной Анатолии и уклониться от конфронтации с Римом. Менее успешными были его действия против самых опасных врагов — пергамских царей Атгала I и Эвмена II. Неудача в борьбе с ними, а также усиление римского влияния на малоазийские дела вынудили его наследника Прусия II изменить методы достижения своих целей, сделать ставку почти исключительно на дипломатию, посредством которой он намеревался достичь благоволения Рима и создать наиболее выгодную обстановку для осуществления повторной агрессии против Пергама. Его государственная деятельность при всей показной верности интересам Рима все же сохраняла прежнюю направленность на приобретение Вифинией большего политического значения и в целом при всей неоднозначности носила самостоятельный характер.

Крах планов Прусия II привел Вифинию к практически полной утрате возможностей вести активную и независимую внешнюю политику, ярким примером чего служит правление Никомеда II Эпифана и Никомеда III Эвергета. Последний к концу царствования попытался было вернуть своему государству былую роль в Малой Азии, но борьба с Митридатом Евпатором показала полную несостоятельность этих замыслов. Никомед IV и вовсе был послушной марионеткой Рима.

Этот краткий очерк, суммирующий результаты проведенного исследования, несколько отличается от распространенных в историографии оценок внешнеполитических действий вифинских царей, где, с одной стороны подчеркивается их преемственность (в основном в средствах и методах), а с другой — чересчур резко акцентируется разрыв между государственной деятельностью «великих царей Вифинии» (до Прусия I включительно) и их последователей¹. Предлагаемый дифференцированный подход к

¹ *Meyer Ed.* Bithynia. Sp. 517—518; *SEHAW.* Vol. I. P. 567—570; Vol. II. P. 826—827; *Magie D.* Roman Rule... Vol. I. P. 311; *Kraay C. M., Davis N.* The Hellenistic Kingdoms. P. 257—264; *Harris B. F.* Bithynia.

политике каждого из вифинских монархов воссоздает картину сложную и, быть может, противоречивую, но все же, кажется, несколько более приближенную к реальности.

На протяжении IV—I вв. роль и место Вифинии в системе эллинистических государств — не только их международных отношений, но и в более широком, общеисторическом аспекте — определялись главным образом двумя факторами.

Это, во-первых, специфика Вифинии, сказывавшаяся в основном на ее внешней политике, — принадлежность к эллинистическим государствам «второго эшелона», так называемым малым монархиям. Она неизменно влияла на формирование внешнеполитического курса вифинских правителей, задавала масштаб и уровень целей, к которым они стремились, предопределяла особенности их деятельности на том или ином внешнеполитическом направлении.

Что же касается основных направлений внешней политики, то таковых на всем протяжении независимого существования Вифинского царства выделялось три. Первое из них было связано с необходимостью так или иначе противостоять притязаниям великих держав — империи Александра, государств диадохов, монархий Селевкидов, Антигонидов и Птолемеев, Рима. Второе направление задавалось борьбой с соседними малоазийскими государствами (прежде всего, Пергамом и Понтом) за спорные территории в Мизии, Великой и Малой Фригии. Наконец, немаловажное значение имели для вифинских правителей и взаимоотношения с греческим миром, включавшие в себя как агрессию в отношении эллинских колоний побережья Понта (Гераклея) и Пропонтиды (Византий, Калхедон, Киос, Мирлея), так и весьма активную филэллинскую деятельность.

В каждой из этих сфер приложения внешнеполитической активности вифинскими царями применялся комбинированный набор военных, дипломатических, пропагандистских средств, оказывавшихся, с их точки зрения, наиболее действенными в той или иной конкретной ситуации.

В эллинистическую эпоху Вифиния являлась неотъемлемым элементом системы международных отношений Средиземно-

Roman Sovereignty... P. 861; *Hannestad L.* «This Contributes in No Small Way...». P. 78, 83.

морья, и потому любые события ее истории были прямо или косвенно связаны с происходившими в этой структуре изменениями. Вифинское царство играло своеобразную и многоплановую роль в формировании и поддержании силового равновесия в римско-эллинистическом мире.

Оно служило наиболее активным элементом системы баланса сил северо-западной Малой Азии, где ее оппонентами выступали независимые греческие города, использовавшие поддержку друг друга и иных государств. Это динамическое равновесие, существовавшее в течение долгого времени, было нарушено усилиями Пруссия I. Вифиния занимала важную позицию в функционировании внутрианатолийского комплекса международных отношений, выступая наиболее последовательным противником Пергамского и Понтийского царств в периоды их резкого усиления, чреватого нарушением баланса политических сил на полуострове (или реально приводившего к нему, как в случае с Митридатовыми войнами). Наконец, Вифиния опосредованно влияла и на поддержание или смещение силового равновесия и в масштабе всего Восточного Средиземноморья, участвуя в борьбе великих держав между собой (или уклоняясь от нее), а на заключительном этапе своей истории превратившись фактически в буферное государство между Римом и Понтом.

Вторая особенность Вифинии должна быть расценена как имманентная черта эллинистического государства, которое сформировалось преимущественно на основе местных фрако-малоазийских элементов и потому избирательно воспринимало элементы греческой цивилизации и македонской государственности. Представляется допустимой несколько софистическая характеристика Вифинии как наиболее эллинизированного из наименее эллинизированных государств, поскольку еще М. И. Ростовцев и В. Тарн с полным основанием подчеркивали, что эллинизм пустил в Вифинии значительно более глубокие корни, нежели в соседних малоазийских монархиях² (даже при том, что эллинскому воздействию оказались подвержены по большей части только города и приморские области царства). Причину этого, быть может, следует видеть как в самом географическом положении Ви-

² Ростовцев М. И. Понт, Вифиния и Боспор // РИЖ. 1917. С. 114–115; Тарн В. Эллинистическая цивилизация. С. 161.

финии, с определенного времени способствовавшем различному по формам (в том числе и мирному) проникновению греков в страну (в отличие, например, от Великой Каппадокии), так и в том, что этнокультурное наследие Вифинии все же не было столь объемным и многообразным, как иранское, и потому местные правители не могли целенаправленно противопоставлять его эллинизму³. Роль архаических фракийских элементов в истории Вифинии не была столь значительной, как влияние исконных иранских начал на все стороны общественной жизни Понтийского или Каппадокийского царств, признаваемое ныне всеми исследователями. Особенно ярко это проявлялось в сфере идеологического обоснования царской власти и династической пропаганды, где претензии на родство с Ахеменидами имели приоритетное значение как для Митридатидов, так и для Ариаратидов⁴. Любопытно, что собственно персидский этнический элемент не был преобладающим в количественном отношении ни в Понте, ни в Каппадокии, но правящие династии этих государств эксплуатировали связанные с ним мотивы весьма умело и эффективно; вифинские же цари были лишены столь значительного источника для подпитки своего авторитета, и их пропагандистские акции такого рода должны были быть ограничены почти исключительно внутривосточной сферой (за исключением, быть может, гипотетически реконструируемых «панфракийских» устремлений Прусия II). С другой стороны, не столь мощным в Вифинии было и собственно эллинское политическое и культурное влияние, задававшее тон во внешней и внутренней политике Атталидов — постоянных конкурентов вифинской династии.

Тем не менее как во внутренней, так и во внешней политике вифинских правителей фрако-анатолийские традиции время от времени находили свое вполне конкретное и осязаемое выражение. Они проявлялись, прежде всего, в сохранении практики разделения страны между помогающимися верховной власти представителями царского дома в моменты династических кризисов, а также в существовании в стране сильной племенной аристо-

³ Cary M. A History of the Greek World... P. 98.

⁴ Panitschek P. Zu den genealogischen Konstruktionen der Dynastien von Pontos und Kappadokien // RSA. 1987–1988. Vol. XVII–XVIII. S. 73–95. P. 82–83.

кратии, имевшей определенные властные полномочия. Старые приоритеты фрако-анатолийского происхождения занимали, безусловно, главное место во всей государственной деятельности Зи-пойта; в них, возможно, следует видеть источник двух династических смут первой половины III в.; на них, как кажется, сделал ставку в конце своего правления и Прусий II. Наконец, каким-то образом юридически оформленная тенденция к разделу территории царства и переходу функций государственного управления к представителям высших слоев вифинского общества, судя по всему, реализовалась и на завершающем этапе независимого существования Вифинии — в период династических усобиц начала I в.

Именно «полуварварским» (при всей условности этого определения) характером Вифинской монархии можно объяснить и то особое положение, которое занимали в ее составе греческие полисы: их права в некоторых отношениях были ограничены более жестко, чем в государствах, возглавляемых греко-македонскими династиями. Вместе с тем отдельные представители династии (прежде всего, Никомед I, отчасти и Зиэл) были способны на весьма нестандартные шаги в установлении отношений с греками, причем некоторые из таких акций не имеют аналогов в истории других эллинистических государств. Греческие города Вифинии, как основанные представителями династии, так и прежде независимые, время от времени пытались апеллировать к традиционным полисным ценностям, основанным на понятиях свободы и независимости, но это «противостояние» центральной власти носило ограниченный и сугубо символический характер.

Начиная с середины II в., Вифиния становится государством, особенно активно ведущим филэллинскую политику в экономической, религиозной и культурной сферах, что, впрочем, может расцениваться как оборотная сторона почти полного отказа последних вифинских монархов вести независимый курс на международной арене в условиях неуклонного нарастания римского влияния.

В таких условиях, несомненно, сложный синтетический характер приобретают культура и искусство Вифинии, где все же греческий элемент всегда оставался преобладающим, вероятно, ввиду отмеченной выше ограниченности культурного потенциала собственно вифинского общества, достаточно рано к тому же познакомившегося с греками (хотя сначала преимущественно в

форме политического и военного противостояния). Что же касается религии эллинистической Вифинии, то она, как представляется, в основном эволюционировала в том же направлении, что и системы религиозных представлений в Малой Азии этого (а также и более позднего) времени в целом. Многие принципиально важные черты этого процесса могут быть объяснены через понятие синкретизма греческих, фракийских, малоазийских верований, однако источниковый материал явно недостаточно репрезентативен для того, чтобы проследить хотя бы основные черты этого процесса более детально.

Все вышесказанное позволяет заключить, что Вифинское царство представляло собой во многих отношениях поистине уникальный феномен, — как, впрочем, и практически любое государство эллинистического мира.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВИФИНСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА

Вифинские личные имена продолжают оставаться чрезвычайно важным источником по истории страны. Их анализ позволяет надеяться на определение соотношения вифинского ономастикона с фракийским и анатолийским антропонимическими массивами, а также выявляет степень его восприимчивости к внешним этническим влияниям (иранскому, греческому, кельтскому, латинскому). Отдельные сюжеты, связанные с вифинской ономастикой, так или иначе затрагивались в соответствующих разделах работы; здесь же следует привести суммарные данные (ограничившись лишь предельно краткими комментариями).

Прежде всего, необходимо остановиться на историко-лингвистических концепциях, существующих в науке на сегодняшний день, которые могли бы рассматриваться как фактологическая и методическая база для исследования вифинской антропонимии. К сожалению, приходится констатировать, что эта основа не может пока что быть признана достаточно надежной и адекватной. Тому можно привести немало примеров.

Так, еще В. Томашеком было высказано предположение о вифинских корнях династии боспорских Спартокидов¹, при этом совершенно непонятно, на каком основании, так как ни одно имя из боспорского царского именника не имеет никаких параллелей с вифинскими ЛИ. Тем не менее эта гипотеза была некритично воспринята таким известным лингвистом, как Л. А. Гиндин². Еще дальше пошел российский исследователь С. М. Крыкин, который, разделив иаглады предшественников³, постулирует также вифинско-малоазийское происхождение для целого ряда имен условно (или даже бес-

¹ *Tomaschek W.* Die alten Thraker. Bd. II, S. 18.

² *Гиндин Л. А.* Древнейшая ономастика... С. 62–63.

³ *Крыкин С. М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. С. 93, 264.

спорно) фракийского происхождения, зафиксированных в Северном Причерноморье⁴, опять-таки несмотря на отсутствие каких-либо убедительных параллелей и невзирая на то, что практически никаких устойчивых контактов между Вифинией и северопричерноморским регионом вплоть до римского времени не прослеживается (единственное возможное исключение — первая половина III в.; см. об этом гл. III, § 1). Как курьез должны рассматриваться взгляды французского исследователя Б. Сержана, который трактует значительную часть малоазиатских вообще и в том числе вифинских ЛИ как кельтские, не приводя, однако, никаких надежных аргументов в пользу того, что кельты могли присутствовать в Анатолии до III в.⁵ Наконец, даже в весьма глубоких и основательных работах Т. Корстена имена, обнаруженные в Вифинии, без каких-либо оговорок причисляются к собственно фракийским⁶. Обзор имеющихся точек зрения показывает, что анализ связанного с Вифинией именника по-прежнему остается непростой задачей.

⁴ Конкретные примеры: 1) Дзейлас (С. 50–51; разумеется, верной надо считать форму Зеил); 2) Диндас (С. 57–58); 3) Дулон (С. 64–65); 4) Котион (С. 70–71); 5) Моккос (С. 73–75); 6) Перисал (С. 79–82; именно анализ этого ЛИ приводит автора к выводу о том, что «если фракийские имена попадали в города Боспора не из левопонтийских центров, то, значит, из Малой Азии: Вифинии, Фригии и других областей, где наблюдалось расселение фракоязычных племен...» и далее: «Западнопонтийское влияние почти не коснулось Боспора, поэтому важнейшим связующим звеном между фракийским ареалом и этим царством однозначно (sic! — О. Г.) следует считать Малую Азию». Беда, однако, в том, что и в Малой Азии это имя не зафиксировано); 7) Садайос (С. 92–93); 8) Севт (С. 97–98); 9) Тарулас (С. 109–111); 10) Тюнос (= Фин; С. 42–44). Из всех этих имен в Вифинии встречаются только первое и восьмое (которое, без сомнения, является общефракийским). Нельзя исключать вифинского происхождения второго и десятого по счету ЛИ. Наконец, один вполне возможный случай появления вифинско-анатолийского имени в Северном Причерноморье в данном списке не учтен; речь идет о женском ЛИ Γά(σ)α, зафиксированном в Пантикапее, у которого не исключены, впрочем, более глубокие иранские корни (Тохтасьев С. Р. Газа — любимая жена Дия // ΣΥΣΣΤΙ Α. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 232–236).

⁵ *Sergent B. Les premiers celtes...* P. 352–355.

⁶ *Corsten Th. Einige neuen thrakische Namen // BN. Bd. 25. Ht. 3–4. 1990. S. 261–266; Корстен Т. Фракийские личные имена...*

Для успешного решения возникающих проблем необходимо прежде всего выработать более или менее надежные принципы для идентификации тех или иных ЛИ как вифинских или фрако-вифинских (надо сказать, что ранее такого рода попытка была предпринята, например, болгарским ученым Г. Михайловым, вполне обоснованно отделяющим некоторые вифинско-малоазийские имена, обнаруженные во Фракии, от собственно фракийского ономастикона⁷). Можно предложить следующую систему критериев.

Во-первых, к собственно вифинским ЛИ следует отнести те, у которых наличествуют сколько-нибудь надежные параллели с именами, чья этническая принадлежность может считаться вполне определенной; желательно, конечно, полное совпадение имен, но определенные выводы могут быть сделаны и при сходстве отдельных композитов. Во-вторых, крайне важным является наличие этнонима («вифинец») либо указание на гражданство в том или ином вифинском полисе при именах, такими параллелями не обладающими и обнаруженными вне самой Вифинии. В-третьих, возможно соотношение имен, не имеющих аналогий, с более или менее определенной этнической или географической средой на основании каких-то специфических обстоятельств.

Перейдем к конкретным цифровым данным. Самый обширный на сегодняшний день и довольно удачно систематизированный список вифинских ЛИ был составлен болгарским исследователем И. Дуридановым в 1982 г.⁸ Принимая в целом разделение им всех свя-

⁷ Mihailov G. Population et onomastique d'Asie Mineure en Thrace // Pulpudeva. № 2. Sofia, 1978. P. 68–78.

⁸ Duridanov I. Die thrakische Personennamen... В некоторых из приводимых далее имен не ставятся знаки диакритики: сделать это невозможно из-за единичности упоминания этих ЛИ в надписях. Ссылки на первые публикации надписей или данные письменных источников об именах, использованных И. Дуридановым, здесь не приводятся; в основном он ориентируется на корпус Д. Дечева.

Тогда же было опубликовано исследование другого болгарского специалиста, В. Георгиева, посвященное анализу имен вифинских царей (Georgiev V. La formation et l'ethymologie... P. 23–24, 26). К «каноническим» именам вифинских династов и царей исследователь добавляет еще три: Βίδυς, Βύσινης и Πάταρος. Это, однако, выглядит совершенно необоснованным. Первое из этих ЛИ, широко распространенное во Фракии и в целом в Средиземноморье, в Вифинии вообще не встречается; его, как

занных с Вифинией антропонимов на 4 группы, я буду сразу же приводить корректировку цифр по каждой из них, получаемую за счет как их расширения в результате вновь полученных данных (преимущественно эпиграфических), так и перемещения некоторых имен в другие группы.

1. *Данные И. Дуриданова*. 13 имен, фракийское происхождение которых несомненно: *Αυλουζελμης, Διλλιπορις, Δινδ(τ)ιπορις, Διναίος, Ἐταζέτα, Θάμυρις, Μοκάπορις, Μοκάζεις, Μοκάζις, Μουκάπορις, Μοκάζος, Σεύθης, Τιθα*.

К этой группе возможно отнести еще следующие 8 ЛИ, имеющие вполне надежные параллели с фракийскими: *Βισοπορις*⁹, *Διαζελμης*¹⁰, *Διπτήση*¹¹ (dat.), *Μαυια*¹², *Ραίκοσος*¹³, *Σπόκης*¹⁴, *Σαδάλας*¹⁵, *Τήρης*¹⁶. Итого: 21 имя.

2. *Данные И. Дуриданова*. 12 имен также, возможно, имеют фракийские корни (обозначим их как «условно-фракийские») (*Βάσσος*,

было показано в гл. I, § 1, носит лишь мифический прародитель «европейской ветви» вифинов. Очевидно, для древности наречение подобным именем представителя того или иного конкретного этноса представляло бы собой тавтологию. Столь же неисторичны и остальные два антропонима — имя вождя «третьей волны» фракийских переселенцев в Вифинию (Eustath. ad Dion. Per., 322 = Arr., Bithyn., F. 19 Roos) и тем более имя-эпоним царя некоего неизвестного по другим источникам племени биснев — части бевриков (Steph. Byz., s. v. Βισναῖοι). Таким образом, данные материалы В. Георгиева едва ли могут быть использованы для воссоздания реалий вифинской ономастики; при этом его конечный вывод о том, что смешанный характер населения Вифинии выразился и в «царском» ономастиконе (Р. 26), выглядит абсолютно правомерным. В ходе дальнейшего анализа все имена, не имеющие надежной фиксации в эпиграфических материалах либо в письменной традиции, будут элиминироваться из списка вифинских ЛИ.

⁹ Şahin S. Katalog... Т. II. 2. № 1381, стк. 2.

¹⁰ SEG VIII № 497. Судя по сочетанию фракийского по характеру имени и происхождения из Апамеи, он был именно вифинцем.

¹¹ Şahin S. Katalog... Т. II. 2. № 1381, стк. 2.

¹² Ibid.

¹³ Ibid. Т. I. № 81, стк. 14.

¹⁴ IG II 8410.

¹⁵ Die Inschriften von Prusa. № 152, стк. 4; Die Inschriften von Apameia. № 117.

¹⁶ Launey M. Recherches... Т. II. P. 1211.

Λήδας, Διλλής, Διντας, Κινδος, Μαρας, Μουκιανός, Πατίας, Χοῦς, Σουσα, Σουσίων, Σουσος).

Существует некоторая вероятность того, что фракийские корни могут быть прослежены и у таких известных в Вифинии имен (причем «царских»), как Ζιποίτης (на что указывал еще Павсаний¹⁷) и Ζιλήλας (на основании надписи на чаше из гробницы в Казанлыке VI–V вв. до н. э.: Δυιτο Ζηίλα): предполагать пребывание вифинца во Фракии в это время нет надежных оснований. Соответственно эти два ЛИ (причем их разные формы — см. гр. № 4) следует переместить в группу «условно-фракийских». Сюда же можно включить довольно распространенное ЛИ Βαστακίλας¹⁸, отмеченное как в самой Фракии, так и в Мизии (скорее всего, в списке членов вифинской воишной колонии).

Вместе с тем имена Βάσσος и Μαρας, видимо, должны быть перенесены в следующую группу — невифинских имен. Для первого из них весьма вероятным представляется не фрако-вифинское, а латинское происхождение, оно часто появляется в надписях римского времени именно в сочетании с другими латинскими антропонимами (см. многочисленные примеры в корпусах надписей Прусы-Олимпийской, Прусиады-на-Гипии, Вифиниона, Прусиады-Приморской). ЛИ Μαρας, вероятно, принадлежит к кельтскому ономастикону¹⁹. Итого: из связанных с Вифинией имен «условно-фракийскими» могут считаться, по уточненным данным, 13.

3. *Данные И. Дуриданова.* 22 имени из числа встречающихся в Вифинии отнесены к антропонимам кельтского, греческого, малоазиатского или иранского происхождения (для последних, впрочем, сам исследователь конкретных примеров не приводит). Это: Ἄλνα, Ἄπφα/η, Ἀράντας, Βαβάς, Βᾶς, Βουβας, Δολα, Δραῦκος, Ζηῶς (это имя, скорее всего, фракийское, но в самой Вифинии, как показала исследователь, не отмечено, хотя корень -ζην нередко встречается в вифинских ЛИ) Κορυας, Κουλα, Λίλλα, Λυκαρις, Μαμαῖος, Μαιικων, Μαρους, Μαρυκάτος, Μινας, Παπυλος, Περενως (κεπ.), Σαλλοῦς, Τίτθα.

Сюда же следует включить 8 ЛИ анатолийского происхождения (т. п. Lallnamen), обнаруженные в Вифинии в последние десятилетия (иногда они происходят, за одним исключением, из Прусы-Олимпий-

¹⁷ Bannert H. Ein übersehener thrakischer Personennamen (non vidi).

¹⁸ Die Inschriften von Kyzikos... Т. II. № 7, стк. 3.

¹⁹ Masson O. Thraces et Celtes en Asie Mineure. P. 1–2.

ской), — Δάδα²⁰, Δουδα²¹, Εἶα²², Λάλα²³, Μάμας²⁴, Τάτα²⁵, Τατας²⁶, Τάτιον²⁷. Вместе с тем, ЛИ Δυκαρις и Περενως (gen.), обнаруженные в Вифинии и не имеющие надежных аналогий ни в малоазийском, ни во фракийском ономастиконах, могут быть с некоторой долей условности отнесены к собственно вифинским.

С учетом корректировки материалов по последней из четырех групп и перемещения в группу № 3 еще трех ЛИ (см. непосредственно ниже), общее число невивинских антропонимов составляет 31.

4. Данные И. Дуриданова. 27 антропонимов им причислены к специфически вифинским, восходящим отчасти к каким-то древнеанатолийским языкам: Βιοβρις, Βιοήρις, Βοτείρας, Βωβας, Δοιδਾਲός, Γάσζα, Γυλιγγκος, Ζαρδοηλος, Ζιαήλας, Ζιαγριος, Ζιαίλις, Ζιέλος, Ζηλυδηζη, Ζε(λ)ποίτης, Μούζακος, Μουκάντιος, Παπαρίων, Πάταρος, Προυσίας, Ρεΐσις, Ρόου(μ)αδους, Σήτη, Σιος, Σειος, Τερβος, Theusetas, Τιτ(τ)ουνης).

Далеко не все трактовки этих имен могут быть приняты. Что до ЛИ Βιοβρις, то оно, скорее всего, имеет кельтское происхождение (см. об этом подробнее сюжет о «стеле Менаса» в гл. II, § 2). Следует также подчеркнуть, что, несмотря на более чем двухсотлетний период персидского господства, в вифинской ономастике почти не прослеживаются следы иранизмов, за исключением не вполне надежной трактовки имен Κάρσους²⁸ и Γάσζα (о последнем см. выше, прим. 1 данного Приложения) — их, вероятно, также требуется исключить из числа собственно вифинских. Имя Γυλιγγκος, возможно, фракийское, но происходит оно не из Вифинии, а с Самоса²⁹, так что его не следует принимать в расчет. Кроме того, в группу № 2 нужно переместить царские имена Зизл (разные формы) и Зипойт.

²⁰ Die Inschriften von Prusa. № 177, стк. 1.

²¹ Ibid. № 1046, стк. 3.

²² Ibid. № 106, стк. 3.

²³ Ibid. № 56, стк. 1.

²⁴ Şahin S. Katalog... Т. II. 2. № 1588, стк. 5.

²⁵ Die Inschriften von Prusa. № 1007, стк. 3.

²⁶ Ibid. № 1022, стк. 2–3.

²⁷ Ibid. № 1071, стк. 1.

²⁸ Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. S. 229. В данном случае, пожалуй, можно отчасти согласиться с мнением, высказанным в работе, которая ранее неоднократно критиковалась: Крыкин С. М. Фракийцы в античном Северном Пичерноморье. С. 6–68.

²⁹ Dunst G. Керσης. S. 111–114.

По тем же причинам, что имена мифических вифинских правителей из списка В. Георгиева, не должно учитываться мифическое же ЛИ Σήτη, принадлежащее прародительнице европейской ветви вифинов. Наконец, «имя» Ζηλυδηζη, как показал еще Л. Робер³⁰, является, видимо, результатом неверного прочтения надписи. От первоначального списка И. Дуриданова остается, таким образом, 22 имени.

С другой стороны, список собственно вифинских антропонимов можно расширить за счет 19 ЛИ, большинство из которых зафиксировано лишь однажды, но относительно надежно связано с вифинским контекстом в лингвистическом и территориальном отношении: Ανξα³¹, [Α?]σκιπραζις³², Βιοθρυνος (gen.)³³, Βοιω³⁴, Γηριας³⁵, Δηγου³⁶, Ζαραζις³⁷, Ζη[ν?]οβρωδις³⁸, Ζηνομινγος (gen.)³⁹, Κανας⁴⁰, Καραδυσης⁴¹, Οαστοζεις⁴², Οηλας⁴³, Πηροβρης⁴⁴, Προυσιās (жен. р.; эта форма болгарским лингвистом не учтена; см. о ней в разделе об именах из Вифиниона), Ρυσιανη⁴⁵ (dat.) Σουσαριων⁴⁶, Σωπηρου⁴⁷, Ταταριον⁴⁸. Сюда же, как предлагалось выше, можно внести Λυκαρις и Περενως (gen.).

³⁰ Robert L. *Études anatoliennes*. P. 159.

³¹ Надпись Моказиса (*Rumscheid F., Held W. Erinnerungen an Mokazis*), стк. 1.

³² OGIS 341 сттк. 12–13. Первая буква имени патронимика не сохранилась, но такое восстановление считается наиболее вероятным.

³³ IG II 8409.

³⁴ *Launey M. Recherches...* Т. II. P. 1211.

³⁵ Надпись Моказиса (*Rumscheid F., Held W. Erinnerungen an Mokazis*), стк. 2.

³⁶ Die Inschriften von Prusa. № 152, стк. 2.

³⁷ Надпись Моказиса (*Rumscheid F., Held W. Erinnerungen an Mokazis*), стк. 2.

³⁸ Die Inschriften von Prusa. № 1a, стк. 4.

³⁹ *Launey M. Recherches...* Т. II. P. 1211.

⁴⁰ Die Inschriften von Prusa. № 56, стк. 1.

⁴¹ SEG VIII № 357.

⁴² Die Inschriften von Prusa. № 152, стк. 1–2.

⁴³ *Şahin S. Katalog...* Т. II. 2. № 1588, стк. 5. Это же имя, возможно, следует восстановить в надписи: *Idem. Neufunde von antiken Inschriften...* № 73, стк. 3. S. 130–131.

⁴⁴ *Idem. Katalog...* Т. II. 2. № 1308, стк. 1.

⁴⁵ *Idem. Neufunde von antiken Inschriften...* № 71. S. 128.

⁴⁶ *Idem. Katalog...* Т. 2. 2. № 1588. S. 305a.

⁴⁷ Die Inschriften von Prusa. № 152, стк. 3.

⁴⁸ *Ibid.* № 166, стк. 3.

Этот список требует некоторых комментариев. Исходя из приведенных в нем аналогий (с ЛИ Πηροβρης и Οηλας), более вероятной выглядят формы ЛИ Βιοβρης вместо предлагаемого И. Дуридановым Βιοβρις, а также Ζαρδοηλας⁴⁹ вместо Ζαρδοηλος, как восстанавливал именительный падеж этого имени из родительного болгарский исследователь. Кроме того, специфически вифинским (хотя, возможно, и не исключительно) может считаться образование имен от популярных фрако-малоазийских основ с помощью композита -ριων (наиболее известный пример — широко распространенный антропоним Παπαρίων. Обращают на себя внимание также два чрезвычайно оригинальных женских имени — Дегу и Соперу, не имеющих никаких параллелей среди женских ЛИ европейской Фракии, собранных и проанализированных М. Славовой⁵⁰.

Отдельно следует выделить имена, вифинское происхождение которых также возможно, но остается под вопросом (Βαπομας⁵¹, Διτιζιλα⁵², Θυυλου⁵³, Κοσιβιθυς⁵⁴, Σα(ν)γαριος⁵⁵). Дискутируется также вопрос о малоазийском (мизийско-вифинском, по О. Массону) происхождении довольно распространенных имен Αζαρετος и Δαος (SEG XLV № 1660), хотя лингвистические данные здесь несколько противоречат общенсторическим: известно, что последнее — широко распространенное «рабское» имя в Элладе начиная с IV в. до н. э., тогда как надежные сведения о рабах-вифинцах в Греции вплоть до II в. до н. э. отсутствуют; не отмечены они и в самой Вифинии. Это заставляет воздержаться от соотнесения данных

⁴⁹ Именно в таком виде это имя зафиксировано в надписи из округа Никомедии: Şahin S. Neufunde von antiken Inschriften... № 73, стк. 3. S. 128.

⁵⁰ Slavova M. Die thrakischen Frauennamen aus Bulgarien.

⁵¹ Die Inschriften von Prusa. № 284 стк. 1.

⁵² Ibid. № 80 а, стк. 2. Это ЛИ очень сходно с именем второй жены Никомеда I, бывшей, по сведениям Арриана/Цецца, фригийкой. Впрочем, если считать, что она приходилась Никомеду родственницей (попытка доказать это была предпринята в § 1 гл. V), то вифинские корни ее имени отнюдь не выглядят невероятными.

⁵³ Şahin S. Neufunde von antiken Inschriften... № 11. Это имя может быть производным от этнонима «фин».

⁵⁴ Die Inschriften von Prusa. № 27, стк. 10.

⁵⁵ Şahin S. Neufunde von antiken Inschriften... № 19. S. 44. Это имя довольно широко распространено в Малой Азии и, возможно, его не следует считать специфически вифинским.

антропонимов с вифинским ономастическим контекстом. Тем самым общее число «коренных» вифинских имен составляет (с определенными оговорками) 47.

Разумеется, для ряда имен первой и отчасти второй группы нельзя исключать вероятности того, что они принадлежали европейским фракийцам, по каким-то причинам оказавшимся в Вифинии. Так, С. Митчелл вполне обоснованно допускает такую возможность для некоторых ЛИ фракийского происхождения из соседней с Вифинией Мизии (из округа Кизика)⁵⁶.

Подведем итоги. По данным проведенного здесь анализа, в ономастике Вифинии соотношение между фрако-вифинскими ЛИ и антропонимами чисто вифинского происхождения составляет теперь 21 фракийское имя (плюс 13 полученных с учетом новых данных «условно-фракийских») к 47 чисто вифинским. Группа невифинских антропонимов расширяется до 31.

Не исключено, что эти данные следует подвергнуть некоторой корректировке в зависимости от того, считать ли близкие по звучанию имена сходными, но все-таки различными антропонимами или же различными формами одного ЛИ (например, Ζαίλις и Ζαίγλας; Ζηποίτης, Τιβοίτης и Σιβοίτης и др.). Возможно также, что в представленной работе были учтены не все заслуживающие внимания имена, и, разумеется, невозможно настаивать на том, что безусловно верной является интерпретация каждого из проанализированных здесь антропонимов. Однако вполне отчетливо проявляется тенденция к увеличению «разрыва» между собственно фракийским и вифинским ономастиконами. Это, возможно, позволяет уточнить взгляды на происхождение вифинцев и с большей осторожностью подходить к прежней точке зрения, согласно которой этнические различия между ними и фракийцами в широком смысле слова были минимальными. В частности, в свете этого вывода высказывание о том, что вифинский язык был всего лишь диалектом фракийского⁵⁷, вне всякого сомнения, выглядит излишне категоричным.

⁵⁶ Mitchell S. Onomastic Survey... P. 125–126.

⁵⁷ Крыкин С. М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. С. 70.

Приложение II

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА
Основные события истории Вифинии

Переселение «протовифинов-стри- мониев» в Анатолию	Нач. XII в.
Вторая волна фракийской миграции в Малую Азию (собственно вифины и фины)	X в.
Участие фракийцев-треров в походах киммерийцев	VII в.
Основание Астака	712 г.
Основание Калхедона	685 г.
Основание Византия	Ок. 660 г.
Основание Киоса	Вторая-четвертая четв. VII в.
Подчинение Вифинии Лидийскому царству	1-я пол. VII в. (?)
Основание Гераклеи Понтийской	560 г.
Подчинение Вифинии Персидской империи	После 547 г.
Участие вифинцев в походе Ксеркса на Грецию	480 г.
Правление Дидалса	Ранее 435 — ок. 410 (?) гг.
Конфликты вифинцев с Астаком	50–40-е гг. V в.
Переход афинского отряда Ламаха через Вифинию	424 г.
Экспедиция византийцев, калхедонян и фракийцев в Вифинию, образование византийских владений на южном бе- регу Астакского залива	416 г.

Правление Ботира	ок. 410(?)—377 гг.
Алкивиад в Вифинии	409 г.
Переход Десяти тысяч через Вифинию	400 г.
Операции Деркиллида в Вифинии	399 г.
Правление Баса	377—328 гг.
Победа вифинцев над сатрапом Александра Македонского Каласом	Между 334 и 328 гг.
Правление Зипойта	328—280 гг.
Осада Зипойтом Калхедона и Астак, заключение союза с Антигоном Одноглазым	315 г.
Основание Антигонии (в дальнейшем — Никеи) Антигоном Одноглазым	После 315 г. (?)
Победа Зипойта над Лисимахом, принятие царского титула и утверждение вифинской царской эры	297 г.
Война Вифинии с Калхедоном	После 297 г. (?)
Утверждение вифинской «городской» эры	282 г.
Война с Гераклеей Понтийской, завоевание Киера и Тиоса	281 г.
Победа Зипойта над полководцем Антиоха I Гермогеном	280 г.
Правление Никомеда I	280 — ок. 255 гг.
Участие Никомеда в Северной Лиге, возвращение Киера и Тиоса гераклеотам, война с Антиохом I	279—276 гг.
Война между Никомедом и Зипойтом Младшим	279 — ок. 277 гг.
Переход галатов в Малую Азию	Осень 278 г.
Подчинение Никеи Вифинией	Ок. 276 г. (?)
Основание Никомедии	264 г.

Смерть и завещание Никомеда I	Ок. 255 г.
Гражданская война в Вифинии	Ок. 255 — ок. 253 гг.
Раздел страны между Зиэлом и его сводными братьями	Ок. 253 — ок. 242 гг.
Письмо Зиэла на Кос	Ок. 246 г. (?)
Единоличное правление Зиэла	Чуть ранее 242 — ок. 230 гг.
Второй рескрипт Зиэла (?) по случаю празднования Асклепией	242 г.
Смерть Зиэла от рук галатских наемников	Ок. 230 г.
Правление Прусия I	Ок. 230 — ок. 183 гг.
Война Прусия в союзе с Родосом против Византия	220 г.
Экспедиция Прусия в Троаду против галатов эгосагов	216 г.
Вторжение Прусия на территорию Пергамского царства	208 г.
Участие Прусия в мирном договоре в Фенике	205 г.
Завоевание Прусием Киоса и Мирлеи	202 г.
Основание Вифиниона	Несколько ранее 190 г. (?)
Агрессия Вифинии против Гераклеи Понтийской, завоевание Тиоса и Киера	Ок. 190 г.
Основание Прусы-Олимпийской	Кон. 190-х — нач. 180-х гг.
Апамейский мирный договор	188 г.
Первая Вифинская война	Ок. 186—183 гг.
Гибель Ганнибала в Вифинии	183 г.
Правление Прусия II	Ок. 182—149 г.
Участие Прусия в Понтийской войне	182—179 гг.
Брак Прусия с сестрой Персея Македонского Апамой	Ок. 179—177 гг.

Визит Пруссия в Рим	Зима 167/166 г.
Вторая Вифинская война	156—154 гг.
Переворот Никомеда, убийство Пруссия II	149 г.
Правление Никомеда II Эпифана	149—127 гг.
Участие Никомеда II в подавлении восстания Аристоника	133—129 гг. (?)
Правление Никомеда III Эвергета	127—95 гг.
Вторжение Никомеда III и Митридата VI Понтийского в Пафлагонию	107 г.
Вторжение Никомеда III в Каппадокию	105 г.
Дарение Никомеда III и Лаодики Дельфам	Ок. 101 г.
Правление Никомеда IV Филопатора	95—74 гг.
Узурпация Сократа Хреста	Ок. 93 — ок. 90 гг.
Письмо Никомеда IV афродисийцам и пларасенцам	Ок. 90 г.
Первая Митридатова война	89—85 гг.
Завещание Никомедом IV царства римскому народу	74 г.
Начало Третьей Митридатовой войны	Весна 73 г.
Ликомед — верховный жрец Команы Понтийской	47—31 гг.
Правление Пилемена и Атгала Эпифана в Пафлагонии	Оконч. в 40 г.
Правление Орсабарис и Ородалтис в Прусиаде-Приморской	Оконч. в 22 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Античный вестник. Омск
- АПМНП — Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы международной научной конференции «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура». Севастополь, 1995
- БЕ — Балканско езиковзнание. София
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ВИ — Вопросы истории. М.
- ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения. СПб.
- ЗОАО — Записки Одесского археологического общества. Одесса
- ИБАИ — Известия на Български археологически институт. София
- ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе. София
- КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965
- КЕТД — Кратка енциклопедия тракийска древност. София, 1983.
- МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса; Киев
- ПИФК — Проблемы истории, филологии, истории, культуры. Москва; Магнитогорск
- ПЭЭ — Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1982). Тбилиси, 1985
- РИЖ — Русский исторический журнал. СПб.
- СА — Советская археология. М.
- АА — Archäologischer Anzeiger. Berlin
- АЖАН — American Journal of Ancient History. Cambridge (Mass.)

- AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
- AMS — Asia Minor Studien. Mainz
- AncCiv — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden
- AncSoc — Ancient Society. Leuven
- ANRW — Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Berlin; New York
- ANSMusN — American Numismatic Society Museum Notes. New York
- AS — Anatolian Studies: Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara. London
- ATL — *Meritt B. D., Wade-Gery H. T., McGregor M. F.* The Athenian Tribute Lists. Vol. I–IV. Cambridge; Princeton, 1939–1953
- BCH — Bulletin de correspondance hellénique. Paris
- BHR — Bulgarian Historian Review. Sofia
- BMIR — Bulletino del museo dell' imperio Romano. Roma
- BN — Beiträge zur Namenforschung. Heidelberg
- CAH — Cambridge Ancient History. Cambridge
- CIG — *Boeckh A.* Corpus inscriptionum Graecarum. Vol. I–IV. Berolini, 1828–1877
- CQ — Classical Quarterly. Oxford
- DHA — Dialogues d'histoire ancienne. Paris
- EA — Epigraphica Anatolica: Zeitschrift für Epigraphik und historische Geographie Anatoliens. Bonn
- ÉC — Les Études classiques. Paris.
- FGrH — *Jacoby F.* Die Fragmente der Griechischen Historiker. Berlin; Leiden
- GNS — Schweizer Münzblätter = Gazette numismatique Suisse. Bern
- GRBS — Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham (N. C.)
- HSCPh — Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge (Mass.)
- ICreticae — *Guarducci M.* Inscriptiones Creticae. Vol. I–IV. Roma
- IDélos — *Durrbach F.* Inscriptions de Délos. T. I–II. Paris, 1926–1928.
- IG — Inscriptiones Graecae. Vol. I–XII. Berolini, 1913–1940
- IGCH — An Inventory of Greek Coin Hoards / Ed. by M. Thompson, O. Mørkholm, C. M. Kraay. New York, 1973
- IK — Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bonn
- IstMitt — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Istanbulische Abteilung

- lvPergamon — Die Inschriften von Pergamon / Unter Mitw. v. F. Fabricius und C. Schuchhardt. Hrsg. v. M. Fränkel. I. Bis zum Ende der Königszeit. Berlin, 1890
- JHS — The Journal of Hellenic Studies. London
- JRS — The Journal of Roman Studies. London
- JÖAI — Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien. Wien
- LSJ — A Greek-English Lexicon. Completed by Henry George Liddel and Robert Scott. Revised and augmented by Sir Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie and with cooperation of many scholars. With a revised supplement. Oxford, 1996
- MAMA — Monumenta Asiae Minoris antiqua
- MedAnt — Mediterraneo Antico. Roma
- OGIS — *Dittenberger W.* Orientis Graeci inscriptiones selectae. Vol. I–II. Lipsiae, 1903–1905
- ORF — Oratorum Romanorum fragmenta / Coll. H. Malcovati
- Paton-Hicks.* — *Paton W. R., Hicks E. L.* The Inscriptions of Cos. Oxford, 1891
- Pulpudeva — Pulpudeva. Semaines philippopolitaines de l'histoire et de la culture thrace. Sofia
- RBN — Revue belge de numismatique et de sigillographie. Bruxelles
- RC — *Welles C. B.* Royal Correspondance in the Hellenistic Period. New Haven, 1934
- RE — Pauly — Wissowa Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
- REA — Revue des études anciennes. Talence
- Recueil — *Waddington W. H., Babelon E., Reinach Th.* Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. T. I. Paris, 1908
- RFIC — Rivista di Filologia e di instruzione classica. Torino
- RhM — Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt-am-Main
- RIDA — Revue internationale des droits de l'Antiquité. Bruxelles
- RIL — Rendiconti [dell'] Istituto Lombardo, Accademia di Scienze e Lettere, Classe di Lettere, Scienze morali e storiche. Milano

- RN — *Revue Numismatique*. Paris
- SC — *Studi classici*. Bucharest
- Schenkungen — *Schenkungen hellenistischer Herrscher an griechische Städte und Heiligtümer*. T. I. Zeugnisse und Kommentare / Hrsg. v. K. Bringmann und H. v. Steuben. Berlin, 1995
- SCI — *Scripta classica Israelica: Yearbook of the Israel Society for the Promotion of Classical Studies*. Jerusalem
- SCO — *Studi classici e orientali*. Pisa
- Segre. Cos — *Segre M. Iscrizioni di Cos*. Roma, 1993
- SEHHW — *Rostovtzeff M. I. The Social and Economic History of the Hellenistic World*. Vol. I–III. Oxford, 1941
- SNG — *Sylloge Nummorum Graecorum*
- SEG — *Supplementum Epigraphicum Graecum*. Leiden
- SH — *Studia historica*. M.
- SRRK — *Studien zur Religion und Kultur Kleinasiens. Festschrift für F. K. Dörner* / Hrsg. v. S. Şahin, E. Schwertheim, J. Wagner. Leiden, 1978
- SVA II — *Die Staatsverträge des Altertums*. Bd. II. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr. / Hrsg. v. H. Bengtson. München; Berlin, 1962
- SVA III — *Die Staatsverträge des Altertums*. Bd. III. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 338 bis 200 v. Chr. / Hrsg. v. H. H. Schmitt. München, 1969
- Syll.³ — *Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum*. Vol. I–IV. Ed. 3. Lipsiae, 1915–1924
- TAM — *Tituli Asiae Minoris*. Vindobonae
- ZN — *Zeitschrift für Numismatik*. Lipsiae
- ZPE — *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bonn

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Надписи

1. Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
2. *Boeck A.* Corpus inscriptionum Graecarum. Vol. I–IV. Berolini, 1828–1877.
3. *Dittenberger W.* Orientis Graeci inscriptiones selectae. Vol. I–II. Lipsiae, 1903–1905.
4. *Dittenberger W.* Sylloge inscriptionum Graecarum. Vol. I–IV. Ed. 3. Lipsiae, 1915–1924.
5. *Durrbach F.* Inscriptions de Délos. T. I–II. Paris, 1926–1928.
6. Die Inschriften von Pergamon / Unter Mitw. v. F. Fabricius und C. Schuchhardt. Hrsg. v. M. Fränkel. I. Bis zum Ende der Königszeit. Berlin, 1890.
7. Inscriptiones Graecae. Vol. I–XII. Berolini, 1913–1940.
8. Monumenta Asiae Minoris antiqua. Vol. VII. Monuments from Eastern Phrygia / Ed. By W. M. Calder. Manchester, 1956.
9. Monumenta Asiae Minoris antiqua. Vol. IX. Monuments from Aezanitis, recorded by C. W. M. Cox, A. Cameron, J. Cullen. London, 1988.
10. *Paton W. R., Hicks E. L.* The Inscriptions of Cos. Oxford, 1891.
11. Supplementum epigraphicum Graecum. Lugduni.
12. *Segre M.* Iscrizioni di Cos. Roma, 1993.
13. Tituli Asiae Minoris. Vol. III. Tituli Pisidiae linguis graeca et latina conscripti. Fasc. 1. Tituli Termessi et agri termessensis / Enarravit R. Heberdey. Vindobonae, 1941.
14. Tituli Asiae Minoris. Vol. IV. Inscriptiones peninsulae Bithynia Fasc. 1 / Collecti et editi auspiciis Academiae litterarum Vindobonensis. Vindobonae, 1978.

Исследования

1. *Абрамова В. В.* Фракийский племенной союз астов в военно-политической истории Балканского полуострова // *Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник.* Харьков, 2004. С. 42–46.
2. *Бадалянци Ю. С.* Эллинистический Родос. М., 2000.
3. *Бахматов С. В.* Проблема неравномерности исторического развития эллинистических государств в советской историографии // *Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья.* Барнаул, 1989. С. 41–56.
4. *Беккер П.* Опыт объяснения неизданной монеты, относящейся к вифинскому городу Тию. Одесса, 1852.
5. *Беликов А. П.* Рим и эллинизм. Проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 1993.
6. *Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
7. *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985.
8. *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. Сретенск, 2000.
9. *Биттнер А.* Выбор между Сциллой и Харибдой: Гераклея Понтийская в борьбе Рима с Митридатом VI // *Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова.* СПб., 1998. С. 236–248.
10. *Блаватская Т. В.* Западнопонтийские города в VII–I веках до нашей эры. М., 1952.
11. *Блаватская Т. В.* Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983.
12. *Бобровникова Т. А.* Сципион Африканский. М., 1998.
13. *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим. Ч. I–II. М., 1960–1966.
14. *Брашинский И. Б.* Экономические связи Синопы в IV–II вв. до н. э. // *Античный город.* М., 1963. С. 132–145.
15. *Булатович С. А.* Монетные находки на острове Левке // *МАСП. № 7.* Одесса; Киев, 1971.
16. *Велков В. И.* Рабы-фракийцы в античных полисах Греции VI–II вв. до н. э. // *ВДИ.* 1969. № 4. С. 70–79.
17. *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.
18. *Виноградов Ю. Г.* Военные конфликты на Понте с участием эллинистических греческих полисов из-за монопольных и террито-

- риальных притязаний // Боспор и античный мир. Н. Новгород, 1997. С. 214–223.
19. *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Божественная египетская триада в Херсонесе Таврическом // ΣΥΣΣΙΤΙ Α. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 284–294.
 20. *Всемирная история.* Т. 2. М., 1956.
 21. *Высокий М. Ф., Габелко О. Л.* Некоторые проблемы мегарской колонизации (о монографии: Пальцева Л. А. Из истории архаической Греции. Мегара и мегарские колонии. СПб., 1999) // *Античность: общество и идеи.* Межвузовский сборник. Казань, 2001. С. 20–45.
 22. *Габелко О. Л.* Взаимоотношения Вифинского царства с независимыми греческими полисами в начале эпохи эллинизма // *Античная история и современная историография.* Материалы межвузовской конференции. Казань, 1991. С. 47–48.
 23. *Габелко О. Л.* К истории взаимоотношений Вифинского царства с независимыми греческими полисами (IV–III вв. до н. э.) // *Среда, личность, общество.* Доклады конференции. М., 1992. С. 151–152.
 24. *Габелко О. Л.* Этнический и социальный аспекты психологии вифинского общества в эллинистическую эпоху (Попытка реконструкции) // *Социальные структуры и социальная психология античного мира.* Доклады конференции. М., 1993. С. 60–68.
 25. *Габелко О. Л.* Внешняя политика Вифинского царства (Теория и методы изучения) // *Методология и методика изучения античного мира.* Доклады конференции. М., 1994. С. 54–61.
 26. *Габелко О. Л.* Изучение истории Вифинского царства болгарскими историками // III Дриновские чтения. Проблемы источниковедения, историографии, истории и культуры Болгарии. Тезисы докладов. 25–27 октября 1994 г. Харьков, 1994. С. 11–12.
 27. *Габелко О. Л.* Мемнон об истории Вифинского царства // АВ. Вып. 2. Омск, 1995. С. 108–115.
 28. *Габелко О. Л.* Некоторые особенности царской власти в Вифинии (К проблеме взаимодействия фракийских и общеэллинистических традиций) // ВДИ. 1995. № 3. С. 161–172.
 29. *Габелко О. Л.* История Вифинского царства в зеркале историографии // *Античный мир и его судьбы в последующие века.* Доклады конференции. М., 1996. С. 140–149.

30. Габелко О. Л. Фрако-вифинское население в полисах побережья Пропонтиды и северо-западной Малой Азии // История и культура античного мира. М., 1996. С. 159–174.
31. Габелко О. Л. Международные отношения в эллинистической Малой Азии как предмет системного анализа // Новые подходы в отечественной и всеобщей истории. Материалы конференции молодых ученых-историков Татарстана. Казань, 1996. С. 46.
32. Габелко О. Л. Два сюжета из военно-политической истории Малой Азии в III в. до н. э. // Античность и средневековые Европы. Межвузовский сборник. Пермь, 1996. С. 112–121.
33. Габелко О. Л. Дионисий Византийский о некоторых событиях политической истории региона Боспора Фракийского // Античность: история и историки. Межвузовский сборник. Казань, 1997. С. 34–39.
34. Габелко О. Л. Конфликт Родоса и Вифинии с Византием в освещении Полибия // Античность: миры и образы. Межвузовский сборник. Казань, 1997. С. 26–32.
35. Габелко О. Л. Προυσίας, δραστήριος... καὶ πολλὰ πράξας (Mett., FGrH, 434 F. 19, 1): один эпизод из политической деятельности четвертого царя Вифинии // ПИФК. Вып. 2. Ч. 1. 1997. С. 212–217.
36. Габелко О. Л. К династической истории Вифинского царства // Власть и общество в античном мире. Доклады конференции. М., 1997. С. 209–221.
37. Габелко О. Л. Статус Вифинии в составе державы Митридата VI в 88–85 гг. до н. э. // Античность: события и исследователи. Межвузовский сборник. Казань, 1999. С. 90–94.
38. Габелко О. Л. Гераклея Понтийская и Вифиния в раннеэллинистический период: политико-географический аспект // ВДИ. 1999. № 2. С. 114–126.
39. Габелко О. Л. К генеалогии эллинистических царских династий // Античность: эпоха и люди. Межвузовский сборник. Казань, 2000. С. 51–61.
40. Габелко О. Л. Последствия Апамейского мира: Рим и Первая Вифинская война // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. I. Казань, 2000. С. 226–248.
41. Габелко О. Л. Царская власть в раннеэллинистической Малой Азии: истоки, сущность, правовое обоснование // Античность в современном измерении. Тезисы докладов Всероссийской на-

- учной конференции, посвященной 35-летию научного кружка «Античный понедельник». Казань, 2001. С. 33–36.
42. Габелко О. Л. Монархии, полисы, племена: международные отношения в эллинистической Малой Азии // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Учебно-методический комплекс. Ч. 2. Хрестоматия. Казань, 2002. С. 141–179.
 43. Габелко О. Л. «Проконсульская» эра и положение полисов Вифинии в эллинистический и римский периоды // SH. Вып. 2. 2002. С. 97–106.
 44. Габелко О. Л. Особенности историко-культурного развития малых эллинистических монархий. Программа спецкурса // Проблемы истории и историографии докапиталистических обществ. Специальные курсы кафедры истории древнего мира и средних веков: программы, методические указания и литература. Казань, 2003. С. 29–38.
 45. Габелко О. Л., Завойкин А. А. Еще раз о вифинско-понтийско-боспорской эре // Боспорский феномен: Проблемы датировки и хронологии памятников. Материалы Международной научной конференции. Ч. 1. СПб., 2004. С. 74–81.
 46. Габелко О. Л. Новые данные о вифинских личных именах // Thracians and Circumpontic World. Summaries of the IX-th International Congress of Thracology (Chisinau — Vadul lui Voda, 6–11 Sept. 2004). Chisinau, 2004. С. 135–136.
 47. Гельцер М. Уступил ли Серторий Митридату провинцию Азия? // SH. Vol. III. 2003. С. 83–89.
 48. Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981.
 49. Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история восточного Средиземноморья. М., 1996.
 50. Горлов Ю. В. Родос. Проблемы социально-политического и экономического развития. М., 1996.
 51. Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951.
 52. Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.
 53. Граффити античного Херсонеса / Отв. ред. Э. И. Соломоник. Киев, 1978.
 54. Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1. С. 81–88.

55. *Грацианская Л. И.* «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. Вып. 10. М., 1986. С. 6–175.
56. *Гуленков К. Л.* Дарданский мир: об одном аспекте политики Суллы // Античность: политика и культура. Межвузовский сборник. Казань, 1998. С. 55–62.
57. *Гуленков К. Л.* О достоверности сведений Помпея Трога о Митридатe VI // Сборник работ молодых ученых МГПУ. Вып. IV. (Серия: Всеобщая история). М., 1999. С. 23–30.
58. *Гуленков К. Л.* Митридатовы войны в освещении Аппиана // Античность: эпоха и люди. Межвузовский сборник. Казань, 2000. С. 69–76.
59. *Гуленков К. Л.* Вторая Митридатова война и ее последствия // SH. Vol. I. 2001. С. 73–93.
60. *Гуленков К. Л.* «Особые подразделения» в армии Митридата Евпатора // Митїа. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина. Казань, 2002. С. 233–246.
61. *Гуленков К. Л., Короленков А. В.* Союз Митридата и Сертория // Античность: общество и идеи. Межвузовский сборник. Казань, 2001. С. 63–70.
62. *Гусева М. И.* Фракийское государство Лисимаха: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1955.
63. *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980.
64. *Данов Хр.* Към историята на Тракия и Западното Черноморие от втората половина на III век до средната на I век преди н. е. София, б. г.
65. *Данов Хр.* Полибий и сведенията му за източната половина на Балканския полуостров. София, 1942.
66. *Данов Хр.* Към историята на полусвободните селяни през античната епоха // ИБАИ. Т. XIX. Сб. Гаврил Кацаров. Ч. 2. 1955. С. 111–121.
67. *Данов Хр.* Древна Тракия. София, 1969.
68. *Данов Хр., Василева М.* Мала Азия // КЕТД. С. 169–170.
69. *Даркот Б.* География Турции. М., 1959.
70. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976.
71. *Дзагурова В. П.* Гераклея Понтийская в эпоху ее автономии: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1946.

72. *Дзагурова В. П.* Мемнон. О Геракле. Введение, комментарии // ВДИ. 1951. № 1. С. 283–316.
73. *Димитрова Д. С.* Этнокультурные контакты Юго-Восточных Балкан и Малой Азии (II — начало I тыс. до н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1986.
74. *Дискуссия по проблемам эллинизма* // СА. 1955. Т. XXII. С. 99–125.
75. *Домарадски М.* Келтите на Балканския полуостров. София, 1984.
76. *Драганов Д.* Монетосеченето на Кабиле. София, 1993.
77. *Дройзен И. Г.* История эллинизма. Т. I–III. М., 1890–1893.
78. *Дьяконов И. М.* Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. 1952. № 2. С. 250–278.
79. *Дьяконов И. М.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.
80. *Дьяконов И. М.* Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей // ВДИ. 1981. № 2. С. 34–64.
81. *Ейне А.* Некоторые проблемы истории эллинизма // ВИ. 1976. № 4. С. 72–89.
82. *Ефремов Н. В.* Родосско-византийская война 220 г. до н. э. // ВДИ. 2005. № 1. С. 128–153.
83. *Живкова Л.* Казанлыкская гробница. М., 1976.
84. *Жигунин В. Д.* Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. Казань, 1980.
85. *Жигунин В. Д.* Международная политика эллинистических государств (280–220 гг. до н. э.): Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1988.
86. *Жуковский П.* Земледельческая Турция (Азиатская часть — Анатолия). М.; Л., 1933.
87. *Зельин К. К.* Основные черты эллинизма // ВДИ. 1953. № 4. С. 145–156.
88. *Златковская Т. Д.* Возникновение государства у фракийцев. М., 1971.
89. *Иванов Т.* Два надписа от античните град при Разград // ИБАИ. Т. XIX. Сб. «Гаврил Кацаров». Ч. 2. С. 150–172.
90. *Иванчик А. И.* Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII веках до н. э. М., 1996.
91. *История Древней Греции* / Под ред. В. И. Кузищина. М., 2001.
92. *Кабакчиев Ю.* Фракия и закат крупных эллинистических монархий // ВНР. 1992. № 1–2. Р. 3–12.

108. *Круглов Е. А.* Карийское рабство в позднеклассический период // Проблемы истории и историографии. Античность. Средние века. Межвузовский сборник. Уфа, 1990. С. 3–12.
109. *Круглов Е. А.* Юго-западная Анатолия в протоэллинистический период (этно-политический аспект). Уфа, 1998.
110. *Крыкин С. М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993.
111. *Куликов А. В.* Восточная политика Рима от Гракхов до Цезаря (133–44 гг. до н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992.
112. *Ладынин И. А.* Основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. СПб., 2004. С. 145–184.
113. *Лансель С.* Ганнибал. М., 2002.
114. *Левек П.* Эллинистический мир. М., 1989.
115. *Леви Е. И.* Гераклея Понтийская. Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1947.
116. *Лепер Р. Х.* Греческая надпись из Инеболи // ИРАИК. 1903. № 8. Вып. 1–2. С. 158–164.
117. *Ломоури Н. Ю.* К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979.
118. *Лопухова О. Б.* Делос во II в. до н. э. // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 223–248.
119. *Лордкипанидзе О. Д.* «Эллинизм», «эллинистический мир», «эллинистическая культура»: трудности дефиниций // ПЭЭ. Тбилиси, 1985. С. 8–27.
120. *Макгинг Б.* На рубеже. Культура и история Понтийского царства // ВДИ. 1998. № 3. С. 97–111.
121. *Максимова М. И.* Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа, Амис, Трапезунт. М.; Л., 1956.
122. *Максимова М. И.* Ксенофонт и его «Анабасис» // Ксенофонт. Анабасис. М., 1994. С. 229–245.
123. *Марченко И. И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996.
124. *Матвеев С. Н.* Турция (Азиатская часть — Анатолия). Физико-географическое описание. М.; Л., 1946.
125. *Мищенко Ф. Г.* Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Т. I. СПб., 1994. С. 35–141.

126. *Моисеева Т. А.* Переселение кельтов в Анатолию и договор Никомеда Вифинского с галатами // *Норция*. Вып. 2. Воронеж, 1978. С. 71–82.
127. *Молев Е. А.* Боспор в период эллинизма. Н. Новгород, 1994.
128. *Молев Е. А.* Властитель Понта. Н. Новгород, 1995.
129. *Моммазен Т.* История Рима. Т. I. М., 1994.
130. *Невская В. П.* Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953.
131. *Немировский А. А.* Каппадокийцы и Каппадокия: к формированию этнополитической карты древней Анатолии // *Oriens*. 1999. № 6. С. 5–15.
132. *Немировский А. А.* К вопросу об отражении анатолийского этнополитического переворота нач. XII в. до н. э. в греческой традиции // *Античность: Общество и идеи*. Межвузовский сборник. Казань, 2001. С. 3–19.
133. *Немировский А. А.* Античная традиция о переселении балканских фригийцев в Азию и данные археологии // *Античность: Политика и культура*. Межвузовский сборник. Казань, 1998. С. 3–12.
134. *Немировский А. И.* У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979.
135. *Нефедкин А. К.* Боевые колесницы и колесничие древних греков. СПб., 2001.
136. *Нефедкин А. К.* Развитие древнегреческого лоха // *PARA VELLVM*. Дайджест. 2001. С. 61–70.
137. *Орачев А.* Витинская династия // *КЕТД*. С. 63.
138. *Орачев А.* Витиния // *КЕТД*. С. 63–64.
139. *Орачев А.* Никомед (1–4) // *КЕТД*. С. 194–195.
140. *Орачев А.* Прусий (1–3) // *КЕТД*. С. 223–224.
141. *Пальцева Л. А.* Херсонес и понтийские цари // *Античный полис*. Л., 1979. С. 71–81.
142. *Пальцева Л. А.* Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999.
143. *Паршиков А. Е.* О статусе афинских колоний в V в. до н. э. // *ВДИ*. 1969. № 2. С. 3–19.
144. *Пельман Р.* Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1910.
145. *Периханян А. Г.* Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959.

146. *Перл Г.* Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3. С. 39–69.
147. *Петросян Ю. А.* Древний город на берегах Боспора. М., 1986.
148. *Погодин П. Д., Вульф О. Ф.* Никомидия. Историко-археологический очерк. Одесса, 1897.
149. *Попов Д.* Бендида // КЕТД. С. 35–36.
150. *Попов Д.* Диегилис // КЕТД. С. 83.
151. *Порожанов К.* Тракия Понтика между XIII–VIII в. пр. Хр. — един номадски феномен // Балкански древности. № 2. София, 1992. С. 47–50.
152. *Протопопов А. П.* Военно-топографическое описание Вифинийского полуострова. СПб., 1883.
153. *Пьянков И. В.* Гализоны — халибы — мосхи (К вопросу о циркумпонтийской касте металлургов конца II — I тыс. до н. э.) // Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества (ЗВОРАО). Новая серия. Т. I (XXVI). СПб., 2002. С. 324–342.
154. *Резель В.* О некоторых надгробных памятниках в Вифинии // ЖМНП. Ч. 257. 1888. С. 49–57.
155. *Ростовцев М. И.* Сириск — историк Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1915, апрель. С. 151–170.
156. *Ростовцев М. И.* Понт, Вифиния и Боспор // РИЖ. 1917. С. 111–130.
157. *Рунг Э. В.* Агесилай в Малой Азии (396–394 гг. до н. э.) // Античность: история и историки. Межвузовский сборник. Казань, 1997. С. 63–75.
158. *Самохина Г. С.* Антигон и греческие города Малой Азии // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 3. Л., 1976. С. 152–158.
159. *Сапрыкин С. Ю.* [Рец.]: Граффити античного Херсонеса / Отв. редактор Э. И. Соломоник. Киев, 1978 // ВДИ. 1980. № 2. С. 166–174.
160. *Сапрыкин С. Ю.* Полисы и местное население Южного Причерноморья в архаическую и классическую эпохи // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1979). Тбилиси, 1981. С. 9–22.

161. Сапрыкин С. Ю. ПАФЛАГОНІКА // Thracia Pontica. IV. Sofia, 1991. С. 241–254.
162. Сапрыкин С. Ю. Северная лига: международные отношения в южном Причерноморье в период раннего эллинизма // ПЭЭ. С. 49–61.
163. Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.
164. Сапрыкин С. Ю. [Рец.]: Молев Е. А. Боспор в период эллинизма. Н. Новгород, 1994 // ВДИ. 1996. № 4. С. 219–225.
165. Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. М., 1996.
166. Сапрыкин С. Ю. Фракия как эллинистическое государство // Митца. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина. Казань, 2002. С. 247–263.
167. Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
168. Саркисян Г. Х. Эллинизм в Вавилонии и Армении // Второй Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. М., 1984. С. 60–62.
169. Свенцицкая И. С. Положение зависимого населения Малой Азии в V–IV вв. до н. э. // ВДИ. 1967. № 4. С. 80–86.
170. Свенцицкая И. С. К проблеме «греческого возрождения» в полисах II в. (культурные рецепции в идеологии и повседневной жизни) // Быт и история в античности. М., 1988. С. 170–191.
171. Свенцицкая И. С. Восприятие царя и царской власти в эллинистических полисах (По данным эпиграфики) // Государство, политика и идеология в античном мире. М., 1990. С. 97–108.
172. Свенцицкая И. С. Выступление в дискуссии по общим проблемам эллинизма // ПЭЭ. С. 108–110.
173. Смыков Е. В. Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология. Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997.
174. Сокольский Н. И. О боспорских щитах // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 12–32.
175. Спиридонов Т. Кикони // КЕТД. С. 145.
176. Станчева М. Битюс // КЕТД. С. 46.
177. Стратановский Г. А. Страбон и его «География» // Страбон. География. М., 1994. С. 775–790.
178. Суриков И. Е. О некоторых факторах колонизационной политики Гераклеи Понтийской // ПИФК. Вып. XII. 2002. С. 72–82.

179. Суриков И. Е. Историко-географические проблемы Понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1992. № 2. С. 98–114.
180. Гарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
181. Тачева М. История на българските земи в древността. Ч. II. София, 1987.
182. Толстиков В. П., Виноградов Ю. Г. Декрет Спартокидов из дворцового храма на Акрополе Пантикалея // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 282–301.
183. Тохтасьев С. Р. Газа — любимая жена Дия // ΣΥΣΣΙΤΙ Α. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 232–236.
184. Трейстер М. Ю. Боспор и Египет в III в. до н. э. // ВДИ. 1985. № 1. С. 126–139.
185. Трейстер М. Ю. Кельти у Північному Причорномор'ї // Археологія. 1992. № 2. С. 37–50.
186. Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986.
187. Трухина Н. Н. Вступительная статья, примечания // Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. М., 1992.
188. Туровский Е. Я. К вопросу о внешней политике греческих государств Северного Причерноморья в III в. до н. э. // МВПДЭ. С. 150–156.
189. Тыжов А. Я. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история. Т. I. СПб., 1994. С. 5–33.
190. Уилбур Д. Персеполь. Археологические раскопки резиденции персидских царей. М., 1977.
191. Федосеев Н. Ф. Синопские керамические клейма как источник по политической и экономической истории Понта. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1993.
192. Фол А. Демографска и социална структура на древна Тракия. София, 1970.
193. Фол А. Политическата история на траките. Края на второ хилядолетие до края на пети век преди новата ера. София, 1972.
194. Фол А. Тракия и Балканите през ранноеллинистическата епоха. София, 1975.
195. Фол А., Спиридонов Т. Историческа география на тракийските племена до III в. пр. н. е. София, 1983.
196. Фролов Э. Д. Гераклеийские мариандины (К проблеме взаимоотношений греческих колонистов и местных племен в зоне до-

- рийской колонизации) // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1979). Тбилиси, 1981. С. 22–33.
197. Фролова Н. А. Об изображении щита и меча на одном типе монет Левкона II // ПИФК. Вып. VII. 1999. С. 310–325.
 198. Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999.
 199. Хафнер Г. Выдающиеся портреты античности. 337 портретов в образе и слове. М., 1984.
 200. Чертков А. Д. Фракийские племена, жившие в Малой Азии. М., 1852.
 201. Шелов Д. Б. Аппиан — историк Митридатых войн // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 113–117.
 202. Шофман А. С. История античной Македонии. Ч. II. Казань, 1963.
 203. Шофман А. С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984.
 204. Шелов Д. А. Географическая концепция Гиппарха Никейского: перспективы реконструкции // Жебелевские чтения — III. Тезисы докладов научной конференции 29–31 октября 2001 г. СПб., 2001. С. 39–43.
 205. Юркова Й. Политическата обстановка в Югоизточна Тракия около средата на III в. пр. н. е. (По нумизматични данни) // Археология. София, 1982. № 2. С. 1–8.
 206. Ager S. L. Interstate Arbitrations in the Greek World, 333–90 B. C. Berkeley; Los Angeles; London, 1996.
 207. Akurgal E. Neue archaische Skulpturen aus Anatolien // Archaische und classische griechische Plastik. I. Kolloquium. Athen, 1985. S. 1–14.
 208. Allen R. A. The Attalid Kingdom. A Constitutional History. Oxford, 1983.
 209. Aly W. Strabon von Amaseia. Untersuchungen über Text, Aufbau und Quellen der Geographica. München, 1960.
 210. Ameling W. Domitius Kallistratos. FgrHist 433 // Hermes. Bd. XLIV. № 3. 1995. S. 373–376.
 211. Anderson J. K. Military Theory and Practice in the Age of Xenophon. Berkeley; Los-Angeles, 1970.
 212. Arslan M. Galatlar. Antikçağ Anadolu'sunun Savaşçı Kavmi. Istanbul, 2000.

213. *Asgari N., Firatli N.* Die Nekropole von Kalchedon // SRKK. S. 1–92.
214. *Asheri D.* Über die Frühgeschichte von Herakleia Pontike. II. Die Mariandynen // Forschungen an der Nordküste Kleinasiens / Hrsg von F. K. Dörner. Bd. I. Herakleia Pontike. Forschungen zur Geschichte und Topographie. Wien, 1972. S. 17–23.
215. *Asheri D.* On the «Holy Family» of Astakos // SRKK. S. 93–98.
216. *Asheri D.* Fra Ellenismo e Iranismo. Bologna, 1983.
217. *Astin A.* Scipio Aemilianus. Oxford, 1967.
218. *Astin A.* Cato the Censor. Oxford, 1978.
219. *Avi-Yonah M.* Hellenism and the East. Contacts and Interactions from Alexander to the Roman Conquest. Ann Arbor, 1978.
220. *Avram A.* Bemerkungen zu den Mariandynen von Herakleia am Pontos // SC. Vol. 22. 1984. S. 19–29.
221. *Aymard A.* Etudes d'histoire ancienne. Paris, 1967.
222. *Badian E. Q.* Mucius Scaevola and Province of Asia // Athenaeum. Vol. 34. 1956. P. 104–123.
223. *Badian E.* Foreign Clientelae (264–70 B. C.). Oxford, 1958.
224. *Badian E.* Sulla's Cilician Command // Athenaeum. Vol. 37. 1959. P. 279–303.
225. *Badian E.* Roman Imperialism in the Late Republic. Ithaca; New York, 1968.
226. *Badian E.* Publicans and Sinners. Private Enterprise in the Service of the Roman Republic. Ithaca; London, 1983.
227. *Bagnall R. S.* The Administration of the Ptolemaic Possessions outside Egypt. Leiden, 1976.
228. *Ballesteros Pastor L.* Dos apuntes sobre Manio Aquilio (Cos. 101 A. C.) // Habis. Vol. 30. 1999. P. 135–141.
229. *Ballesteros Pastor L.* Mitridates Eupátor, el ultimo re los grandes monarcos hellenisticos // DHA. T. 20. № 2. 1994. P. 115–133.
230. *Ballesteros Pastor L.* Mitridates Eupátor, rey del Ponto. Granada, 1996.
231. *Ballesteros Pastor L.* Observaciones sobre la biografia de Mitridates Eupator en el Epitome de Justino (37. 1. 6 — 38. 8. 1) // Habis. Vol. 27. 1996. P. 73–82.
232. *Ballesteros-Pastor L.* Marius' Words to Mithridates Eupator // Historia. Bd. XLVIII. Ht. 4. 1999. P. 506–508.
233. *Ballesteros Pastor L.* Pharnaces I of Pontus and the Kingdom of Pergamum // Talanta. 2000–2001. Vol. 32–33. P. 60–66.

234. *Bannert H.* Ein übersehener thrakischer Personennamen // Die Sprache. Bd. 22. 1976 (non vidi).
235. *Bar-Kochva B.* Menas' Inscription and Corupedion // SCI. Vol. 1. 1974. P. 14–23.
236. *Baronowsky D. W.* The Status of the Greek Cities of Asia Minor after 190 B. C. // Hermes. Bd. CXIX. 1991. P. 450–463.
237. *Baumbach A.* Kleinasien unter Alexander dem Grossen. Jena, 1911.
238. *Bechtel F.* Die historische Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Halle, 1917.
239. *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. Bd. IV. Abt. 1–2. Leipzig, 1925.
240. *Benecke P. V. M.* Rome and the Hellenistic States // CAH¹. Vol. I. 1930. P. 279–305.
241. *Bengtson H.* Die Strategie in der Hellenistischen Zeit. Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht. Bd. I–III. München, 1937–1952.
242. *Bengtson H.* Die Inschriften von Labranda und die Politik des Antigonos Doson. München, 1971.
243. *Bennet W. H.* The Death of Sertorius and the Coins // Historia. Bd. X. Ht. 4. 1961. P. 459–472.
244. *Berthold R. M.* Rhodes in the Hellenistic Age. Ithaca; London, 1984.
245. *Berve H.* Das Alexanderreich auf der prosopographischen Grundlage. Bd. I–II. München, 1926.
246. *Best J. G. P.* Thracian Peltasts and Their Influence on Greek Warfare. Groningen, 1969.
247. *Bevan E. R.* The House of Seleucus. Vol. I–II. London, 1902.
248. *Beyer-Rothoff B.* Untersuchungen zur Aussenpolitik Ptolemaios' III. Bonn, 1993.
249. *Billows R. A.* Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley; Los Angeles; London, 1990.
250. *Billows R. A.* Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York; Köln, 1995.
251. *Bittner A.* Gesellschaft und Wirtschaft in Herakleia Pontike. Eine Polis zwischen Tyrannis und Selbstverwaltung. Bonn, 1998.
252. *Boffo L.* I re ellenistici e i centri religiosi dell' Asia Minore. Firenze, 1985.
253. *Boshnakov K.* Die Thraker südlich von Balkan in den Geographika Strabos. Wiesbaden; Stuttgart, 2003.

254. *Bosworth A. B.* A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. I. Oxford, 1980.
255. *Bosworth A. B., Wheatley P. V.* The Origins of the Pontic House // *JHS*. Vol. 118. 1998. P. 155–164.
256. *Bouché-Leclercq A.* Histoire des Séleucides (323–64 av. J.-C.). T. I–II. Paris, 1913–1914.
257. *Braund D. C.* Three Hellenistic Personages: Amyntander, Prusias II, Daphidas // *CQ*. Vol. XXXII. № 2. 1982. P. 350–357.
258. *Braund D. C.* Rome and the Friendly King: the Character of Client Kingship. London; Canberra; New York, 1984.
259. *Briscoe J.* Eastern Policy and Senatorial Politics 168–146 B. C. // *Historia*. Bd. XVIII. Ht. 4. 1969. P. 49–70.
260. *Briscoe J.* Flaminius and Roman Politics, 200–189 // *Latomus*. T. XXXI. Fasc. 1. 1972. P. 22–53.
261. *Briscoe J.* A Commentary on Livy. Books XXXI–XXXIII. Oxford, 1973.
262. *Briscoe J.* A Commentary on Livy. Books XXXIV–XXVII. Oxford, 1981.
263. *Broughton T. R. S.* Roman Asia // An Economic Survey of Ancient Rome. Baltimore, 1937. P. 499–916.
264. *Broughton T. R. S.* The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I–II. New York, 1951–52.
265. *Bruce I. A. F.* A Historical Commentary on the Hellenica Oxyrhynchia. Cambridge, 1967.
266. *Bulin R. K.* Untersuchungen zur Politik und Kriegführung Roms im Osten von 100–68 v. Chr. Frankfurt-am-Main; Bern, 1983.
267. *Buraselis K.* Das Hellenistische Makedonien und die Ägäis. Forschungen zur Politik des Kassandros und drei ersten Antigoniden in Ägäischen Meer und in Westkleinasien. München, 1982.
268. *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976.
269. *Burstein S. M.* The Aftermath of the Peace of Apameia. Rome and the Pontic War // *AJAH*. Vol. 5. 1980. P. 1–12.
270. *Büttner-Wobst Th.* Attalos II und Nikomedes Monodus // *Klio*. Bd. V. 1905. S. 103.
271. *Callatay F. de.* Les derniers rois de Bithynie: problèmes de chronologie // *RBN*. T. CXXXII. 1986. P. 5–30.
272. *Callatay F. de.* La politique monétaire de Mithridate VI Eupator, roi de Pont (120–63 av. J.-C.) // *Rhythmes de la production*

- monétaire de l' antiquité à nos jours. *Numismatica Lovaniensia*.
 № 7. Louvain-la-Neuve, 1987.
273. *Callatay F. de*. Certaines bronzes du roi Pylémene de Paphlagonie
 probablement contremarqués par Mithridate Eupator // *GNS*.
 T. 32. 1988. P. 34–37.
274. *Callatay F. de*. L'Histoire des guerres Mithridatiques vue par les
 monnaies. Louvain-la-Neuve, 1997.
275. *Canali de Rossi F*. Le ambascerie dal mondo greco a Roma in età
 repubblicana. Roma, 1997.
276. *Cardinali G*. Il regno di Pergamo. Roma, 1906.
277. *Carney E. D*. Women and Monarchy in Macedonia. Norman, 2000.
278. *Cary M*. A History of the Greek World from 323 to 146 B. C.
 London, 1932.
279. *Cary M*. The Geographic Background of Greek and Roman His-
 tory. Oxford, 1949.
280. *Cimma M. R*. Regi socii et amici populi Romani. Milano, 1976.
281. *Cohen G*. The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands, and
 Asia Minor. Berkeley; Los Angeles; London, 1995.
282. *Corey Brennan T*. Sulla's Career in the Nineties: Some Recon-
 siderations // *Chiron*. Bd. 22. 1992. P. 103–158.
283. *Corradi G*. Studi ellenistici. Torino, 1927.
284. *Corso A*. Nicomede I, Dedalsa e le Afroditi nude al bagno //
Numismatica e Antichità classiche. Quaderni ticinesi. T. XIX.
 1990. P. 135–160.
285. *Corsten Th*. Über die Schwierigkeit, Reliefs nach Inschriften zu
 datieren // *IstMitt*. Bd. 37. 1987. S. 187–199.
286. *Corsten Th*. Daskyleion am Meer // *EA*. Ht. 12. 1988. S. 53–77.
287. *Corsten Th*. Einige neuen thrakische Namen // *BN*. Bd. 25.
 Ht. 3–4. 1990. S. 261–266.
288. *Corsten Th*. Neue Denkmäler aus Bithynien // *EA*. Ht. 17. 1991.
 S. 79–99.
289. *Cremer M*. Hellenistisch-römische Grabstelen im nordwestlichen
 Kleinasien. 2. Bithynien / *AMS*. Bd. 4. Bonn, 1992.
290. *Curtly O*. Les parentés légendaires entre cités grecques. Genève,
 1995.
291. *Dahlmann H*. Caesars Rede für die Bithyner // *Hermes*.
 Bd. LXXIII. 1938. S. 341–346.
292. *Danov Chr*. Zu der Ethnogenese und der Lageverschiebungen der
 Völkstämme Altthrakien in der zweiten Hälfte des II. und der

- ersten Hälfte des I. Jahrtausends v. u. Z. // L'ethnogenèse des peuples balkaniques. Symposium international sur l'ethnogenèse des peuples balkaniques. Plovdiv, 23–28 avril 1969. Sofia, 1971. S. 271–277.
293. *Daux G.* Notes de chronologie delphique: le roi Nicomède III et la reine Laodice // BCH. T. 57. 1933. P. 72–82.
294. *Darbyshire G., Mitchell S., Levent V.* The Galatian Settlement in Asia Minor // AS. Vol. 50. 2000. P. 75–97.
295. *Debord P.* Comment devenir le siège d'une capitale impériale: le «racours» de la Bithynie // REA. T. 100. № 1–2. 1998. P. 139–165.
296. *Desideri P.* Studi di storiografia eracleota. I. Promathidas e Nymphis // SCO. Vol. XVI. 1967. P. 366–416.
297. *Desideri P.* Studi di storiografia eracleota. II. La guerra con Antiocho il Grande // SCO. Vol. XIX–XX. 1970–1971. P. 487–537.
298. *Desideri P.* Posidonio e la guerra mithridatica // Athenaeum. Vol. 51. 1973. P. 30–59, 237–269.
299. *Dethier P.* Der Bosphor und Constantinopol. Wien, 1873.
300. *Detschew D.* Die thrakische Sprachreste. Wien, 1957.
301. *Dimitrov P. A.* Deux noms nouveaux d'aristocrates thraces dans une inscription de Kazanlak // Orpheus. Vol. 5. Sofia, 1995. P. 23–25.
302. *Dobesh G.* Caesar und Kleinasien // Tyche. Bd. 11. 1996. S. 51–77.
303. *Domaradzky M.* L'État des Celtes en Thrace avec capitale Tyllis et en Asie Mineure — Galatie // Pulpudeva. 3. Sofia, 1980. P. 52–56.
304. *Dörner F. K.* Inschriften und Denkmäler aus Bithynien / Istanbuler Forschungen. Bd. 14. Berlin, 1941.
305. *Dörner F. K.* Bericht über eine Reise in Bithynien. Wien, 1952.
306. *Dörner F. K.* Vorbericht über eine Reise in Bithynien und in bithynischen-paphlagonischen Grenzgebiet, 1962 // Anzeiger der Akademie in Wien. Philologische-Historische Klasse. Bd. 100. 1963. S. 136–144.
307. *Dörner F. K.* Bithynia // Der Kleine Pauly. Lief. 5. 1964. Sp. 908–911.
308. *Dörner F. K.* Prusa ad Olypium // RE. Bd. XXIII. 1. 1957. Sp. 1071–1086.
309. *Dörner F. K.* Prusias (Stadt) // RE. Bd. XXIII. 1. 1957. Sp. 1128–1148.

310. *Dörner F. K., Hoepfner W.* Vorläufiger Bericht über eine Reise in Bithynien, 1962 // AA. 1962. Ht. 3. S. 579–586.
311. *Dörner F. K., Hoepfner W.* Das Eiland Thynias-Apollonia // IstMitt. Bd. 39. 1989. S. 103–106.
312. *Dow S., Edson C.-F.* Chryseis: A Study of the Evidence in Regard to the Mother of Philip V // HSCPh. 1937. Vol. XLVIII. 1937. P. 127–180.
313. *Duggan A.* King of Pontus. The Life of Mithridates Eupator. New York, 1959.
314. *Dunst G.* Κερσής // Chiron. Bd. 1. 1971. S. 111–114.
315. *Duridanov I.* Die thrakischen Ortsnamen Bithyniens // Pulpu-deva. 3. Sofia, 1980. S. 220–222.
316. *Duridanov I.* Die thrakischen Personennamen Bithyniens // BE. T. XXIV. 1. 1981. S. 31–42.
317. *Eckstein A. M.* Rome, the War with Perseus, and the 3-rd Party Mediation // Historia. Bd. XXXVII. Ht. 4. 1982. P. 414–444.
318. *Eckstein A. M.* Moral Vision in the Histories of Polybius. Berkeley; Los Angeles; London, 1995.
319. *Eddy S. K.* The King is Dead. Lincoln, 1976.
320. *Eichberg M.* Scutum. Die Entwicklung einer italisch-etruskischen Schildform von den Anfängen bis zur Zeit Caesars. Frankfurt-am-Main; Bern; New York; Paris, 1987.
321. *Ellis P. B.* Celt and Greek. London, 1996.
322. *Engelmann H., Knibbe D.* Das Zollgesetz der Provinz Asia. Eine neue Inschrift aus Ephesos // EA. Ht. 14. 1989.
323. *Erim K. T.* Aphrodisias in Caria. The 1973 Campaign // Türk arkeoloji dergisi. C. 22. 1973. P. 73–92.
324. *Erol O.* Die naturräumliche Gliederung der Türkei. Wiesbaden, 1983.
325. *Errington R. M.* The Down of Empire: Rome's Rise to World Power. London, 1971.
326. *Errington R. M.* Rome against Philip and Antiochus // CAH². Vol. VIII. 1989. P. 244–289.
327. *Errington R. M.* Macedonian «Royal Style» and Its Historical Significance // JHS. Vol. 94. 1974. P. 20–37.
328. *Errington R. M.* A History of Macedonia. Berkeley; Los Angeles; London, 1993.
329. *Ferguson W. S.* Hellenistic Athens. London, 1911.

330. *Figueira T. J.* Athens and Aigina in the Age of Imperial Colonisation. Baltimore; London, 1991.
331. *Firalli N.* Bitinya arařtırmalarima birkaç illave // Türk tarih kurumu Belleten. C. XVII. 1953. S. 15–26.
332. *Firalli N., Robert L.* Les stèles funéraires de Byzance Gréco-Romaine (avec l'édition et l'index commenté des épitaphes). Paris, 1964.
333. *Fol A.* Parallèles thraco-bithyniens de l'époque preromanie. I. Le régime de la propriété // Études historiques. T. 5. Sofia, 1970. P. 177–189.
334. *Fol A.* Observations préliminaires sur la diaspora thrace en Asie Mineure et dans le Proche-Orient pendant l'antiquité // Études balkaniques. T. 2. Sofia, 1971. P. 56–72.
335. *Fol A.* Thrako-bithynische Parallelen im vorrömischen Zeitalter. II. Bevölkerungs- und gesellschaftsstrukturen // Thracia. I. Serdicae, 1972. S. 197–212.
336. *Fol A., Velkov V.* Les Thraces en Égypte gréco-romaine. Sofia, 1977.
337. *Fontenrose J.* Didyma. Apollo's Oracle, Cult and Companions. Berkeley; Los Angeles; London, 1987.
338. *Foss C.* Byzantine Malagina and the Lower Sangarius // AS. Vol. XL. 1990. P. 161–184.
339. *Freely J.* Turkey around the Marmara. Istanbul, 1998.
340. *French D.* Sinopean Notes I // EA. Ht. 16. 1990. P. 45–65.
341. *French D.* Thracians in Northwestern Asia Minor // Europa Indo-Europea. Atti del VI Congresso Internazionale di Tracologia e del VII Simposio Internazionale di Studi Traci. Palma de Mallorca, 24–30 marzo 1992. Roma, 1994. P. 69.
342. *Gabelko O. L.* The Thraco-Bithynian Population in the Cities of the Propontis Coast // The Thracian World on the Crossroads of Civilization. Reports and Summaries of the 7-th International Congress of Thracology. Bucharest, 1996. P. 368–369.
343. *Gabelko O. L.* Zur Lokalisierung und Chronologie der Asiatischen Besitzungen von Byzanz // Orbis Terrarum. Bd. 2. Stuttgart, 1996. S. 121–128.
344. *Gaggero G.* Nouvelles considerations sur les dynastes du 1-er siècle de n. ere // Pulpudeva. 3. Sofia, 1980. P. 294–315.
345. *Gauger J. D.* Bithynien // Kleines Wörterbuch des Hellenismus / Hrsg v. H. H. Schmitt und E. Vogt. S. 96–99.

346. *Gauthier Ph.* Les cités grecques et leurs bienfaiteurs (IV-e — I-e siècle av. J.-C.). Contribution à l'histoire des institutions. Athènes, 1985.
347. *Georgiev V.* La formation et l'ethymologie des noms des Thraces et Daces // *БЕ.* T. XXIV. 1. 1981. P. 5–29.
348. *Geyer F.* Lysimachos // *RE.* Bd. XV. 1. 1928. Sp. 1–31.
349. *Geyer F.* Mithridates // *RE.* Bd. XV. 2. 1932. Sp. 2163–2205.
350. *Geyer F.* Nikomedes (3, 4, 5, 6) // *RE.* Bd. XVII. 1936. Sp. 493–499.
351. *Geysels L.* ΠΟΛΙΣ ΟΙΚΟΥΜΕΝΗ dans l'Anabase de Xénophon // *EC.* T. 42. 1974. P. 29–38 (non vidi).
352. *Glew D. G.* Mithridates Eupator and Rome: A Study of the Background of the First Mithridatic War // *Athenaeum.* Vol. LV. 1977. P. 380–404.
353. *Glew D. G.* The Selling of the King. A Note on Mithridates Eupator's Propaganda // *Hermes.* Bd. CV. 1977. P. 254–257.
354. *Glew D. G.* Between the Wars: Mithridates Eupator and Rome, 85–73 B. C. // *Chiron.* Bd. 11. 1981. P. 109–131.
355. *Glew D. G.* The Cappadocian Expedition of Nicomedes III Euergetes, King of Bithynia // *ANSMusN.* Vol. 32. 1987. P. 23–55.
356. *Gočeva Z.* Le mythe de Pnihee et la Thrace Pontique // *Pulpu-deva.* 3. Sofia, 1980. P. 42–45.
357. *Görlitz W.* Hannibal. Eine politische Biographie. Stuttgart, 1970.
358. *Grainger J. D.* Seleukos Nikator: Constructing a Hellenistic Kingdom. London; New York, 1990.
359. *Grainger J. D.* The Cities of Seleukid Syria. Oxford, 1990.
360. *Grainger J. D.* A Seleukid Prosopography and Gazetteer. Leiden; New York; Köln, 1997.
361. *A Greek-English Lexicon.* Completed by Henry George Liddell and Robert Scott. Revised and augmented by Sir Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie and with cooperation of many scholars. With a revised supplement. Oxford, 1996.
362. *Green P.* Alexander to Actium. The Historical Evolution of the Hellenistic Age. Berkeley; Los Angeles, 1990. P. 840.
363. *Griffith G. T.* The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge, 1935.
364. *Gruen E. S.* The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. I–II. Berkeley; Los Angeles; London, 1984.

365. Günther L.-M. Caesar und die Seeräuber — eine Quellenanalyse // *Chiron*. Bd. 29. 1999. S. 321–337.
366. Günther W. Das Orakel von Didyma in hellenistischer Zeit. Tübingen, 1971.
367. Guinea Diaz P. Nicea. Ciudad y Territorio en la Bitinia Romana. Huelva, 1997.
368. Habicht Ch. Gottmenschentum und griechische Städte. München, 1956.
369. Habicht Ch. Über die Kriege zwischen Pergamon und Bithynien // *Hermes*. Bd. LXXXIV. 1956. S. 90–110.
370. Habicht Ch. Prusias (1, 2, 3) // *RE*. Bd. XXIII. 1957. 1. Sp. 1086–1127.
371. Habicht Ch. Ziaelas // *RE*. Bd. 10 a. 1972. Sp. 387–397.
372. Habicht Ch. Zipoites (1, 2, 3) // *RE*. Bd. 10 a. 1972. Sp. 448–459.
373. Habicht Ch. The Seleucids and Their Rivals // *CAH*². Vol. VIII. 1989. P. 324–387.
374. Hammond N. G. L. Which Ptolemy gave Troops and Stood as Protector of Pyrrhus' Kingdom? // *Historia*. Bd. XXXVII. Ht. 4. 1988. P. 405–413.
375. Hammond N. G. L. The Macedonian State: Origins, Institutions and History. Oxford, 1989.
376. Hanell K. Megarische Studien. Lund, 1934.
377. Hanfmann C. M. A. From Croesus to Constantine. The Cities of Western Asia Minor and Their Arts in Greek and Roman Times. Ann Arbor, 1975.
378. Hannestad L. Greeks and Celts: The Creation of a Myth // *Centre and Periphery in the Hellenistic World / Studies in Hellenistic Civilization*. Vol. IV. Ed. by P. Bilde, T. Engberg-Pedersen, L. Hannestad, J. Zahle, K. Randsborg. Aarhus, 1993. P. 15–38.
379. Hannestad L. «This Contributes in No Small Way to One's Reputation»: The Bithynian Kings and Greek Culture // *Aspects of Hellenistic Kingship / Studies in Hellenistic Civilization*. Vol. V. Ed. by P. Bilde, T. Engberg-Pedersen, L. Hannestad, J. Zahle, K. Randsborg. Aarhus, 1996. P. 67–98.
380. Hansen E. V. The Attalids of Pergamon. Ithaca; New York, 1947.
381. Harris B. F. Bithynia under Trajan. Roman and Greek Views of the Principate. Auckland, 1964.

382. *Harris B. F.* Bithynia: Roman Sovereignty and the Survival of Hellenism // ANRW. Bd. VII. T. 2. Berlin; New York, 1982. P. 857–901.
383. *Hasluck F. W.* Cyzicus. Cambridge, 1910.
384. *Haussolier B.* Études sur l'histoire de Milet et du Didymeion. Paris, 1902.
385. *Heinen H.* Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3 Jahrhunderts v. Chr. Wiesbaden, 1972.
386. *Heinen H.* The Syrian-Egyptian Wars and the New Kingdoms of Asia Minor // CAH². Vol. VII. Part. 2. 1984. P. 412–445.
387. Der Hellenismus und der Aufstieg Roms. Die mittelmeerwelt in Altertum. II / Fisher Weltgeschichte. Hrsg. v. P. Grimal. Frankfurt-am-Main, 1965.
388. The Hellenistic World from Alexander to the Roman Conquest / Ed. and transl. by M. M. Austin. Cambridge, 1981.
389. *Herzfeld E.* The Persian Empire. Studien in Geography and Ethnography of the Ancient Near East. Wiesbaden, 1968.
390. *Herzog R.* Ein Brief des Königs Ziaelas von Bithynien an die Koer // AM. Bd. XXX. 1905. S. 173–182.
391. *Herzog R.* Griechische Königsbriefe // Hermes. Bd. LXV. Ht. 4. 1930. S. 455–471.
392. *Herzog R., Klaffenbach G.* Asylieurkunden aus Kos. Berlin, 1952.
393. *Hind J. G. F.* Mithridates // CAH². Vol. IX. 1994. P. 129–164.
394. *Hoffmann W.* Philetairos (3) // RE. Bd. XX. 1938. Sp. 2162–2163.
395. *Holleaux M.* Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au III-e siècle av. J.-C. (273–205). Paris, 1921.
396. *Holleaux M.* Études d'épigraphie et d'histoire grecques. T. I–V. Paris, 1938–1957.
397. *Hose M.* Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker in Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart; Leipzig, 1994.
398. *Hind J. G. F.* Mithridates // CAH². Vol. IX. 1994. P. 129–164.
399. *Holder A.* Alt-celtischer Sprachschatz. Bd. I–III. Graz, 1961–1962.
400. *Hopp J.* Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. München, 1977.
401. *How W. W., Welles J.* A Commentary on Herodotus in Two Volumes. Vol. I. (Books I–IV). Oxford; New York, 1989.
402. *Hünerwadel W.* Forschungen zur Geschichte des Königs Lysimachos von Thrakien. Zürich, 1901.

403. *An Inventory of Greek Coin Hoards* / Ed. by M. Thompson, O. Mørkholm, C. M. Kraay. New York, 1973.
404. *Die Inschriften von Apameia (Bithynien) und Pylai* / IK. Bd. 32. Hrsg. v. Th. Corsten. Bonn, 1987.
405. *Die Inschriften von Byzanz* / IK. Bd. 41. Hrsg. v. A. Laitar. Bonn, 2000.
406. *Die Inschriften von Erythrai und Klazomenai* / IK. Bd. I. T. 1. Hrsg. v. H. Engelmann und R. Merkelbach. Bonn, 1972.
407. *Die Inschriften von Hadrianoi und Hadrianeia* / IK. Bd. 33. Hrsg. v. E. Schwertheim. Bonn, 1987.
408. *Die Inschriften von Ilion* / IK. Bd. 3. Hrsg. v. P. Frisch. Bonn, 1975.
409. *Die Inschriften von Kalchedon* / IK. Bd. 20. Hrsg. v. R. Merkelbach mit Hilfe v. F. K. Dörner und S. Şahin. Bonn, 1980.
410. *Die Inschriften von Kios* / IK. Bd. 31. Hrsg. v. Th. Corsten. Bonn, 1985.
411. *Die Inschriften von Klaudiupolis* / IK. Bd. 28. Hrsg. v. F. Becker-Berthau. Bonn, 1986.
412. *Die Inschriften von Kyme* / IK. Bd. 5. Hrsg. v. H. Engelmann. Bonn, 1976.
413. *Die Inschriften von Kyzikos und Umgebung. T. I. Grabtexte* / IK. Bd. 18. Hrsg. v. E. Schwertheim. Bonn, 1980.
414. *Die Inschriften von Kyzikos und Umgebung. T. II. Miletupolis. Inschriften und Denkmäler* / IK. Bd. 26. Hrsg. v. E. Schwertheim. Bonn, 1983.
415. *Die Inschriften von Lampsakos* / IK. Bd. 6. Hrsg. v. P. Frisch. Bonn, 1976.
416. *Die Inschriften von Prusa ad Olympum* / IK. Bd. 39. T. 1–2. Hrsg. v. Th. Corsten. Bonn, 1991–1993.
417. *Die Inschriften von Prusias ad Hypium* / IK. Bd. 27. Hrsg. v. W. Ameling. Bonn, 1985.
418. *Die Inschriften von Selge* / IK. Bd. 37. Hrsg. v. J. Nolle und F. Schnidler. Bonn, 1991.
419. *The Inscriptions of Heraclea Pontica* edited by Lloyd Jonnes with a *Prosopographia Heracleotica* by Walter Ameling / IK. Bd. 47. Bonn, 1994.
420. *The Inscriptions of Sinope. Part. I. Inscriptions* / IK. Bd. 64. Ed. by D. H. French. Bonn, 2004.
421. *Isaac B. H. The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest*. Leiden, 1986.

422. *Ivančik A.* Les Thraces et les Maryandines dans la tradition locale d'Heracleée du Pont // *The Thracian World on the Crossroads of Civilization. Reports and Summaries of the 7-th International Congress of Thracology.* Bucharest, 1996. P. 369–370.
423. *Jacopi P.* Note anatolice // *BMIR.* Vol. 9. 1938. P. 44–49.
424. *Janakieva S.* Die Stammensnamen Θυνοί und Βιθυνοί // *Thracia Antiqua. Bulletin d'information et de communications de l'Institut de Thracologie.* № 1. Sofia, 1976. S. 56–61.
425. *Janke M.* Historische Untersuchungen zu Memnon von Herakleia. Kap. 18–40. *FGrH*, 434. Würzburg, 1963.
426. *Jones A. H. M.* *The Cities of the Eastern Roman Provinces.* Oxford, 1937.
427. *Jones A. H. M.* *The Greek City from Alexander to Justinian.* Oxford, 1940.
428. *Jones C. P.* Diodoros Pasparos and the Nikephoria of Pergamon // *Chiron.* Bd. 4. 1974. P. 183–205.
429. *Jones C. P.* The Decree of Ilion in Honour of a King Antiochus // *GRBS.* Vol. 34. 1993. P. 73–92.
430. *Jouguet P.* *L'impérialisme macédonien et l'hellénisation de l'Orient.* Paris, 1937.
431. *Kabakčiev J.* La Thrace et la politique des grandes monarchies hellénistiques au III-e siècle av. n. e. // *BHR.* Vol. 13. № 3. 1985. P. 52–58.
432. *Kalinka E.* *Antike Denkmäler in Bulgarien / Schriften der Balkankommission.* Abt. IV. Wien, 1906.
433. *Kalinka E.* Aus Bithynien und Umgebung // *JÖAI.* Bd. XXVIII. 1933. S. 44–111.
434. *Kallet-Marx R. M.* *Hegemony to Empire. The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 B. C.* Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1995.
435. *Karagöz S.* Stele des Phokritos aus der gegend von Pylai // *EA.* Ht. 7. 1986. S. 101.
436. *Kämmel O.* *Heracleotica. Beiträge zur älteren Geschichte der griechischen Kolonisation im Nördlichen Klein-Asien.* Plauen, 1869.
437. *Kawerau G., Rehm A.* *Das Delphinion in Milet.* Berlin, 1914.
438. *Kitov G.* Les tumuli royax dans «La vallée du rois» // *Orpheus.* Vol. 5. Sofia, 1995. P. 5–21.
439. *Kleiner F. S.* *The Giresun Hoard* // *ANSMusN.* Vol. 19. 1974. P. 3–23.

440. *Kleiner G.* Hellenistische Sarkophag in Kleinasien // *IstMitt.* Bd. 7. 1957. S. 1–10.
441. *Klose P.* Die völkerrechtliche Ordnung der hellenistischen Staatenwelt in der Zeit von 280–168 v. Chr.: Ein Beitrag zur Geschichte des Völkerrechts. München, 1972.
442. *Knaack.* Eratosthenes (5) // *RE.* Bd. 6. 1909. Sp. 388–389.
443. *Kobes J.* «Kleine Könige». Untersuchungen zu den Lokaldynasten im hellenistischen Kleinasien (323–188 v. Chr.). St. Katharinen, 1996.
444. *Koenen L.* The Ptolemaic King as a Religious Figure // *Images and Ideologies: Self-Definition in the Hellenistic World.* Berkeley; Los Angeles; London, 1993. P. 81–113.
445. *Koerte A.* Kleinasiatische Studien. V. Inschriften aus Bithynien // *AM.* Bd. XXIV. 1899. S. 398–451.
446. *Kraay C. M., Davis N.* The Hellenistic Kingdoms. Portrait Coins and History. London, 1973.
447. *Kreißig H.* Geschichte des Hellenismus. Westberlin, 1984.
448. *Kroll J. H.* The Athenian Agora. Vol. XXVI. The Greek Coins. Princeton, 1993.
449. *Kubinska J.* Les monuments funéraires dans les inscriptions grecques de l'Asie Mineure. Warszawa, 1968.
450. *Lambros P.* Ziaelas, König von Bithynien // *ZN.* Bd. 3. 1876. S. 220–222.
451. *Landucci Gattinoni F.* Lisimaco di Tracia. Un sovrano nella prospettiva del primo ellenismo. Milano, 1992.
452. *Laqueur R.* Lokalchronik. (Lokalchronik von Herakleia) // *RE.* Bd. XIII. Hbbd. 25. 1926. Sp. 1098–1103.
453. *Lauffer S.* Die Bergwerkssklaven von Luareion. Bd. I–II. Wiesbaden, 1956.
454. *Launey M.* Études d'histoire hellénistique. I. Un épisode oublié de l'invasion galate en Asie Mineure (278/7 av. J.-C.) // *REA.* T. XLVI. 1944. № 3–4. P. 217–236.
455. *Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. T. I–II. Paris, 1949–1950.
456. *Lauria G. A.* La Bitinia. La Lidia. S. l., 1874.
457. *Lazova T.* Are the Halizones a Thracian Tribe? Some Glances at the Ancient Greek Tradition // *Thracia Antiqua.* Sofia, 1976. № 1. P. 62–68.
458. *Leaf J.* Strabo on Troad. London, 1932.
459. *Le Bohec S.* Antigone Dôsôn, roi de Macédonie. Nancy, 1993.

460. *Legon R.* Megara. The Political History of a Greek City-State to 336 B. C. Ithaca; London, 1981.
461. *Lendle O.* Kommentar zu Xenophons Anabasis (Bücher 1–7). Darmstadt, 1995.
462. *Lenk B.* Thynoi // RE. Bd. VI a. Hbhd. 11. 1936. Sp. 734.
463. *Leschhorn W.* «Gründer der Stadt». Studien zu einen politisch-religiösen Phänomen der griechischen Gtschichte. Stuttgart, 1984.
464. *Leschhorn W.* Antike Ären. Zeitrechnung, Politik und Geschichte im Schwarzmeerraum und in Kleinasien nördlich des Tauros. Stuttgart, 1993.
465. *Levick B.* Aspects of Social Life in Aezani: A Preview of MAMA IX // Sociétés urbaines, sociétés rurales dans l'Asie Mineure et la Syrie hellénistique et romaines / Ed. par E. Frézouls. Strasbourg, 1987. P. 259–270.
466. *Lewis D. M.* Sparta and Persia. Leiden, 1977.
467. *Lewis M. F.* A History of Bithynia under Roman Rule, 74 B. C. — A. D. 14. Diss. Minnesota, 1973.
468. *Liebmann-Frankfort T.* Valeur juridique et signification politique des testaments faits par les rois hellénistiques en faveur des Romains // RIDA. 3-e ser. T. XIII. 1966. P. 73–94.
469. *Liebmann-Frankfort T.* La frontière orientale dans la politique extérieure de la République romaine. Bruxelles, 1969.
470. *Lotze D.* Μεταξύ ἐλευθερῶν καὶ δουλῶν. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4 Jahrhundert v. Chr. Berlin, 1959.
471. *Luce T. J.* Marius and the Mithridatic Command // Historia. Bd. XIX. 1970. P. 161–194.
472. *Lund H. S.* Lysimachus. A Study in Early Hellenistic Kingdom. London; New York, 1992.
473. *Ma J.* Antiochos III and the Cities of Western Asia Minor. Oxford, 1999.
474. *Macurdy G. H.* Vassal-Queens and Some Contemporary Women in the Roman Empire. Baltimore, 1937.
475. *Magie D.* Rome and the City-States of Western Asia Minor from 200 to 133 B. C. // Anatolian Studies Presented to William Hepburn Buckler. Manchester, 1939. P. 161–186.
476. *Magie D.* The Political Status of the Independent Cities of Asia Minor in the Hellenistic Period // The Greek Political Experience. Princeton, 1941. P. 173–186.

477. *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor. Vol. I–II. Princeton, 1951.
478. *Malay H.* Letter of Antiochos III to Zeuxis with Two Covering Letters // EA. Ht. 10. 1987. S. 7–17.
479. *Manni E.* Roma e l'Italia nel Mediterraneo antico. Torino, 1973.
480. *Mansel A. M.* Yalova und Umgebung. Istanbul, 1936.
481. *Marcotte D.* Notice // Les géographes grecs. Tome I. Introduction générale. Pseudo-Scymnos. Circuit de la Terre. Texte établi et traduit par Didier Marcotte. Paris, 2002.
482. *Marek Ch.* Stadt, Ära und Territorium in Pontus-Bithynien und Nord-Galatia. Tübingen, 1993.
483. *Masson O.* Thraces et Celtes en Asie Mineure // EA. Ht. 7. 1986. P. 1–4.
484. *Mastrocinque A.* Studi sulle guerre Mithridatiche. Stuttgart, 1999.
485. *Mattingly H. B.* The Coinage of Mithridates III, Pharnakes and Mithridates IV of Pontus // Studies in Greek Numismatics in Memory of Martin Jessop Price. Ed. by R. Ashton and S. Hunter. London, 1998. P. 255–258.
486. *Mauersberger A.* Polybios-Lexicon. Bd. I. Lfg. 1–3. Berlin, 1956–1966.
487. *Maurenbrecher B. C.* Sallusti Crispi historiarum reliquiae. Fasc. II. Leipzig, 1893.
488. *McGing B. C.* Appian, Manius Aquilius, and Phrygia // GRBS. Vol. 21. 1980. P. 35–42.
489. *McGing B. C.* The Date of the Outbreak of the Third Mithridatic War // Phoenix. Vol. 38. № 1. 1984. P. 12–18.
490. *McGing B. C.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986.
491. *McGing B. C.* The Kings of Pontus: Some Problems of Identity and Date // RhM. Bd. 129. Ht. 3–4. 1986. P. 248–259.
492. *McGing B. C.* Appian's «Mithridateios» // ANRW. T. 2. Bd. 34. Teilband 1. Berlin; New York, 1993. P. 496–522.
493. *McGing B. C.* The Ephesian Customs Law and Third Mithridatic War // ZPE. Bd. 109. 1995. P. 283–288.
494. *McGushin P.* Commentary // Sallust. The Histories. Translated with Introduction and Commentary by P. McGushin. Vol. I–II. Oxford, 1992.
495. *McShane R. B.* The Foreign Policy of the Attalids of Pergamum. Urbana, 1964.

496. *Mehl A.* «Δορίκτητος χώρα». Kritische Bemerkungen zum «Speererwerb» in Politik und Völkerrecht der hellenistischen Epoche // *AncSoc.* Vol. 11–12. 1981. S. 173–212.
497. *Mehl A.* Seleukos Nikator und sein Reich. Lovanii, 1986.
498. *Meißner B.* Historiker zwischen Polis und Königshof. Studien zur Stellung Geschichtsschreiber in der griechischen Gesellschaft in spätklassischer und frühhellenistischer Zeit. Göttingen, 1992.
499. *Mendel C.* Inscriptions de Bithynie // *BCH.* T. XXIV. 1900. P. 361–426.
500. *Meriçboyu Y., Atasoy S.* Izmit Kanlibağ tümülüsü // *Istanbul arkeoloji müzeleri yilligi.* 1969. C. 15–16. S. 67–95.
501. *Meritt B. D., Wade-Gier H. T., McGregor M. F.* The Athenian Tribute Lists. Vol. I–IV. Cambridge; Princeton, 1939–1953.
502. *Merkelbach R.* Hat der Bithynische Erbfolgekrieg im Jahr 74 oder 73 begonnen? // *ZPE.* Bd. 81. 1990. S. 97–100.
503. *Merkelbach R.* Nikaia die Rankenreich (ΗΑΙΚΟΡΗ). Ein übersehenes Fragment aus Arrians Bithyniaka // *EA.* Ht. 5. 1985. S. 1–3.
504. *Merkelbach R., Blümel W.* Grabepigramm auf Mokazis // *EA.* Ht. 25. 1995. S. 67–69.
505. *Merle H.* Die Geschichte der Städte Byzantion und Kalchedon. Kiel, 1916.
506. *Meyer Ed.* Geschichte des Königreichs Pontos. Leipzig, 1879.
507. *Meyer Ed.* Bithynia // *RE.* Bd. III. 1898. Sp. 507–524.
508. *Meyer Ern.* Die Grenzen der hellenistischen Staaten in Kleinasien. Zürich; Leipzig, 1925.
509. *Miller J.* Byzantion // *RE.* Bd. III. 1898. Sp. 1116–1158.
510. *Mihailov G.* Population et onomastique d'Asie Mineure en Thrace // *Pulpudeva.* 2. Sofia, 1978. P. 68–78.
511. *Miron D.* Transmitters and Representatives of Power: Royal Women in Ancient Macedonia // *AncSoc.* Vol. 30. 2000. P. 47–59.
512. *Mitchell S.* Onomastic Survey of Mysia and the Asiatic Shore of the Propontice // *Pulpudeva.* 2. Sofia, 1978. P. 119–127.
513. *Mitchell S.* Anatolia. Land, Men and Gods in Asia Minor. Vol. I. The Celts in Anatolia and the Impact of Roman Rule. Oxford, 1993.
514. *Moraux P.* L'établissement des Galates en Asie Mineure // *IstMitt.* Bd. VII. 1957. P. 56–75.
515. *Moreno P.* Scultura ellenistica. Vol. I–II. Roma, 1994.

516. *Mørkholm O.* The Coinages of Ariarathes VI and Ariarathes VII of Cappadocia // Schweizerische Numismatische Rundschau. Bd. 57. 1978. P. 144–163.
517. *Mørkholm O.* Some Reflections on the Production and Use of Coinage in Ancient Greece // Historia. Bd. XXXI. Ht. 3. 1982. P. 290–305.
518. *Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage. From the Accession of Alexander to the Peace of Apamea (336–188 B. C.) / Ed. by Ph. Grierson and U. Westermark. Cambridge etc., 1991.
519. *Mossé C.* Les dependants paysans dans le monde grec à l'époque archaïque et classique // Terre et paysans. Dependents dans les sociétés antiques avec le concours. Colloque international tenu à Besançon 1974 / Préf. de E. Ch. Welskopf. Paris, 1979. P. 85–98.
520. *Müller O.* Antigonos Monophthalmos und «Das Jahr der Könige». Bonn, 1973.
521. *Münzer.* Cornelius (337) // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1471–1483.
522. *Münzer.* Octavius (17) // RE. Bd. XVII. Hbbd. 34. 1937. Sp. 1810–1814.
523. *Niese B.* Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd. I–III. Gotha, 1893–1903.
524. *Nissen H.* Kritische Untersuchungen über die Quellen der vierten und fünften Dekade des Livius. Berlin, 1863.
525. *Nolte E.* De rebus gesti Bithynorum usque ad Prusiam I mortem. Halle, 1861.
526. *Oberhammer.* Astai // RE. Bd. II. 1896. Sp. 1772–1773.
527. *Ogden D.* Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties. London; Swansea, 1999.
528. *Ogüt S., Şahin S.* Katalog der bithynischen Inschriften in archäologischen Museum von Istanbul // EA. Ht. 8. 1986. S. 109–128.
529. *Ogüt-Polat S., Şahin S.* Katalog der bithynischen Inschriften in archäologischen Museum von Istanbul // EA. Ht. 5. 1985. S. 97–124.
530. *Ohlemutz E.* Die Kulte und Heiligtümer der Götter in Pergamon. Würzburg, 1940.
531. *Olmstead A. T.* History of the Persian Empire. Chicago, 1957.
532. *Olshausen E.* Μῆνας // RE. 1970. Spplbd. XII. Sp. 862–863.
533. *Olshausen E.* Mithridates VI und Rom // ANRW. Bd. I. 1972. S. 806–815.

534. *Olshausen E.* Prosopographie der hellenistischen Königsgesandten. Teil I. Von Triparadeisos bis Pydna. Lovanii, 1974.
535. *Olshausen E.* Pontos // RE. Spplbd. XV. 1978. Sp. 396–442.
536. *Olshausen E.* Götter, Heroen und ihre Kulte in Pontos — eine erste Bericht // ANRW. T. II. Bd. 18. Teilband 3. Berlin; New York, 1990. S. 1865–1906.
537. *Orth W.* Königlicher Machtanspruch und städtische Freiheit. München, 1977.
538. *Osborne M. J., Byrne S. G.* The Foreign Residents of Athens. An Annex to the Lexicon of Greek Personal Names: Attica. Lovanii, 1996.
539. *Otto H.* Achämenidische Kleinkunst in Anatolien // Antike. 1932. Bd. 17. Ht. 1. S. 81–88.
540. *Otto W.* Zu den Syrischen Kriege der Ptolemäer // Philologus. Bd. LXXXVI. 1931. S. 405–420.
541. *Panitschek P.* Zu den genealogischen Konstruktionen der Dynastien von Pontos und Kappadokien // RSA. 1987–1988. Vol. XVII–XVIII. S. 73–95.
542. *Pape W., Benseler G. E.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd. I–II. Graz, 1959.
543. *Parke H. W.* The Attribution of the Oracles in Zosimus, *New History* 2. 37 // CQ. Vol. 32. 1982. P. 441–444.
544. *Parke H. W.* The Oracles of Apollo in Asia Minor. London; Sydney; Dover, 1985. P. 179–180.
545. *Parke H. W.* Sibyls and Sibylline Prophecy in Classical Antiquity / Ed. by B. C. McGing. London; New York, 1988.
546. *Pédech P.* La méthode historique de Polybe. Paris, 1964.
547. *Peek W.* Metrische Inschriften // Mnemosynon Theodor Wiegand. München, 1938. S. 14–42.
548. *Perrot C.* Exploration archéologique en Galatie, Bithynie et Pontos. Paris, 1879.
549. *Pfuhl E., Möbius H.* Die Ostgriechischen Grabreliefs. Bd. I–II. Mainz-am-Rhein, 1979.
550. *Picard O.* Numismatique et iconographie: le cavalier macédonien // BCH. Suppl. XIV. Iconographie classique et identités régionales. Paris, 1986. P. 67–76.
551. *Polito R.* On the Life of Asclepiades of Bithynia // JHS. Vol. 119. 1999. P. 40–66.
552. *Pollak Ph.* A Bithynian Hoard of the First Century B. C. // ANSMusN. Vol. 16. 1970. P. 45–56.

553. *Possenti U.* Il re Lisimaco di Tracia. Torino etc., 1901.
554. *Preuner E.* Aus alten Papieren // AM. Bd. 46. 1921 (non vidi).
555. *Ramsay W. M.* The Historical Geography of Asia Minor. London, 1890.
556. *Rawson E.* Roman Tradition and the Greek World // CAH². Vol. VIII. 1989. P. 422–476.
557. *Rea J. R.* A New Bithynian Month List // ZPE. 1992. Bd. 90. P. 289–291.
558. *Reger G.* The Date of the Battle of Cos // AJAH. Vol. 10. № 2. 1985. P. 155–177.
559. *Reinach A.* Les mercenaires et les colonies militaires de Pergame // RA. Ser. 4. T. XII. 1908. P. 164–188.
560. *Reinach Th.* Essai sur la numismatique des rois de Bithynie // RN. 1887. P. 220–248, 337–368.
561. *Reinach Th.* Numismatique ancienne: Trois royaumes de l'Asie Mineure: Cappadoce, Bithynie, Pont. Paris, 1888.
562. *Reinach Th.* Mithridates Eupator, König von Pontos. Leipzig, 1895.
563. *Reinach Th.* L'Histoire par les Monnaies. Essais de numismatique ancienne. Paris, 1902.
564. *Remy B.* L'évolution administrative de l'Anatolie aux trois premiers siècles de notre ère. Lyon, 1986.
565. *Reynolds J.* Aphrodisias and Rome. Documents from the Excavation of the Theatre at Aphrodisias Conducted by Professor Kenan T. Erim, together with some related texts / JRS, Monograph № 1. London, 1982.
566. *Rider le G.* Un tetradrachme de Prusias I de Bithynie // Archéologie et religions de l'Anatolie ancienne. T. 10. Louvian-la-Neuve, 1983. P. 167–172.
567. *Ridley R.* The Dictator's Mistake: Caesars Escape from Sulla // Historia. 2000. Bd. XLIX. Ht. 2. P. 211–229.
568. *Rigsby K.* Asyilia. Territorial Inviolability in the Hellenistic World. Berkeley; Los Angeles; London, 1996.
569. *Ritter H.-W.* Diadem und Königsherrschaft. Untersuchungen zu Zeremonien und Rechtsgrundlagen der Herrschaftsantritts bei den Persern, bei Alexander dem Großen und im Hellenismus. München, 1965.
570. *Robert L.* Études anatoliennes. Paris, 1937.
571. *Robert L.* Inscriptions de la région de Yalova en Bithynie // Hellenica. T. VII. 1949. P. 30–44.

572. *Robert L.* Laodiceé du Lycos, Le Nymphée. Paris, 1969.
573. *Robert L.* Noms indigènes dans l'Asie-Mineure Gréco-Romaine. Paris, 1963.
574. *Robert L.* Dédicace à Hérakles et aux Nymphes // *Robert L.* Opera minora selecta. T. I. Amsterdam, 1969. P. 402–406.
575. *Robert L.* Inscriptions relatives à medicines. 3. Inscription de Lambese // *Robert L.* Opera minora selecta. Vol. III. Amsterdam, 1975. P. 1319–1323.
576. *Robert L.* A travers l'Asie Mineure. Poètes et prosateurs, monnaies grecques, voyageurs et géographie. Paris, 1980.
577. *Robert J., Robert L.* // Bulletin Épigraphique. 1953. P. 155–158.
578. *Rogers R. W.* A History of Ancient Persia from its Earliest Beginnings to the Death of Alexander the Great. New York; London, 1929.
579. *Rostovtzeff M. I.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I–III. Oxford, 1941.
580. *Rostovtzeff M. I., Ormerod H. A.* Pontus and its Neighbours: the First Mithridatic War // CAH¹. Vol. IX. 1932. P. 211–260.
581. *Rostowzew M. I.* Studien zur Geschichte des Römischen Kolonates. Leipzig; Berlin, 1910.
582. *Roussel P.* Délos, colonie athénien. Paris, 1916.
583. *Roy-Vaillant J.* Arsacidarum imperium II: Achaemenidarum imperiam sive regum Ponti, Bosphori et Bithyniae Historiae ad fidem numismatum accommodata. Paris, 1728 (non vidi).
584. *Ruge.* Kalchedon // RE. Bd. X. 1919. Sp. 1555–1559.
585. *Ruge O.* Tieion // RE. Bd. VI. A 1. 1936. Sp. 856–862.
586. *Ruge W.* Nikaia (7) // RE. Bd. XVII. 1936. Sp. 226–243.
587. *Ruge W.* Nikomedeia // RE. Bd. XVII. 1936. Sp. 468–492.
588. *Rumscheid F., Held W.* Erinnerungen an Mokazis. Eine neugefundene Stockwerkstele aus dem bithynischen Tarsos // IstMitt. Bd. 44. 1994. S. 89–106.
589. *Şahin S.* Neufunde von antiken Inschriften in Nikomedeia (Izmit) und in der Umgebung der Stadt. Münster, 1974.
590. *Şahin S.* Bithynische Studien / IK. Bd. 7. Bonn, 1978.
591. *Şahin S.* Studien über die Probleme der historischen Geographie des nordwestlichen Kleinasien // EA. Ht. 7. 1986. S. 125–167.
592. *Şahin S.* Katalog der antiken Inschriften des Museums von Iznik (Nikaia) / IK. Bd. 10. T. I–II, 3. Bonn, 1979–1987.
593. *Sands P. C.* The Client Princes of the Roman Empire under the Republic. Cambridge, 1908.

594. *Sauter H.* Studien zur Kimmerierproblem / Saarbrücker Beiträge zur Alterstumskunde. Bd. 72. Saarbücken, 2000.
595. *Scafuro A. C.* Prusias II of Bithynia and Third Party Mediation // *Historia*. 1987. Bd. XXXVI. Ht. 1. P. 28–37.
596. *Scardigli B.* Sertorio: problemi cronologici // *Athenaeum*. Vol. 49. № 3–4. 1971. P. 229–270.
597. Schenkungen hellenisitscher Herrscher an griechische Städte und Heiligtümer. T. I. Zeugnisse und Kommentare / Hrsg. v. K. Bringmann und H. v. Steuben. Berlin, 1995.
598. *Schmidt E. F.* Persepolis. I. Structures. Reliefs. Inscriptions. Chicago, 1953.
599. *Schmitt H. H.* Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und Seiner Zeit. Weisbaden, 1964.
600. *Schneiderwirth H.* Das Pontische Herakleia. Heiligenstadt, 1885.
601. *Schönert-Geiss E.* Griechische Münzwerk. Die Münzprägung von Byzantion. T. 1. Berlin, 1970.
602. *Schönert-Geiss E.* Bithynien // *Chiron*. Bd. 8. 1978. S. 607–658.
603. *Schottky M.* Media Atropatena und Gross-Amenien in hellenistischer Zeit. Bonn, 1989.
604. *Schottky M.* Nikomedes (2, 4–6) // *Der Neue Pauly*. Bd. 8. Stuttgart, 2000. Sp. 930–932.
605. *Schwertheim E.* Studien zur historischen Geographie Mysiens // *EA*. Ht. 11. 1988. S. 65–78.
606. *Schuller W.* Die Herrschaft der Athener im Ersten Attischen Seebund. Berlin; New York, 1974.
607. *Scullard H. H.* Roman Politics. 220–150 B. C. Oxford, 1951.
608. *Segre M.* Due nuovi testi storici // *RFIC*. 1932. Vol. XL. P. 446–451.
609. *Segre M.* L'institution des Niképhoria de Pergame // *Hellenica*. T. 5. 1948. P. 101–128.
610. *Seibert J.* Historische Beiträge zu den Dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. Weisbaden, 1967.
611. *Seibert J.* Hannibal. Darmstadt, 1993.
612. *Sekunda N.* Hellenistic Infantry Reform in the 160'th B. C. Łódź, 2001.
613. *Sergent B.* Les premiers celtes d'Anatolie // *REA*. T. XC. № 3–4. 1988. P. 329–358.
614. *Sevrugian E.* ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΙΘΥΝΩΝ ΖΙ ΑΗΛΑΣ // *Schweizer Munzblätter*. Bd. 23. 1973. S. 33–41.

615. *Seyrig H.* Monnaies hellénistiques de Byzance et de Chalcedonie // *Essays in Greek Coinage Presented to Stanley Robinson.* Oxford, 1968. P. 183–200.
616. *Sherwin-White A. N.* *The Letters of Pliny. A Historical Commentary.* Oxford, 1966.
617. *Sherwin-White A. N.* Roman Involvement in Anatolia, 167–88 B. C. // *JRS.* Vol. LXVII. 1977. P. 62–75.
618. *Sherwin-White A. N.* *The Opening of the Mithridatic War // Φιλίας χάριν. Miscellanea di studi classici in onore di Eugenio Manni.* Vol. VI. Roma, 1980. P. 1981–1995.
619. *Sherwin-White A. N.* *Roman Foreign Policy in the East.* 168 B. C. to A. D. I. London, 1984.
620. *Sherwin-White S. M.* *Ancient Cos. An Historical Study from the Dorian Settlement to the Imperial Period.* Göttingen, 1978.
621. *Simonetta B.* *The Coins of the Cappadocian Kings.* Fribourg, 1977.
622. *Simpson R. H.* Antigonos the One-Eyed and the Greeks // *Historia.* Bd. VIII. Ht. 4. 1959. P. 385–409.
623. *Slavova M.* Die thrakischen Frauennamen aus Bulgarien. Nachträge und Berichtigungen // *Orpheus.* Vol. 5. Sofia, 1995. P. 39–43.
624. *Smith C., Rustafjaell R. de.* *Inscriptions from Cyzicus // JHS.* Vol. XXII. 1902. P. 190–207.
625. *Sölch J.* Bithynische Städte im Altertum // *Klio.* Bd. 19. 1924. S. 140–188.
626. *Sommer K.* Cius or Prusias? // *The Numismatic Chronicle.* Vol. 156. 1996. P. 149–155.
627. *Sordi M.* La legatio in Cappadocia di C. Mario nel 99–98 a. C. // *RIL.* Vol. 107. 1973. P. 370–379.
628. *Souza Ph. de.* *Piracy in the Graeco-Roman World.* Cambridge, 1999.
629. *Die Staatsverträge des Altertums.* Bd. II. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr. / Hrsg. v. H. Bengtson. München; Berlin, 1962.
630. *Die Staatsverträge des Altertums.* Bd. III. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 338 bis 200 v. Chr. / Hrsg. v. H. H. Schmitt. München, 1969.
631. *Städter Ph. A.* *Arrian of Nikomedia.* Chapell Hill, 1980.
632. *Stähelin F.* *Geschichte der Kleinasiatischen Galater.* Leipzig, 1907.
633. *Stähelin F.* Laodika (22) // *RE.* Bd. 12. 1924. Sp. 710–711.
634. *Stähelin F.* Tolistobogioi // *RE.* Hbbd. 12. 1937. Sp. 1673–1677.

635. *Strobel K.* Die Galater im hellenistischen Kleinasien: Historische Aspekte einer keltischen Staatenbildung // Hellenistische Studien. Gedanksschrift für Herrman Bengtson. München, 1991.
636. *Strobel K.* Galatien und seine Grenzregionen. Zu Fragen der historischen Geographie Galatiens // AMS. Bd. XII. Forschungen in Galatien. Bonn, 1994. S. 29–65.
637. *Strobel K.* Keltensieg und Galatersieg // AMS. Bd. XII. Forschungen in Galatien. Hrsg. v. E. Schwertheim. Bonn, 1994. S. 67–96.
638. *Strobel K.* Astakos // Der Neue Pauly. Bd. 2. Stuttgart, 1997 Sp. 116–117.
639. *Strobel K.* Bithynia // Der Neue Pauly. Bd. 2. Stuttgart, 1997. Sp. 698–700.
640. *Strobel K.* Die Galater. Geschichte und Eigenart der keltischen Staatenbildung auf dem Boden des hellenistischen Kleinasien. Bd. 1. Untersuchungen zur Geschichte und historischen Geographie der hellenistischen und römischen Kleinasien I. Berlin, 1996.
641. *Strobel K.* Mithridates VI Eupator von Pontos. Politisches Denken in hellenistischer Tradition versus römische Macht. Gedanken zur Geschichtlichen Stellung und zum Scheitern des letzten großen Monarchen der hellenistischen Welt // Orbis Terrarum. Bd. 2. 1996. S. 145–190.
642. *Strobel K.* Nikomedia // Der Neue Pauly. Stuttgart, 2000. Bd. 8. Sp. 928–929.
643. *Strobel K.* Prusa // Der Neue Pauly. Stuttgart, 2001. Bd. 9. Sp. 490–491.
644. *Strobel K.* Prusias (1, 2, 3) // Der Neue Pauly. Stuttgart, 2001. Bd. 9. Sp. 491–492.
645. *Stronk J. P.* Ten Thousand in Thrace. Amsterdam, 1995.
646. *Stumpf G. R.* Numismatische Studien zur Chronologie der römischen Statthalter in Kleinasien (122 v. Chr. — 163 n. Chr.). Saarbrücken, 1991.
647. *Sullivan M. P.* International relations. Englewood Cliffs, 1976.
648. *Sullivan R. D.* The Dynasty of Cappadocia // ANRW. T. II. Bd. 7. Teilband 2. 1980. P. 1125–1168.
649. *Sullivan R. D.* Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 B. C. Toronto, 1990.
650. *Syme R.* Anatolica. Studies in Strabo / Ed. by A. Birley. Oxford, 1995.

651. *Tarn W. W.* The First Syrian War // *JHS*. Vol. 46. № 2. 1926. P. 155–162.
652. *Tarn W. W.* The New Hellenistic Kingdoms // *CAH*¹. Vol. VIII. 1928. P. 75–108.
653. *Tarn W. W.* The Struggle of Egypt against Syria and Macedonia // *CAH*¹. Vol. VIII. 1928. P. 699–731.
654. *Tarn W. W.* The Hellenistic Military and Naval Development. New York, 1966.
655. *Tarn W. W.* Antigonos Gonatas. Oxford, 1969.
656. *Thompson M.* Byzantium over Aesillas // *RN*. Ser. 6. T. 15. 1973. P. 54–65 (non vidi).
657. *Thornton J.* Una città e due regine. *Eleutheria* e lotta politica a Cizico fra gli Attalidi e I Giulio Claudi // *MedAnt*. Fasc. 2. 1999. P. 397–438.
658. *Tischler J.* Kleinasiatische Hydronymie. Wiesbaden, 1977.
659. *Toepffer J.* Astakos // *Hermes*. 1896. Bd. XXXI. S. 124–136.
660. *Tomaschek W.* Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung. Bd. I–II. Osnabrück, 1975.
661. *Tonnet H.* Recherches sur Arrien. Sa personalite et ses ecrits atticistes. T. I–II. Amsterdam, 1998.
662. *Treves P.* Les documentes apocryphes du «Pro Corona» // *EC*. T. IX. 1940. P. 150–164.
663. *Treves P.* Note on Walbank's Philip V of Macedon // *JHS*. Vol. LXIII. 1943. P. 117–120.
664. *Treves P.* Balance of Power Politics in Classical Antiquity // Доклады XIII Международного конгресса исторических наук. Секция древней истории. М., 1973. P. 5–30.
665. *Tscherikower V.* Die hellenistischen Stadtgrundlagen von Alexander dem Großen bis auf die Römerzeit // *Philologus*. Suppl. 19.1. Leipzig, 1927.
666. *Ullrich H.* De Polybii fontibus Rhodii. Leipzig, 1898.
667. *Vassileva M.* Thracian-Phrygian Cultural Zone: The Daskyleion Evidence // *Orpheus*. Vol. 5. Sofia, 1995. P. 27–34.
668. *Vassileva M.* Interactions in the Thracian-Phrygian Cultural Zone // The Thracian World on the Crossroads of Civilization. Reports and Summaries of the 7-th International Congress of Thracology. Bucharest, 1996. P. 164–165.
669. *Vassileva M.* A New Phrygian Onomastic Notes // *EA*. Ht. 31. 1999. P. 175–180.

670. *Vinogradov Ju. G.* Der Staatsbesuch von «Isis» nach dem Bosphoros // *AncCiv.* Vol. 5. Fasc. 4. 1999. S. 271–302.
671. *Vinogradov Ju. G.* Zur Klassifizierung der griechisch-barbarischen Abhängigkeitsverhältnisse der vorrömischen Zeit in pontischen Raum // *Hellenismus. Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters / Akten des Internationalen Hellenismus-Kolloquiums 9–14. März 1994 in Berlin.* Hrsg. v. B. Funk. Tübingen, 1997. S. 427–437.
672. *Virgilio B.* Il «Tepio stato» di Pessinunte fra Pergamo e Roma nel II–I secolo A. C. (C. B. Welles, *Roy. corr.*, 55–61). Pisa, 1981.
673. *Virgilio B.* Epigrafia e storiografia: Studi di storia antica. Pisa, 1988.
674. *Vitucci C.* Il regno di Bitinia. Roma, 1953.
675. *Waddington W. H., Babelon E., Reinach Th.* Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. T. I. Paris, 1908.
676. *Walbank F. W.* Philip V of Macedon. Cambridge, 1940.
677. *Walbank F. W.* A Historical Commentary on Polybios. Vol. I–III. Oxford, 1957–1979.
678. *Walbank F. W.* The Hellenistic World. London, 1981.
679. *Walbank F. W.* Monarchies and Monarchic Ideas // *CAH²*. Vol. VII. Part. 2. 1984. P. 64–100.
680. *Walbank F. W.* The Hellenistic World: New Trends and Directions // *SCI.* 1991–1992. Vol. XI. P. 90–113.
681. *Ward A. M.* Caesar and the Pirates II. The Elusive M. Iunius Iuncus and the Year 75–4 // *AJAH.* Vol. II. 1977. P. 26–36.
682. *Welles C. B.* Royal Correspondance in the Hellenistic Period. New Haven, 1934.
683. *Welwei K.-W.* Könige und Königtum im Urteil des Polybios. Herbede, 1963.
684. *Welwei K. W.* Amyanedrs ὄνομα τῆς βασιλείας und sein Besuch in Rom // *Welwei K. W.* Polis und Arché. Kleine Schriften zu Gesellschafts- und Herrschaftsstrukturen in der griechischen Welt / Hrsg. v. M. Meier. Stuttgart, 2000. S. 385–389.
685. *Wiemer H.-U.* Krieg, Handel und Piraterie. Untersuchungen zur Geschichte des hellenistischen Rhodos. Berlin, 2002.
686. *Wilhelm A.* Eine Inschrift des Königs Nikomedes Epiphanes // *JÖAI.* Bd. XI. 1908. S. 75–82.
687. *Will É.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). T. I–II. Nancy, 1982.

688. *Will É.* The Formation of the Hellenistic Kingdoms // *CAH*². Vol. VII. Part. I. 1984 p. 101–117.
689. *Wilson D. R.* The Historical Geography of Bithynia, Paphlagonia and Pontus in the Greek and Roman Periods. Thes. Oxford, 1960.
690. *Witczak K. T.* Two Bithynian Deities in the Old and New Phrygian Inscriptional Texts // *Folia Orientalia*. 1992–1993. Vol. 29. p. 265–269.
691. *Wörle M.* Antiochos I, Achaïos der Ältere und die Galater: Eine neue Inschrift in Denizli // *Chiron*. Bd. V. 1975. S. 59–87.
692. *Wroth W.* Catalogue of Greek Coins. Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the Kingdom of Bosphoros. London, 1889.
693. *Wright Q.* A Study of War. Vol. I–II. Chicago, 1942.
694. *Zgusta L.* Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964.
695. *Zgusta L.* Kleinasiatische Ortsnamen. Heidelberg, 1984.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение.....	9
<i>Глава I. ВИФИНИЯ: СТРАНА И НАРОД</i>	45
§ 1. Природно-географические условия северо-западной Малой Азии. Некоторые проблемы исторической географии Вифинии	45
§ 2. Формирование вифинского этноса в Анатолии. Этническая история Вифинии	55
<i>Глава II. ВИФИНИЯ НА РУБЕЖЕ КЛАССИЧЕСКОЙ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХ</i>	93
§ 1. Вифиния в составе державы Ахеменидов	93
§ 2. Зипойт I и диадохи	128
<i>Глава III. РАСЦВЕТ ВИФИНСКОГО ЦАРСТВА</i>	167
§ 1. Утверждение Вифинского царства на международной арене при Никоমেде I и Зизле	167
§ 2. <i>Προυσίας, δραστήριος... καὶ πολλὰ πράξας</i> (Метп., FGrH, 434, F. 19, 1): государственная деятельность Прусия I	226
<i>Глава IV. ВИФИНИЯ И РИМ: ОТ «ДРУЖБЫ И СОЮЗА» К АННЕКСИИ</i> ...	297
§ 1. Начало кризиса: правление Прусия II	297
§ 2. «Мирное» сорокалетие	335
§ 3. <i>Μεταξὺ Σκύλλας καὶ Χαρίβδευος:</i> Вифиния в борьбе Рима с Понтийским царством ...	349

<i>Глава V. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ ВИФИНСКОГО ЦАРСТВА</i>	415
§ 1. Царская власть в эллинистической Вифинии	415
§ 2. Греческий полис в составе Вифинской монархии ...	458
<i>Заключение</i>	505
<i>Приложение I. Вифинские личные имена</i>	515
<i>Приложение II. Хронологическая таблица. Основные события истории Вифинии</i>	524
<i>Список сокращений</i>	528
<i>Список использованных источников и литературы</i>	532

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ»
готовит к выходу в свет в ближайшее время
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Хофмайстер Хаймо. Воля к войне, или Бессилие политики / Пер. с нем. и послесл. О. А. Коваль. — Перепл., 84×108/32, 352 стр., тираж 1500 экз.

Новая книга современного немецкого философа Хаймо Хофмайстера, уже известного российскому читателю по своему фундаментальному труду «Что значит мыслить философски», посвящена осмыслению феномена войны. Автор не только выявляет и прослеживает неразрывную связь между войной, политикой и государством, но и делает попытку вскрыть онтологические структуры самой войны. В противовес теории Клаузевица, где война понимается как «продолжение политики иными средствами», Хофмайстер весьма обстоятельно и последовательно проводит мысль о том, что война сегодня — не средство политики, а, напротив, ее отрицание; именно бессилие политики порождает войну, в том числе и наиболее злокачественную ее форму — терроризм. В поисках возможного пути выхода из кризиса, в котором находится современный мир вследствие сложившейся весьма сложной культурно-антропологической ситуации, Хаймо Хофмайстер вступает в плодотворный диалог с такими мыслителями, как Цицерон и Макиавелли, Кант и Гегель, Арон и Фуко.

Книга, без сомнения, вызовет интерес не только у профессиональных философов, историков, социологов и политологов, но и у самого широкого круга читателей, ибо затрагивает проблемы, небезразличные любому мыслящему человеку, задумывающемуся над вопросами о путях дальнейшего развития цивилизации и о самом выживании человечества как вида.

Сидоров А. И. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. — Перепл., 84×108/32, 352 стр., тираж 1000 экз. (Серия «Studia classica»).

Монография московского историка-медиевиста А. И. Сидорова посвящена культуре историописания в каролингский период. Впервые в отечественной историографии на примере важнейших исторических сочине-

ний второй половины VIII — начала X в. предпринята попытка комплексного изучения наследия каролингских историков, приемов и методов их работы, а также форм бытования исторического знания, механизмов его фиксации, трансляции, способов его адаптации к потребностям различных социальных групп. Автор поднимает и рассматривает широкий круг интереснейших вопросов: кто, как и зачем писал исторические сочинения; из каких источников писатели-историки черпали сведения; как обрабатывали и переосмысливали полученную информацию; на какую аудиторию они ориентировались; как сочетали собственный интерес с потребностями своих читателей; как, наконец, исторические сочинения того времени «прочитывались» их современниками и потомками? Заключает исследование обобщающий очерк историографической культуры каролингского времени. В качестве Приложения в книге впервые публикуется русский перевод «Деяний мецских епископов» Павла Диакона.

Хороший язык автора, помогающий ему доходчиво и просто говорить о сложных научных проблемах, а также его умение воссоздать неповторимый историко-культурный контекст эпохи, делают данную книгу интересной не только для специалистов-историков, но и для всех интересующихся историей и культурой Средневековья.

Симон Гельмут. Войны Рима в Испании 154—133 гг. до н. э. / Пер. с нем. и вступ. ст. А. Короленкова. — Перепл., 84×108/32, 288 стр., тираж 1200 экз. (Серия «Studia classica»).

Книга немецкого антиковеда Гельмута Симона является, пожалуй, единственным специальным монографическим исследованием, посвященным войнам Рима в Испании в 154—133 гг. до н. э., которые окончательно утвердили римское господство на Пиренейском полуострове. Автор раскрывает историю испанских войн в тесной взаимосвязи с внутривосточной историей Рима того времени. Перед нами проходят образы видных полководцев и политических деятелей эпохи — Вириата, Марка Клавдия Марцелла, Децима Юния Брута, Публия Корнелия Сципиона Эмилиана. Центральным сюжетом книги являются Нумантинская и Вириатова войны, когда во всем блеске проявилась доблесть кельтиберов и лузитан. Демонстрируя отвагу и стойкость испанцев, бездарность и алчность многих римских военачальников, Г. Симон не склоняется, однако, к упрощенным историческим схемам деления на «плохих» и «хороших», и испанцы далеко не всегда предстают на страницах его работы как бескорыстные и справедливые «борцы за свободу».

Великолепное владение автора материалом, строгая научность, историческая объективность и хороший язык, несомненно, делают эту книгу интересной как для специалистов-антиковедов, так и для всех, кто интересуется историей Римской республики.

Издательский Центр «Гуманитарная Академия»
осуществляет и принимает заказы
на все виды издательской деятельности, в том числе:

- **Изготовление оригинал-макета:** сканирование и набор текста, разработка дизайна оригинал-макета, компьютерная верстка, высококачественное художественное оформление, вывод текста на зеркальных типографских пленках;
- **Предтипографская подготовка текста:** литературное, научное и техническое редактирование, корректура текста;
- **Переводы** с английского, немецкого, французского, латинского и древнегреческого языков;
- **Изготовление тиражей книгопечатной продукции** от малых (100–300 экз.) до стандартных (5000–10000 экз.).

Приглашаем к сотрудничеству авторов, переводчиков, художников-оформителей, верстальщиков, наборщиков, а также Фонды, организации.

Обращаться по тел.: (812) 430-94-94.

Пишите нам по адресу:

194017, Санкт-Петербург, пр. Энгельса, д. 55, кв. 26,

или по электронной почте: gimak@mail.ru

Научное издание

Олег Леонидович Габелко

ИСТОРИЯ ВИФИНСКОГО ЦАРСТВА

Директор издательства *Ю. С. Довженко*

Ответственный редактор *Е. А. Кий*

Художник *П. П. Лосев*

Оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Лицензия ЛП № 000333 от 15.12.1999

Издательский Центр «Гуманитарная Академия»,
194044, Санкт-Петербург, наб. Черной речки, д. 18.

ISBN 5-93762-022-4

9 785937 620224

Подписано в печать 10.10.2005. Формат 84×108¹/₃₂.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,2. Тираж 1000 экз. Заказ № 189.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии Издательства
СПбИИ РАН «Нестор-История», 197110, СПб., ул. Петрозаводская, 7.

Тел.: (812) 2351586. E-mail: nestor_historia@list.ru